This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

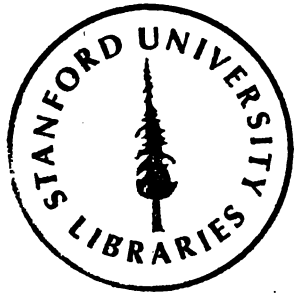
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`


STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Про книгоиздателя Маркевича

СОЧИНЕНІЯ

К. КАВЕЛИНА.

9/906. Кавелин, К.

СОЧИНЕНІЯ

К. КАВЕЛИНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

Цѣна за 4 части 5 р. сер.

152/94

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.

1859.

AC65
K34
1859
v2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Спб. марта 23 дня 1859 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

XII. 6
1660

II.

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ
И
РЕЦЕНЗІИ.

СИМБИРСКІЙ СБОРНИКЪ. *Историческая часть. Томъ I. Москва. 1845*[1]).

Подъ этимъ названіемъ вышла въ Москвѣ первая часть Сборника матеріяловъ для исторіи и внутренняго быта древней, до-Петровской Россіи. Изъ предисловія видно, что одинъ изъ любителей русской старины, посѣтившій въ 1837 году Симбирскъ, подалъ издателямъ «Сборника», гг. Языковымъ, Хомякову и Валуеву мысль разобрать архивы дворянъ Симбирской губерніи. Многіе изъ нихъ охотно на это согласились, и одинъ поверхностный пересмотръ нѣкоторыхъ частныхъ архивовъ заставилъ издателей рѣшиться собрать важнѣйшіе изъ открытыхъ въ нихъ документовъ и напечатать ихъ подъ названіемъ «Симбирскаго Сборника». Въ послѣдствіи, предпріятіе разширилось. Редакторы пріобрѣли много важныхъ рукописей. Другіе, большею частью то же жители или уроженцы Симбирской губерніи, предложили имъ свои архивы и бумаги, въ томъ числѣ г. Тургеневъ, извѣстный собиратель актовъ, относящихся къ русской исторіи въ государственныхъ архивахъ Европы. Извѣстные знатоки русскихъ древностей, А. Д. Чертковъ, И. М. Снегиревъ и князь М. А. Оболенскій, начальникъ архива Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ, предложили редакторамъ свое содѣйствіе и открыли имъ богатыя библіотеки, нахо-

[1]) Отеч. Зап. Т. 41. Библ. хроника № 222.

дящіяся въ ихъ распоряженіи. Словомъ, съ накопленіемъ матеріяловъ въ рукахъ редакторовъ, первоначальная мысль и самый планъ «Сборника» должны были измѣниться. Изъ сборника однихъ актовъ и документовъ, хранящихся въ нѣкоторыхъ частныхъ архивахъ Симбирской губерніи, какимъ онъ долженъ былъ быть по первоначальному намѣренію редакторовъ, онъ обратился въ сборникъ всякаго рода важныхъ и интересныхъ документовъ по древней русской исторіи, которые только достались въ руки издателей, и потому по всей справедливости могъ бы носить болѣе общее заглавіе, какъ на примѣръ «Сборникъ матеріяловъ для древней русской исторіи» или другое. Но редакторы, потому ли, что они сами Симбиряне, или потому, что первая мысль объ изданіи сборника родилась вслѣдствіе разбора нѣкоторыхъ частныхъ архивовъ Симбирской губерніи, или по другимъ какимъ либо основаніямъ, — оставили за нимъ названіе «Симбирскаго Сборника» и посвятили его памяти Н. М. Карамзина, какъ извѣстно, уроженца Симбирской губерніи.

Изъ короткаго перечня однихъ главнѣйшихъ матеріяловъ видно, что въ рукахъ редакторовъ находятся рукописи и документы, весьма любопытные и важные для древней русской исторіи; такъ, напримѣръ, нѣсколько сказаній о важнѣйшихъ событіяхъ древней Руси: о взятіи Астрахани, объ Азовскомъ осадномъ сидѣніи, о царствованіи Бориса Годунова, о Дмитріѣ Самозванцѣ, о стрѣлецкихъ бунтахъ, о публичныхъ богословскихъ спорахъ старообрядцевъ съ патріархомъ Іоакимомъ; нѣсколько хронографовъ; восемь списковъ казанскаго лѣтописца, краткое описаніе Малороссіи съ XIV по XVIII вѣкъ; отписки городовъ между собою во время междоцарствія, — важное собраніе актовъ, служащихъ дополненіемъ къ другому собранію ихъ, помѣщенному во второмъ томѣ «Историческихъ Актовъ», изданныхъ Археографическою коммиссіею; сошное

письмо, и т. д. Изъ документовъ, относящихся къ исторіи новой Россіи — письма Петра Великаго къ Азовскому губернатору И. А. Толстому и адмиралтействъ совѣтнику А. В. Кикину. Наконецъ, въ составъ того же собранія входитъ до восьми-сотъ юридическихъ актовъ, большею частію относящихся къ XVII вѣку. Они служатъ поясненіемъ внутренняго управленія и быта Россіи въ эту эпоху, и будутъ то же отпечатаны въ Сборникѣ.

Всѣ эти и другіе матеріялы издатели раздѣлили слѣдующимъ образомъ: на историческіе въ тѣсномъ смыслѣ; юридическіе, относящіеся къ законодательству и управленію; бытовые, объясняющіе домашнюю жизнь, нравы и обычаи древней Россіи; мѣстные — касающіеся собственно до Симбирской и сосѣднихъ съ нею губерній. Въ видѣ особеннаго отдѣла, или дополненія къ «Сборнику», должны быть изданы документы и матеріялы, сообщенные г. Тургеневымъ, подъ названіемъ «Бумагъ Тургеневскихъ». Они не распредѣлены по другимъ отдѣламъ, къ которымъ могли и должны бы относиться, по желанію самаго г. Тургенева. Наконецъ, въ составъ «Сборника» предположено ввести и народныя пѣсни и древніе стихи, собранные издателями, если замедлится изданіе богатаго собранія народныхъ пѣсенъ, принадлежащаго П. В. Кирѣевскому.

Первый вышедшій теперь томъ «Сборника» посвященъ историческому отдѣлу матеріяловъ. Въ него вошли: «Разрядная Книга», обнимающая разряды отъ 1559 до 1602 года; «Родословная Роспись рода Кикиныхъ» и приложенные къ ней наказы и грамоты воеводѣ И. Ѳ. и стольнику В. П. Кикинымъ; наконецъ, собраніе отписокъ или донесеній кіевскаго воеводы князя Ю. П. Трубецкаго съ товарищи къ царю Алексію Михайловичу за 1673 — 1674 годъ, подъ названіемъ «Малороссійскихъ дѣлъ». Изъ этого видно, что въ первый томъ

Сборника» далеко не вошли всѣ историческіе матеріялы, находящіеся въ распоряженіи редакторовъ, а за этимъ выдетъ еще нѣсколько томовъ, относящихся къ тому же историческому отдѣлу.

Рязрядною книгою начинается сборникъ. Что значили разряды — всѣмъ извѣстно. При назначеніи чиновниковъ или служилыхъ людей въ военную или гражданскую или придворную службу, дѣлалась роспись или распорядокъ, кто и какое именно мѣсто долженъ былъ занимать. Такія росписи, или распорядки, назывались разрядами (отъ *разрядить*). Важная роль, которую играло въ древней Россіи родовое старшинство, придавала разрядамъ двоякое значеніе. Они не только были запиской извѣстнаго рода административныхъ распоряженій правительства, и, слѣдственно, документомъ чисто-историческимъ, но, вмѣстѣ съ родословцами, или родословными росписями, служили въ до-Петровской Россіи документомъ, на которомъ основывались мѣстничавшіеся въ спорахъ о старшинствѣ родовомъ и служебномъ. По этому вѣроятно, что списковъ разрядныхъ книгъ въ древней Россіи было множество. Но когда царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ рѣшился искоренить навсегда мѣстническіе споры (въ 1682 году), всѣ разрядныя книги и мѣстническія дѣла были сожжены, и всѣмъ вмѣнено въ обязанность прислать въ Разрядный приказъ такія дѣла и книги, подъ страхомъ «тяжкаго церковнаго запрещенія и государскаго гнѣва». Съ того времени разрядныя книги стали рѣдки, потому что практическое значеніе свое онѣ утратили, а историческими памятниками мы никогда очень не дорожили. Между тѣмъ, важность разрядныхъ книгъ для исторіи древней Россіи неоспорима. Не говоря уже о служебномъ и придворномъ распорядкѣ, который въ нихъ всегда обозначался съ точностью, въ нихъ записывались *или, правильнѣе*, обозначались всѣ мѣстническіе споры, и не

рѣдко вносились слово въ слово царскія рѣшенія по мѣстническимъ дѣламъ. Такимъ образомъ разрядныя книги становятся однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ для изученія исторіи нашего древняго дворянства, службы и мѣстничества— этого страннаго, до сихъ поръ не совсѣмъ разгаданнаго явленія, исключительно принадлежащаго русской жизни и русской исторіи. Къ сожалѣнію, этотъ источникъ еще мало обработанъ. Своднаго изданія разрядныхъ книгъ мы не имѣемъ, хотя едва ли можно будетъ въ послѣдствіи обойдтись безъ него. Первый издалъ разрядныя книги временъ Михаила Ѳедоровича и Алексія Михайловича Миллеръ въ 1769 году, подъ названіемъ «Повседневныхъ Записокъ». Онѣ обнимаютъ періодъ времени отъ 1632 до 1655 года. По остроумному замѣчанію одного изъ редакторовъ «Симбирскаго Сборника», такое заглавіе дано разряднымъ книгамъ вѣроятно потому, что время ихъ изданія было еще слишкомъ близко ко времени уничтоженія мѣстничества; ибо мы знаемъ, что, несмотря на соборное дѣяніе Ѳедора Алексіевича, мѣстничество жило въ обычаѣ долго и послѣ него, и даже при Петрѣ Великомъ, въ 1719 году, еще мѣстничались между собою члены коллегій. Самое «Росписаніе, какъ кому за кѣмъ въ губерніи слѣдовать въ торжественныя собранія», составляющее послѣднюю статью «Учрежденія для управленія губерній», изданнаго въ 1775 году, можетъ-быть, было отголоскомъ прежнихъ временъ. Потомъ напечатаны были разрядныя книги уже подъ собственнымъ ихъ названіемъ въ «Древней Россійской Вивліоѳикѣ» Новикова, въ XIII и XIV томахъ. Онѣ простираются отъ 1556 до 1574 и отъ 1576 до 1586 (въ «Симбирскомъ Сборникѣ» ошибкою напечатано до 1786). Вотъ и все, исключая отрывковъ изъ разрядныхъ книгъ, разбросанныхъ въ примѣчаніяхъ къ «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина, у Щербатова, и другихъ сочиненіяхъ и сборникахъ матеріи-

ловъ для русской исторіи. Такимъ образомъ редакторы «Симбирскаго Сборника» оказали важную услугу для изучающихъ русскія древности изданіемъ разрядной книги. Оно — третье изъ напечатанныхъ, которыя мы имѣемъ. Во первыхъ, она важна какъ варіантъ къ Новиковскимъ, для тѣхъ же годовъ, и, сверхъ того, заключаетъ въ себѣ множество новыхъ мѣстническихъ случаевъ и интересныхъ царскихъ грамотъ по счетнымъ дѣламъ, которыхъ почти нѣтъ въ Новиковскихъ разрядахъ. Во вторыхъ, она заключаетъ въ себѣ 12 лѣтъ лишнихъ, которыя еще ни разу не были вполнѣ отпечатаны, и въ въ этомъ отношеніи разрядная «Симбирскаго Сборника» представляетъ новый матеріялъ для изученія службы и мѣстничества древней Россіи. Во введеніи къ разрядной (заключающемъ въ себѣ 174 страницы) представлено сравненіе ея съ Новиковскими Разрядами и подробная библіографія по мѣстничеству, службѣ и исторіи дворянства въ древней Россіи. Эта библіографическая статья составлена чрезвычайно тщательно. Всѣ напечатанные доселѣ источники по этимъ предметамъ, хотя въ отрывкахъ, всѣ сочиненія изчислены и указаны съ необыкновенною, рѣдкою у насъ добросовѣстностью. Смѣло можно сказать, что подобной библіографіи мы не имѣемъ еще ни по одной части русской исторіи: оттого, между прочимъ, и идетъ изученіе ея такъ медленно, результаты, вообще говоря, такъ ничтожны, такъ неокончательны; мы не знаемъ, что̀ имѣемъ и что̀ недостаетъ намъ еще. Впрочемъ, одинъ пропускъ, и довольно важный, замѣтили мы въ изчисленіи источниковъ по мѣстничеству: не упомянуто сочиненіе Котошихина: «Россія въ царствованіе Алексія Михайловича». Это вѣроятно сдѣлалось по недосмотру, потому что на это сочиненіе находимъ частыя ссылки во «Введеніи». Всю остальную, самую большую часть «Введенія» (отъ 31 стр. до 174, всего 113 страницъ) наполняетъ комментарій на разрядную помѣ-

щенную въ «Сборникѣ». Въ немъ разобраны подробно всѣ мѣстническіе случаи, которые въ ней встрѣчаются. — Подъ скромнымъ названіемъ разбора или толкованій, эта часть «Введенія» заключаетъ въ себѣ, конечно, не въ стройной системѣ, а въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ и замѣткахъ, полную картину мѣстничества, черезъ всѣ періоды его развитія. Кто сколько-нибудь занимался древней русской исторіей, тому извѣстно, что мѣстничество представляетъ въ ней такое явленіе, къ которому, прямо или косвенно, примыкаютъ почти всѣ прочія. Вмѣстѣ съ нимъ разрушено и упразднено было начало жизни и быта древней Руси, изъ котораго оно развилось, и котораго было послѣднимъ, если можно такъ выразиться, юридическимъ представителемъ. Это придаетъ мѣстничеству чрезвычайно-важное значеніе. Между тѣмъ, оно-то именно и было очень мало разработано. Вслѣдствіе похвальной манеры заниматься до-варяжскимъ и варяжскимъ періодами нашей исторіи, мы болѣе нежели подробно и обстоятельно знаемъ бытъ Россіи IX и X вѣка, очень мало въ послѣдующее время, и чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ менѣе —такъ что, напримѣръ, для исторіи законодательства со временъ реформы Петра Великаго мы не имѣемъ ни одного, даже плохаго учебника, тогда какъ изъ сочиненій по «Русской Правдѣ» можно составить небольшую, а изъ сочиненій о происхожденіи Варяговъ, Руси—очень порядочную библіотеку. О мѣстничествѣ написаны были всего три небольшія статьи: г. Карецкимъ въ «Вѣстникѣ Европы» г. Ивановымъ и г. Погодинымъ въ «Русскомъ Историческомъ Сборникѣ». Особенной важности онѣ не представляютъ, ограничиваясь однимъ поверхностнымъ, указаніемъ на начала и ходъ мѣстничества. Замѣчательно, что г. Ивановъ, первый положившій твердое историческое основаніе изученію мѣстничества открытіемъ и собраніемъ множества такъ называемыхъ счетныхъ или мѣстническихъ

дѣлъ, дотолѣ почти неизвѣстныхъ,—что именно онъ смотритъ на мѣстничество совершенно неисторически, называя его гибельнымъ предразсудкомъ. Такимъ, дѣйствительно, было мѣстничество въ послѣдній періодъ своего существованія, что̀, однако, вовсе не мѣшаетъ ему имѣть важное историческое значеніе. Истина въ наукѣ давно избитая, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ у насъ не совсѣмъ старая, что всякое сколько нибудь замѣчательное историческое явленіе должно быть разсматриваемо сперва съ исторической точки, должна быть понята его временная необходимость и важность, а потомъ уже обсуждено съ той высшей точки, которую необходимо приноситъ съ собою время и высшая степень развитія. Въ отдѣльности взятыя, обѣ точки зрѣнія равно односторонны и ложны: первая заставляетъ цѣнить фактъ слишкомъ высоко, болѣе, нежели чего онъ стоитъ; вторая — часто мѣшаетъ цѣнить его въ мѣру. Сочинитель комментарій на разрядную (г. Валуевъ) пополнилъ своими изслѣдованіями важный пробѣлъ въ нашей исторической литтратурѣ. Не ограничиваясь изданными доселѣ источниками мѣстничества, разсѣянными во множествѣ книгъ, онъ изучилъ, какъ видно, очень подробно рукописныя разрядныя, хранящіяся въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ, сличалъ ихъ съ своей разрядной и дошелъ до множества совершенно новыхъ, въ высокой степени интересныхъ результатовъ относительно мѣстничества. Важнѣйшіе въ немъ вопросы разрѣшены съ рѣдкимъ знаніемъ дѣла и добросовѣстностью. Каждое положеніе подтверждено ссылками на источники и выписками изъ нихъ. Вообще эта статья—трудъ ученый, дѣльный и основательный, если не вполнѣ изчерпавшій предметъ, то по крайней мѣрѣ мало оставившій будущимъ изслѣдователямъ сказать совершенно новаго. Жаль только, что сочинитель ограничился объясненіемъ одной своей разрядной. Если спеціяльное назначеніе изслѣдованій чрезъ

это перешло бы свои границы, то въ замѣнъ выиграла бы наука. Впрочемъ, мы надѣемся, что этотъ недостатокъ будетъ современемъ восполненъ. Во многихъ мѣстахъ «Введенія» и наконецъ въ выноскѣ, на послѣдней страницѣ, авторъ обѣщаетъ въ послѣдствіи издать отдѣльное сочиненіе объ историческомъ развитіи мѣстничества, его системѣ и общихъ началахъ. Судя по образцику, который представляютъ изслѣдованія, помѣщенныя въ «Сборникѣ», мы въ правѣ ожидать очень многаго. Языкъ толкованій вообще не хорошъ, мѣстами даже дуренъ и неправиленъ. Въ нѣкоторыхъ періодахъ трудно вчитаться въ смыслъ: до того они длинны, запутаны, обременены вставочными предложеніями и вводными фразами. Конечно, этотъ недостатокъ оправдывается отчасти новостью, многосложностью и запутанностью самаго предмета (какъ и замѣчаетъ самъ авторъ), — формою комментарія, которую угодно было ему придать своимъ изслѣдованіямъ, отчасти и тѣмъ, что конечно эта статья не назначалась для большинства читающей публики; однакожь мы надѣемся, что почтенный авторъ воспользуется этимъ замѣчаніемъ при будущихъ ученыхъ работахъ своихъ.

Вотъ что мы считали нужнымъ сказать здѣсь касательно изслѣдованій г. Валуева о мѣстничествѣ. Предметъ ихъ такъ важенъ и изложенъ такъ основательно, что мы намѣрены помѣстить объ нихъ, особенную статью, въ которой представимъ выводы автора и наше мнѣніе о мѣстничествѣ.

Вторую часть «Симбирскаго Сборника» составляютъ, какъ мы уже сказали, акты и документы, относящіеся къ роду Кикиныхъ, а именно: выписки изъ боярскихъ книгъ о помѣстныхъ окладахъ, о чинахъ ихъ предковъ, родословная роспись, поданная Кикиными въ Разрядный Приказъ, и наконецъ двадцать-восемь грамотъ и наказовъ, приложенные къ родословной въ видѣ доказательствъ. Всѣ эти документы вошли въ

составъ справки, взятой въ архивѣ бывшаго Разряднаго приказа въ 1788 году отставнымъ секундъ-майоромъ Андреемъ Ивановичемъ Кикинымъ и въ этомъ видѣ отпечатаны, безъ малѣйшихъ измѣненій. Не представляя особенной важности въ юридическомъ отношеніи, вопреки мнѣнію редактора, написавшаго къ нимъ небольшое предисловіе, эти документы заключаютъ въ себѣ интересныя историческія указанія на отношенія московскихъ государей и правительства къ Малороссіи въ царствованіе Алексія Михайловича. Сюда относятся, въ третьемъ отдѣлѣ, справки, грамоты и наказы подъ NN 12—16, 18—21, 24, 26, 27. Всѣ эти грамоты и наказы (послѣднихъ числомъ десять) даны стольнику Василью Петровичу Кикину, котораго царь, въ разныя времена, посылалъ съ порученіями въ кіевскій полкъ, нѣсколько разъ къ гетману Богдану Хмѣльницкому въ обозъ къ запорожскому войску, къ гетману запорожскаго войска Ивану Выговскому, къ кошевому атаману запорожскаго войска Ивану Брюховецкому и другимъ. Не лишены также интереса родословная роспись Кикиныхъ, служащая матеріяломъ для исторіи русскаго дворянства и службы въ московскую эпоху, и два наказа воеводѣ Ивану Ѳедоровичу Кикину о бытіи на государевѣ службѣ воеводою въ Крапивнѣ (N 7) и Козловѣ (N 10). Послѣдніе два наказа служатъ дополненіемъ къ наказамъ городовымъ воеводамъ, помѣщеннымъ въ изданіяхъ Археографической комиссіи, и заключаютъ въ себѣ любопытныя указанія объ устройствѣ и управленіи русскихъ городовъ въ половинѣ XVII вѣка. Этимъ бумагамъ изъ архива Кикиныхъ предпослано небольшое предисловіе, составленное очень отчетливо и добросовѣстно. Въ немъ изложено вкратцѣ содержаніе бумагъ, указаны тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ особенную важность, даже обращено вниманіе на отдѣльныя слова и выраженія, новыя, или почему либо замѣчательныя. Со всѣми замѣтками автора, отно-

сящимися къ быту древней Россіи, нельзя однако согласиться. Подробный разборъ ихъ здѣсь былъ бы неумѣстенъ. О тѣхъ изъ нихъ, которыя прямо или косвенно относятся къ мѣстничеству, мы скажемъ въ критическомъ разборѣ «Введенія» къ разрядной книгѣ. «Собраніе отписокъ или донесеній кіевскаго воеводы, князя Юрія Петровича Трубецкаго къ царю Алексію Михайловичу за 1673—1674 годъ» заключаетъ первый томъ «Синбирскаго Сборника». Это собраніе носитъ общее названіе «Малороссійскихъ дѣлъ» — не вымышленное редакторами, а найденное ими въ подлинной рукописной книгѣ, заключающей въ себѣ отписки, и очевидно современное имъ. Почему придано имъ это названіе — трудно опредѣлить: можетъ быть, потому что отписки эти посылались въ Малороссійскій приказъ, или потому, что они имѣли предметомъ почти исключительно одни дѣла Малороссіи, или наконецъ, потому, что они посылались изъ Кіева, принадлежавшаго къ Малороссіи.—Не останавливаясь надъ объясненіемъ названія, перейдемъ къ обзору самаго содержанія этихъ отписокъ. Ихъ всего 198. Относятся онѣ, какъ мы сказали, къ 1673—1674 году, по тогдашнему лѣтосчисленію съ сентября мѣсяца. По содержанію, языку и времени, въ которое онѣ писаны, онѣ очень любопытны и если не составляютъ сами по себѣ важнаго источника, то, какъ источникъ вспомогательный, необходимы для изучающаго исторію Малороссіи въ эту эпоху. Важность и цѣну этого собранія уменьшаетъ то, что въ немъ нѣтъ царскихъ грамотъ въ отвѣтъ на эти отписки, или на которыя онѣ служили отвѣтомъ. Предметъ ихъ составляютъ вообще: содержаніе и комплектованіе войскъ въ Кіевѣ, нѣкоторыя отдѣльныя административныя, полицейскія и частью финансовыя распоряженія; главное—вѣсти о произшествіяхъ въ сопредѣльныхъ съ кіевскою областью земляхъ — Малороссіи, Польшѣ, Турціи, землѣ Волошской и друг., добываемыя по-

средствомъ разспросовъ туземцевъ и иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ Кіевъ; наконецъ дипломатическія сношенія. Къ большей части этихъ отписокъ приложены «распросныя рѣчи» или показанія, челобитныя стрѣльцевъ, казаковъ и пр. и письма. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ очень любопытны и важны; ибо въ числѣ ихъ мы находимъ письма короннаго гетмана Яна Собѣсскаго (польскаго короля Яна III), князя Дмитрія Вишневецкаго, литовскаго гетмана Паца, королевскаго гетмана Михаила Ханенка, царскаго гетмана Ивана Самойловича, чигиринскаго митрополита Іосифа Тукальскаго, гетмана Петра Дорошенко, князя Михаила Радзивила, турецкаго султана и другихъ. Особенно интересны эти письма и отписки по времени, къ которому онѣ относятся. Незадолго передъ 1673 годомъ, въ Малороссіи, присоединившейся къ Россіи, избранъ былъ гетманомъ генеральный судья Иванъ Самойловичъ, преемникъ Демьяна Многогрѣшнаго. Въ сѣверозападной части ея, королевскимъ гетманомъ былъ Михаилъ Ханенко, а въ югозападной Петръ Дорошенко. Кіевъ по Андруссовскому договору, принадлежалъ уже Россіи. Въ продолженіе 1673 года возникла война между Польшею и Турціею. Турки были разбиты на голову при Хотинѣ Яномъ Собѣсскимъ, который послѣ этой побѣды былъ избранъ въ короли польскіе. Въ Малороссіи, въ томъ же году, совершилось важное событіе: Западная Украйна или Малороссія присоединилась къ Россіи. Ханенко отказался отъ гетманства, и на его мѣсто былъ избранъ Самойловичъ. Только Дорошенко держался съ помощью Татаръ, Крымцевъ и Турковъ. И такъ, эта эпоха была для Малороссіи рѣшительная. — Языкъ отписокъ различенъ. Однѣ, а именно писанныя Кикинымъ, Трубецкимъ и заключающія въ себѣ разспросныя рѣчи и челобитныя служилыхъ людей, писаны на великороссійскомъ нарѣчіи того времени; другія на южно-русскомъ, а наконецъ третьи на чисто польскомъ языкѣ, только

русскими буквами. Къ грамотамъ и письмамъ этого послѣдняго разряда приложены переводы для облегченія читателей. Какъ къ двумъ первымъ отдѣламъ «Сборника», такъ и къ собранію отписокъ, присоединено небольшое объяснительное предисловіе, которое, неизвѣстно почему, издатели называютъ Введеніемъ. Оно составлено такъ же добросовѣстно и такъ же отчетливо, какъ и предыдущія, такъ же неправильно названныя Введеніями. Все особенно замѣчательное въ отпискахъ указано. Имъ составлено подробное оглавленіе, причемъ принята въ соображеніе подлинная роспись, приложенная къ рукописной книгѣ отписокъ, и подробно означено, какихъ актовъ и документовъ не достаетъ, и наоборотъ, какіе не показаны въ рукописномъ оглавленіи. Далѣе, довольно подробно изложены историческія событія въ Малороссіи за 1673 — 1674 годы по Бантышъ-Каменскому и Маркевичу, для облегченія читателей, мало знакомыхъ съ исторіею того края. Въ этомъ предисловіи, какъ и въ предъидущемъ, встрѣчаются замѣчанія, относящіяся вообще къ исторіи и быту Россіи и другихъ славянскихъ племенъ; нѣкоторыя изъ нихъ очень странны и поражаютъ своею натянутостью. Выписываемъ одно изъ нихъ, на страницѣ 21-й, изъ «Введенія къ малороссійскимъ дѣламъ»:

Особенно же замѣчательно и важно не только въ отношеніи языка, но какъ фактъ историческій, то, что польскіе начальники переписывались съ русскимъ воеводой и намѣстникомъ на чистомъ польскомъ языкѣ, только русскими буквами; слѣдовательно, русскій воевода и его подчиненные безъ всякаго затрудненія понимали Поляковъ на ихъ собственномъ языкѣ. Служила же препятствіемъ одна латинская азбука, а не самый языкъ, и раздѣляли два племя (?) въ сношеніяхъ политическихъ и общественныхъ больше исповѣданіе, церковь латинская, которая пренесла съ собой и латинскую азбуку, а не рѣчь. Конечно Русскій уже тогда могъ, если и не вполнѣ, понимать Поляка, въ быстрой разговорной рѣчи, но та же самая рѣчь, написанная на бумагѣ и его азбукой, несмотря на всю разность произношенія и другія отличія, была для него совершенно понятна, и онъ легко и самоучкой могъ ее разумѣть и на нее отвѣчать. Любопытно было бы знать, что заставляло польскихъ чи-

новниковъ на такую уступчивость съ ихъ стороны, и еще любопытнѣе, отвѣчали ли Русскіе своимъ соплеменникамъ такою же славянскою взаимностію?»

А вотъ и другое, въ такомъ же родѣ, на той же страницѣ:

«Сверхъ того, между польскими грамотами встрѣчаются и такія, которыя писаны мѣшанымъ языкомъ польскимъ съ латинскимъ, бывшимъ въ то время въ общемъ ходу въ Польшѣ, и уже тогда предвѣщавшимъ близкій упадокъ языка и словесности. Стоитъ только въ нашихъ грамотахъ переписать латинскія слова латинскими буквами, и тогда мы получимъ ту же варварскую латынь, съ примѣсью народнаго элемента, которою писала до самаго конца XVII столѣтія вся западная Европа. Наши соплеменники Поляки лишь довели то же самое до его крайней нелѣпости, и тѣмъ только можетъ-быть спасли насъ отъ полнаго воспроизведенія тѣхъ же явленій въ нашей словесности и общежитіи. Какъ и во столькомъ другомъ, они намъ передали уроки опытности, купленной ими дорогою цѣною, и которая намъ достается даромъ — остается только воспользоваться».

Прочитавъ эти строки, подумаешь, право, что общіе законы развитія не существовали и не существуютъ для славянскихъ племенъ! Великороссіянинъ не вдругъ понимаетъ Малороссіянина, а въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Русскій легко понималъ Поляка! Да и съ чего взялъ сочинитель предисловія, что польскіе начальники переписывались съ Трубецкимъ на польскомъ языкѣ только русскими буквами? Не надобно забывать, что въ отпискахъ мы имѣемъ копіи съ подлинныхъ актовъ, посланныхъ въ Москву, составленныя подъячими въ канцеляріи или избѣ кіевскаго воеводы. Допустивъ такое предположеніе, я не вижу никакой причины почему не предположить, напримѣръ, что татарскіе князьки, дававшіе по себѣ шертныя записи московскимъ государямъ, знали по русски такъ же хорошо, какъ дьяки, потому что записи эти писаны на чисто великороссійскомъ нарѣчіи. Богъ знаетъ, чего еще нельзя предположить, такимъ образомъ! Наводненіе польскаго языка латинскими словами есть фактъ, повторившійся подъ другими

формами у всѣхъ народовъ, которыхъ исторія представляетъ развитіе, прогрессивное движеніе, а не китайскую неподвижность. Намъ нечего въ этомъ отношеніи пользоваться чужою опытностію, ибо мы успѣли уже воспользоваться своею, пріобрѣтенною въ періодѣ реформы. Да и вообще можно ли, и въ какой степени можно воспользоваться чужою опытностію, не пройдя чрезъ свою? — вопросъ еще далеко не разрѣшенный...

Скажемъ, наконецъ, нѣсколько словъ о «Сборникѣ» вообще. Изданіе хорошо, даже красиво. Мѣстами встрѣчаются, однако, опечатки. Да не сочтутъ издатели пустою придирчивостью, что мы указываемъ на нихъ. Мы нисколько не хотимъ придать имъ важности, которой онѣ вовсе не имѣютъ, но не можемъ не пожелать, чтобъ ихъ не было въ слѣдующихъ томахъ «Сборника», потому что въ текстѣ источниковъ онѣ не должны встрѣчаться. Образцомъ и доказательствомъ могутъ служить изданія Археографической коммиссіи. — По заглавному листу «Сборника» тотчасъ видно, что издатели не только по дѣлу, но и по духу антикваріи. Этотъ листъ отпечатанъ славянскими буквами, первая строка — красная. «Синбирскій», вмѣсто Симбирской поставлено не по ошибкѣ. Редакторы входятъ, въ предисловіи, въ подробныя разсужденія о томъ, почему они пишутъ такъ, а не иначе. *М* вмѣсто *и* по ихъ мнѣнію — нововведеніе подъ вліяніемъ французскаго языка, и потому отвергнуто... Послѣ заглавія находимъ мы, на томъ же заглавномъ листѣ, преплохое лубочное изображеніе русскаго города XVII вѣка, и подъ нимъ славянскими же буквами: «градъ Синбирскъ славный и похвальный врастояніи отъ Москвы чрезъ володимеръ ци верстъ». Подлинникъ этой неизящной виньетки сообщенъ нашимъ извѣстнымъ археологомъ И. М. Снегиревымъ. Наконецъ слово «Москва» опять отпечатано красными чернилами, и по лѣвую руку отъ него стоитъ годъ отъ созданія міра, а по правую годъ отъ Рождества

Христова — оба славянскими и арабскими цифрами. Страсть къ славянской нумераціи въ издателяхъ такъ велика, что всѣ введенія перенумерованы славянскими литерами. Въ этомъ предпочтеніи древне-славянскаго, или пожалуй древне-русскаго теперешнему гражданскому шрифту и нумераціи, нельзя не замѣтить увлеченія; ибо если разсматривать его какъ дѣло вкуса, то оно не выдержитъ критики; особеннаго удобства для читателей старое лѣтосчисленіе и нумерація славянскими буквами тоже не представляютъ. Если же эта особенность выражаетъ чисто-антикварное направленіе издателей, то да будетъ позволено намъ высказать о немъ искренно свое мнѣніе. Время такого направленія не только для всей Европы, но и для насъ уже давно миновало. Его смѣнило направленіе историческое, или, правильнѣе, философско-историческое, которое отыскиваетъ и находитъ единство и послѣдовательность развитія въ разнообразнѣйшихъ событіяхъ, отдаленнѣйшихъ между собою эпохахъ, и въ прошедшемъ разглядываетъ настоящее, а въ настоящемъ прошедшее. Время противоположностей въ наукѣ миновало безвозвратно. Поэтому стремленіе стать исключительно на точку зрѣнія такого-то періода или эпохи исторіи и воззвать къ жизни извѣстное время со всѣми его чисто-историческими, временными явленіями и случайностями, кажется намъ несправедливымъ и ложнымъ. Прошедшее, проведенное сквозь критику послѣдующей эпохи, сохраняется для него въ послѣднихъ окончательныхъ результатахъ, а не во всей непосредственности животрепещущаго быта. Въ этой формѣ оно безсознательно присуще въ жизни, сознательно — въ наукѣ, въ видѣ логической формулы. Всякое другое существованіе прошедшаго — невозможно; попытки возвратить его безплодны, неосуществимы и безполезны.

Всякія похвалы такому предпріятію, какъ «Синбирскій Сборникъ» мы считаемъ излишними и неумѣстными. Дѣло громко

говоритъ само за себя. Мысль издавать напечатанные доселѣ важнѣйшіе матеріялы древней русской исторіи заслуживаетъ полную благодарность. Отъ всей души желаемъ издателямъ совершеннаго успѣха въ ихъ полезномъ предпріятіи. Надѣемся, что слѣдующіе томы «Сборника» не замедлятъ появленіемъ въ свѣтъ; перечень матеріяловъ, находящихся въ рукахъ у издателей, заставляетъ насъ ожидать выхода этихъ томовъ съ нетерпѣніемъ.

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ НОВГОРОДА КЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЬЯМЪ. *Историческое изслѣдованіе. С. Соловьева. Москва, 1845.*

Это весьма замѣчательное сочиненіе объ одной изъ самыхъ сбивчивыхъ, запутанныхъ эпохъ и сторонъ древней русской исторіи. Главная задача, какъ видно изъ заглавія, опредѣлить, въ какихъ отношеніяхъ находился Новгородъ къ великимъ князьямъ древней Россіи, отъ такъ называемаго начала русской исторіи, до окончательнаго покоренія Новгорода Іоанномъ III въ 1477 году. Эта задача рѣшена прекрасно. Г. Соловьевъ не удовольствовался общими мѣстами и пустыми разсужденіями, а раскрылъ лѣтописи, тщательно свѣрилъ ихъ (въ чемъ можно удостовѣриться, взглянувъ на примѣчанія, приложенныя въ концѣ книги), вникъ очень подробно въ отношенія князей и княжескихъ линій рюрикова дома, какъ между собою, такъ и къ Новугороду, и изложилъ эти отношенія исторически, слѣдя изъ года въ годъ за однообразными, скучными перемѣнами князей въ Новгородѣ и борьбой князей, когда она могла пояснить новгородскія событія. Одна эта чисто-историческая, или лучше, фактическая часть диссертаціи — болѣшая заслуга автора. Пора же наконецъ видѣть событія старой Руси, разсказанныя или просто, или критически, но безъ вы-

чуръ, безъ литературныхъ прикрасъ, какими испещрена «Исторія» Карамзина. Въ томъ видѣ, какъ изложилъ ихъ г. Соловьевъ, эти событія могутъ прямо войдти въ любой прагматическій курсъ русской исторіи.

По изслѣдованіямъ г. Соловьева, Новгородцы, съ тѣхъ поръ, какъ Олегъ съ варяжскою дружиною удалился въ Кіевъ, постоянно признавали своимъ княземъ старшаго въ родѣ Ярослава и обыкновенно княжившаго въ Кіевѣ; они подчинялись ему вполнѣ, принимали отъ него князей и посадниковъ, платили дань, давали войско, подлежали его суду и наказанію наравнѣ съ другими подданными. Но съ XII вѣка эти отношенія начали измѣняться. Новгородцы неохотно принимаютъ во второй разъ Всеволода Мстиславича, внука Мономахова. Власть вѣча высказывается. Этотъ князь, по мнѣнію г. Соловьева, принимается въ Новгородѣ съ условіями, ограниченіями, которыя могли послужить основаніемъ для послѣдующихъ ограниченій княжеской власти, содержащихся въ извѣстныхъ новгородскихъ договорныхъ грамотахъ (онѣ не восходятъ ранѣе половины XIII вѣка). Съ этого времени, Новгородъ начинаетъ избирать себѣ князей, посадниковъ, тысячскихъ (нѣсколько позже — владыкъ). Избираетъ онъ въ князья до усиленія Сѣверовосточной Россіи, сильнѣйшихъ русскихъ князей, какими были, особливо сначала, князья кіевскіе. Когда было нѣсколько сильныхъ князей, враждовавшихъ между собою, Новгородцы избирали такого, который былъ нейтраленъ и не навлекалъ гнѣва или недоброжелательства борющихся на Новгородъ. Наконецъ выступаетъ на поприще историческаго дѣйствованія Сѣверовосточная Россія. Переходы князей изъ города въ городъ кончились. Начали усиливаться княженія. Новгородъ, предчувствуя, что ему не сохранить своей вольности, если одно изъ княженій рѣшительно усилится надъ другими, поддерживалъ всегда слабѣйшія княженія противъ сильнѣй-

шихъ: Москву противъ Твери, Нижній-Новгородъ противъ Москвы. Когда же Москва возвысилась надъ всѣми другими княженіями, Новгородъ прибѣгнулъ къ послѣднему, отчаянному средству, чтобъ спасти свою вольность: онъ выбралъ князя литовскаго. Но это избраніе не спасло его. Старый порядокъ вещей, котораго Новгородъ былъ послѣднимъ представителемъ въ Россіи, долженъ былъ уступить новому. Новгородъ былъ покоренъ Іоанномъ III.

Въ такомъ видѣ представляются отношенія Новгорода къ князьямъ и областямъ древней Россіи. Внутреннія отношенія новгородскихъ князей къ самому Новгороду равнымъ образомъ изслѣдованы авторомъ. Изъ его изслѣдованій открывается, что съ того времени, какъ Новгородъ началъ избирать своихъ князей, онъ ограничилъ власть ихъ; но эти ограниченія не были постоянныя. Были временами въ Новгородѣ князья, которые правили имъ неограниченно «на всей волѣ своей», какъ прежде князья кіевскіе, и потомъ, послѣ 1477 года, цари московскіе. Обыкновенно же князья управляли Новгородомъ «на всей волѣ его». Это значило, что князь подчинялся всѣмъ условіямъ, которыя предписывали ему Новгородцы. Эти условія ограничивали его власть въ отношеніи къ суду, управленію и доходамъ. Но власть князя и власть вѣча были совершенно равныя и существовали чрезъ всю новгородскую исторію одна подлѣ другой, несмотря на свою противоположность.

«Князь призывается для установленія *наряда внутренняго*, какъ судья, миротворецъ. Но если князь былъ необходимъ въ Новгородѣ болѣе въ качествѣ судьи, нежели полководца, то ясно, каковы долженствовали быть границы его судной власти. Если князь призывался какъ посредникъ, на судъ котораго всѣ стороны должны были полагаться, то очевидно, что надъ судомъ князя не могло быть никакого другаго верховнаго суда; княземъ могли быть не довольны, если онъ судилъ пристрастно, если онъ вмѣсто того, чтобъ умирить стороны, еще болѣе усиливалъ раздоръ; князя могли изгнать за это при возможности, но не могли подчинить его судъ суду высшему, ибо тогда унич-

только бы все значеніе князя, изчезла бы его необходимость. Вотъ причина, почему князь въ Новгородѣ является судьею верховнымъ, не признающимъ надъ собою никакого высшаго суда. Князь, призванный въ качествѣ судьи, посредника, исключалъ собственно судную власть вѣча, но граждане не могли понимать идеи исключительнаго представительства, которую мы соединяемъ съ идеею властителя, и потому вѣче не отказалось отъ правъ своихъ рѣшать судьбу города во всѣхъ важныхъ случаяхъ; оно смотрѣло на князя какъ на лице необходимое, какъ на посредника, долженствующаго постоянно присутствовать среди гражданъ, чтило въ немъ это достоинство, никогда не думало подчинять его себѣ, дѣлать изъ него своего чиновника, но между тѣмъ само не подчинялось ему, городъ оставался по прежнему государемъ самовластительнымъ, а князь является подлѣ него также какъ владѣтель независимый, избранный для посредничества и военачальства. Это странное двоевластіе, сопоставленіе власти княжеской и власти вѣча другъ подлѣ друга на правахъ равныхъ, выражаются повсюду; повсюду подлѣ князя является Великій Новгородъ. Но ясно, что такое сопоставленіе двухъ властей, такая неопредѣленность ихъ отношеній вызывала постоянное столкновеніе: князь, въ качествѣ верховнаго судьи, смотрѣлъ на каждое самоуправство вѣча какъ на мятежъ, на похищеніе правъ своихъ; съ другой стороны, граждане смотрѣли на князя, какъ на посторонняго посредника, и не понимали, что должны отказаться отъ права любить добрыхъ и казнить злыхъ. Когда князь, оскорбленный своеволіемъ вѣча, изъявлялъ свой гнѣвъ и приказывалъ намѣстнику своему удалиться, то граждане съ удивленіемъ спрашивали: «за что гнѣвается князь, развѣ мы его оскорбили? вѣдь мы казнили свою братью.» Такой порядокъ вещей, такая неопредѣленность въ отношеніяхъ между двумя сопоставленными властями, могли существовать только въ началѣ, ибо съ теченіемъ времени постоянныя столкновенія вызывали необходимо борьбу, при чемъ отношенія должны были опредѣляться въ пользу той или другой власти; но что же мы должны заключить, когда по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій находимъ въ Новгородѣ первоначальный порядокъ вещей, первоначальную неопредѣленность? Мы должны заключить, что обѣ власти были задержаны въ своемъ развитіи: власть вѣча не могла развиваться далѣе извѣстнаго предѣла; призвавъ на помощь власть чуждую, власть княжескую, вѣче тѣмъ самымъ показало, что оно не заключаетъ въ самомъ себѣ необходимыхъ условій для достиженія общественной цѣли; правда, ослабленіе власти княжеской дало вѣчу возможность смѣнять князя, предписывать ему извѣстныя условія; но, смѣнивъ одного князя, вѣче немедленно призывало другаго и тѣмъ самымъ показывало необходимость по слѣдняго и собственную недостаточность; слѣдовательно, князь былъ необходимъ не какъ чиновникъ, подчиненный вѣчу, но какъ верховный судья и посредникъ независимый; на это значеніе князя вѣче не могло посягнуть: вотъ предѣлъ, далѣе котораго власть его не могла усиливаться; вотъ почему князь

сохранялъ постоянно характеръ судьи верховнаго и независимаго. Но если князь былъ призываемъ какъ лице необходимое для народа, для міра внутренняго, то откуда проистекаетъ явленіе, что князь не пользуется выгодою своего положенія, необходимостію, которую городъ въ немъ чувствовалъ, и вмѣсто того, чтобъ предлагать самому условія, принимаетъ ихъ отъ вѣча? Это явленіе проистекаетъ отъ того, что выгода, бывшая на сторонѣ князя, какъ лица необходимаго, перевѣшивалась на сторонѣ вѣча возможностію выбирать изъ многихъ князей, мѣнять ихъ по произволу. Слѣдовательно вотъ причина ослабленія власти княжеской; вотъ почему князь такъ долго не могъ опредѣлить своихъ отношеній къ вѣчу въ свою пользу, позволялъ послѣднему существовать подлѣ себя на правахъ равныхъ.»

Вотъ главные результаты изслѣдованій объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ. Еслибъ г. Соловьевъ ограничился однимъ этимъ, мы и тогда сказали бы ему спасибо за многія новыя и дѣльныя замѣчанія, за прекрасное изложеніе, за строго-фактическій разсказъ исторіи новгородскихъ князей, и за добросовѣстное рѣшеніе вопроса, основанное на тщательномъ изученіи источниковъ.

Но г. Соловьевъ сдѣлалъ гораздо болѣе. По поводу внутренняго устройства Новгорода и его отношеній къ князьямъ, онъ высказалъ совершенно новый, замѣчательно оригинальный взглядъ на весь періодъ удѣловъ. По его мнѣнію, всѣ древнѣйшіе города Россіи, подобно Новгороду, имѣли вѣчевое управленіе. Въ нихъ господствовало народовластіе, развившееся изъ первоначальнаго, родоваго быта русскихъ Славянъ. Это вѣчевое управленіе долго удерживалось въ Югозападной-Россіи, вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ.

«Общность, нераздѣльность владѣнія одного рода (княжескаго Рюрикова) всею (русскою) землею, съ правомъ старшихъ на лучшіе удѣлы, условливало постоянное движеніе, перемѣщеніе князей изъ одной области въ другую, изъ одного города въ другой. Если бы эти перемѣщенія слѣдовали постоянно порядку старшинства, еслибы они были подчинены постоянно одному, всѣми равно признаваемому закону, то это отстранило бы всякія враждебныя столкновенія между князьями, и постоянство ихъ взаимныхъ родовыхъ отношеній

дало бы имъ возможность сообщить постоянство и своимъ отношеніямъ къ народонаселенію управляемому. Но стремленіе нѣкоторыхъ линій исключить другія изъ права необходимо вызывало со стороны послѣднихъ стремленіе поддержать его, слѣдствіемъ чего были междоусобія. Какъ скоро смѣна князей перестала подчиняться одному общепринятому закону старшинства. какъ скоро получили мѣсто частныя изъ него исключенія въ пользу достойнѣйшаго, сильнѣйшаго или болѣе смѣлаго, то города не могли долго оставаться праздными въ этой борьбѣ, гдѣ дѣло шло объ ихъ судьбѣ или, по крайней мѣрѣ, объ ихъ потеряхъ или выгодахъ; какъ скоро послѣдовало нарушеніе права всѣмъ извѣстнаго и всѣми принятаго, то силѣ открылось обширное поприще продолжать нарушеніе права, силу же должно было употреблять и для поддержанія права: при такомъ господствѣ силы, сила городоваго народонаселенія, способная дать перевѣсъ той или другой сторонѣ, не могла остаться безъ важнаго значенія; борющіеся за свои права князья начали стараться пріобрѣтать эту силу; начали стараться пріобрѣтать приверженность жителей тѣхъ городовъ, владѣнія которыми добивались; но за эту приверженность они должны были необходимо давать нѣкоторое вознагражденіе, то есть поступаться нѣкоторыми правами своими въ пользу гражданъ. Раздѣленіе, распри въ семействѣ князей, въ родѣ правителей, должны были необходимо отражаться въ раздѣленіяхъ и распряхъ городскаго народонаселенія; безпрерывная смѣна правителей, частое ихъ отсутствіе, заставляли гражданъ находиться въ постоянномъ движеніи, принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ правленія, что поддерживало древнія формы вѣчеваго народовластія».

Вслѣдствіе этого участія гражданъ въ правленіи, власть князей въ Югозападной Россіи была часто ограничиваема договорами между ними и городами (точно такъ же, какъ въ Новгородѣ):

«Лѣтописецъ говоритъ, что не только Ольговичи, но и Мономаховичи заключали ряды съ гражданами кіевскими. Такимъ образомъ безпрерывное движеніе, безпрерывная смѣна князей вслѣдствіе родовыхъ отношеній воспрепятствовали развитію княжеской власти въ старыхъ городахъ, привыкшихъ къ вѣчевому народовластію, и дали даже имъ возможность опредѣлять иногда свои отношенія къ князьямъ въ свою пользу. Еще сильнѣе, чѣмъ въ Кіевѣ, является власть вѣча въ другихъ старыхъ городахъ: возможность выбора между многими враждебными князьями дала имъ возможность смѣнять ихъ безнаказанно; такъ этою возможностію пользуются жители Смоленска и Полоцка; однимъ словомъ, во все продолженіе такъ называемаго удѣльнаго періода, въ старыхъ городахъ власть князя и власть вѣча находятся другъ подлѣ друга въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ, и вѣче является у лѣтописца принадлежностію всѣхъ городовъ

старыхъ, при чемъ Новгородъ причисляется къ послѣднимъ безо всякаго особаго отличія».

Но подлѣ старыхъ городовъ явились въ послѣдствіи новые города, «пригороды», которые не имѣли самостоятельности старыхъ и въ которыхъ, по этому, князья владычествовали неограниченно.

«Но подлѣ этихъ городовъ, изъ которыхъ многіе существовали еще гораздо прежде прихода князей варяжскихъ, и привыкли къ вѣчевому народовластію, основалось въ послѣдствіи множество другихъ, новыхъ. Семейныя славянскія понятія, отразившіяся на отношеніяхъ князей, отразились также и на отношеніяхъ городовъ, вслѣдствіе чего города новопостроенные вошли къ древнимъ въ отношеніе младшихъ къ старшимъ, то есть должны были находиться въ волѣ послѣднихъ; отсюда младшіе города, или пригороды не имѣли самостоятельнаго быта и во всемъ зависѣли отъ рѣшенія старшихъ, которые для ихъ управленія посылали своего посадника или тіуна; эта совершенная зависимость выражается въ лѣтописи такъ: «на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ». Ясно, что въ этихъ младшихъ городахъ, не имѣвшихъ самостоятельности, привыкшихъ повиноваться вѣчевымъ приговорамъ старшихъ, княжеская власть могла развиться гораздо свободнѣе; ясно, что въ этихъ-то городахъ долженъ былъ родиться новый порядокъ вещей, должно было проистечь самодержавіе.»

Неограниченная власть князей не могла возникнуть въ Югозападной Россіи; она возникаетъ въ Сѣверовосточной.

«Но этотъ новый порядокъ вещей изъ городовъ новыхъ не могъ произойдти на югѣ, ибо здѣсь старыхъ городовъ было такъ много, что они могли пересиливать вліяніе младшихъ; въ старыхъ городахъ старшіе князья утвердили свои столы, и тѣмъ сообщили имъ вѣсъ и знаменитость; съ распространеніемъ членовъ княжескаго семейства, новые города начали отдаваться въ младшіе удѣлы младшимъ членамъ; пріобрѣтши чрезъ это независимость отъ старшихъ, они не могли не слѣдовать ихъ близкому примѣру, ибо вступали въ подобныя же отношенія къ своимъ князьямъ; эти князья, при своей неосѣдлости, ждали только случая покинуть младшій удѣлъ для старшаго, и не имѣли ни времени, ни охоты пользоваться выгоднымъ положеніемъ своимъ въ новыхъ городахъ. Не такъ было на сѣверѣ. Въ обширной области, граничащей съ одной стороны съ областями, принадлежавшими изгнанной линіи Ольговичей, а съ другой

соприкасавшейся съ владѣніями Великаго Новгорода, въ этой суровой и почти дикой странѣ, возвышался только одинъ древній городъ, упоминаемый лѣтописцемъ еще до прихода Варяговъ: это былъ Ростовъ-Великій, отъ котораго вся окружная страна получила названіе Земли Ростовской. Бывши удѣломъ св. Бориса, отдаленный Ростовъ, во время разсылки дѣтей Ярославовыхъ, утратилъ свое мѣсто между старшими удѣлами и причисленъ былъ къ Области Переяславской, удѣлу Всеволодову. Скоро начали возникать около него города новые: сынъ Мономаха, Юрій, особенно прославилъ себя, какъ строитель неутомимый. Такимъ образомъ ростовская область наполнилась городами младшими, среди которыхъ возвышался одинокій Ростовъ. Такое преобладаніе младшихъ городовъ не могло оставаться безъ послѣдствія, особенно если обратить вниманіе на то, что всѣ они были построены и населены князьями; получивъ отъ князя свое бытіе, они необходимо считали себя его собственностію. Такимъ образомъ на сѣверѣ, въ Области Ростовской, вокругъ старыхъ вѣчниковъ, князь создалъ себѣ особый міръ городовъ, гдѣ былъ властелиномъ неограниченнымъ, хозяиномъ полновластнымъ. Развитію этого полновластія въ области ростовской благопріятствовали еще другія обстоятельства: какъ прежде стремленіе князей варяжскихъ съ дружинами было направлено на Югъ, къ Византіи, и области нынѣшней Россіи были для нихъ только путемъ (восточнымъ—греческимъ), а города ея мѣстомъ остановки; такъ въ послѣдствіи это стремленіе не перемѣнило своего направленія на югъ, но получило уже другую цѣль, другую Византію—то былъ Кіевъ, старѣйшій и богатѣйшій изъ городовъ русскихъ, владѣніе которымъ давало старшинство между братьевъ; около него толпились которующіеся князья; города имѣли знаменитость и привлекательность по мѣрѣ отдаленія отъ Кіева; домогались: Переяславля или Владиміра-Волынскаго, Вышгорода или Бѣлгорода, не любили дальняго Новгорода, презирали еще болѣе отдаленнымъ Ростовомъ, въ странѣ бѣдной и дикой. Отсюда Область Ростовская считалась мѣстомъ изгнанія, удѣломъ самымъ младшимъ. Мономахъ отдалъ ее младшему изъ сыновей Юрію. Послѣдній раздѣлялъ общую всему княжескому роду привязанность къ югу, Кіеву и землѣ русской, и считалъ себя отлученнымъ изгнанникомъ на сѣверѣ... Не такъ уже думалъ сынъ его, Андрей. Рожденный и воспитанный въ помѣстьяхъ отца, въ городахъ, имъ основанныхъ, Андрей любилъ сѣверъ какъ родину, и еще болѣе любилъ новые города за ихъ приверженность къ потомству основателя, за ихъ повиновеніе безпрекословное... Все это заставило его, вопреки волѣ отцовской, удалиться въ наслѣдственную область; Юрій завѣщалъ ее самымъ младшимъ сыновьямъ; но Ростовцы измѣнили клятвѣ, данной старому князю, и охотно приняли Андрея, спасаясь тѣмъ отъ позора быть всегда достояніемъ самыхъ младшихъ въ родѣ. Но они ошиблись въ своемъ разсчетѣ: на сѣверѣ пробилъ часъ для господства старыхъ городовъ и старыхъ формъ, господство младшихъ городовъ и новаго порядка вещей начиналось. Андрей, прибывъ на сѣверъ,

утвердилъ свое пребываніе не въ Ростовѣ, и даже не въ Суздалѣ, но въ городахъ новыхъ, Владимірѣ и Боголюбовѣ, предпочитая вторый, какъ новѣйшій. Здѣсь, окруженный преданностію и покорностію новаго народонаселенія, Андрей принимаетъ характеръ самодержца. Бывъ на югѣ самымъ безстрашнымъ изъ бойцевъ, даже въ геройской семьѣ Мономаховичей, на сѣверѣ Андрей сложилъ съ себя характеръ полководца, доселѣ господствовавшій въ князьяхъ, и принялъ характеръ правителя: онъ уже не ходилъ болѣе самъ на войну, но посылалъ сыновей и воеводъ, вслѣдствіе чего и дружина, сонмъ храбрецовъ, безотлучныхъ товарищей, друзей храбраго князя, измѣнила свой воинскій характеръ и стала дворомъ. Однимъ словомъ, въ областяхъ Андрея все принимаетъ совершенно другой видъ, чѣмъ на югѣ, все принимаетъ характеръ осѣдлости, прочности, постоянства. Мы видѣли, что этотъ новый характеръ произошелъ изъ природы новыхъ городовъ, господствовавшихъ по числу своему на сѣверѣ, изъ природы ихъ отношеній къ князю; мы видѣли, что эти города, по своему происхожденію, смотрѣли на князя, какъ на господина полновластнаго, и князь смотрѣлъ на нихъ, какъ на собственность неотъемлемую; отсюда понятіе собственности, неотъемлемости, отдѣльности владѣнія, переходящаго изъ рода въ родъ по волѣ князя-владѣльца, имѣющаго право располагать имъ, начинаетъ господствовать на сѣверѣ въ противоположность господствующему на югѣ понятію общности, нераздѣльности владѣнія; на сѣверѣ является въ первый разъ *завѣщаніе*, знакъ, что князь завѣщающій имѣетъ собственность, которою можетъ располагать произвольно, чего не могло быть на югѣ, гдѣ великій князь не имѣлъ ничего, собственно ему принадлежащаго; вся страна была въ общемъ владѣніи рода, и при каждой смѣнѣ великій князь новый, какъ старшій въ родѣ, дѣлалъ рядъ съ младшею братьею, чѣмъ кому владѣть, или вѣрнѣе сказать, чѣмъ кому кормиться. Пусть на сѣверѣ повторятся тѣ же самыя явленія, что на югѣ, пусть Ростовская Область раздробится, и великое княженіе, съ стольнымъ городомъ Владиміромъ, будетъ переходить къ старшему въ родѣ: въ самомъ способѣ дѣленія лежитъ уже другое начало, которое необходимо повлечетъ за собою другія явленія. Здѣсь членъ княжескаго семейства, получивъ удѣлъ, смотритъ на него, какъ на собственность неотъемлемую; пусть получитъ онъ великое княженіе, онъ не поѣдетъ жить въ стольный городъ, но останется въ своемъ родовомъ отчинномъ городѣ, въ своемъ наслѣдственномъ удѣлѣ, гдѣ онъ всѣхъ знаетъ и всѣ его знаютъ, и всѣ къ нему привержены; при смерти онъ опять раздробитъ этотъ удѣлъ между сыновьями; но это раздробленіе будетъ носить тотъ же самый характеръ: каждый князь будетъ отдѣльнымъ владѣльцемъ въ своемъ удѣлѣ и не перемѣнитъ его ни на какой другой; на немъ сосредоточитъ всѣ свои попеченія, его будетъ улучшать, его увеличивать; но какъ можетъ произойдти это увеличеніе? На югѣ великій князь, по праву старшаго, по праву отца, могъ наказать ослушнаго князя отнятіемъ у него удѣла; тотчасъ отдавалъ от-

нятый городъ другому князю, сыну или племяннику, и при новомъ рядѣ между князьями этотъ городъ могъ перейдти совершенно въ другую линію, и потому здѣсь отнятіемъ удѣловъ, изгнаніемъ князей одинъ родъ исключалъ другой, но область одного княжества не увеличивалась на счетъ другаго. Совершенно другое явленіе видимъ мы на сѣверѣ. Здѣсь собственность господствуетъ надъ родовыми отношеніями; каждый князь смотритъ на себя, какъ на отдѣльнаго владѣльца извѣстной области, а не какъ уже на члена извѣстнаго рода, извѣстной линіи; отсюда родственная связь слабѣетъ, а послѣ и совершенно рушится; великій князь отнимаетъ какой-нибудь удѣлъ, и тотчасъ присоединяетъ его къ своему наслѣдственному удѣлу, называетъ это своимъ промысломъ, прибыткомъ и не дѣлится съ родомъ, съ братьями; отсюда открывается свободный путь увеличенію одного княжества на счетъ другаго, сильнѣйшаго на счетъ слабаго. На югѣ великій князь былъ силенъ только своимъ нравственнымъ вліяніемъ, какъ старшій въ родѣ, политической же силы не имѣлъ никакой, особенно въ послѣдствіи, когда удѣлъ великокняжескій ограничивался почти однимъ Кіевомъ; на сѣверѣ, наоборотъ, великій князь былъ необходимо сильнѣе всѣхъ прочихъ, ибо по раздробленіи Ростовской Области на отдѣльные удѣлы, владѣлецъ одного изъ нихъ, становясь великимъ княземъ, не отчуждалъ своего прежняго наслѣдственнаго удѣла; слѣдовательно къ удѣлу, равнявшему его въ силѣ съ остальными князьями, онъ присоединялъ еще область великаго княженія, никогда не дробившуюся, и такимъ образомъ увеличивалъ свою силу, не въ примѣръ предъ остальными князьями. Отсюда необходимое слѣдствіе: если какимъ-нибудь случаемъ великокняжеское достоинство будетъ нѣсколько разъ сряду доставаться князьямъ одного и того же удѣла, то эти князья, пользуясь своею силою, необходимо поработятъ всѣхъ прочихъ и станутъ единовластителями: такъ точно и поступили московскіе князья. Притомъ обычай сѣверныхъ князей, при полученіи великокняжескаго достоинства оставаться въ отчинномъ городѣ, повлекъ къ раздѣленію на многія великія княжества, слѣдовательно къ совершенному разрушенію единства рода Ярославова и Мономахова, къ совершенному ослабленію родственныхъ отношеній. Прежде единство княжеской семьи поддерживалось однимъ великимъ княземъ, однимъ общимъ патріархомъ, въ которомъ всѣ остальные князья чтили отца. Боголюбскій, овладѣвъ Кіевомъ, не поѣхалъ туда и остался во Владимірѣ Клязьменскомъ; Кіевъ въ глазахъ всѣхъ князей и всѣхъ Русскихъ не могъ утратить своего прежняго величія, прежняго достоинства, какъ старѣйшій городъ въ русской землѣ; его князья, особенно умѣвшіе поддержать свое достоинство, какъ напримѣръ Святославъ Всеволодовичъ, назывались также великими князьями; съ другой стороны, Владиміръ, разъ ставши стольнымъ великокняжескимъ городомъ, не утратилъ этого значенія, и князья его продолжали именоваться великими; такимъ образомъ съ появленіемъ двухъ великихъ князей единство потомства Ярославова рушилось, Россія раздѣлилась на двѣ части, княжеская

семья на два особые рода, съ двумя старшими, двумя патріархами; то же явленіе повторилось въ Сѣверной Руси, когда тверской князь, ставши великимъ, остался въ Твери, московскій—въ Москвѣ: Тверь и Москва стали великими княженіями, Рязань и Нижній-Новгородъ послѣдовали ихъ примѣру, явилось нѣсколько особыхъ родовъ княжескихъ, особыхъ государствъ, независимыхъ и враждебныхъ другъ другу; князья были уже не братья, не дѣти одного отца, но владѣльцы-соперники; сила получила право прекратить борьбу, соперничество въ свою пользу, и Москва воспользовалась этимъ правомъ. Такъ для собранія Земли Русской въ одно могущественное цѣлое, для сообщенія ей единства государственнаго, необходимо было раздѣленіе областей, ослабленіе родственныхъ связей въ потомствѣ Ярослава, отчужденіе родовъ и линій княжескихъ другъ отъ друга. Это могло произойдти только тогда, когда понятія собственности, наслѣдственности владѣнія, начали господствовать надъ понятіями семейными, когда родовыя отношенія князей между собою замѣнились отношеніями ихъ, какъ правителей, къ своимъ подданнымъ, когда земля, область, городъ, привязали къ себѣ князя тѣсными узами собственности, сдѣлали его осѣдлымъ. Эта осѣдлость князей, начавшаяся на Сѣверѣ, въ Области Ростовской, оканчиваетъ такъ называемый періодъ удѣльной, періодъ, характеризуемый господствомъ родовыхъ отношеній. Андрей Боголюбскій, оставшись во Владимірѣ, и по признаніи себя старѣйшимъ въ родѣ или великимъ княземъ, начинаетъ новый періодъ борьбы между старымъ порядкомъ вещей и новымъ. Начало этой борьбы обозначилось борьбою старыхъ городовъ съ новыми, а именно: Ростова-Великаго съ Владиміромъ Клязьменскимъ; окончательное торжество новаго порядка вещей надъ старымъ обозначилось борьбою Новгорода съ Москвою и торжествомъ послѣдней.»

Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ нашими источниками, знаетъ взгляды, или, лучше, отсутствіе всякихъ взглядовъ на древнюю русскую исторію, тотъ, конечно, оцѣнитъ мысль г. Соловьева. Не говоря уже о томъ, что въ ней много поразительно вѣрнаго, остроумно-подмѣченнаго, она потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, что представляетъ первую серьёзную попытку понять и объяснить постепенное развитіе древней русской жизни. Этого до г. Соловьева никто еще не дѣлалъ, по крайней мѣрѣ печатно, не исключая самого Карамзина. «Исторія» Карамзина принадлежитъ болѣе къ изящной, чѣмъ къ исторической литературѣ (кромѣ примѣчаній, которыя представляютъ богатое собраніе матеріяловъ и источни-

нятый городъ другому князю, сыну или племяннику, и при новомъ рядѣ между князьями этотъ городъ могъ перейдти совершенно въ другую линію, и потому здѣсь отнятіемъ удѣловъ, изгнаніемъ князей одинъ родъ исключалъ другой, но область одного княжества не увеличивалась на счетъ другаго. Совершенно другое явленіе видимъ мы на сѣверѣ. Здѣсь собственность господствуетъ надъ родовыми отношеніями; каждый князь смотритъ на себя, какъ на отдѣльнаго владѣльца извѣстной области, а не какъ уже на члена извѣстнаго рода, извѣстной линіи; отсюда родственная связь слабѣетъ, а послѣ и совершенно рушится; великій князь отнимаетъ какой-нибудь удѣлъ, и тотчасъ присоединяетъ его къ своему наслѣдственному удѣлу, называетъ это своимъ промысломъ, прибыткомъ и не дѣлится съ родомъ, съ братьями; отсюда открывается свободный путь увеличенію одного княжества на счетъ другаго, сильнѣйшаго на счетъ слабаго. На югѣ великій князь былъ силенъ только своимъ нравственнымъ вліяніемъ, какъ старшій въ родѣ, политической же силы не имѣлъ никакой, особенно въ послѣдствіи, когда удѣлъ великокняжескій ограничивался почти однимъ Кіевомъ; на сѣверѣ, наоборотъ, великій князь былъ необходимо сильнѣе всѣхъ прочихъ, ибо по раздробленіи Ростовской Области на отдѣльные удѣлы, владѣлецъ одного изъ нихъ, становясь великимъ княземъ, не отчуждалъ своего прежняго наслѣдственнаго удѣла; слѣдовательно къ удѣлу, равнявшему его въ силѣ съ остальными князьями, онъ присоединялъ еще область великаго княженія, никогда не дробившуюся, и такимъ образомъ увеличивалъ свою силу, не въ примѣръ предъ остальными князьями. Отсюда необходимое слѣдствіе: если какимъ-нибудь случаемъ великокняжеское достоинство будетъ нѣсколько разъ сряду доставаться князьямъ одного и того же удѣла, то эти князья, пользуясь своею силою, необходимо поработятъ всѣхъ прочихъ и станутъ единовластителями: такъ точно и поступили московскіе князья. Притомъ обычай сѣверныхъ князей, при полученіи великокняжескаго достоинства оставаться въ отчинномъ городѣ, повлекъ къ раздѣленію на многія великія княжества, слѣдовательно къ совершенному разрушенію единства рода Ярославова и Мономахова, къ совершенному ослабленію родственныхъ отношеній. Прежде единство княжеской семьи поддерживалось однимъ великимъ княземъ, однимъ общимъ патріархомъ, въ которомъ всѣ остальные князья чтили отца. Боголюбскій, овладѣвъ Кіевомъ, не поѣхалъ туда и остался во Владимірѣ Клязьменскомъ; Кіевъ въ глазахъ всѣхъ князей и всѣхъ Русскихъ не могъ утратить своего прежняго величія, прежняго достоинства, какъ старѣйшій городъ въ русской землѣ; его князья, особенно умѣвшіе поддержать свое достоинство, какъ напримѣръ Святославъ Всеволодовичъ, назывались также великими князьями; съ другой стороны, Владиміръ, разъ ставши стольнымъ великокняжескимъ городомъ, не утратилъ этого значенія, и князья его продолжали именоваться великими; такимъ образомъ съ появленіемъ двухъ великихъ князей единство потомства Ярославова рушилось, Россія раздѣлилась на двѣ части, княжеская

семья на два особые рода, съ двумя старшими, двумя патріархами; то же явленіе повторилось въ Сѣверной Руси, когда тверской князь, ставши великимъ, остался въ Твери, московскій—въ Москвѣ: Тверь и Москва стали великими княженіями, Рязань и Нижній-Новгородъ послѣдовали ихъ примѣру, явилось нѣсколько особыхъ родовъ княжескихъ, особыхъ государствъ, независимыхъ и враждебныхъ другъ другу; князья были уже не братья, не дѣти одного отца, но владѣльцы-соперники; сила получила право прекратить борьбу, соперничество въ свою пользу, и Москва воспользовалась этимъ правомъ. Такъ для собранія Земли Русской въ одно могущественное цѣлое, для сообщенія ей единства государственнаго, необходимо было раздѣленіе областей, ослабленіе родственныхъ связей въ потомствѣ Ярослава, отчужденіе родовъ и линій княжескихъ другъ отъ друга. Это могло произойдти только тогда, когда понятія собственности, наслѣдственности владѣнія, начали господствовать надъ понятіями семейными, когда родовыя отношенія князей между собою замѣнились отношеніями ихъ, какъ правителей, къ своимъ подданнымъ, когда земля, область, городъ, привязали къ себѣ князя тѣсными узами собственности, сдѣлали его осѣдлымъ. Эта осѣдлость князей, начавшаяся на Сѣверѣ, въ Области Ростовской, оканчиваетъ такъ называемый періодъ удѣльной, періодъ, характеризуемый господствомъ родовыхъ отношеній. Андрей Боголюбскій, оставшись во Владимірѣ, и по признаніи себя старѣйшимъ въ родѣ или великимъ княземъ, начинаетъ новый періодъ борьбы между старымъ порядкомъ вещей и новымъ. Начало этой борьбы обозначилось борьбою старыхъ городовъ съ новыми, а именно: Ростова-Великаго съ Владиміромъ Клязьменскимъ; окончательное торжество новаго порядка вещей надъ старымъ обозначилось борьбою Новгорода съ Москвою и торжествомъ послѣдней.»

Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ нашими источниками, знаетъ взгляды, или, лучше, отсутствіе всякихъ взглядовъ на древнюю русскую исторію, тотъ, конечно, оцѣнитъ мысль г. Соловьева. Не говоря уже о томъ, что въ ней много поразительно вѣрнаго, остроумно-подмѣченнаго, она потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, что представляетъ первую серьёзную попытку понять и объяснить постепенное развитіе древней русской жизни. Этого до г. Соловьева никто еще не дѣлалъ, по крайней мѣрѣ печатно, не исключая самого Карамзина. «Исторія» Карамзина принадлежитъ болѣе къ изящной, чѣмъ къ исторической литературѣ (кромѣ примѣчаній, которыя представляютъ богатое собраніе матеріяловъ и источни-

ковъ). Карамзинъ обращалъ болѣе вниманія на внѣшнія событія, чѣмъ на внутреннія. Онъ мало понималъ послѣдовательное, внутреннее развитіе русской жизни: это видно изъ его обозрѣній эпохъ русской исторіи, изъ взгляда на царствованіе Іоанна Грознаго,— словомъ, вездѣ, гдѣ онъ говоритъ о внутреннихъ событіяхъ. Конечно, въ «Исторіи» Карамзина встрѣчаются намеки на мысль, которую развилъ г. Соловьевъ въ своей диссертаціи; но имъ едва ли можно придавать какую-нибудь важность. Карамзинъ обладалъ огромнымъ знаніемъ источниковъ древней русской исторіи: еслибъ онъ нарочно гналъ отъ себя мысли — какъ дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи — онѣ навязывались бы ему невольно. Дѣло состоитъ въ томъ, что Карамзинъ не искалъ въ фактахъ мысли, не останавливался надъ ними, не прослѣдилъ ихъ развитія въ исторіи, какъ г. Соловьевъ, а передавалъ ихъ отрывочно, безсвязно, какъ онѣ высказывались въ фактахъ. Конечно, нельзя ставить это въ вину историографу: онъ имѣлъ другую цѣль, другое призваніе. И время было другое. Но нельзя же опять не сказать, что это было такъ—Amicus Plato, sed magis amica veritas. Карамзинъ не глубоко смотрѣлъ на исторію. Это и даетъ намъ право назвать взглядъ г. Соловьева вполнѣ новымъ, оригинальнымъ и самостоятельнымъ, хотя на него и есть намёки въ «Исторіи» Карамзина.

Что же касается до нашей историко-юридической литературы послѣ Карамзина, то врядъ ли можно упрекнуть ее въ особенномъ обиліи взглядовъ на древнюю русскую исторію. Лучшая ея часть посвящена собранію и обнародованію источниковъ, или ихъ критическому изданію. Самую незначительную, по объему, составляютъ чисто-фактическія, спеціяльныя разысканія; изъ нихъ большая часть направлена на предметы любопытства, роскоши, а не первостепенно-важные, существенные. За тѣмъ остается нѣсколько журнальныхъ статей,

въ которыхъ мѣстами и встрѣчается что-то похожее на общіе взгляды. Но что̀ это за взгляды! Тяжело сознаться, а они доказываютъ, что въ дѣлѣ исторіи мы еще юноши, что въ насъ историческій смыслъ слабъ и далеко не развитъ. Вмѣсто того, чтобъ высказывать необходимый законъ, по которому совершалась древняя русская исторія — законъ, выразившійся въ историческихъ событіяхъ,—эти взгляды высказываютъ только любимую мысль автора, почерпнутую Богъ знаетъ откуда, можетъ-быть изъ вольнаго воображенія, только навѣрное не изъ фактовъ. Напротивъ, эту мысль насильно вставляютъ въ факты! Какая нужда, что, при такой операціи, факты, не поддающіеся любимой мысли, оставляются въ тѣни, поддающіеся, да плохо, искажаются, а внѣ цѣлой системы фактовъ не имѣющіе никакого значенія поставляются на первомъ планѣ? Для незнающихъ взглядъ сталъ правдоподобенъ: чего жь больше? Такой романтизмъ, господствующій въ современныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ, и лозунгами котораго почти всегда мысли самыя недѣйствительныя, неисторическія, преимущество Руси передъ Россіею и словенскаго міра передъ романо-германскимъ — такой романтизмъ, говоримъ мы, свидѣтельствуетъ только, что до истинной, дѣйствительной исторической науки намъ еще очень, очень далеко. Странное дѣло! Не имѣя никакой исторической основы, блуждая въ мечтаніяхъ и отвлеченныхъ мысляхъ, этотъ романтизмъ воображаетъ, что онъ-то и есть истинное историческое направленіе. Спросите его защитниковъ—они смѣло вамъ отвѣтятъ, что, кромѣ фактовъ, они ничему не вѣрятъ, что взглядовъ и теорій русской исторіи, особенно древней, они терпѣть нѐ могутъ, потому что эти взгляды, изволите видѣть, теперь еще преждевременны, факты мало извѣстны, и мысль заражена европейской наукой. Вы спросите: да какъ же все это клеится? Не вдумывайтесь слишкомъ глубоко: они и васъ и себя обманываютъ!

Пока, по малоизвѣстности фактовъ и совершенному отсутствію историческаго смысла, отвлеченнымъ взглядамъ и теоріямъ было раздолье, историческій романтизмъ высказывался прямо и смѣло. Тогда онъ имѣлъ и задушевную мысль, и былъ добросовѣстенъ и — отдадимъ ему справедливость — имѣлъ свое, правда, временное, преходящее, но все же хоть какое-нибудь значеніе. Теперь не то. Теперь и исторія двинулась впередъ, и историческаго смысла въ насъ прибавилось, и факты древней русской исторіи стали извѣстнѣе, доступнѣе. Историческому романтизму стало и тѣсно и какъ-то неловко, какъ русской старинѣ, которой онъ былъ поборникомъ. Онъ и самъ это смекнулъ; но что жь было ему дѣлать? Отказаться отъ самого себя? На это у него не достало ни силъ, ни мужества, какъ у всякаго старика, пережившаго свой вѣкъ. Въ сознаніи своего безсилія, историческій романтизмъ прикинулся ультраисторическимъ направленіемъ: вѣдь нужно же было, когда все кругомъ измѣнилось, придать благовидный предлогъ своему существованію. Вѣкъ пересталъ вѣрить въ призраки воображенія, въ отвлеченные взгляды; онъ сталъ серьёзенъ, сталъ требовать на все доказательствъ, фактовъ: романтизмъ спрятался за факты. Онъ не о томъ хлопоталъ, чтобъ новые взгляды на древнюю Русь, начинавшіе появляться со всѣхъ сторонъ, получили историческое оправданіе, основу, — нѣтъ! факты, которыхъ онъ никогда не понималъ, онъ вздумалъ противопоставить мысли и историческимъ взглядамъ, чтобъ удержать ихъ напоръ и спасти себя. Значеніе фактовъ было имъ унижено. Въ его рукахъ они обратились въ средство скрыть, остановить истину, а не узнать ее. Многіе сперва повѣрили. Но мистификація была непродолжительна. Всѣ, наконецъ, поняли въ чемъ дѣло, и романтизмъ палъ навсегда. Теперь онъ уже прошедшее, по быстрому развитію просвѣщенія въ наше время — давнопрошедшее явленіе.

Возвратимся къ диссертаціи г. Соловьева. Что мы особенно высоко цѣнимъ въ ея авторѣ — это безусловную вѣру въ историческое развитіе, и потому совершенное отсутствіе всякихъ любимыхъ заднихъ мыслей, насилующихъ факты, простой взглядъ на историческія событія и большой историческій смыслъ. Для г. Соловьева всѣ эпохи нашей древней исторіи равно интересны и важны; во всѣхъ онъ ищетъ внутренняго значенія, необходимой связи и разумной постепенности, не вводя посторонних двигателей отъ своего лица. Эта трезвость мысли, которая, кромѣ того, что существуетъ въ дѣйствительности, ничего знать не хочетъ, — явленіе отрадное, особенно въ наше время, и особенно въ изслѣдователѣ русскихъ древностей. Почти всѣ они повадили насъ изучать не предметъ, а автора и его мысли — мысли почти всегда старыя и избитыя, вовсе неинтересныя, давно ужь высказанныя и давно опровергнутыя. Такія мысли находимъ даже мѣстами въ статьѣ г. Валуева о мѣстничествѣ, которая, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ эпоху въ нашей исторической литературѣ. Но скажемъ къ чести автора: его добросовѣстность такъ велика, знаніе предмета такъ глубоко, что его неисторическіе взгляды не вредятъ исторической истинѣ и стоятъ отдѣльно, какъ эпизоды, нисколько не искажая фактовъ. Тѣмъ отраднѣе видѣть, что авторъ диссертаціи объ отношеніи великихъ князей къ Новгороду совершенно свободенъ отъ всякихъ неисторическихъ взглядовъ. Не забудемъ, что онъ занимаетъ каѳедру русской исторіи въ одномъ изъ лучшихъ русскихъ университетовъ: его взглядъ, его манера невольно должны перейдти къ его слушателямъ. Сверхъ того, его ученое призваніе даетъ ему всѣ средства начать новую эпоху изученія русской исторіи. Ужь давно бы пора наступить этой эпохѣ послѣ столькихъ предсказаній, которыя такъ щедро давались молодымъ людямъ. Авось-либо г. Соловьевъ ими воспользуется!...

Какъ ни важно, ни существенно сочиненіе г. Соловьева, оно представляетъ, однако, стороны, съ которыми нельзя вполнѣ согласиться. Не останавливаясь на мелочахъ, частныхъ недосмотрахъ, весьма извинительныхъ, особенно у насъ, мы скажемъ только о главномъ—такъ же добросовѣстно, отъ полнаго убѣжденія, какъ говорили о достоинствахъ диссертаціи.

Г. Соловьевъ, какъ намъ кажется, не всегда доходитъ до послѣдней, основной причины историческихъ явленій. Иногда онъ останавливается на причинахъ второстепенныхъ, которыя дѣйствительно съ перваго взгляда какъ будто совершенно удовлетворительны, особенно если разсматривать явленіе въ отдѣльности, но которыя недостаточны, если смотрѣть на него въ связи съ предыдущими и послѣдующими явленіями.

Замѣчаніе наше относится къ безспорно-новой, оригинальной и во многихъ отношеніяхъ вѣрной ипотезѣ о различіи старыхъ и новыхъ городовъ, которою г. Соловьевъ объясняетъ различный порядокъ вещей въ Югозападной и Сѣверовосточной Россіи. Отчего старые города и ихъ бытъ изчезаютъ и на мѣсто ихъ появляются въ Россіи новые города и новый бытъ, противоположный старому? Г. Соловьевъ приводитъ много причинъ: новые города развились изъ пригородовъ, искони подчиненныхъ главнымъ городамъ; слѣдственно, неограниченная власть князей надъ ними была приготовлена ихъ первобытною зависимостію; множество такихъ новыхъ городовъ было основано самими князьями, которые съ самаго начала утвердили надъ ними свою неограниченную власть; наконецъ, въ Сѣверовосточной Россіи число новыхъ городовъ было гораздо значительнѣе числа старыхъ (здѣсь былъ собственно одинъ старый городъ — Ростовъ); оттого въ ней и развился новый порядокъ вещей и вытѣснилъ старый. Все это очень хорошо и исторически очень вѣрно; но вопросъ все-таки остается нерѣшенным*ъ*. *Мы и теперь* въ правѣ повторить его, потому что г.

Соловьевъ не показалъ главной причины. Какая же эта главная причина? Ее должно искать въ самомъ общинномъ бытѣ древнѣйшихъ городовъ. Объяснимся.

Внутреннее устройство городовъ и общинъ въ Югозападной и Сѣверовосточной Россіи не представляетъ существеннаго различія. И тамъ и здѣсь мы находимъ вѣче и князя—двѣ власти, которыя являются одна возлѣ другой во всей древней Россіи. Слѣдственно, различіе той и другой Россіи должно искать въ чемъ-нибудь другомъ. Въ чемъ же именно? Въ томъ, что въ Сѣверовосточной Россіи княжескія владѣнія обратились въ собственность, въ наслѣдственныя вотчинныя владѣнія князей на правѣ частномъ, чего въ Югозападной Россіи не было. Такъ думаетъ и авторъ. Но мы видимъ, однако, что такое обращеніе владѣній въ собственность князей началось уже въ Югозападной Россіи; уже здѣсь появляются завѣщанія; князья всячески стараются удержать за собою отцовскіе удѣлы; дѣлежи владѣній происходятъ большею частью на основаніи вотчиннаго начала; князья даютъ удѣлы большею частью сыновьямъ своимъ, а не боковымъ родственникамъ: только начатое на югозападѣ совершилось окончательно на сѣверовостокѣ Россіи. Такимъ образомъ, весь періодъ удѣловъ, въ отношеніи къ государственному устройству, представляетъ постепенное и непрерывное развитіе одного начала: ослабленіе общиннаго быта и, вслѣдствіе этого, усиленіе власти князя. Но отчего ослабѣлъ общинный бытъ? Неужели отъ тѣхъ причинъ, которыя изложилъ авторъ диссертаціи? Мы имѣемъ причины съ нимъ въ этомъ случаѣ не согласиться. Причины, имъ приводимыя, много содѣйствовали развитію самодержавной власти князей—безспорно. Но еслибъ общинный бытъ старыхъ городовъ не носилъ въ себѣ органическихъ зачатковъ разрушенія, не только эти причины не могли бы его ослабить — онѣ не могли бы *вовсе появиться*. Скажемъ болѣе: родились бы

причины, которыя стали бы ему благопріятствовать; даже нѣкоторыя изъ приведенныхъ авторомъ послужили бы въ пользу общинному быту. Именно этой-то органической причины разрушенія, скрывавшейся въ бытѣ древнѣйшихъ общинъ, авторъ диссертаціи не показалъ; а намекаетъ онъ на нее часто. По его мнѣнію, какъ намъ кажется весьма справедливому, новгородская община была родоваго происхожденія (стр. 13). Тоже можно сказать и о всѣхъ древнѣйшихъ русско-славянскихъ общинахъ. Но всякая родовая община сама въ себѣ носитъ зародышъ своего разрушенія. Это основано на непреложномъ законѣ распаденія рода на линіи, отрасли, которыя съ теченіемъ времени утрачиваютъ всякое единство и вступаютъ во вражду между собою. Авторъ превосходно, хотя и въ краткомъ очеркѣ, представилъ это разложеніе рода и борьбу, внутри его необходимо возникавшую въ отношеніи къ роду, который княжилъ въ Россіи. Такъ же превосходно подмѣтилъ и изложилъ онъ необходимыя послѣдствія родоваго и общиннаго быта въ отношеніи къ Новгороду: отсутствіе въ немъ всякаго опредѣленнаго политическаго устройства, сосуществованіе двухъ противоположныхъ и равныхъ между собою властей, невозможность обойдтись безъ власти князя и непрерывныя смуты, волненія, отсутствіе «наряда», когда князя не было. Но вообще на это племенное, родовое, семейственное, словомъ, кровное начало г. Соловьевъ мало обратилъ вниманія, говоритъ о немъ какъ будто мимоходомъ, тогда какъ оно было главное, почти исключительно игравшее роль. По нашему глубокому убѣжденію, едва ли можно найдти одно замѣчательное явленіе или событіе въ древней русской исторіи, особенно до Іоанна III, которое не опредѣлялось бы этимъ началомъ. Даже послѣ Іоанна III, множество явленій русской жизни объясняется только имъ, и чѣмъ далѣе назадъ отъ нашего времени, тѣмъ болѣе. Именно потому, что г. Соловьевъ не вникъ хорошенько

въ преимущественно-родовой бытъ древней Россіи, онъ долженъ былъ, говоря объ упадкѣ общиннаго быта старыхъ городовъ, ограничиться однѣми побочными, второстепенными причинами, и не замѣтилъ главной.

Потомъ: г. Соловьевъ болѣе историкъ, нежели юристъ. При изображеніи внутренняго общиннаго устройства Новгорода, онъ, какъ намъ кажется, слишкомъ исключительно придерживался однѣхъ лѣтописей и недовольно оцѣнилъ извѣстія, сообщаемыя объ этомъ устройствѣ собственно юридическими памятниками. Вотъ почему онъ впалъ въ крайность. Отсутствіе твердаго политическаго устройства въ Новѣгородѣ и проистекающую отсюда совершенную неопредѣленность его — г. Соловьевъ распространилъ и на внутреннее управленіе, на администрацію Новгорода. Но администрація и политическое устройство должны быть строго различаемы, особенно, когда рѣчь идетъ о Новгородѣ. Всѣ юридическіе памятники единогласно свидѣтельствуютъ о существованіи въ Новгородѣ правильнаго, опредѣленнаго внутренняго управленія, въ главныхъ чертахъ основаннаго, какъ кажется, на обычаяхъ, хотя мы его и мало знаемъ, или знаемъ отрывочно. Напротивъ, историческіе памятники и преимущественно лѣтописи, въ которыя вносились одни событія политическія, выходящія изъ обыкновеннаго порядка вещей — представляютъ новгородское устройство какъ самое неустановленное, неопредѣленное, неимѣющее никакихъ началъ, и г. Соловьевъ былъ бы совершенно правъ, еслибъ ограничилъ сказанное имъ вообще однимъ политическимъ бытомъ Новгорода. Можетъ-быть, намъ возразятъ, что въ лѣтописяхъ встрѣчаются также извѣстія о внутреннемъ устройствѣ и управленіи, которыя свидѣтельствуютъ и о его неопредѣленности? Точно такъ. Но изъ нихъ нельзя дѣлать никакихъ выводовъ. Эти извѣстія относятся къ событіямъ, составлявшимъ исключеніе изъ общаго правила, нарушавшимъ

обыкновенный порядокъ вещей. При существованіи другихъ, ясныхъ указаній на правильное внутреннее управленіе, это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Мы крайне сожалѣемъ, что предѣлы рецензіи, и безъ того слишкомъ длинной, не дозволяютъ намъ войдти въ болѣе подробное разсмотрѣніе замѣчательнаго сочиненія г. Соловьева. Скажемъ въ заключеніе, что, кромѣ приведеннаго и указаннаго нами, въ диссертаціи много новыхъ замѣчаній, намековъ, мыслей и отдѣльныхъ изслѣдованій, которыя составляютъ пріобрѣтеніе для литературы русской исторіи и дѣлаютъ честь автору. Мы не усомнимся сказать, что трудъ г. Соловьева самъ по себѣ составляетъ эпоху въ области изслѣдованій о русскихъ древностяхъ и подаетъ радостныя надежды въ будущемъ. Намъ остается поблагодарить автора и пожелать ему для него и для насъ, чтобъ продолженіе его историко-литературнаго и ученаго поприща было такъ же блистательно, такъ же обильно результатами, какъ начало...

СБОРНИКЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ И СТАТИСТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ О РОССІИ И НАРОДАХЪ ЕЙ ЕДИНОВѢРНЫХЪ И ЕДИНОПЛЕМЕННЫХЪ. *Т. I. Изд. Д. В. Москва. 1845.*

—

> ...Она сложена въ новѣйшее время; въ ней есть *какая-то восточная безсмыслица*, имѣющая свое поэтическое достоинство.
>
> А. Пушкинъ.

Мысль издавать историческія и статистическія свѣдѣнія о Россіи и народахъ, соединенныхъ съ нею единствомъ національности и религіи — прекрасна и заслуживаетъ полное одо-

бреніе. Въ нашей литературѣ, теперь уже довольно богатой свѣдѣніями о Россіи, но скудной извѣстіями о ея единовѣрцахъ и единоплеменникахъ, такая попытка соединить и, такъ сказать, сопоставить тѣ и другія, чуть ли не первая. Какъ важно для объясненія русской исторіи, особливо древней, сравненіе ея съ исторіею другихъ славянскихъ народовъ, — для нашей церковной исторіи сравненіе ея съ исторіею другихъ церквей восточныхъ — всѣмъ извѣстно, и объ этомъ мы не станемъ долѣе распространяться. Не рано ли у насъ такое предпріятіе? хотѣли мы было спросить: оно не можетъ разсчитывать на большинство читающихъ, ибо предполагаетъ обширную ученую публику... Но объ этомъ трудно спорить. Издатель, вѣроятно, имѣлъ цѣлью распространить въ нашей публикѣ вкусъ къ подобнаго рода чтеніямъ, и столько же научить, сколько возбудить интересъ. Во всякомъ случаѣ, это его дѣло. Наше—оцѣнить предпріятіе по мысли и по исполненію.

Итакъ, повторяемъ, мысль и нова, и прекрасна. Но въ какомъ направленіи, въ какомъ духѣ составленъ Сборникъ? Въ наше время, какъ всѣмъ извѣстно, фактъ самъ по себѣ ничего не значитъ. Все его значеніе въ мысли, которою онъ освѣщенъ. Мы утратили пластическій, художественный смыслъ древнихъ, которые на все смотрѣли такъ, какъ оно есть. Сознательно или безсознательно, признавая или не признавая владычества мысли и разума, всѣ приступаютъ къ фактамъ съ различными взглядами, съ противоположными теоріями, и потому придаютъ однимъ и тѣмъ же фактамъ самыя разнообразныя значенія. Оттого, отъ направленія все зависитъ, а въ нашей еще молодой литературѣ направленіе вновь выходящей книги — великое дѣло! Въ обществахъ зрѣлыхъ направленіе сразу находитъ повѣрку въ наукѣ, въ большихъ фактическихъ свѣдѣніяхъ публики. Не успѣло оно явиться, какъ оно уже обсужено, обсмотрѣно со всѣхъ сторонъ и опредѣлено

его значеніе. Но въ обществѣ, гдѣ воображеніе развито еще на счетъ разсудка, гдѣ свѣдѣнія бѣдны, какъ бѣдна сумма извѣстныхъ истинъ, нажитыхъ опытомъ долгой и богатой жизни, въ такомъ обществѣ направленіе — все. У насъ, напримѣръ, оно больше самыхъ фактовъ воспитываетъ юныя поколѣнія и приготовляетъ будущее. Ошибка фактическая можетъ быть исправлена; но ложный взглядъ, ложное направленіе растутъ какъ гидра...

Все это потому пришло намъ въ голову, когда мы открыли «Сборникъ», что съ недавняго времени въ нашей литературѣ начали раздаваться странные голоса .. Съ восторгомъ превознося все славянское, особливо древнее, возвѣщая несуществующую славянскую науку, многіе съ бо́льшимъ или мѣньшимъ предубѣжденіемъ отзываются обо всемъ европейскомъ. Блестящая исторія Европы, ея великое настоящее, ея высокая цивилизація, ея наука, созданная вѣками—для нихъ какъ будто не существуютъ. Опираясь на никому неизвѣстное будущее, и съ торжествомъ указывая на фактически неизвѣстное, и по результатамъ бѣдное прошедшее славянскаго міра, они произносятъ тяжкій приговоръ романо-германскимъ народамъ и всѣми возможными средствами хотѣли бы предохранить славянскій міръ отъ всякаго прикосновенія съ Западомъ... Для всякаго, кто поприслушался къ этимъ мнѣніямъ и, несмотря на то, сохранилъ способность прямо смотрѣть на вещи, дѣло само по себѣ ясно и не допускаетъ двухъ толкованій: что̀ станется съ европейскими народами и ихъ цивилизаціей, это по крайней мѣрѣ неизвѣстно. Другой науки, кромѣ той, которая развита и выработана въ Европѣ, доселѣ не имѣется. А такъ какъ у славянскаго міра нѣтъ покуда такой науки, то естественно, что онъ довольствуется тѣмъ, что приготовили его западные собратія. Если славянское племя даровито и призвано къ всемірно-историческому дѣйствованію, оно, развившись,

возмужавъ, усвоитъ себѣ эту науку, придастъ ей свой національный отпечатокъ, можетъ-быть поведетъ ее дальше и выведетъ на болѣе широкую дорогу, какъ сдѣлалъ новый міръ съ древней греко-римской наукой. Все это можетъ быть; но покуда этого нѣтъ, покуда мы и неопытны и юны. Геній, оригинальность, дѣйствованіе на пользу человѣчества не призываются нарѣканіями на другихъ и непомѣрнымъ самомнѣніемъ: они даются. Настанетъ время, обозначится духовная физіономія славянскаго племени, и такъ какъ оно въ самомъ дѣлѣ заключаетъ въ себѣ великія нравственныя силы, онѣ скажутся, за это нечего бояться. И скажутся онѣ не въ разсужденіяхъ о томъ, какое племя лучше, и какъ бы этакъ сдѣлаться великимъ и создать новую науку, и какъ-такъ погибнутъ другія племена: онѣ прямо и просто обнаружатся въ самомъ дѣйствованіи, какъ обнаруживается все великое. Можно даже предположить съ достовѣрностію, что когда это сбудется, тогда не будетъ въ Славянахъ ни самохвальства, ни ненависти къ другимъ народамъ, потому что все истинно-великое и сильное блаженно въ себѣ, преисполнено любовью, и стремится все пріобщить къ своей любви и своему блаженству.

Такъ думаетъ всякій здравомыслящій и безпристрастный человѣкъ. Тѣмъ не менѣе странныя мнѣнія, о которыхъ мы сейчасъ говорили, высказываются въ книгахъ, журналахъ, брошюрахъ, газетахъ, и находятъ послѣдователей. Читая заглавіе разбираемой нами книги, хотя въ немъ и нѣтъ ничего особеннаго, кромѣ славяно-церковнаго шрифта, которымъ отпечатано слово: «Сборникъ», мы какъ-то почти невольно подумали: не составленъ ли онъ подъ вліяніемъ такихъ предубѣжденій? Внимательное чтеніе отчасти оправдало, отчасти опровергло нашу мысль, и оставило по себѣ такое же неопредѣленное впечатлѣніе, какое производитъ, хоть напримѣръ, славянскій міръ, если о немъ хоть сколько-нибудь подумать. От-

того мы считаемъ себя обязанными представить читателямъ нѣсколько подробный обзоръ всѣхъ статей, содержащихся въ «Сборникѣ».

Вышедшій томъ дѣлится на двѣ части. Имъ предпосланы предисловіе и введеніе. Какъ опредѣляющія направленіе сборника, они должны быть разсмотрѣны прежде всего.

Предисловіе составлено издателемъ «Сборника», покойнымъ г. Валуевымъ. Смерть похитила его въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ. Съ юношескимъ, благороднымъ самоотверженіемъ, онъ весь отдался наукѣ, и безпрерывныя занятія ускорили его преждевременную кончину. Г. Валуевъ умеръ очень-очень молодъ, когда силы, неуравновѣшенныя опытомъ и строгою дѣйствительностью, бьютъ сильнымъ ключемъ, ища себѣ удовлетворенія; когда дѣйствительное и возможное, настоящее и будущее, сливаются въ одномъ радужномъ цвѣтѣ, и самодовольное воображеніе чаруетъ человѣка, обманываетъ его, раскрашивая мечту красками существенности. Какъ многіе, и онъ не былъ чуждъ нѣкоторыхъ «странныхъ» мыслей и предубѣжденій. Но его благородная, любящая натура, положительный складъ его ума рѣзко имъ противорѣчили и не давали имъ развиться до послѣднихъ выводовъ въ его головѣ и сердцѣ. Въ послѣдніе годы, онъ посвятилъ себя исключительно однимъ положительнымъ розысканіямъ, и немногія изслѣдованія имъ оставленныя, показываютъ, что̀ потеряла въ немъ наука. Мы уже говорили въ прошломъ году о его изслѣдованіяхъ о мѣстничествѣ. Другаго подобнаго труда по части русской исторіи мы не знаемъ. Съ рѣдкой добросовѣстностью онъ высказалъ въ этой статьѣ результаты, прямо противорѣчившіе его общему взгляду! Да! онъ не игралъ исторической истиной, не шутилъ ею, какъ нѣкоторые! Другіе труды его, изъ которыхъ отрывки помѣщены въ «Сборникѣ» (о нихъ мы скажемъ ниже), обнаруживаютъ огромную начитанность и показываютъ, что онъ въ занятіяхъ

своихъ все болѣе и болѣе становился положительнымъ. А это добрый знакъ!... Читатели извинятъ насъ за это отступленіе. Оно было необходимо для поясненія предисловія къ «Сборнику».

Это предисловіе написано за годъ до кончины автора. Въ немъ, въ этомъ предисловіи, благородный, добросовѣстный, но отчасти ложно-предубѣжденный авторъ высказался всѣми своими сторонами. Основная мысль его вотъ какая: зданіе русскаго государства, основанное Петромъ Великимъ въ началѣ XVIII вѣка, со славою и блескомъ завершено въ первой четверти настоящаго столѣтія. Въ этомъ колоссальномъ подвигѣ сосредоточились всѣ силы русской жизни; оттого и всѣ выраженія ея, во всѣхъ отрасляхъ, отъ него получили характеръ. Государство создавалось и создалось по европейскому типу; вмѣстѣ съ тѣмъ Россія начала усвоивать себѣ все европейское — науку, нравы, бытъ, вообще цивилизацію. Это заимствованіе было для нея благодѣтельно, необходимо для возбужденія ея нравственныхъ силъ. Самыя условія, при которыхъ оно совершилось, были для насъ очень благопріятны, потому что оно было добровольное и, слѣдовательно, удобоотрицаемое въ своихъ крайностяхъ (другое представляютъ Германцы, водворившіеся на римской почвѣ). Въ наше время настаетъ для русской жизни новая эпоха. Отъ заимствованій извнѣ мы начинаемъ обращаться на самихъ себя. Появленіе, при содѣйствіи Россіи, нѣсколькихъ православныхъ государствъ въ Европѣ, устройство внутренняго быта и постепенное возвращеніе къ національности — вотъ явленія, въ которыхъ обнаруживается это новое направленіе русской жизни. Съ одной стороны, возникновеніе Греціи, какъ самостоятельнаго государства; появленіе трехъ православныхъ княжествъ: Сербіи, Молдавіи и Валахіи, соединеніе Армянъ восточнаго исповѣданія въ одну область, возсоединеніе Уніи съ православною церковью, проповѣдь Евангелія язычникамъ, живущимъ въ отдаленнѣйшихъ

краяхъ Россіи, заведеніе православныхъ школъ на Востокѣ; съ другой—составленіе Свода законовъ, изданіе полнаго ихъ собранія, полюбовное размежеваніе чрезполосныхъ владѣній, изданіе источниковъ нашей исторіи и вооруженія русскихъ войскъ—возсоздавшаго наглядно, пластически, древнюю Русь; возвращеніе архитектуры свѣтской и церковной къ древнерусскому и византійскому стилямъ, постепенное введеніе русскаго языка въ высшихъ слояхъ общества, которые было забыли его; наконецъ, появленіе національныхъ русскихъ поэтовъ въ лицѣ Пушкина и Гоголя — вотъ событія, которыя г. Валуевъ привѣтствуетъ какъ зачатки обновленія Россіи и выступленія ея на новое поприще дѣятельности. Только наука, по его мнѣнію, не послѣдовала общему движенію, особенно наука исторіи. Ея великое призваніе — познакомить слои общества, воспитанные подъ исключительнымъ вліяніемъ Запада, съ тѣми, которыхъ почти не коснулась реформа Петра Великаго; познакомить Россію съ ея единовѣрцами и единоплеменниками, разбросанными по всему свѣту, и тѣмъ дать ей возможность узнать самую себя. Только подъ условіемъ такого знанія возможно въ Россіи появленіе самостоятельной, національной, исторической науки, которая разрѣшитъ намъ вопросъ о томъ, что̀ мы такое, къ чему призваны, и освѣтитъ новымъ свѣтомъ исторію западно-европейскихъ народовъ, имъ самимъ не столько понятную, какъ постороннему, безпристрастному наблюдателю. Всѣ эти причины и побудили г. Валуева издавать «Сборникъ».

Вотъ въ немногихъ словахъ основная мысль и цѣль издателя. Мысль сама по себѣ не нова, но выражена оригинально. Каждый, разумѣется, въ правѣ судить о ней какъ ему угодно, особенно потому что она беретъ главные свои аргументы изъ будущаго, никому неизвѣстнаго. Что до насъ касается, мы не *гадаемъ о будущемъ*. Думаемъ и увѣрены, что наше знакомство

съ бытомъ и исторіею нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ очень хорошо, для насъ очень полезно, какъ и всякое знаніе. А что̀ выйдетъ изъ этого знакомства въ будущемъ— мы право не знаемъ.

Но зачѣмъ же, во имя будущаго, возводить напраслины на западный міръ и науку? А такихъ напраслинъ мы, къ сожалѣнію, не одну находимъ въ предисловіи. На страницѣ 2-й авторъ говоритъ, что Россіи было необходимо познакомиться съ просвѣщеннымъ европейскимъ міромъ, а въ выноскѣ прибавляетъ:

«Мы понимаемъ здѣсь просвѣщеніе въ томъ общемъ, неопредѣленномъ значеніи, которое обыкновенно даютъ ему. Если же понимать подъ просвѣщеніемъ не одни вещественныя улучшенія въ быту человѣка, усовершенствованія науки, художествъ и видимое благоустройство общества, а то совокупное умственное и нравственное движеніе, которое должно соединять народы въ единство братолюбивой жизни и осуществлять въ обществѣ чистую мысль христіянства, во сколько она осуществима въ человѣкѣ,—то во всякомъ случаѣ еще останется подъ сомнѣніемъ, кого съ большею справедливостію можно назвать просвѣщенною — Россію ли XV и XVI вѣка, или ей современную католическую и протестантскую Европу?»

Разомъ двѣ напраслины! Во первыхъ, неправда, что «вещественныя улучшенія въ быту человѣка, усовершенствованія науки, художествъ и благоустройства общества» шли въ Европѣ своей дорогой, а нравственное и духовное развитіе — своей. Во вторыхъ, неправда, что въ XV и XVI вѣкѣ Европа была ни чуть не лучше, а можетъ-быть и хуже, современной ей Россіи. Развѣ науки, художества, общественный бытъ — кривлянья паяца? Въ нихъ выражаетъ народъ глубочайшія задушевныя вѣрованія свои, мысли, стремленія; онъ въ нихъ живетъ; это плоть и кровь его. Науки, художества и общественный бытъ имѣли въ Европѣ своихъ подвижниковъ, которые цѣною жизни и страданій покупали каждый ими сдѣланный шагъ впередъ. Эти люди, конечно, не разыгрывали роли, когда шли на позорную смерть или на костры инквизиціи!

Страну, въ которой любовь къ истинѣ такъ выражалась — мы думаемъ, нельзя упрекнуть въ недостаткѣ умственнаго и нравственнаго развитія... Странно, задумывая создавать свою науку и свое художество, смотрѣть на европейскую науку, на европейское художество, какъ на ремесло или фиглярство! Скажите, что онѣ васъ не вполнѣ удовлетворяютъ — это еще можно понять! Но если вы имъ не сочувствуете — тѣмъ хуже для васъ. Какъ же, не имѣя къ другимъ народамъ симпатіи, вы толкуете о всемірно-историческомъ дѣйствованіи? Только такой взглядъ на отношеніе науки, общественности и художества къ духовному и нравственному развитію могъ сдѣлать возможнымъ сравненіе между Европою и Россіею XV и XVI вѣка! Народъ, создавшій свою благоустроенную общественность, свою науку, свое художество, не могъ быть ни дикаремъ, ни варваромъ!

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 12), говоря о томъ, какъ сильно дѣйствуетъ на насъ западный міръ, и какъ бѣдна передъ нимъ наша жизнь и наше прошедшее, авторъ опять взводитъ напраслины на европейскую науку:

«Ибо чего проситъ прежде всего большинство людей, называющихъ себя просвѣщенными и пріобрѣтшихъ право презирать и учить своихъ непросвѣщенныхъ братьевъ, какъ не громкихъ словъ и именъ, блеска и мишуры жизни, наполняющихъ ту пустоту существованья, которая составляетъ неотъемлемую принадлежность просвѣщеннаго большинства; и чего требуетъ оно отъ самой жизни, какъ не наслажденія всѣмъ умственнымъ, нравственнымъ и вещественнымъ комфортомъ, который изготовляется для него услужливымъ просвѣщеніемъ? Но, къ сожалѣнію, нерѣдко и лучшіе умы,—чего они ищутъ въ этой наукѣ, искусствѣ и самомъ просвѣщеніи, которому служатъ? Часто, если и безсознательно, они ищутъ того же комфорта, усыпленія мысли и силъ души въ ограниченности той или другой системы или рутины,—удовлетворенія всѣмъ новымъ изысканнымъ требованіямъ просвѣщеннаго существованья и его нравственнаго сибаритства... И наконецъ не было ли такое развитіе всесторонняго комфорта, удовлетворяющаго всѣмъ потребностямъ человѣка, основною задачею всего западнаго просвѣщенія и всей жизни западнаго человѣчества? Таковы, по крайней мѣрѣ, его собственные, если и не совсѣмъ сознанные выводы и

новыя стремленія жизни, которыя уже не видятъ иной задачи для человѣчества, кромѣ обобщенья того же комфорта.»

А въ выноскѣ прибавляетъ:

«Такъ католицизмъ, дающій готовое разрѣшеніе на всѣ потребности христіянской души и совѣсти, въ живомъ представителѣ духовной истины на землѣ, и протестантизмъ, дающій право каждой личности на саморазрѣшеніе всѣхъ требованій своей совѣсти и духовнаго убѣжденія, не суть ли это, въ извѣстномъ смыслѣ, два видоизмѣненія одной общей религіи нравственной безтревожности? (комфорта).—Ту же задачу не разрѣшенную въ области вѣры, беретъ на себя систематизмъ въ наукѣ, формализмъ въ обществѣ, мода въ гостиной и т. д.»

Итакъ, болѣе или менѣе утонченный матеріялизмъ, нравственное и умственное усыпленіе или равнодушіе — вотъ цѣль просвѣщеннаго общества, даже лучшихъ умовъ; вотъ основная задача западнаго человѣчества и европейскаго просвѣщенія! Признаться, этого мы покуда не знали! Но чего жь вы хотите, если художество и общественность только выдумки праздпаго воображенія, а наука — китайская формалистика?.. Однако, мы хотѣли бы знать, отчего комфортъ и стремленіе къ наслажденію употреблены какъ слова почти неприличныя? Мы думаемъ, что наслажденіе — цѣль всего живущаго. Иной наслаждается молитвою и постомъ, другой — исполненіемъ долга, третій — наукой, четвертый — искусствомъ, пятый — побѣдой надъ низкими страстями, шестой — самими лишеніями. Все наслаждается и все стремится насладиться. Сама природа, вся ея разнообразная жизнь, есть непрерывный пиръ, непрерывное наслажденіе. Можетъ-быть, автору не нравится исключительно-утилитарное направленіе нашего времени? Но отчего жь не видѣть въ немъ реакціи противъ, можетъ-быть, слишкомъ исключительно-спиритуальнаго направленія, которое ему предшествовало? Всему свое: свое тѣлу, свое духу.

Всѣ эти неправды внушены автору воображеніемъ, которому онъ далъ полный просторъ. Сердце въ нихъ не участвовало;

мы представимъ на это неопровержимыя доказательства, а покуда, скрѣпя сердце, послѣдуемъ за нимъ въ его выводахъ.

Онъ отправляется отъ мысли, что рано или поздно непремѣнно должна создаться въ Россіи самостоятельная русская наука, которая освѣтитъ намъ наше прошедшее и будущее и даже броситъ совершенно новый свѣтъ на событія европейской исторіи. О характерѣ этой будущей науки авторъ нигдѣ прямо не высказывается; но изъ того, что онъ безпрестанно и во всѣхъ отношеніяхъ противополагаетъ Европу Россіи и славянскому міру, — изъ общаго тона предисловія можно думать, что, по его мнѣнію, эта русская наука должна быть противоположна европейской. Впрочемъ авторъ чрезвычайно остороженъ. Онъ былъ такъ добросовѣстенъ, такъ образованъ, что не могъ говорить рѣшительно въ дѣлѣ столько темномъ! Онъ какъ будто колеблется... Нетерпѣніе скорѣе видѣть осуществленіе своихъ любимыхъ надеждъ томило его, и вотъ онъ видитъ, что время созданія этой науки уже наступаетъ, что появляется заря золотаго будущаго, — и потомъ онъ опять становится робкимъ передъ голосомъ дѣйствительности: онъ понимаетъ эту науку только какъ возможную или только какъ имѣющую быть. Погружаясь въ будущее, онъ тяготится настоящимъ отношеніемъ европейскаго міра къ славянскому; ему кажется, что западная наука заслоняетъ насъ; возвращаясь къ взгляду болѣе практическому, болѣе дѣйствительному, онъ чувствуетъ, какъ благодѣтельно и необходимо было для Россіи вліяніе Европы, онъ примиряется съ реформою Петра. Оба направленія — дѣйствительное и недѣйствительное, вытекающее изъ исторіи и опирающееся на надежду, высказались въ предисловіи въ странномъ смѣшеніи, непримиренныя, несоглашенныя между собою. Оттого, рядомъ съ мыслію вѣрной мы находимъ мысли рѣшительно ложныя; часто въ одной фразѣ уживаются выраженія двухъ совершенно разно-

родныхъ порядковъ мыслей. Мы не станемъ вдаваться въ подробный разборъ всѣхъ мѣстъ, въ которыхъ выразились оба направленія, потому что это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Ограничимся обзоромъ однихъ самыхъ рѣзкихъ и выскажемъ добросовѣстно наше мнѣніе и о предполагаемой славянской или русской наукѣ, и о нашемъ отношеніи къ европейскому міру.

До Петра Великаго, не было у насъ ни науки, ни искусства. Мы были заключены въ ложномъ, очарованномъ кругу восточныхъ привычекъ и обычаевъ... Чудныя предсказанія о великомъ царѣ, который все пересоздастъ и все переставитъ, сопровождавшія рожденіе великаго преобразователя, показываютъ, какъ настроены были умы, какія тровожныя ожиданія наполняли всѣхъ. Явился Петръ Великій. Хотя нехотя мы стали усвоивать себѣ европейскую науку, художества, общественность, — все то, что̀ мы теперь называемъ общимъ именемъ цивилизаціи. Чѣмъ далѣе, тѣмъ эти заимствованія шли быстрѣе и быстрѣе, обхватывая собою всю необозримую Русь. Нуженъ былъ толчокъ: скоро побужденія стали не нужны. Мы сдѣлались подражателями, поклонниками, учениками Европы. Въ этой совершенной преданности, въ этой горячности было много юношески-благороднаго; если хотите, было и много смѣшнаго. То и другое совершенно выражало нашу нравственную, духовную юность. Но мы хорошо сдѣлали, что такъ ею воспользовались. Скажемъ безпристрастно: самоотверженіе, съ которымъ мы принялись учиться и образовываться, отсутствіе ложнаго самолюбія, которое мы обнаружили, отбрасывая свои національные и историческіе предразсудки и строго судя самихъ себя, много говорятъ въ нашу пользу. Эпохѣ русской жизни съ Петра Великаго уже по одному этому принадлежатъ лучшія страницы русской исторіи. Впрочемъ, съ самаго начала реформы, обозначившей новое направленіе на-

шей жизни, и до нашего времени, были люди, которые, идя по пути, указанному Петромъ Великимъ, сохранили оригинальность ума и взгляда; были также такіе, которые только слабо прикрывали свои привычки и понятія наружнымъ лоскомъ европейской образованности. Вездѣ всякихъ довольно бываетъ!

Наконецъ, около нашего времени, этотъ жаръ, эта дѣятельность мало-по-малу начали остывать и истощаться. Несравненно болѣе, ближе, основательнѣе знакомясь съ Европой и всѣмъ европейскимъ, нежели прежде, мы перестали безусловно всему удивляться, всему вѣрить на-слово, какъ сначала. Дурно поймутъ насъ тѣ, которые подумаютъ, что ближайшее знакомство съ Европой было тому причиной, что мы разочаровались въ полутора-вѣковой дѣятельности. Ежедневный фактъ, совершающійся у насъ передъ глазами, разительно опровергаетъ тѣхъ, которые такъ думаютъ. Никогда европейское просвѣщеніе не разливалось такими широкими струями по всей Руси, какъ въ наше время; никогда сношенія наши съ Европой не были такъ дѣятельны; никогда столько европейскихъ идей и свѣдѣній — результатовъ европейской науки, — не вращалось въ Россіи. Просто, мы возмужали и пришли къ тому возрасту, когда и человѣкъ и народъ начинаютъ отдавать отчетъ себѣ въ томъ, что̀ сдѣлалъ и дѣлаетъ. Оттого мы стали строже и къ себѣ и къ другимъ; стали пытливѣе и недовѣрчивѣе. Словомъ, наступило время разсудка, анализа, критики. Этотъ поворотъ въ нашей жизни начался полнымъ отрицаніемъ, сомнѣніемъ во всемъ, даже въ нашихъ юношескихъ силахъ, и очень немногіе поняли настоящій смыслъ этого явленія. Въ литературѣ, въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ послышалась тогда (хоть это было и очень недавно) та странная, пестрая разноголосица, то смѣшеніе языковъ, которыя наполнили собою послѣднее десятилѣтіе и которыхъ замирающіе отзвуки *слышатся еще и до сихъ поръ*. Большинство не вынесло общаго

скепсиса, овладѣвшаго всѣмъ и всѣми. Оно испугалось той видимой пустоты, которую въ немъ оставляло скептическое направленіе времени, и отъ общаго кораблекрушенія преданій, готовыхъ убѣжденій, непередуманныхъ вѣрованій каждый спасался куда могъ и какъ могъ. Отъ дѣйствительности, кто бѣжалъ въ прошедшее и на немъ успокоивался, разумѣется, подкрасивъ его по своему крайнему разумѣнію; кто бѣжалъ въ будущее и въ него перенесъ все то, чего не доставало въ настоящемъ. Самое незначительное число осталось при настоящемъ, смотрѣло на него прямо и старалось разгадать его разумныя требованія. И оно было право, потому что осталось вѣрнымъ дѣйствительности.

Скептическое направленіе — необходимый результатъ отжитаго прошедшаго, необходимый прологъ къ зарождающемуся будущему, — произвело на насъ благодѣтельное дѣйствіе. Недавно еще высказывалось оно рѣзко, отвлеченно, а теперь мы можемъ уже отчасти провидѣть его результаты сквозь хламъ и соръ, которымъ еще завалена наша литература. Такъ мы быстро идемъ впередъ! Оно, какъ медицинскіе яды, съѣло, сожгло въ насъ гнилые соки и очистило кровь. Когда ложныя понятія, взгляды, стремленія, чувства, вся эта формалистика недавняго прошедшаго, въ которомъ оно силилось увѣковѣчиться, мало-по-малу были разшатаны и разрушены, туманъ изчезъ изъ головы, и прежнія аксіомы сдѣлались по крайней мѣрѣ теоремами,—что̀ оставалось дѣлать? Отбросить всѣ нелѣпые и узенькіе взгляды, всѣ изношенныя чувствійца, служившія теперь лишь для пріятнаго, но совершенно безполезнаго препровожденія времени; отказаться отъ предубѣжденій, предрасположеній къ прошедшему и будущему, и серьёзно приняться за дѣло, ища одной истины и ничего больше. Такъ и начинаетъ у насъ быть. Посмотрите, какъ во всемъ замѣтно это новое направленіе! Теперь ужь нѣтъ у насъ такихъ поэ-

щиковъ, которые при-рейнское или бельгійское хозяйство цѣликомъ вводили бы въ своихъ псковскихъ или вологодскихъ помѣстьяхъ; нѣтъ художниковъ, которые только рабски передавали бы произведенія европейскихъ искусствъ; нѣтъ профессоровъ, которые бы слово въ слово читали по заграничнымъ курсамъ. Обращаясь въ особенности къ наукѣ и преподаванію, мы видимъ, что историческое изученіе начинаетъ у насъ вытѣснять догматико-схоластическое, привносившее готовые взгляды въ науку, и, слѣдовательно, непремѣнно предразсудки и предубѣжденія.

Изъ всего сказаннаго мы заключаемъ вотъ что: безусловное заимствованіе европейской цивилизаціи и ученическое отношеніе къ западному міру, характеризующія эпоху русской исторіи отъ Петра до первой четверти XIX вѣка, было, конечно, не случайное, а необходимое, когда они такъ долго поглощали наши силы безъ всякой внѣшней необходимости. Россія вошла въ число европейскихъ государствъ, тѣсно соединила съ ними свою судьбу и, кажется, ей нечего стыдиться этого новаго братства. Какъ бы то ни было, исторія скрѣпляетъ его болѣе и болѣе. Узелъ, однажды завязанный, стягивается все крѣпче, и ужь его теперь ничѣмъ не развязать. Что мы начинаемъ становиться какъ-то повозмужалѣе, начинаемъ выходить изъ-подъ безусловнаго авторитета европейской цивилизаціи, что есть у насъ какое-то еще неопредѣлившееся стремленіе къ самостоятельности — это добрый признакъ, показывающій нашу способность къ развитію. А если мы захотимъ говорить о нашемъ дальнѣйшемъ развитіи просто, безъ затѣй, мы должны будемъ къ каждому слову прибавлять можетъ-быть, весьма вѣроятно, и т. п. Поэтому мы не можемъ ничего заключать ни о будущей самобытной русской наукѣ, ни о противоположномъ, или какомъ бы то ни было отношеніи ея къ *европейской. Все это* будутъ фразы и фразы. Будетъ съ насъ

покуда, если мы выучимся добросовѣстно заниматься наукой какая есть, если обогатимъ себя основательными знаніями по источникамъ, а не изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, и мало-помалу пріучимся прямо, безъ предразсудковъ смотрѣть на вещи. Одного этого дѣла станетъ съ насъ на долго. А тамъ... посмотримъ, что будетъ.

Не такъ понималъ вещи авторъ предисловія. Съ юношескимъ жаромъ онъ вѣрилъ въ будущее, созданное его воображеніемъ. Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ предисловія, въ которыхъ онъ высказалъ свои убѣжденія о нашихъ національныхъ, самобытныхъ элементахъ и ихъ отношеніи къ европейской наукѣ и западному міру. Говоря о Западѣ, авторъ разсуждаетъ такъ:

«Своими опытами жизни и даже своими заблужденіями онъ не менѣе принесъ въ общее достояніе человѣчества и служилъ ему, чѣмъ сколько служили Христіянству, высшему и конечному единству всего человѣческаго, другіе народы и земли своимъ страдательнымъ и робкимъ бездѣйствіемъ; — которое, можетъ-быть, одно дѣлало возможнымъ въ недозрѣвшемъ духовно человѣкѣ сохраненіе въ чистотѣ его духовнаго завѣта.» (стр. 3.)

Здѣсь прямой намёкъ на славянскій міръ. Оправданіе не хорошо! Страдательнымъ и робкимъ бездѣйствіемъ нельзя служить истинѣ; тѣмъ менѣе можетъ оно сохранять въ чистотѣ духовный завѣтъ въ духовно-недозрѣвшемъ человѣкѣ; ибо незрѣлость производитъ недѣятельность и робость, а недѣятельность и робость поддерживаютъ незрѣлость. Тутъ круговая порука, изъ которой мы въ правѣ только заключить, что славянскій міръ еще слишкомъ молодъ, слишкомъ юнъ, — больше ровно ничего. А какіе его духовные дары — этого изъ его робости и бездѣйствія нельзя заключать. Далѣе, авторъ говоритъ (стр. 11):

«Не мудрено впрочемъ, если Западный міръ часто убиваетъ въ насъ нашу собственную самодѣятельность, повергая въ незаконную дремоту всѣ лучшія созидающія силы души, и невольно заслоняя передъ нами тотъ внутренній

міръ мысли, образовъ и убѣжденій, который нераздѣленъ съ духовною личностью каждаго народа.—Едва сознанный или только угадываемый робкою наукою, бѣдный художествомъ слова, нищій дарами искусства, онъ не можетъ не изчезать и не теряться передъ яркими красками, въ которыя облеченъ міръ Западный; онъ остался доселѣ чуждъ всему, что бы облекло его въ ту красоту образовъ, дало его явленіямъ ту осязательность, передъ которыми только и можетъ преклоняться большинство; и потому мудрено ли, если для этого большинства, онъ не можетъ не изчезать передъ обаяньемъ, которое разливаетъ вокругъ себя міръ Западный,—передъ могуществомъ его воспоминаній, изъ которыхъ каждое уже облечено въ краснорѣчивую рамку романса или драмы, величіемъ и гордостію его громкаго многовѣковаго прошедшаго,—всѣмъ блескомъ и соблазномъ его настоящей кипучей и волнующейся жизни... И такъ прекрасны всѣ наши первыя молодыя мечты о немъ, такъ онъ гордо увѣнчанъ передъ нами всѣми красотами поэзіи, природы и искусства — и такъ бѣдна и скудна передъ нами наша жизнь и даже наше прошедшее, слишкомъ строгое и однообразное, чтобъ быть увлекательнымъ и слишкомъ простое, чтобъ быть доступнымъ для многихъ, что наше увлеченье понятно и извинительно даже тамъ, гдѣ оно переходитъ, по видимому, за должныя границы.»

О томъ, убиваетъ ли въ насъ западный міръ наши нравственныя силы или нѣтъ, мы скажемъ послѣ. Теперь нѣсколько словъ о нашемъ «внутреннемъ мірѣ мысли, образовъ и убѣжденій», его простотѣ и однообразіи. Странная вещь! Въ ежедневномъ быту, встрѣчая человѣка однообразнаго, который никогда и ни въ чемъ не выражаетъ ни своихъ чувствъ, ни своихъ мыслей, мы говоримъ: что за несносный, скучный человѣкъ! отворачиваемся отъ него и забываемъ, что онъ существуетъ. Встрѣчая такого же однообразнаго, но въ добавокъ страшнаго говоруна, который твердитъ намъ чужія мысли и чувства, мы бѣжимъ отъ него какъ отъ чумы, и ужь никогда не прійдетъ намъ въ голову, что въ немъ есть хоть что-нибудь оригинальное, самобытное, но обольщенное и задавленное чужимъ добромъ. Наконецъ, встрѣчая точно такихъ же, но еще очень молодыхъ людей, мы ихъ судимъ снисходительно—конечно, не потому, что ихъ безграничное молчаніе, или *несносный* говоръ намъ нравится: единственно потому что эти

очень молодые люди могутъ развиться и сдѣлаться людьми порядочными, умными и оригинальными. Такова житейская, простая, очень здравая логика, и съ ней никто не споритъ, такъ она очевидно вѣрна. Только что мы начинаемъ судить о народахъ и государствахъ—глядь, у насъ ужь совсѣмъ другая логика! А казалось бы — дважды-два вездѣ и всегда четыре. Если нашъ «внутренній міръ» выражаетъ только «робкая наука», которая «едва сознаетъ или только угадываетъ его»; если онъ и «бѣденъ художествомъ слова и нищь дарами искусства», что жь прикажете намъ съ нимъ дѣлать?—Имъ восхищаться, наслаждаться — нельзя. Но автору хотѣлось заставить насъ полюбить его... Такой внутренній міръ долженъ быть или крайне бѣденъ, или еще очень неразвитъ. Будь онъ богатъ или зрѣлъ, онъ непремѣнно въ чемъ бы нибудь да выразился: въ наукѣ, въ искусствѣ, въ практической жизни, словомъ, въ чемъ-нибудь.

Что значатъ слова: «слишкомъ строгое и однообразное, чтобъ быть увлекательнымъ и слишкомъ простое, чтобъ быть доступнымъ для многихъ?» Строгая и однообразная внѣшность тогда велика, когда она есть выраженіе и условіе глубокаго, сознательнаго содержанія. Иначе она просто скучна и несносна. Простота не есть необходимая спутница строгости и однообразія; мы часто видимъ ее и въ разнообразіи. Глубина содержанія придаетъ ей цѣну. Безъ него она не добродѣтель...

По поводу изданія «Вооруженія Русскихъ Войскъ» авторъ замѣчаетъ (стр. 14):

«Эта книга впервые облекла для насъ въ образы и лица нашу забытую старину; мы узнали, по крайней мѣрѣ, въ чемъ ходили наши предки, какой видъ имѣли наши древніе города и села, и то уже много для перваго начала. Теперь только начинаетъ быть возможнымъ для поэта романъ или драма изъ нашей *древней жизни*,—*живописцу* картина, ваятелю статуя.

«Еслибы средніе вѣка не оставили по себѣ столько живыхъ слѣдовъ и гордыхъ памятниковъ прошедшаго, которые на каждомъ шагу воскрешаютъ его для Западнаго человѣка, едва ли бы былъ возможенъ романъ Вальтеръ-Скотта, или Фаустъ Гёте. Мы не были такъ счастливы, какъ Западъ; отъ нашего прошедшаго уцѣлѣли одни немногіе остатки, разбросанные по всему безграничному пространству Россіи. Въ томъ, разумѣется, столько же виноваты мы, сколько отцы наши и дѣды, но болѣе всего виновато то неуваженіе и невниманіе къ своей исторической жизни, которое вообще замѣтно вездѣ, гдѣ жизнь народная еще преобладаетъ надъ жизнью Государственной.»

Со всѣмъ этимъ нельзя согласиться. Что «Вооруженіе Русскихъ Войскъ», изданіе чрезвычайно важное для древней русской исторіи, и въ особенности для русской археологіи, это совершенно безспорно, и никто, конечно, въ этомъ не сомнѣвается. Но можетъ ли оно служить матеріяломъ для русскаго народнаго романа, для русской народной драмы? это другой вопросъ. Для того и другаго нужны прежде всего лица, характеры, нужна жизнь съ глубокими нравственными интересами, съ всемірными вопросами, въ какой бы формѣ они не являлись... На Западѣ лице, человѣкъ, съ самаго начала на первомъ планѣ. Оттого средне-вѣковая жизнь и оставила послѣ себя столько живыхъ воспоминаній, столько гордыхъ памятниковъ. И оттого эти воспоминанія такъ живы, эти памятники такъ горды, что на нихъ неизгладимая печать творческаго генія человѣка. Создай ихъ человѣкъ, подавленный природой и непосредственностью всякаго рода, тогда они стали бы ниже всякой былинки, ниже червяка, вышедшаго изъ рукъ природы. Но еслибъ эти памятники западной жизни и изчезли отъ времени, отъ случайныхъ причинъ,—жизнь, ихъ создавшая, сохранилась бы и безъ того въ цѣломъ послѣдующемъ бытѣ европейскаго человѣчества. Оттого неправъ авторъ, когда онъ говоритъ, что только эти памятники, эти воспоминанія сдѣлали возможными романы Вальтеръ-Скотта и «Фауста» Гёте. Ихъ сдѣлала возможными средне-вѣковая жизнь

Европы. Для романа и драмы мало одной формы, нужно содержаніе, а его нельзя выдумать и навязать прошедшему... На счетъ причинъ, почему не многое уцѣлѣло отъ нашего прошедшаго (хоть это и не совсѣмъ справедливо), мы готовы согласиться съ авторомъ; только выразились бы иначе... Только то для человѣка и народа дорого, что̀ онъ сознательно создавалъ и дѣлалъ, и дѣйствительно, только то и имѣетъ цѣну, въ чемъ выказался мыслящій и чувствующій человѣкъ, или народъ. Предшествующее его состояніе только по отношенію къ этой эпохѣ интересно и любопытно знать, но не болѣе, какъ любопытно. Еслибъ не было Петра и теперешней Россіи, еслибъ въ глубинѣ нашего сердца не было какого-то чаянія великаго будущаго, котораго, впрочемъ, нельзя вполнѣ предугадывать, то вся древняя русская исторія не имѣла бы того интереса, какой мы въ ней находимъ.

Въ этихъ и другихъ мѣстахъ авторъ не прямо выразилъ свою задушевную мысль, что славянскій міръ ни чуть не бѣднѣе, даже богаче западнаго, только онъ не признанъ, потому что не высказался, не выразилъ вовнѣ сокровищъ, которыя въ немъ скрываются. Мысль, какъ мы показали, очевидно ложная, не историческая; но она опредѣлила и взглядъ автора на отношеніе этихъ двухъ міровъ. Онъ считаетъ ихъ противоположными; онъ непрямо высказываетъ, что между ними не можетъ быть полнаго сочувствія, братства; что міръ западный неблагопріятно дѣйствуетъ на насъ и подавляетъ наши нравственныя силы. Вотъ въ доказательство нѣсколько мѣстъ:

«Мы должны помнить, что такое даровое богатство (то есть западная наука, нами усвоенная), ни чѣмъ не купленное, развѣ *утратами изъ своей внутренней жизни*,—непрочно;—что это просвѣщеніе, хотя и привитое къ намъ, не могло перейдти въ кровь и соки самой жизни и передать ей своего прошедшаго, своихъ вѣрованій и надеждъ, въ которыхъ вся его сила и живое могущество. Оно привито къ намъ, но пока остается въ насъ какимъ-то междоумкомъ,—чѣмъ-то совершенно чуждымъ и внѣшнимъ всему нашему осталь-

ному существованію, какимъ-то тепличнымъ растеніемъ, оторваннымъ отъ своего корня и родимой почвы, и потому лишеннымъ всѣхъ своихъ живыхъ соковъ и повидимому *необѣщающимъ никакого живаго плода*» (стр. 3 и 4).

«Развѣ не такъ же простодушно убѣждены мы, что другихъ путей для мысли, науки или жизни болѣе нѣтъ и быть не можетъ и не должно; и что намъ, за одно съ послѣдующими поколѣніями Запада, остается и возможно только продолжать или оканчивать имъ начатое? Но окончить свое дѣло и привести свое просвѣщеніе къ его послѣднимъ общественнымъ и умственнымъ итогамъ можетъ только самъ Западъ, *довершая назначенный ему кругъ жизни*. Мы же, раздѣленные съ нимъ всѣмъ нашимъ прошедшимъ и всѣмъ, что есть въ насъ своего и живаго, продолжать его дѣла не можемъ; да и Западъ въ помощникахъ и продолжателяхъ себѣ не нуждается, и мы непризванные и непрошенные дѣлатели въ дѣлѣ чужомъ, — въ немъ только лишніе!

«Уже время подумать и о томъ, чтобъ намъ самимъ и изъ себя вырабатывать внутреннія начала своей нравственной и умственной жизни, принявъ на себя и всю отвѣтственность въ ней, умѣя, дать въ ней отчетъ себѣ и другимъ — и связать ее съ своимъ народнымъ прошедшимъ и будущимъ; — а не довольствоваться,—въ пустотѣ своей внутренней жизни,—одними убѣжденіями, взятыми на прокатъ, вмѣстѣ съ послѣдней модой изъ Парижа, или системой изъ Германіи,—посылками безъ вывода или выводами безъ данныхъ, изъ силлогизма, прожитаго или переживаемаго другимъ міромъ... Если же не предвидимъ для себя въ будущемъ ничего, кромѣ тщетной задачи связать себя со всею полнотою Западной жизни; не имѣемъ другой надежды, кромѣ повышенія изъ учениковъ его въ его подмастерья или работники; то заранѣе обрекаемъ себя на всегдашнюю посредственность и умственное несовершеннолѣтіе передъ Западомъ, — который самъ же первый осудитъ и презрительно осмѣетъ всѣ наши непрошенныя жертвы и подвиги и тощіе плоды напрасно растраченной жизни.»

«Напрасно думаютъ, что можетъ быть перенесенъ съ одной почвы на другую весь внутренній міръ человѣка. Переносятся одни формулы его и наглядные выводы, но уже лишенные всѣхъ зачатковъ внутренней жизни. Такъ созрѣлый плодъ, который, повидимому, уже окончилъ свою растительность, падаетъ семенемъ на родную почву и выростаетъ въ новое дерево, и тотъ же плодъ, перевезенный на заморскій рынокъ, служитъ только прихоти немногихъ и дорогимъ аристократическимъ лакомствомъ.»

Этихъ выписокъ, кажется, достаточно, чтобъ показать какъ авторъ смотрѣлъ на отношеніе европейскаго и славянскаго міра. Силлогизмъ простой: между ними нѣтъ ровно ничего общаго. Сближеніе ихъ только наружное. Каждый изъ нихъ эгои-

стически развиваетъ свою жизнь, и славянскій міръ, братаясь съ западнымъ, долженъ быть себѣ на умѣ: попользоваться отъ него всѣмъ, чѣмъ можетъ, что̀ ему нужно и полезно, а потомъ разстаться и идти своей дорогой, какъ шелъ прежде, до Петра. Въ періодѣ реформы онъ слишкомъ увлекся, слишкомъ отдался своему влеченію ко всему западному: впередъ ему нужно быть осторожнѣе и стараться сколько возможно исправить свою ошибку.

Странная мысль! Особенно странная въ наше время, когда всѣ народы стремятся сблизиться и узнать другъ друга; когда сама исторія иногда невольно соединяетъ теперь ихъ жизнь въ одну общую судьбу, приготовляя къ союзу въ любви и истинѣ. Требованіе самостоятельности, самодѣятельности, самомышленія — очень справедливо и разумно. Покуда человѣкъ или народъ самъ не передумаетъ того, чему онъ выучился, что̀ онъ заимствовалъ — все это ему не впрокъ, для него не существуетъ или существуетъ какъ пустая фраза, безсмысленный звукъ. Слѣдовательно, все дѣло въ усвоеніи, въ глубокомъ сознаніи какъ чужаго, заимствованнаго, такъ и своего собственнаго; ибо какъ постороннее не принадлежитъ намъ, пока мы имъ не овладѣли, такъ и свое, непередуманное, несознанное, не существуетъ для насъ. Но какъ заключать отсюда о необходимости особливой русской или славянской науки, противоположной европейской наукѣ? Цѣль науки — истина, а истина одна. Поэтому не можетъ быть двухъ наукъ, какъ не можетъ быть двухъ истинъ. Въ наше время, науки самыя разнородныя, неимѣющія повидимому ничего общаго, начинаютъ мало-по-малу сближаться, узнавать и признавать другъ друга, сливаться въ главныхъ своихъ основаніяхъ, и понимать себя какъ отрасли одной науки. Всякій знаетъ, какъ много всѣ онѣ выиграли чрезъ это взаимное сближеніе: какъ онѣ начали дополняться и объясняться одна другою; сколько ошибокъ испра-

ному существованію, какимъ-то тепличнымъ растеніемъ, оторваннымъ отъ своего корня и родимой почвы, и потому лишеннымъ всѣхъ своихъ живыхъ соковъ и повидимому *необщающимъ никакого живаго плода*» (стр. 3 и 4).

«Развѣ не такъ же простодушно убѣждены мы, что другихъ путей для мысли, науки или жизни болѣе нѣтъ и быть не можетъ и не должно; и что намъ, за одно съ послѣдующими поколѣніями Запада, остается и возможно только продолжать или оканчивать имъ начатое? Но окончить свое дѣло и привести свое просвѣщеніе къ его послѣднимъ общественнымъ и умственнымъ итогамъ можетъ только самъ Западъ, *довершая назначенный ему кругъ жизни*. Мы же, раздѣленные съ нимъ всѣмъ нашимъ прошедшимъ и всѣмъ, что есть въ насъ своего и живаго, продолжать его дѣла не можемъ; да и Западъ въ помощникахъ и продолжателяхъ себѣ не нуждается, и мы непризванные и непрошенные дѣлатели въ дѣлѣ чужомъ, — въ немъ только лишніе!

«Уже время подумать и о томъ, чтобъ намъ самимъ и изъ себя вырабатывать внутреннія начала своей нравственной и умственной жизни, принявъ на себя и всю отвѣтственность въ ней, умѣя, дать въ ней отчетъ себѣ и другимъ — и связать ее съ своимъ народнымъ прошедшимъ и будущимъ; — а не довольствоваться,—въ пустотѣ своей внутренней жизни,—одними убѣжденіями, взятыми на прокатъ, вмѣстѣ съ послѣдней модой изъ Парижа, или системой изъ Германіи,—посылками безъ вывода или выводами безъ данныхъ, изъ силлогизма, прожитаго или переживаемаго другимъ міромъ... Если же не предвидимъ для себя въ будущемъ ничего, кромѣ тщетной задачи связать себя со всею полнотою Западной жизни; не имѣемъ другой надежды, кромѣ повышенія изъ учениковъ его въ его подмастерья или работники; то заранѣе обрекаемъ себя на всегдашнюю посредственность и умственное несовершеннолѣтіе передъ Западомъ, — который самъ же первый осудитъ и презрительно осмѣетъ всѣ наши непрошенныя жертвы и подвиги и тощіе плоды напрасно растраченной жизни.»

«Напрасно думаютъ, что можетъ быть перенесенъ съ одной почвы на другую весь внутренній міръ человѣка. Переносятся одни формулы его и наглядные выводы, но уже лишенные всѣхъ зачатковъ внутренней жизни. Такъ созрѣлый плодъ, который, повидимому, уже окончилъ свою растительность, падаетъ семенемъ на родную почву и выростаетъ въ новое дерево, и тотъ же плодъ, перевезенный на заморскій рынокъ, служитъ только прихоти немногихъ и дорогимъ аристократическимъ лакомствомъ.»

Этихъ выписокъ, кажется, достаточно, чтобъ показать какъ авторъ смотрѣлъ на отношеніе европейскаго и славянскаго міра. Силлогизмъ простой: между ними нѣтъ ровно ничего общаго. Сближеніе ихъ только наружное. Каждый изъ нихъ эгои-

ному существованію, какимъ-то тепличнымъ растеніемъ, оторваннымъ отъ своего корня и родимой почвы, и потому лишеннымъ всѣхъ своихъ живыхъ соковъ и повидимому *необѣщающимъ никакого живаго плода*» (стр. 3 и 4).

«Развѣ не такъ же простодушно убѣждены мы, что другихъ путей для мысли, науки или жизни болѣе нѣтъ и быть не можетъ и не должно; и что намъ, за одно съ послѣдующими поколѣніями Запада, остается и возможно только продолжать или оканчивать имъ начатое? Но окончить свое дѣло и привести свое просвѣщеніе къ его послѣднимъ общественнымъ и умственнымъ итогамъ можетъ только самъ Западъ, *довершая назначенный ему кругъ жизни*. Мы же, раздѣленные съ нимъ всѣмъ нашимъ прошедшимъ и всѣмъ, что есть въ насъ своего и живаго, продолжать его дѣла не можемъ; да и Западъ въ помощникахъ и продолжателяхъ себѣ не нуждается, и мы непризванные и непрошенные дѣлатели въ дѣлѣ чужомъ, — въ немъ только лишніе!

«Уже время подумать и о томъ, чтобъ намъ самимъ и изъ себя вырабатывать внутреннія начала своей нравственной и умственной жизни, принявъ на себя и всю отвѣтственность въ ней, умѣя, дать въ ней отчетъ себѣ и другимъ — и связать ее съ своимъ народнымъ прошедшимъ и будущимъ; — а не довольствоваться,—въ пустотѣ своей внутренней жизни,—одними убѣжденіями, взятыми на прокатъ, вмѣстѣ съ послѣдней модой изъ Парижа, или системой изъ Германіи,—посылками безъ вывода или выводами безъ данныхъ, изъ силлогизма, прожитаго или переживаемаго другимъ міромъ... Если же не предвидимъ для себя въ будущемъ ничего, кромѣ тщетной задачи связать себя со всею полнотою Западной жизни; не имѣемъ другой надежды, кромѣ повышенія изъ учениковъ его въ его подмастерья или работники; то заранѣе обрекаемъ себя на всегдашнюю посредственность и умственное несовершеннолѣтіе передъ Западомъ, — который самъ же первый осудитъ и презрительно осмѣетъ всѣ наши непрошенныя жертвы и подвиги и тощіе плоды напрасно растраченной жизни.»

«Напрасно думаютъ, что можетъ быть перенесенъ съ одной почвы на другую весь внутренній міръ человѣка. Переносятся одни формулы его и наглядные выводы, но уже лишенные всѣхъ зачатковъ внутренней жизни. Такъ созрѣлый плодъ, который, повидимому, уже окончилъ свою растительность, падаетъ семенемъ на родную почву и выростаетъ въ новое дерево, и тотъ же плодъ, перевезенный на заморскій рынокъ, служитъ только прихоти немногихъ и дорогимъ аристократическимъ лакомствомъ.»

Этихъ выписокъ, кажется, достаточно, чтобъ показать какъ авторъ смотрѣлъ на отношеніе европейскаго и славянскаго міра. Силлогизмъ простой: между ними нѣтъ ровно ничего общаго. Сближеніе ихъ только наружное. Каждый изъ нихъ эгои-

стически развиваетъ свою жизнь, и славянскій міръ, братаясь съ западнымъ, долженъ быть себѣ на умѣ: попользоваться отъ него всѣмъ, чѣмъ можетъ, что̀ ему нужно и полезно, а потомъ разстаться и идти своей дорогой, какъ шелъ прежде, до Петра. Въ періодѣ реформы онъ слишкомъ увлекся, слишкомъ отдался своему влеченію ко всему западному: впередъ ему нужно быть осторожнѣе и стараться сколько возможно исправить свою ошибку.

Странная мысль! Особенно странная въ наше время, когда всѣ народы стремятся сблизиться и узнать другъ друга; когда сама исторія иногда невольно соединяетъ теперь ихъ жизнь въ одну общую судьбу, приготовляя къ союзу въ любви и истинѣ. Требованіе самостоятельности, самодѣятельности, самомышленія — очень справедливо и разумно. Покуда человѣкъ или народъ самъ не передумаетъ того, чему онъ выучился, что̀ онъ заимствовалъ — все это ему не впрокъ, для него не существуетъ или существуетъ какъ пустая фраза, безсмысленный звукъ. Слѣдовательно, все дѣло въ усвоеніи, въ глубокомъ сознаніи какъ чужаго, заимствованнаго, такъ и своего собственнаго; ибо какъ постороннее не принадлежитъ намъ, пока мы имъ не овладѣли, такъ и свое, непередуманное, несознанное, не существуетъ для насъ. Но какъ заключать отсюда о необходимости особливой русской или славянской науки, противоположной европейской наукѣ? Цѣль науки — истина, а истина одна. Поэтому не можетъ быть двухъ наукъ, какъ не можетъ быть двухъ истинъ. Въ наше время, науки самыя разнородныя, неимѣющія повидимому ничего общаго, начинаютъ мало-по-малу сближаться, узнавать и признавать другъ друга, сливаться въ главныхъ своихъ основаніяхъ, и понимать себя какъ отрасли одной науки. Всякій знаетъ, какъ много всѣ онѣ выиграли чрезъ это взаимное сближеніе: какъ онѣ начали дополняться и объясняться одна другою; сколько ошибокъ испра-

влено, сколько ложныхъ взглядовъ устранено, какой просторъ открылся для мысли. Такъ же должно понимать и развитіе наукъ у различныхъ народовъ. Наука Греціи, Рима, Франціи, Англіи, Германіи — не различныя науки, враждебныя между собою, или по крайней мѣрѣ не имѣющія ничего общаго: онѣ только различные способы пониманія и выраженія одной и той же истины, и потому связаны необходимымъ единствомъ. Каждый народъ смотритъ на одну и ту же истину съ своей, ему свойственной точки зрѣнія. Чѣмъ больше такихъ различныхъ точекъ зрѣнія, такихъ различныхъ способовъ пониманія — тѣмъ лучше, тѣмъ полнѣе, многостороннѣе открывается истина. Оттого — посмотрите: теперь каждый народъ образованный, или стремящійся къ образованію, учится у всѣхъ другихъ, старается познакомиться съ результатами ихъ наблюденій, съ ихъ точкой зрѣнія, — словомъ, съ ихъ наукой, чтобъ самому смотрѣть безпристрастнѣе, глубже и шире понимать истину. Такая замѣна національной исключительности, ложнаго самолюбія и самонадѣянности братскимъ общеніемъ, въ дѣлѣ науки уже принесла и ежедневно приноситъ обильные плоды. Кто ихъ изчислитъ? И наука и народы, отложившіе ложную спѣсь, много выиграли. Непосредственному чувству русскаго человѣка была доступна эта истина. Изъ ежедневнаго опыта, изъ практической жизни, онъ тотчасъ понялъ, что «умъ хорошъ, а два лучше». А мы теперь думаемъ, какъ бы намъ жить, да жить однимъ умомъ!...

Если авторъ предисловія признавалъ возможность исключительно славянской или русской науки, противоположной наукѣ европейской, — мудрено ли, что ему показалось, будто западный міръ убиваетъ нашу самодѣятельность. Допустивъ одно, можно допустить и другое. Пріймите на одну минуту, что есть особенная, исключительно нѣмецкая наука, особенная, исключительно китайская: вы, во первыхъ, дойдете до результата,

что нѣтъ никакой науки, какъ способа пониманія одной истины; а потомъ единство міра и человѣческаго рода для васъ утратится; народы и племена распадутся въ вашихъ глазахъ на отдѣльныя массы, ни чѣмъ несвязанныя между собою, кромѣ случая, или какого-то необъяснимаго, страннаго, Богъ знаетъ почему и зачѣмъ существующаго, инстинкта. Тогда-то вы получите право не шутя спросить: зачѣмъ нѣмецкій инстинктъ сталъ вліять на славянскій? Можетъ-быть, онъ подавляетъ его! Помилуйте, помилуйте! Да развѣ наука, чья бы она ни была, не есть прежде всего взглядъ человѣка на истину? Не предубѣжденіе ли не умѣть въ Нѣмцѣ, Французѣ, Англичанинѣ видѣть человѣка? Что западная наука убьетъ въ насъ исключительно національный взглядъ — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія... Но подавить въ насъ нравственныя и духовныя силы, нашу самодѣятельность, наше самомышленіе? Такъ не дѣйствуетъ никогда истина, въ какой бы формѣ она ни явилась. Напротивъ, она вездѣ и всегда развиваетъ умъ, возбуждаетъ къ дѣятельности дремлющія силы, а не губитъ ихъ. Намъ, можетъ-быть, приведутъ въ примѣръ учениковъ, которые какъ будто подавлены умомъ и знаніями своего учителя, такъ что они стали тупыми и глупыми, — и если мы не ошибаемся, это хотѣлъ сказать авторъ, говоря, что западный міръ убиваетъ въ насъ самостоятельность и оригинальность. Но тутъ что-нибудь изъ двухъ: или ученикъ бездарный — и въ такомъ случаѣ отсутствіе всякаго ученія и учителя не спасло бы его отъ умственнаго и нравственнаго ничтожества; или онъ даровитъ и уменъ: тогда непремѣнно, рано или поздно, онъ освободится изъ-подъ нравственнаго авторитета своего учителя, сдѣлается оригинальнымъ и самостоятельнымъ. Это вовсе не значитъ, что онъ будетъ думать и говорить прямо противоположно съ своимъ учителемъ, или непремѣнно слово въ слово то же, что̀ учитель. Онъ только

будетъ говорить и думать свое, а не чужое. Иное онъ дополнитъ, другое измѣнитъ, третье докажетъ новыми доводами. Сравненіе учителя и его бывшаго ученика покажетъ, что между ними тѣсная, необходимая, внутренняя связь; что послѣдній продолжалъ дѣло перваго, какъ бы ни были, повидимому, различны ихъ взгляды и понятія. А покуда этотъ умный и даровитый ученикъ не сдѣлался оригинальнымъ и самобытнымъ— просто значитъ, что онъ еще молодъ, что его нравственныя силы еще не окрѣпли, что ему не съ чего подняться. Если это такъ — прежде времени не совѣтуйте ему, чтобъ онъ сталъ самобытнымъ, что ему нѣчего повторять слова и мысли учителя. Вы его испортите. Съ вашихъ совѣтовъ онъ станетъ думать о себѣ Богъ знаетъ что, и, пожалуй, сдѣлается хвастливымъ мальчикомъ съ безплодными претензіями на оригинальность. Это будетъ человѣкъ погибшій для науки и истины.

Впрочемъ, comparaison n'est pas raison. Цѣлый народъ не такъ–то скоро собьешь съ толку, какъ отдѣльное лице, особенно русскій народъ, одаренный большимъ практическимъ смысломъ. Ложный совѣтъ своротитъ съ прямаго пути нѣсколько людей, и то не очень талантливыхъ. Они станутъ мечтать о какой–то несуществующей славянской или русской оригинальной наукѣ; одни, учась и занимаясь, дойдутъ до нелѣпыхъ выводовъ; другіе не станутъ ничему учиться, и тѣмъ больше будетъ ихъ заносчивость, ихъ претензіи. И тѣ и другіе сдѣлаются смѣшны и странны. Мимо ихъ пройдетъ не равнодушное, но безпристрастное большинство; еще немного времени — и ихъ совершенно забудутъ. Тѣмъ все и кончится. Останется въ немногихъ сожалѣніе, что эти люди могли бы быть относительно полезны и пропали какъ пустоцвѣтъ...

Если мы однажды пріобщились къ жизни Европы, и нашей полутора-вѣковой исторіей со временъ Петра, и искреннимъ *сочувствіемъ ко* всему европейскому, даже до пожертвованія

исключительною національностію — нечего и думать объ эгоистической отдѣльности, равнодушіи. Съ реформы Петра Великаго все у насъ съ Европой общее, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе; ея силлогизмы, ея стремленія стали нашими; ея дѣло — нашимъ дѣломъ, ея наука — нашей наукой. Вспомнимъ, что не одни мѣстные, частные, исключительно-историческіе интересы Европы мы перенесли на свою почву. Подъ европейской формой мы усвоили и усвоиваемъ себѣ человѣческое, равно близкое и родное всѣмъ племенамъ: истина старая, которая, къ сожалѣнію, слишкомъ часто остается у насъ въ тѣни. Отрицаніе исключительно-національнаго европейскаго, заимствованнаго нами, конечно, прійдетъ со временемъ; будемъ надѣяться; но прежде всего предоставимъ это исторіи. Не достигнувъ полной самостоятельности въ мышленіи, въ дѣйствованіи, мы далеко не въ состояніи опредѣлить, что̀ изъ принимаемаго нами съ запада обще-человѣческое, и что̀ исключительно-историческое, принадлежащее одной Европѣ. Съ послѣднимъ мы стали бы теперь отрицать и первое. Многое заставляетъ насъ такъ думать...

Вотъ все, что̀ мы считали нужнымъ сказать о предисловіи. Можетъ-быть, насъ упрекнутъ за то, что мы разбирали его такъ подробно. Мы съ своей стороны думаемъ, что всякое добросовѣстное убѣжденіе имѣетъ право на внимательную оцѣнку, и чѣмъ оно ошибочнѣе, тѣмъ бо́льшее имѣетъ право на такую оцѣнку.

Мнѣнія, высказанныя авторомъ, были благородны, хотя и ложны. Слова его согрѣты искреннею любовью къ истинѣ и наукѣ. Несмотря на односторонность взгляда, онъ умѣлъ сохранить себя чистымъ отъ грѣха нетерпимости къ противоположнымъ мнѣніямъ, понималъ ихъ важность, и чувствовалъ все обаяніе западнаго міра. Нѣсколько послѣднихъ выписокъ изъ *предисловія* докажутъ это:

«Учителю же и просвѣтителю нашему (то есть Западу) мы обязаны многимъ, и не можемъ не быть благодарны ему за все, что онъ за насъ выработалъ, пережилъ и прострадалъ, и что досталось намъ даромъ, безъ труда, безъ пота и крови, — за добро и зло, истину и ложь, которыя онъ вынесъ изъ своего долгаго трудоваго вѣка. На Западѣ впервые были подняты и пробуждены всѣ вопросы науки и жизни къ міровой дѣятельности, и во всемъ живомъ многообразіи ихъ развивавшейся и ими развиваемой личности; у западнаго человѣка достало мужества, чтобъ не остановиться ни передъ однимъ вопросомъ, и не испугаться ни одной крайности умственнаго или нравственнаго міра. И потому обвинять ли его въ этихъ крайностяхъ? Онѣ были лишь неизбѣжными спутниками его духовной отваги и страстной дѣятельности» (стр.3).

«Такой взглядъ во многомъ, можетъ-быть вовсе не раздѣляемъ многими изъ участниковъ въ изданіи, какъ въ томъ можно убѣдиться изъ многихъ статей, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ,—а потому не должно быть смѣшиваемо одно съ другимъ. Всякій взглядъ и всякое представленіе фактовъ могутъ быть болѣе или менѣе ошибочны, но факты остаются тѣ же, какъ бы не было односторонно ихъ представленіе (если только оно добросовѣстно); и самое заблужденіе, если не прямо, то противодѣйствіемъ, которое оно вызвало или вызоветъ, одинаково вырабатываетъ то истинное воззрѣніе или ту истину, которая должна окончательно утвердиться въ наукѣ и сдѣлаться ея *общимъ мѣстомъ*. Ошибаться можемъ и мы, болѣе или менѣе, такъ же какъ и другіе; всякое воззрѣніе вырабатывается окончательно только временемъ и только временемъ освобождается отъ всего личнаго и случайнаго.—Но только наука и добросовѣстное изученіе ея во всѣхъ ея многосторонніихъ направленіяхъ и во всей односторонности каждаго изъ нихъ можетъ окончательно разоблачить вопросы отъ всего ихъ случайнаго и навсегда утвердить на незыблемой почвѣ. Для такой же послѣдней задачи и цѣли всякой науки и всякаго знанія одинаково служитъ и всякое заблужденье и даже не рѣдко болѣе, чѣмъ недозрѣлая, недодуманная или недосказанная истина» (стр. 20).

Языкъ предисловія хорошъ, мѣстами превосходенъ.

За тѣмъ слѣдуетъ введеніе, или «статья вмѣсто введенія» г. А. Хомякова. Опредѣлить ея содержаніе трудно. Это очеркъ послѣднихъ судебъ древняго міра, начала новаго и разселенія племенъ, преимущественно славянскихъ. Кой гдѣ указаны важнѣйшія событія въ исторіи послѣднихъ, кромѣ Россіи — все въ самыхъ краткихъ чертахъ. Впрочемъ, дѣло вовсе не въ содержаніи. Какъ издатель принялъ такую статью въ «Сборникъ», *почти исключительно* посвященный Славянамъ, и напе-

чаталъ вмѣсто введенія, которое, какъ всѣмъ извѣстно, должно быть выраженіемъ духа и направленія цѣлой книги, мы понять не можемъ! Тутъ, вѣроятно, какое нибудь недоразумѣніе между издателемъ и авторомъ.

Статью открываетъ игра историческими фактами и несомнѣнными историческими истинами, словомъ, игра въ исторію: заключаетъ — иронія надъ всѣмъ славянскимъ міромъ, его прошедшимъ и будущимъ. Сначала, ничего не подозрѣвая, мы хотѣли было добросовѣстно разбирать статью; но уже на второй страницѣ натолкнулись на слѣдующее мѣсто:

«Налётъ Великихъ Гунновъ перемѣнилъ направленіе движенія Германскаго. Кто бы ни были эти воинственные выходцы при-Волжья—послѣдствіе ихъ налёту (а) ясно. Удары Аттилы были направлены болѣе на область Германскую, чѣмъ на Римъ. Византію онъ оставилъ въ совершенномъ покоѣ, и Западная Имперія кажется навлекла его гнѣвъ только тѣмъ, что подала помощь и убѣжище Германцамъ. Ослабленные и испуганные Готѳы, Бургундцы, Свевы, Аланы бросились всѣ на Западъ. Даже послѣ смерти великаго завоевателя они не смѣли или не могли возвратиться къ странамъ восточнымъ, откуда налетѣла на нихъ Гунская буря, и поселились навсегда въ новопокоренныхъ ими областяхъ.»

Это насъ нѣсколько смутило. Мы было хотѣли сказать: вотъ взглядъ совершенно новый на движеніе народовъ въ V столѣтіи! Мы знали Аттилу великимъ завоевателемъ, губителемъ государствъ и народовъ, которому подобные являются только въ исторіи монгольскаго племени; г. Хомяковъ показываетъ его съ другой, доселѣ незамѣченной стороны. Его Аттила глубокомысленный политикъ, предвидящій будущія событія, — оскорбленія, которыя Славянамъ суждено было вынести отъ Германцевъ. Вотъ объясненіе всей дѣятельности, всѣхъ походовъ гуннскаго царя. Признаемся откровенно, такія мысли не могли бы прійдти въ голову настоящему историку, привыкшему вѣрить только свидѣтельству источниковъ. О планахъ, приписанныхъ Аттилѣ и его враждѣ къ германскому

міру, нѣтъ ни одного слова ни въ одномъ современномъ источникѣ. Тѣмъ болѣе славы г. Хомякову: тамъ, гдѣ умолчалъ скромный голосъ науки, поднялъ онъ свой голосъ. Силою поэтическаго прозрѣнія, онъ угадалъ не только сокровенный смыслъ событій, доселѣ являвшихся намъ въ другомъ видѣ, но даже тайныя мысли Аттилы. Онъ знаетъ, чѣмъ именно навлекла на себя его гнѣвъ Западная Имперія: она подала помощь и убѣжище Германцамъ — ясное дѣло! Но охватывая своимъ взглядомъ массы событій, г. Хомяковъ, разумѣется, не всегда обращаетъ вниманіе на подробности. Ему позволительно пренебрегать той математической строгостью, которая, по его же прекрасному выраженію, хотя и «составляетъ лучшую отраду въ жизни ученыхъ мужей», однако «не совершенно необходима для человѣческаго просвѣщенія». Обреченные на трудъ болѣе скромный, мы позволяемъ себѣ указать на нѣкоторыя мелочи, незамѣченныя авторомъ. Во первыхъ, Аттила не оставлялъ Византіи въ совершенномъ покоѣ. Онъ опустошалъ ее ежегодными набѣгами до самаго вступленія на византійскій престолъ императора Маркіана: Гунны обратили въ безлюдную степь земли, лежащія между Дунаемъ и Балканомъ. Византійцы рѣдко прибѣгали къ открытому сопротивленію, откупались отъ большой бѣды данью, а иногда прибѣгали и къ худшимъ средствамъ, какъ напримѣръ къ отравѣ. Ѳеодосій II покушался на жизнь Аттилы. Ссылаемся на признаніе самихъ византійскихъ писателей, въ особенности на ритора Приска, который ѣздилъ съ извиненіями къ царю Гунновъ. Во вторыхъ, въ числѣ «испуганныхъ» и загнанныхъ Аттилою на западъ германскихъ племенъ, г. Хомяковъ называетъ Бургундовъ, которые жили около Рейна, когда о Гуннахъ еще не было и слуха,—и Алановъ, которые, по всей вѣроятности, были Славяне. Въ третьихъ, г. Хомяковъ говоритъ, что Германцы, отброшенные Аттилою *на западъ*, не смѣли или не могли возвратиться на ро-

дину даже по смерти завоевателя. Не смѣли? Врядъ ли такъ! Германскія племена Ост-Готы и Гепиды наиболѣе содѣйствовали къ паденію Гуннскаго царства. А другихъ, испуганныхъ Аттилою Германцевъ, которыхъ онъ загналъ въ Галлію, Испанію и Италію, лучшія страны юго-западной Европы, еще богатыя остатками римской цивилизаціи, вѣроятно, не слишкомъ манила назадъ болотистая и лѣсная родина...

Все это мы было хотѣли сказать г. Хомякову, какъ вдругъ насъ озарила яркая мысль... Мы поняли, что дались въ обманъ, и невольно покраснѣли. Потомъ мы ужь съ наслажденіемъ прочитали слѣдующія строки:

(На стр. 3). «Семьи, болѣе удаленныя отъ римскихъ предѣловъ, сохранили съ большей чистотой семейное начало и характеръ человѣческій. Таковы въ особенности Саксонцы, которыхъ впрочемъ ни по языку, ни по обычаямъ, ни по религіи не должно считать за чистыхъ Германцевъ. Къ несчастію, именно тѣ семьи, которыя были покорены римской власти, которыя утратили уже многое изъ своей народности и первобытныхъ достоинствъ въ наемной службѣ чужеземцу, въ наслажденіяхъ развратнаго и роскошнаго Рима... заняли первое мѣсто въ жизни Западной Европы. Покоривъ Галлію, Франки, удержанные съ юга Готѳами, а послѣ того непобѣдимою силою Аравитянъ, опрокинулись снова на востокъ... Германія исказилась возвратомъ въ ея нѣдра уже искаженной стихіи германской...

«Норманны, бездомные, безсемейные и бездушные, передъ судомъ людей, безпристрастно оцѣнивающихъ животное мужество и животную доблесть, Норманны разрушили старую Англію и перенесли въ нее весь гнусный развратъ и весь безчеловѣчный бытъ, которому научились они во Франціи, и которому Франки учили всю Европу.»

Что за забавная игра — игра въ исторію! Факты въ ней, какъ стеклышки въ калейдоскопѣ: стоятъ кверху ногами, а что-то выходитъ! Разумѣется, никто не дастъ статьи г. Хомякова прочитать молодому человѣку, который вовсе незнакомъ съ исторіей, потому что послѣ ему бы и въ жизнь не выучиться исторіи. А прочитать ее такъ, знаете ли, для курьёза, пріятно! Кто не знаетъ, что вся новая образованность Европы

вышла изъ соединенія римскаго, или, въ болѣе обширномъ смыслѣ, античнаго начала съ началомъ германскимъ? Кто не знаетъ, какую роль играли при этомъ соединеніи Франки? Они были главнымъ изъ племенъ германскихъ. Они отстояли для западной Европы полученное ими въ наслѣдіе отъ Рима христіянство и образованность противъ двоякаго натиска язычества и ислама. Г. Хомякову тотчасъ представилось: а что выйдетъ если Франковъ выдать и развратными и развратившими Германію? Я-чай, многіе посмѣются? И точно, смѣшно до слезъ! Франкъ Карлъ Мартеллъ побѣдою 732 года удержалъ вторженіе ислама въ Европу, а г. Хомяковъ тотчасъ выворотилъ этотъ фактъ на изнанку, и говоритъ, что Арабы удержали вторженіе Франковъ въ южную Европу... Франкъ Карлъ Великій, покореніемъ Саксовъ положилъ конецъ политическому значенію язычества въ Европѣ, а г. Хомяковъ хулитъ и Римъ, изъ котораго взято христіянство Франками, и Франковъ, которые утвердили его въ Европѣ. Фактъ, дознанный совокупными розысканіями всѣхъ знаменитѣйшихъ историковъ и филологовъ, что Саксы—коренное германское племя, которое только жило въ сосѣдствѣ съ Славянами; а г. Хомяковъ, продолжая игру въ исторію, говоритъ, что саксонское племя мѣшаное... Что это за милая игра, право! Исландскія саги и стройныя государства, основанныя Норманами, даютъ намъ высокое поэтическое понятіе объ этихъ завоевателяхъ, этихъ странствователяхъ по морямъ, а г. Хомяковъ представляетъ ихъ животными... да, животными, людьми бездушными, съ животнымъ мужествомъ и животною доблестью!..

Дивная игра въ исторію! Знаете что, читатель? Когда, послѣ жирнаго обѣда, или въ другое время, вы будете чувствовать себя неспособнымъ ни къ чему дѣльному и серьёзному, возьмите нѣсколько бумажекъ, ровно обрѣзанныхъ, и напи*шите на каждой* имя какого нибудь историческаго лица, наз-

ваніе мѣста, города, рѣки или области; какой-нибудь глаголъ, напр.: развратилъ, побѣдилъ, внесъ, налетѣлъ, опрокинулъ; прибавьте: дикій бытъ, какое-нибудь прилагательное, наприм. гнусный, развратный, бездомный, бездушный. Перемѣшайте потомъ все это хорошенько и выньте на угадъ. Будутъ выходить уморительныя вещи, наприм., что Александръ Великій на Мысѣ Доброй Надежды дрался съ Эскимосцами, или что Гунны загнали Бургундовъ на западъ Европы— какъ вышло у г. Хомякова. Вотъ вамъ и весь секретъ игры въ исторію! Она очень смѣшна, и потому содѣйствуетъ пищеваренію, прогоняетъ сплинъ; въ добавокъ она даетъ незамѣтно пройдти времени, котораго нельзя порядочно употребить. Чудная игра!

Въ ироніи надъ Славянами, г. Хомяковъ превзошелъ самого себя. Посмотришь съ проста, г. Хомяковъ, кажется, хвалитъ Славянъ до-нельзя, а послѣ, глядь, все насмѣшки, да еще какія! Въ томъ-то вся и сила. Что̀ въ самомъ дѣлѣ за ирония, которая съ-оника бросается въ глаза?... Сначала, г. Хомяковъ такъ и разсыпается въ похвалахъ Славянамъ. И «не выселялись-то они въ чужую область», а все дома сидѣли; и «не развращали они своéй внутренней жизни соблазнительнымъ преступленіемъ завоеваній», и общины-то ихъ были «безыскусственны» и пр. и пр... А какія похвалы! Все насмѣшки и неправды. Сказано, напр., что у Слявянъ процвѣтало землепашество и торговля, а не сказано, и умышленно, что Венды-Поморяне были страшные разбойники и въ этомъ не уступали бездушнымъ Норманнамъ. Разумѣется, игра не имѣетъ никакого историческаго достоинства: вся сила ея — въ ироніи. Но такъ какъ это не всякій съ разу пойметъ, а иной, пожалуй, приметъ статью и за чистыя деньги, то г. Хомяковъ спохватился, правда во время, и чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе иронизируетъ, такъ что и не очень догадливый и тотъ догадается. Тамъ похвалитъ Славянъ за то, что ихъ обманывали и угнета-

ли; здѣсь скажетъ, что всякій встрѣчный-поперечный употреблялъ ихъ, какъ «орудіе своихъ завоеваній». Въ другомъ мѣстѣ, они, кроткіе и миролюбивые, рѣжутся у него между собою мало что за себя, за другихъ; на 5-й страницѣ онъ похвалилъ ихъ, да и сказалъ, будто ненарокомъ, что, принадлежа къ восточной церкви, западные Славяне не замѣчали различія ея съ католической; на страницѣ 7-й опять похвалилъ, и опять мимоходомъ замѣтилъ, что одинъ изъ дружныхъ братьевъ славянской семьи «выговорилъ себѣ» у чужеземца Тевтона «право безнаказанно губить своихъ братьевъ». Одинъ серьёзный и добросовѣстный, но, какъ видно, недальній человѣкъ замѣтилъ намъ, что, по словамъ г. Хомякова, «Германія при св. Генрихѣ съ трепетомъ ожидала своего паденія» отъ побѣдъ Славянъ; а откуда это извѣстіе, Богъ-вѣсть! Насъ досада взяла при этомъ замѣчаніи. Какъ, кажется, не понять, что весь интересъ не въ исторической истинѣ, а въ ироніи? Человѣкъ дочитался до конца статьи, и не могъ этого замѣтить!

Въ заключеніи, г. Хомяковъ изъ ироническаго, смѣющагося тона, вдругъ переходитъ въ высоко-комическій. Онъ становится возвышеннымъ сатирикомъ. Вотъ что онъ говоритъ:

«Быть можетъ, Провидѣніе, не благословившее праведныхъ подвиговъ земли Вендской, спасло стихію славянскую отъ искаженья. Завоеватели области Германской, — Славяне повторили бы въ исторіи міра тѣ же самыя явленья, которыя сопровождали торжество Тевтоновъ надъ Римомъ и исказили въ нихъ начало человѣческое.»

«Долго страдавшій, но окончательно спасенный въ роковой борьбѣ, болѣе или менѣе искаженный чуждою примѣсью, но нигдѣ незаклейменный наслѣдственно печатью преступленья и неправеднаго стяжанья, славянскій міръ хранитъ для человѣчества если не зародышъ, то возможность обновленья.»

Какая насмѣшка надъ внутренними силами славянскаго племени! Какая иронія въ словахъ: «если не зародышъ, то возможность обновленья». На все будущее Славянъ ими брошенъ мрачный свѣтъ! Кто не знаетъ, что гдѣ нѣтъ зародыша, тамъ

нѣтъ и возможности?... Талантъ автора несомнѣненъ. Особенно пріятно было намъ видѣть, что г. Хомяковъ принадлежитъ къ тому малому избранному числу русскихъ писателей, которыхъ удачные опыты заставляютъ идти впередъ, развиваться. Мы съ большимъ удовольствіемъ прочли первый историческій трудъ г. Хомякова — «Царствованіе Ѳедора Іоанновича»; второй — «Двѣнадцать лѣтъ царствованія Іоанна Грознаго» несравненно выше. Третій, который мы разбирали,— верхъ совершенства...

Слѣдующія за тѣмъ статьи «Сборника» могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: однѣ изъ нихъ чисто ученыя, чуждыя всякихъ умствованій и разглагольствованій, и просто разсказывающія намъ факты и выводы изъ нихъ. Другія проводятъ направленіе и наполнены «взглядами»... Первыми цѣль и назначеніе «Сборника» достигаются вполнѣ. Онѣ даютъ положительныя свѣдѣнія о предметахъ мало извѣстныхъ, и потому заслуживаютъ большаго вниманія и благодарности. Достоинство ихъ, разумѣется, неодинаково, что, однако, не мѣшаетъ всѣмъ имъ быть очень интересными, особливо для занимающихся славянскимъ міромъ и Славянами. Вотъ эти статьи:

«Юридическій бытъ Силезіи и Лужицъ и введеніе въ эти земли Нѣмецкихъ Колонистовъ». Статья, составленная по книгѣ Цшоппе и Штенцеля г. К. Кавелинымъ. Послѣ очень короткаго очерка національно-славянскаго юридическаго быта въ Силезіи и Лужицахъ (Лаузицѣ), разсказаны причины введенія сюда нѣмецкихъ колонистовъ, и представлены права и устройство нѣмецкихъ общинъ.

«Исторія древняго наслѣдственнаго права (по закону) у Славянъ». Превосходное сочиненіе г. Г. Губе, удостоенное преміи Юридическимъ факультетомъ Варшавскаго университета, съ дополненіемъ, составленнымъ переводчикомъ этого сочиненія на нѣмецкій языкъ.

«Объ опекѣ и наслѣдствѣ по Русской правдѣ» г. А. Попова. Факты, относящіеся къ наслѣдованію и опекѣ въ эпоху Русской правды такъ изчерпаны, что трудно сказать о нихъ что-нибудь новое. Нужно бы сравнить ихъ съ древними постановленіями прочихъ Славянъ и подробно изучить наслѣдованіе и опеку въ русскихъ княжескихъ владѣтельныхъ родахъ. Для перваго кое-что сдѣлано авторомъ; для втораго—ничего.

«О земледѣліи, промышленности и вообще богатствахъ Польши въ XV и XVII вѣкѣ». Статья, составленная по книгѣ Суровецкаго. Въ ней говорится о цвѣтущемъ состояніи земледѣлія, городовъ и торговли въ Польшѣ, и причинахъ ихъ упадка. Авторъ долженъ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ коснуться юридическаго быта Польши. И то и другое очень любопытно.

«Волинъ, Іомсбургъ и Винета». Историческое изслѣдованіе г. Т. Грановскаго, профессора исторіи среднихъ вѣковъ при Московскомъ университетѣ. Ученое, превосходно написанное разсужденіе о городахъ или поселеніяхъ на островѣ Волинѣ, которые слились въ преданіяхъ въ одинъ баснословный славянскій городъ Винету. Изслѣдователь доказываетъ въ своемъ сочиненіи, что Волинъ вендское поселеніе, Іомсбургъ — крѣпость, основанная Норманнами близь Волина; Винета—городъ, никогда несуществовавшій. Это разсужденіе писано г. Грановскимъ на степень магистра, и въ минувшемъ году, на публичномъ диспутѣ, подало поводъ къ жаркимъ преніямъ...

«Извлеченіе изъ письма Рабби Хисдай Бэнъ Ицкахъ къ царю Хозарскому». переведенное съ еврейскаго г. К. Коссовичемъ. Не понимаемъ, какъ оно попало въ «Сборникъ»; въ немъ нѣтъ ничего о Славянахъ. Разъ только упоминается о Руссахъ и Болгарахъ, да и то такъ, что изъ этого извѣстія ничего нельзя вывести.

«О лубочныхъ картинахъ Русскаго народа», нашего извѣстнаго *достопочтеннаго* археолога И. М. Снегирева. Сначала,

эта статья была напечатана въ «Москвитянинѣ» и заслужила лестные отзывы знаменитаго Я. Гримма. Послѣ, сочинитель передѣлалъ ее вновь, дополнилъ многими любопытными подробностями, и въ этомъ видѣ вошла она въ составъ «Сборника». Мы прочли ее съ большимъ наслажденіемъ. Авторъ служитъ русской исторіи не словомъ, а дѣломъ. Нигдѣ онъ не хвалитъ, нигдѣ не бранитъ, а только разсказываетъ любопытнѣйшія вещи, которыя достались ему не даромъ, требовали большихъ усилій и предполагаютъ близкое знакомство съ бытомъ простаго народа. Сколько ума, остроты, ироніи въ русскомъ человѣкѣ! Какъ онъ уменъ и даровитъ отъ природы! Жаль, что «странные» взгляды мѣшаютъ покойно и вдоволь имъ насладиться.

«О значеніи слова «черный» въ древнемъ Русскомъ языкѣ и преимущественно о черномъ борѣ Новгородскомъ». Эта статья принадлежитъ г. С. Соловьеву, профессору русской исторіи при Московскомъ университетѣ,—тому самому, съ которымъ мы уже имѣли случай весьма пріятнымъ образомъ познакомиться при разборѣ его сочиненія объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ. Статья дѣльная, прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ. Начитанный и добросовѣстный авторъ доказываетъ, что слово «черный», равно какъ и «дикій», значило у насъ прежде: общій, неопредѣленный, остальной, прочій, къ извѣстному разряду лицъ или вещей непринадлежащій, ничей. Ex contrario «бѣлый» означало: опредѣленный, ясный, кому-либо принадлежащій. Толкованіе, какъ намъ кажется, поразительно вѣрное. Множество техническихъ словъ въ нашей древней терминологіи, особенно юридической, объясняются имъ какъ нельзя лучше, напр. слово «обѣлить», которое встрѣчается въ различныхъ смыслахъ, по видимому противорѣчащихъ другъ другу. То же безпристрастіе, то же чисто историческое направленіе, которое замѣтили мы въ диссертаціи, нашли здѣсь.

Два примѣчанія, означенныя звѣздочками составляютъ исключеніе. Но они принадлежатъ не автору, а издателю.

«Христіянство въ Абиссиніи». Статья 1. Авторъ ея — покойный издатель «Сборника», г. Валуевъ. Послѣ краткаго введенія, въ которомъ доказывается, что Кельты принадлежали первоначально къ восточной, а не римской церкви, и что первые ихъ просвѣтители были восточные проповѣдники, авторъ переходитъ къ главному предмету статьи и доказываетъ, что Абиссинія до XIII вѣка принадлежала къ православной восточной церкви. Въ то время, эта страна оффиціяльно приняла Коптское исповѣданіе, оставаясь на дѣлѣ православною, и ужь съ паденіемъ Византійской имперіи начала распространяться въ Абиссиніи католическая религія.

Несмотря на то, что въ этой статьѣ высказываются мѣстами историческія пристрастія и ненависти автора, она обнаруживаетъ огромную начитанность и страсть къ своему дѣлу. Мы можемъ сообщить за достовѣрное, что покойный г. Валуевъ ничего не щадилъ для узнанія всего, что̀ было писано по этому предмету, и даже все время пребыванія своего за границей, когда здоровье уже требовало отъ него иныхъ заботъ, исключительно посвятилъ на собираніе матеріяловъ для большаго сочиненія, изъ котораго только небольшой отрывокъ помѣщенъ въ «Сборникѣ». Мы не станемъ разсуждать о томъ, хорошо ли авторъ употребилъ свои силы. Но нельзя не пожалѣть о потерѣ человѣка, который умѣлъ такъ вполнѣ, такъ безгранично жертвовать собою для любимой мысли. Мало у насъ такихъ людей!

Всю вторую часть «Сборника» наполняетъ сочиненіе извѣстнаго А. Рейца (бывшаго профессора Дерптскаго университета): «О политическомъ устройствѣ и правахъ прибрежныхъ острововъ и городовъ Далмаціи въ средніе вѣка». Здѣсь подробно говорится какъ о политическомъ, такъ и объ администт-

ративномъ устройствѣ городовъ и острововъ Далмаціи, о финансахъ, сословіяхъ, гражданскомъ и уголовномъ правѣ.

Прочія статьи «Сборника», здѣсь не упомянутыя, принадлежатъ всѣ, болѣе или менѣе, къ числу такихъ, въ которыхъ проводится извѣстное направленіе, извѣстная мысль, и которыя, слѣдовательно, по принятому нами раздѣленію, относятся ко второй категоріи. Издатель говоритъ въ предисловіи, что въ первомъ томѣ «Сборника» много статей, которыхъ направленіе несогласно съ взглядомъ, имъ высказаннымъ. Послѣ внимательнаго чтенія, мы не нашли ни одной такой статьи. Всѣ, въ которыхъ только высказано какое-нибудь направленіе, гласятъ то же, что и предисловіе. Питая глубокое уваженіе ко всякому положительному, добросовѣстному фактическому изслѣдованію, каковъ бы ни былъ его предметъ, каковы бы ни были его результаты, мы страхъ какъ не любимъ статей и сочиненій, написанныхъ съ задними мыслями, — статей, въ которыхъ ложные, ничѣмъ недоказанные, изношенные взгляды прячутся за факты, часто уродуя ихъ. А потому, хоть это и скучненько, разсмотримъ статьи «Сборника», написанныя «съ направленіемъ, со взглядами». Къ счастію, ихъ только четыре. Вотъ онѣ по порядку:

«Города нѣмецкіе и славянскіе». Статья издателя. Она составляетъ объясненіе и дополненіе статьи о юридическомъ бытѣ Силезіи и Лужицъ, выбранной г. Кавелинымъ изъ сочиненія Штенцеля и Цшоппе. Несогласный съ мнѣніемъ германскихъ ученыхъ, что нѣмецкія колоніи принесли въ славянскія земли улучшенное земледѣліе, ремесла и искусства, вмѣстѣ съ лучшимъ общественнымъ устройствомъ и городовымъ правомъ, издатель излагаетъ свое собственное. Онъ думаетъ, что общинное устройство, безъ различія городовъ отъ селъ, было искони въ славянскомъ племени, устройство несравненно высшее германскаго, безъ монополій, кастъ, цеховъ и гильдій;

что, напротивъ, у Германцевъ, преданныхъ одной войнѣ, община была сначала неизвѣстна; первымъ типомъ для ихъ городоваго устройства послужили римскія муниципіи, и уже потомъ развился у нихъ общинный бытъ, не ранѣе XII и XIII вѣка. Какъ же объяснить фактъ колонизаціи Нѣмцевъ въ славянскихъ земляхъ? Г. Валуевъ объясняетъ это особенностію исторической судьбы лехитскаго племени. Оно, по географическому своему положенію, вызвано было на постоянную борьбу съ иноземцами и воспитало въ себѣ, конечно по необходимости, дружинное начало, совершенно несвойственное миролюбивымъ Славянамъ. Это именно и развратило Славянъ-Лехитовъ. Дружинникъ давилъ своего собрата поселянина всѣми силами. Низшіе классы или были истреблены, или такъ раздавлены, что стали ни къ чему не способны. Общинное начало изчезло. Тогда нужно было прибѣгнуть къ нѣмецкимъ колонистамъ.

О такихъ серьезныхъ вопросахъ, какъ общинное и дружинное начало, затронутыхъ авторомъ и рѣшенныхъ неправильно, трудно говорить въ нѣсколькихъ словахъ: нужны цѣлыя сочиненія. Впрочемъ, для всякаго, кто только просто, безъ увлеченія смотритъ на вещи, всѣ аргументы г. Валуева ровно ничего не доказываютъ. Противъ фактовъ трудно спорить! У Славянъ были общины, да изчезли, даже тамъ, гдѣ жизнь развивалась безъ чуждаго вліянія, какъ наприм. у насъ въ Россіи; у Германцевъ не было вовсе общинъ—но онѣ оставались и процвѣтали, достигнувъ до высокаго, даже политическаго значенія. Германецъ вынесъ дружинное устройство, а Славяне не вынесли его. Выведемъ ли изъ этого заключенія въ пользу Славянъ и противъ Германцевъ? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Изъ всѣхъ Славянъ одни только Русскіе умѣли создать государство, и вынесли его. Можно ли вмѣнить всѣмъ прочимъ *славянскимъ племенамъ* въ достоинство, что имъ было чуждо

государственное начало? Опять нѣтъ. Вмѣсто того, чтобъ спорить противъ исторіи, или досадовать на нее, и за неудачи, несчастія Славянъ несправедливо порочить Германцевъ, не гораздо ли лучше было бы стараться вникнуть и понять глубокознаменательный смыслъ всѣхъ этихъ историческихъ явленій? Только тогда и принесутъ плоды наши историческія разысканія, когда мы перестанемъ отрицать факты, а примемся безпристрастно объяснять ихъ глубокія, органическія причины...

«Розысканія Клёдена о Славянахъ, въ нынѣшней (Бранибборской) Бранденбургской области». Эта статья открывается слѣдующимъ четверостишіемъ:

Иноземецъ, иновѣрецъ,
Насъ разрознилъ, разлучилъ;
Тѣхъ *обезязычилъ* (?!) Нѣмецъ,
Этихъ Турокъ разгромилъ.

Кому принадлежитъ этотъ блистательный стихотворный отрывокъ—не знаемъ. Скромный авторъ скрылъ свое имя. Къ чему стоитъ здѣсь это четверостишіе: для того ли, чтобъ напередъ возбудить читателя къ благоговѣйному чувству, или это оглавленіе статьи—мы тоже не знаемъ. Послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ понять таинственное назначеніе дивныхъ стиховъ, мы отложили попеченіе...

За тѣмъ статья. Послѣ такого вступленія вы думаете, что и ни вѣсть какія истины открыты, какіе вопросы рѣшены? Ни чуть не бывало! Мы находимъ, что на мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Берлинъ, было, когда-то прежде, значительное славянское поселеніе; что Браденбургская-Марка не только не была безлюдной пустыней до поселенія въ ней Нѣмцевъ, но была наполнена Вендами-Славянами, даже была населеннѣе, нежели теперь. Все это приправлено разными и разными похвалами Вендамъ и выходками противъ Германцевъ. И въ томъ и въ другомъ много правды, много и неправды. Изъ того, что Сла-

вяне были отличные земледѣльцы, что земля ихъ, сама-по-себѣ неплодородная, сдѣлалась почти земнымъ раемъ отъ ихъ трудовъ, авторъ выводитъ, что Славяне были сначала просвѣщеннѣе Германцевъ. Какъ одно съ другимъ клеится, право не знаемъ. Въ заключеніе онъ говоритъ:

«Таковъ голосъ истины, который подаетъ намъ современная нѣмецкая наука въ ея безкорыстныхъ и честныхъ труженикахъ. А мы современники этой науки и потомки или родные братья этихъ Вендовъ, язычниковъ (которыхъ нельзя не признать *просвѣщенными* въ сравненіи съ современнымъ ему варваромъ Нѣмцемъ, хотя и наслѣдникомъ римскаго христіянства и просвѣщенья), доселѣ продолжаемъ съ первыми нашими понятіями объ исторіи, только что не краснѣть за варварство своихъ предковъ и свое славянское происхожденіе—безотчетно преклоняясь передъ исконнымъ просвѣщеніемъ Германца и его исконнымъ превосходствомъ надъ нами» (стр. 246).

Стоило ли изъ всего этого расточать столько хулы, предпосылать плохое четверостишіе, столько взводить напраслинъ на Германцевъ, заподозривая ихъ превосходство надъ тогдашними Славянами, несмотря на способность послѣднихъ къ земледѣлію и всѣ ихъ патріархальныя добродѣтели? Статья составлена, какъ кажется, самимъ издателемъ.

«Славянское и православное населеніе Австріи. Статья I. Статистическое обозрѣніе движенія двухъ народонаселеній нѣмецкаго и славянскаго въ Германіи и преимущественно въ Австріи». Намъ мало удавалось читать статей, такъ превосходно написанныхъ. Къ несчастію, тонъ и направленіе ея такъ же пристрастны, какъ и первой. Послѣ общаго взгляда на значеніе Австріи въ средѣ европейскихъ государствъ,— взгляда вѣрнаго и мастерски-написаннаго, — авторъ опредѣляетъ статистическими цыфрами отношеніе Славянъ и не Славянъ въ Германіи, преимущественно въ Австріи. По этому случаю онъ говоритъ вообще объ отношеніяхъ Германцевъ къ Славянамъ въ прежнія времена, о томъ, какъ первые угнетали послѣднихъ и почти не считали ихъ за людей. Разумѣется,

дѣло при этомъ не обошлось безъ замѣчаній, очень непріятныхъ для Нѣмцевъ и очень лестныхъ для Славянъ. Потомъ авторъ переходитъ къ настоящему времени. Тутъ, прежде всего страдаютъ нѣмецкіе статистики; за дѣло или безвинно—не умѣемъ сказать, только страдаютъ. Сочинитель статистическими данными доказываетъ, что въ Австріи конечно половина, если не болѣе половины народонаселенія—славянская; что нравственность Славянъ гораздо чище; наконецъ, что славянское народонаселеніе возрастаетъ въ несравненно большей прогрессіи, чѣмъ нѣмецкое. Авторъ заключаетъ статью слѣдующими словами (стр. 257):

«Какъ бы то ни было, эти числа во всякомъ случаѣ многозначительны, особливо возрастающее число умершихъ къ новорожденнымъ въ нѣмецкомъ населеніи Австріи.—Мысль невольно наводится на замѣчаніе Буэ объ Европейской Турціи: «Если бы не новые переселенцы изъ Азіи», говоритъ онъ, «можно было бы съ математическою точностію опредѣлить то время, когда долженъ вымереть послѣдній Турокъ въ Турціи.»

Здѣсь нельзя не замѣтить важной ошибки. Буэ говоритъ такъ о европейской Турціи, потому что въ ней турецкое народонаселеніе дѣйствительно уменьшается ежегодно. Въ Австріи же, по крайней мѣрѣ, покуда неславянское народонаселеніе увеличивается, только не въ одной прогрессіи съ славянскимъ. Разница большая!

Мы не можемъ отказать читателямъ и себѣ въ удовольствіи привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ этой статьи,—такъ онѣ хороши. Рѣчь идетъ о Петрѣ Великомъ:

«На великомъ далекомъ Сѣверѣ, мужала и крѣпла Россія, внезапно облеклась въ грозный образъ Петра, могуществомъ воли и мысли покорившаго Россію, наперекоръ своему народу и всему прошедшему славянской семьи,—понятію Государства, во всей его исключительной строгости. Петръ понялъ (тѣмъ если и не сознательнымъ пониманьемъ, которое дано бываетъ великимъ дѣятелямъ исторіи), что лишь такимъ полнымъ торжествомъ государственнаго начала могъ его народъ навсегда упрочить за собою то вещественное могу-

щество, и то мѣсто среди другихъ народовъ, которыя были необходимы для спокойнаго и свободнаго развитія его внутреннихъ духовныхъ силъ;—и вмѣстѣ навсегда упрочить будущность всей великой семьи, которой дотолѣ всюду и во всѣ вѣка окончательно доставались на долю одни страданья, униженье и рабство.—Онъ заковалъ старую привольную Русь въ строгое и тяжелое зданіе государства и новая государственная Россія взошла грозною тучею на небосклонъ Европы» (стр. 254).

Мысль исторически чрезвычайно вѣрная и удивительно художественно выраженная! Только сравненіе Россіи съ грозною тучею намъ не понравилось...

Вотъ какими мыслями издатель (ибо ему принадлежитъ эта статья) выкупалъ свои пристрастія и предубѣжденія! Поэтому-то мы такъ и уважаемъ его, имѣли право многаго отъ него ожидать, и искренно сожалѣемъ о его потерѣ. Такихъ мыслей много разсѣяно въ его статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Сборникѣ».

Наконецъ, переходимъ къ послѣдней статьѣ, написанной въ томъ же духѣ, какъ и двѣ первыя. Заглавіе курьезно: «Историческая наука славянскаго міра въ послѣднее пятилѣтіе». Статья 1.

Еслибъ Нѣмецъ издалъ книгу и на первомъ ея листѣ написалъ: Историческая наука германскаго міра, — мы бы очень удивились. Что такое историческая наука? Мы знаемъ историческія науки, которыя такъ называются въ отличіе отъ другихъ. Исторической науки мы не знаемъ. Впрочемъ, у насъ такія вещи ни по чемъ съ рукъ сходятъ. Что жь бы, вы думали, скрывается подъ такимъ великолѣпнымъ заглавіемъ? Перечень книгъ о Славянахъ, преимущественно ихъ исторіи въ послѣднее пятилѣтіе. И только? —Только! Къ заглавіямъ книгъ приложены коротенькія рецензіи, и въ нихъ-то попадаются презабавныя вещи. Особенно странны показались намъ двѣ рецензіи,—обѣ, какъ нарочно, подписаны одинакими буквами В и П., хоть мы и ручаемся, что не одинъ и тотъ же рецензентъ писалъ ихъ. Одинъ изъ г-дъ В. П., какъ удосто-

вѣряетъ насъ издатель въ выноскѣ, русскій путешественникъ по славянскимъ землямъ (вѣроятно, изъ остзейскихъ губерній). Другой—навѣрно какой-нибудь западный Славянинъ. Мы сейчасъ докажемъ это. Одинъ нѣмецкій ученый Гефтеръ издалъ въ 1843 году неважную книжку подъ громкимъ заглавіемъ: «Der Weltkampf der Deutschen und Slawen seit dem sechsten Jahrhundert» (Міровая борьба Германцевъ съ Славянами съ VI столѣтія). Въ этой книжкѣ онъ филистерски выхваляетъ Нѣмцевъ насчетъ Славянъ, что съ нѣмецкой точки зрѣнія такъ же не хорошо и ограниченно, какъ съ русской выхвалять Славянъ насчетъ Нѣмцевъ. Между прочимъ о Славянахъ онъ говоритъ вотъ что (стр. 264 и 265):

»Весьма сложна природа Славянина, удивительная смѣсь добродѣтели и порока, достоинствъ и недостатковъ. Отъ природы онъ флегматикъ, любитъ покой и отдыхъ, довольствуется малымъ, не думаетъ о будущемъ, о сбереженіи своего достатка, объ улучшеніи своего состоянія, объ украшеніи своего быта. И себя и своихъ онъ спокойно оставляетъ въ нуждѣ и бѣдности. Онъ добродушенъ, привѣтливъ, набоженъ, гостепріименъ, веселъ, любитъ особенно музыку, пѣніе, поэзію, къ которой имѣетъ необыкновенный даръ; съ другой стороны часто легкомысленъ, безразсуденъ, вспыльчивъ, упрямъ, сварливъ, жаждетъ брани и распри даже съ ближними, и въ своей запальчивости способенъ на всякое насиліе, всякое мщеніе, всякую жестокость.... иногда онъ является услужливъ и вѣжливъ ко всякому отъ кого можетъ ожидать что либо... При всей своей скромности онъ съ жадностію смотритъ на чуждое достояніе, не только своихъ земляковъ и соплеменниковъ, но и чужестранцевъ. Онъ склоненъ къ корысти.... гордый своею народностію, онъ презираетъ чужбину и твердо стоитъ за свое. Онъ любитъ свой народъ и своихъ соплеменниковъ, и всѣмъ сердцемъ ненавидитъ того, кто его побѣдитъ и надъ нимъ властвуетъ; любитъ свой языкъ; знать не хочетъ о томъ, которымъ говорятъ его побѣдители, любитъ свои нравы и обычай, свою вѣру, и презираетъ чужія нерѣдко до крайности.... Потому и распря между Славянами есть старая распря, и не умѣритъ ее просвѣщеніе новѣйшихъ временъ. Идетъ ли дѣло о правахъ его отчизны, онъ жертвуетъ достояніемъ и жизнію, онъ мужественъ и смѣлъ. Но вездѣ ему мѣшаетъ его любовь покоя и бездѣйствія, онъ не имѣетъ постоянной твердой воли, его горячность,—вспышка зажженной соломы. Откроются ли ему какіе виды на корысть и прибыль, онъ готовъ тотчасъ измѣнить своему, отдаетъ себя легко во власть другаго.... Онъ не пользуется своими спо-

собностями, не развиваетъ ихъ изъ себя, для этого ему нужны побужденія извнѣ, примѣры другихъ и нужда. — Ко всему этому присоединяется преданность пьянству, мертвящему духовныя и тѣлесныя силы, препятствующему успѣхамъ, труду, благу, просвѣщенію, разрушающему порядокъ домашней и общественной жизни!»

А рецензентъ прибавляетъ: «Какая удивительная характеристика! И какая смѣсь противурѣчій, которыхъ выставлять нечего, такъ они очевидны.»

По нашему мнѣнію, эта характеристика не такъ плоха, какъ кажется рецензенту. Мода характеризовать народы эпитетами скупой, умный, храбрый и проч., теперь уже прошла. Во всемірно-исторической дѣятельности народовъ, въ ихъ цѣлостномъ умственномъ и нравственномъ развитіи рѣзко обозначаются тѣ преобладающія отличительныя черты, которыя составляютъ главную основу, зерно ихъ національнаго характера. Отъ того съ одной стороны характеристика народовъ стала проще, по однимъ необходимымъ, а не случайнымъ признакамъ; съ другой—черты ея стали не такъ рѣзки, непосредственны, за то глубже и многостороннѣе; тѣ которыми опредѣляются достоинства и недостатки частнаго человѣка, въ приложеніи къ народамъ должны получить совершенно иной, нерѣдко противоположный смыслъ, одухотвориться. Все это такъ въ отношеніи къ народамъ, которые заняли уже извѣстное мѣсто въ исторіи человѣчества, которые развились и высказались вполнѣ. Но что прикажете сказать о народахъ, которые живутъ еще до-историческою жизнью, или только выступаютъ на сцену? Опредѣленнаго умственнаго и нравственнаго направленія они еще не успѣли высказать,—и остается, характеризуя ихъ, брать черты изъ ихъ домашней и ежедневной жизни. Въ этомъ виноваты народы, а не тотъ, кто ихъ описываетъ, или лучше сказать, никто не виноватъ. Такъ описывалъ *Тацитъ* Германцевъ, такъ теперь Германецъ описываетъ

какого-нибудь Босняка и Черногорца. Поэтому, не мудрено, если въ описаніи послѣдняго вы, между прекрасными чертами, найдете и дурныя черты. Всякій человѣкъ и всякій народъ есть смѣсь добра и зла, пока просвѣщеніе не освободитъ его отъ непосредственности, давая точку опоры противъ врожденныхъ и привычныхъ пороковъ, средства и побужденія развивать добродѣтели. Продолжая нашу мысль, мы скажемъ, что характеристика Славянъ Гефтера самая лучшая и безпристрастная, какую иностранецъ могъ только сдѣлать, руководясь наглядкой, — а больше ему нечѣмъ было руководиться. Хорошимъ сторонамъ Славянина отдана должная справедливость: замѣчена необыкновенная способность его къ музыкѣ, пѣнію, поэзіи — важная черта для нашего будущаго развитія, о которой много можно было бы сказать, еслибъ ужь не было говорено такъ много, такъ много... Что касается до дурныхъ сторонъ, то и онѣ вѣрны. Большая часть изъ помянутыхъ дурныхъ сторонъ не принадлежитъ славянской натурѣ — въ этомъ нѣтъ почти никакого сомнѣнія, и Гефтеръ неправъ, говоря, что просвѣщеніе новѣйшихъ временъ не умѣритъ распрей между Славянами. Но не дурно при этомъ замѣтить, что и многія изъ такъ называемыхъ добродѣтелей Славянъ должны необходимо измѣниться со временемъ, и мы не думаемъ, что въ этомъ именно будетъ состоять темная сторона нашего просвѣщенія. Наконецъ, рецензента поражаютъ противорѣчія въ характеристикѣ? Но народъ, еще неразвитый, самъ по-себѣ исполненъ противорѣчій; случайное перемѣшано въ немъ съ необходимымъ, такъ что и различить нельзя. Какъ у всякаго народа, еще очень юнаго, у насъ не выработаны ни воля, ни сознаніе. Оттого внѣшнее и случайное дѣйствуетъ на насъ чрезвычайно сильно, и въ томъ, что мы дѣлаемъ, мы не всегда узнаемъ себя и принадлежимъ себѣ. Между тѣмъ, объективно, эти дѣйствія, противорѣчащія нашей природѣ, существуютъ.

Никто не можетъ отрицать ихъ. Вотъ откуда неизбѣжныя противорѣчія въ характеристикѣ Славянъ, даже для насъ самихъ, не только для иностранца.

Впрочемъ, это еще ничего. Славянъ каждый въ правѣ понимать какъ ему угодно: Гефтеръ по своему, г. В. П. по своему. Но вотъ что̀ очень хорошо: одинъ ограниченный Нѣмецъ, истинный филистеръ, Коль, преважно доказываетъ превосходство Нѣмцевъ надъ Славянами тѣмъ, что они, т. е., разумѣется, Нѣмцы никогда не терпѣли никакого пораженія. Г-нъ В. П., недовольный характеристикой Славянъ Гефтера, вспоминаетъ пошлую фразу Коля, и такъ опровергаетъ ее: «Никогда», говоритъ онъ, «не были Германцы поражаемы, когда въ продолженіе четырехъ вѣковъ они боролись съ разслабленнымъ, давно уже убитымъ Римомъ; ни въ то время, когда Гунны съ огнемъ и мечемъ прошли всю Германію; ни тогда, когда Мадьяры опустошили ее отъ среднихъ береговъ Дуная до верховьевъ Леха; ни въ то время, когда Собѣскій спасалъ Вѣну отъ Турковъ; ни во время грозы наполеоновской, когда ихъ столько разъ спасала Россія, — никогда они не были побѣждены».

Ясно, что, какъ мы сказали, г. В. П., рецензентъ этой статьи, западный или германскій Славянинъ. Будь онъ Русскій — онъ бы только посмѣялся надъ Колемъ. Наши воинскія доблести такъ очевидно доказаны, такъ единогласно признаны всѣми первокласными судьями въ военномъ дѣлѣ, что намъ, право, не для чего спорить за нашу военную репутацію, особливо по первому слову какого-нибудь нѣмецкаго писателя, который не понимаетъ дѣла. Но въ западномъ Славянинѣ такая запальчивость понятна: ея объясненіе въ исторіи...

Другая рецензія, написанная то же г. В. П., но не западнымъ Славяниномъ, а Русскимъ изъ остзейскихъ губерній путешественникомъ по славянскимъ землямъ, то же очень за-

мѣчательна. Ее вызвала книга, вышедшая въ Лейпцигѣ въ 1833 году, подъ заглавіемъ «Slawen, Russen und Germanen» (Славяне, Русскіе и Германцы). Языкъ этой рецензіи немного страненъ, такъ что какъ ни читай — ничего не поймешь. Мы читали и разъ, и два, и три — и все-таки ничего не поняли. Наконецъ, мы хотѣли было кое-что выписать изъ нея, для примѣра — и не могли. Нужно было выписывать все, а все такъ длинно, такъ длинно, такъ скучно! Мы и оставили. Жаль человѣка, о книгѣ котораго можно писать такія рецензіи, и еще въ видѣ писемъ!

—

Когда мы окончили разборъ и закрыли книгу, нами овладѣла невыразимая грусть. Во первыхъ, намъ тяжело было думать объ издателѣ, который отдался весь своимъ — скажемъ безпристрастно — безплоднымъ убѣжденіямъ. Онъ писалъ кровью; въ его перо по каплямъ сочилась его молодая, драгоцѣнная жизнь. Что жь вызвало его на такое самопожертвованіе? Великія идеи? Нѣтъ! Желаніе поправить историческую ошибку, доказать превосходство давно изчезнувшаго и забытаго Венда надъ Германцемъ. Можно ли было на такіе вопросы расточить столько силъ? Стоютъ ли они человѣческой жизни?... Грустно стоять у гроба еще недавно цвѣтущаго юноши, исполненнаго силъ и стремленій, умнаго, благороднаго, образованнаго, и думать: вотъ на что истратилась эта жизнь! — Потомъ, намъ прискорбно было думать и о книгѣ съ такимъ направленіемъ. Сама по себѣ она очень полезна— кто объ этомъ споритъ? Но зачѣмъ въ ней столько предубѣжденій противъ европейскаго міра и западной науки, столько пристрастій къ славянскому? Напиши ее нѣмецкій Славянинъ въ Германіи — мы могли бы по крайней мѣрѣ извинить, если не оправдать автора. . . . . .
Въ самомъ началѣ своего историческаго поприща, Германцы

приняли въ себя просвѣщеніе всего древняго міра. Потомъ климатическія условія... На западѣ и югѣ Европы человѣкъ не могъ не развиваться шире и быстрѣе, чѣмъ на востокѣ. Долго ли это превосходство останется за Европой? На этотъ вопросъ отвѣчать трудно. Мы имѣемъ многія основанія думать, по крайней мѣрѣ надѣяться, что недолго; но до сихъ поръ нельзя ничего сказать утвердительно. Исторія рѣшитъ.

Намъ Русскимъ все это гораздо яснѣе представляется, чѣмъ прочимъ Славянамъ: послѣдніе, по своему положенію, не могутъ прямо смотрѣть на историческія событія. Мы между всѣми Славянами любимцы судьбы. Наше политическое положеніе, единственное въ славянскомъ мірѣ, ставитъ насъ выше національныхъ предубѣжденій. Способность, общую всѣмъ Славянамъ, быть безпристрастными къ самимъ себѣ, мы доказали всей нашей жизнью со временъ Петра: исторія дала намъ возможность быть совершенно безпристрастными къ другимъ. Славяне никогда не чуждались иностранцевъ... Все, кажется, должно поставить насъ лицемъ къ лицу съ истиной, особенно въ исторіи. И что же? Въ 1845 году является у насъ книга, изданная Русскимъ, и проникнутая чувствами германскихъ Славянъ, съ примѣсью разныхъ другихъ предубѣжденій. И во имя чего же? Во имя историческихъ ошибокъ, умышленныхъ и неумышленныхъ?...

Мы далеки отъ мысли, что историческіе вопросы о славянскомъ мірѣ, поднятые въ наше время — не важны. Мы имъ сочувствуемъ всѣмъ сердцемъ... и кто можетъ отказать имъ въ сочувствіи, когда въ наше время, въ лицѣ славянскаго племени, выступаетъ новый дѣятель на сцену всемірной исторіи; когда оно готовится къ разумной, сознательной жизни. Мы только глубоко убѣждены, что пристрастіе не можетъ вести къ разрѣшенію этихъ историческихъ вопросовъ. Передъ нами времена давно минувшія, событія вполнѣ окончепныя. Вражда,

которою они сопровождались, должна сдѣлаться предметомъ исторіи, а не вдохновенія современныхъ изслѣдователей. Наука, какъ нелицепріятный судья, какъ художникъ, должна возсоздать передъ нами этотъ отжившій міръ во всей его животрепещущей непосредственности; приговоръ ея долженъ состоять въ уразумѣніи, въ приведеніи къ сознанію органическихъ причинъ великихъ историческихъ событій, какъ судьба необходимыхъ, неизбѣжныхъ въ сущности, случайныхъ лишь по внѣшней обстановкѣ. Порочить племена — ниже ея задачи. Историческій фактъ, многіе вѣка повторяющійся подъ различными формами, не можетъ быть случайнымъ. Этимъ охлаждается, умѣряется всякая раздражительность, потому что только случайное невыносимо.

Правда, давнишняя вражда между Германцами и западными Славянами, основанная на глубокомъ національномъ различіи и воспитанная долгими непріязненными столкновеніями, перешла и въ науку и должна была исказить историческую истину. И тѣ и другіе не были великодушны и справедливы другъ къ другу, но ихъ нельзя обвинять въ этомъ. Германцы были дики и грубы; національное различіе съ Славянами, не сглаженное союзомъ разноплеменныхъ народовъ и образованіемъ, мѣшало имъ понимать и уважать Славянъ. Славяне западные не могли прежде имѣть того глубокаго сознанія своего достоинства, которое одно дѣлаетъ насъ безпристрастными къ побѣдителю. Теперь, когда народныя пристрастія начинаютъ замирать передъ голосомъ истины, передъ уваженіемъ къ человѣку, несмотря на народъ и племя, наука не можетъ и не должна оставаться запоздалымъ органомъ прошедшаго. Ей предстоитъ трудная, но великая задача снять съ событій покрывало, сотканное вѣками изъ предразсудковъ. Она должна быть совершенно безпристрастна и осторожна въ своихъ выводахъ. Въ западной германо-славянской Европѣ застарѣлыя предубѣжде-

нія еще и до сихъ поръ замедляютъ появленіе такой науки, хотя и тамъ съ обѣихъ сторонъ раздался уже не одинъ благородный, безпристрастный, примирительный голосъ. Мы, Русскіе, чуждые пристрастія, посторонніе свидѣтели чужой вражды, призваны довершить начатое немногими, возсоздать прошедшее въ его настоящемъ свѣтѣ, не дружа никому. Въ самомъ дѣйствованіи, въ практической жизни, раздражительность и мелкія страсти въ наше время все болѣе и болѣе уступаютъ мѣсто холодной разсудительности, или возвышеннымъ страстямъ, которыхъ источникъ — безграничная любовь къ истинѣ, безграничное уваженіе къ человѣческому достоинству: тѣмъ болѣе мы въ правѣ требовать спокойствія и безпристрастія отъ историка и Русскаго: передъ нимъ факты уже совершившіеся, надъ которыми сама судьба произнесла судъ свой!

Кто упрекнетъ насъ за эти слова въ равнодушіи къ прочимъ Славянамъ, тотъ поступитъ несправедливо. Все связываетъ насъ съ Славянами. Какъ болѣе счастливые между ними, мы должны содѣйствовать ихъ развитію, подать имъ руку помощи въ ихъ стремленіи къ образованію. Книга о Славянахъ, выходящая въ наше время въ Россіи съ противоположнымъ направленіемъ, доказываетъ только, что каждый по своему понимаетъ еще у насъ роль, которую судьба указала намъ въ исторіи славянскаго племени. Но люди не предубѣжденные, которые не знаютъ, какъ и откуда взялось у насъ на Руси такое направленіе, съ перваго взгляда станутъ смотрѣть недовѣрчиво на книгу. Кого жь въ самомъ дѣлѣ можно теперь увѣрить, что Славяне были просвѣщеннѣе Германцевъ, и что европейская наука никуда не годится? Отъ книги недовѣріе перейдетъ незамѣтно на самый предметъ. Вмѣсто того, чтобъ возбудить любовь и участіе къ Славянамъ, такое направленіе возбудитъ къ нимъ еще бо́льшее систематическое равнодушіе... Въ глазахъ образованныхъ Русскихъ, мало знакомыхъ съ славян-

скимъ міромъ, дѣло Славянъ проиграно, если болѣе безпристрастный взглядъ, если иныя историческія изслѣдованія не освѣтятъ у насъ новымъ свѣтомъ славянскаго вопроса, который имѣетъ столько неотъемлемыхъ правъ на вниманіе и сочувствіе. А до тѣхъ поръ, страницы журналовъ по необходимости будутъ наполнять пустые споры, безплодная логомахія объ истинахъ, давно всѣмъ и каждому извѣстныхъ...

Отъ души желаемъ полнаго успѣха «Сборнику», и полнаго неуспѣха его направленію.

О РОДОВЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ МЕЖДУ КНЯЗЬЯМИ ДРЕВНЕЙ РУСИ. *С. Соловьева (Московскій литературный и ученый Сборникъ на 1846 годъ.)*

Статья г. Соловьева «О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси», какъ и все, писанное имъ, отличается несомнѣнными достоинствами: чисто-историческимъ тономъ, отсутствіемъ всякихъ предубѣжденій, которыя, начиная уже съ Карамзина, мѣшали и мѣшаютъ понять нашу древнюю, а потому и новую исторію, и представляютъ въ ней многое въ ложномъ неестественномъ видѣ; наконецъ — добросовѣстнымъ собраніемъ фактовъ и яснымъ, отчетливымъ изложеніемъ.

Содержаніе статьи г. Соловьева можетъ быть передано въ немногихъ словахъ. Ея главная задача — опредѣлить отношенія между удѣльными князьями. Эти отношенія основаны на родовомъ началѣ, т. е. началѣ крови, родства, во сколько оно, при своей естественной шаткости, можетъ установить отношенія между людьми, пока не получитъ юридическаго опредѣленія. Съ одной стороны, власть старшаго въ родѣ надъ младшими родичами почти безусловна, неограниченна; съ другой — она, какъ не сознанная, не юридическая, не представляетъ

ничего твердаго, постояннаго, и потому ничѣмъ не обезпечена. Если старшій родичъ, великій князь, не заботится объ интересахъ младшихъ князей, или имъ это такъ покажется—власть его изчезаетъ, и онъ долженъ отстаивать ее силой. Кто же изъ князей считался старшимъ? Этотъ вопросъ разрѣшенъ г. Соловьевымъ превосходно. Сначала старшимъ считался, разумѣется, тотъ кто былъ старѣе по рожденію и лѣтамъ. Дядя былъ старше племянника, первый сынъ старше втораго, и т. д. Потомъ это понятіе о старшинствѣ нѣсколько измѣнилось. Когда отецъ умиралъ, старшій его сынъ заступалъ мѣсто отца для младшихъ своихъ братьевъ. Но онъ былъ вмѣстѣ отцомъ и для своихъ дѣтей. Итакъ, племянники стали братьями своимъ дядямъ. Но какими? Старшими или младшими? Сперва младшими; старшинство принадлежало дядямъ. Но потомъ старшій сынъ старшаго брата, т. е. старшій племянникъ получалъ первенство надъ дядями, на слѣдующемъ основаніи: старшій сынъ старшаго брата отецъ своимъ братьямъ, а какъ дяди считались то же его братьями, то онъ сталъ отцомъ и для нихъ. Старшинство дядей надъ племянниками господствовало въ древнѣйшей Россіи до Монголовъ, первенство старшаго племянника — въ сѣверо-восточной Россіи.

Вотъ содержаніе прекрасной статьи г. Соловьева. Этотъ взглядъ на отношенія князей у насъ еще новъ. На него, правда, намекали иногда, но какъ будто нечаянно, безсознательно, и оттого русская исторія чрезъ эти намеки ничего не выиграла. Заслуга г. Соловьева въ томъ, что у него родовыя отношенія удѣльныхъ князей поставлены на первомъ планѣ, чрезъ что имъ возвращено ихъ настоящее, глубокое, рѣшительное значеніе въ судьбѣ древней Россіи, — значеніе, которое эти отношенія имѣли въ жизни, но не имѣли въ наукѣ. Такая заслуга гораздо важнѣе, нежели можетъ показаться съ перваго взгляда. Когда, наконецъ, обратится въ обиходную истину,

что весь древній бытъ Россіи, не только частный, но и государственный (если только его можно такъ назвать), вращался около одного родственнаго, кровнаго начала, которымъ первоначально болѣе или менѣе живутъ всѣ незавоевательные народы, — мы поймемъ многое въ русской исторіи, чего до сихъ поръ не понимаемъ. Первыя времена ея потеряютъ тогда таинственное, но обманчивое обаяніе, которое придалъ имъ Карамзинъ. Теперь изслѣдователя русской старины какъ-то невольно влечетъ въ туманную даль прошедшаго, и чѣмъ дальше, тѣмъ кажется она привлекательнѣе. Хочется узнать обстоятельно не только, что̀ было во времена Рюрика, но даже до Рюрика. Въ эти отдаленныя времена вглядываешься съ увѣренностью найдти что-то необыкновенное, невиданное. Воображеніе рисуетъ чудныя картины, невозможное и небывалое существованіе, какъ нѣкогда Грекамъ чудными, райскими казались земли, о которыхъ до нихъ доходили одни темные слухи. Отсюда выходитъ и вышло со временемъ большое зло. Воззрѣніе на исторію потеряло историческую почву и стало совершенно отвлеченнымъ, прикрывая себя фактами. Этотъ недостатокъ ощутителенъ въ Карамзинѣ. Характеры у него созданы, а не воспроизведены, событія освѣщены неестественнымъ свѣтомъ. Оттого нѣтъ никакой возможности понять, какъ же все это дѣлалось въ старину и зачѣмъ дѣлалось? Отчего послѣ варяжскаго періода наступилъ удѣльный, а потомъ именно московскій? Историческіе дѣятели разныхъ временъ и эпохъ какъ въ панорамѣ проходятъ одинъ послѣ другаго въ одной хронологической, а вовсе не внутренней исторической преемственности. Въ этомъ царствѣ безплотныхъ тѣней всѣ эпохи, лица, событія такъ похожи другъ на друга, что нѣтъ никакой причины не представить себѣ Россіи задолго до Рюрика стройно-организованною, съ развитымъ общественнымъ бытомъ и цивилизаціей. Каковъ же былъ этотъ бытъ? Онъ неизвѣстенъ,

слѣдовательно, былъ, конечно, гораздо лучше, выше послѣдующаго. Это обыкновенный выводъ, который дѣлаетъ человѣкъ, ища Эльдорадо, воплощенія своихъ мечтаній и отвлеченныхъ требованій въ дѣйствительномъ мірѣ. Чѣмъ менѣе фактовъ, тѣмъ больше разгула и простора для фантазіи. Нашъ дѣйствительный міръ исполненъ зла: стало-быть было или будетъ когда-нибудь хорошо. Въ ложности такого разсужденія трудно убѣдить. Изъ него прямымъ путемъ вытекаютъ и оптимизмъ и пессимизмъ—оба равно ложные, потому что ищутъ полнаго воплощенія идеаловъ въ дѣйствительности, одинъ въ будущемъ, другой въ прошедшемъ. Но пессимизмъ хуже оптимизма тѣмъ, что послѣдній по крайней мѣрѣ питаетъ и поддерживаетъ силы и дѣятельность, а первый заставляетъ человѣка сложить руки, высасываетъ изъ него всѣ живые соки и дѣлаетъ его мистикомъ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли что-нибудь быть безплоднѣе убѣжденія, что въ мірѣ все идетъ къ худшему, что, развиваясь и живя, человѣкъ падаетъ? Вы скажете да онъ и не совершенствуется, не улучшается. Я согласенъ. Да развѣ непремѣнно нужно предположить то или другое? Развѣ нельзя уже никакъ обойдтись безъ этихъ двухъ воззрѣній?

Исторія безпрерывно рождаетъ новые вопросы и находитъ на каждый изъ нихъ свой отвѣтъ. И вопросы и отвѣты идутъ одинъ за другимъ, не повторяясь никогда, и въ такой постепенности, что послѣдующее всегда предполагаетъ предъидущее и можетъ только тогда возникнуть, когда предъидущее разрѣшено. Послѣдовательность, цѣлость, единство всего существующаго такъ естественны, такъ въ порядкѣ вещей, что человѣкъ все можетъ снести, кромѣ тупой, безсмысленной случайности, и, принявъ ее за основный законъ жизни, лишается силы и энергіи. Оттого-то, чтобъ понять исторію, не должно ни на минуту сходить съ почвы дѣйствительности.

Вѣрный взглядъ на факты непремѣнно дастъ отвѣтъ, почему за такой-то эпохой слѣдовала такая-то, и перестановка ихъ въ самой наукѣ сдѣлается невозможною. Вы думаете, что древнее время было лучше, а слѣдующее хуже: исторія докажетъ вамъ, что это ошибка, обманъ, можетъ-быть, очень добросовѣстный, но все же обманъ. Послѣдующая эпоха въ фактахъ представитъ вамъ самую строгую, вполнѣ изчерпывающую критику предъидущаго, даже въ томъ, что̀, казалось бы, не подлежитъ никакому разложенію и признавалось за первоначальную, непреложную, основную истину. Для этого нужно только смотрѣть на исторію просто, безъ заднихъ мыслей, что̀ кажется очень легко, а на дѣлѣ очень трудно. Въ статьѣ г. Соловьева мы именно находимъ такой взглядъ, хоть онъ и не высказанъ. Древняя Русь такъ мало имѣла въ себѣ зачатковъ гражданственности, что до XIII вѣка и далѣе не только частный, но и общественный, государственный бытъ ея покоился на однихъ кровныхъ, родственныхъ отношеніяхъ и опредѣлялся ими. Нужно было много вѣковъ, чтобъ выжиться ей изъ этого до-историческаго состоянія. Одно это отнимаетъ всякую возможность и охоту пускаться въ изслѣдованіе о до-рюриковскомъ періодѣ русской исторіи. Этого мало: ужасы Іоаннова царствованія, періодъ самозванцевъ, такой страшный, общественность временъ Кошихина, реформа Петра и всѣ такія явленія въ русской исторіи покажутся естественными, понятными, законными; а теперь они — еще необъяснимыя загадки, іероглифы, къ которымъ страшно подступиться. Мы поймемъ, что въ древней Россіи самое даже юридическое опредѣленіе родственныхъ отношеній было важнымъ шагомъ впередъ. Прежде нежели они изчезли, какъ начало, опредѣляющее весь нашъ древній бытъ, они должны были перейдти въ полное сознаніе, такъ сказать, осѣсться, уложиться въ извѣстныя формы. Мѣстничество съ его техническимъ языкомъ появилось оттого не

при Ярославѣ, а уже гораздо позже, и въ Москвѣ обработано классически, сколько можно было въ то время.

Вотъ все, что̀ мы имѣли сказать о статьѣ г. Соловьева. Она вполнѣ округлена, окончена по мысли автора, и потому съ нашей стороны не подлежитъ дальнѣйшей критикѣ. Нѣкоторые недосмотры есть; напримѣръ, на стр. 204-й говорится, что младшіе обязаны были «идти всюду по первому зову старшаго». Мѣсто, приведенное изъ Ипатьевской лѣтописи, показываетъ, что это выраженіе не совсѣмъ точно, можетъ-быть даже не довольно обще. Далѣе, тамъ же, въ числѣ обязанностей младшихъ въ отношеніи къ старшимъ упоминается особливо обязанность перваго «смотрѣть» на послѣдняго. Это выраженіе также принято слишкомъ буквально и не объяснено. Право старшаго судить ограничивалось только «разборомъ споровъ между младшими». На стр. 215 сказано, что князья, выбравшіе себѣ старшаго, назывались въ отношеніи къ нему ратниками, а изъ цитаты этого не видно. Можно толковать, что подъ ратниками здѣсь разумѣлись князья, но толкованіе будетъ произвольно. Впрочемъ, эти недосмотры очень неважны и почти не заслуживаютъ упоминанія.

Одно позволимъ мы себѣ высказать, не въ видѣ требованія, а только въ видѣ желанія: мы желали бы видѣть въ статьѣ г. Соловьева не одно изложеніе фактовъ, а найдти и ихъ объясненіе. Такое объясненіе не только возвысило бы достоинство и безъ того прекрасной статьи, но даже, какъ мы думаемъ, способствовало бы во многомъ и самымъ изслѣдованіямъ автора; нѣкоторые факты освѣтились бы съ другой стороны, а вмѣстѣ съ тѣмъ, быть-можетъ, иначе были бы и изложены. Г. Соловьевъ подробно излагаетъ всѣ факты, въ которыхъ выразилось отношеніе старшихъ и младшихъ князей между собою; но начала, изъ котораго проистекли эти факты, не опредѣляетъ. А когда рѣчь идетъ объ отношеніяхъ, начало едва ли

не всегда первое, главное. Были ли эти отношенія строго опредѣленныя, юридическія, или нѣтъ? авторъ объ этомъ не говоритъ. Именно потому, приступая къ прошедшему съ настоящими понятіями, мы идемъ отъ предположенія, что эти отношенія были юридическія, хотя и основанныя на началахъ кровныхъ, родственныхъ. Какъ же странно читать слѣдующее мѣсто въ статьѣ:

«Старшій въ родѣ до тѣхъ только поръ сохранялъ неограниченную власть, пока самъ свято исполнялъ свои отеческія обязанности, то есть пока не отдѣлялъ своихъ интересовъ отъ интересовъ цѣлаго рода, пока не переставалъ смотрѣть на каждаго младшаго, какъ на собственнаго сына, не дѣлая ни какого различія между ближними и отдаленными родичами, сохраняя между ними строгую справедливость. Какъ же скоро старшій въ родѣ пренебрегалъ своими отеческими обязанностями, какъ скоро предпочиталъ собственныя выгоды или выгоды дѣтей своихъ интересамъ цѣлаго рода, то онъ терялъ свое значеніе старшаго, отца; всѣ его права, равно какъ обязанности младшихъ къ нему, рушились, его власть замѣнялась или общимъ родовымъ совѣтомъ, или, въ случаѣ разногласія князей, каждый изъ нихъ дѣйствовалъ, защищалъ свои права, какъ умѣлъ и какъ могъ.»

Итакъ, юридическихъ понятій и отношеній мы прежде почти не имѣли. Никто не судилъ и не разбиралъ старшихъ и младшихъ въ родѣ, никто не произносилъ противъ великаго князя приговора, лишавшаго его значенія отца? Слѣдовательно, не было и никакихъ ручательствъ, что отношенія были всегда таковы, какъ представляетъ ихъ авторъ статьи, ибо отъ произвола зависѣло признать ихъ, или не признавать. Такъ и было. Отношенія были въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно произвольны, весьма часто случайны, но и предлогомъ къ нимъ точно служили большею частью отношенія кровныя, родственныя, потому что о другихъ отношеніяхъ не было и понятія.

Еслибъ г. Соловьевъ обратилъ вниманіе на это важное обстоятельство въ исторіи древнѣйшей Россіи, именно на это почти совершенное отсутствіе юридическаго элемента, онъ не сказалъ бы (на стр. 215), что отнятіе и неволя лишали кня-

зей права на томъ основаніи, что битва, по-нашимъ древнимъ понятіямъ, считалась за судъ Божій. Вопросы, которые рѣшались войнами, были тогда, какъ и теперь, такъ важны, рискъ такъ великъ, а способъ рѣшенія такъ случаенъ, что человѣкъ необходимо долженъ былъ убѣдиться въ направленіи такого рода дѣлъ Божескою силою; но, утѣшая себя мыслью, что битва — судъ Божій, человѣкъ никогда не могъ подавить въ себѣ мысли, что хотя и побѣжденный, онъ правъ, и всегда снова отдавалъ дѣло на перевершеніе того же суда Божія, т. е. войны, какъ скоро представлялся къ тому удобный случай. Слѣдовательно, нельзя сказать, что война могла лишить князя права; она только на время или навсегда отнимала у него возможность осуществить свои требованія. Безспорно, въ тогдашнихъ войнахъ еще несравненно менѣе было юридическихъ элементовъ, чѣмъ даже теперь. Войны князей въ періодъ удѣловъ могутъ служить лучшимъ доказательствомъ справедливости нашихъ словъ.

Точно такъ же авторъ не объяснилъ основнаго начала родовыхъ отношеній и различныхъ положеній, изъ нихъ проистекавшихъ, равно какъ и тѣхъ измѣненій, которыя со временемъ произошли въ этихъ отношеніяхъ. Намъ кажется, что чрезъ тѣ и другія проходитъ одна мысль, которая связываетъ ихъ въ одно цѣлое, объясняетъ переходъ удѣльной Россіи въ московскую, и такимъ образомъ даетъ единство древнѣйшей русской исторіи. Эта мысль или движущее начало, есть постепенное вытѣсненіе рода семьей. Какъ извѣстно, родъ отъ семьи существенно тѣмъ отличается, что въ немъ, т. е. въ родѣ, счетъ идетъ отъ родоначальника. Кто по рожденію къ нему ближе, тотъ и старше. Поэтому, родъ можетъ обнимать безконечное число членовъ, связанныхъ между собою родствомъ, и въ немъ дяди имѣютъ всегда преимущество передъ племянниками. Напротивъ, въ семьѣ, которая ведетъ свой счетъ отъ отца и об-

нимаетъ однихъ нисходящихъ родственниковъ, число послѣднихъ необходимо менѣе, сравнительно съ родомъ; первенство принадлежитъ сыновьямъ, а не дядямъ, нисходящимъ, а не боковымъ. Въ этомъ заключается и причина, почему семья есть то начало, которое становится всегда въ противоположность съ родомъ, отрицаетъ и разлагаетъ его по естественному закону распаденія кровнаго союза и замѣненія его, мало-по-малу, гражданскимъ, юридическимъ: и у насъ семья вытѣснила наконецъ родъ, какъ семья, въ свою очередь, была въ послѣдствіи вытѣснена лицемъ. Враждебное отношеніе рода и семьи появляется у насъ очень рано, и ихъ борьба съ бо́льшимъ и бо́льшимъ преимуществомъ семьи наполняетъ собою весь періодъ удѣловъ. Такой взглядъ, сколько мы понимаемъ, не только не противорѣчитъ основнымъ началамъ г. Соловьева, но, напротивъ, дополняетъ ихъ. Понятнымъ становится, почему вымышлено было старшинство старшаго племянника надъ дядями; почему племянники не могли быть совладѣльцами съ дядями (стр. 212); почему старшіе племянники не считались братьями своимъ дядямъ, если отецъ ихъ умеръ еще при жизни своего отца, а ихъ дѣда. Наконецъ, самое избраніе князя «въ отца мѣсто» изъ чужаго рода — фактъ позднѣйшій — объясняется весьма просто совершеннымъ упадкомъ родоваго начала, много разъ побѣжденнаго семьей. Родъ обратился какъ бы въ союзъ гражданскій, но еще проникнутый прежними родовыми понятіями.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобъ въ нашей исторической литературѣ появлялось побольше такихъ статей, какова разобранная нами. Если это желаніе скоро исполнится — время настоящаго пониманія русской исторіи недалеко.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ О РУССКОЙ ПРАВДѢ. *Часть I. Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды. Разсужденіе, писанное для полученія степени магистра, кандидатомъ правъ Николаемъ Калачовымъ. Москва. 1846.*

Наконецъ, вышла въ свѣтъ такъ давно и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемая любителями русскихъ древностей «Русская Правда» г. Калачова. Надобно сказать къ чести автора, что ожиданія не были напрасны. Очень не много у насъ книгъ, которыя бы такъ стояли въ уровень съ теперешними требованіями науки, такъ добросовѣстно ихъ удовлетворяли, какъ сочиненіе г. Калачова. Конечно, оно не казисто: оно не рѣшаетъ вопросовъ объ этомъ памятникѣ, не поясняетъ ея темныхъ и непонятныхъ мѣстъ, не предлагаетъ никакихъ окончательныхъ выводовъ и заключеній объ «Русской Правдѣ». Но кому извѣстна исторія ея литературной обработки, тотъ знаетъ, что всякая попытка отвѣчать на вопросы о «Правдѣ», объяснить ее, при теперешнемъ состояніи ея предварительной обработки, увеличила бы собою и безъ того длинный рядъ разсужденій и изслѣдованій объ этомъ предметѣ, нисколько не подвигая дѣла впередъ. Предположеній о «Русской Правдѣ» и ея значеніи есть множество, и самыхъ разнообразныхъ; но мы до сихъ поръ не могли произнести никакого сужденія о ихъ бо̀льшей или меньшей правдоподобности, или вѣроятности, потому что они не имѣли твердой фактической почвы. Каждый изслѣдователь основывалъ свои выводы на одномъ или нѣсколькихъ спискахъ рукописныхъ, или хотя изданныхъ но большею частью неудовлетворительно написанныхъ, вообще неподвергнутыхъ еще полной критико-филологической обработкѣ. Оттого одинъ смотрѣлъ на «Правду» такъ, другой иначе, судя по даннымъ, *которыя у него были* подъ руками. Прибавимъ къ этому, что

списковъ издано было немного, не болѣе четырнадцати или пятнадцати (считая въ томъ числѣ варіянты изъ Ростовской лѣтописи, пять Болтинскихъ, которыми онъ пользовался издавая «Правду», и два Фроловскіе, бывшіе подъ руками у г. Тобина); всѣ прочіе, въ большомъ числѣ, извѣстны были въ рукописяхъ, и слѣдовательно, по большой части доступны для немногихъ записныхъ археологовъ и знатоковъ дѣла. Такою же неизвѣстностью была покрыта и литература по «Русской Правдѣ», представляющая мало отдѣльныхъ сочиненій, но состоящая почти вся изъ журнальныхъ статей, брошюръ, главъ и даже мимоходныхъ замѣтокъ въ сочиненіяхъ, собственно относящихся къ другимъ предметамъ (наприм. у Розенкампфа, Карамзина, г. Погодина и т. д.). Новому изыскателю было трудно принять въ соображеніе все, что уже было сдѣлано; оттого старые вопросы опять подымались и рѣшались по старому, помимо возраженій, сдѣланныхъ на эти рѣшенія; предметы уже обсужденные подвергались новому обсужденію, которое не составляло пріобрѣтенія въ наукѣ, потому что не принимало въ разсчетъ предыдущихъ трудовъ. Словомъ, какъ факты, такъ и работы, уже совершенныя надъ ними, представляли какой-то хаосъ, въ которомъ трудно было найдтись, трудно было не потеряться. Итакъ, чтобъ проложить новые пути къ изученію «Правды», чтобъ сдѣлать возможнымъ разрѣшеніе вопросовъ, къ которымъ она подаетъ поводъ, или по крайней мѣрѣ опредѣленіе, какіе изъ нихъ могутъ быть разрѣшены, какіе нѣтъ, и какія средства для ихъ разрѣшенія, — для этого необходимо было, прежде всего, остановить колеблющіеся факты, сдѣлать ихъ извѣстными и доступными для всѣхъ, привести въ извѣстность литературу «Русской Правды» до малѣйшихъ подробностей и оцѣнить предшествующіе труды изданія. Эту предварительную задачу блистательно разрѣшилъ г. Калачовъ. Надо было имѣть большое

самоотверженіе, чтобъ совершить трудъ, требующій много времени, работы, издержекъ, — въ добавокъ, трудъ такой тяжелый, копоткій, утомительный и невидный на первый взглядъ. Но за то теперь поле очищено, предметъ обогатился новыми данными, положена прочная основа для новыхъ изысканій о «Правдѣ», и въ этомъ смыслѣ мы позволимъ себѣ сказать необинуясь, что разсужденіе г. Калачова составляетъ эпоху въ нашей историко-юридической литературѣ.

Тѣсныя рамки библіографической статьи не позволяютъ намъ входить въ подробный разборъ этого замѣчательнаго сочиненія. Мы представимъ здѣсь только короткій обзоръ его содержанія и того, что̀ оно заключаетъ въ себѣ особенно новаго и замѣчательнаго.

Прежде всего замѣтимъ, что авторъ издалъ теперь только первую часть обширнаго труда, который задуманъ имъ въ большихъ размѣрахъ. Этотъ трудъ долженъ представить полное объясненіе «Правды», «безъ котораго», какъ справедливо замѣчаетъ г. Калачовъ, «всѣ отдѣльныя или частныя объ ней изслѣдованія никогда не могутъ имѣть желаемаго успѣха». Изложивъ, какъ необходимо такое объясненіе при теперешнемъ состояніи ея литературной обработки, авторъ представляетъ планъ, которому онъ намѣренъ слѣдовать. Во-первыхъ, долженъ быть, по мнѣнію автора, изданъ вполнѣ, безъ всякихъ измѣненій и по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ, текстъ «Правды»; потомъ, объяснены филологически «какъ отдѣльныя слова, такъ равно цѣлыя выраженія и обороты рѣчи». Въ доказательство, какъ важно такое объясненіе, авторъ приводитъ слова «изгой» и «колбягъ», которыхъ значеніе объясняется изъ другихъ памятниковъ. Затѣмъ должно слѣдовать юридическое объясненіе «Правды», т. е. полное изложеніе содержанія «Русской Правд», и сравненіе этого содержанія съ нашими памятниками, *отъ древнѣйшихъ временъ* до XVII вѣка включительно, и съ

древнѣйшими памятниками славянскихъ и германскихъ народовъ; черезъ это должно выясниться «какое значеніе имѣетъ вообще «Русская Правда»; во первыхъ, какъ источникъ нашего древняго права въ разное время, а во вторыхъ, какъ юридическій памятникъ, и потомъ, въ какомъ отношеніи находится она ко всѣмъ другимъ памятникамъ, свѣтскимъ и духовнымъ, въ системѣ русскаго законодательства до XVII вѣка включительно». При этомъ должна быть предложена подробная критическая оцѣнка различныхъ мнѣній о «Русской Правдѣ». На основаніи такихъ-то работъ можно уже приступить къ изданію текста «Правды» XI вѣка, критически-очищеннаго, и переводъ «Правды», въ томъ видѣ, какъ мы ее теперь имѣемъ. Наконецъ, говоритъ авторъ, «можно будетъ смѣло приступить къ критическимъ выводамъ касательно образа составленія Русской Правды, ея подлиннаго содержанія въ XI, XII и другихъ столѣтіяхъ, ея достоинства, какъ источника права и памятника не только отечественнаго законодательства, но и словесности; наконецъ, вообще къ тѣмъ выводамъ, которые могутъ казаться особенно важными для филолога, историка и философа».

Выполнимъ ли весь этотъ планъ — трудно рѣшить прежде тщательной обработки «Правды» въ историческомъ, филологическомъ и юридическомъ отношеніяхъ. Позволяемъ себѣ думать, что опредѣлить время и способы составленія каждой статьи «Правды», объяснить вполнѣ всѣ слова и выраженія, въ особенности возстановить ея первоначальный текстъ, какъ предполагаетъ авторъ, — едва ли возможно, пока не будутъ открыты какіе-нибудь новые источники. Сверхъ того, мы знаемъ, какъ очищеніе текста всегда болѣе или менѣе предположительно. Оттого, мы болѣе склоняемся къ мысли, что послѣднія двѣ части труда могутъ быть опущены безъ ущерба для достоинства и полноты изслѣдованій.

Въ изданной первой части трудовъ надъ «Правдой» находимъ преимущественно матеріалы для ея объясненія съ юридической стороны, которая такъ тѣсно связана съ исторіей этого законодательнаго памятника: 1) разборъ изданій и сочиненій, относящихся къ «Русской Правдѣ»; 2) критическое обозрѣніе извѣстныхъ ея списковъ съ юридической стороны; 3) систематическое изложеніе и изданіе полнаго въ юридическомъ отношеніи текста «Правды»; 4) указаніе на юридическіе памятники, находящіеся въ особенной связи съ ея содержаніемъ.

Скажемъ особо о каждомъ изъ этихъ отдѣловъ.

Первый отдѣлъ не есть собственно критическая исторія литературы «Русской Правды» или ея изданій. Это краткій обзоръ и того и другаго, съ отмѣтками и отзывами обо всемъ, что было сдѣлано до сихъ поръ, и самымъ тщательнымъ библіографическимъ указаніемъ на предшествующіе труды. Особенно въ послѣднемъ отношеніи эта статья драгоцѣнна. Изъ обозрѣнія статей и сочиненій о «Русской Правдѣ» мы видимъ, что около тридцати изслѣдователей болѣе или менѣе занимались этимъ памятникомъ и посвящали ему труды свои. Странно, особливо когда подумаешь, какъ плохо обработана русская исторія, въ особенности внутренняя!

Обозрѣніе списковъ «Правды» съ юридической стороны представляетъ много чрезвычайно любопытныхъ результатовъ, отчасти выведенныхъ прежними изслѣдователями и теперь подтвержденныхъ г. Калачовымъ, отчасти совсѣмъ новыхъ. Чтобъ понять всю важность и основательность этихъ результатовъ, должно напередъ замѣтить, что г. Калачовъ пользовался пятьюдесятью списками «Правды», изъ которыхъ около тридцати имъ впервые открыты, по крайней мѣрѣ черезъ него дѣлаются общедоступными.

Всѣ списки «Правды», по мнѣнію г. Калачова, дѣлятся на *четыре фамиліи* (*прежде* ихъ дѣлили на двѣ). Къ первой отне-

сены изслѣдователемъ списки древнѣйшихъ лѣтописей: Новгородской и Ростовской, или такъ-называемые краткіе списки; ко второй—списки кормчихъ такъ-называемаго кирилловскаго разряда и «Мѣрила Праведнаго»—древнихъ сборниковъ, близко къ нимъ подходящихъ; къ третьей — списки позднѣйшихъ новгородскихъ (софійскихъ) временниковъ; наконецъ, къ четвертой — списки позднѣйшихъ сборниковъ отдѣльныхъ статей разнаго содержанія.

Признаки, общіе всѣмъ фамиліямъ списковъ, состоятъ въ томъ, что ни одинъ изъ послѣднихъ не есть оффиціяльный документъ. Все заставляетъ думать, что «Правда» — сборникъ, составленный частными лицами и въ разное время такимъ же образомъ дополненный. Несмотря на то, «Правда» была оффиціяльно признаваема источникомъ права, потому что встрѣчается въ кормчихъ и сборникахъ, признаваемыхъ за руководство въ судебныхъ дѣлахъ. Далѣе, изъ имѣющихся списковъ «Правды» видно, что она составлена изъ законовъ великихъ князей, грамотъ, наказовъ, памятей, обычныхъ правилъ, положеній германскаго и византійскаго права, приноровленныхъ къ понятіямъ народа, мѣстныхъ постановленій, преимущественно новгородскихъ, и изъ частныхъ случаевъ или фактовъ. Наконецъ, изъ тѣхъ же списковъ видно, что разныя положенія въ «Правдѣ» получили въ разное время силу закона: одни при Ярославѣ, другіе при его ближайшихъ преемникахъ, третьи въ XII, XIII и XIV вѣкахъ. На какомъ основаніи ученый изслѣдователь относитъ нѣкоторыя статьи именно къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ — не видно. По всѣмъ вѣроятіямъ, сличеніе разныхъ списковъ привело его къ такимъ заключеніямъ. Если такъ — это основаніе едва ли прочно. О времени составленія статей мы только тогда можемъ заключать почти несомнѣнно, когда есть въ нихъ самихъ указаніе. Такъ въ нѣкоторыхъ прямо *сказано, что онѣ* принадлежатъ Ярославу, его дѣтямъ,

Владиміру Мономаху. Но судить о происхожденіи статей по вѣку, къ которому относятся списки, нельзя, потому что открытіе болѣе древнихъ, въ которыхъ находятся такія же статьи, легко можетъ опровергнуть выводы. Впрочемъ, авторъ, какъ знатокъ своего дѣла, могъ имѣть и другія, болѣе основательныя причины, по которымъ онъ относилъ статьи «Правды» къ тому или другому вѣку. Какъ бы то ни было, вѣрно то, что полный составъ списковъ «Правды» разныхъ фамилій извѣстенъ намъ изъ рукописей не ранѣе XIII, XIV и XV вѣка. Отъ XIII и XIV вѣка до насъ дошло по одному списку второй фамиліи, а отъ XIV и XV вѣка отъ каждаго по одному списку первой, третьей и четвертой фамиліи и нѣсколько списковъ второй (слѣдовательно, вѣроятно XV вѣка, ибо о спискахъ второй фамиліи отъ XIV вѣка было уже прежде упомянуто). Списки XVI и XVII вѣка не представляютъ уже ничего новаго. Отсюда г. Калачовъ не безъ основанія заключаетъ, что въ эти два вѣка «Правда» уже потеряла практическое значеніе и вносилась въ кормчія и сборники, какъ историческій памятникъ, неимѣвшій силы закона. Со времени изданія Уложенія и печатной Кормчей, прекратилось и самое переписываніе «Правды». Порядокъ расположенія статей во всѣхъ спискахъ имѣетъ большое сходство; близкія между собою статьи составлялись въ группы, располагались между ними, а всего чаще въ концѣ. Правильной системы не видно въ «Правдѣ». Языкъ носитъ слѣды древности.

Таковы общіе признаки всѣхъ фамилій списковъ. Признаки, которыми они различаются, весьма разнообразны. Списки первой фамиліи отличаются особенно простотой и краткостью; статьи въ нихъ писаны безъ раздѣленій и заглавій, кромѣ какъ въ началѣ и въ серединѣ списковъ. Г. Калачовъ думаетъ, что послѣднее («Правда уставлена Руською земли егда ся съвокупилъ» и т. д.) не простирается на всѣ статьи, за

ними слѣдующія, и доказываетъ это мѣстомъ, которое это заглавіе занимаетъ въ спискахъ другихъ фамилій. Того же мнѣнія и Розенкампфъ. Впрочемъ, здѣсь г. Калачовъ выразился неясно: хотѣлъ ли онъ этимъ сказать, что въ спискахъ другихъ фамилій это заглавіе занимаетъ другое мѣсто, но одно во всѣхъ, или оно и въ нихъ встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ? Какъ ни мелоченъ кажется этотъ вопросъ, но онъ много вѣситъ въ изслѣдованіи о «Русской Правдѣ». Дѣло въ томъ, что если это заглавіе въ разныхъ спискахъ стоитъ передъ разными статьями—очевидно нельзя приписывать первую половину такъ называемой «Краткой Правды» Ярославу, а вторую его дѣтямъ; слѣдственно, она, подобно пространной, должна быть разсматриваема не какъ цѣлое законодательство, а какъ частный юридическій сборникъ. Будь доказано противное — предположеніе Эверса, Неймана и Тобина остается по прежнему вѣроятнымъ по крайней мѣрѣ неопровергнутымъ. То или другое можетъ быть рѣшено не числомъ статей, послѣ которыхъ встрѣчается это заглавіе — ибо могли быть вставки — а тѣмъ, стоитъ ли оно передъ одной и той же статьей во всѣхъ спискахъ, или передъ разными. — Вообще, г. Калачовъ замѣчаетъ, что оглавленія составляютъ одно изъ важныхъ различій между фамиліями списковъ—не только первой отъ прочихъ, но и ихъ между собою. Въ этомъ отношеніи онъ согласенъ съ Розенкампфомъ, что «подробнѣйшій разборъ оглавленій можетъ привести къ нѣкоторымъ справедливымъ выводамъ касательно составленія основныхъ списковъ и ихъ системы». Въ спискахъ трехъ прочихъ фамилій «Правды» находятся то же два заглавія. О нихъ г. Калачовъ говоритъ то же, что̀ и объ оглавленіяхъ въ спискахъ первой фамиліи: они служатъ оглавленіемъ не для всѣхъ послѣдующихъ статей, а только для ближайшей, непосредственно за нимъ слѣдующей. По содержанію, первая фамилія различается отъ прочихъ полнотой, числомъ и самой редакціей

статей. Это различіе не такъ замѣтно между списками трехъ послѣднихъ фамилій, отличающихся между собой болѣе всего отдѣльными статьями, которыхъ въ иныхъ вовсе нѣтъ. Такъ списки второй фамиліи не имѣютъ дополнительныхъ статей, а въ другихъ онѣ есть; за то и въ нихъ есть прибавленія, которыхъ не достаетъ въ третьей и четвертой фамиліи. Наконецъ, списки послѣдней фамиліи отличаются отъ списковъ второй и третьей меньшею полнотою статей и предисловіемъ, переведеннымъ съ греческаго и заимствованнымъ изъ словъ Василія Великаго. По мнѣнію г. Калачова, оно не принадлежитъ первымъ составителямъ «Правды», потому что она «безъ сомнѣнія служила первоначально руководствомъ въ дѣлахъ судебныхъ только для людей свѣтскаго званія». Кромѣ того, четвертая фамилія отличается отъ прочихъ тѣмъ, что списки, къ ней принадлежащіе, представляютъ «довольно ясныя указанія на то, какимъ образомъ и изъ какихъ источниковъ былъ дополняемъ первоначальный текстъ Русской Правды въ разное время».

Послѣ такого обозрѣнія сходства и несходства между фамиліями списковъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію каждой изъ нихъ въ отдѣльности и рукописей, къ ней относящихся, въ которыхъ помѣщена «Правда». Мы остановимся на томъ, что̀ намъ показалось особенно важнымъ.

Списковъ первой фамиліи, содержащихъ въ себѣ такъ-называемую краткую «Правду», всего четыре (кромѣ дошедшихъ въ варіантахъ). Судя по грамматическимъ признакамъ, они указываютъ на текстъ позднѣйшій въ сравненіи съ списками второй фамиліи, изъ которыхъ иные относятся къ XIII, XIV и XV вѣку. Разумѣется, изъ этого нельзя еще дѣлать никакихъ рѣшительныхъ заключеній о краткой «Правдѣ», особенно о ея древности, ибо сохраненіе однихъ позднѣйшихъ ея списковъ есть случайность. Замѣтимъ, впрочемъ, что эти списки

чрезвычайно сходны между собою; различія ихъ по большой части филологическія. Только четвертый списокъ имѣетъ одну лишнюю статью противъ другихъ, вставленную между 38 и 39 статьями. Все это подтверждаетъ мысль, что первая половина «Краткой Правды» дѣйствительно можетъ быть уставъ или судная грамота, данная Ярославомъ Новгороду по извѣстіямъ лѣтописей, а вторая ея половина — законодательство дѣтей Ярославовыхъ, дополняющее уставъ Ярославовъ, съ нѣсколькими прибавочными статьями въ концѣ. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно, что лишняя статья въ четвертомъ спискѣ «Краткой Правды» есть пятая снизу и находится въ числѣ прибавочныхъ. На этомъ основаніи мы не вполнѣ согласны съ мнѣніемъ г. Калачова, высказаннымъ въ третьемъ текстѣ, что «Русская Правда, относительно текстовъ извѣстныхъ ея списковъ, есть сборникъ, составленный частными лицами и въ разное время такимъ же образомъ дополненный подъ вліяніемъ различныхъ условій». Это можетъ быть болѣе или менѣе справедливо въ отношеніи къ пространной «Правдѣ», но едва ли идетъ къ краткой. По крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ ней гораздо сомнительнѣе, чѣмъ этотъ тезисъ въ примѣненіи къ «Правдѣ» XIII вѣка.

Другое наблюденіе надъ списками «Правды», которое намъ показалось особенно замѣчательнымъ, состоитъ въ томъ, что вторая половина пространной «Правды», начинающаяся уставомъ Владиміра Мономаха о процентахъ, присоединена къ первой половинѣ гораздо позже составленія первоначальнаго текста; прежде обѣ составляли нѣчто отдѣльное. Сколько мы знаемъ, это замѣчаніе едва ли было сдѣлано прежде г. Калачова и проливаетъ новый свѣтъ на «Правду». По изслѣдованіямъ г. Тобина, первая половина пространной «Правды» главнымъ образомъ состоитъ изъ статей Ярославовой «Правды» и «Правды» его дѣтей. Это переработка прежняго законодательства и очень

легко могла быть дѣломъ частнаго человѣка. Напротивъ, вторая половина представляетъ положенія существенно новыя, и до сихъ поръ еще трудно рѣшить, есть ли это законодательство Владиміра Мономаха и если да, то до котораго именно мѣста, и что̀ къ нему прибавлено потомъ. Открытіе, что обѣ половины составлялись различно и были прежде два разные памятника, потому особенно важно, что оно даетъ теперь изслѣдователямъ полное право, разорвать всякую связь между обѣими половинами, разсматривать каждую особливо. Различные результаты для обѣихъ ничего не будутъ доказывать противъ правдоподобности или достовѣрности выводовъ.

Третій отдѣлъ диссертаціи г. Калачова заключаетъ въ себѣ текстъ «Русской Правды», расположенный систематически, по пятидесяти спискамъ. Это, конечно, важнѣйшая и лучшая часть книги. Съ удивительною тщательностью выбранъ текстъ изъ всѣхъ списковъ и подведены всѣ малѣйшія разночтенія. Отпечатанъ текстъ чрезвычайно красиво, особливымъ шрифтомъ, въ четырехъ главахъ, изъ которыхъ первая содержитъ въ себѣ статьи, относящіяся къ государственному праву, вторая — къ гражданскому, третья — къ уголовному праву, наконецъ, четвертая — о судопроизводствѣ. Всего статей сто сорокъ три. Въ концѣ приложены три таблицы: первая содержитъ въ себѣ изчисленіе пятидесяти списковъ «Правды», изданныхъ г. Калачовымъ. Большое число ихъ относится ко второй фамиліи, а именно двадцать восемь. Вторая таблица представляетъ соотвѣтственность статей изданія г. Калачова съ статьями подлинныхъ списковъ. Съ помощью этой таблицы можно возстановить каждый списокъ по изданію г. Калачова. Наконецъ, третья таблица показываетъ, наоборотъ, соотвѣтственность статей списковъ съ статьями новаго изданія.

Послѣдній отдѣлъ представляетъ различныя статьи, встрѣчающіяся въ коричихъ, сборникахъ, лѣтописяхъ, и которыя по

своему содержанію или тожественны или болѣе или менѣе сходны съ статьями «Русской Правды». Изъ нихъ самая большая часть относится къ церковному законодательству и основана на каноническихъ статьяхъ или на постановленіяхъ византійскихъ императоровъ. Различныхъ памятниковъ, въ которыхъ содержатся такія статьи, г. Калачовъ насчитываетъ до девяти, а именно: извлеченіе изъ книгъ Моисеевыхъ, земледѣльческіе законы императора Юстиніана, законы императоровъ Льва и Константина, законъ гражданскій, такъ-называемый Судебникъ царя Константина, главы о послусѣхъ, уставы о церковныхъ судахъ великихъ князей Владиміра, Ярослава и Всеволода, правило законно о церковныхъ людѣхъ, и о десятинахъ, и о мѣрилѣхъ городскихъ, наконецъ, договоръ смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригой и Готландіей. Изъ нихъ, сходныхъ статей съ «Правдой» извлечено слишкомъ тридцать. Всѣ онѣ изданы съ тою же тщательностью, указаніемъ источниковъ, варіянтовъ и литературы, какъ и самый текстъ «Правды». Замѣчательно, что между ними встрѣчается статья о послушествѣ, приписываемая Владиміру и вошедшая въ составъ «Правды». Она подаетъ поводъ къ различнымъ любопытнымъ выводамъ относительно составленія пространной «Правды». Статью о послушествѣ мы находимъ во второй ея половинѣ. Въ Троицкомъ Спискѣ она составляетъ двѣнадцатую статью этой половины. Отсюда дѣлается вѣроятнымъ одно изъ двухъ предположеній: или что заглавіе «уставъ Володимѣрь Всеволодича» дѣйствительно не относится только къ ближайшей статьѣ о процентахъ, но есть заглавіе цѣлаго устава, даннаго Мономахомъ, хотя, можетъ-быть, и дополненнаго въ послѣдствіи другими статьями, или, по крайней мѣрѣ, что въ древней Россіи вторую половину «Правды» считали за уставъ Мономаха и ему ее приписывали. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ это важный доводъ противъ тѣхъ,

которые считаютъ пространную «Правду» частнымъ сборникомъ, а не законодательнымъ памятникомъ.

Таково новое сочиненіе г. Калачова. Это одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій въ нашей историко-юридической литературѣ, и въ своемъ родѣ образцовое произведеніе.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ. *М. Погодина. Москва. 1846.*

Въ этой книгѣ, обѣщанной въ предисловіи къ «Изслѣдованіямъ, замѣчаніямъ и лекціямъ» г. Погодина, собрано «нѣсколько разсужденій о русской исторіи, писанныхъ для журналовъ и по другимъ случаямъ въ томъ видѣ, какъ они первоначально были напечатаны». Такъ говоритъ авторъ и мы готовы были бы повѣрить ему на слово, еслибъ въ самомъ концѣ послѣдней статьи не увидѣли нѣсколько строкъ, которыхъ не было въ первоначальномъ изданіи (въ «Москвитянинѣ»). Впрочемъ, мы не сравнивали прежней редакціи всѣхъ статей съ теперешней, и потому не знаемъ, много ли такихъ отступленій.— Какъ бы то ни было, мы внимательно прочли всю книгу, и она произвела на насъ и пріятное, и вмѣстѣ грустное впечатлѣніе. Намъ пріятно было думать, вникая въ странные силлогизмы, выводы, мысли, въ странную точку зрѣнія г. Погодина, — какъ мы теперь далеко ушли отъ такого воззрѣнія, какъ оно теперь, если не совсѣмъ изчезло, то по крайней мѣрѣ считаетъ мало прозелитовъ; тѣмъ отраднѣе была мысль, что огромная разница въ воззрѣніи между г-мъ Погодинымъ и нами успѣла образоваться въ какія-нибудь двадцать лѣтъ. Живя, мы не замѣчаемъ, какъ неимовѣрно быстро двигаемся впередъ; только исторія литературы невольно раскрываетъ намъ глаза. Въ самомъ дѣлѣ, читая «Отрывки», трудно повѣ-

рить, что они написаны въ послѣднее двадцатилѣтіе, иные даже въ прошедшемъ году. Особенно на нѣкоторыхъ изъ нихъ это поразительно. Но намъ потому грустно было смотрѣть на книгу, что авторъ нашъ современникъ, ученый, пользовавшійся и теперь еще пользующійся почетнымъ именемъ въ русской исторической литературѣ. Желаніемъ опережая событія и время, мы радовались бы такому писателю временъ Московскаго государства, даже періода реформы, но не второй четверти девятнадцатаго вѣка. Г. Погодинъ, какъ нашъ современникъ, приводитъ насъ къ той печальной мысли, что какъ мы ни быстро идемъ впередъ — это все еще гомеопатическіе успѣхи и на до-исторической почвѣ.

Говоря это, мы нисколько не думаемъ набрасывать тѣнь на достоинства и заслуги автора. Его статьи по русской исторіи, собранныя теперь въ одно цѣлое (хотя и не всѣ) даютъ возможность обозрѣть его историко-литературную дѣятельность однимъ разомъ и оцѣнить безпристрастно. Г. Погодинъ—отдадимъ ему справедливость—былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ нашихъ изслѣдователей, которые старались подойдти къ фактамъ поближе и взглянуть на нихъ проще, нежели ихъ предшественники. Попытки такого рода всегда сопряжены съ большими трудностями, заключающимися въ самомъ предметѣ и въ посторонніхъ обстоятельствахъ. Гораздо легче сочинить исторію, натянуть ее на нѣсколько любимыхъ мыслей, нежели понять, какъ она совершалась, тѣмъ болѣе, что, для полнаго ея уразумѣнія, нужны многіе предварительные труды, рядъ предшественниковъ на томъ же поприщѣ и наконецъ точка зрѣнія, которую можетъ только дать время и извѣстная степень развитія народнаго сознанія. Съ другой стороны, есть историческія истины, передъ которыми невольно робѣетъ мысль въ данное время; ученые авторитеты, общественное мнѣніе безсознательно зарождаютъ какую-то нерѣшимость даже

въ самомъ энергическомъ, твердомъ умѣ и ослабляютъ его силы. Прибавимъ къ этому необходимое развлеченіе вниманія при изученіи предмета новаго, мало обработаннаго. Вотъ съ какими непреодолимыми препятствіями долженъ у насъ бороться каждый, изучающій русскую исторію. Съ ними встрѣтился и г. Погодинъ. Посвятивъ себя этому предмету двадцать лѣтъ тому назадъ, онъ долженъ былъ встрѣтить ихъ несравненно больше, чѣмъ мы теперь. Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ ходомъ нашей исторической литературы, тотъ знаетъ, сколько теперь напечатано матеріяловъ, въ то время неизвѣстныхъ и недоступныхъ. Предразсудковъ было несравненно больше, чѣмъ въ наше время (что̀ не значитъ чтобъ ихъ теперь было мало), и если тогда уже можно было ѣсть телятину и не ходить въ баню, не опасаясь за свою жизнь, то было еще много такого, за что̀ человѣкъ самый богобоязненный и умѣренный могъ прослыть вольнодумцемъ, т. е. стать въ положеніе, невыгодное во многихъ отношеніяхъ... Въ добавокъ, тогда еще безгранично господствовалъ авторитетъ Карамзина, который, при всѣхъ своихъ великихъ и вѣчно-незабвенныхъ заслугахъ для русской исторіи, внесъ въ нее совершенно противоестественное воззрѣніе. Задавъ себѣ невозможную задачу—изложить русскую исторію фактически-вѣрно, но съ точки зрѣнія западно-европейской исторіи, онъ выполнилъ ее такъ блистательно, умѣлъ такъ искусно сочетать взглядъ и факты, противорѣчащіе другъ другу, взятые изъ совершенно разнородныхъ слоевъ жизни, что даже до сихъ поръ, несмотря на исполинскіе шаги впередъ, мы не можемъ еще совершенно освободиться отъ обаянія, навѣяннаго на насъ «Исторіею Государства Россійскаго». Тайна этого очарованія, можетъ быть, не столько скрывалась въ тогдашнемъ фактическомъ незнаніи нашей исторіи (какъ оно ни было велико), сколько въ духѣ и обстоятельствахъ времени. Чувство національной

гордости было тогда возбуждено въ высшей степени великими событіями; но это чувство, проникавшее преимущественно образованные классы общества, перейдя въ сознаніе, должно было принять характеръ Петровой эпохи, которую мы доживали. Болѣе чѣмъ когда либо мы увѣрились, что мы Европейцы и стоимъ съ ними на одной степени. Идеалъ, по которому мы себя цѣнили, былъ еще внѣ насъ. Весьма естественно, что писатель, взглянувшій съ этой точки на наше прошедшее, при другихъ большихъ достоинствахъ, возбудилъ сильное сочувствіе и глубоко подѣйствовалъ на общество. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Карамзинъ является представителемъ цѣлой эпохи нашего умственнаго и нравственнаго развитія. Въ его время, мысль Петра совершилась и на дѣлѣ и въ сознаніи. Въ политическомъ отношеніи, мы сравнялись съ европейскими народами и радовались этому, и думали, что главная цѣль достигнута и намъ остается только идти впередъ на томъ же пути. Тѣ, которые искали для жизни новыхъ выходовъ, открывали уже собою другой періодъ...

Г-нъ Погодинъ былъ изъ первыхъ, которые начали упрощать натянутое воззрѣніе Карамзина. Вдругъ за все взяться не было возможности. Воздвигнутое зданіе надобно было подтачивать по немногу, по частямъ. Оттого воспреобладало критическое направленіе, въ которомъ г. Погодинъ игралъ, конечно, не послѣднюю роль. Странно, когда подумаешь, что тотъ же ученый изслѣдователь, который еще такъ недавно былъ во главѣ новаго поколѣнія и велъ его противъ старой школы, теперь уже является защитникомъ стараго противъ новаго и стоитъ на сторонѣ Карамзина, котораго недостатки онъ открывалъ и обличалъ такъ основательно и дѣльно. Всему виной время! Оно шло такъ быстро; такъ скоро стало вывѣтриваться и ветшать снаружи великолѣпное, изнутри призрачное строеніе русской исторіи, что г. Погодинъ не узналъ въ сво-

ихъ послѣдователяхъ (не по изысканіямъ, а по взгляду) продолжителей его же дѣла и испугался крайнихъ послѣдствій, выведенныхъ изъ критики Карамзинскаго воззрѣнія. Ему показалось, что пошли уже слишкомъ далеко, и онъ понялъ, что стоитъ ближе къ прежнему, чѣмъ къ новому. Къ быстротѣ самой перемѣны въ мнѣніяхъ, происшедшей у насъ, присоединилось и много другаго, вслѣдствіе чего г. Погодинъ долженъ былъ скоро отстать отъ современнаго движенія. Въ числѣ главныхъ причинъ мы считаемъ путь, который былъ имъ избранъ, пріемъ, съ которымъ онъ взялся за дѣло. Г-нъ Погодинъ, какъ и многіе другіе, отдался частностямъ, имъ посвятилъ себя. Онъ повелъ аттаку на отдѣльные пункты, и, употребивъ на это всѣ силы, забылъ главное — цѣлое прошедшее воззрѣніе, которое нужно было измѣнить съ корня; можетъ быть, даже онъ не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета и только смутно предчувствовалъ недостатки существующихъ понятій, почему и обратился къ критикѣ отдѣльныхъ событій, какъ они разсказаны у Карамзина. Послѣднее вѣроятнѣе, потому что новое воззрѣніе никогда не является вдругъ послѣ стараго, а есть результатъ, добываемый постепенно и возникающій уже на развалинахъ. Въ періодъ дѣятельности г. Погодина, всѣ наши критики, болѣе или менѣе недовольные Карамзинымъ и господствовавшими въ то время понятіями о русской исторіи, растратили такимъ образомъ свои силы надъ частностями. Общее потеряно изъ вида. Возникли споры, партіи, вражды, которыя ни къ чему не привели, потому что мысль, ихъ породившая, была забыта. Вышло подъ конецъ, что когда новѣйшее поколѣніе, видя безплодную борьбу, осмѣлилось напомнить и высказать въ чемъ главная задача и какъ она должна быть поставлена и разрѣшена, ее встрѣтили холодно и сурово: первые дѣятели, указавшіе ей путь, сбились съ дороги и враждовали, спорили на поприщѣ археологіи, далеко отдалившись отъ

исторіи, главнаго театра дѣйствій, откуда возникли вопросы и неудовлетвореніе. Мы высказали здѣсь свое мнѣніе объ историко-литературной дѣятельности г. Погодина, чтобъ показать, съ какой точки зрѣнія должно, какъ намъ кажется, смотрѣть на его «Отрывки», изданные теперь въ свѣтъ. Можетъ-быть, г. Погодинъ съ нами не согласится; можетъ-быть, онъ найдетъ странною мысль, что онъ одинъ изъ первыхъ началъ опровергать взглядъ Карамзина. Тѣмъ не менѣе это совершенно справедливо. Рѣзко это потому только не выдается, что г. Погодинъ, очень удачно нападая на Карамзина въ отдѣльныхъ фактахъ и явленіяхъ историческихъ, остался при немъ въ цѣломъ, и такъ не понялъ или забылъ свое призваніе въ русской исторической литературѣ.

Въ составъ разбираемой нами книги вошло пятнадцать статей, писанныхъ по разнымъ случаямъ. Первыя изъ нихъ по времени—статьи: «О характерѣ Іоанна Грознаго», написанная въ 1825, объ «Отрепьевѣ» и «Объ участіи Годунова въ убіеніи царевича Димитрія», въ 1827 году. Послѣднія: «Параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ относительно начала» и «За русскую старину», впервые напечатаны въ «Москвитянинѣ» въ 1845 году. Онѣ расположены по хронологическому порядку событій и лицъ, къ которымъ относятся. Но мы станемъ разбирать ихъ въ той преемственности, какъ онѣ выходили, потому что для насъ развитіе самаго автора гораздо интереснѣе того, что онъ сказалъ; историческія мнѣнія г. Погодина имѣютъ бо́льшій интересъ литературный, нежели объективный; они теперь сами предметъ исторіи.

Статья «О характерѣ Іоанна Грознаго» вся критическая. Она дышетъ тѣмъ временемъ, когда авторъ приступилъ къ дѣлу съ свѣжими силами, ставилъ вопросительные знаки на листахъ «Исторіи Государства Россійскаго» и не могъ удов-

летвориться ея рѣшеніями и объясненіями. Первыя слова статьи очень замѣчательны:

«Нѣтъ ничего труднѣе (говоритъ авторъ), какъ освобождаться отъ предразсудковъ, какихъ бы то ни было, историческихъ, политическихъ, житейскихъ. мнѣніе, однажды принятое, получаетъ какую-то особенную силу надъ нами, и дѣлается частію насъ самихъ. Усомниться въ немъ — есть уже необыкновенное явленіе, важный шагъ, а какъ еще далеко отсюда до другаго пути! Съ большимъ насиліемъ, какъ будто посягая на самихъ себя, мы перестаемъ думать такъ, начинаемъ думать иначе.» (стр. 227).

Такъ писалъ авторъ въ 1825 году. Мы увидимъ, что послѣ онъ говорилъ уже совсѣмъ другое.

Главная тема, которую развиваетъ статья (раздѣленная на двѣ части), въ короткихъ словахъ состоитъ въ слѣдующемъ: Карамзинъ говоритъ, что Іоаннъ былъ идеаломъ царя съ чудеснаго своего обращенія до смерти Анастасіи, и извергомъ съ этого времени по свою кончину; но это несправедливо: такое превращеніе неестественно; «Іоаннъ никогда не былъ великъ». Пока его характеръ не сложился окончательно, его прибрали въ руки люди благонамѣренные, искавшіе пользы и славы Россіи. Не Іоанну, а имъ обязана она тѣмъ великимъ и прекраснымъ, что̀ тогда сдѣлано. Возмужавъ, Іоаннъ началъ тяготиться строгой зависимостью, въ которую былъ поставленъ; этимъ воспользовалась другая партія, которая помогла ему выйдти изъ-подъ тягостной нравственной опеки и дала возможность дурнымъ его свойствамъ развиться до той уродливости и безобразія, въ какихъ они потомъ выразились. Самъ по себѣ, Іоаннъ былъ человѣкъ ничтожный и слабый до трусости. Впрочемъ, его жестокости, неслыханное тиранство, объясняются и отчасти оправдываются воспитаніемъ, временемъ, въ которое онъ жилъ, и окружающими обстоятельствами.

Очевидно, значеніе и характеръ Грознаго не поняты. Можно спорить о его характерѣ и психологическомъ развитіи, но

назвать его ничтожнымъ нельзя ни въ какомъ случаѣ. Теперь это ясно какъ день, и потому не стоитъ доказывать. Мы думаемъ, что и самъ авторъ находитъ теперь свой приговоръ черезъ-чуръ рѣзкимъ. Но замѣтимъ, что эта несправедливость имѣетъ весьма важное значеніе по источнику, изъ котораго она вытекла. Г-на Погодина поразила неестественность характера Іоаннова у Карамзина. Въ самомъ дѣлѣ, восьмой и девятый томъ — одна изъ самыхъ слабыхъ частей сочиненія исторіографа. Г. Погодинъ старался найдти ключъ къ этой загадкѣ, наполнить пропасти, раздѣляющія различныя эпохи жизни Грознаго, открыть связь между свѣтлой и темной стороной его царствованія,—словомъ, возсоздать ту преемственность, постепенность измѣненій, которая необходимо присуща всему живому. Дурно или хорошо онъ выполнилъ задачу, это другой вопросъ. Главное то, что г. Погодинъ объявилъ здѣсь себя противникомъ чудеснаго въ исторіи, защитникомъ прямаго, естественнаго взгляда на жизнь, какъ она есть, и это-то особенно важно. Полемизируя противъ Карамзина, ученый авторъ статьи показываетъ, что исторіографъ произвольно разставлялъ факты, группировалъ ихъ какъ ему было нужно для его цѣлей, наперекоръ хронологіи и фактической послѣдовательности. Это ни то, ни сё, въ которое преобразился чудесный Іоаннъ Карамзина у г. Погодина, было шагомъ впередъ въ нашей исторической критикѣ, хотя оно еще неизмѣримо далеко отстояло отъ исторической истины.

Въ такомъ же родѣ и двѣ другія статьи, написанныя два года спустя послѣ этой, а именно: объ убіеніи царевича Димитрія и о первомъ самозванцѣ. Въ первой, авторъ доказываетъ, что, на основаніи доселѣ извѣстныхъ историческихъ данныхъ, нельзя говорить положительно объ убіеніи царевича Димитрія по приказанію Годунова. Полемика противъ Карамзина и здѣсь очень остроумна, мѣстами очень удачна. Доводы

г. Погодина такъ сильны, что въ самомъ дѣлѣ нельзя еще считать этотъ вопросъ окончательно рѣшеннымъ. До какой степени онъ важенъ въ русской исторіи, мы не станемъ теперь говорить; но онъ возникъ изъ того же желанія г. Погодина возстановить цѣльность, органическое единство замѣчательной личности Бориса, на что Карамзинъ обратилъ слишкомъ мало вниманія. Годуновъ, великій, просвѣщенный государь, не могъ быть низкимъ убійцей, — вотъ основная мысль г. Погодина. Если она и несправедлива, то требованіе отъ исторіи, которое она выражаетъ, очень важно и вѣрно. Менѣе интересна, но не безъ достоинствъ статья объ Отрепьевѣ.

«Какъ у молодаго русскаго дьякона, въ блистательное царствованіе могущественнаго Бориса, среди Москвы, могла зародиться въ головѣ мысль, безумная и несбыточная, принять имя Царевича, въ гибели котораго четырнадцать лѣтъ никто не сомнѣвался?»

Этими словами начинается статья. Г. Погодинъ выставляетъ и защищаетъ предположеніе, что «первую мысль дали самозванцу іезуиты». Послѣ явилось другое предположеніе не менѣе вѣроятное, что онъ былъ органомъ нѣкоторыхъ боярскихъ родовъ, противопоставившихъ его Борису, которымъ были недовольны по многимъ причинамъ. Какъ бы то ни было, достоинство этой статьи чисто критическое, и несмотря на различіе предметовъ, она развиваетъ ту же мысль, которая видна и въ двухъ предыдущихъ: непонятное, безсвязное, баснословное въ нашей исторіи вызываетъ ученаго изслѣдователя на догадки, разборъ существующихъ представленій и обличеніе ихъ несообразности съ здравымъ разсудкомъ и естественнымъ, необходимымъ порядкомъ вещей.

До сихъ поръ, г. Погодинъ является критикомъ. Въ 1831 году, по поводу важныхъ перемѣнъ въ судьбѣ Польши, онъ написалъ статью болѣе политическаго, нежели историческаго содержанія, подъ заглавіемъ «Историческія размышленія объ

отношеніяхъ Польши къ Россіи». Объ ней предоставимъ судить другимъ. Скажемъ только, что она насъ еще болѣе убѣдила въ старой мысли, что историки не всегда бываютъ вмѣстѣ и хорошіе политики... Отсутствіе собственно историческаго смысла въ статьяхъ, нами указанныхъ, особенно въ статьѣ объ Іоаннѣ Грозномъ и другихъ, — въ послѣдующихъ проступаетъ уже гораздо рѣзче. Сначала оно выкупалось критической стороной сочиненій; но когда она ослабѣла, и г. Погодинъ началъ прагматизировать, оказалось, что онъ ни на шагъ не ушелъ дальше Карамзина. Скажемъ болѣе: г. Погодинъ къ недостаткамъ Карамзинскаго взгляда присоединилъ еще нѣсколько и отъ себя. Надежды, которыя подавалъ молодой ученый, должны были разрушиться. Доказательствомъ служитъ «Взглядъ на русскую исторію», изложенный авторомъ на вступительной лекціи въ 1832 году.

«Исторія всякаго государства, отдѣльно взятая (такъ начинаетъ авторъ) представляетъ собою высокое, поучительное зрѣлище народныхъ дѣйствій, устремленныхъ къ одной цѣли человѣческаго рода, цѣли, указанной ему благимъ Провидѣніемъ. Всякой народъ развиваетъ своею жизнію особую мысль его и содѣйствуетъ, болѣе или менѣе, непосредственно или посредственно, къ исполненію общихъ верховныхъ его предначертаній.»

Послѣ этой фразы, столько общей, что изъ нея трудно вывести что-нибудь, г. Погодинъ переходитъ къ Россіи. Здѣсь, какъ водится, прежде всего поражаетъ его «пространство, какого не занимала ни одна монархія въ свѣтѣ», единство происхожденія племенъ, ее занимающихъ, «которыя говорятъ однимъ языкомъ, имѣютъ слѣдовательно одинъ образъ мыслей» (?), далѣе ихъ единство религіозное, множество единоплеменныхъ съ нами народовъ внѣ имперіи, — народовъ, «которые составляютъ съ нами одно живое цѣлое, которые соединены съ нами неразрывными узами крови и языка»; наконецъ вещественныя и невещественныя силы. «богатство въ естест-

венныхъ произведеніяхъ, коими мы можемъ надѣлить Европу, не имѣя нужды ни въ какомъ изъ ея товаровъ» (?). Въ дѣйствіяхъ Россіи, авторъ видитъ необычайное; такова година Наполеонова вторженія въ наши границы. «Отразивъ побѣдоносно такое нападеніе», восклицаетъ авторъ, «освободивъ Европу отъ такого врага, низложивъ его съ такой высоты, обладая такими средствами, не нуждаясь ни въ комъ и нужная всѣмъ, можетъ ли чего-нибудь опасаться Россія? Кто осмѣлится оспоривать ея первенство, кто помѣшаетъ ей рѣшать судьбу Европы и судьбу всего человѣчества, если только она сего пожелаетъ?» Въ перечисленіи разныхъ европейскихъ народовъ, которые не могутъ съ нами соперничать, намъ особенно понравилось, что германскія владѣнія названы нашими пятидесятыми губерніями. Объ каждой изъ европейскихъ странъ, авторъ нашелся что̀ сказать, хоть и не всегда впопадъ; не знаю, почему Германія его затруднила, и онъ счелъ за лучшее, предваряя своимъ взглядомъ событія, включить ее въ будущія границы имперіи.

Обращаясь отъ матеріяльныхъ и нематеріяльныхъ силъ государства къ его исторіи, авторъ видитъ въ ней одинъ интересъ: «какъ сложился этотъ колоссъ, стоящій на двухъ полушаріяхъ? какъ сосредоточились, какъ сохраняются въ одной рукѣ всѣ сіи силы, коимъ ничто, кажется, противостоять не можетъ». Итакъ, политическая исторія, внѣшняя, а не внутренняя, обратила на себя особенное вниманіе автора. Отъ критика Карамзина, мы въ правѣ были ожидать бо́льшаго, и тѣмъ справедливѣе наши требованія, что государственную исторію Россіи до XVII вѣка Карамзинъ изложилъ превосходно, классически. Недостатокъ внутренней исторіи и есть то, что̀ чувствуется особенно сильно послѣ трудовъ незабвеннаго историографа; отсюда-то должно развиться совершенно новое воззрѣніе на древнюю и теперешнюю Россію; отсюда долженъ

произойдти совершенный переворотъ въ нашей исторической литературѣ, а слѣдовательно и въ нашемъ сознаніи. Конечно, воскресить эту внутреннюю исторію, разглядѣть и уразумѣть всѣ ея черты дѣло очень трудное; такого труда мы не въ правѣ требовать отъ всякаго. Но насъ удивляетъ, что авторъ не поставилъ даже вопроса, не взглянулъ на нашу исторію глубже своего знаменитаго предшественника, особливо имѣя передъ глазами европейскіе образцы въ этомъ родѣ. Ясно, что г. Погодинъ не стоялъ въ уровень съ задачей, которая ему предстояла, и потому, недовольный частностями въ исторіи Карамзина, онъ остался ею доволенъ въ главномъ, въ цѣломъ. Этимъ объясняется, почему авторъ пребылъ въ старой колеѣ; онъ безпрестанно сближаетъ наши событія съ событіями европейской исторіи, показываетъ ихъ параллельность и въ то же время несходство—и, разумѣется, нисколько не уясняетъ нашей исторіи, ибо этотъ методъ крайне недостаточенъ: подавая поводъ къ остроумнымъ замѣчаніямъ и выводамъ, онъ, какъ игра ума и воображенія, а не дѣйствительное пониманіе, только затемняетъ вопросъ и отдаляетъ его разрѣшеніе. Мы находимъ въ статьѣ г. Погодина мысли теперь уже давно извѣстныя, но, конечно, въ то время еще новыя, и потому поражавшія своею оригинальностью — мысли, что въ Европѣ было завоеваніе, а у насъ нѣтъ, отчего и исторія получила различное развитіе; что Европа преемница Западной Римской имперіи, а мы Восточной; что тамъ былъ феодализмъ, а у насъ удѣльная система; что у насъ монгольское иго во многихъ отношеніяхъ имѣло одинаковыя послѣдствія съ крестовыми походами Европы; что Петръ Великій замѣнилъ намъ реформацію, и т. д. Разумѣется, при этомъ не забыто отсутствіе у насъ укрѣпленныхъ замковъ, иное основаніе городовъ, иное происхожденіе сословій, чѣмъ въ Европѣ,—доступность правъ для всѣхъ, исключительное положеніе правительства, которое

двигаетъ насъ впередъ, и пр. Спрашиваемъ всѣхъ людей безпристрастныхъ, можно ли извлечь что-нибудь изъ этого параллелизма событій, и приближаетъ ли онъ насъ хоть на волосъ къ уразумѣнію нашего историческаго развитія? А что онъ извращаетъ понятія, что онъ переставляетъ насъ на ложную точку зрѣнія и заставляетъ смотрѣть на все сквозь очки, а не простыми, здоровыми глазами — это видно изъ одного простаго соображенія, что, сопоставляя событія, мы ихъ необходимо уравниваемъ, и слѣдовательно лишаемъ ихъ живыхъ характеристическихъ красокъ, закрываемъ ихъ оригинальное народное значеніе — и весь смыслъ исторіи потерянъ. Пожалуй, можно еще провести параллель между дьяками Іоанна III и IV и юристами Филиппа Красиваго, между общинными вольностями, дарованными Грознымъ, съ освобожденіемъ общинъ изъ-подъ власти феодаловъ въ XII и XIII вѣкахъ, и такъ далѣе, до безконечности: но въ какія же уродливыя ошибки мы впадемъ, если выведемъ изъ этихъ сближеній послѣдній результатъ, и поставимъ на одну доску Европу и Россію въ тѣ вѣка, къ которымъ относятся сходныя событія! А между тѣмъ, это уравненіе всегда предполагается при такихъ сближеніяхъ; иначе не для чего было бы ихъ и дѣлать. Недавно одинъ молодой ученый не остановился и передъ этимъ результатомъ и смѣло высказалъ его, съ прямотой, свойственною нашему поколѣнію: Россія XV и XVI вѣка была, по его мнѣнію, если не выше, то по крайней мѣрѣ нисколько не ниже современной ей Европы.

Такое мнѣніе — геркулесовы столбы сравнительнаго метода въ его примѣненіи къ исторіи; дальше идти нельзя. Здѣсь долженъ начаться поворотъ, обращеніе народа на самого себя, и новое изученіе фактовъ, уже извѣстныхъ не съ ихъ внѣшней, а внутренней стороны. Онъ уже и начался. Глубже вникая въ настоящее и прошедшее, мы постепенно

убѣждаемся, что, несмотря на видимое, кажущееся сходство, факты нашей и европейской исторіи безконечно разнятся между собою по ихъ дѣйствительному, народному значенію въ той и другой исторіи—такъ разнятся, что смѣшно ихъ и сравнивать или сближать между собою. Теперь мы начинаемъ понимать, что фактъ, вырванный изъ цѣльной совокупности народной жизни, ничего не значитъ и совершенно непонятенъ; что для его дѣйствительной, вѣрной оцѣнки нужно изучать исторію народа какъ само-развивающійся живой организмъ, въ строжайшей постепенности измѣняющійся вслѣдствіе внутреннихъ причинъ, которымъ внѣшнія событія служатъ или выраженіемъ, или только поводомъ къ обнаруженію. Много прекрасныхъ, благородныхъ мечтаній улетѣло съ этимъ новымъ прозаическимъ взглядомъ на исторію; насъ уже не обольщаетъ первоначальный бытъ Славянъ, казавшійся какимъ-то идеаломъ общественности потому только, что мы прикладывали къ нему наши понятія и требованія и простодушно вѣрили, что въ его узкихъ рамкахъ умѣщался цѣлый міръ, сокрытый въ груди современнаго человѣка. Теперь этотъ взглядъ для насъ еще слишкомъ суровъ, серьёзенъ: грядущія поколѣнія, можетъ-быть, разсудятъ иначе.

Удерживаясь постоянно на заманчивой, обольстительной точкѣ внѣшняго созерцанія событій, не выходя изъ очарованнаго круга, въ который ни одинъ фактъ не можетъ дойдти въ своемъ естественномъ, настоящемъ видѣ, г. Погодинъ долженъ былъ увидать въ русской исторіи какую-то мистерію. Одно есть прямой и необходимый результатъ другаго.

«Ни одна исторія не заключаетъ въ себѣ столько чудеснаго, если можно такъ выразиться, какъ Россійская. Воображая событія, ее составляющія, сравнивая ихъ непримѣтныя начала съ далекими, огромными слѣдствіями, удивительную связь ихъ между собою, невольно думаешь, что перстъ Божій ведетъ насъ, какъ будто древле Іудеевъ, къ какой-то высокой цѣли» (стр. 10).

двигаетъ насъ впередъ, и пр. Спрашиваемъ всѣхъ людей безпристрастныхъ, можно ли извлечь что-нибудь изъ этого параллелизма событій, и приближаетъ ли онъ насъ хоть на волосъ къ уразумѣнію нашего историческаго развитія? А что онъ извращаетъ понятія, что онъ переставляетъ насъ на ложную точку зрѣнія и заставляетъ смотрѣть на все сквозь очки, а не простыми, здоровыми глазами — это видно изъ одного простаго соображенія, что, сопоставляя событія, мы ихъ необходимо уравниваемъ, и слѣдовательно лишаемъ ихъ живыхъ характеристическихъ красокъ, закрываемъ ихъ оригинальное народное значеніе — и весь смыслъ исторіи потерянъ. Пожалуй, можно еще провести параллель между дьяками Іоанна III и IV и юристами Филиппа Красиваго, между общинными вольностями, дарованными Грознымъ, съ освобожденіемъ общинъ изъ-подъ власти феодаловъ въ XII и XIII вѣкахъ, и такъ далѣе, до безконечности: но въ какія же уродливыя ошибки мы впадемъ, если выведемъ изъ этихъ сближеній послѣдній результатъ, и поставимъ на одну доску Европу и Россію въ тѣ вѣка, къ которымъ относятся сходныя событія! А между тѣмъ, это уравненіе всегда предполагается при такихъ сближеніяхъ; иначе не для чего было бы ихъ и дѣлать. Недавно одинъ молодой ученый не остановился и передъ этимъ результатомъ и смѣло высказалъ его, съ прямотой, свойственною нашему поколѣнію: Россія XV и XVI вѣка была, по его мнѣнію, если не выше, то по крайней мѣрѣ нисколько не ниже современной ей Европы.

Такое мнѣніе — геркулесовы столбы сравнительнаго метода въ его примѣненіи къ исторіи; дальше идти нельзя. Здѣсь долженъ начаться поворотъ, обращеніе народа на самого себя, и новое изученіе фактовъ, уже извѣстныхъ не съ ихъ внѣшней, а внутренней стороны. Онъ уже и начался. *Глубже вникая въ настоящее* и прошедшее, мы постепенно

убѣждаемся, что, несмотря на видимое, кажущееся сходство, факты нашей и европейской исторіи безконечно разнятся между собою по ихъ дѣйствительному, народному значенію въ той и другой исторіи—такъ разнятся, что смѣшно ихъ и сравнивать или сближать между собою. Теперь мы начинаемъ понимать, что фактъ, вырванный изъ цѣльной совокупности народной жизни, ничего не значитъ и совершенно непонятенъ; что для его дѣйствительной, вѣрной оцѣнки нужно изучать исторію народа какъ само-развивающійся живой организмъ, въ строжайшей постепенности измѣняющійся вслѣдствіе внутреннихъ причинъ, которымъ внѣшнія событія служатъ или выраженіемъ, или только поводомъ къ обнаруженію. Много прекрасныхъ, благородныхъ мечтаній улетѣло съ этимъ новымъ прозаическимъ взглядомъ на исторію; насъ уже не обольщаетъ первоначальный бытъ Славянъ, казавшійся какимъ-то идеаломъ общественности потому только, что мы прикладывали къ нему наши понятія и требованія и простодушно вѣрили, что въ его узкихъ рамкахъ умѣщался цѣлый міръ, сокрытый въ груди современнаго человѣка. Теперь этотъ взглядъ для насъ еще слишкомъ суровъ, серьёзенъ: грядущія поколѣнія, можетъ-быть, разсудятъ иначе.

Удерживаясь постоянно на замайчивой, обольстительной точкѣ внѣшняго созерцанія событій, не выходя изъ очарованнаго круга, въ который ни одинъ фактъ не можетъ дойдти въ своемъ естественномъ, настоящемъ видѣ, г. Погодинъ долженъ былъ увидать въ русской исторіи какую-то мистерію. Одно есть прямой и необходимый результатъ другаго.

«Ни одна исторія не заключаетъ въ себѣ столько чудеснаго, если можно такъ выразиться, какъ Россійская. Воображая событія, ее составляющія, сравнивая ихъ непримѣтныя начала съ далекими, огромными слѣдствіями, удивительную связь ихъ между собою, невольно думаешь, что перстъ Божій ведетъ насъ, какъ будто древле Іудеевъ, къ какой-то высокой цѣли.» (стр. 10).

Для русской исторіи необходимо было, чтобъ Варяги основали государство на югѣ — и Олегъ поселился въ Кіевѣ; нужно было подновить у насъ греческое вліяніе — и Іоаннъ III женился на Софіи, изъ дома Палеологовъ; нужно было утвердиться единовластію — и вотъ удѣльные князья начали такъ быстро вымирать, что Москва насилу успѣвала присоединять къ себѣ ихъ наслѣдства; цѣлыя государства такъ и стремились къ намъ, и вслѣдствіе «какого-то естественнаго тяготѣнія»; монгольское иго изчезло какъ-то само собою; раздробленныя части Орды присоединились къ намъ «не столько неволею, сколько волею». Словомъ, все въ нашей исторіи и дивно и чудно!

«И какова связь между смертью въ Угличѣ семилѣтняго Царевича Димитрія, игравшаго въ тычку ножемъ, и реформаціею Петра! А послѣдняя не могла бы произойти такъ безъ перваго произшествія. Не пресѣкись родъ Московскихъ князей, не было бы Романовыхъ, не было бы Петра» (стр. 12).

Такъ же таинственно-чудесна жизнь Петра Великаго:

«Лефортъ, кажется, долженъ былъ нарочно бѣжать изъ Женевы, чтобъ овладѣть воображеніемъ младенца, возбудить въ немъ любопытство и удивленіе къ иностранцамъ, то есть, бросить въ его душу первое сѣмя всѣхъ будущихъ преобразованій» (стр. 13.).

Итакъ далѣе. Всего нельзя выписать, не переписавъ статьи цѣликомъ. И ни одного раза не пришло автору на мысль взглянуть на всѣ эти факты съ другой стороны, на оборотъ!..

Какъ страна чудесъ, Россія должна, если не превосходить другія земли, то по крайней мѣрѣ не уступать имъ во многомъ. О политической силѣ, вещественныхъ богатствахъ было уже говорено прежде. Но этого мало: едва ли какая исторія представитъ цѣлый рядъ такихъ людей, какіе дѣйствовали у насъ отъ Іоанна III до Петра, не говоря уже объ немъ; русская *исторія* «цѣлый курсъ психологіи въ лицахъ». Самая исторія *нашихъ дѣйствующихъ* лицъ необыкновенна; «простое повѣст-

вованіе о судьбѣ Бориса, о жизни таинственнаго Самозванца съ его Мариною, о Шуйскомъ, суть такіе романы, которыхъ никогда не могло бъ создать богатое воображеніе Вальтеръ-Скотта» (стр. 15); «наши древнія дипломатическія сношенія— училище для негоціаторовъ»; наши древніе дипломаты едва ли уступятъ европейскимъ; «до сихъ поръ мы не отдавали должной справедливости нашей старинной дипломатіи, потому что по какому-то странному предубѣжденію не смѣли сравнивать нашихъ дѣльцовъ съ западными министрами» (стр. 15). Читатель никакъ, вѣроятно, не ожидаетъ, чѣмъ все это кончится. «Россійская Исторія», говоритъ авторъ, «можетъ сдѣлаться охранительницею и блюстительницею общественнаго спокойствія».

Вы спросите: да какъ же дошелъ авторъ до такого страннаго результата? Вотъ его слова:

«Не часто ли случается намъ слышать восклицанія: за чѣмъ у насъ нѣтъ того постановленія или этого. Еслибъ сіи ораторы были знакомы съ исторіею, и въ особенности съ Исторіею Россійскою, то уменьшили бы нѣкоторыя свои жалобы, и увидѣли бы, что всякое постановленіе должно непремѣнно имѣть свое сѣмя и свой корень, и что пересаживать чужія растенія, какъ бы они ни были пышны и блистательны, не всегда бываетъ возможно или полезно, по крайней мѣрѣ всегда требуетъ глубокаго размышленія, великаго благоразумія и осторожности. Далѣе они увидѣли бы ясно собственные наши плоды, которымъ напрасно искать подобныхъ въ другихъ Государствахъ, и преисполнились бы благодарностію къ промыслу за свое удѣльное счастіе.» (стр. 16.)

Читатели видятъ, что г. Погодинъ часто смѣшиваетъ политику съ исторіей, и что это смѣшеніе не всегда ему удается...

Допустимъ на минуту, что въ статьѣ много дѣльнаго, по крайней мѣрѣ есть спорные пункты, о которыхъ можно различно говорить, судя по точкѣ зрѣнія. Но цѣлое — что это такое? Сказано много, но гдѣ же взглядъ? Сдѣлано ли хоть сколько нибудь для уясненія, уразумѣнія предмета? И это была вступительная лекція въ курсъ русской исторіи въ 1832 году!

Ни чуть не лучше «Очеркъ русской исторіи». Это перечень событій, поставленныхъ одно возлѣ другаго безъ связи и написанныхъ языкомъ немножко шероховатымъ. Вотъ для примѣра одно мѣсто:

«Сцена Исторіи переносится на Сѣверовостокъ.

«Орда, которой мы достались на часть, поселилась въ низовьяхъ Волги. Туда, и къ великому хану, къ истокамъ Амура, ѣздятъ наши князья за ярлыками на княженіе.

«Монголы посадили насъ на оброкъ.

«Князья сдѣлались ихъ прикащиками, и Вѣча съ прочими обычаями временъ древнихъ уничтожены» (стр. 25).

Или:

«Древнему Духовному противупоставлено новое свѣтское.

«Основаніемъ Петербурга (1703), утверждено сообщеніе съ Европою.

«Подъ Полтавою отнято у Шведовъ первенство на Сѣверѣ и завоевано Императорство» и т. д. (стр. 32).

Статья «о Формаціи Государства» была уже напечатана въ «Изслѣдованіяхъ, Замѣчаніяхъ и Лекціяхъ» г. Погодина. Въ критическомъ разборѣ этого сочиненія, оно будетъ разсмотрѣно подробно. Здѣсь замѣтимъ, что она имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства, но относится уже къ другому періоду литературной дѣятельности автора, когда онъ, не успѣвъ понять древней русской исторіи и не могши удержаться на критическомъ воззрѣніи, болѣе чѣмъ прежде вдался въ какое-то мистическое созерцаніе историческихъ событій. Наука, по природѣ своей прозаическая, свѣтская, черпающая свои вдохновенія изъ голой истины, много отъ этого потерпѣла.

Статья «о Москвѣ» написана въ 1837 году и тогда же была напечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Здѣсь разсказана политическая исторія постепеннаго возрастанія и усиленія древней столицы изъ малаго удѣльнаго городка въ средоточіе Русскаго Царства. И въ этой статьѣ г. Погодинъ является не

критикомъ, не глубокимъ изслѣдователемъ событій, а созерцателемъ таинственныхъ судебъ царственнаго города. Окончивъ особенную исторію Москвы княженіемъ Іоанна III, авторъ говоритъ:

«Разсматривая ихъ (происшествія) внимательно, не знаешь, чему удивляться болѣе: этому ли естественному ихъ ходу, въ которомъ одно истекло кажется изъ другаго, или тѣмъ неожиданнымъ постороннимъ событіямъ, которыми заботливо отклонялись всѣ опасности, несчастія, угрожавшія имъ помѣхою, въ которыхъ какъ будто чувствуешь движеніе высшей Десницы, ведшей Москву, а съ ней и всю Россію отъ самаго рожденія къ великой цѣли.» (стр. 152). «Не чудесно ли стеклись обстоятельства, чтобъ погубить несчастную Тверь, естественную соперницу Москвы? Какъ кстати отличился бережливостію Калита! Пришла же моровая язва, когда размножились князья въ Московскомъ княженіи, еще не утвердившемся въ своихъ силахъ! Наступили же междоусобія у Монголовъ, въ малолѣтство Димитрія, и случились твердые, умные бояре, которые умѣли ими воспользоваться! Современникомъ Витовту родился Василій. Москва возмужала ко времени княженія Темнаго. Въ какое благо пріятное время умеръ дядя его Юрій! И вотъ что достопримѣчательно: всѣ болѣзни посылались на Москву не вдругъ, а какой-то чередой, когда уже готовы для нихъ были врачеванія, какъ будто бы только для ея вразумленія, указанія, воспитанія» (стр. 153 и 154).

Такія же мысли разсѣяны и въ самомъ историческомъ разсказѣ. Въ нихъ заключалось то роковое противодѣйствіе другому, критическому направленію автора, которое и помѣшало ему подвинуть впередъ изученіе русской исторіи, несмотря на таланты, знанія.

Въ 1838 году, по поводу мѣстническихъ дѣлъ, открытыхъ и напечатанныхъ въ «Русскомъ Историческомъ Сборникѣ» дѣйствительнымъ членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, г. Ивановымъ, г. Погодинъ написалъ двѣ статьи объ мѣстничествѣ и напечаталъ ихъ въ томъ же сборникѣ. Третья помѣщена въ 1842 году въ «Москвитянинѣ» и не есть собственно статья, а собраніе дополнительныхъ матеріяловъ поэтому предмету, съ коротенькими замѣтками о ихъ важно-

сти. Разсужденіе г. Погодина объ этомъ столько многозначительномъ предметѣ въ нашей древней исторіи,—предметѣ, который такъ характеризуетъ древнюю Русь, такъ разоблачаетъ закрытыя начала, на которыхъ она стояла,—не безъ интереса, хотя и стоитъ ниже трудовъ г. Валуева по той же части. И здѣсь, какъ и вездѣ мы находимъ при общемъ обозрѣніи мѣстничества безплодное сравненіе явленій европейской общественности съ нашими:

«Припомнимъ, что и въ прочей Европѣ былъ вѣкъ, въ которомъ чувство и понятіе чести преобладало надъ прочими. Нельзя не замѣтить соотвѣтствія ему въ нашемъ мѣстничествѣ, которое впрочемъ касалось только до службы, до общественныхъ званій, и рѣшалось не дуелями, а Царскими приговорами. (Какъ любопытно, скажемъ мимоходомъ, слѣдить эту параллельность, аналогію явленій Европейскихъ съ Русскими, при всемъ различіи ихъ формъ» (стр. 174).

Послѣ того, г. Погодинъ доказываетъ, вопреки Карамзину, и весьма основательно, что мѣстничество было у насъ гораздо прежде Іоанна III (это ясно даже a priori, безъ положительныхъ данныхъ). По мнѣнію автора, оно было «московскимъ продолженіемъ удѣльной системы», которая выражалась уже «не въ землѣ, не во владѣніи тѣмъ или другимъ, большимъ или меньшимъ городомъ, а въ значеніи при дворѣ, у новаго своего Государя, участіи въ управленіи, т. е. въ мѣстахъ правительственныхъ, военачальственныхъ, придворныхъ» (стр. 181). Мѣстничество, какъ извѣстно, уничтожилъ царь Ѳеодоръ Алексіевичъ, но оно продолжало жить въ обычаяхъ, пока Петръ Великій не разрушилъ его табелью о рангахъ. При немъ честь служебная удержана, но родовой элементъ въ ней долженъ былъ изчезнуть и личная способность къ службѣ замѣнить родовое преимущество. Весь этотъ обзоръ довольно хорошъ, мѣстами даже очень удаченъ. Вторая статья изслѣдываетъ самые законы мѣстничества. Авторъ выводитъ, что въ древней Россіи была постепенность между должностями, въ

родѣ теперешней лѣстницы чиновъ; съ другой стороны, счетъ между членами одного рода производился по нисходящей линіи. Какъ въ службѣ, такъ и въ родѣ считались мѣстами. Такимъ образомъ, мѣстническіе счеты состояли въ сравненіи службы и родоваго старшинства предковъ тѣхъ лицъ, которыя считались, и каждый разъ, когда при назначеніи въ службу извѣстныя лица не находились между собою въ такихъ же отношеніяхъ по мѣстамъ, въ какихъ бывали ихъ предки, являлся поводъ къ спорамъ и жалобамъ. Вообще статья, какъ первый опытъ на новомъ поприщѣ — недурна. Главный ея недостатокъ состоитъ въ томъ, что различныя положенія, которыми условливалось мѣстничество, ничѣмъ не связаны между собою; связь ихъ не открыта авторомъ, хотя это и не такъ трудно, какъ кажется съ перваго взгляда. Вотъ что, между прочимъ, помѣшало г. Погодину понять настоящее значеніе мѣстничества и древней Россіи, въ которой такое явленіе было возможно. Еслибъ авторъ не смотрѣлъ на него какъ археологъ, а взглянулъ глазомъ историка, онъ увидѣлъ бы въ немъ очень много, и не подумалъ бы отыскивать аналогическихъ явленій въ европейской исторіи, ибо между мѣстническимъ счетомъ и рыцарскою дуэлью такая безконечная разница, что никто, хорошо понимающій исторію, не рѣшится ихъ сравнивать.

Мы видѣли, разбирая эту статью, что г. Погодинъ выводитъ мѣстничество изъ удѣльной системы. Основываясь на этой мысли, авторъ пришелъ къ другой, не менѣе остроумной и до извѣстной степени вѣрной, что мѣстничествомъ можетъ-быть объяснена система удѣловъ. Результатомъ этой мысли были двѣ статьи «о старшинствѣ между великими князьями древней Руси», напечатанныя первоначально въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» въ 1840 и 1844 годахъ Въ нихъ г. Погодинъ доказываетъ, что «старшинство дѣйствительно было основаніемъ праву», но что оно, при размноженіи

рода, необходимо должно было подвергнуться ограниченіямъ. Такимъ ограниченіемъ является вотчинное право, или начало, въ слѣдствіе котораго сынъ имѣлъ право только на то владѣніе, которое держалъ отецъ. Этимъ объясняетъ г. Погодинъ, почему родъ Святославичей потерялъ старшинство передъ Всеволодовичами, хотя Святославъ и былъ старше Всеволода: первый не былъ великимъ княземъ и владѣлъ Кіевомъ незаконно, еще при жизни Изяслава. Другое ограниченіе родоваго старшинства состояло въ установленіи счета между дядями и племянниками, вслѣдствіе чего племянникъ могъ быть не только равенъ дядѣ, но даже старше его. Это обстоятельство, открывающееся изъ мѣстническихъ счетовъ, можетъ, по мнѣнію г. Погодина, объяснить многія событія въ удѣльномъ періодѣ, безъ того непонятныя: вступленіе Мстислава Владиміровича Мономаховича на кіевскій престолъ помимо младшихъ сыновей Святополка; назначеніе Ростиславомъ Мстиславичемъ на кіевскій престолъ по смерти своей старшаго племянника, Мстислава Изяславича, помимо всѣхъ дядей, и т. д. Эти выводы очень любопытны; какъ изслѣдованіе, статья имѣетъ большія достоинства. Жаль только, что и въ этомъ случаѣ г. Погодинъ является тоже не историкомъ, а археологомъ, болѣе и болѣе отдаляясь отъ своего настоящаго призванія. Статья г. Соловьева о томъ же предметѣ, помѣщенная въ «Московскомъ Сборникѣ», удовлетворяетъ насъ гораздо болѣе, хотя и она имѣетъ свои важные недостатки. Оба писателя остановились на явленіи, не проникая далѣе, и потому не могли замѣтить много такого, чѣмъ и удѣлы и мѣстническія отношенія объясняются весьма просто; но статья г. Соловьева представляетъ постепенное развитіе, измѣненіе понятій о старшинствѣ, показываетъ, какъ это измѣненіе старалось узаконить себя юридическими вымыслами, чего мы не находимъ у г. Погодина. Оттого, сколько мы понимаемъ въ этомъ дѣлѣ, послѣдній

правъ въ своей основной мысли только въ половину: мѣстническіе счеты дѣйствительно поясняютъ княжескія отношенія въ періодъ удѣловъ, какъ, наоборотъ, мѣстничество возникло изъ удѣльныхъ отношеній; но эта связь между тѣмъ и другимъ историческимъ явленіемъ простирается только на вторую половину періода удѣловъ, когда появились счеты между дядями и племянниками о старшинствѣ. Возможность такихъ счетовъ была важнымъ шагомъ впередъ въ древней Россіи; она ослабила родъ и приготовляла упадокъ исключительно кровныхъ отношеній, на которыхъ былъ основанъ весь нашъ бытъ въ тѣ времена. Напротивъ, въ первой половинѣ періода удѣловъ, родовое начало господствовало почти исключительно, хотя и недолго, по совершенному отсутствію юридической опредѣленности, характеризующей старую Русь; слѣдовательно, о примѣненіи къ первымъ временамъ между-княжескихъ отношеній счетовъ и понятій мѣстническихъ не можетъ быть и рѣчи. Г. Погодинъ ихъ и не прикладываетъ; но онъ, какъ намъ кажется, не довольно рѣзко отдѣляетъ между собою различные фазисы удѣльнаго періода и княжескихъ отношеній, не говоря уже о томъ, что о значеніи удѣльныхъ отношеній въ русской исторіи не находимъ даже намёковъ. Авторъ совершенно не обращаетъ на нихъ вниманія; иначе вся исторія представилась бы ему въ другомъ свѣтѣ.

«Приращенія Москвы». Эта статья есть какъ бы дополненіе къ статьѣ о Москвѣ.

«Москва есть такой городъ (говоритъ авторъ), на который можно и должно смотрѣть съ разныхъ сторонъ. Чѣмъ больше знакомитесь вы съ нею, тѣмъ больше вникаете въ ея свойства, особенности, достоинства, произшествія, коихъ она была сценою и даже началомъ, тѣмъ болѣе удостовѣряетесь, въ ея значеніи, важности, великой судьбѣ, прошедшей, настоящей и будущей. Исторія ея не кончилась. Кончился одинъ только періодъ, но она займетъ, можетъ-быть, еще много великихъ страницъ въ книгѣ судебъ Русскихъ, Европейскихъ и человѣческихъ» (стр. 163).

«Москва есть корень, зерно, сѣмя Русскаго Государства», говоритъ авторъ, — что̀ совершенно справедливо.

«Всѣ части, составляющія нынѣшнюю Россійскую Имперію, суть пріобрѣтенія Москвы, такъ что всю Россію можно въ этомъ смыслѣ назвать распространившеюся Москвою.»

Положеніе несправедливое со временъ Петра, когда правительственнымъ центромъ Россіи сталъ Петербургъ, и событія перестали быть московскими, тверскими или петербургскими, а стали русскими. Начало имперіи и конецъ московскаго періода нашей исторіи совпадаютъ. За этимъ слѣдуетъ обозрѣніе постепеннаго распространенія московскихъ владѣній и россійской имперіи.

«Дошла ли святая Русь-Москва до своихъ столповъ Геркулесовыхъ, на которыхъ преданіе читало: nec plus ultra? Исторія отвѣчать не смѣетъ, сердце Царево въ рукѣ Божіей.»

Вся статья написана съ древне-московской точки зрѣнія. Въ 1841 году г. Погодинъ написалъ статью «о Петрѣ Великомъ». Она и по своему тону и по направленію невольно напоминаетъ «Взглядъ на Русскую Исторію», который мы разбирали. Сказано много, даже хорошаго, остроумнаго, но изъ всего этого ровно ничего не выходитъ и ничего не слѣдуетъ. Послѣ перваго и втораго чтенія, не остается въ головѣ никакого результата, и вопросъ о великой реформѣ представляется мыслящему человѣку столько же таинственнымъ, загадочнымъ, какъ и прежде. И здѣсь мы видимъ, что г. Погодинъ не позаботился, правильно или неправильно, прямо или непрямо объяснить законъ, по которому она совершалась. И здѣсь онъ созерцатель, а не историкъ, даже не художникъ.

«Нынѣшняя Россія» (такъ начинаетъ авторъ) «то есть Россія Европейская, дипломатическая, политическая, военная, Россія коммерческая, мануфактурная, *Россія школьная*, литературная—есть произведеніе Петра Великаго. Какое бы *явленіе въ сихъ сферахъ* гражданской жизни ни стали мы разсматривать, о какомъ бы

учрежденіи ни стали мы разсуждать, всѣ подобныя изслѣдованія доводятся непремѣнно до Петра Великаго, у котораго въ рукахъ концы *всѣхъ нашихъ нитей* (!) соединяются въ одномъ узлѣ. Куда мы ни оглянемся, вездѣ встрѣчаемся съ этою колоссальною фигурою, которая бросаетъ отъ себя длинную тѣнь на все наше прошедшее, и даже заститъ намъ древнюю Исторію — которая въ настоящую минуту всё еще какъ будто держитъ свою руку надъ нами, и которой, кажется, никогда не потеряемъ мы изъ виду, какъ бы далеко ни ушли въ будущемъ.» (стр. 335).

«Что за зрѣлище представляетъ онъ самъ своею особою, своимъ твердымъ характеромъ, съ своей желѣзной волею, съ своими пылкими страстями, темпераментомъ, даже съ своимъ лицемъ и исполинскимъ ростомъ! Что за зрѣлище представляетъ Россія и ея жители, съ ихъ образомъ мыслей, привычками, нуждами, предразсудками, обстоятельствами, стариною—завѣтнымъ наслѣдіемъ предковъ,—Россія тысячелѣтняя, смирная, терпѣливая, благочестивая, самодовольная, страна, въ которую насланъ былъ судьбою этотъ величайшій изъ всѣхъ преобразователей, ничѣмъ не довольный!» (стр. 336).

«Какое движеніе, какая дѣятельность, живость, во всѣхъ концахъ обширнаго Царства! И что за разнообразіе! Здѣсь роются въ горахъ и достаютъ руду, тамъ изъ руды куютъ желѣзо, дальше сверлятъ изъ желѣза стволъ, а еще дальше стрѣляютъ ужь изъ новаго ружья. Вотъ выписаны овцы, вотъ онѣ расплодились, вотъ настрижено съ нихъ шерсти, вотъ выткано изъ нея сукно въ только что отстроенной фабрикѣ, вотъ кроятъ новое невиданное платье, и вотъ оно напяливается на горько плачущій народъ, у котораго только что выбрита борода. Здѣсь скалываютъ бугры, тамъ зарываютъ рвы, громоздятъ насыпи, мѣряютъ землю, выжигаютъ болота, валятъ лѣса, прорубаютъ засѣки, и при послѣднемъ взмахѣ лопаты, отбрасывающей остальной камень съ новой дороги, показывается вдали первый обозъ, который подъѣзжаетъ къ готовому сообщенію. Нынѣ исчисляется народъ, и производится первый рекрутскій наборъ, завтра формируется армія, и прямо съ ученья идетъ на генеральную баталію, по утру побѣждена, а къ вечеру празднуетъ викторію.» (стр. 337 и 338).

«Петръ Великій сдѣлалъ много въ Россіи. Смотришь и не вѣришь, считаешь и не досчитаешься. Мы не можемъ открыть своихъ глазъ, не можемъ сдвинуться съ мѣста, не можемъ оборотиться ни въ одну сторону безъ того, чтобъ онъ вездѣ не встрѣтился съ нами, дома, на улицѣ, въ церкви, въ училищѣ, въ судѣ, въ полку, на гуляньѣ—все онъ, все онъ, всякій день, всякую минуту, на всякомъ шагу! Мы просыпаемся. Какой нынѣ день? 1 Января, 1841 года.—Петръ Великій велѣлъ считать годы отъ Рождества Христова, Петръ Великій велѣлъ считать мѣсяцы отъ Января. Пора одѣваться—наше платье сшито по фасону данному Петромъ Великимъ (?), мундиръ по его формѣ. Сукно выткано на фабрикѣ, которую завелъ онъ, шерсть настрижена съ овецъ, которыхъ развелъ онъ. Попадается на глаза

книга—Петръ Великій ввелъ въ употребленіе этотъ шрифтъ, и самъ вырѣзалъ буквы. Вы начнете читать ее—этотъ языкъ при Петрѣ Первомъ сдѣлался письменнымъ, литературнымъ, вытѣснивъ прежній, церковный. Приносятъ газеты—Петръ Великій ихъ началъ. Вамъ нужно искупить разныя вещи—всѣ онѣ, отъ шелковаго шейнаго платка до сапожной подошвы, будутъ напоминать вамъ о Петрѣ Великомъ: однѣ выписаны имъ, другія введены имъ въ употребленіе, улучшены, привезены на его кораблѣ, въ его гавань, по его каналу, по его дорогѣ. За обѣдомъ отъ соленыхъ сельдей и картофелю, который указалъ онъ сѣять, до винограднаго вина, имъ разведеннаго, всѣ блюда будутъ говорить вамъ о Петрѣ Великомъ. Послѣ обѣда вы ѣдете въ гости — это ассамблея Петра Великаго. Встрѣчаете тамъ дамъ — допущенныхъ до мужской компаніи по требованію Петра Великаго. Пойдемъ въ Университетъ — первое свѣтское училище учреждено Петромъ Великимъ. Вы получаете чинъ — по табели о рангахъ Петра Великаго. Чинъ достаблетъ мнѣ дворянство — такъ учредилъ Петръ Великій. Мнѣ надобно подать жалобу — Петръ Великій опредѣлилъ ей форму. Примутъ ее—предъ зерцаломъ Петра Великаго. Разсудятъ—по Генеральному Регламенту (?). Вы вздумаете путешествовать — по примѣру Петра Великаго: вы будете приняты хорошо — Петръ Великій помѣстилъ Россію въ число Европейскихъ Государствъ, и началъ внушать къ ней уваженіе» (стр. 340—342).

Все это очень хорошо, остроумно и справедливо. Но лишь только г. Погодинъ начинаетъ разрѣшать вопросы, естественно и необходимо возникающіе изъ реформы Петра и ея послѣдствій, видно, что онъ ихъ обходитъ, не такъ ставитъ, — словомъ видно, что высота современныхъ требованій отъ науки и исторіи ему недоступна. Говорятъ, что Петръ «поразилъ русскую національность». Авторъ отвѣчаетъ на это обвиненіе вопросомъ: «возможно ли было Россіи, уклониться отъ европейской цивилизаціи?» тогда какъ самъ же (стр. 343) спрашиваетъ: «не было ли бъ лучше, еслибъ преобразованіе было произведено не такъ быстро, не съ такимъ насиліемъ?» Въ этомъ-то и состоитъ весь вопросъ, который могъ возникнуть и сдѣлать общимъ только теперь, когда образованіе сдѣлало значительные шаги впередъ и мы много измѣнились. О вліяніи на насъ Европы нечего и говорить; въ необходимости, по *крайней* мѣрѣ, неизбѣжности его для древней Руси всѣ болѣе

или менѣе согласны.—Разборъ главныхъ преобразованій Петра и ихъ оправданіе — верхъ историческаго непониманія. Петръ преобразовалъ войско, и это было необходимо:

«Ему надобно было сражаться съ Европейскими врагами, со Шведами, Пруссаками, Поляками или Нѣмцами, слѣдовательно ихъ оружіемъ, ихъ пріемами, ихъ тактикой и стратегіей. На ружье съ обухомъ идти нельзя. Или дожидаться ему было Карла? Скажутъ: онъ самъ напалъ на Карла. Но кто поручится, чтобъ Карлъ, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, оставилъ его въ покоѣ»... и т. д.

Странно читать такія оправданія.—Точно такъ же оправдывается уничтоженіе стрѣльцовъ «несмотря на національность», учрежденіе флота, введенія фабрикъ и мануфактуръ, языка.

«Да! Преобразованія Петровы были необходимы, по естественному ходу вещей въ самой Россіи, не только въ сосѣднихъ Государствахъ въ Европѣ» (стр. 349).

Если были и утвердились, то конечно были необходимы, въ какомъ бы смыслѣ мы не принимали это слово. Но рѣчь не въ томъ. Надобно показать, почему были преобразованія возможны въ той формѣ, въ какой совершились. Конечно никто не сомнѣвается теперь, что войско Петра Великаго было лучше русскаго войска XVII вѣка, а флотъ лучше флота древней Руси, котораго вовсе не было. Но вѣдь этимъ еще ничего не сказано и не разрѣшено. Вопросы остаются тѣ же. Г. Погодинъ наконецъ увидалъ это самъ. Удовлетворившись своимъ рѣшеніемъ вопроса о необходимости принятія нами западнаго элемента — рѣшеніемъ, впрочемъ, очень неудовлетворительнымъ, какъ мы показали—онъ говоритъ:

«И такъ вопросъ нашъ о преобразованіи, или принятіи западнаго элемента, получаетъ теперь совсѣмъ иную форму, вотъ какую: могло ль необходимое столкновеніе, сближеніе Россіи съ Европою произойти иначе? Не лучше ли бъ было при ономъ совсѣмъ не дѣйствовать?»

Вниманіе при этихъ словахъ невольно напряжено. Вы ожи-

даете, что г. Погодинъ разрѣшитъ вамъ эту тайну, введетъ васъ въ самый сокровенный тайникъ русской жизни, изъ котораго прольется неожиданный свѣтъ на многознаменательное появленіе Петра въ нашей исторіи. Послушайте же, что онъ говоритъ:

«Признаюсь: вообразить на его мѣстѣ (то есть на мѣстѣ Петра Великаго) Ѳеодора или Іоанна я не могу, не почувствовавъ трепета во всемъ составѣ своемъ о самобытности Россіи. Или нельзя было дѣйствовать и распоряжаться лучше Петра Великаго? Нельзя ли было взять въ руки этотъ мечь обоюдуострый осторожнѣе, ловчѣе, искуснѣе Петра Великаго? Кто осмѣлится отвѣчать на такой вопросъ, кто скажетъ: можно? Не знаю: по крайней мѣрѣ не я. Я не берусь ни за что на свѣтѣ предложить другой планъ Полтавскаго сраженія, другой проэктъ Ништадскаго мира» (стр. 350).

Если, кромѣ реторической фразы, г. Погодинъ не имѣлъ ничего въ отвѣтъ на такой важный вопросъ, то мы не понимаемъ, для чего жь писалъ онъ эту статью? Впрочемъ, незначительностью своихъ разсужденій въ томъ же родѣ авторъ можетъ оправдать и эту. Чего жь, въ самомъ дѣлѣ, вправѣ мы требовать отъ писателя, который думаетъ, что перевороты, происшедшіе въ Россіи вслѣдствіе водворенія Варяговъ и монгольскаго ига были болѣе внутренни, болѣе глубоки, дѣйствительны, чѣмъ реформа Петра, и обнимали всѣ сословія, а не одно какое-нибудь! (стр. 351).

Послѣ того, мы находимъ опроверженіе мнѣнія, будто бы Петръ Великій возбудилъ пристрастіе къ иностранцамъ. И обвиненія и оправданія очень стары и общеизвѣстны.

«Пристрастіе къ иностранцамъ» (говоритъ между-прочимъ авторъ) «есть наслѣдственный порокъ всѣхъ славянскихъ племенъ, отъ самой глубокой древности, порокъ, въ коемъ обвиняютъ ихъ даже чужіе писатели. Что наше, того намъ и не надо—вотъ, къ прискорбію, девизъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, славянскихъ исторій, который изгладится въ той мѣрѣ, какъ распространится истинное просвѣщеніе» (стр. 353).

Не взводитъ ли г. Погодинъ напраслины на Славянъ? Свое

не было ли у нихъ такое, что они поневолѣ бросались на чужое? Допустить въ огромномъ племени какую-то безпричинную и безкорыстную страсть къ чужеземному, противорѣчитъ здравому смыслу, тѣмъ болѣе, что пословицы, «отъ добра добра не ищутъ», «славны бубны за горами», и множество другихъ доказываютъ, что и мы, не хуже другихъ, умѣли сберегать, что̀ намъ казалось хорошо и довольствовались своимъ; неподвижность нравовъ въ древней Руси то же доказываетъ. Мы, съ своей стороны, думаемъ и убѣждены, что страсть Славянъ къ чужеземному (впрочемъ, замѣтимъ, не безъ разбора), имѣетъ глубокое историческое основаніе, яснѣе всѣхъ лѣтописей и документовъ говоритъ объ ихъ внутреннемъ бытѣ и обличаетъ въ этомъ племени большую даровитость, воспріимчивость и способность къ развитію. Если человѣкъ или народъ ищетъ лучшаго, не стѣсняясь преданіями и нравами, вѣрно передъ нимъ великая будущность; богатство силъ доказываетъ способность самоотрицанія. Конечно, на этотъ предметъ можно взглянуть и съ другой точки. Кто легко примѣняется къ чужому, тотъ можетъ не имѣть ничего своего, по юности, несовершеннолѣтію или и по безсилію; но въ такомъ случаѣ страсть къ чужеземному все-таки не порокъ. Всякій въ правѣ рѣшать этотъ вопросъ такъ или иначе, по своему взгляду, предрасположенію или предразсудкамъ; только признать страсть къ чужому, какъ врожденную характеристическую черту Славянъ, совершенно невозможно. Это противоестественно. Въ добавокъ, г. Погодинъ самъ себѣ противорѣчитъ: онъ говоритъ, что эта страсть пройдетъ со временемъ; стало-быть, это историческое явленіе преходящее, а такія явленія не бываютъ безъ причинъ. И если есть причины такой страсти, ее нельзя называть наслѣдственнымъ порокомъ.

Доказавъ, далѣе, что Петръ не перервалъ своей реформой отечественнаго образованія, авторъ, по своему обыкновенію,

объясняетъ молодымъ ученымъ юристамъ, какъ должно изучать законодательство Петра Великаго, и какъ, вслѣдствіе такого изученія, мы получимъ право основательно судить о реформѣ и ея значеніи.

«Тогда вмѣстѣ (говоритъ авторъ) возвратится подобающая честь и нашей ревней Исторіи, коею пренебрегаетъ легкомысленное и опрометчивое невѣжество, не видя ее близорукими своими глазами изъ-за Петра Великаго, полагая въ слѣпотѣ своей, что первое государство міра, въ пол-экватора и четверть меридіана, рѣшающее судьбы Европы и всего міра, родилось въ одночасье, что Петръ Великій дѣйствовалъ случайно, что колоссъ можетъ держаться на пескѣ или воздухѣ, что сумма можетъ-быть безъ слагаемыхъ» (стр. 355 и 356).

Тутъ что-нибудь изъ двухъ: или авторъ выдумываетъ небывалыя мнѣнія, или онъ незнакомъ хорошо съ теперешними взглядами на русскую исторію. Кто говоритъ, что Россія родилась въ одночасье? Кто говоритъ, что Петръ Великій дѣйствовалъ случайно? Кто думаетъ, что колоссъ можетъ держаться на пескѣ или воздухѣ? Намъ, по крайней мѣрѣ, не случалось ни читать, ни слыхать подобнаго даже въ частныхъ разговорахъ. Вѣроятно г. Погодинъ имѣлъ въ виду, что нѣкоторые не безъ основанія считаютъ Россію твореніемъ, созданіемъ Петра Великаго, и, не отвергая матеріяльнаго существованія элементовъ, изъ которыхъ воздвиглась имперія преобразователя, смотрятъ однако на нихъ только какъ на матеріялъ, оживотворенный и одухотворенный Петромъ. Въ этомъ смыслѣ, какъ мы знаемъ, многіе не приписываютъ особенной важности до-Петровой Россіи; тѣмъ менѣе видятъ они въ ней хранилище и осуществленіе какихъ-то вѣчныхъ, неумирающихъ таинственныхъ истинъ, которыя, къ сожалѣнію, заслонены теперь отъ насъ реформой и должны въ послѣдствіи обновить собою міръ. Своего относительнаго, историческаго значенія, сколько мы знаемъ, никто у ней не отнимаетъ. Г. Погодинъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду такъ же мнѣніе, что

реформа Петра, по крайне-ограниченному, полувосточному состоянію страны, въ которой она произошла, носила и должна была носить чисто-личный характеръ, такъ-что ея единственный двигатель — Петръ, былъ для Россіи все; что онъ дѣйствовалъ, какъ ея воплощенный идеалъ, и во имя ея же дѣйствовалъ, какъ ея воспитатель, исправитель, опекунъ и наставникъ. Какъ представитель ея интересовъ, онъ былъ — самозаконенъ наперекоръ ея привычкамъ и преданіямъ потому что онъ былъ—Россія, и основываясь на этомъ своемъ значеніи, которое чувствовалъ и непосредственно сознавалъ, какъ геній, Петръ не имѣлъ нужды ни въ какомъ оправданіи и ни въ какой повѣркѣ. Не соглашаясь съ нимъ, Россія была неправа. Отсюда и успѣхъ его дѣла, послѣдовавшій съ баснословною скоростью. Но при такомъ взаимномъ отношеніи великаго преобразователя и Россіи, форма, имъ данная, необходимо должна была имѣть личный характеръ, носить на себѣ печать Петра не только какъ преобразователя, но и какъ такого-то лица. Г. Погодину показалось, что это значитъ, что реформа была случайна. Предоставляемъ всѣмъ судить, такъ ли это?.. Такъ же точно не выяснилъ себѣ г. Погодинъ и многихъ другихъ мнѣній, что̀ видно изъ его нападеній на нѣкоторые изъ современныхъ толковъ.

За этимъ слѣдуютъ опять вещи очень старыя и извѣстныя о всемірномъ значеніи Петра: онъ положилъ основаніе соединенію двухъ различныхъ фазъ человѣческаго образованія, западной и восточной. Они различаются между собою, какъ церкви восточная и западная:

«Одному принадлежитъ изслѣдованіе, другому вѣрованіе; одному безпокойство, движеніе, другому спокойствіе, пребываемость; одному неудовольствіе, другому терпѣніе; стремленіе внѣ и внутрь, сила средобѣжная и средостремительная, человѣкъ западный и восточный. Оба эти образованія, отдѣльно взятыя, односторонны, неполны, одному не достаетъ другаго» (стр. 358).

Такимъ образомъ, Петръ начинаетъ собою новую эпоху въ исторіи человѣчества, западно-восточную, европейско-русскую, въ которой западная пытливость будетъ освящена восточной вѣрой. Можетъ-быть, и будетъ слово въ слово такъ, какъ выражается г. Погодинъ; но покуда это все еще мечта, очень правдоподобная, сбыточная — положимъ — но до сихъ поръ еще неосуществившаяся, и потому служащая плохимъ объясненіемъ значенія реформы. Не знаю, зачѣмъ къ ней прибѣгать, когда фактъ можно объяснить гораздо проще, ближе, понятнѣе, не йдя отъ предположеній, еще имѣющихъ осуществиться. Наконецъ, насъ удивляетъ, какъ г. Погодинъ могъ напасть на мысль объ этомъ европейско-русскомъ синтезѣ: по всему видно, что онъ не очень благоволитъ къ Западу и очень благоволитъ къ Востоку—слѣдовательно, не совершенно безпристрастенъ къ тому и другому.

Европейскій періодъ нашей исторіи, начавшійся Петромъ Великимъ, окончился съ первою четвертью настоящаго столѣтія. Теперь начинается, по мнѣнію г. Погодина, періодъ національный, который, можетъ-быть, будетъ періодомъ въ исторіи Европы и человѣчества. А значеніе реформы все-таки не понятно!

Статья «о Посошковѣ», написанная по поводу изданія сочиненій этого замѣчательнаго человѣка въ 1842 году, есть не что иное, какъ выписка изъ его книги «О Скудости и Богатствѣ», открытой г. Погодинымъ и напечатанной имъ вмѣстѣ съ другими двумя сочиненіями того же автора. Многія мѣста очень любопытны. Мы ея потому не разбираемъ здѣсь, что г. Погодинъ очень мало говоритъ въ этой статьѣ отъ себя, а почти вездѣ подлинными словами Посошкова.

Изъ произведеній историко-литературной дѣятельности г. Погодина въ 1845 году, въ составъ разбираемой нами книги *вошли* двѣ статьи: «Параллель русской исторіи съ исторіей

западныхъ европейскихъ государствъ относительно начала», которая была уже напечатана въ книгѣ подъ заглавіемъ «Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи», и «За русскую старину»— статья, помѣщенная въ «Москвитянинѣ». Обѣ проводятъ одну мысль, хотя и написаны по разнымъ поводамъ. Мы видѣли, что еще во вступительной лекціи, въ 1832 году, г. Погодинъ съ особенною любовію останавливался на параллелизмѣ между исторіею Россіи и европейскихъ государствъ, несмотря на несходство, даже противоположность Россіи съ Европой во многихъ отношеніяхъ. Ту же мысль встрѣтили мы даже въ статьѣ о мѣстничествѣ, написанной гораздо позже. Такимъ образомъ, она не только не была забыта авторомъ, но успѣла въ немъ развиться до послѣднихъ своихъ результатовъ. Не знаемъ, сознательно или безсознательно, только авторъ убѣдился наконецъ совершенно, что русская жизнь и европейская совершались хотя и на разныхъ почвахъ и подъ различными условіями, однако въ уровень, параллельно. Это невольно заставило его смотрѣть на наши событія съ европейской точки зрѣнія, видѣть въ нихъ чего въ нихъ не было, и придавать имъ смыслъ, котораго они не имѣли, и такимъ образомъ поставить на оборотъ все, что у насъ совершалось. Быть можетъ, авторъ былъ увлеченъ потокомъ, необходимою послѣдовательностью мыслей, которымъ съ самаго начала неосторожно поддался. Какъ бы то ни было, но результаты этого были печальны.

Проводя параллель между началомъ русскаго и европейскихъ государствъ, г. Погодинъ сдѣлалъ много ошибокъ, исказилъ пропасть фактовъ, прибѣгалъ къ страннымъ, удивительнымъ натяжкамъ, чтобъ остаться вѣрнымъ себѣ и своей мысли; жертвъ принесено этой мысли много. Подробный ея разборъ мы представимъ въ критикѣ «Изслѣдованій» г. Погодина объ русской исторіи, гдѣ эта статья напечатана. Рѣдко

гдѣ можно встрѣтить столько парадоксовъ, такое произвольное обращеніе съ данными, какъ въ этой параллели...

Въ статьѣ «За русскую старину», въ послѣдней книгѣ, та же мысль является совсѣмъ въ другомъ видѣ. Въ «Параллели» она изложена догматически, спокойно, повѣствовательно; напротивъ, ратуя за старину, г. Погодинъ представляетъ ее какъ дѣло въ тяжбѣ, доказываемое и опровергаемое,—и, защищая ее, не вездѣ выдерживаетъ умѣренный тонъ; подъ-часъ, разгорячась, можетъ-быть, выведенный изъ терпѣнія противниками, г. Погодинъ прибѣгаетъ къ доводамъ чрезвычайно категорическимъ, неопровержимымъ и въ особенности неопровергаемымъ. Мы это увидимъ яснѣе разбирая статью, которая очень любопытна во многихъ отношеніяхъ...

Въ 1845 году, въ 25 нумерѣ «Московскихъ Вѣдомостей» помѣщена была статья подъ заглавіемъ: «Бретань и ея жители». Въ этой статьѣ, между прочимъ, было сказано, что «средній вѣкъ не существовалъ для нашей Руси, потому что и Русь не существовала для него». Мы твердо увѣрены, что авторъ крѣпко поостерегся бы написать эти столько невинныя слова, еслибъ онъ могъ напередъ предвидѣть, что изъ нихъ выйдетъ.

Г. Погодинъ взглянулъ на эти строки совсѣмъ другими глазами, чѣмъ мы, т. е. онъ не только не нашелъ ихъ невинными, но, напротивъ, открылъ въ нихъ желаніе автора «бросить тѣнь на наши хроники», успѣлъ подслушать, какъ эти слова произнесены будто «съ состраданіемъ», разумѣется, къ Россіи. Такое намѣреніе, выходящее изъ обыкновенныхъ литературныхъ, напримѣръ, какъ еслибъ кто-нибудь назвалъ германскія владѣнія нашими пятидесятыми губерніями — должно было получить и чрезвычайный ходъ. Судить за тѣнь, брошенную на русскія лѣтописи, за сожалѣніе (кажущееся, подозрѣваемое), что у насъ не было среднихъ вѣковъ, — было бы слишкомъ слабо. Чтобъ предупредить подобныя идеи на

будущія времена, г. Погодинъ рѣшилъ, какъ водится, представить всевозможныя доказательства противъ нихъ, и употребить всѣ средства, не разбирая, для уличенія виноватаго. Какъ тонкій и искусный адвокатъ отечественной исторіи, г. Погодинъ повелъ рѣчь издалека.

«Въ 1830-хъ годахъ, излагая, въ одномъ изъ журналовъ того времени систему Европейской Исторіи Гизо, только что появившуюся у насъ, я имѣлъ честь замѣтить знаменитому Профессору объ его односторонности, и сказать, что исторію Запада нельзя выразумѣть вполнѣ, не обращая вниманія на другую половину Европы, на исторію Востока, *шедшаго съ нимъ параллельно*» (?)..... «Не странно ли встрѣтить, даже въ образованномъ классѣ, людей столько запоздалыхъ, столько отсталыхъ или столько ослѣпленныхъ, которые, имѣя предъ своими глазами Петрову Россію, могутъ смѣло, не запинаясь, выговаривать, что этотъ колоссъ, готовый и вооруженный, *произошелъ изъ ничего, безъ всякаго предварительнаго пріуготовленія, безъ Средняго вѣка*» (стр. 437—439).

Замѣтьте, какъ разбираетъ вещи г. Погодинъ! Желая сдѣлать изъ русской исторіи «охранительницу и блюстительницу общественнаго спокойствія», онъ непремѣнно требуетъ, чтобъ и она имѣла свой средній вѣкъ, послѣ котораго, какъ извѣстно, и начала развиваться полиція предупредительная. Иначе у насъ она была бы невозможна, а это не допускается г. Погодинымъ. За тѣмъ подробно доказывается, что у насъ былъ средній вѣкъ:

«Средній вѣкъ у насъ былъ, скажу я неизвѣстному автору, былъ, какъ и въ Западной Европѣ, но только подъ другою формою; тотъ же процессъ у насъ совершался, какъ и тамъ; тѣ же задачи разрѣшались, только посредствомъ другихъ пріемовъ; тѣ же цѣли достигались, только другими путями»... «И у насъ было введено Христіянство, только иначе, мирно и спокойно, съ крестомъ, а не съ мечемъ; и мы начали молиться единому Богу, но на своемъ языкѣ, понимая свои молитвы, а не перелепетывая чуждые звуки; и у насъ образовалось духовенство, но духовное, а не мірское; и мы преклонялись предъ нимъ, но предъ его словомъ и убѣжденіемъ, а не властію. Въ политическомъ отношеніи было также раздѣленіе, междоусобная война, централизація, единодержавіе. У насъ не было, правда, рабства, не было пролетаріевъ,

не было ненависти, не было гордости, не было инквизиціи, не было феодальнаго тиранства, за то было отеческое управленіе, патріархальная свобода, было семейное равенство, было общее владѣніе, была мірская сходка: однимъ словомъ, въ Среднемъ вѣкѣ было у насъ то, объ чемъ такъ старался Западъ уже въ новомъ, не успѣлъ еще въ Новѣйшемъ и едва ли можетъ успѣть въ Будущемъ. Мы явили свои добродѣтели и свои пороки, мы совершили свои подвиги, мы имѣли свои прекрасные моменты, мы можемъ указать на своихъ великихъ людей»... (стр. 439 и 440).

Положимъ, что все это такъ же справедливо и основательно, какъ на самомъ дѣлѣ несправедливо и выведено изъ одного внѣшняго сходства событій, которое ничего не доказываетъ; допустимъ на минуту, что мы пережили средній вѣкъ въ формѣ нѣсколько различной отъ европейской, но все-таки пережили. Спрашивается, какъ же явилась у насъ такая полная, радикальная реформа въ началѣ XVIII вѣка, и зачѣмъ она была нужна?

«Петръ Великій, по необходимости, вслѣдствіе естественныхъ географическихъ отношеній Россіи къ Европѣ долженъ былъ остановить народное развитіе и дать ему на время другое направленіе» (стр. 441).

Хорошо. Стало-быть, эта необходимость была только внѣшняя, вовсе не условленная внутреннею неразвитостію? Спрашивается послѣ этого, какимъ же образомъ народъ, имѣвшій такое же богатое развитіе, какъ Европейцы, не успѣлъ въ продолженіе своей жизни запастись противъ внѣшнихъ враговъ и на свою потребу всѣмъ тѣмъ, чѣмъ запаслись наши западные сосѣди? Вы скажете: да мы и запаслись, только наше было другое. Во первыхъ, это несправедливо. Очень многаго у насъ не было, что̀ у нихъ было; многое мы давно уже отъ нихъ заимствовали — задолго до Петра; а во вторыхъ, то, что̀ и было у насъ своего — было, однако, хуже европейскаго: это оказалось на самомъ дѣлѣ; ибо будь наше лучше, не мы бы у *нихъ* стали занимать, а они у насъ. Вотъ и доказательство,

что мы жили вовсе не тою жизнью, какою Европа, а жизнью низшею; въ противномъ случаѣ, мы бы развились, правда, по своему, но не хуже ихъ, и когда установилось между нами общеніе, мы стали бы мѣняться другъ съ другомъ, а не становиться въ такія неравныя отношенія, въ какія стали со временъ реформы. Пропускаемъ всѣ ложные выводы автора изъ ложнаго основанія, что у насъ были средніе вѣка, какъ и въ Европѣ, — будто мы теперь, когда періодъ Петра Великаго окончился, начинаемъ припоминать себя, а не жить новою, никогда небывалою въ Россіи жизнью, будто для насъ начинаетъ становиться тяжкимъ иностранное иго, умственное и ученое, когда теперь мы ознакомились съ Европою едва ли не ближе, основательнѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде и т. д. Пропускаемъ также не идущія къ дѣлу оправданія противъ литературныхъ нападеній, будто бы взводимыхъ на «Москвитянина». Публика и общественное мнѣніе уже рѣшили этотъ вопросъ окончательно, а по пословицѣ, «гласъ народа — гласъ Божій».

Поспѣшаемъ къ концу и статьи и книги, который во многихъ отношеніяхъ особенно замѣчателенъ. Авторъ статьи о Бретани сказалъ между прочимъ, что мы навсегда распростились съ нашей неподвижной стариной, съ безвыходнымъ застоемъ кошихинской эпохи. Г-нъ Погодинъ, воспользовавшись случаемъ, восклицаетъ:

«Избави насъ Боже отъ застоя Кошихинской эпохи, но и сохраните насъ, Высшія Силы, отъ Кошихинскаго прогресса, — прогресса Кошихина, который измѣнилъ своему отечеству, отрекся отъ своей вѣры, перемѣнилъ свое имя, отказался отъ своего семейства, бросилъ своихъ дѣтей, женился на двухъ женахъ, и кончилъ свою несчастную жизнь отъ руки тѣхъ же иноплеменниковъ, достойно наказанный за свое легкомысленное и опрометчивое отступничество!»

Да, Кошихинъ — человѣкъ достойный всякаго сожалѣнія! Онъ былъ необыкновеннаго ума, какъ свидѣтельствуютъ объ

немъ даже иностранцы, бывшіе объ насъ, особливо въ то время, очень низкаго мнѣнія.

Оканчивая статью, мы не можемъ сказать вмѣстѣ съ г. Погодинымъ: dixi et salvavi animam. Ставъ на такую ограниченную точку зрѣнія, какъ онъ, можно совершенно удовлетвориться нѣсколькими фразами, наставленіями и двусмысленными возраженіями, стремящимися не къ видимой цѣли, а... гораздо далѣе.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ЗАМѢЧАНІЯ И ЛЕКЦІИ, *М. Погодина, о Русской Исторіи. Москва. 1846. Три тома.*

Въ книгѣ, изданной подъ этимъ заглавіемъ, г. Погодинъ представилъ публикѣ результатъ своихъ многолѣтнихъ изслѣдованій о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи, а именно о томъ, который называется варяжскимъ и оканчивается смертью Ярослава (1054 г.). Эти изслѣдованія, несмотря на несистематическое заглавіе, расположены систематически. Прежде всего надобно было опредѣлить достовѣрность источниковъ, изъ которыхъ черпаются извѣстія объ этомъ времени, и мы находимъ въ первомъ томѣ разсужденіе «Объ источникахъ древней Русской исторіи, преимущественно о Несторѣ»; потомъ необходимо было опредѣлить составныя части древнѣйшей Россіи, находниковъ и насельниковъ, Варяговъ-Русь и Славянъ, — это предметъ втораго тома. Наконецъ, въ третьемъ томѣ помѣщены изслѣдованія о варяжскомъ или норманскомъ періодѣ.

Изслѣдованія г. Погодина, вышедшія теперь съ свѣтъ, не принадлежатъ къ числу совершенно новыхъ явленій въ нашей исторической литературѣ. Авторъ самъ говоритъ въ предисловіи, что въ первомъ томѣ напечатанъ его «Несторъ» (1838 г.), къ которому присоединены изслѣдованія о другихъ источ-

никахъ древней русской исторіи, отчасти тоже уже извѣстныя публикѣ; такъ статья о договорахъ Русскихъ съ Греками, одна изъ лучшихъ въ первомъ томѣ, была напечатана еще въ 1837 году, въ первомъ томѣ «Русскаго Историческаго Сборника». Въ составъ втораго тома вошло извѣстное сочиненіе г. Погодина о происхожденіи Варяговъ-Руси (1825 г.), но переработанное подъ вліяніемъ новѣйшей литературы по этому вопросу. Наконецъ, нѣсколько отдѣльныхъ изслѣдованій изъ третьяго тома были уже напечатаны въ различныхъ журналахъ (напр. параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ относительно начала, составляющая одиннадцатую главу третьяго тома, — въ «Москвитянинѣ»; о древней русской торговлѣ — въ «Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія» и т. д.). Однако, если мы не ошибаемся, послѣдній томъ заключаетъ въ себѣ болѣе новыхъ статей, нежели два первые.

За заглавіе, данное книгѣ, мы не станемъ, вмѣстѣ съ другими критиками, упрекать автора: это было бы несправедливо и мелочно. Каждый имѣетъ полное право поступать въ этомъ отношеніи, какъ ему угодно. Сверхъ того, мы думаемъ, что г. Погодинъ не безъ намѣренія избралъ именно это, а не другое заглавіе. О древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи писано очень много; только собрать и свести сказанное есть трудъ очень и очень нелегкій, требующій много терпѣнія, много времени и предполагающій большія библіографическія свѣдѣнія. А если вспомнимъ, что, несмотря на множество статей и сочиненій, главные вопросы все еще окончательно не рѣшены, и литература, накопляя факты, только увеличила трудности для изслѣдователя; если сообразимъ, что время, вызвавшее много новыхъ вопросовъ, не всегда указывало на данныя для ихъ рѣшенія, — то увидимъ, что новому изслѣдователю на этомъ поприщѣ предстоятъ и новыя трудности. Мы даже почти убѣждены, что покуда, до времени, отъ одного че-

ловѣка нельзя и ожидать полнаго возсозданія картины древней Варяжской Руси. Теперешніе изслѣдователи по необходимости должны останавливаться на однихъ вопросахъ болѣе, на другихъ менѣе. Такъ поступилъ и г. Погодинъ. Онъ разработалъ нѣкоторыя стороны нашего древнѣйшаго быта прекрасно, другія оставилъ въ тѣни, нѣкоторыя обслѣдовалъ слабо, и самъ высказалъ это: «Можетъ-быть», говоритъ онъ, «и я самъ увлекаюсь норманскимъ элементомъ, который разыскиваю двадцать пять лѣтъ, и даю ему слишкомъ много мѣста въ древней Русской Исторіи; явится другой изслѣдователь, который исключительно предастся славянскому элементу... мы оба погрѣшимъ, а наука, умѣряя одного другимъ, выиграетъ» (т. III, прим. 700). Вотъ почему онъ не могъ назвать свою книгу «древнѣйшій періодъ Русской Исторіи», или какъ-нибудь иначе. Отъ него стали бы того требовать, чего онъ не хотѣлъ и не могъ дать.

Итакъ, въ этомъ отношеніи, г. Погодинъ правъ. Но онъ неправъ въ другомъ; давая такое заглавіе своей книгѣ, онъ поступилъ неискренно: онъ задумалъ систематическое сочиненіе, обнимающее весь предметъ, и существенные его недостатки хотѣлъ прикрыть несистематическимъ, необязательнымъ заглавіемъ. Нѣкоторыя статьи очень хороши, но за то другія очень слабы, съ какой стороны ни станемъ ихъ разсматривать. Спрашивается: зачѣмъ же онѣ попали въ книгу? Очевидно для полноты, округленности сочиненія. Но къ чему она, когда авторъ имѣлъ полное право помѣстить въ нее что́ угодно, по выбору? Какъ учебникъ, эта книга не годится; какъ изслѣдованіе, она во многихъ отношеніяхъ слишкомъ неудовлетворительна. Съ другой стороны, заглавіе черезчуръ скромно по содержанію. Выходитъ что-то странное, ни то ни сё.

Достоинства и недостатки разбираемаго нами сочиненія *опредѣляются* достоинствами и недостатками его автора и мѣс-

томъ, которое онъ занимаетъ въ нашей исторической литературѣ. Какого бы мы ни были мнѣнія о г. Погодинѣ, издателѣ «Москвитянина», авторѣ драмъ, повѣстей и «Года за Границей», мы не можемъ не сказать, что, какъ изслѣдователь древнѣйшаго періода русской исторіи, онъ — лице замѣчательное, важное и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ мало оцѣненное. Выступивъ на сцену въ то время, когда характеръ исторической критики началъ у насъ измѣняться, и изъ пріуготовительныхъ изслѣдованій стала рождаться исторія въ собственномъ смыслѣ, г. Погодинъ обозначилъ собою это переходное время, и всѣми своими сторонами принадлежа къ прошедшему, онъ не чуждъ нѣкоторыхъ новыхъ требованій, взглядовъ, ученыхъ пріемовъ, которыхъ мы не встрѣчаемъ у его предшественниковъ. Нельзя не отдать ему должной справедливости, что онъ умѣлъ удержаться на исторической почвѣ, начавъ дѣйствовать въ то время, когда въ нашей исторической литературѣ стала показываться та же разноголосица, которая отразилась и въ изящной литературѣ, и въ быту, и въ мнѣніяхъ, когда даже историческіе взгляды начали переходить въ фантазіи. Вопросъ о происхожденіи Руси, о зачаткахъ русскаго государства былъ тогда въ ходу, и по порядку онъ былъ первый. Г-нъ Погодинъ принялся за его изученіе. Не увлекаясь блестящими ипотезами, соблазномъ отрывочныхъ фактовъ, онъ осмотрѣлъ все поле, подмѣтилъ преобладающія черты варяжскаго періода нашей исторіи, убѣдился, что онѣ запечатлѣны скандинавскимъ или норманскимъ элементомъ, и въ этомъ направленіи повелъ свои изслѣдованія. Ничто въ продолженіе долговременной ученой дѣятельности не могло отклонить его съ избраннаго пути. Доводы противниковъ только доставляли ему матеріялы для бо̀льшаго и бо̀льшаго развитія собственнаго взгляда. Мы въ правѣ назвать его собственнымъ взглядомъ г. Погодина, несмотря на то, что, какъ онъ самъ говоритъ,

«знаменитый Байеръ положилъ основаніе этому мнѣнію; дальнѣйшими поясненіями и дополненіями Исторія Русская одолжена трудамъ Струбе, Миллера, Стриттера, Тунмана, Шлецера, Круга, Лерберга, Френа», а ему, т. е., г. Погодину, «довелось привести этотъ взглядъ въ систему, собрать нѣкоторыя новыя доказательства, особенно изъ русскихъ лѣтописей, укрѣпить въ мѣстахъ слабыхъ, согласить противорѣчія, опровергнуть возраженія и разобрать посредствомъ его положеній всѣ прочія мнѣнія» (т II, стр. 318). Эта заслуга сама по себѣ уже очень важна. Г. Погодинъ внесъ въ изслѣдованія своихъ предшественниковъ цѣлость, единство, систему, положилъ послѣдній камень къ зданію и сдѣлалъ на будущія времена невозможнымъ отрывочное, безсвязное опроверженіе защищаемаго имъ взгляда. Этого мало. Убѣдившись, что Варяги-Русь Норманны, Скандинавы, г. Погодинъ съ этой точки зрѣнія изслѣдовалъ весь первый, варяжскій періодъ нашей исторіи, и рѣзко, выпукло выдвинулъ на первый планъ скандинавскія черты его. Въ этомъ отношеніи, третій томъ «Изслѣдованій» особенно любопытенъ. Все, что̀ дѣлалось у насъ съ призванія Варяговъ до кончины Ярослава, онъ присвоиваетъ однимъ Скандинавамъ. Въ этомъ, конечно, есть преувеличеніе, односторонность, но за нее нельзя слишкомъ винить автора. До нѣкоторой степени, она достоинство и заслуга. Руководимый цѣльнымъ взглядомъ на предметъ, г. Погодинъ исчерпалъ скандинавскій элементъ въ древнѣйшей русской исторіи. Все, что̀ носитъ хотя слабую его печать, имъ собрано и отмѣчено, такъ что будущимъ изслѣдователямъ въ томъ же направленіи врядъ ли достанется сказать что-нибудь существенно новое.

Этимъ г-нъ Погодинъ установилъ взглядъ, облегчилъ работу даже для тѣхъ, которые пойдутъ послѣ него отъ совершенно другаго или противоположнаго взгляда.

Но рядомъ съ этими достоинствами и заслугами, мы встрѣчаемся въ историческихъ трудахъ г. Погодина и съ важными, существенными недостатками, которые объясняются временемъ, когда онъ дѣйствовалъ на историко-литературномъ поприщѣ, и условіями, сопровождавшими его дѣятельность. Принадлежа къ школѣ толкователей, экзегетиковъ, а не историковъ въ настоящемъ смыслѣ слова, онъ никогда не могъ подняться до высшаго историческаго воззрѣнія. Отсюда его несправедливая, пристрастная, крайне-ограниченная оцѣнка соперника, котораго имя, если не навсегда, то надолго будетъ памятно для всѣхъ занимающихся русской исторіей: мы говоримъ о покойномъ Каченовскомъ.

Каченовскій первый почувствовалъ неудовлетворительность прежняго, теперь мало-по-малу изчезающаго, натянутаго, неестественнаго воззрѣнія на русскую исторію. Онъ не былъ геніяльнымъ человѣкомъ, но былъ человѣкъ съ талантомъ, начитанный, знакомый съ требованіями науки и критикой. Подъ перомъ Карамзина наше прошедшее, только относительно къ послѣдующему важное и значительное, выросло въ нѣчто колоссальное, величественное: Каченовскій возсталъ противъ этихъ преувеличеній и старался привести русскую исторію къ ея естественнымъ размѣрамъ, снять съ глазъ повязку, которая показывала многое въ превратномъ видѣ, и возвратить или правильнѣе привести насъ къ воззрѣнію, равному времени, въ которое совершались событія. Эту цѣль Каченовскій преслѣдовалъ съ жаромъ, достойнымъ всякаго уваженія, и впалъ въ крайность, которая существенно повредила его дѣлу. Вмѣсто того, чтобъ изъ самой лѣтописи и источниковъ показать младенческое состояніе нашего общества въ IX, X, XI и послѣдующихъ вѣкахъ, онъ старался опровергнуть самые источники. Ему казалось, что даже и они приписываютъ древней Руси слишкомъ много, и эта задушевная

«знаменитый Байеръ положилъ основаніе этому мнѣнію; дальнѣйшими поясненіями и дополненіями Исторія Русская одолжена трудамъ Струбе, Миллера, Стриттера, Тунмана, Шлецера, Круга, Лерберга, Френа», а ему, т. е., г. Погодину, «довелось привести этотъ взглядъ въ систему, собрать нѣкоторыя новыя доказательства, особенно изъ русскихъ лѣтописей, укрѣпить въ мѣстахъ слабыхъ, согласить противорѣчія, опровергнуть возраженія и разобрать посредствомъ его положеній всѣ прочія мнѣнія» (т. II, стр. 318). Эта заслуга сама по себѣ уже очень важна. Г. Погодинъ внесъ въ изслѣдованія своихъ предшественниковъ цѣлость, единство, систему, положилъ послѣдній камень къ зданію и сдѣлалъ на будущія времена невозможнымъ отрывочное, безсвязное опроверженіе защищаемаго имъ взгляда. Этого мало. Убѣдившись, что Варяги-Русь Норманны, Скандинавы, г. Погодинъ съ этой точки зрѣнія изслѣдовалъ весь первый, варяжскій періодъ нашей исторіи, и рѣзко, выпукло выдвинулъ на первый планъ скандинавскія черты его. Въ этомъ отношеніи, третій томъ «Изслѣдованій» особенно любопытенъ. Все, что дѣлалось у насъ съ призванія Варяговъ до кончины Ярослава, онъ присвоиваетъ однимъ Скандинавамъ. Въ этомъ, конечно, есть преувеличеніе, односторонность, но за нее нельзя слишкомъ винить автора. До нѣкоторой степени, она достоинство и заслуга. Руководимый цѣльнымъ взглядомъ на предметъ, г. Погодинъ исчерпалъ скандинавскій элементъ въ древнѣйшей русской исторіи. Все, что носитъ хотя слабую его печать, имъ собрано и отмѣчено, такъ что будущимъ изслѣдователямъ въ томъ же направленіи врядъ ли достанется сказать что-нибудь существенно новое.

Этимъ г-нъ Погодинъ установилъ взглядъ, облегчилъ работу даже для тѣхъ, которые пойдутъ послѣ него отъ совер*шенно другаго или* противоположнаго взгляда.

Но рядомъ съ этими достоинствами и заслугами, мы встрѣчаемся въ историческихъ трудахъ г. Погодина и съ важными, существенными недостатками, которые объясняются временемъ, когда онъ дѣйствовалъ на историко-литературномъ поприщѣ, и условіями, сопровождавшими его дѣятельность. Принадлежа къ школѣ толкователей, экзегетиковъ, а не историковъ въ настоящемъ смыслѣ слова, онъ никогда не могъ подняться до высшаго историческаго воззрѣнія. Отсюда его несправедливая, пристрастная, крайне-ограниченная оцѣнка соперника, котораго имя, если не навсегда, то надолго будетъ памятно для всѣхъ занимающихся русской исторіей: мы говоримъ о покойномъ Каченовскомъ.

Каченовскій первый почувствовалъ неудовлетворительность прежняго, теперь мало-по-малу изчезающаго, натянутаго, неестественнаго воззрѣнія на русскую исторію. Онъ не былъ геніяльнымъ человѣкомъ, но былъ человѣкъ съ талантомъ, начитанный, знакомый съ требованіями науки и критикой. Подъ перомъ Карамзина наше прошедшее, только относительно къ послѣдующему важное и значительное, выросло въ нѣчто колоссальное, величественное: Каченовскій возсталъ противъ этихъ преувеличеній и старался привести русскую исторію къ ея естественнымъ размѣрамъ, снять съ глазъ повязку, которая показывала многое въ превратномъ видѣ, и возвратить или правильнѣе привести насъ къ воззрѣнію, равному времени, въ которое совершались событія. Эту цѣль Каченовскій преслѣдовалъ съ жаромъ, достойнымъ всякаго уваженія, и впалъ въ крайность, которая существенно повредила его дѣлу. Вмѣсто того, чтобъ изъ самой лѣтописи и источниковъ показать младенческое состояніе нашего общества въ IX, X, XI и послѣдующихъ вѣкахъ, онъ старался опровергнуть самые источники. Ему казалось, что даже и они приписываютъ древней Руси слишкомъ много, и эта задушевная,

любимая мысль просвѣчиваетъ въ каждой статьѣ его. Онъ не вѣритъ существованію кожаныхъ денегъ, потому что въ древней Россіи не видитъ государства, кредита, правильной финансовой системы, безъ которыхъ представители цѣнности не могутъ имѣть оборота. Онъ потому же ратуетъ противъ подлинности «Русской правды», которую Карамзинъ, а за нимъ и одинъ ученый очень неловко и неудачно сравнили съ законами XII таблицъ; онъ отвергаетъ возможность торговли изъ тѣхъ же основаній. Вездѣ Каченовскій себѣ вѣренъ, и его мысль, въ основѣ своей, вполнѣ справедлива. Возможность такой несоотвѣтственности между основной мыслью и ея выполненіемъ, какую находимъ у Каченовскаго, совершенно объясняется малоизвѣстностью русской исторіи. Она и теперь еще лѣсъ, въ которомъ очень легко заблудиться. Прибавимъ къ этому, что, можетъ-быть, не было еще человѣка, столько несчастнаго въ своихъ послѣдователяхъ, какъ Каченовскій. Онъ не имѣлъ учениковъ. Всѣ такъ называемые ученики его уцѣпились за букву и принялись опровергать подлинность лѣтописей; ни одинъ изъ нихъ не схватилъ главной мысли Каченовскаго, и она на время была погребена. Въ лицѣ этихъ продолжателей, сама школа получила смѣшное названіе скептической,—названіе, которое такъ не шло ей къ лицу, — и умерла скоро безъ слѣдовъ, какъ многое хорошее умираетъ, ожидая достойнѣйшихъ и даровитѣйшихъ продолжателей.

Все это очень просто и теперь такъ очевидно, что бросается въ глаза. Г. Погодинъ, какъ ученый прежняго порядка, не понялъ важнаго значенія и призванія Каченовскаго въ нашей исторической литературѣ. Онъ замѣтилъ только его промахи и ошибки, и за нихъ преслѣдовалъ его всѣми литературными средствами. Даже въ его новой книгѣ, изданной много лѣтъ и послѣ спора и послѣ смерти противника, мы находимъ *какое-то ожесточеніе*, простительное до нѣкоторой степени въ

пылу спора, но не десять лѣтъ спустя. Ясно, что ни тогда, ни теперь,—когда споръ кончился, г. Погодинъ по видимому одержалъ верхъ и можетъ уже безъ докукъ и возраженія со стороны скептической школы продолжать свои занятія, — онъ не такъ понималъ требованіе и направленіе Каченовскаго. Въ своемъ мѣстѣ мы разберемъ подробно все, что онъ сказалъ о своемъ противникѣ. Здѣсь замѣтимъ только, что такое направленіе обличаетъ всю односторонность и ограниченность спеціалиста. Г. Погодинъ отзывается рѣзко, мѣстами — даже черезчуръ рѣзко о Каченовскомъ. Въ его словахъ видѣнъ торжествующій авторитетъ и величавое пренебреженіе къ побѣжденному противнику. Намъ, чуждымъ этого спора, странно видѣть побѣдные лавры, которыми украсилъ себя г. Погодинъ, — и Каченовскаго, идущаго за его тріумфальной колесницей... На этомъ торжествѣ лежитъ печать иронiи, которой примѣровъ такъ много. Г. Погодину легко было одолѣть своего соперника огромнымъ перевѣсомъ данныхъ, говорившихъ въ его пользу; немного лѣтъ прошло, и самые слѣды спора изчезли. Укажите теперь хоть на одного человѣка, который бы серьёзно сомнѣвался въ подлинности и древности источниковъ нашей исторiи. А между тѣмъ, по своей точкѣ зрѣнія, Каченовскій вполнѣ правъ, гораздо правѣе г. Погодина. Г. Погодинъ думалъ, что, опровергнувъ Каченовскаго, онъ совершенно побѣдилъ его; мы не споримъ, что Каченовскаго доводы слабы, и хорошо, что нашелся человѣкъ, который исправилъ ошибки, непосредственно лежавшія въ его словахъ. Но на самомъ дѣлѣ великимъ лицомъ въ этомъ спорѣ является не г. Погодинъ, а Каченовскій, потому что вопросъ имъ поставленный обойденъ, непонятъ: такъ онъ былъ глубокъ десять лѣтъ тому назадъ. Но время не прошло, оно только настаетъ: Каченовскій найдетъ себѣ защитниковъ и продолжателей. Тогда увидятъ, какъ напрасно торжествовалъ по-

бѣду г. Погодинъ, какъ бѣдны его лавры. И это время недалеко...

Будучи изслѣдователемъ-экзегетикомъ, а не историкомъ, г. Погодинъ не могъ открыть собою новую эпоху ученаго обработыванія русской исторіи. У него нѣтъ цѣльнаго взгляда на весь предметъ, взгляда, въ которомъ различныя эпохи и фазисы хоть какъ-нибудь вязались бы между собою. У него есть свѣтлыя мысли, но нѣтъ ясной системы; есть ученые пріемы, довольно удачные, но совершенно нѣтъ методы. И за это мы не стали бы винить г. Погодина, еслибъ онъ самъ не вызвалъ насъ. У него есть страсть, общая всѣмъ спеціялистамъ—возводить въ систему свою нелюбовь, нерасположеніе къ цѣльному, систематическому взгляду на предметъ. Это важная ошибка, которая, коренясь въ безсознательной односторонности, и родитъ односторонность, всегда почти неблагопріятную для науки. Всякій образованный человѣкъ, ищущій въ знаніи общаго, единства, живаго, а не мертваго, охладѣваетъ къ книгѣ по неволѣ, встрѣчая въ ней выходки противъ взглядовъ и теорій. Онъ не правъ, а кто первый виноватъ? Спеціялистъ-изслѣдователь. Странная вещь! Человѣкъ, разсуждающій очень просто, а потому здраво и дѣльно въ ежедневномъ быту, о житейскихъ вещахъ, судитъ Богъ знаетъ по-каковски лишь только переноситъ свое сужденіе въ область науки. Изъ того, что кто-нибудь не музыкантъ, приходитъ ли ему въ голову сказать, что музыка вздоръ? Нѣтъ, не приходитъ. А почему? потому что всѣ знаютъ, всѣ сознательно или безсознательно убѣждены, что каждый человѣкъ непремѣнно въ одну сторону развитъ болѣе, въ другую менѣе, — словомъ, что онъ имѣетъ свою степень ограниченности, недостаточности. Этому учитъ простая наглядка, безъ труда и усилій. Оттого люди съ разнородными наклонностями и дѣятельностью подаютъ другъ другу руку *и извлекаютъ* другъ изъ друга возможную пользу, на-

слажденіе, выгоду, какъ хотите назовите — не порицая въ другихъ способностей, которыхъ у нихъ нѣтъ, потому что нельзя совмѣстить въ себѣ все. Чѣмъ болѣе уясняется эта мысль, какими бы то путями ни было, тѣмъ болѣе и болѣе падаютъ перегородки, раздѣлявшія людей.

Но въ наукѣ это и до сихъ поръ не такъ. Давно ли еще доказывали превосходство однѣхъ наукъ предъ другими? Каждый ученый считалъ себя обязаннымъ, излагая свой предметъ, подробно и обширно изчислять всѣ его качества и превосходство передъ другими предметами. Теперь вѣра въ эту іерархію изчезла; но еще крѣпко держится столько же странное мѣстничество между теоріей и практикой, изслѣдованіями и взглядомъ. Кто предается спеціяльности, тотъ думаетъ, что это даетъ ему неотъемлемое право свысока смотрѣть на другаго, который старается извлечь общее изъ изслѣдованій и подвести это общее подъ категоріи, связать одною мыслью; послѣдній въ свою очередь такъ же смотритъ на спеціялиста. Г. Погодинъ принадлежитъ къ первому разряду; онъ не охотникъ до взглядовъ, теорій. Въ Т. III, примѣч. 827, онъ говоритъ: «вотъ задачи для филологовъ и юристовъ, предметы для диссертацій кандидатамъ и магистрамъ: объяснять эти памятники одинъ за другимъ—а мы все хватаемся за цѣлые періоды и эпохи и хотимъ изъ ничего строить системы». Такія же замѣтки находимъ и въ другихъ мѣстахъ. Названія «ученая болтовня, пустыя фразы» и т. д., встрѣчаются часто. Подумаешь, что г. Погодинъ ратуетъ не вообще противъ теоріи и взглядовъ, а только примѣнительно къ русской исторіи: но это ошибка. Съ тѣхъ поръ, какъ процессъ мышленія сталъ для насъ понятенъ, уяснилось совершенно, что направленія теоретическое и практическое, связанныя единствомъ цѣли и предмета, между тѣмъ, остаются разными, и мечтать о ихъ тождествѣ невозможно. Дополняя и поясняя другъ друга, обогащаясь взаимно,

бѣду г. Погодинъ, какъ бѣдны его лавры. И это время недалеко...

Будучи изслѣдователемъ-экзегетикомъ, а не историкомъ, г. Погодинъ не могъ открыть собою новую эпоху ученаго обработыванія русской исторіи. У него нѣтъ цѣльнаго взгляда на весь предметъ, взгляда, въ которомъ различныя эпохи и фазисы хоть какъ-нибудь вязались бы между собою. У него есть свѣтлыя мысли, но нѣтъ ясной системы; есть ученые пріемы, довольно удачные, но совершенно нѣтъ методы. И за это мы не стали бы винить г. Погодина, еслибъ онъ самъ не вызвалъ насъ. У него есть страсть, общая всѣмъ спеціялистамъ—возводить въ систему свою нелюбовь, нерасположеніе къ цѣльному, систематическому взгляду на предметъ. Это важная ошибка, которая, коренясь въ безсознательной односторонности, и родитъ односторонность, всегда почти неблагопріятную для науки. Всякій образованный человѣкъ, ищущій въ знаніи общаго, единства, живаго, а не мертваго, охладѣваетъ къ книгѣ по неволѣ, встрѣчая въ ней выходки противъ взглядовъ и теорій. Онъ не правъ, а кто первый виноватъ? Спеціялистъ-изслѣдователь. Странная вещь! Человѣкъ, разсуждающій очень просто, а потому здраво и дѣльно въ ежедневномъ быту, о житейскихъ вещахъ, судитъ Богъ знаетъ по-каковски лишь только переноситъ свое сужденіе въ область науки. Изъ того, что кто-нибудь не музыкантъ, приходитъ ли ему въ голову сказать, что музыка вздоръ? Нѣтъ, не приходитъ. А почему? потому что всѣ знаютъ, всѣ сознательно или безсознательно убѣждены, что каждый человѣкъ непремѣнно въ одну сторону развитъ болѣе, въ другую менѣе, — словомъ, что онъ имѣетъ свою степень ограниченности, недостаточности. Этому учитъ простая наглядка, безъ труда и усилій. Оттого люди съ разнородными наклонностями и дѣятельностью подаютъ другъ другу руку и извлекаютъ другъ изъ друга возможную пользу, на-

бѣду г. Погодинъ, какъ бѣдны его лавры. И это время недалеко...

Будучи изслѣдователемъ-экзегетикомъ, а не историкомъ, г. Погодинъ не могъ открыть собою новую эпоху ученаго обработыванія русской исторіи. У него нѣтъ цѣльнаго взгляда на весь предметъ, взгляда, въ которомъ различныя эпохи и фазисы хоть какъ-нибудь вязались бы между собою. У него есть свѣтлыя мысли, но нѣтъ ясной системы; есть ученые пріемы, довольно удачные, но совершенно нѣтъ методы. И за это мы не стали бы винить г. Погодина, еслибъ онъ самъ не вызвалъ насъ. У него есть страсть, общая всѣмъ спеціялистамъ—возводить въ систему свою нелюбовь, нерасположеніе къ цѣльному, систематическому взгляду на предметъ. Это важная ошибка, которая, коренясь въ безсознательной односторонности, и родитъ односторонность, всегда почти неблагопріятную для науки. Всякій образованный человѣкъ, ищущій въ знаніи общаго, единства, живаго, а не мертваго, охладѣваетъ къ книгѣ по неволѣ, встрѣчая въ ней выходки противъ взглядовъ и теорій. Онъ не правъ, а кто первый виноватъ? Спеціялистъ-изслѣдователь. Странная вещь! Человѣкъ, разсуждающій очень просто, а потому здраво и дѣльно въ ежедневномъ быту, о житейскихъ вещахъ, судитъ Богъ знаетъ по-каковски лишь только переноситъ свое сужденіе въ область науки. Изъ того, что кто-нибудь не музыкантъ, приходитъ ли ему въ голову сказать, что музыка вздоръ? Нѣтъ, не приходитъ. А почему? потому что всѣ знаютъ, всѣ сознательно или безсознательно убѣждены, что каждый человѣкъ непремѣнно въ одну сторону развитъ болѣе, въ другую менѣе, — словомъ, что онъ имѣетъ свою степень ограниченности, недостаточности. Этому учитъ простая наглядка, безъ труда и усилій. Оттого люди съ разнородными наклонностями и дѣятельностью подаютъ другъ другу руку *и извлекаютъ* другъ изъ друга возможную пользу, на-

слажденіе, выгоду, какъ хотите назовите — не порицая въ другихъ способностей, которыхъ у нихъ нѣтъ, потому что нельзя совмѣстить въ себѣ все. Чѣмъ болѣе уясняется эта мысль, какими бы то путями ни было, тѣмъ болѣе и болѣе падаютъ перегородки, раздѣлявшія людей.

Но въ наукѣ это и до сихъ поръ не такъ. Давно ли еще доказывали превосходство однѣхъ наукъ предъ другими? Каждый ученый считалъ себя обязаннымъ, излагая свой предметъ, подробно и обширно изчислять всѣ его качества и превосходство передъ другими предметами. Теперь вѣра въ эту іерархію изчезла; но еще крѣпко держится столько же странное мѣстничество между теоріей и практикой, изслѣдованіями и взглядомъ. Кто предается спеціяльности, тотъ думаетъ, что это даетъ ему неотъемлемое право свысока смотрѣть на другаго, который старается извлечь общее изъ изслѣдованій и подвести это общее подъ категоріи, связать одною мыслью; послѣдній въ свою очередь такъ же смотритъ на спеціялиста. Г. Погодинъ принадлежитъ къ первому разряду; онъ не охотникъ до взглядовъ, теорій. Въ Т. III, примѣч. 827, онъ говоритъ: «вотъ задачи для филологовъ и юристовъ, предметы для диссертацій кандидатамъ и магистрамъ: объяснять эти памятники одинъ за другимъ — а мы все хватаемся за цѣлые періоды и эпохи и хотимъ изъ ничего строить системы». Такія же замѣтки находимъ и въ другихъ мѣстахъ. Названія «ученая болтовня, пустыя фразы» и т. д., встрѣчаются часто. Подумаешь, что г. Погодинъ ратуетъ не вообще противъ теоріи и взглядовъ, а только примѣнительно къ русской исторіи: но это ошибка. Съ тѣхъ поръ, какъ процессъ мышленія сталъ для насъ понятенъ, уяснилось совершенно, что направленія теоретическое и практическое, связанныя единствомъ цѣли и предмета, между тѣмъ, остаются разными, и мечтать о ихъ тождествѣ невозможно. Дополняя и поясняя другъ друга, обогащаясь взаимно,

сближаясь чрезвычайно, они все-таки остаются и навсегда останутся раздѣльными, особенными. Отъ этого, кто возстаетъ противъ теоріи, тотъ строитъ новую, лучшую, по крайней мѣрѣ раскрываетъ недостатки существующей, и тѣмъ показываетъ, что онъ дѣйствительно недоволенъ ею въ томъ видѣ, какъ ее находитъ; отзываясь о существующихъ теоріяхъ вообще свысока, съ пренебреженіемъ, но безъ разбора, безъ критики, онъ обнаруживаетъ, что увлеченъ односторонним направленіемъ, исключительно практическимъ, и слѣдовательно хочетъ набросить тѣнь не на такой-то именно взглядъ, а на взглядъ вообще, на самое теоретическое направленіе. Таковъ г. Погодинъ вполнѣ. По немъ, что̀ не изслѣдованіе съ цитатами и всѣмъ ученымъ аппаратомъ, то ужь непремѣнно пустая фраза, непремѣнно система, построенная изъ ничего. Странно! Неужели онъ не знаетъ, что изъ ничего нельзя сдѣлать что-нибудь? Если возьмемъ только два, три факта, и на нихъ построимъ взглядъ, неужто вправду это будетъ система, построенная изъ ничего? А если мы возьмемъ тысячу и болѣе фактовъ, вѣдь ужь это будетъ такая система, которую придется опровергать! Не явно ли, что представленіе о системѣ, построенной изъ ничего, ни на чемъ и не основано? Сверхъ того, если мы однажды согласимся въ истинѣ, что пути теоретическій и практическій—разные, какъ они ни переливаются одинъ въ другой, какъ они ни близко сходятся, мы должны будемъ признать, что каждый изъ нихъ имѣетъ свою исторію, своихъ представителей, и что нѣтъ никакого основанія считать ихъ за преемственно-слѣдующіе другъ за другомъ, теоретическій за практическимъ, или наоборотъ. Дѣйствительно, такъ и было, есть и будетъ. Гдѣ только является человѣкъ, тамъ съ разу вмѣстѣ появляются и оба направленія и развиваются чрезъ всю исторію. Оба равно разумны и равно *вытекаютъ изъ* сущности человѣка. А потому мы и видимъ,

что сначала слаба практическая сторона, слаба и теоретическая. Вѣдь было бы крайне несправедливо отвергать значеніе изслѣдованій потому только, что было, есть и будетъ еще много плохихъ, неосновательныхъ изслѣдованій. Почему же не сказать того же самаго и о теоріи? Она можетъ быть плоха, но такъ же можетъ быть и хороша. Если существующія теоріи нехороши, это значитъ, что должно желать появленія хорошей или хорошихъ, а вовсе не то, что теоріямъ вовсе и существовать не слѣдуетъ. За что бы, кажется, тутъ спорить? за что бросать на теорію презрительныя слова? Пусть и то и другое идетъ своимъ путемъ, взаимно себя укрѣпляя и исправляя. Наконецъ, допустимъ, что въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ спеціяльное изученіе для науки гораздо важнѣе и полезнѣе, нежели теоретическое, общее. Все же будутъ и при такихъ условіяхъ положенія, въ которыхъ безъ теоретической обработки предмета невозможно обойдтись. Возьмите, наприм., профессора русской исторіи. Что прикажете ему дѣлать? Налечь на какую-нибудь спеціяльную сторону предмета и читать ее цѣлый годъ, потомъ, въ двѣ, три лекціи изложить все прочее? Наука черезъ это выиграетъ, правда, но слушатели навѣрное потеряютъ. Цѣль преподаванія—дать полное обозрѣніе предмета, а не частности, мелочи, важныя въ наукѣ, неважныя и ненужныя для того, кто ищетъ только общаго образованія. Этимъ мы далеко не хотимъ отвергать важность спеціяльныхъ курсовъ; при общемъ они приносятъ неизчислимую пользу, но одни они не ведутъ къ цѣли преподаванія. Профессоръ, преподаватель, по необходимости начнетъ систематизировать свой предметъ, займется цѣлыми эпохами, періодами, а не частностями. Оттого вездѣ, гдѣ науки процвѣтаютъ, существуетъ особливая литература учебниковъ и особливая литература сочиненій собственно ученыхъ, разработывающихъ частности и веду-

щихъ такимъ образомъ науку впередъ. У насъ недавно стали появляться порядочные учебники по русской исторіи; ихъ и теперь не много; а изъ сочиненій по одному вопросу о происхожденіи Варяговъ-Руси можно составить цѣлую порядочную библіотеку. Оттого-то у насъ почти нѣтъ людей, знающихъ русскую исторію въ связи, въ цѣлости, тогда какъ много кандидатовъ и студентовъ, которые по частнымъ вопросамъ заткнутъ за поясъ инаго профессора. Это и не прекратится до тѣхъ поръ, пока мы не бросимъ пагубнаго предубѣжденія противъ системъ и теорій.

Особенно странно въ г. Погодинѣ то, что, отзываясь неблагопріятно о системахъ и теоріяхъ русской исторіи, онъ самъ какъ бы невольно ихъ строитъ. Стремленіе понять основный законъ исторической жизни народа, то есть, усвоить его себѣ и чрезъ это открыть для ума бо̀льшій просторъ, освободиться отъ страха и трепета предъ таинственнымъ, неизвѣстнымъ, и потому кажущимся или сверхъ-естественнымъ, или случайнымъ — такъ же врожденно, всегда присуще человѣку, какъ и требованіе возсоздать фактъ прошедшій такъ, какъ онъ былъ. Ни отъ того, ни отъ другаго требованія человѣкъ не можетъ отказаться. Оно-то и вовлекло г. Погодина въ непослѣдовательность. У него, современника Каченовскаго, было тоже какое-то смутное предчувствіе цѣльнаго, полнаго взгляда на русскую исторію. Это видно изъ того, что онъ въ своихъ разысканіяхъ, иногда наперекоръ фактамъ, преслѣдуетъ какую-нибудь любимую мысль. Лучшимъ примѣромъ и подтвержденіемъ могутъ служить его изысканія о норманскомъ періодѣ. Но такъ какъ г. Погодинъ — бо̀льшей своей половиной принадлежитъ къ экзегетикамъ, толкователямъ, — его чаяніе, предчувствіе осталось неразвитымъ. Не будучи въ состояніи ни совершенно отказаться отъ теоретическаго воззрѣнія, ни основать его на твердыхъ, ясныхъ нача-

лахъ, г. Погодинъ впалъ въ историческій мистицизмъ—иначе мы не можемъ назвать его историческое воззрѣніе, которое такъ рѣзко выразилось въ его «Историческихъ Афоризмахъ». Онъ остановился на точкѣ какого-то благоговѣнія предъ каждымъ историческимъ событіемъ, не стараясь объяснить его значеніе и мѣсто въ цѣломъ историческомъ развитіи. Могъ бы умереть Игорь, да не умеръ; могъ бы Олегъ имѣть дѣтей — да не имѣлъ. Святославъ чуть-чуть не поселился въ Болгаріи, да очень кстати случился тогда въ Греціи Цимисхій и помѣшалъ ему привести замыселъ въ исполненіе. За этимъ г. Погодинъ ужь ничего не видитъ, какъ тотъ, кто читаетъ, но не вникаетъ въ смыслъ прочтеннаго. Странно! Буква за буквой идетъ и что-то выходитъ... Всего поразительнѣе, что г. Погодинъ, позволяя себѣ нападки на теоріи и взгляды, самъ же замѣняетъ ихъ — знаками удивленія. Не знаемъ, почему же одно лучше другаго, и по какому праву одно можетъ замѣнить другое? Или это дѣло совершенной безсознательности, или такой способъ дѣйствованія внушенъ тою же самоувѣренностью, которая дала г. Погодину рѣшимость слишкомъ рѣзко отзываться о покойномъ Каченовскомъ. Одно стоитъ другаго.

Таковы, сколько мы понимаемъ, достоинства и недостатки г. Погодина, какъ изслѣдователя русской исторіи и древностей. Они болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь отразились въ его новой книгѣ, къ разбору которой мы теперь и приступимъ.

Изслѣдованіямъ о достовѣрности источниковъ древней русской исторіи предпослано предисловіе. Въ немъ разсказана исторія составленія книги. Эта книга посвящена молодымъ друзьямъ (?) русской исторіи, студентамъ университетовъ и въ особенности студентамъ Московскаго университета. Методъ изслѣдованія изложенъ вѣрно, хотя, какъ мы думаемъ, онъ одинъ недостаточенъ для возведенія русской исторіи на степень науки.

«Прежде всѣхъ разсужденій, толкованій и высшихъ взглядовъ, должно, по моему мнѣнію, собирать всѣ мѣста изъ лѣтописей, грамотъ и другихъ источниковъ, объ извѣстномъ предметѣ, и потомъ уже, имѣя ихъ предъ глазами, дѣлать выводы объ его значеніи и отношеніи, въ какомъ онъ находится къ другимъ смежнымъ предметамъ, и вообще ко всей исторіи, провѣряя свои выводы прочими свѣдѣніями. Работа трудная и вмѣстѣ легкая, за которую можетъ приниматься всякій юноша, не имѣя даже нужды въ особливыхъ способностяхъ. Объясните намъ такимъ образомъ бояръ, дѣтей боярскихъ, пасынковъ, дѣтскихъ, дворянъ, жильцовъ, тіуновъ, цѣловальниковъ, куны, гривны, рубли, деньги, города, слободы, помѣстья, отчины, поле, правежъ, полюдье, кормленье, опричину, поклоны, пошлины, дары; составьте сводныя грамоты всѣхъ, родовъ; разберите по частямъ управленіе, духовное, гражданское, военное,— и такимъ образомъ въ теченіи немногихъ лѣтъ, русская исторія возведена будетъ на степень, на которой быть ей подобаетъ» (стр. XI).

Работая такимъ образомъ, мы получимъ рядъ прекрасныхъ монографій, но все же не будемъ имѣть русской исторіи. Кто захочетъ возсоздать русскую исторію, тому необходимо вновь переработать источники, и нерѣдко то, что въ монографіи не найдетъ мѣста, или при спеціяльной разработкѣ не обратитъ на себя никакого вниманія, здѣсь займетъ первое мѣсто. Въ этомъ-то именно и заключается недостатокъ г. Погодина, что онъ одной половинѣ задачи придаетъ исключительную важность, и забываетъ о второй, послѣдней, окончательной, которая не можетъ быть разрѣшена безъ пособія высшихъ взглядовъ, теоріи, системы.

За этимъ слѣдуетъ выводъ изъ полнаго знанія русской исторіи,—выводъ, съ которымъ мы не можемъ согласиться:

«Вразумленная публика перестанетъ толковать о вещахъ, противныхъ нашему духу, развитію, происхожденію, научится уважать свой народъ, воспользуется своими опытами, и начнетъ искать добра тамъ, гдѣ его найдти можно, то есть въ своей землѣ, а не подъ тропиками Рака или Козерога» (стр. XI и XII).

Споръ старый и потому уже скучный — споръ о томъ, какое значеніе имѣетъ для насъ, современниковъ, прошедшее *Руси*. Узнавъ его, мы поймемъ себя, яснѣе увидимъ путь, по

которому двигаемся въ исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чего никакъ не должно забывать, поймемъ и необходимость, заставившую насъ искать добра не у себя, а у другихъ. Наука можетъ дать намъ средства облегчить путь, сдѣлать его сознательнымъ и чрезъ это возможно-менѣе тяжкимъ, но перемѣнить его не можетъ. Притомъ, что умерло, того ужь не воскресишь. Мы теперь не знаемъ только, почему умерло, хотя и догадываемся, а тогда будемъ знать: вотъ и все. Смотрѣть иначе на науку исторіи — значитъ не понимать ея.

Рядомъ съ этою мыслью, по нашему мнѣнію невѣрной, мы встрѣчаемъ другую, очень вѣрную:

«Я говорилъ о работѣ, доступной для всякаго трудолюбиваго молодаго человѣка, но она не должна останавливать другихъ, одаренныхъ особенными способностями, чующихъ въ себѣ присутствіе высшей силы. Пусть такіе избранные обращаются къ самой исторіи, выбираютъ себѣ тотъ или другой періодъ — Норманновъ, Монголовъ, Москву, Новгородъ, пятнадцатый вѣкъ, смутное время, Малороссію, стрѣльцовъ, или посвящаютъ свое перо одному какому лицу — Ивану третьему, Грозному, Годунову, Хмѣльницкому, Петру. У насъ распространилось недавно повѣрье, что за такія сочиненія приниматься еще не время теперь, пока не обработаны всѣ источники, и пока не кончились всѣ приготовительные труды. Это мнѣніе совершенно ложное. Еслибъ имѣли его Татищевъ, Стриттеръ, Карамзинъ, то до сихъ поръ, у насъ не было бы никакой исторіи. Если же Татищевъ, Стриттеръ, Карамзинъ, принимались въ свое время за сочиненіе исторіи, и поступили въ этомъ случаѣ прекрасно, то кольми паче возможно это теперь, послѣ ихъ трудовъ, при обнародованіи матеріяловъ, когда положена уже, такъ сказать, столбовая дорога исторіи. Лишь былъ бы умъ, жаръ, талантъ, даръ Божій! Отъ историка не должно спрашивать новыхъ изслѣдованій, а только искусства воспользоваться сдѣланными. Всякой вѣкъ имѣетъ свои требованія и свой взглядъ на вещи, и во всякомъ вѣкѣ должна возобновляться картина исторіи, сообразно съ состояніемъ науки и матеріяловъ въ его время» (стр. XII и XIII).

Въ этой мысли есть противорѣчіе съ сказаннымъ выше, съ нападками противъ тѣхъ, которые берутся за цѣлые эпохи и періоды. Но эта-то непослѣдовательность автора «Изслѣдованій» и оправдываетъ наши слова, что онъ вполнѣ принадле-

житъ къ переходному времени. Еслибъ онъ былъ послѣдователенъ, онъ непремѣнно или вышелъ бы на новую дорогу, или исключительно удержался бы при прежнемъ. Въ этой непослѣдовательности и сильная и слабая сторона г. Погодина.

Наконецъ, изъ предисловія мы узнаемъ, что г. Погодинъ намѣренъ въ слѣдующемъ году издать еще два тома объ удѣльномъ періодѣ, потомъ собраніе своихъ статей, помѣщенныхъ въ журналахъ о разныхъ лицахъ и предметахъ русской исторіи, а за тѣмъ постарается какъ можно скорѣе издать и прочіе томы о древней Русской Исторіи до Петра Великаго. Будемъ ждать.

Первый томъ раздѣленъ на XIV главъ. Въ первой авторъ доказываетъ достовѣрность древней русской исторіи и лѣтописи вообще современными иностранными свидѣтельствами. Изъ нихъ онъ возсоздаетъ русскую исторію, въ главныхъ чертахъ совершенно сходную съ тѣмъ, какъ разсказываетъ ее лѣтопись. Не довольствуясь этимъ очень многовѣснымъ доказательствомъ, онъ обращается къ нашимъ извѣстіямъ, неподверженнымъ сомнѣнію, и изъ нихъ заключеніями назадъ выводитъ то же, что говоритъ лѣтопись. И мысль и выполненіе ея очень удачны. Потомъ разрѣшаются вопросы о времени и мѣстѣ сочиненія первой русской лѣтописи, приписываемой Нестору. Это изслѣдованіе приводитъ автора къ убѣжденію, что лѣтопись писана въ Кіевѣ, въ XI или въ началѣ XII вѣка, не позже.

Вообще, соглашаясь совершенно съ доводами г. Погодина и находя ихъ по большей части вѣрными и основательными, мы не совсѣмъ довольны нѣкоторыми изъ нихъ; на прим., на стр. 23, онъ говоритъ, что 1103 годъ въ лѣтописи описанъ, 1104,5,6,7,8,9 не описаны; за десятымъ приписка, а за припиской описаніе предъидущихъ пропущенныхъ лѣтъ. За этимъ онъ прибавляетъ:

«Вотъ важнѣйшее для меня доказательство, что въ началѣ XII столѣтія или концѣ XI, въ лѣтописи былъ перерывъ (одинъ сочинитель кончилъ, другой захватилъ нѣсколько предъидущаго времени, неописаннаго у предшественника, и сталъ продолжать). Слѣдовательно, начало ея оканчивалось около этого времени, и слѣдовательно было сочиняемо по крайней мѣрѣ въ XI столѣтіи».

Это несправедливо. Изъ этого доказательства слѣдуетъ только, что лѣтопись писана въ XII вѣкѣ, а никакъ не въ XI. Послѣднее будетъ натяжкой.

Намъ не нравится также, что г. Погодинъ, въ доказательство, что лѣтопись писалась современникомъ, такъ часто приводитъ мѣста изъ Никоновой лѣтописи (пять разъ), тогда какъ, на стр. 37, онъ самъ говоритъ, что въ ней, равно какъ и въ Степенной Книгѣ, Синопсисѣ и сказкахъ о первыхъ кіевскихъ князьяхъ до Ярослава есть подлоги (они очевидны); на стр. 81, въ примѣч. 2, что въ никоновскомъ спискѣ есть распространенія и украшенія, а на стр. 84: «всѣ сіи извѣстія принадлежатъ къ подлиннику подлинниковъ, то есть самому Нестору. Мнѣ не нужно предупреждать, надѣюсь, что я говорю здѣсь не о позднѣйшихъ сборникахъ, какомъ-нибудь никоновскомъ или софійскомъ; я говорю здѣсь о лѣтописи по лучшимъ спискамъ». Конечно, г. Погодинъ не на одну эту лѣтопись ссылается, но лучше бы было не ссылаться на нее вовсе.

На стр. 39 приводятся слова изъ Никоновской лѣтописи: «Такожъ бѣ и другіи братъ Еремия, иже помняше крещение Рустей земли». Авторъ говоритъ: «должно полагать, что этотъ Іеремія былъ современникомъ лѣтописателю. Иначе еслибъ лѣтописатель не засталъ уже его, съ чего было бы упоминать, что онъ помнитъ крещеніе». Это заключеніе произвольно. Монахъ Іеремія могъ быть человѣкъ извѣстный въ монастырѣ, память о которомъ сохранялась долго. Предположенія никогда не должно возводить на степень доказательствъ.

Далѣе, изчисливъ «выраженія въ лѣтописяхъ, показывающія, что описанія сдѣланы какъ бы по горячимъ слѣдамъ происшествій, когда они были еще въ свѣжей памяти у близкихъ потомковъ», авторъ говоритъ: «такихъ живыхъ преданій нельзя было имѣть позже XI вѣка» (стр. 48). Явно, что онъ увлекся своею мыслью, убѣжденіемъ; ибо доказать этого невозможно по недостатку доказательствъ. Что лѣтописатель долженъ былъ жить близко къ этому времени, нѣтъ сомнѣнія; но какъ опредѣлить именно когда?

Доказательства, взятыя изъ языка лѣтописи, тоже хороши, убѣдительны, но и въ нихъ авторъ увлекся. Представивъ нѣсколько мѣстъ изъ лѣтописей, относящихся къ разнымъ вѣкамъ, авторъ говоритъ: (стр. 45) «Ухо не чувствуетъ ли ясно, что эти описанія, несмотря на поправки, принадлежатъ разнымъ столѣтіямъ, и если послѣднее принадлежитъ XIV столѣтію, то первое (вмѣстѣ съ прежними) должно быть столѣтіями двумя старше».

Дѣйствительно, что первыя мѣста старше послѣднихъ очень чувствительно; но что они старше двумя столѣтіями — этого никакъ не замѣтно. Можетъ-быть больше, можетъ-быть меньше. Древность памятника, по одному ходу рѣчи опредѣлить чрезвычайно трудно, большей частію почти невозможно.

На той же 45 страницѣ г. Погодинъ говоритъ: «обращу вниманіе на форму драматическую, форму древнѣйшую, въ которую отлито все начало лѣтописи. Найдите мнѣ ее въ XIII, XIV или XV столѣтіяхъ въ такомъ видѣ!» Во первыхъ, драматическая форма обща всѣмъ нашимъ лѣтописямъ, гдѣ хотя сколько-нибудь подробно разсказывается событіе. Во вторыхъ, не должно забывать, что время составленія лѣтописи — искомое. Пойдите отъ мысли, что вы ничего не знаете о томъ, когда лѣтопись написана, и драматическая ея форма вамъ ров*но ничего не скажетъ*. Слѣдовательно, это не доказательство.

Впрочемъ, противъ этого уже возражали г. Погодину и онъ отвѣчалъ на это возраженіе ниже, на стр. 433:

«Драматическую форму многихъ повѣствованій Нестора, я употребилъ только въ дополненіе къ доказательствамъ, отнюдь не придавая ей особенной силы. Авторъ, то есть критикъ, приводитъ эту форму изъ сочиненій XIV вѣка, и говоритъ, что изъ нея заключить ничего нельзя. Ее можно привесть и изъ нашего времени, но форма формѣ рознь; одна она, разумѣется, не много значитъ, а въ соединеніи съ другими признаками она дополняетъ наше понятіе о первой лѣтописи и ея характерѣ. Я думаю, что приведенныя мною мѣста на стр. 43, даже древнѣе Нестора.»

Ясно, что отвѣтъ на возраженіе слабъ, и оно сохраняетъ свою силу. Доказательство, которое безъ другаго доказательства ничего не значитъ—не есть доказательство. Такъ же неправильно сказано авторомъ на стр. 46:

«Обратимъ вниманіе на характеръ повѣствованія. Оно совершенно различно въ XI и какомъ-нибудь XIV вѣкѣ: въ первомъ, мы находимъ безпрестанно благочестивыя размышленія, мѣста изъ священнаго писанія; дальше этого почти нѣтъ. Первой повѣствователь ближе къ церковному языку, и кромѣ указанныхъ древнихъ мѣстъ, (о которыхъ послѣ), показываетъ гораздо-болѣе авторскихъ пріемовъ, нежели послѣдніе.»

Благочестивыя размышленія и мѣста изъ священнаго писанія наполняютъ лѣтописи не только первыхъ временъ, но даже и позднѣйшихъ. Укажемъ для примѣра на псковскую. Близость къ церковному языку безспорно доказательство весьма-важное и рѣшительное. Что же касается до авторскихъ пріемовъ, то хотя мы и не находимъ ихъ въ лѣтописи, однако, еслибъ они и были, это былъ бы важный доводъ противъ, а не въ пользу подлинности лѣтописи, ибо въ началѣ сказанія всегда простѣе, безыскусственнѣе; это одна изъ ихъ характеристическихъ чертъ.

Въ числѣ разныхъ соображеній, доказывающихъ древность лѣтописи, авторъ, между прочимъ приводитъ слѣдующее (стр. 54):

«Въ XIV или XV вѣкѣ нельзя знать имени земли Волошской, которое давно уже вышло изъ употребленія въ нашей сторонѣ. Отъ кого узнать въ XIV вѣкѣ объ austur-vigi или wester-vigi Норманновъ, давно уже въ то время переставшихъ ѣздить по симъ путямъ въ Грецію? Какъ сочинить сказку (Олегову) о купеческомъ путешествіи въ Грецію въ XIV вѣкѣ, когда путешествія Норманновъ давно прекратились? Какъ узнать о походахъ на Грецію? Откого? А походы сіи засвидѣтельствованы иностранцами. Какъ въ XIV или XIII вѣкѣ могли Радимичи вести повозъ? Кому? Послѣ Монголовъ и Радимичей не стало! и проч. и проч.»

Если можно было обойдтись безъ этого соображенія, то почему авторъ прибѣгнулъ къ нему? Оно неосновательно. Точно такъ же, какъ лѣтописецъ XI вѣка узналъ о событіяхъ, за долго до него совершившихся, такъ точно могъ ихъ узнать и писатель позднѣйшій — черезъ преданія и записки, иностранныя лѣтописи и т. д. Если въ XII вѣкѣ упоминаются еще имена русско-славянскія, то почему жь не могъ знать о нихъ лѣтописецъ XIII вѣка? Точно также нельзя объяснить, почему бы Радимичи въ XIV или XIII вѣкѣ не могли вести повозъ, несмотря на разореніе Кіева и Южной Россіи Монголами. Повторимъ, что этими замѣтками мы вовсе не думали и не думаемъ опровергать основательныя розысканія г. Погодина и производить бурю въ стаканѣ воды. Мы только указали на нихъ, какъ на недосмотры, ошибки, увлеченія, которые мѣшаютъ дѣлу и подаютъ поводъ къ придиркамъ. Кому не извѣстно, что такіе промахи навлекали на себя опроверженія очень неосновательныя, и которыя получали, однако, для незнающихъ, видъ дѣльныхъ, серьезныхъ возраженій.

Потомъ авторъ переходитъ къ розысканію о томъ, кто именно писалъ лѣтопись, — розысканію, по собственному его мнѣнію, менѣе важному, что дѣйствительно такъ. Всѣ прямыя и косвенныя свидѣтельства указываютъ на Нестора, монаха Кіевопечерской Лавры. Въ какомъ видѣ дошла до насъ лѣтопись *(глава IV)*? Г. Погодинъ находитъ, что она дошла до

насъ точно въ такомъ же видѣ, въ какомъ была написана, исключая необходимыя ошибки и разнословія, принадлежащія переписчикамъ. Это выводитъ г. Погодинъ изъ сличенія всѣхъ древнѣйшихъ списковъ, въ противоположность Шлецеру и всѣмъ изслѣдователямъ, которые думали единогласно, что лѣтопись Несторова дошла до насъ съ позднѣйшими вставками.

Потомъ авторъ обозрѣваетъ источники Несторовой лѣтописи. Онъ насчитываетъ ихъ до десяти: 1) прежнія записки церковныя или монастырскія, хронографическія отмѣтки и т. д. Слѣды этихъ записокъ видитъ онъ, между прочимъ, въ томъ, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ лѣтописи разсказъ начинается тѣми же словами («Полемъ же жившимъ особѣ»), въ безпорядкѣ извѣстій въ лѣтописи, изобличающихъ вставки, которыя авторъ приписываетъ самому Нестору; кромѣ того, г. Погодинъ указываетъ на слѣды древнихъ памятниковъ, не дошедшихъ до насъ, и которые подтверждаютъ возможность существованія записокъ: лѣтописца стараго ростовскаго, хронологическую таблицу у Нестора, Борисово житіе (предположивъ, что оно принадлежитъ не Нестору) и т. д. «Можетъ-быть въ нашихъ хронографахъ», говоритъ авторъ, «о которыхъ мы до сихъ поръ не имѣемъ еще никакого порядочнаго понятія отыщется первоначальная основа Несторовой лѣтописи» (стр. 95). 2) Собственное удостовѣреніе; 3) извѣстія современниковъ; 4) болгарскія лѣтописи или извѣстія; 5) греческія лѣтописи по словамъ самого Нестора; 6) извѣстія Варяговъ; 7) туземные разсказы жителей; 8) преданія; 9) письменные документы (акты), наприм., договоры съ Греками; 10) народныя пѣсни и сказки.

Могъ ли Несторъ пользоваться всѣми этими источниками, былъ ли онъ грамотенъ и на столько образованъ? Г. Погодинъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, и доказываетъ распространеніемъ въ Россіи христіянства и грамотности за двѣсти пятьдесятъ лѣтъ до Нестора; тѣмъ, что онъ извѣстенъ

какъ сочинитель житія Ѳеодосіева, которое было труднѣе написать, чѣмъ лѣтопись; тѣмъ, что въ его время было много людей грамотныхъ, которыхъ труды до насъ дошли, и т. д.

Въ этой главѣ есть также нѣкоторые недосмотры. Наприм., послѣ многихъ историческихъ соображеній, которыя дѣлаютъ вѣроятнымъ существованіе у насъ записокъ монастырскихъ или церковныхъ, авторъ говоритъ: «Рѣшительно у насъ были записки до Нестора» (стр. 92). Это заключеніе намъ кажется слишкомъ поспѣшнымъ. На стр. 93, говоря, что въ лѣтописи есть хронологическая таблица (Лавр. Списокъ по изд. Тимк. стр. 11), въ которой исчисляются важнѣйшія событія отъ сотворенія міра до смерти Святополка, и опредѣлены ихъ годы, авторъ прибавляетъ: «Мнѣ кажется, что эта таблица писана прежде Нестора, а имъ только что продолжена. Еслибъ писалъ ее Несторъ, то вѣрно помѣстилъ бы Рюрика и новгородское призваніе». Намъ кажется такое предположеніе произвольнымъ. Г. Погодинъ самъ думаетъ, и это вѣроятно, что лѣтопись Нестора по преимуществу кіевская. Очень понятно и естественно, что, дошедъ до Россіи, онъ началъ выставлять хронологическія числа по однимъ кіевскимъ событіямъ; притомъ же, если эта таблица не имъ составлена, отчего же онъ говоритъ отъ своего имени? Вѣроятно, онъ не присвоилъ бы ее себѣ, еслибъ она не ему принадлежала; отчего бы въ нее былъ введенъ Михаилъ византійскій императоръ (это указываетъ на то, что она была составлена съ помощію лѣтописей греческихъ или болгарскихъ); наконецъ, мы не видимъ причины, почему бы Несторъ не могъ исправить ее, еслибъ она дѣйствительно была не имъ составлена и казалась ему недостаточной. По крайней мѣрѣ, одно предположеніе равносильно другому. —На стр. 95 авторъ говоритъ: «наконецъ я обращаю вниманіе на языкъ нѣкоторыхъ мѣстъ, рѣзко отличающійся *отъ Несторова: извѣстія* о происшествіяхъ, напримѣръ, при

Олегѣ, Святославѣ, написаны гораздо простѣе, грубѣе, чѣмъ благочестивыя размышленія въ лѣтописи, или житіе Ѳеодосія». Это кажется г. Погодину однимъ изъ указаній на то, что Несторъ пользовался при составленіи лѣтописи какими-нибудь записками, которыя вносилъ безъ большихъ измѣненій. Намъ кажется это предположеніе слишкомъ смѣлымъ. У насъ есть странная способность говорить двумя или нѣсколькими различными языками, смотря потому, о чемъ мы говоримъ. О священномъ, церковномъ, наприм., мы до сихъ поръ говоримъ языкомъ напыщеннымъ, полу-славяно-церковнымъ. Вспомните письмо Іоанна IV въ Кирилловскій монастырь: подумаешь, двое его писали. Такъ, вѣроятно, поступалъ и Несторъ. По крайней мѣрѣ, на различіи языка его нельзя ровно ничего основывать. Множество примѣровъ представляютъ и самыя лѣтописи послѣ Нестора.

На стр. 99 сказано, что «первые наши духовные, священники, наприм., при Игорѣ, у Ольги (священникъ Григорій), при Владимірѣ, были безъ сомнѣнія Болгаре». А почему безъ сомнѣнія, не объяснено. — На той же 99 стр. сказано, что житія болгарскихъ святыхъ зашли къ намъ всего вѣроятнѣе въ XI вѣкѣ, а почему, тоже не видно.—На стр. 101, объясняя какимъ образомъ греческія лѣтописи могли быть доступны для Нестора, авторъ дѣлаетъ чрезвычайно натянутое предположеніе, что греческій монахъ Михаилъ бывшій въ то время въ монастырѣ, могъ перевести нужное для Нестора изъ греческаго временника, какъ перевелъ монастырскій уставъ. Мы, напротивъ, думаемъ, что это дѣло почти невозможное. Переводить греческій временникъ вовсе не то, что̀ переводить уставъ и законы, опредѣляющіе жизнь, и, слѣдовательно, имѣющіе непосредственное, практическое примѣненіе. Признаемся откровенно, что чѣмъ болѣе мы вдумываемся въ нашъ бытъ XI вѣка и сравниваемъ его съ послѣдующимъ, тѣмъ намъ кажет-

ся невозможнѣе, несообразнѣе, неестественнѣе, чтобъ одинъ сталъ для удовлетворенія простой любознательности другаго (ибо г. Погодинъ самъ говоритъ на стр. 38, что наши монахи писали лѣтопись для себя, а не для другихъ) переводить лѣтопись. Всякое другое предположеніе вѣроятнѣе, чѣмъ это.— На стр. 104, вѣроятно, ошибкой поставлено Древляне вмѣсто Дреговичи (Δρουγουβιτοι Константина Багрянороднаго).—Замѣтимъ еще въ заключеніе, что г. Погодинъ, разрѣшивъ, и, какъ намъ кажется, основательно, вопросъ объ источникахъ, которыми пользовался Несторъ, и о возможности ими пользоваться въ XI вѣкѣ, не опредѣлилъ, а только мимоходомъ коснулся возможности для Нестора, монаха, написать лѣтопись. Несторъ все-таки остается лицомъ загадочнымъ, фактомъ страннымъ въ то время. Его большая начитанность, связи съ современниками, то, что онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ дипломатическіе акты, знакомство съ лѣтописями греческими и болгарскими, наконецъ, самая мысль писать русскую лѣтопись — воля ваша, все это изобличаетъ въ немъ или ученаго монаха, какихъ не могло быть у насъ тогда своихъ, монаха, пришедшаго изъ Болгаріи или Греціи, или какое-нибудь знатное, извѣстное лице между Русскими или Славянами того времени. Кажется, это не обратило на себя вниманія г. Погодина. Мысль, что лѣтопись писалъ монахъ XI вѣка, невольно насъ сбиваетъ съ толку, и даетъ ложное представленіе о цѣлой эпохѣ.

Глава VI содержитъ въ себѣ изслѣдованіе о достовѣрности договоровъ русскихъ князей съ Греками; она доказана очень хорошо и убѣдительно. Только и здѣсь мы встрѣчаемъ нѣкоторые недосмотры. На стр. 116 стоитъ слѣдующая нелогическая фраза: «Договоры сами по себѣ столько важны, столько *значительны* для русской и общей европейской исторіи, что *необходимо утвердить* ихъ подлинность и оградить ихъ отъ воз-

можныхъ притязаній». — Одно изъ другаго не слѣдуетъ. Надобно утверждать то, что̀ истинно. — Изъ четырехъ мѣстъ, взятыхъ изъ греческихъ лѣтописей о сношеніяхъ Грековъ съ Руссами, только два (Льва-Дьякона и Кедрина) свидѣтельствуютъ рѣшительно, что между ними были договоры (стр. 120 и 121). — На страницѣ 125 приведено много примѣровъ, что въ нашихъ лѣтописяхъ не помѣщались очень важные договоры и грамоты, а не объяснено, почему именно договоры съ Греками попали въ Несторову лѣтопись. Даже нѣтъ попытки объяснить это. Мы думаемъ, что разрѣшеніе этого вопроса могло бы привести насъ къ окончательнымъ заключеніямъ объ языкѣ подлинныхъ договоровъ. Что они переводъ съ греческаго — это очень вѣроятно. Также вѣроятно, что мы ихъ имѣемъ въ болгарскомъ переводѣ. (На страницѣ 123, г. Погодинъ говоритъ, что эти договоры были, безъ всякаго сомнѣнія, писаны на нашемъ языкѣ и греческомъ. Но едва ли онъ правъ, выражаясь такъ утвердительно). Если этотъ болгарскій переводъ заимствованъ изъ какой-нибудь болгарской лѣтописи, еще остается возможнымъ предположеніе, что онъ не оффиціяльный, и что подлинникъ, отправленный къ нашимъ князьямъ, былъ писанъ на какомъ-нибудь другомъ языкѣ, напримѣръ, норманскомъ; но если не такъ, т. е., если Несторъ имѣлъ копію съ подлинника, находившагося въ Россіи, то болгарскій языкъ подлинника находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ норманствомъ нашихъ первыхъ князей — не говоря уже о томъ, что невозможно себѣ и представить, какимъ образомъ такая копія могла попасть Нестору въ руки. Въ новгородскихъ лѣтописяхъ нѣтъ договорныхъ грамотъ Новгородцевъ съ ихъ князьями, хотя новгородскимъ монахамъ легче было знать эти договоры, чѣмъ кіевскому договоры князей съ иностранцами. Впрочемъ, къ этому мы еще возвратимся. — На стр. 126 поставленъ вопросъ: «какъ могли договоры со-

храниться у насъ, дойдти до Нестора?» а отвѣтъ: «какъ бы то ни было, а сохранились». Итакъ — мы не знаемъ; это и проще и яснѣе. — На стр. 137, находимъ слова: «количество пословъ было непремѣннымъ условіемъ знаменитости посольства». Это не такъ, по крайней мѣрѣ сначала. Много пословъ посылалось не для того, чтобъ возвысить государя, а потому что посылалъ не онъ одинъ, а всѣ его вассалы «сущіе подъ рукою». Уже въ послѣдствіи это перешло въ обычай посылать много пословъ; форма удержалась, но смыслъ ея былъ потерянъ. — На той же 137 страницѣ: «Въ договорѣ Олега говорится о наслѣдствѣ Русина, умершаго въ Греціи, которое должно быть переслано въ его отечество, и у Норманновъ есть свидѣтельство объ участкѣ изъ добычи, который долженъ быть доставленъ наслѣдникамъ. Et si aliquis de Normannis occisus fuit, quaesitum pretium pro eo est exsolutum». Эти мѣста выставлены какъ параллельныя; но послѣднее темно, а два первыя не имѣютъ между собою ничего общаго.

Въ этой же статьѣ находимъ два важныя противорѣчія. Первое, о лѣтописцахъ (стр. 151):

«Ну какъ собиратель 13 или 14 вѣка могъ договоръ своего времени отнести ко временамъ древнимъ *предъ своими современниками?* Могъ ли онъ такъ обманывать въ глаза? И съ какой цѣлью?»

Но самъ же авторъ сказалъ на стр. 38-й, что «наши монахи писали для себя, а не для публики». А если такъ, то нечего говорить о современникахъ, и невозможность ихъ обмануть — не аргументъ.

На стр. 252: «Если же между десятками разныхъ статей есть единицы подобныя, то отъ этихъ мелкихъ статей нельзя ничего заключать къ огромному цѣлому... Подобія встрѣчаются у народовъ самыхъ отдаленныхъ одинъ отъ другаго, на противоположныхъ полушаріяхъ, въ разныхъ періодахъ времени».

Правда, совершенно такъ. Однако въ III томѣ это положе*ніе опровергается:*

«Охотники спорить, охотники искать не истины, а предлоговъ къ несогласію, могутъ сдѣлать слѣдующее частное возраженіе, составленное изъ легкихъ общихъ мѣстъ: такое-то постановленіе (напримѣръ, месть) принадлежитъ всѣмъ народамъ, такое-то имя (напримѣръ, князь) есть чисто славянское, слѣдовательно, норманнскими ихъ назвать нельзя. Отвѣчаю: 1) если онѣ общія, то нельзя отнять ихъ и у Норманновъ; 2) онѣ являются не однѣ, а въ совокупности со множествомъ другихъ обычаевъ или именъ, чисто норманнскихъ, слѣдовательно должны быть принесены Норманнами же, которые встрѣтили у туземцовъ случайное сходство съ собою въ этомъ отношеніи. Мало ли есть такихъ сходствъ и теперь между племенами и при всемъ прочемъ ихъ различіи между собою» (стр. 417).

Объ этомъ мѣстѣ въ отношеніи къ норманскому періоду мы еще будемъ говорить ниже. Здѣсь замѣтимъ только, что г. Погодинъ произвольно употребляетъ общее положеніе или въ свою пользу, или противъ противниковъ, смотря потому, какъ ему удобнѣе и выгоднѣе. На такомъ шаткомъ основаніи, которое мирволитъ и тому и другому, нельзя ничего строить, и г. Погодинъ не долженъ бы вовсе прибѣгать къ нему; ибо оно само себя разрушаетъ.

Параллельныя мѣста, подобранныя къ договорамъ съ Греками изъ лѣтописей и договоровъ, не всегда удачны; напримѣръ, стр. 130:

«Въ Олеговомъ договорѣ говорится объ укладахъ на Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Полотскъ, Ростовъ, Любечь.»	Константинъ Багрянородный по другому случаю говоритъ, что суда ходившія въ Константинополь, были изъ Кіева, Чернигова, Любеча и проч.»

И проч. не должно сбивать насъ: между прочими нѣтъ ни одного города, поименованнаго въ договорѣ.

Такъ же неудачно и послѣднее параллельное мѣсто, на стр. 136. Кромѣ того, много и такихъ мѣстъ находимъ мы въ этой параллели, къ которымъ можно подыскать мѣста не только въ европейскихъ, но и въ другихъ исторіяхъ всѣхъ временъ. Такъ, напримѣръ, о подписаніи договоровъ.

Въ заключеніе, нельзя не указать на очень остроумное объясненіе окончанія нѣкоторыхъ именъ въ Игоревомъ договорѣ на *овъ*. Г. Погодинъ думаетъ, что они «не имена самихъ посланниковъ, но имена тѣхъ князей, кои вмѣстѣ съ Игоремъ отправили посольство къ византійскому императору» (стр. 141). Мы съ этимъ совершенно согласны, но думаемъ, что этимъ объясненіемъ г. Погодинъ не довольно воспользовался при объясненіи норманскаго періода, что и постараемся доказать при разборѣ третьяго тома.

Въ VII главѣ г. Погодинъ дѣлитъ Несторову лѣтопись (по Лаврентьевскому списку, сколько напечатано) на части и показываетъ, откуда каждая могла быть заимствована.

«Предупреждаю читателей» (говоритъ авторъ стр. 157) «во первыхъ, что я буду говорить теперь объ извѣстіяхъ Нестора только въ отношеніи къ *возможнымъ* источникамъ; во вторыхъ, что я ни мало не стою за свои *предположенія*: пусть другіе изслѣдователи приберутъ возможные источники вѣроятнѣе.»

Полагая, можетъ-быть, что это предупрежденіе недостаточно, авторъ въ самомъ концѣ этой главы опять говоритъ (стр. 172):

«Считаю нужнымъ повторить, что все это разсужденіе есть предположительное, и я знаю, что, разбирая мои предположенія порознь, можно написать на нихъ очень много возраженій, особенно общими мѣстами и вопросительными знаками.»

Обходя послѣднюю замѣтку, которая здѣсь совершенно лишняя, мы позволимъ себѣ замѣтить одно: предположеніе, къ которому прибѣгаетъ изслѣдователь въ крайнемъ случаѣ, когда другихъ средствъ для открытія истины нѣтъ, никогда не можетъ быть совершенно случайно, совершенно произвольно. Непремѣнно оно имѣетъ какое-нибудь основаніе, которое дѣлаетъ его вѣроятнымъ. Оттого и происходитъ, что часто *предположеніе* знатока обращается съ помощію вновь найден-

ныхъ доказательствъ въ полную историческую истину. Такъ всегда бываетъ, если предположеніе хоть сколько-нибудь правдоподобно, и только по этому мѣрилу мы отдѣляемъ предположенія вѣроятныя и возможныя отъ невѣроятныхъ и невозможныхъ. Не иначе поступалъ и г. Погодинъ, хотя и не вездѣ высказалъ основанія своихъ предположеній. Въ лѣтописи различныя мѣста очевидно взяты не изъ одного источника. Угадавъ однажды, какія основанія принялъ г. Погодинъ, приписывая такое-то мѣсто такому-то источнику, а другое — другому, рецензентъ имѣетъ полное право разбирать, вѣрны ли эти основанія, и вѣренъ ли авторъ своему началу, примѣняя его къ различнымъ мѣстамъ лѣтописи. Такая критика не будетъ совершенно произвольна, и можетъ легко обойтись безъ общихъ мѣстъ и вопросительныхъ знаковъ. Напрасно авторъ говоритъ, что онъ не стоитъ за свои предположенія. Здѣсь онъ на такой же исторической почвѣ, какъ и въ другихъ главахъ своего сочиненія, и критикъ, разбирая эти мѣста, столько же обязанъ быть послѣдовательнымъ, держаться фактовъ, какъ г. Погодинъ уступить ему, когда онъ опровергнетъ выводъ, казавшійся автору несомнѣнно вѣрнымъ. Просматривая всѣ предположенія г. Погодина, мы находимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ весьма вѣроятны, правдоподобны, и потому не подлежатъ опроверженіямъ до открытія новыхъ источниковъ. Напримѣръ, на стр. 168 авторъ говоритъ, что слова лѣтописи: «Семеіонъ иде на Храваты, и побѣженъ бысть Храваты, и оумре оставивъ Петра князя, сына своего Болъгаромъ. Въ лѣто 6451 паки придоша Оугри на Царьградъ, миръ створивше съ Романомъ, возъвратишася въ свояси»,—что эти слова взяты изъ греческихъ и болгарскихъ лѣтописей, и съ нимъ трудно не согласиться. Но не всѣ его предположенія таковы: въ нѣкоторыхъ онъ невѣренъ самому себѣ. Напримѣръ, на стр. 161 онъ говоритъ: «Преданіе о посѣщеніи нашихъ странъ св. Апо-

столомъ Андреемъ... возникло у насъ или принесено къ намъ. Прибавленіе о баняхъ указываетъ на послѣднее. Но кому же охота сочинять объ насъ? Можетъ-быть, Греки, при введеніи христіянской вѣры. Можетъ-быть, это новгородскій слухъ». Во первыхъ, замѣтимъ, что въ прошломъ 1846 году въ С. Петербургѣ вышло въ свѣтъ сочиненіе архимандрита Макарія подъ заглавіемъ «Исторія Христіянства въ Россіи до князя Владиміра». Авторъ этой превосходной книги, обличающей огромную начитанность, доказываетъ, что апостолъ Андрей могъ проповѣдывать и дѣйствительно проповѣдывалъ въ Россіи. Слѣдовательно, это событіе, сохранившееся въ преданіяхъ, можетъ-быть, и нашихъ. Но разсказъ о баняхъ, вѣроятно, прибавленъ и прибавленъ у насъ, а не принесенъ изъ чужи. Знакомство съ другими народами, у которыхъ бань нѣтъ, родило это преданіе. Взглянуть на себя глазами иностранцевъ, съ иронической aggière-pensée объ нихъ — совершенно въ русскомъ духѣ. Г. Погодинъ не подмѣтилъ этого, приписывая происхожденіе преданія Грекамъ, а почему онъ видитъ въ этомъ новгородскій слухъ — мы рѣшительно понять не можемъ. Итакъ, преданіе, съ примѣсью народной остроты, шутки, передѣланное, можетъ-быть, Несторомъ или еще до него, но въ Россіи, сообразно съ тогдашними географическими понятіями (о пути Андрея въ Римъ) — вотъ источники этого мѣста. На стр. 162: «О нашествіи Болгаръ на дунайскихъ Славянъ, объ Уграхъ бѣлыхъ и черныхъ, Обрахъ... безъ сомнѣнія, изъ какой-нибудь болгарской лѣтописи, которая остается для насъ еще неизвѣстною, можетъ-быть, съ дополненіемъ изъ пѣсень». Здѣсь «можетъ-быть»—слишкомъ осторожно въ сравненіи съ отзывами о другихъ мѣстахъ, которыхъ источники гораздо сомнительнѣе. Все, что сказано о господствѣ Обровъ надъ Дулебами, очевидно взято изъ преданія *(даже пословица* сохранилась въ то время) или пѣсень — все

равно — но мѣстныхъ, туземныхъ. Мѣсто объ убійствѣ Игоря (стр. 169) совершенно не понято авторомъ. Онъ говоритъ: «Несторъ, вѣроятно, прибавилъ здѣсь что-либо отъ себя, ибо въ началѣ находятся слова: хотя примыслити большую дань, между тѣмъ, какъ ни слова не говорено прежде ни о какой дани, а о мирѣ Игоря, и послѣ о вызовѣ его дружиною на войну; замѣтимъ такъ же, что чрезъ двѣ строки встрѣчается опять это выраженіе: и примышляше къ первой дани». Толкованіе неправильное. Во первыхъ, г. Погодинъ идетъ отъ ложной мысли, что дань взималась временно, набѣгами, войною; она была постоянная, опредѣленная, которая взималась самими князьями. О томъ, когда это дѣлалось обыкновеннымъ порядкомъ, Несторъ не упоминаетъ, да и не для чего было упоминать. Этого объясненія не опровергаютъ слова лѣтописи: «И приспѣ осень, нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большую дань». Мы знаемъ, что дань сбиралась осенью (оттого осеннее полгодье и параллельное извѣстіе у Константина Багрянороднаго). Итакъ, осенью Игорь задумалъ сбирать дань съ Древлянъ, но ему хотѣлось собрать больше (бóльшую), чѣмъ обыкновенно. «Мыслити» — часто употребляется въ лѣтописяхъ въ значеніи «замышлять что-нибудь недоброе»; затѣвать войну есть уже производное значеніе этого слова. Дружина, которая и въ послѣдствіи, въ лицѣ людей боярскихъ, продолжала грабить области при всякомъ удобномъ случаѣ, на что̀ столько доказательствъ въ жалованныхъ грамотахъ — дружина хотѣла воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ поживиться, и Игорь собралъ больше обыкновеннаго, «примышляше къ первой дани», т. е. той, которую Древляне обыкновенно платили. Но какъ этого ему было мало, потому что онъ еще прежде задумалъ собрать больше, а взявъ въ часть дружину, онъ не могъ собрать сколько хотѣлъ, — онъ возвратился на новый примыслъ и былъ убитъ. Вотъ простой смыслъ словъ. Поэтому нечаянъ

авторъ, говоря, что дружина вызывала Игоря на войну; не на войну она его вызывала, а на поживу. И повтореніе словъ: «и примышляше къ первой дани» — очень естественно, понятно.—Путешествіе Ольги въ Царьградъ, по мнѣнію автора (стр. 170), взято изъ прежнихъ записокъ и много распространено Несторомъ. Но сказаніе о сватовствѣ императора и хитрости Ольги очевидно народный разсказъ. Слѣдовательно, и онъ служилъ источникомъ. Притомъ это разсказъ русскій, туземный.—Такъ же въ разсказѣ или пѣсняхъ должно искать источника повѣсти о Святославѣ, какъ онъ хотѣлъ переѣхать жить въ Болгарію и мать ему отсовѣтовала. Многое принадлежитъ здѣсь Нестору, но едва ли запискамъ, какъ думаетъ авторъ (стр. 171). —То же самое должно сказать о походѣ Святослава въ Болгарію: онъ дышетъ народнымъ разсказомъ и трудно услѣдить въ немъ остатокъ записокъ. Уже невѣрное изображеніе похода показываетъ источникъ. А г. Погодинъ думаетъ, что онъ заимствованъ между прочимъ изъ прежнихъ записокъ (стр. 171).

Глава восьмая посвящена разсмотрѣнію сказокъ въ Несторовой лѣтописи. Во всѣхъ трехъ томахъ нѣтъ такой слабой главы, какъ эта. Мы почти не вѣрили своимъ глазамъ, читая въ книгѣ дѣльной и основательной такія вещи. Въ самомъ началѣ, авторъ говоритъ (стр. 175):

«Во всѣхъ почти главныхъ происшествіяхъ, о которыхъ узнаемъ мы изъ Несторовой лѣтописи, особенно сначала, первыми дѣйствующими лицами были Варяги-Норманны. Норманны любили разсказывать о своихъ подвигахъ, *увеличивать ихъ, хвастаться ими*, что доказывается цѣлою литературою Сѣверныхъ Сагъ, кои ведутъ свое начало изъ отдаленной древности. Точно такъ поступали они у насъ; преувеличенные ихъ разсказы, сохранявшіеся въ преданіи, въ пѣсняхъ, въ Сагахъ, или полученные Несторомъ изустно, употреблены были имъ при сочиненіи лѣтописи, и при распространеніи прежнихъ записокъ; нѣкоторые, напримѣръ о мщеніи Ольги, вошли, кажется, даже *прежде* въ составъ ихъ. Такимъ образомъ не осталось ни одного почти *важнаго происшествія, отъ Рюрика* и до Ярослава, которое не было бы изукра-

шено баснословными подробностями, болѣе или менѣе. Чтобъ найдти истину, должно разбирать эти сказанія лѣтописи, какъ сказанія Исландскихъ Сагъ, имѣвшихъ одно происхожденіе съ ними, очищать ихъ, повѣрять здравымъ разсудкомъ, другими свидѣтельствами, послѣдствіями и т. д.»

Во первыхъ, не понимаемъ, почему автору кажется, что нѣкоторыя сказки, напримѣръ, о мщеніи Ольги, вошли еще прежде въ составъ записокъ, которыми пользовался Несторъ при составленіи своей лѣтописи. Во вторыхъ, намъ кажется, что авторъ смотритъ съ совершенно ложной точки на сказки. Нѣтъ ничего наивнѣе мысли, что сказка можетъ быть очищена, повѣрена здравымъ разсудкомъ и т. д. Она сама по себѣ источникъ, и богатый, обильный, но не для такого или другаго историческаго факта, а для характеристики цѣлой эпохи. Она придаетъ ей плоть и кровь и оживляетъ сухія, голыя извѣстія лѣтописей. Самъ г. Погодинъ понимаетъ это. На стр. 287 онъ говоритъ: «Нечего искать въ Сагахъ подробностей... объ этомъ періодѣ». Далѣе (Т. III стр. 115) онъ опять повторяетъ ту же мысль: «Не бытій надобно искать въ Сагахъ (хотя часто и онѣ важны).»

Все это справедливо; тѣмъ болѣе причинъ удивляться, какъ можно, понимая сказки и саги такъ ясно, браться за нихъ такъ неловко, какъ взялся г. Погодинъ! Кто не видитъ, что иная сказка не имѣетъ никакого историческаго основанія, а между тѣмъ очень и очень правдоподобна; другая неправдоподобна, а имѣетъ историческое основаніе; третья, имѣя видъ сказки, не есть однако сказка, а истинное историческое происшествіе. Какъ же тутъ добраться до фактической истины? Даже въ сказкахъ новѣйшаго времени это не всегда возможно, тѣмъ менѣе въ сказкахъ эпохи столько отдаленной. Потому-то онѣ и остаются какъ лучшій вспомогательный источникъ исторіи не для отдѣльныхъ фактовъ и событій, а для обычаевъ, нравовъ, характера, живой физіономіи эпохи. Посмотрите же,

какія операціи предпринимаетъ г. Погодинъ надъ сказками, помѣщенными у Нестора. На стр. 176, разсказавъ о походѣ Олега подъ Кіевъ, убійствѣ Аскольда и Дира, онъ, разсуждаетъ такъ:

«Вѣроятно ли, что Аскольдъ и Диръ, которые владѣли Кіевомъ уже 20 лѣтъ, ходили подъ Царьградъ съ войною, и вошли въ сношеніе съ Греками, которые были тверже на своемъ мѣстѣ, чѣмъ единоплеменники ихъ въ Новгородѣ? вѣроятно ли, что они вошли къ Олегу безъ всякаго сопровожденія, не принявъ ни какой осторожности? и сколько воиновъ могло скрыться въ малой лодкѣ Олеговой? Вѣроятно ли, что дружина Аскольдова оставила смерть ихъ безъ отмщенія и передалась спокойно побѣдителю? А ея видно было много, когда самъ Олегъ не посмѣлъ сначала вступить въ открытый бой съ нею, но прибѣгнулъ къ хитрости. Вѣроятно ли, что Аскольдъ и Диръ не узнали ничего о происшествіяхъ новгородскихъ, и выступленіи Олеговомъ?—Нѣтъ, это все невѣроятно, а вѣроятно только то, что *Олегъ умертвилъ* (можетъ-быть измѣною) *Аскольда и Дира и овладѣлъ Кіевомъ*.»

Странно читать такія вещи. Всѣ эти вопросы, изъ которыхъ на каждый можно дать отвѣтъ утвердительный и съ доказательствами, слишкомъ ясно показываютъ, какъ г. Погодинъ понимаетъ, что̀ значитъ историческая критика. Хорошъ также и выводъ... Ну, развѣ нельзя сдѣлать множество другихъ выводовъ, и съ такимъ же основаніемъ?

Выписываемъ еще нѣсколько такихъ же мѣстъ. Стр. 177 о намѣреніи Грековъ отравить Олега. «Вѣроятно ли намѣреніе отравить чрезъ посланниковъ? Кто взялся бы за такое порученіе, и пошелъ бы на вѣрную смерть? Мудрено и Олегу отгадать намѣреніе, и потомъ не угостить посланниковъ принесенными гостинцами!» Стр. 179. Разсказавъ повѣсть о смерти Олега и приведя подобный разсказъ изъ исландскихъ сагъ, авторъ говоритъ: «Вѣроятнаго въ разсказѣ о смерти Олега то, что онъ умеръ отъ ужаленія змѣи». Это напоминаетъ намъ разсказъ про одного Англичанина, который изъ басни «Лисица и Воронъ,» вывелъ назидательное правило, что сидя на деревѣ *не должно держать во* рту сыра.

Если выписывать всѣ подобныя мѣста и толкованія изъ книги г. Погодина, то пришлось бы списать всю главу. Достаточно уже выписаннаго. Любопытнымъ рекомендуемъ прочесть еще толкованіе сказки о мщеніи Ольги, о ея крещеніи. Образцовое въ этомъ родѣ есть междустрочное толкованіе разсказа объ осадѣ Кіева Печенѣгами. И это называется исторической критикой! Г. Погодину слѣдовало бы заниматься не опредѣленіемъ происшествія, которому приданъ видъ сказки, потому что безъ помощи прямыхъ историческихъ указаній это невозможно, а опредѣлить характеръ сказокъ и вывести изъ нихъ результаты, историческія положенія для характеристики эпохи, которая отразилась въ этихъ сказкахъ. Этого-то онъ и не сдѣлалъ, или сдѣлалъ поверхностно, неудовлетворительно. Напримѣръ, онъ не воспользовался сказкой о различныхъ парусахъ для Руси и Славянъ. Только мѣстами указываетъ онъ на норманскій характеръ нѣкоторыхъ сказокъ; славянскій элементъ въ нихъ совершенно упущенъ изъ вида, тогда какъ нѣкоторыя сказки имъ проникнуты, напримѣръ, всѣ сказки временъ Владиміра, можетъ-быть, даже разсказъ о мести Ольги. Замѣтимъ такъ же, что нѣкоторые анекдоты того времени, сохранившіеся въ преданіи, напримѣръ, о единоборствѣ Печенѣга съ Яномъ, причислены то же г. Погодинымъ къ числу сказокъ. Вообще, какъ мы сказали, это одна изъ самыхъ неудачныхъ главъ въ цѣломъ сочиненіи, потому что г. Погодинъ выбралъ ложный путь при обсужденіи предмета. Вмѣсто того, чтобъ отстаивать подлинность Несторовой лѣтописи, несмотря на сказки, онъ смѣло могъ доказывать ея подлинность, основываясь на нихъ: такъ онѣ живо сохранили на себѣ печать отдаленнѣйшихъ временъ.

Въ слѣдующей главѣ, авторъ, недовольный еще прежними доводами, сильно говорящими въ пользу достовѣрности извѣстій лѣтописи, доказываетъ ее еще свидѣтельствами современ-

ныхъ, близкихъ туземныхъ памятниковъ, свидѣтельствомъ, современныхъ иностранныхъ писателей, географическими названіями, сохранившимися въ послѣдующихъ памятникахъ и до нашего времени, внутренними доказательствами и личнымъ характеромъ Нестора. Но согласіемъ современныхъ древнѣйшихъ памятниковъ съ лѣтописью потому нельзя доказывать ея достовѣрность, что всѣ они могли заимствовать изъ лѣтописи; «Слово Даніила Заточника», какъ говоритъ самъ авторъ, носитъ замѣтные слѣды такого заимствованія (стр. 207). Итакъ, они доказываютъ древность, а не достовѣрность лѣтописи. То же должно сказать и о доказательствахъ взятыхъ изъ названія мѣстностей. Они доказываютъ туземность лѣтописи, отчасти древность ея — не болѣе. Говоря это мы не хотимъ опровергать выводовъ г. Погодина, но только показываемъ, что онъ не всегда правильно употребляетъ доводы.

Въ выпискѣ изъ заключительной лекціи о Несторѣ, помѣщенной въ концѣ главы и содержащей въ себѣ большею частію однѣ фразы и разглагольствованія, г. Погодинъ приписываетъ Нестору, между прочимъ, горячее патріотическое чувство. Въ чемъ же онъ его находитъ? Въ выраженіи о русской землѣ, когда другіе думали о своей личности и о княжествахъ. Странно! Любя свой предметъ, г. Погодинъ его преувеличиваетъ. Самъ онъ позволяетъ себѣ много напыщенныхъ фразъ, воображаетъ, что совершилъ патріотическій подвигъ, защитивъ лѣтопись и лѣтописца отъ нападокъ скептиковъ, а между тѣмъ, въ другихъ этихъ фразъ не терпитъ. Такъ, на страницѣ 469, онъ приводитъ слова одного писателя, и называетъ ихъ «безполезнымъ велерѣчіемъ». Не значитъ ли это видѣть недостатки въ другихъ, а въ себѣ не замѣчать? Мы скажемъ такъ же въ свою очередь: вмѣсто «безполезнаго велерѣчія», расточаемаго въ заключительной лекціи, лучше бы г. Погодинъ обратилъ *вниманіе на несообразности*, которыя встрѣчаются у Нестора,

на безпорядокъ въ его извѣстіяхъ, на неумѣнье согласить вставки съ текстомъ, на то, что разсказъ о походѣ Святославовѣ не соображенъ съ словами договора. Если исторія чрезъ это выиграла, то не значитъ, что чрезъ это выигралъ и лѣтописатель. Фразами, въ наше время, нельзя никого убѣдить и заставить забыть дѣло.

Главу X занимаютъ изслѣдованія о подлинности «Русской Правды». Опроверженія возраженій Каченовскаго на «Правду» вообще, хороши и убѣдительны. Нельзя того же сказать о доводахъ г. Погодина. Они слабы и обходятъ вопросы, поставленные новыми изысканіями и нерѣшенные до сихъ поръ. Сверхъ того, есть частные недосмотры: на страницѣ 233 сказано, что большая часть списковъ «Правды» находится въ кормчихъ, а остальные въ «Новгородскихъ Лѣтописяхъ». Однако мы знаемъ, что былъ такой списокъ и въ «Ростовской». Тамъ же сказано, что на всѣхъ спискахъ находится имя князя Ярослава Владиміровича. Но стóитъ взглянуть на первую страницу Тобинова «Синопсиса», чтобъ убѣдиться въ противномъ. Намъ скажетъ г. Погодинъ, что краткій текстъ взятъ Татищевымъ изъ «Новгородской Лѣтописи», гдѣ онъ помѣщенъ вслѣдъ за извѣстіемъ о «Правдѣ», данной Ярославомъ Новгородцамъ. Такъ! Однако въ «Софійскомъ Временникѣ» (изд. Строевымъ) помѣщенъ другой текстъ, и подъ другимъ мѣстомъ, чтò доказываетъ, что лѣтописцы навѣрное не знали «Правды», данной Ярославомъ, а Розенкампфъ и за нимъ г. Поповъ, весьма основательно и убѣдительно доказали, по крайней мѣрѣ доказывали, что «Правда», которую мы знаемъ, и та, о которой говорится въ «Лѣтописи» непосредственно передъ ея текстомъ, совершенно различны, и не могли имѣть между собою ничего общаго. — Увлеченный ревностію противъ Каченовскаго, который подлинность «Правды» опровергалъ, между прочимъ, тѣмъ, что у насъ нѣтъ оффиціальнаго или засви-

дѣтельствованнаго ея списка, г. Погодинъ, на страницѣ 237, восклицаетъ: «Что̀ есть у насъ подлиннаго даже до Уложенія, т. е., до половины 17 вѣка — не только изъ вѣковъ прежнихъ?» Такой вопросъ можно было сдѣлать пятьдесятъ лѣтъ назадъ, а не теперь, когда мы имѣемъ Румянцовскіе акты и труды Археографической Коммиссіи. Одно оглавленіе подлинныхъ актовъ, извѣстныхъ намъ теперь и напечатанныхъ, составитъ порядочную книгу. — На страницѣ 249, примѣч. 34, г. Погодинъ соглашается съ поправкой Каченовскаго, который въ статьѣ X (по «Синопсису» г. Тобина), вмѣсто «на костѣхъ», читаетъ «на гостѣхъ». Г. Поповъ находитъ эту поправку ненужною. Г. Погодинъ возражаетъ ему тѣмъ, что «нельзя и думать не только говорить о слѣдствіи уголовномъ, когда изъ трупа обнаружатся кости. На это слишкомъ много нужно времени». Но съ этимъ нельзя согласиться. Сказано: «а по костѣхъ, или по мертвецѣ»; смыслъ ясенъ. Читайте «на гостѣхъ» — сопоставленіе съ мертвецомъ будетъ совершенно непонятно. Сверхъ того, о какомъ слѣдствіи говоритъ г. Погодинъ? По прямому смыслу словъ видно, что и не нужно слѣдствія, когда найдены будутъ кости или мертвецъ, котораго никто не знаетъ: никто за него и не въ отвѣтѣ. На страницѣ 250, г. Погодинъ неправильно возражаетъ Каченовскому. Послѣдній находитъ, что тіуны были несвободные люди, холопы; а г. Погодинъ говоритъ: «Онѣ (слова Правды,—а третіе холопство, тіунство безъ ряду) именно доказываютъ противное тому, что хочетъ доказать Каченовскій; кто шелъ въ тіуны безъ ряду, тотъ дѣлался холопомъ». Нельзя такъ играть словами въ изслѣдованіяхъ! Изъ того, что свободный, сдѣлавшись тіуномъ, дѣлался холопомъ, прямо вытекаетъ, что тіунъ холопъ; иначе свободный, принявъ тіунство безъ условія, не сдѣлался бы холопомъ. Тамъ же авторъ продолжаетъ: «Притомъ: *тіунство* употреблено здѣсь въ смыслѣ нарицательномъ,

общемъ, какъ боярство, холопство, и никакъ не можетъ служить къ объясненію опредѣленнаго имени тіунъ. Точно то же должно сказать и о тіунахъ, которыхъ князья отпускали на волю. Казначей, напримѣръ, или управитель, можетъ быть и теперь, свободный, и крѣпостной, и если одного казначея баринъ отпуститъ на волю, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ и государственный казначей, уѣздный, принадлежалъ къ холопству». Мѣсто темно и его трудно понять. Но въ томъ, что̀ мы поняли, авторъ то же не правъ. Тіуны были свободные — съ рядомъ, и холопы — взятые въ тіуны изъ холопей, или вступившіе въ тіунство безъ ряду. Это ясно. Говорить о тіунахъ государственныхъ, уѣздныхъ и барскихъ значитъ не понимать того времени, къ которому относится «Правда». Князь и боринъ имѣли одинакій дворъ, дружину, одинакое управленіе. О государственномъ устройствѣ въ эту эпоху нечего и думать. Дружинникъ, получившій должность тіуна, по всѣмъ вѣроятностямъ не становился холопомъ точно такъ же, какъ простолюдинъ оставался свободнымъ, вступая тіуномъ ! боярину, но съ условіемъ. Слѣдовательно, опять-таки Каченовскій правъ, тѣмъ болѣе, что, какъ мы достовѣрно знаемъ, въ княжескихъ дьякахъ, тіунахъ и ключникахъ бывали холопы князя. — На стр. 253 приведены слова Каченовскаго, который свое мнѣніе о «Русской Правдѣ» доказываетъ, между прочимъ, тѣмъ, что въ ней на продовольствіе вирника по средамъ и пятницамъ назначается и сыръ. Г. Погодинъ отзывается: «А вирнику куна, оже сыръ — значитъ ли здѣсь сыръ то, что̀ нынѣ подъ симъ словомъ разумѣется — это разъ; во вторыхъ, строго ли соблюдался постъ мірянами въ Ярославово время, мы не знаемъ; сыръ могъ остаться старою пошлиною; оже значитъ ли здѣсь или? Впрочемъ это такая бездѣлица, коею ни какъ нельзя опровергать большаго документа! Во всякомъ случаѣ это мѣсто должно отнести къ числу темныхъ, впредь до объ-

ясненія». Но всѣ эти слова ничего не значатъ. Самъ авторъ это чувствуетъ. Не понимаемъ, почему онъ не причислилъ это мѣсто къ тѣмъ, которыми въ другомъ мѣстѣ (Т. III стр. 338) онъ такъ остроумно доказываетъ вліяніе римско-католическаго исповѣданія на Новгородъ. Вѣдь названіе «Пискупля улица» — въ ярославовомъ «Уставѣ о Мостовыхъ», актѣ, по его же мнѣнію, современномъ «Правдѣ»?

Въ концѣ изслѣдованія о «Русской Правдѣ», мы находимъ весьма интересное замѣчаніе г. Погодина объ этомъ памятникѣ (стр. 243): «Русская Правда есть первоначально уставъ норманскій, принесенный Варягами-Русью, и въ теченіи времени переведенный на языкъ того народа, среди котораго они поселились, точно какъ у разныхъ единоплеменниковъ ихъ этотъ уставъ съ разными измѣненіями переведенъ былъ на Латинскій». Здѣсь, кажется, впервые печатно высказана мысль, что «Русская Правда» переведена на нашъ языкъ съ другаго. Не одинъ г. Погодинъ такъ думаетъ. Мы слышали то же замѣчаніе отъ одного знатока русскихъ древностей. Языкъ «Правды» много говоритъ въ пользу этого предположенія. Во всякомъ случаѣ, это предметъ долгихъ и долгихъ изслѣдованій...

«Уставъ Ярослава о Мостовыхъ» (стр. 259), авторъ называетъ достовѣрнымъ въ высшей степени; но склоняется къ мысли Карамзина, что въ немъ есть позднѣйшія вставки. Но вѣдь въ этомъ-то и вся сила! Ярославъ могъ дать уставъ, а мы имѣемъ его въ позднѣйшей передѣлкѣ, слѣдовательно, не его, и потому не можемъ на немъ основываться, говоря о времени Ярослава. Вѣдь то же самое представляютъ уставы Владиміра и Ярослава: они были изданы этими князьями, однако, никто еще не могъ добраться до ихъ первоначальнаго текста. Это и подало поводъ отвергать ихъ подлинность, и до сихъ поръ мы можемъ ими пользоваться только для позднѣйшаго *времени.*

Подлинность Ярославова «Устава о Мостовыхъ», г. Погодинъ доказываетъ слѣдующими доводами: 1) причины къ выдумкѣ никакой предполагать нельзя.—Это не доводъ. 2) Языкъ глубоко древній. — Правда; но развѣ мы такъ коротко знаемъ нашъ древній языкъ, что можемъ по немъ опредѣлить вѣкъ составленія устава? 3) Собственныя имена такія, какихъ никогда сочинить нельзя. — Все же не доказательство современности устава Ярославу. 4) Нѣтъ ни одного періода изъ извѣстныхъ источниковъ, откуда можно было бы почерпнуть сполна его объясненіе. — Авторъ согласится съ нами, что и это не доказательство. Развѣ мы знаемъ подробно мѣстность Новгорода въ XII, XIII и XIV вѣкахъ? 5) Въ одномъ актѣ, конца XII вѣка, говорится, что Готландцы обязаны были, живя въ Новгородѣ и имѣя тамъ свой домъ, давать на содержаніе мостовой.—Отсюда не слѣдуетъ, что уставъ принадлежитъ Ярославу, или что не возможно было составить его гораздо позже Ярослава. Вѣдь мы не видимъ, чтобъ этимъ уставомъ учреждалось нѣчто новое. Быть-можетъ, онъ установилъ, опредѣлилъ, какъ законъ, уже издавна существовавшее. Противное должно еще доказать.

Итакъ, вопроса о подлинности Ярославова «Устава о Мостовыхъ», г. Погодинъ далеко не разрѣшилъ. Зачѣмъ же было поднимать его?

Глава XI, о церковныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава, не есть собственное изслѣдованіе автора, а повтореніе того, что уже говорили Карамзинъ, митрополитъ Евгеній, Розенкампфъ и противъ и въ защиту подлинности этихъ уставовъ. Въ объясненіе, какимъ образомъ въ уставъ Владиміра могло попасть имя патріарха Фотія, умершаго девяносто лѣтъ прежде, г. Погодинъ предлагаетъ перестановку знаковъ препинанія. Выходитъ измѣненіе, но неподвигающее насъ нисколько къ рѣшенію вопроса; потому что, если Владиміръ не могъ пре-

ститься у Фотія, то не могъ получить отъ него и епископа. Вся глава очень неважная.

Потомъ о Сѣверныхъ Сагахъ по иностраннымъ писателямъ. Взглядъ на ихъ отношенія къ русской исторіи вѣренъ.

«Саги чрезвычайно важны для насъ, изображая намъ живо Норманновъ, которые были главными дѣйствующими лицами въ нашей исторіи въ продолженіи первыхъ двухъ-сотъ лѣтъ, и представляя ихъ образъ дѣйствія, вѣрованій и мыслей. Это ихъ общее достоинство, но и въ частности онѣ не менѣе важны, знакомя насъ съ нѣкоторыми лицами, которые у насъ жили и дѣйствовали, напримѣръ, Олафомъ святымъ, Гаральдомъ, Рагнвальдомъ, Эймундомъ, Рагнаромъ» (стр. 285)... Нечего искать въ Сагахъ подробностей, обстоятельствъ, составляющихъ событіе, частностей хронологическихъ, географическихъ, — даже біографическія должны быть подвергнуты строгому разбору и повѣркѣ, — но общія черты, характеръ, нравы, обычай, вообще краски—всегда драгоцѣнны. Изданная Копенгагенскимъ обществомъ сѣверныхъ антикваріевъ Эймундова Сага, служитъ яснымъ тому доказательствомъ: частности большею частію не вѣрны; но общія черты (сношенія, переговоры, условія, занятія, военныя дѣла и проч.), имѣютъ величайшую важность для русской исторіи, дополняя, объясняя, оживляя наши свѣдѣнія объ этомъ періодѣ. Напримѣръ, о наймѣ Варяговъ кіевскими князьями, какъ подтверждаетъ Эймундова Сага Нестора и греческихъ лѣтописателей!» (стр. 287).

По поводу «сагъ», г. Погодинъ входитъ въ довольно подробный разборъ статьи г. Сенковскаго, напечатанной имъ вмѣстѣ съ переводомъ «Эймундовой Саги», и возраженій на нее С. Скромненки (покойнаго С. Строева). Вообще, оба разбора хороши и основательны, какъ намъ кажется; только нельзя похвалить тона, которымъ они написаны. Г. Сенковскому авторъ возражаетъ съ готовымъ предубѣжденіемъ противъ нѣкоторыхъ мыслей, слѣдовательно, не какъ ученый, — потому что, если предубѣжденія бываютъ часто очень похвальны въ человѣкѣ, то они всегда подозрительны въ критикѣ. Такъ, на страницѣ 292, мы находимъ слѣдующую выходку:

«Какъ? Чешское, Сербское, Польское нарѣчіе сохранилось въ чистотѣ своей, *несмотря ни на какіе* натиски и наплывы чуждыхъ стихій, а Русско-Славян-

ской языкъ былъ бы поглощенъ какимъ-нибудь Чухонскимъ діалектомъ! *Вотъ здѣсь-то слышится чужой голосъ!*»

Отзываться такъ о результатахъ, добытыхъ ученымъ изслѣдованіемъ, каковы бы они, впрочемъ, ни были, никто не имѣетъ права. Такое неуваженіе къ лицу и ученому — плодъ крайней необдуманности, тѣмъ болѣе, что остроумное замѣчаніе г. Сенковскаго вовсе не заслуживаетъ такого отзыва. Въ другомъ мѣстѣ, г. Погодинъ называетъ мысль г. Сенковскаго нелѣпостію — выраженіе, впрочемъ, очень употребительное во всей книгѣ г. Погодина.

Что касается до разбора статьи покойнаго С. Строева, то это наборъ выходокъ, роняющихъ въ глазахъ читателей критика, а не статью, которую онъ разбираетъ. Вотъ мѣста:

«Представьте себѣ студента, только что вставшаго съ университетской лавки, который думаетъ, что вся премудрость человѣческая заключается въ его тетрадкахъ — такъ г. Скромненко и началъ разбирать статью г. Сенковскаго. (Стр. 306). Послѣ такихъ незначущихъ, какъ читатели видятъ, придирокъ, г. Скромненко, обнаруживая вмѣстѣ съ смѣлостію совершенное невѣдѣніе объ исторической литературѣ, хотя полноты нельзя было и требовать отъ только что кончившаго курсъ ученія студента... (Стр. 311). Совѣтую молодымъ людямъ, обращаться не на Востокъ, не на Сѣверъ, не на Западъ, а просто къ книгамъ, и учиться, учиться, а потомъ выбирать, какую страну угодно». (Стр. 314).

И о комъ же г. Погодинъ такъ отзывается? О мертвомъ, который не можетъ защищаться!

Послѣ самаго краткаго, бѣглаго обзора прочихъ источниковъ древнѣйшей русской исторіи, лѣтописей греческихъ, болгарскихъ и западныхъ, извѣстій арабскихъ, памятниковъ искусствъ и монетъ, г. Погодинъ переходитъ къ критикѣ школы Каченовскаго. Мы уже высказали прежде наше мнѣніе о значеніи Каченовскаго въ отношеніи къ русской исторіи и къ г. Погодину. Здѣсь не станемъ объ этомъ распространяться. Фактически, непосредственно, г. Погодинъ совершенно правъ и вышелъ полнымъ побѣдителемъ изъ борьбы съ своимъ про-

тивникомъ. Мы покажемъ теперь, какъ онъ относится къ своимъ противникамъ, отзывается объ нихъ, и отмѣтимъ частные промахи въ его опроверженіяхъ.

Стр. 325. «Противъ древней Русской Исторіи, о достовѣрности и источникахъ которой мы представили теперь изслѣдованія и замѣчанія, появилось въ продолженіи пяти лѣтъ (1830—1835), нѣсколько статей, удостоенныхъ отъ нашихъ *несвѣдущихъ журналистовъ* почетнаго титла *Скептической* школы, которая однакожь скоропостижно и скончалась, уступивъ мѣсто другой, и, надо признаться *еще болѣе нелѣпой*, то есть *Славянской*. Считаю нужнымъ объяснить ея происхожденіе, и войдти въ нѣкоторыя частныя подробности. Мнѣ прійдется теперь осуждать покойниковъ,—это слишкомъ непріятно, тягостно,—но наука имѣетъ свои права и требованія, предъ коими должны умолкать всѣ прочія».

Это правда. Только мы не знаемъ, почему же непремѣнно должно отзываться о покойникахъ такъ, какъ отзывается г. Погодинъ? Наука этого не требуетъ...

За тѣмъ слѣдуетъ характеристика Каченовскаго, довольно безпристрастная, которою г. Погодинъ, можетъ-быть, хотѣлъ заранѣе оправдаться въ послѣдующемъ. Въ очеркѣ ученой дѣятельности покойнаго профессора уже начинаются несправедливости. Напримѣръ, г-нъ Погодинъ говоритъ, что до 1830 года Каченовскій шелъ «въ старомъ пути» (стр. 326); но самъ же цитуетъ его статьи въ «Вѣстникѣ Европы» 1827 года, самъ же говоритъ, на стр. 329, что онъ, г. Погодинъ, уже съ 1820-хъ годовъ ратовалъ противъ Каченовскаго. Хорошо ли это? На стр. 326 и 327 въ примѣч. 1-мъ, г. Погодинъ приводитъ цѣликомъ мѣсто изъ Карамзина о банномъ строеніи, гдѣ онъ подшучиваетъ надъ объясненіемъ Каченовскаго, и въ концѣ говоритъ: «выписываю это примѣчаніе, ибо отчасти — inde iгае». Знатокъ человѣческаго сердца! На стр. 331 мы находимъ слѣдующія слова: «Каченовскій началъ смѣлѣе проповѣдывать свое ученіе сомнѣнія и отрицанія въ Университетѣ. *Студенты* имѣвшіе къ нему отношеніе какъ профессору,

декану и наконецъ ректору, должны были benevolentiae captandae causa, писать классическія упражненія въ его духѣ, и подвели разсужденія изъ общихъ мѣстъ подъ его отрицанія и знаки вопроса». Словомъ, Качеповскій случайно набрелъ на свои сомнѣнія, сперва подъ вліяніемъ Эверса, потомъ Нибура, который «на бѣду явился тогда и произвелъ шумъ въ ученой литературѣ своими сомнѣніями», наконецъ, съ помощію Сарторіуса, который тоже «попался ему въ руки», и далъ пищу его сомнѣніямъ, такъ что «и голова у него закружилась». Во всѣхъ этихъ мѣстахъ г. Погодинъ не только бьетъ куда попало, не разбирая, но, къ сожалѣнію, напоминаетъ то уже прошедшее время, когда критика не безпристрастно и не во имя одной истины вызывала лице и лица на свой судъ, разыгрывая роль высшаго, неумытнаго трибунала нравственности. Мы съ своей стороны плохо вѣримъ писателю, когда онъ, разбирая мнѣніе противной школы, видитъ въ ея направленіи не ошибку, не ложь, а двусмысленную интригу, коренящуюся въ случайныхъ обстоятельствахъ, возникшую вслѣдствіе вновь вышедшей книги, внушеній самолюбія и такъ далѣе, и поддержанную низкопоклонничествомъ. Еслибъ это и такъ было, развѣ дѣло ученаго вскрывать закулисныя тайны, частныя дѣла? Такіе трибуналы теперь существуютъ въ учрежденіяхъ правительственныхъ, въ общественномъ или, по крайней мѣрѣ, въ общемъ мнѣніи. Пока нельзя говорить печатно о частной жизни человѣка, до тѣхъ поръ никто не въ правѣ выводить въ книгѣ, хотя бы намеками и въ латинскихъ фразахъ, поступки не оффиціяльные. Такъ мы думаемъ и увѣрены, что г. Погодинъ съ нами согласится...

Приводить всѣ мѣста, въ которыхъ выказался г-нъ Погодинъ съ этой невыгодной стороны въ новомъ своемъ сочиненіи, мы считаемъ невозможнымъ, излишнимъ. Одинъ первый томъ — богатый рудникъ, котораго, сколько ни черпаешь, не

осушишь. Противниковъ своихъ онъ называетъ новыми невѣждами (стр. 51), сумасшедшими или безумными (стр. 54), новѣйшими самозванцами-критиками (стр. 86), новыми самозванцами (стр. 99, прим. 19), школьниками (стр. 331), школьной школой (стр. 362), нашими недоспѣлыми Нибурами (стр. 485) и т. д. О Каченовскомъ г. Погодинъ отзывается не иначе, какъ — «Каченовскій съ своими студентами»... Кажется, довольно этихъ указаній. Впрочемъ, мы можемъ увѣрить читателей, что такихъ и еще бо̀льшихъ выходокъ, гораздо болѣе, чѣмъ мы выписали.

«Желая кончить это дѣло, *предосудительное* для исторической русской литературы, которая одна почти поддерживаетъ *нашу ученую честь*, а еще болѣе желая предотвратить молодыхъ людей на будущее время отъ подобныхъ вредныхъ заблужденій, и охранить прямую дорогу, дорогу Байеровъ, Шлецеровъ, Карамзиныхъ, по которой для достиженія цѣли должны идти дѣлатели, пользуясь, разумѣется, новыми трудами и видами науки, я разберу теперь всѣ сочиненія, сюда принадлежащія» (стр. 332).

За симъ начинается подробный разборъ тринадцати статей, принадлежащихъ Каченовскому и его послѣдователямъ. Изъ особенной деликатности, непонятной послѣ всего, что видѣли читатели, г. Погодинъ перенумеровалъ статьи.

«Я стану (говоритъ онъ) называть авторовъ по нумерамъ, подъ которыми въ хронологическомъ порядкѣ поставлены выше ихъ разсужденія, а не по именамъ, дорожа ихъ честью: всѣ они освободились изъ-подъ вліянія и умолкли, — зачѣмъ же напоминать объ ихъ юношескихъ грѣхахъ, которые послужили имъ, впрочемъ, во спасеніе. Вмѣстѣ съ симъ читатели увидятъ и доказательство, что здѣсь дѣло идетъ о наукѣ, а не о личностяхъ» (стр. 334)

Послѣднія слова необходимы. Тонъ разбора таковъ, что еслибъ г. Погодинъ не предварилъ насъ, что онъ разбираетъ статьи, а не ополчается на автора, мы бы этого никогда не поняли. Разборъ первой статьи хорошъ, но въ него вкралась *важная ошибка*, происшедшая отъ односторонности г. Пого-

дина. Во всякомъ сомнѣніи, касающемся нашей старины, г-ну Погодину представляется, что вотъ Несторова лѣтопись въ опасности, что всѣ возраженія — личности противъ лѣтописи и ея составителя. Каченовскій доказываетъ, что кожаныхъ денегъ не было, а г. Погодинъ говоритъ (стр. 333): «Положимъ, что не было; но что же слѣдуетъ изъ этого? Были или не были кожаные деньги,—это мнѣніе не имѣетъ никакого отношенія ни къ лѣтописи Несторовой, ни къ древней русской исторіи, и нисколько не уменьшаетъ ея достовѣрности. Это есть только частное ученое мнѣніе, справедливое или несправедливое». И въ концѣ (стр. 346): «Читатели видятъ, что еслибъ даже были вѣрны его положенія (большею частію весьма сомнительныя и натянутыя), то и тогда они не могли бы нисколько привесть въ подозрѣніе лѣтопись Несторову, къ коей не имѣютъ никакого отношенія». Конечно, не имѣютъ. Вольно г. Погодину смотрѣть на эту статью, какъ на возраженіе противъ лѣтописи! Каченовскій взялъ вопросъ поглубже. Для него подлинность лѣтописи было дѣло второстепенное, — не цѣль, а средство. А что вопросъ о кожаныхъ деньгахъ, имѣющій прямую связь съ финансовымъ управленіемъ древней Россіи, есть вопросъ частный, — съ этимъ мы никакъ не можемъ согласиться.

Въ опроверженіяхъ на остальныя разсужденія школы Каченовскаго, мѣстами также попадаются странные промахи. Авторъ 4-й статьи говоритъ, что до XIII столѣтія, т. е. до договорной грамоты Смоленска съ Ригой, у насъ нѣтъ государственныхъ актовъ. Заключенія изъ этого факта ложны и поверхностны, но фактъ несомнѣненъ. Г. Погодинъ говоритъ: «нѣтъ, у насъ есть государственные акты: договоры съ Греками, Русская Правда, церковные уставы Владиміра и Ярослава и уставъ Ярослава о мостовыхъ» (стр. 362), и ссылается на ихъ подлинность. И то и другое несправедливо. Они не го-

сударственные и не подлинные акты, потому что дошли къ намъ не въ подлинникахъ. Подлинность ихъ (т. е. не подлинность, а достовѣрность) не равно для всѣхъ доказана; изслѣдованіе списковъ «Русской Правды» отняло у критиковъ и самую надежду возстановить первоначальный текстъ, — такъ разнообразны тѣ, которые мы имѣемъ. Изслѣдованія уставовъ показали, что въ нихъ есть большія вставки, относящіяся къ позднѣйшему времени.

На стр. 374-й мы находимъ странное обвиненіе Каченовскаго въ томъ, что онъ будто бы «не читалъ дальше первыхъ страницъ лѣтописи». Оно и ложно и какъ-то дико. (Пропускаемъ совѣты и назиданія молодымъ людямъ, плохія остроты и пр.)

На стр. 432 находимъ ничѣмъ недоказанныя слова: «Горы Угорской, послѣ Татаръ нельзя было знать; точно то же должно сказать и объ Ильминѣ дворѣ и о церкви св. Иліи, слѣдовательно, все это могло быть написано только до Татаръ». Почему же это? Татары? Да развѣ не могло остаться нѣсколько человѣкъ, которымъ кіевская хорографія была совершенно извѣстна, и которые передали ее другимъ? Это не больше, какъ предположеніе. — На стр. 438, г. Погодину возражаютъ: «если списокъ оканчивается извѣстнымъ годомъ, не слѣдуетъ отсюда выводить, что и подлинникъ, съ котораго онъ списанъ, оканчивался этимъ годомъ». Возраженіе очень основательное. На него отвѣчаетъ г. Погодинъ слабо: «Разумѣется слѣдуетъ, ибо всякій переписчикъ списывалъ съ подлинника. Съ чего же станемъ мы предполагать, чтобъ кто-нибудь списывалъ часть его?» Мы думаемъ, что нельзя предположить ни того, ни другаго, потому что нѣтъ никакого основанія предполагать.— На стр. 440, г-ну Погодину возражаютъ противъ до-Несторовыхъ записокъ тѣмъ, что неизвѣстно, умѣли ли христіяне IX *вѣка* писать, а онъ отвѣчаетъ: «Я разумѣлъ здѣсь христіянъ *священниковъ*, *блюстителей* религіи, а не новообращенныхъ:

безъ грамоты не могли они и обѣдни служить». Это неправда. Мы имѣемъ примѣры безграмотныхъ, совершенно безграмотныхъ священниковъ даже при Петрѣ Великомъ, который сначала запретилъ было ставить такихъ священниковъ, но потомъ, по недостатку грамотныхъ, дозволилъ, лишь бы они знали службу наизустъ. — Тамъ же возражаютъ г. Погодину: «Какихъ русскихъ князей священникъ Ольги могъ записывать даже въ своихъ поминаньяхъ, когда всѣ наши князья до Владиміра были язычники?» А г. Погодинъ отвѣчаетъ фразой: «Какихъ — Ольгу, которая была супругою сына Рюрикова, Владиміра и сына его Ярослава, сыновъ его, внуковъ — вотъ сколько было князей до Нестора». Вамъ говорятъ о духовникѣ Ольги, кого онъ могъ записывать, а не о князьяхъ, которые были послѣ Ольги. Если вы думаете, что духовникъ Ольги жилъ до временъ Нестора — докажите это и не обходите возраженія. До Ольги не было русскихъ князей Рюрикова дома христіянъ, а въ этомъ и вся сила возраженія.

О тонѣ возраженій противъ статей, писанныхъ въ духѣ Каченовскаго, говорить нечего. Г-нъ Погодинъ отзывается о послѣдователяхъ Каченовскаго, какъ о дѣтяхъ, съ патріархальнымъ чувствомъ сожалѣнія къ грѣхамъ юности, которые исправлять должно бы не критикой, а средствами болѣе патріархальными, дѣтскими. Вотъ на выдержку одно мѣсто (стр. 454): «Нейманъ, выразившій послѣднюю Эверсову мысль, не осмѣливается сослаться на Восточныхъ писателей, — а эти школьники не зная восточныхъ языковъ, не читая даже нѣмецкихъ разсужденій, а только мои переводы изъ Эверса и Неймана, смѣло утверждаютъ восточное происхожденіе Руси, и говорятъ, что Восточные писатели свидѣтельствуютъ такъ!» — Вѣрный мысли, что статьи писались benevolentiae captandae causa, г. Погодинъ восклицаетъ (стр. 390): «Какъ хохочетъ теперь, я думаю, самъ авторъ читая эти нелѣпицы, кои раз-

бирать мнѣ пришлось». Не знаемъ, хохочетъ или нѣтъ. Впрочемъ, другой вѣкъ, другіе нравы. Намъ теперь трудно объ этомъ судить, равно какъ и понять тонъ г. Погодина...

Конецъ тома занятъ разборомъ мнѣній г-на Строева о нашихъ лѣтописяхъ — мнѣній, высказанныхъ имъ въ «Хронологическомъ Указателѣ Матеріяловъ для Русской Исторіи, Литературы и Правовѣдѣнія» и оцѣнки трудовъ гг. Буткова и Кубарева въ отношеніи къ Нестору.

Второй томъ посвященъ исключительно разсмотрѣнію двухъ главныхъ, основныхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась Россія: Варяго-Руссовъ и Славянъ. Славянскій элементъ, какъ онъ ни мало обслѣдованъ, все же представляетъ нѣчто опредѣленное, извѣстное, несомнѣнное. Совершенно другое элементъ варяго-русскій. До сихъ поръ, несмотря на множество розысканій по этому предмету, вопросъ о томъ, кто такіе были Варяго-Руссы, и какой именно элементъ они принесли съ собой, не разрѣшенъ окончательно. Есть ученые, которые даже отчаяваются въ возможности когда-нибудь разрѣшить его. И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на богатую литературу, онъ едва ли даже установленъ окончательно. Нѣкоторые считаютъ Варяговъ и Русь за одинъ народъ, другіе ихъ отдѣляютъ. Большая часть въ главномъ согласна относительно происхожденія Варяговъ; но о происхожденіи Руссовъ существуютъ самыя разнообразныя, противоположныя мнѣнія. Одни считаютъ ихъ народомъ восточнымъ, другіе европейскимъ. Ихъ ищутъ около береговъ Чернаго и Балтійскаго морей; нѣкоторыя находятъ ихъ слѣды во всей Европѣ. При такой разноголосицѣ мнѣній имѣющихъ за себя ученый авторитетъ, было бы дерзко мечтать объ окончательномъ его разрѣшеніи въ нѣсколькихъ словахъ, въ журнальной статьѣ.

Строго придерживаясь принятаго плана, мы будемъ слѣдить за изслѣдованіями г. Погодина и указывать на тѣ доказатель-

ства, которыя намъ показались слабыми, или ничего недоказывающими.

Въ послѣднее время, стало болѣе и болѣе распространяться мнѣніе, что вопросъ о происхожденіи Варяговъ-Руси совсѣмъ не имѣетъ той важности, которую ему обыкновенно приписываютъ. Это мнѣніе имѣетъ, кажется, два основанія. Во первыхъ, славянизація Варяговъ-Руси, ихъ совершенное обрусенье должно было привести къ мысли, что если Варяго-Руссы и принесли съ собой особенный, чуждый намъ элементъ, то онъ скоро изчезъ и былъ поглощенъ элементомъ славянскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ далѣе мы отходимъ отъ такъ называемаго варяжскаго періода, тѣмъ болѣе является преобладающимъ элементъ славянскій. Въ Сѣверо-восточной Россіи, съ конца XII и начала XIII вѣка, нѣтъ ужь ничего варяжскаго, чуждаго, — все славянское. Итакъ, варяго-русскій элементъ въ русской исторіи — заключаютъ многіе — имѣетъ лишь временную, относительную важность, а потому и вопросъ о немъ не есть первостепенный, важный для всей русской исторіи. Во вторыхъ, интересъ къ этому вопросу охладѣлъ и потому, что прежде вся сила критики, всѣ труды ученыхъ относились къ нему одному; всѣ прочіе вопросы остались нетронутыми или сравнительно разработаны гораздо слабѣе. Теперь поняли, что позднѣйшая исторія гораздо важнѣе, интереснѣе, ближе къ намъ, нежели древнѣйшая. Въ этомъ отразилось практическое направленіе науки, начавшее недавно преобладать надъ чисто-теоретическимъ, отвлеченнымъ. Оттого, разработка ближайшаго къ намъ времени въ древней русской исторіи занимаетъ болѣе, нежели изслѣдованіе древнѣйшаго. Это не трудно замѣтить.

Нельзя не сказать, что обѣ причины болѣе временныя, историческія, нежели лежащія въ самомъ предметѣ. Вопросъ о происхожденіи Варяговъ-Руси такъ неразрывно связанъ съ

вопросомъ, какой элементъ они принесли къ намъ, что это одно дѣлаетъ его несравненно важнѣе всякаго другаго частнаго вопроса, напримѣръ, вопроса о мѣстѣ погребенія Лапунова и Пожарскаго, о томъ, на которомъ именно мѣстѣ стоялъ Кіевъ или Ладога въ древнѣйшія времена. Только съ его разрѣшеніемъ разрѣшится вопросъ о дѣйствительномъ значеніи «Русской Правды» въ первоначальныя времена, о происхожденіи множества словъ, названій, должностей, учрежденій, которыя гораздо позже встрѣчаются въ русской исторіи и къ которымъ глазъ такъ ужь приглядѣлся, что они кажутся нашими, національными, славянскими. Мы даже позволяемъ себѣ думать, что безъ рѣшенія этого вопроса нельзя почти опредѣлить, точно ли варяжскій элементъ изчезъ у насъ безъ слѣдовъ? Быть-можетъ, узнавъ его, мы нашли бы его отголосокъ гораздо ближе къ намъ, нежели мы думаемъ; ибо въ первоначальныхъ обществахъ, начало, однажды брошенное въ жизнь, вдругъ не умираетъ, но, перерождаясь безпрестанно, сохраняется въ отдаленнѣйшія времена. Весь распорядокъ службы, наборъ войска, помѣстная система, дума, судебныя пошлины, отчасти управленіе и судопроизводство въ московской Россіи не есть ли отголосокъ варяжскаго элемента? Дѣло очень возможное, и рѣшить этого нельзя теперь, не зная, кто были Варяги-Русь.

Правда, за рѣшеніе этого вопроса брались, намъ кажется, не такъ, какъ должно. Изслѣдованія вели чисто-филологически, выбирали мѣста изъ писателей, которые упоминали о Варягахъ-Руси, разсматривали ихъ — и этимъ большею частію ограничивались. Нѣкоторые сравнивали учрежденія древнѣйшія съ новѣйшими, русскими же; но этотъ путь также не могъ привести къ рѣшительнымъ результатамъ, потому что въ позднѣйшемъ не могли не сохраниться слѣды древнихъ установле*ній, какъ они ни* видоизмѣнялись. Намъ кажется, что для

окончательнаго разрѣшенія вопроса надобно подробно сличить внутренній бытъ нашихъ и прочихъ славянскихъ племенъ, особливо выбирая тѣ эпохи, когда послѣднія не были подъ вліяніемъ чуждыхъ элементовъ. Что въ насъ пришлаго, чуждаго, тотчасъ обнаружится, а съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣлится и то, какіе элементы принесли къ намъ Варяго-Руссы—самая важная, существенная часть задачи.

Г. Погодинъ своими изслѣдованіями указываетъ на этотъ новый путь, но большей своей половиной стоитъ въ прежнемъ, старомъ. Его доказательства по преимуществу филологическія. Правда, онъ ужь сильно опирается на доказательства, взятыя изъ обычаевъ и учрежденій варяжскихъ (этимъ особенно замѣчателенъ третій томъ его изслѣдованій); но идя отъ одного скандинавскаго элемента, который онъ обслѣдовалъ исключительно, авторъ присвоилъ ему многое, что очевидно принадлежало и Славянамъ, и что, слѣдовательно не можетъ вести къ разрѣшенію вопроса, или ведетъ къ ложному воззрѣнію на древнѣйшую исторію.

Въ самомъ началѣ, на 1-й страницѣ, г. Погодинъ ставитъ вопросъ, какъ началось русское государство, и говоритъ:

«Вопросъ важный и любопытный: какъ началось то государство, которое могуществомъ своимъ превышаетъ далеко всѣ государства въ мірѣ, прошедшемъ и настоящемъ; которое легко можетъ еще усилиться въ нѣсколько разъ, которое въ десяти своихъ климатахъ обладаетъ всѣми естественными произведеніями, и можетъ обходиться безъ всякой иностранной помощи; которое занимаетъ теперь уже первое мѣсто въ политической системѣ Европы, и можетъ располагать судьбою ея, судьбою всего свѣта, всего рода человѣческаго; которое обилуетъ свѣжими силами, бьется юною жизнью, между тѣмъ, какъ прочія уже устарѣли, ветшаютъ, ниспадаютъ съ высоты своего величія.»

Потомъ авторъ приводитъ мѣсто изъ Нестора о призваніи Варяговъ-Руси и изъ него выводитъ три вопроса: кто были Варяги-Русь? Въ какомъ положеніи находились славянскія племена, съ которыми соединились Варяги-Русь? Какъ соеди-

нились, т. е., при какихъ условіяхъ зачалось государство? Первые два вопроса разрѣшаются во второмъ томѣ; третій въ третьемъ.

Мнѣніе о происхожденіи Варяговъ-Руси г. Погодина извѣстно. Онъ считаетъ ихъ Норманнами или точнѣе Германо-Скандинавами. Во второмъ томѣ очень тщательно приведены и разсмотрѣны всѣ мѣста изъ лѣтописи, гдѣ говорится о Варягахъ-Руси, свидѣтельства Византійцевъ, западныхъ лѣтописей и восточныхъ извѣстій. Потомъ въ доказательство ихъ норманскаго происхожденія приводятся ихъ собственныя имена и русскія названія семи днѣпровскихъ пороговъ, сообщенныя Константиномъ Багрянороднымъ; послѣднія объясняются изъ языковъ скандинавскихъ. Потомъ приводятся и другія скандинавскія названія городовъ, рѣкъ и т. д., исчисляются норманскія слова, сохранившіяся въ нашемъ языкѣ, — слова по преимуществу юридическія. Послѣднее доказательство очень слабо, ибо, основано на спорномъ еще толкованіи словъ: скотъ, боярinъ и т. д. Лучше бы г. Погодинъ не прибѣгалъ къ нему! Далѣе, норманское происхожденіе Варяговъ-Руси доказывается ихъ дѣйствіями (стр. 90):

«Къ числу сильнѣйшихъ доказательствъ норманнскаго происхожденія Варяговъ-Руси принадлежатъ ихъ *дѣйствія*. Походы первыхъ князей по рѣкамъ и морямъ, взиманіе дани, нападенія на Константинополь, вообще образъ ихъ дѣйствія, въ войнѣ и мирѣ, дома и на сторонѣ, ихъ занятія, добрыя и худыя качества, самыя преданія и басни объ разныхъ частныхъ и мелкихъ поступкахъ, однимъ словомъ, вся ихъ жизнь, весь ихъ бытъ обличаютъ въ нихъ Норманновъ. Наши лѣтописатели описываютъ ихъ почти одними и тѣми же словами, какими латинскіе, греческіе и арабскіе описываютъ прочихъ Норманновъ. Прежніе изслѣдователи, довольствуясь внѣшними такъ сказать, доказательствами, то есть свидѣтельствами, не обращали вниманія на дѣйствія Варяговъ-Руси съ этой стороны; но по моему мнѣнію, это внутреннее доказательство должно причислить къ самымъ значительнымъ и твердымъ».

Авторъ совершенно правъ. Къ сожалѣнію, его дѣльное за*мѣчаніе о прежнихъ* изслѣдователяхъ отчасти относится къ

нему: онъ тоже останавливается иногда на однихъ внѣшнихъ свойствахъ, которыя ничего сами по себѣ не доказываютъ, потому что бываютъ общи самымъ различнымъ народамъ. (Доказательства почерпнутыя изъ дѣйствій, религій, законовъ, обычаевъ и обрядовъ, нравственныхъ качествъ, изложены въ III томѣ и будутъ разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ).

Въ этой главѣ мы замѣтили слѣдующее мѣсто, неправильно объясненное. На стр. 17-й, авторъ говоритъ, что названіе Фряги употреблялось въ общемъ значеніи, и въ доказательство ссылается между прочимъ на мѣсто изъ путешествія Даніила, гдѣ сказано, что кандило греческое стояло въ головахъ, а фряжское висѣло въ верху, — и мѣсто изъ духовной Іоанна Калиты, гдѣ упоминается поясъ жемчужный фряжскій. Изъ этихъ двухъ мѣстъ никакъ нельзя заключить, чтобъ слово фряжскій употреблялось въ общемъ значеніи. — На страницѣ 68 говорится объ имени Рюрика. Не знаемъ, почему авторъ не привелъ здѣсь, по крайней мѣрѣ для будущихъ соображеній, что Рюрикомъ въ Псковской Лѣтописи названъ Эрикъ, король шведскій.

Вторая глава состоитъ изъ возраженій на взгляды, несогласные съ взглядомъ г. Погодина, а именно Эверсу, Нейману, Максимовичу, Венелину. И здѣсь есть нѣкоторыя мѣста слабыя. Венелинъ говоритъ, что съ 1120 года греческіе лѣтописцы не опредѣляютъ рода Варяговъ. Это было ему нужно для того, чтобъ открыть себѣ возможность перекрестить ихъ въ Славянъ. Г. Погодинъ отвѣчаетъ (стр. 119): «это очень естественно: потому что родъ ихъ былъ ясно и многократно опредѣленъ первыми писателями». Но чтобъ имѣть право сказать это, надобно сперва доказать, что всѣ лѣтописцы трудились надъ одной лѣтописью, что ихъ труды составляютъ одно цѣлое. Иначе объясненіе будетъ очень плохо, особливо въ отношеніи къ названію Варягъ, которое давалось жителямъ раз-

личныхъ странъ. — На стр. 122, г. Погодинъ возражаетъ Эверсу, который думаетъ, что въ извѣстномъ мѣстѣ изъ Бертинскихъ лѣтописей, странники называли себя ложно Россами: «Но почему же такъ думать? Съ чего имъ присвоивать себѣ чужое имя? Съ какою цѣлью? Откуда Шведы возьмутъ себѣ имя Россовъ, принадлежавшее по Эверсу южному народу?» Во первыхъ знаками вопросительными, какъ думаетъ и самъ г. Погодинъ, возражать нельзя. Во вторыхъ, Шведы могли взять имя Россовъ, хотя бы послѣдніе и не жили на югѣ, потому что оно могло быть извѣстно сѣвернымъ народамъ, которые ходили торговать и воевать въ Грецію и на югъ. Наконецъ то, что они выдавали себя за Руссовъ, а про нихъ узнали, что они Шведы, даетъ Эверсу полное право думать, что они ложно себи такъ назвали — бо̀льшее право, нежели имѣетъ г. Погодинъ отрицать это.

Третья глава посвящена изслѣдованію, кто именно были Варяги-Русь и гдѣ они жили? Въ заключеніе, на стр. 166, г. Погодинъ говоритъ:

«Кто были именно Варяго-Русь и гдѣ они жили—не рѣшено до сихъ поръ съ достовѣрностію, и едва ли когда-нибудь будетъ рѣшено, за недостаткомъ свѣдѣній. Я не считаю даже этого вопроса слишкомъ-важнымъ: намъ нужно знать, кто были Варяги-Русь, какого племени, чтобъ понять, какое вліяніе могли они имѣть на Славянъ, среди которыхъ поселились, какой элементъ внесли они въ составъ основаннаго ими государства: а въ какомъ углу сѣвера или древней Скандинавіи они прежде обитали—это почти все равно для главной задачи».

Это вообще очень справедливо, и мы были бы готовы вполнѣ согласиться съ авторомъ, еслибъ въ предыдущихъ изслѣдованіяхъ было доказано, что подъ Варягами и Варягами-Русью разумѣются одни Норманны германскаго происхожденія. Но именно этого-то и нѣтъ! Вопросъ о томъ, кто именно были Норманны, обойденъ, а онъ чрезвычайно важенъ. Объ этомъ *нѣсколько словъ послѣ*.

Въ четвертой главѣ находимъ изслѣдованіе объ имени Варяговъ-Руси, откуда оно происходитъ. «Это вопросъ», говоритъ авторъ (стр. 167), «также любопытный, но не болѣе! Что знаемъ мы о происхожденіи имени Грековъ, Пелазговъ, Еллиновъ, Римлянъ, Галловъ, Франковъ, Парижа, Лондона, Вѣны, Берлина, Москвы, Кіева и пр. и пр.? Изслѣдователи несмотря на всѣ свои труды при рѣшеніи этого вопроса, не достигли достовѣрности, какъ и при рѣшеніи предыдущаго вопроса о первоначальномъ мѣстопребываніи Варяговъ-Руси, а представили только догадки, болѣе или менѣе вѣроятныя». Затѣмъ мы находимъ разборъ самыхъ объясненій этихъ названій.

Послѣднюю IV главу изъ главъ, посвященныхъ Варягамъ-Руси, занимаетъ подробный критическій разборъ и опроверженіе всѣхъ прочихъ мнѣній о происхожденіи Варяго-Руссовъ. Мнѣнія эти всѣмъ давно извѣстны, и ни одно изъ нихъ не сдѣлалось общепринятымъ. Всѣ они какъ-то жили недолго. Поэтому мы не станемъ излагать здѣсь ихъ доводовъ и опроверженій г. Погодина, отсылая любителей и знатоковъ къ самой книгѣ. Скажемъ только вообще, что опроверженія основательны и дѣльны и подтверждаютъ норманское происхожденіе Варяговъ-Руси, уничтожая всѣ противорѣчащія мнѣнія.

Несмотря на то, что взглядъ г. Погодина изложенъ ясно, отчетливо, обработанъ прекрасно, онъ не удовлетворяетъ читателя хотя поверхностно знакомаго съ русскими древностями. Причина отчасти заключается въ сухости изслѣдованій, по преимуществу критико-филологическихъ. Но она не главная и не единственная. Другая, гораздо болѣе важная заключается въ томъ, что вопросъ не весь изчерпанъ Съ свойственною ему односторонностью, авторъ совершенно истощилъ скандинавскую сторону нашей исторіи. Послѣ его изслѣдованій сомнѣваться въ нашей первоначальной исторіи элемента скандп-

наво-германскаго или нормано-германскаго было было умышленнымъ упрямствомъ. Но въ то же время нельзя согласиться съ авторомъ, что Варяги-Русь были исключительно Скандинаво-Германцы. Мы говоримъ это вовсе не изъ желанія спорить и вновь зачинать рѣшенное дѣло. Во первыхъ, замѣтимъ, что много писателей, принимавшихся за этотъ вопросъ, дошли до убѣжденія, что Варяги-Русь были Славяне. Я предвижу возраженіе: они ошибались, и ихъ доводы опровергнуты. Да. Но откуда могла имъ всѣмъ придти въ голову эта мысль? конечно, это не совершенно случайно. Есть факты — не многочисленные, но рѣшительные, которые сознательно или безсознательно могли привести изслѣдователей къ такой догадкѣ. Мы постараемся изложить эти факты какъ можно яснѣе.

Первый фактъ, который поражаетъ насъ, есть болгарскій или какой бы то ни было, но славянскій текстъ договоровъ нашихъ князей съ Греками. Вспомнимъ, что первый договоръ заключенъ съ Олегомъ, вторымъ вождемъ призванной дружины. Если Варяги-Русь были германскіе Скандинавы, какъ объяснить странное явленіе, что они договаривались на языкѣ имъ чуждомъ? Что-нибудь изъ двухъ: или договоры дошли до насъ въ переводѣ, а не въ славянскомъ подлинникѣ, какъ говоритъ г. Погодинъ, —или Варяги-Русь не были чистые германскіе Скандинавы, а скорѣе Славяне.

Если Варяги-Русь были Германцы-Скандинавы, странной, неразрѣшимой загадкой представляется русскій языкъ, которымъ мы теперь говоримъ. Что въ немъ скандинавско-германскаго? Два-три десятка словъ, да и тѣ съ натяжками. Еслибъ ихъ было втрое болѣе, и тогда вліяніе находниковъ Руссовъ на насельниковъ Славянъ не могло бы сравниться съ вліяніемъ какихъ-нибудь Татаръ, которые оставили послѣ себя гораздо больше словъ въ нашемъ языкѣ. Да и что жъ это за *вліяніе! Слова* сообщаются легко отъ одного народа другому.

Какъ представить себѣ, что иноземцы, иноплеменники, владѣютъ землею около двухъ-сотъ лѣтъ, живутъ въ ней, играютъ первую роль и потомъ изчезаютъ совершенно, не привнеся въ языкъ никакихъ новыхъ элементовъ? Посмотрите на Англо-Саксовъ въ Великобританіи, Франковъ въ Галліи. Такъ ли безслѣдно слились они съ туземнымъ населеніемъ? Не знай мы вовсе средней исторіи, по одному языку мы могли бы открыть присутствіе разнородныхъ элементовъ во французскомъ и англійскомъ языкахъ и заключить отсюда, если не о завоеваніи, то о какомъ-то непонятномъ смѣшеніи народовъ въ этихъ странахъ. Сколько турецкихъ словъ вошло въ языкъ Славянъ, завоеванныхъ Турками, хотя послѣдніе и не поселились между ними? Мадьяры, поселившіеся въ землѣ Словаковъ, не забыли же своего языка и сохранили его до сихъ поръ! Обыкновенно говорятъ, въ объясненіе этого страннаго явленія, что Варяги-Русь, пришедшіе къ намъ, были немногочисленны. Г. Погодинъ, въ III томѣ своихъ «Изслѣдованій», идетъ еще далѣе и дѣлаетъ остроумное предположеніе, что множество знатныхъ Варяго-Руссовъ погибло съ Святославомъ въ болгарскомъ походѣ, чрезъ что число ихъ еще уменьшилось. Положимъ, что такъ; но все-таки мысль, что Варяговъ-Руси и Варяговъ вообще было у насъ немного, кажется намъ не совсѣмъ основательною. Во первыхъ, самъ г. Погодинъ говоритъ, что наши князья не употребляли туземцевъ, то-есть, земледѣльцевъ на войну (Т. III. стр. 124). Ниже мы скажемъ объ этомъ свое мнѣніе; здѣсь же примемъ, что это такъ. Что жь изъ этого слѣдуетъ? То, что войска князей состояли изъ однихъ Руссовъ и Варяговъ, поселившихся у насъ и приходившихъ служить. А войска эти были многочислены. По словамъ Массуди, русское войско, предпринимавшее походъ на Каспійское море, простиралось до 33,000 человѣкъ (сказано, что 30,000 убито и 3,000 спаслось бѣгствомъ).

Войско Олега состояло изъ 80,000 человѣкъ (2,000 судовъ и на каждомъ изъ нихъ по 40 человѣкъ); Ярославово до 40,000. Принявъ съ г. Чертковымъ несравненно меньшія числа, и для Святослава не болѣе 10,000, мы все же найдемъ, что Варяговъ было у насъ не горсть, не куча, какъ думаютъ нѣкоторые. Этому противорѣчатъ, кромѣ прямыхъ извѣстій, и другія соображенія: безпрестанныя войны и походы, предпринимавшіеся нашими Варягами, множество племенъ, которыми они владѣли, и которыя при всякомъ удобномъ случаѣ отказывались платить дань. Что не всѣ Варяги, дѣйствовавшіе у насъ, были Руссы, это ничего не значитъ, потому что въ глазахъ Славянъ одни не отличались отъ другихъ: и тѣ и другіе были Варяги — одноплеменники между собою и для насъ чужеродцы. Они принесли одинъ элементъ, безпрестанно возобновлялись новыми пришельцами изъ-за моря, и, несмотря на то, чрезъ 200 лѣтъ не оставили по себѣ въ нашемъ языкѣ никакихъ слѣдовъ, кромѣ нѣсколькихъ словъ. Совершенно непонятно!

Третій фактъ очень важный — описаніе Святослава у Льва Дьякона. «Видомъ онъ былъ таковъ: средняго роста, не слишкомъ высокъ, не слишкомъ малъ, съ густыми бровями, съ голубыми глазами, съ плоскимъ носомъ, съ бритой бородой и съ густыми, длинными, висящими на верхней губѣ волосами. Голова у него была совсѣмъ голая, но только на одной ея сторонѣ висѣлъ локонъ волосъ, означающій знатность рода» и т. д. (Исторія Льва Дьякона, стр. 97). Въ этомъ описаніи трудно узнать Нормана. Обычай брить голову не норманскій, потому что Норманы носили длинные волосы.

Далѣе, какъ не поразительно, что Варяги-Русь, будучи язычниками, поклонялись однимъ богамъ съ нашими Славянами? Г. Погодинъ, въ третьемъ томѣ своихъ «Изслѣдованій», *относитъ всѣ* извѣстія лѣтописи о религіи и богахъ того вре-

мени къ Варягамъ-Руси, а не къ Славянамъ. «Такъ требуетъ здравый разсудокъ и историческая послѣдовательность», говоритъ онъ (стр. 304). «Можетъ ли быть», продолжаетъ онъ далѣе, «какое сомнѣніе, что это боги Норманскіе, а не наши Славянскіе: Олегъ и мужи его, чистые Норманны, перваго поколѣнія, большею частію пришедшіе съ Рюрикомъ, не могли бы клясться чужими богами, богами, которымъ не вѣрили: всякой клянется своею клятвою. Какъ послѣ нѣкоторые Варяги-христіяне присягаютъ въ церкви по христіянскому закону, такъ и Олегъ клялся по своему русскому закону». Но это натяжка. Еслибъ языческіе боги, упоминаемые у Нестора, были варяго-русскіе, а не славянскіе, народъ не могъ бы имъ поклоняться, ихъ чтить и за нихъ стоять. Неправда ли? Однако мы видимъ, что имъ поклонялся весь народъ. Это видно изъ повѣствованія Нестора о томъ, что плакали невѣрные люди по Перунѣ, когда Владиміръ велѣлъ стащить его съ горы въ Днѣпръ, и нѣтъ никакого повода думать, чтобъ эти невѣрные были одни Варяги-Русь. Въ «Софійскомъ Временникѣ», на стр. 57, въ разсказѣ о Варягѣ Ѳеодорѣ и сынѣ его Іоаннѣ находимъ, что бояре и старцы присовѣтовали Владиміру бросить жребій, кого принести въ жертву богамъ. Если бояре и были Варяго-Руссы по происхожденію, какъ доказываетъ г. Погодинъ,—хотя съ этимъ и нельзя согласиться, потому что чинъ боярина мы находимъ и у нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ племенъ, — все же остаются еще старцы, подъ которыми безъ натяжки нельзя разумѣть однихъ Варяго-Руссовъ. Далѣе, тамъ же, на стр. 57, въ разсказѣ о смерти этихъ первыхъ и послѣднихъ кіевскихъ мучениковъ, мы находимъ слова: «и кликнуша Кіяне, и подсѣкоша сѣни подъ ними и тако побиша я».—Если Кіевляне такъ негодовали за поруганіе боговъ, все вѣроятіе, что они имъ кланялись, ибо иначе это было бъ необъяснимо. (Въ Лаврентьевскомъ спискѣ по Тимковскому слова

«Кіяне» нѣтъ; потому мы на него и не ссылаемся). Далѣе, въ Лаврент. Лѣтописи (стр. 82) мы читаемъ: «И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояху кумиры, и постави церковь св. Василья на холмѣ, идеже стояше кумиръ перунъ и прочіи, идеже творяху потребы князь и людье». Опять и изъ этого мѣста видимъ, что люди, народъ, покланялись и приносили жертвы Перуну. — Такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ свидѣтельствъ, мы заключаемъ, что Перунъ и прочіе боги были славянскіе; по крайней мѣрѣ, во времена Владиміра имъ поклонялись наши Славяне. Г. Погодинъ можетъ возразить, что люди по объясненію имъ принятому, не относится вообще къ народу, а только къ Варяго-Руссамъ. Но мы видимъ, однако, изъ самой лѣтописи, что иногда люди, людье — употреблялось для означенія вообще народа, а не извѣстнаго сословія. Такъ, когда лѣтописецъ говоритъ: «И пріиде (апостолъ Андрей) въ Словѣни идеже нынѣ Новгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ» (стр. 5), или «ти суть людье Ноугородьци отъ рода Варяжска, прежде бо бѣша Словѣни» (стр. 12), — нѣтъ никакой возможности допустить, что онъ разумѣетъ особенное какое-нибудь сословіе. То же должно сказать и о всѣхъ мѣстахъ, которыя мы привели въ доказательство, что Славяне поклонялись Перуну. Здѣсь то же разумѣется подъ людьми народъ, и мы не имѣемъ ни малѣйшаго права подразумѣвать однихъ Варяго-Руссовъ.

Слѣдовательно, однимъ богамъ кланялись и Варяго-Руссы и Славяне. Нельзя предположить, чтобы первые сообщили ихъ послѣднимъ. Это противно исторіи Скандинавовъ въ Россіи. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе они принимаютъ въ себя славянскаго элемента, а не наоборотъ. Слѣдовательно, остается предположить, что Скандинавы приняли, можетъ-быть, безсознательно *религію Славянъ*. Но и это нисколько не вѣроятно. Мы видимъ

изъ лѣтописи, что уже Олегъ клялся Перуномъ и Волосомъ; Игорь такъ же. Если трудно себѣ представить, какимъ образомъ Владиміръ могъ признать языческихъ боговъ Славянъ, то совершенно невозможно допустить это въ самомъ началѣ водворенія варяго-русской дружины въ нашей землѣ. Итакъ Варяги-Русь имѣли съ нами одну вѣру.

Взгляните на этотъ предметъ отрицательно, и вы дойдете до того же результата. Миѳологія Скандинавовъ извѣстна. Находимъ ли мы въ нашей миѳологіи хоть одно божество, заимствованное оттуда? Догадки протоіерея Сабинина не болѣе, какъ догадки, предположенія. Съ этимъ согласенъ и г. Погодинъ. Дѣйствительное сходство представляютъ только черты, въ которыхъ выражается воинственный характеръ Скандинавовъ и Варяго-Руссовъ. Но эти черты слишкомъ общи; изъ нихъ никакъ нельзя еще заключать о тождествѣ религіи Варяго-Руссовъ и германскихъ Скандинавовъ.

Далѣе, странно, что христіянская религія, а вмѣстѣ съ нею священное писаніе, богослужебныя книги, номоканоны явились къ намъ и распространились у насъ только на греческомъ и славянскомъ, а не на другомъ языкѣ. Еслибъ Варяги-Русь были скандинавскіе Германцы, какъ представить себѣ, что они начали исповѣдывать новую вѣру на языкѣ имъ чуждомъ? Ольга была уже христіянка и имѣла при себѣ духовника, а она была варяжскаго рода. Теперь еще, почти на нашихъ глазахъ, въ предѣлахъ нашего государства, переводится священное писаніе на языкъ инородцевъ, небольшихъ племенъ, обитающихъ въ какомъ-нибудь далекомъ углу имперіи, а сначала, когда владычествующими были чужеземцы, имъ проповѣдывалось евангеліе на славянскомъ языкѣ? Это ни съ чѣмъ несообразно! Намъ скажутъ: да это неизвѣстно. Однако, изъ древнѣйшихъ памятниковъ до насъ дошедшихъ, всѣ безъ исключенія писаны на славянскомъ языкѣ. Остался бы хоть

какой-нибудь слѣдъ другаго языка; но слѣдовъ нѣтъ; даже нѣтъ намековъ на то, что былъ какой-нибудь другой языкъ во время владычества дружины, кромѣ славянскаго. Намъ могутъ еще возразить, что и въ католической Европѣ варвары приняли религію на языкѣ имъ чуждомъ, латинскомъ, принадлежавшемъ покореннымъ ими народамъ? Но, во первыхъ, мы не имѣемъ подробныхъ извѣстій, какъ они были обращены. Знаемъ, что многіе изъ нихъ были уже христіянами, когда основали государства на развалинахъ Западной Римской имперіи. Сверхъ того, мы знаемъ такъ же, что Улфила проповѣдывалъ Готамъ на ихъ языкѣ: это доказываютъ отрывки изъ готскаго евангелія, дошедшіе до насъ. Что потомъ они приняли латинскій языкъ, не мудрено, ибо они долго, до разрушенія имперіи, находились, по крайней мѣрѣ наружно, въ зависимости отъ Рима и исподоволь подчинились вліянію высшей цивилизаціи, передъ которой благоговѣли. Въ этомъ фактѣ мы видимъ только, что побѣдители были побѣждены образованностію покоренныхъ—явленіе очень часто встрѣчающееся, и неудивительное. У насъ, и подвластные и властвующіе были язычники. Варяги первые стали обращаться къ христіянству, какъ говоритъ самъ г. Погодинъ. Греки проповѣдывали евангеліе всегда на языкѣ новообращаемыхъ. Примѣромъ могутъ служить Славяне. А Варягамъ-Руси они проповѣдывали на славянскомъ языкѣ, когда это племя было господствующее? Съ чѣмъ это сообразно?...

Изъ всѣхъ этихъ соображеній мы позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующее предположеніе: Варяги-Русь, пришедшіе къ намъ, не были ли Славяне, или по крайней мѣрѣ смѣсь Славянъ съ Германцами? Первое менѣе вѣроятно, нежели второе. Менѣе вѣроятно потому что нельзя себѣ представить, чтобъ народъ принялъ всѣ обычаи, нравы и духъ другаго народа, *непереродившись совершенно*. Такъ нѣмецкіе Славяне перестали быть

Славянами, сдѣлавшись Германцами. Учрежденія, принесенныя къ намъ Варягами-Русью, были германо-скандинавскія; убѣдиться въ этомъ не трудно даже безъ большой учености и проницательности: стоитъ сравнить какое-нибудь малороссійское казачество, даже Новгородъ и ихъ устройство съ государственнымъ гражданскимъ устройствомъ, появившимся у насъ со временъ Варяговъ-Руси, чтобъ увидѣть, какъ различны учрежденія славянскія отъ германскихъ, и какъ въ варяго-русскихъ учрежденіяхъ мало славянскаго и много германо-скандинавскаго.

Предположенію, что Варяги-Русь были Славяне, или смѣсь Славянъ съ Германо-Скандинавами, нисколько не противорѣчатъ, какъ намъ кажется, и всѣ прочія извѣстія. Замѣтимъ, что всѣ они указываютъ вообще на сѣверъ, не опредѣляя точнѣе, какого племени были наши сѣверные выходцы. Варяги, какъ намъ извѣстно, самое общее, неопредѣленное названіе, изъ котораго нельзя ровно ничего заключать о національности пришельцевъ. Такъ у Нестора. У западныхъ и греческихъ писателей, это названіе еще неопредѣленнѣе. Туле, Нордманъ—не доказываютъ германскаго происхожденія Варяговъ-Руси, а говорятъ только, что они жили на сѣверѣ. Г. Погодину самому извѣстно, что на сѣверѣ Славяне и скандинавскіе Германцы были издавна сосѣди—и могли легко смѣшаться. У него мы находимъ объ этомъ очень интересные факты.

«Норманны и Славяне (говоритъ онъ) искони жили рядомъ, въ сосѣдствѣ по Балтійскому морю, и въ незапамятныя еще времена обмѣнялись многими словами, кои встрѣчаются въ древнѣйшихъ памятникахъ. Нѣкоторыя племена—по сосѣдству—даже смѣшались, такъ что ихъ разобрать трудно. Въ дружинахъ норманнскихъ — всегда было очень много Славянъ. Самъ Гельмольдъ свидѣтельствуетъ: Маркоманнами называются обыкновенно люди, отовсюду собранные, которые населяютъ Марку. Въ Славянской землѣ много Марокъ, изъ которыхъ не послѣдняя наша Вигирская провинція, имѣющая мужей сильныхъ и опытныхъ въ битвахъ, какъ изъ Датчанъ, такъ и изъ Славянъ. Флотъ норманскій, приплывшій во Фризію, состоялъ, по свидѣтельствамъ, изъ Датчанъ,

Норвежцевъ и даже Оботритовъ. Въ экспедиціи противъ Англіи 857 года много Вендовъ». (Томъ III, стр. 28 и 29).

Одно извѣстіе, по видимому, противорѣчитъ этому предположенію: русскія названія днѣпровскихъ пороговъ, сообщенныя императоромъ Константиномъ; но и оно, при ближайшемъ разсмотрѣніи, ничего не доказываетъ. Во первыхъ, Русь была господствующая дружина въ Кіевѣ и между Славянами. Она пришла съ сѣвера, страны, откуда на всю Европу происходили безпрерывныя хищническія нападенія Варяговъ. Зная Руссовъ, зная, что они принадлежатъ къ Варягамъ, Константинъ легко могъ давнившнія скандинавскія названія пороговъ назвать русскими. А издавна они не только могли существовать, но и по всѣмъ вѣроятіямъ существовали, потому что лежали на торговомъ пути, по которому Скандинавы ходили въ Грецію. Итакъ, изъ того, что Константинъ называетъ скандинавскія названія русскими, никакъ нельзя еще заключить, что Руссы были германскіе Скандинавы. Вѣдь называетъ же Левъ-Дьяконъ Святослава Тавроскиѳомъ! Вѣдь называются же всѣ предпринимавшіе походъ въ Грецію изъ Россіи — Руссами, хотя мы и достовѣрно знаемъ, что въ этомъ походѣ участвовали призванные Варяги изъ Швеціи и другихъ сѣверныхъ странъ, а можетъ-быть даже и Славяне, если буквально понимать слова Нестора. (На соотвѣтствіи русскихъ и славянскихъ названій днѣпровскихъ пороговъ мы не остановимся здѣсь, потому что оно не говоритъ ни за, ни противъ, и можетъ быть различно объяснено.)

Все это предположенія, которыхъ мы и не выдаемъ за истину. Только мы твердо увѣрены, что факты, возбуждающіе не въ насъ однихъ сомнѣніе въ германо-скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси, не могутъ быть обойдены безъ вниманія, какъ было до сихъ поръ. Необъясненные, необсуженные,

они останутся сильными доказательствами противъ германскаго происхожденія нашихъ Варяго-Руссовъ.

Во второй половинѣ втораго тома говорится сначала о Славянахъ вообще, по извѣстнымъ «Славянскимъ Древностямъ» Шафарика. Еще прежде, въ предисловіи, г. Погодинъ объяснилъ, что̀ заставило его внести въ издаваемую имъ книгу результаты изслѣдованій славянскаго филолога (стр. IX).

«Извлеченіе это дѣлалъ я вотъ съ какою цѣлію: мнѣ хотѣлось показать, при этомъ случаѣ, въ какой связи находится русская исторія съ древле-славянскою, на которую многіе молодые люди начали обращать у насъ особенное вниманіе, чего отъ нея, на какихъ путяхъ, ожидать можно, и отъ какихъ заблужденій остерегаться должно; наконецъ, это извлеченіе доставляетъ данныя, съ коими слѣдуетъ приступать къ разсмотрѣнію нашихъ Славянъ, пропускаемыхъ нами до сихъ поръ безъ вниманія, хотя изъ нихъ собственно составилось государство».

Во второмъ томѣ, эта мысль пояснена и опредѣлена еще болѣе (стр. 321):

«Я начиналъ обыкновенно лекціи свои о русской исторіи съ 862 года, то есть съ прибытія князей Варяго-Русскихъ въ Новгородъ. О главномъ народѣ, къ которому пришли братья, и его однородцахъ, я довольствовался изложеніемъ словъ Нестора о Полянахъ и Древлянахъ, Вятичахъ и Радимичахъ, Кривичахъ и Сѣверянахъ. Я думалъ, что о славянскихъ племенахъ больше и говорить нѣчего, тѣмъ болѣе, что самъ первый лѣтописатель нашъ представляетъ ихъ еще въ состояніи младенчества, до котораго ничего опредѣлить нельзя, да и не нужно. Такъ разсуждали и всѣ наши ученые историки — Стриттеръ, Карамзинъ, Эверсъ, въ слѣдъ за законоположникомъ исторической критики прошедшаго столѣтія, Шлёцеромъ. Нынѣ Шафарикъ сочиненіемъ своимъ «Славянскія древности» производитъ совершенный переворотъ въ нашихъ понятіяхъ объ этомъ предметѣ. Нельзя сказать, чтобъ основная его мысль была совершенно новая. Нѣтъ, и прежде имѣли ее многіе изслѣдователи русскіе и иностранные; но они или представляли ее только въ видѣ чаянія и догадки, или соединяли ее съ другими неосновательными предположеніями, или не извлекали изъ нее никакихъ существенныхъ и полезныхъ для науки слѣдствій, не приписывали ей такой важности и многоплодности. Шафарикъ, съ необъятной своей ученостью и начитанностію, остроуміемъ и проницательностію, воспользовавшись всѣми извѣстными до него и имъ открытыми источниками, возвелъ

эту мысль на степень осязательной истины, и вмѣстѣ заставилъ думать, что исторія всякаго славянскаго племени и государства тѣсно и необходимо связана съ первоначальной исторіей всего славянскаго народа, точно такъ, какъ всѣ отрасли дерева бываютъ тѣсно связаны съ его корнемъ. Познаніе корня необходимо для познанія отраслей, кои безъ него во многихъ отношеніяхъ остались бы непонятными».

Мысль хороша. Только мы не думаемъ, чтобъ русскій историкъ могъ что-нибудь извлечь изъ нея для своего предмета. Источники древнѣйшей до-христіянской исторіи Славянъ очень бѣдны. По крайней мѣрѣ, такъ теперь. Можетъ-быть, новыя открытія покажутъ намъ, чего мы теперь не знаемъ. Описаніе русскихъ Славянъ у Нестора, какъ ни подробно обработаны его извѣстія, даетъ объ нихъ очень слабое, сбивчивое, неопредѣленное понятіе.

Извлеченіе составлено то же хорошо. Такъ какъ читателямъ уже извѣстна книга Шафарика, то мы не станемъ излагать этой части г. Погодина, хотя и не можемъ не замѣтить вообще, что нѣкоторые, по нашему мнѣнію, пристрастные и ложные выводы Шафарика перешли и въ книгу г. Погодина. Послѣ небольшаго отступленія, въ которомъ г. Погодинъ очень справедливо и основательно говоритъ о современной славяноманіи и безплодности этой школы, онъ объясняетъ отношеніе изслѣдованій Шафарика къ русской исторіи. По его мнѣнію, между ними глубокая внутренняя связь. Главныя положенія, выведенныя изъ изслѣдованій Шафарика о Славянахъ, встрѣчаются на каждой строкѣ въ русской исторіи; все что̀ принадлежало древнимъ Славянамъ, досталось и намъ въ лицѣ нашихъ предковъ IX столѣтія. Въ чемъ же состояло это наслѣдство?

«Во первыхъ, они имѣли древность, старшинство. Народъ нашъ жилъ уже какъ особой народъ, или какъ племя особаго народа, въ его составѣ, или *отдѣльно*, по крайней мѣрѣ полторы тысячи лѣтъ до Рюрика, а чѣмъ глубже *основаніе, тѣмъ тверже* зданіе; чѣмъ обширнѣе корень, тѣмъ вѣтвистѣе де-

рево; чѣмъ старше жизнь, тѣмъ опытнѣе. Во вторыхъ — языкъ, въ одномъ нарѣчіи котораго, близкомъ къ нашему и понятномъ, нашлись въ IX вѣкѣ выраженія для всего священнаго писанія. Далѣе, религіозныя вѣрованія, законы и обычаи, болѣе или менѣе сходные. Наконецъ, всѣ плоды долговременнаго пребыванія на одномъ мѣстѣ, въ постоянныхъ жилищахъ, всѣ успѣхи въ разныхъ родахъ первой промышленности, знакомства съ необходимыми удобствами жизни. Вотъ важныя данныя, кои пріобрѣтаемъ мы при первомъ знакомствѣ съ славянскими древностями, и съ коими смѣло можемъ приступить къ разсмотрѣнію нашихъ славянскихъ племенъ, искать у нихъ слѣдовъ общаго достоянія. Вѣрно не находились онѣ на той степени дикости, на которую поставилъ ихъ неумолимый Шлёцеръ, и на которой видѣли ихъ всѣ наши изслѣдователи, до Шафарика! И Новгородъ, и Полоцкъ, и Изборскъ, и Ростовъ, и Кіевъ, и Смоленскъ, и прочіе города, представляются намъ тотчасъ въ другомъ свѣтѣ. Славяне и Кривичи съ Чудью и Весью могли точно призвать себѣ защитниковъ, могли и не поладить послѣ съ ними, возстать противъ Рюрика, заставить можетъ-быть Олега удалиться. Мы начинаемъ тотчасъ понимать, почему пришлые Варяги должны были подчиниться вліянію туземцевъ, и чрезъ два, три вѣка потеряться въ славянскомъ населеніи, оставивъ слѣды только въ гражданскомъ устройствѣ и правительствѣ. Тѣ явленія, кои боялись мы предъ строгою критикою буквъ принимать вполнѣ, или считали не понятными пропусками, тѣ явленія можемъ мы теперь смѣло сдѣлать предметами изслѣдованій, и искать тамъ, гдѣ найдти что либо отнята была даже надежда подъ страхомъ жестокой ученой насмѣшки. Мракъ прорѣзанъ свѣтлыми лучами, пріобрѣтена твердая точка! Ясно ли видите вы, какъ важны для русской исторіи славянскія древности. и въ какой связи находится съ ними русская исторія?» (стр. 383—385).

Въ короткихъ словахъ, эта связь состоитъ въ томъ, что мы теперь пріобрѣтаемъ право изслѣдовать бытъ нашихъ Славянъ задолго до Рюрика,—право, которое мы имѣли бы и прежде, еслибъ были источники, по крайней мѣрѣ хоть бы скудныя извѣстія, служащія точками опоры для историка. Но ихъ нѣтъ. Этому недостатку ничто не можетъ помочь. Лучшее доказательство — тщательно собранныя и обработанныя самимъ авторомъ мѣста изъ Нестора о нашихъ Славянахъ, а Несторъ едва ли не единственный прямой источникъ, во всякомъ случаѣ самый богатый, несмотря на всю свою скудость. Самъ г. Погодинъ говоритъ (стр. 395), что «ихъ очень мало... и уче-

ное любопытство ими не удовлетворяется»; но послѣ этого предлагаетъ вопросъ: «не уже ли нѣтъ никакихъ средствъ дополнить наши понятія?» Эти средства суть, по его словамъ: языкъ, нарѣчія, собственныя названія, праздники, повѣрья, примѣты, преданія, обычаи, пѣсни, пословицы. Въ доказательство важности собственныхъ именъ приведены остроумныя розысканія Ходаковскаго о городищахъ, основанныя преимущественно на именахъ. Объ этихъ розысканіяхъ до сихъ поръ нельзя ничего сказать ни за, ни противъ. Видно только, что Ходаковскій былъ энтузіастъ своего дѣла и отдался ему какъ немногіе могутъ чему-нибудь отдаваться. Благодаря г. Погодину, мы теперь отчасти познакомились съ трудами этого замѣчательнаго человѣка. Жаль только, что они разбросаны въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и не собраны въ одну книгу; изучать было бы легче. Въ заключеніе мы должны признаться, что извлеченіе, сдѣланное г. Погодинымъ изъ Ходаковскаго, не совсѣмъ намъ понравилось. Во многихъ мѣстахъ, особливо въ отвѣтахъ Калайдовичу, Ходаковскій излагаетъ свою систему гораздо опредѣленнѣе, яснѣе, нежели какъ она представляется въ разбираемой нами книгѣ. Здѣсь эта система какъ-то стерта. Впрочемъ, мы можемъ и ошибаться.

Третій томъ «Изслѣдованій», по нашему мнѣнію — лучшее, что только когда нибудь написалъ г. Погодинъ. Въ нашей исторической литературѣ рѣдко встрѣтишь подобную книгу, особливо въ послѣднее время. За исключеніемъ лекціи о формаціи государства и параллели русской и европейской исторіи относительно начала — слабыхъ и очень неудовлетворительныхъ, — вся собственно-историческая, критическая часть превосходна. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что въ этомъ томѣ всѣ выводы и разсужденія равно хороши и неоспоримоистинны. Напротивъ, здѣсь мы находимъ очень много положеній, съ которыми никакъ не можемъ согласиться; есть статьи,

обработанныя или слабо или слабѣе остальныхъ. Наконецъ, односторонній взглядъ автора выступаетъ здѣсь рѣзче, ярче бросается въ глаза, нежели въ первыхъ двухъ томахъ. Но эти недостатки съ избыткомъ выкупаются неотъемлемыми достоинствами: единствомъ мысли, строгою послѣдовательностью, большимъ остроуміемъ и проницательностью. Читая третій томъ, всякій согласится, что односторонній взглядъ автора не только не можетъ быть вмѣненъ ему въ недостатокъ, но составляетъ его силу, есть одно изъ главныхъ его достоинствъ. Только такой взглядъ далъ ему возможность подмѣтить и освѣтить новымъ свѣтомъ многія черты нашего древняго быта, до сихъ поръ ускользавшія отъ вниманія изслѣдователей. Цѣну книги еще возвышаютъ параллельныя мѣста изъ исторіи другихъ сѣверныхъ, скандинавскихъ народовъ. Вѣрный мысли, что наши Варяги-Русь были Скандинаво-Германы авторъ безпрестанно, почти на каждой страницѣ, сопоставляетъ извѣстія нашей лѣтописи съ мѣстами изъ сѣверныхъ сагъ, изъ новѣйшихъ лучшихъ сочиненій о скандинавскихъ народахъ, и этимъ придаетъ жизнь и яркій колоритъ нашимъ скуднымъ сказаніямъ. Силу, значеніе параллельныхъ мѣстъ онъ, впрочемъ, не перецѣниваетъ. Онъ понимаетъ, что̀ они значатъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ. «Читатели замѣчаютъ», говоритъ онъ (стр. 367, примѣчаніе 851), «что я вездѣ провожу параллель между исторіей Норманновъ у насъ и исторіей Норманновъ въ прочихъ странахъ Европы, и вижу вездѣ отраженіе одного народа. Я очень понимаю, что параллель, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, подвергается возраженіямъ, даже благовиднымъ: можно-де и изъ другихъ исторій подобрать соотвѣтственныя явленія. Да — можно, но не въ такой совокупности и послѣдовательности; притомъ, я предлагаю параллель только какъ поясненіе, дополненіе къ прочимъ главнымъ доказательствамъ единства». О каждомъ предметѣ авторъ сначала выпи-

сываетъ всѣ мѣста изъ лѣтописи, потомъ сравниваетъ ихъ между собою, выводитъ результаты и въ заключеніе подводитъ сходныя извѣстія изъ исторіи сѣверныхъ народовъ. Методъ самый вѣрный. Наконецъ, даже тонъ изслѣдованій въ третьей части гораздо спокойнѣе, безпристрастнѣе. Вообще, эта книга представляетъ отрадное явленіе въ нашей литературѣ.

Весь третій томъ посвященъ разрѣшенію вопроса, поставленнаго, какъ мы видѣли, еще во второмъ: какъ соединились пришельцы съ туземцами? другими словами: при какихъ условіяхъ зачалось русское государство? Событія этого времени такъ извѣстны, что мы не хотимъ утомлять читателей ихъ повтореніемъ. Отмѣтимъ здѣсь только результаты, которые кажутся намъ новыми, принадлежащими г. Погодину.

На страницѣ 11 замѣчено, и, кажется, не безъ основанія, что Варяги или пріѣзжали къ намъ за данью изъ-за моря, или оставляли сборщиковъ, подобныхъ татарскимъ баскакамъ; на страницѣ 12 мы находимъ, что Норманны, принудившіе насъ платить имъ дань, составляли, вѣроятно, особливый народъ, племя, которое попреимуществу называлось Варягами (какъ Словенами по преимуществу назывались Новгородцы). Послѣ ихъ изгнанія опять были призваны Варяги. Но какіе? Предположеніе, что тѣ же самые, которые прежде были, или что будто Варяги явились у насъ завоевателями, не выдерживаетъ критики. Г. Погодинъ думаетъ (стр. 24), согласно съ Арцыбышевымъ, что призваны были не изгнанные, а другіе, тоже Норманны, для того, чтобъ защищать призвавшія племена отъ нападеній ихъ единоплеменниковъ. Это представится очень вѣроятнымъ, если мы вспомнимъ, что со времени призванія Рюрика съ братьями, нападенія Скандинавовъ на Россію совершенно прекратились. Нѣсколько параллельныхъ событій еще болѣе поясняютъ возможность такого призванія.—Все это вѣрно; только въ нѣкоторыхъ частныхъ разсуж-

деніяхъ мы не можемъ согласиться съ авторомъ. На страницѣ 17 находимъ критику мнѣнія, Карамзина. Мнѣніе очень плохо и натянуто, но и критика нехороша. Мы не видимъ, напримѣръ, почему бы не могло совершиться въ продолженіи трехъ лѣтъ все то, что предполагаетъ Карамзинъ въ промежутокъ времени между изгнаніемъ Варяговъ и призваніемъ Руси. Не надобно забывать, что всѣ обстоятельства, разсказанныя Карамзинымъ: неразумное правленіе бояръ, междоусобіе, страданіе народа — могли быть приготовлены заранѣе, а безъ того и не могли быть. А г. Погодинъ находитъ, что нужно для всего этого гораздо больше трехъ лѣтъ. Такъ же несправедливо его мнѣніе, будто бы «управленія Варяги не могли имѣть никакого; черезъ 200 лѣтъ еще едва оно начинается» (стр. 19). Еслибъ у насъ не было никакого другаго извѣстія, кромѣ словъ, сказанныхъ Варягамъ-Руси нашими и финскими племенами, да мѣста въ лѣтописи о введеніи смертной казни при Владимірѣ — и тогда мы убѣдились бы, что г. Погодинъ не правъ. Далѣе, на той же страницѣ, мы находимъ предположеніе, ни на чемъ неоснованное, что у Славянъ не было вовсе бояръ. Если званіе боярина принесено къ намъ, отчего же мы находимъ его у нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ племенъ? — Прочія возраженія Карамзину (стр. 20) такъ слабы, что и не заслуживаютъ опроверженія, напоминая собою неудачныя соображенія, которыми г. Погодинъ хотѣлъ доказать невѣроятность нѣкоторыхъ сказокъ у Нестора. О возраженіяхъ противъ мнѣнія, что Славяне были завоеваны Варяго-Руссами, мы скажемъ послѣ. Здѣсь замѣтимъ однако, что несправедливо говоритъ авторъ (стр. 21), будто у насъ не было слѣдовъ завоеванія. Вся система управленія древней Россіи скорѣе заставляетъ принять завоеваніе, чѣмъ мирное пришествіе, и только положительныя слова лѣтописи принуждаютъ изслѣдователя искать другихъ объясненій для этой си-

стены. Это видитъ и г. Погодинъ. Сравнивая начала русскаго и западно-европейскихъ государствъ, онъ говоритъ, что завоеваніе Россіи Варяго-Руссами было сходно съ завоеваніемъ, а въ возраженіяхъ г. Кирѣевскому (стр. 533) откровенно сознается, что гораздо легче возражать тому, кто не допускаетъ никакого сходства между завоеваніемъ и завоеваніемъ, нежели противоположному критику, который сталъ бы утверждать, что Россія была завоевана.—Далѣе, желая доказать, что призваны были не изгнанные, а другіе — дѣло само по себѣ очень вѣроятное—г. Погодинъ прибѣгаетъ къ натяжкѣ и приводитъ нѣсколько мѣстъ изъ Нестора, изъ которыхъ будто бы видно, что Несторъ различалъ Руссовъ, призванныхъ и поселившихся у насъ, отъ Варяговъ вообще. Различіе видно, правда, но только здѣшнихъ Варяговъ отъ служившихъ и приходившихъ на время, а не Варяговъ вообще отъ Варяго-Руссовъ. Слова: «Хрестеянскую Русь водима ротѣ въ церкви св. Ильи, иноземъ бо бѣша Варязи хрестеяни,» показываютъ только, что Русь были Варяги, никакъ не болѣе. Словомъ, изъ всего этого въ пользу мнѣнія г. Погодина ровно ничего не слѣдуетъ. — На страницѣ 25, авторъ говоритъ, что «Новгородцы звали къ себѣ князей преимущественно для защиты», чего, однако, лѣтопись не говоритъ. Въ параллельномъ мѣстѣ, приведенномъ изъ Деппинга о призваніи Роллона жителями Руана, сказано, что послѣдніе хотѣли признать его дюкомъ съ условіемъ, чтобъ онъ ихъ защищалъ и судилъ по праву. И отсюда видно, что защита была не главнымъ, не единственнымъ поводомъ къ призванію. Вообще, напрасно г. Погодинъ оставляетъ въ тѣни слова Нестора: они слишкомъ ясны и опредѣленны.

Третья глава посвящена Рюрику и событіямъ его времени. Особенно интересно опроверженіе мнѣнія профессора Крузе, который думаетъ, что нашъ Рюрикъ и Рюрикъ франкскихъ лѣ-

тописей одно и то же лицо. Опроверженіе основано на соображеніяхъ хронологическихъ.—Слова «пояша по себѣ всю Русь», авторъ правильно переводитъ: взялъ съ собою всѣхъ Руссовъ, отступая въ этомъ случаѣ отъ мнѣнія Карамзина и другихъ.—Первымъ мѣстопребываніемъ Рюрика былъ не Новгородъ, а Ладога.—На страницѣ 57-й, авторъ переходитъ къ важному для того времени вопросу: въ чемъ состояло достоинство князя? Рѣшеніе его кажется намъ неудовлетворительнымъ. «Главная цѣль Новгородцевъ», говоритъ онъ, «была—имѣть защитниковъ отъ Варяговъ, которые всегда могли грозить ихъ землѣ». Въ этомъ случаѣ, авторъ очевидно отступилъ отъ правила, котораго придерживается вездѣ очень строго, и за нарушеніе котораго часто укоряетъ своихъ противниковъ: онъ не основывается на прямомъ свидѣтельствѣ лѣтописи, гдѣ сказано только: «изгнаша Вараги за море, и не даша имъ дани и почаша сами въ собѣ володѣти и не бѣ въ нихъ правды и вста родъ на родъ; быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ Варягомъ и Руси... Рѣша Руси... земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣти нами». (Лаврент. лѣтоп. стр. 12). Что къ намъ пришло вслѣдствіе этого призыва цѣлое войско—ничего не значитъ. Это могло быть дѣйствіемъ произвольнымъ со стороны Руси, безсознательно, добродушно дозволеннымъ со стороны призывавшихъ. Плата, назначенная Олегомъ въ 300 гривенъ «мира дѣля», нисколько не доказываетъ, что Русь была призвана союзными племенами съ цѣлью защищать ихъ отъ набѣговъ Норманновъ; ибо Олегъ могъ возложить ее на Новгородцевъ для того, чтобъ обезопасить свои владѣнія послѣ того, какъ онъ самъ отправился далѣе на югъ. Вообще, мы не можемъ понять, почему авторъ не хочетъ принять призванія такъ, какъ оно разсказано лѣто-

писцемъ, и отыскиваетъ другія причины, на которыя у послѣдняго нѣтъ даже намека? Г. Соловьевъ, въ своемъ разсужденіи объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, весьма остроумно и основательно замѣтилъ, что такое призваніе повторялось нѣсколько разъ въ исторіи Новгорода. (Мы прибавимъ отъ себя, что то же видимъ весьма часто и въ другихъ частяхъ Россіи въ періодъ удѣловъ). Сами собою Новгородцы не могли управляться. Это свойство и необходимая принадлежность всѣхъ юныхъ полупатріархальныхъ, гражданскн неустроенныхъ обществъ. Какъ только нѣтъ князя — возникаетъ страшная неурядица, междоусобія, и Новгородцы посылаютъ къ какому-нибудь князю идти къ нимъ княжить, водворить тишину и правый судъ. Можетъ-быть, этотъ случай, разсказанный въ лѣтописи, не былъ первымъ, а если онъ и былъ первымъ, то легко объясняется тѣмъ, что Новгородцы и другія племена не могли согласиться, кого выбрать въ князья изъ своей среды, когда явилось нѣсколько родовъ, равныхъ между собою, изъ которыхъ каждый имѣлъ большія партіи. Подтвержденіемъ нашей мысли служитъ извѣстіе о призваніи, сохранившееся въ Никоновской лѣтописи. Тамъ говорится, что долго спорили племена, кого избрать: однѣ предлагали Козаровъ, другіе Полянъ, Дунаичей и Варяговъ; нѣкоторые изъ своей среды. На этомъ мѣстѣ, конечно, нельзя твердо основываться, потому что въ Никоновской лѣтописи много вставокъ и позднѣйшихъ дополненій. Но когда авторъ изъ однихъ соображеній хочетъ построить свой взглядъ, мы въ правѣ сослаться на это мѣсто. Изъ него прямо видно, что главнымъ вопросомъ при избраніи было внутреннее устройство, порядокъ страны, а не защита ея отъ внѣшнихъ враговъ. Это, конечно, не значитъ, что вопросъ объ охраненіи земли не могъ тогда же возникнуть. Даже весьма вѣроятно, что онъ склонилъ выборъ на *сторону Варяговъ-Руси*, сосѣднихъ и дружественныхъ Нор-

маннамъ. Но мы думаемъ, что это обстоятельство не было первое, главное, а скорѣе второстепенное. Г. Погодинъ видѣлъ это и говоритъ (стр. 57): «Но они звали князей вслѣдствіе междоусобія? Междоусобіе началось у нихъ по изгнаніи Варяговъ, вслѣдствіе перваго общаго дѣйствія, какъ догадывался и Шлецеръ, потому, можетъ-быть, что всякое племя желало первенствовать: прекратить междоусобіе — это была временная нужда, а безопасность—всегдашняя».

Опять толкованіе совершенно произвольное! Лѣтопись прямо говоритъ: «не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ; быша въ нихъ оусобицѣ, и воевати почаша сами на ся». Здѣсь нѣтъ и намека на то, чтобъ племена ссорились между собою: внутри ихъ происходили междоусобія, и родъ возставалъ на родъ.

И такъ, внутреннее управленіе было главнымъ, первымъ мотивомъ при избраніи трехъ братьевъ. Г. Погодинъ думаетъ на оборотъ и говоритъ, что князю очень рѣдко случалось принимать участіе въ управленіи внутренними, особенно судными дѣлами. Въ доказательство онъ приводитъ, что еще въ XIII, XIV и слѣдующихъ вѣкахъ Новгородцы говорили: «а безъ посадника тебѣ, княже, не судити» (стр. 58). Но это мѣсто говоритъ противъ г. Погодина. Изъ него слѣдуетъ, во первыхъ, что князь судилъ; во вторыхъ, что онъ судилъ сначала одинъ, а потомъ уже съ посадникомъ, иначе не для чего было бы и включать это условіе въ договоры. Послѣднее подтверждается и цѣлымъ ходомъ развитія новгородскаго внутренняго быта. Ограниченія княжеской власти появляются здѣсь уже позже, когда Новгородъ сдѣлался политически-самостоятельнымъ. Въ отношеніи къ суду и судопроизводству, мы имѣемъ на это и прямыя и косвенныя доказательства. Къ прямымъ относится «Русская Правда», которая, какъ признаетъ самъ г. Погодинъ, есть законодательство новгородское. По синодаль-

ному списку «Правды», слѣдовательно, не позже XIII вѣка, передъ княземъ происходилъ судъ о наслѣдствѣ; на княжій дворъ приводили татя, схваченнаго ночью на дѣлѣ, и продержаннаго до разсвѣта. Не говоримъ уже о продажѣ и вирахъ, которыя сбирались въ пользу князя почти съ каждаго дѣла. И такъ, участіе князя въ судныхъ дѣлахъ и рано и несомнѣнно. Далѣе, изъ лѣтописи мы знаемъ, что Владиміръ Мономахъ (XII в.) призывалъ къ себѣ на судъ Новгородцевъ и заключилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Это заставляетъ насъ не безъ основанія думать, что ограниченія княжеской власти въ судныхъ дѣлахъ тогда еще не было, и что оно возникло позже. Намъ могутъ, пожалуй, возразить, что въ Кіевѣ Мономахъ могъ судить при посадникѣ, но это невѣроятно, потому что въ позднѣйшихъ условіяхъ Новгородцы всегда обязывали князей не судить ихъ внѣ новгородской территоріи. Причина понятна: подсудимые въ чужой землѣ не были ничѣмъ обезпечены. Итакъ, ограниченіе княжескихъ правъ пришло послѣ. То же должно сказать и въ отношеніи всѣхъ другихъ княжескихъ правъ. Даже въ духовномъ управленіи тотъ же порядокъ развитія. Въ XI вѣкѣ, Ярославъ поставилъ въ Новгородѣ епископа Луку Жидяту, а митрополитъ Ефремъ черезъ нѣсколько лѣтъ вызвалъ его въ Кіевъ и осудилъ; въ послѣдствіи же, архіепископы новгородскіе не спѣшили въ Москву для поставленія, управляли епархіей по одному избранію и спорили съ митрополитами за мѣсячный судъ и подъѣзды. Такимъ образомъ, сначала, князь управлялъ Новгородомъ своими посадниками, намѣстниками или посредствомъ князя, своего сына или внука, который былъ тамъ на правахъ княжескаго правителя. Новгородъ былъ тогда подчиненъ великому князю кіевскому наравнѣ со всѣми прочими областями Россіи. Но когда власть великаго князя ослабла, Новгородцы этимъ *воспользовались и стали* управляться сами собою. Съ этого

времени начинается избраніе князей, избраніе владыки и постепенное ограниченіе княжескихъ правъ, сдѣлавшееся особенно необходимымъ, когда князья получили осѣдлость въ своихъ вотчинахъ-княженіяхъ, и стали пытаться обратить и Новгородъ въ свою полную, наслѣдственную вотчину. Такой же ходъ развитія былъ и въ остальной Россіи. Мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что уже въ XII вѣкѣ княжескіе тіуны судили и взимали виры и продажи. Къ такимъ свидѣтельствамъ относится разсказъ лѣтописи о вступленіи на княжескій престолъ Игоря Ольговича и объ убіеніи Андрея Боголюбскаго. При Іоаннѣ III начинаютъ показываться слѣды ограниченія княжескихъ правителей и судей выборными, цѣловальниками, потому что произволъ и корыстолюбіе первыхъ были разорительны, невыносимы. При Іоаннѣ IV, эта система судоустройства и администраціи развита подробно и стала общею, исключительною въ тогдашней Россіи. Что въ Новгородѣ сдѣлалось вслѣдствіе его политической независимости, то въ остальной Россіи старались сдѣлать московскіе цари, когда стали обращать вниманіе на внутреннее устройство государства. Такимъ образомъ, и свидѣтельства источниковъ, и наведенія, и аналогическое развитіе въ областяхъ, имѣвшихъ совершенно различное устройство — все заставляетъ насъ думать, что въ Новгородѣ съ самаго начала князь былъ судьею, и ограниченіе его другими выборными судьями есть явленіе позднѣйшее, относящееся къ тому времени, когда въ немъ утвердилось народовластіе.

Чтобъ отстоять свою мысль, чтобъ набросить сильное подозрѣніе на извѣстіе лѣтописи о призваніи иноземцевъ для внутренняго распорядка, для водворенія правды и тишины, г. Погодинъ прибѣгаетъ, наконецъ, къ послѣднему, чрезвычайному средству. На стр. 58, прим. 90, онъ говоритъ: Признаюсь, въ этихъ выраженіяхъ слышится мнѣ Норманнское

писцемъ, и отыскиваетъ другія причины, на которыя у послѣдняго нѣтъ даже намека? Г. Соловьевъ, въ своемъ разсужденіи объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, весьма остроумно и основательно замѣтилъ, что такое призваніе повторялось нѣсколько разъ въ исторіи Новгорода. (Мы прибавимъ отъ себя, что то же видимъ весьма часто и въ другихъ частяхъ Россіи въ періодъ удѣловъ). Сами собою Новгородцы не могли управляться. Это свойство и необходимая принадлежность всѣхъ юныхъ полупатріархальныхъ, граждански неустроенныхъ обществъ. Какъ только нѣтъ князя — возникаетъ страшная неурядица, междоусобія, и Новгородцы посылаютъ къ какому-нибудь князю идти къ нимъ княжить, водворить тишину и правый судъ. Можетъ-быть, этотъ случай, разсказанный въ лѣтописи, не былъ первымъ, а если онъ и былъ первымъ, то легко объясняется тѣмъ, что Новгородцы и другія племена не могли согласиться, кого выбрать въ князья изъ своей среды, когда явилось нѣсколько родовъ, равныхъ между собою, изъ которыхъ каждый имѣлъ большія партіи. Подтвержденіемъ нашей мысли служитъ извѣстіе о призваніи, сохранившееся въ Никоновской лѣтописи. Тамъ говорится, что долго спорили племена, кого избрать: однѣ предлагали Козаровъ, другіе Полянъ, Дунаичей и Варяговъ; нѣкоторые изъ своей среды. На этомъ мѣстѣ, конечно, нельзя твердо основываться, потому что въ Никоновской лѣтописи много вставокъ и позднѣйшихъ дополненій. Но когда авторъ изъ однихъ соображеній хочетъ построить свой взглядъ, мы въ правѣ сослаться на это мѣсто. Изъ него прямо видно, что главнымъ вопросомъ при избраніи было внутреннее устройство, порядокъ страны, а не защита ея отъ внѣшнихъ враговъ. Это, конечно, не значитъ, что вопросъ объ охраненіи земли не могъ тогда же возникнуть. Даже весьма вѣроятно, что онъ склонилъ выборъ на *сторону Варяговъ-Руси*, сосѣднихъ и дружественныхъ Нор-

маннамъ. Но мы думаемъ, что это обстоятельство не было первое, главное, а скорѣе второстепенное. Г. Погодинъ видѣлъ это и говоритъ (стр. 57): «Но они звали князей вслѣдствіе междоусобія? Междоусобіе началось у нихъ по изгнаніи Варяговъ, вслѣдствіе перваго общаго дѣйствія, какъ догадывался и Шлецеръ, потому, можетъ-быть, что всякое племя желало первенствовать: прекратить междоусобіе — это была временная нужда, а безопасность—всегдашняя».

Опять толкованіе совершенно произвольное! Лѣтопись прямо говоритъ: «не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ; быша въ нихъ оусобицѣ, и воевати почаша сами на ся». Здѣсь нѣтъ и намека на то, чтобъ племена ссорились между собою: внутри ихъ происходили междоусобія, и родъ возставалъ на родъ.

И такъ, внутреннее управленіе было главнымъ, первымъ мотивомъ при избраніи трехъ братьевъ. Г. Погодинъ думаетъ на оборотъ и говоритъ, что князю очень рѣдко случалось принимать участіе въ управленіи внутренними, особенно судными дѣлами. Въ доказательство онъ приводитъ, что еще въ XIII, XIV и слѣдующихъ вѣкахъ Новгородцы говорили: «а безъ посадника тебѣ, княже, не судити» (стр. 58). Но это мѣсто говоритъ противъ г. Погодина. Изъ него слѣдуетъ, во первыхъ, что князь судилъ; во вторыхъ, что онъ судилъ сначала одинъ, а потомъ уже съ посадникомъ, иначе не для чего было бы и включать это условіе въ договоры. Послѣднее подтверждается и цѣлымъ ходомъ развитія новгородскаго внутренняго быта. Ограниченія княжеской власти появляются здѣсь уже позже, когда Новгородъ сдѣлался политически-самостоятельнымъ. Въ отношеніи къ суду и судопроизводству, мы имѣемъ на это и прямыя и косвенныя доказательства. Къ прямымъ относится «Русская Правда», которая, какъ признаетъ самъ г. Погодинъ, есть законодательство новгородское. По синодаль-

ному списку «Правды», слѣдовательно, не позже XIII вѣка, передъ княземъ происходилъ судъ о наслѣдствѣ; на княжій дворъ приводили татя, схваченнаго ночью на дѣлѣ, и продержаннаго до разсвѣта. Не говоримъ уже о продажѣ и вирахъ, которыя сбирались въ пользу князя почти съ каждаго дѣла. И такъ, участіе князя въ судныхъ дѣлахъ и рано и несомнѣнно. Далѣе, изъ лѣтописи мы знаемъ, что Владиміръ Мономахъ (XII в.) призывалъ къ себѣ на судъ Новгородцевъ и заключилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Это заставляетъ насъ не безъ основанія думать, что ограниченія княжеской власти въ судныхъ дѣлахъ тогда еще не было, и что оно возникло позже. Намъ могутъ, пожалуй, возразить, что въ Кіевѣ Мономахъ могъ судить при посадникѣ, но это невѣроятно, потому что въ позднѣйшихъ условіяхъ Новгородцы всегда обязывали князей не судить ихъ внѣ новгородской территоріи. Причина понятна: подсудимые въ чужой землѣ не были ничѣмъ обезпечены. Итакъ, ограниченіе княжескихъ правъ пришло послѣ. То же должно сказать и въ отношеніи всѣхъ другихъ княжескихъ правъ. Даже въ духовномъ управленіи тотъ же порядокъ развитія. Въ XI вѣкѣ, Ярославъ поставилъ въ Новгородѣ епископа Луку Жидяту, а митрополитъ Ефремъ черезъ нѣсколько лѣтъ вызвалъ его въ Кіевъ и осудилъ; въ послѣдствіи же, архіепископы новгородскіе не спѣшили въ Москву для поставленія, управляли епархіей по одному избранію и спорили съ митрополитами за мѣсячный судъ и подъѣзды. Такимъ образомъ, сначала, князь управлялъ Новгородомъ своими посадниками, намѣстниками или посредствомъ князя, своего сына или внука, который былъ тамъ на правахъ княжескаго правителя. Новгородъ былъ тогда подчиненъ великому князю кіевскому наравнѣ со всѣми прочими областями Россіи. Но когда власть великаго князя ослабла, Новгородцы этимъ *воспользовались и стали* управляться сами собою. Съ этого

времени начинается избраніе князей, избраніе владыки и постепенное ограниченіе княжескихъ правъ, сдѣлавшееся особенно необходимымъ, когда князья получили осѣдлость въ своихъ вотчинахъ-княженіяхъ, и стали пытаться обратить и Новгородъ въ свою полную, наслѣдственную вотчину. Такой же ходъ развитія былъ и въ остальной Россіи. Мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что уже въ XII вѣкѣ княжескіе тіуны судили и взимали виры и продажи. Къ такимъ свидѣтельствамъ относится разсказъ лѣтописи о вступленіи на княжескій престолъ Игоря Ольговича и объ убіеніи Андрея Боголюбскаго. При Іоаннѣ III начинаютъ показываться слѣды ограниченія княжескихъ правителей и судей выборными, цѣловальниками, потому что произволъ и корыстолюбіе первыхъ были разорительны, невыносимы. При Іоаннѣ IV, эта система судоустройства и администраціи развита подробно и стала общею, исключительною въ тогдашней Россіи. Что въ Новгородѣ сдѣлалось вслѣдствіе его политической независимости, то въ остальной Россіи старались сдѣлать московскіе цари, когда стали обращать вниманіе на внутреннее устройство государства. Такимъ образомъ, и свидѣтельства источниковъ, и наведенія, и аналогическое развитіе въ областяхъ, имѣвшихъ совершенно различное устройство — все заставляетъ насъ думать, что въ Новгородѣ съ самаго начала князь былъ судьею, и ограниченіе его другими выборными судьями есть явленіе позднѣйшее, относящееся къ тому времени, когда въ немъ утвердилось народовластіе.

Чтобъ отстоять свою мысль, чтобъ набросить сильное подозрѣніе на извѣстіе лѣтописи о призваніи иноземцевъ для внутренняго распорядка, для водворенія правды и тишины, г. Погодинъ прибѣгаетъ, наконецъ, къ послѣднему, чрезвычайному средству. На стр. 58, прим. 90, онъ говоритъ: Признаюсь, въ этихъ выраженіяхъ слышится мнѣ Норманнское

преданіе: не было ль какой Саги у насъ, поступившей въ повѣствованіе Нестора?» — Мы думаемъ, что здѣсь авторъ, можетъ-быть, увлекся ложно понятымъ чувствомъ, которое въ другомъ мѣстѣ такъ несправедливо заставило его заподозрить чуждый голосъ въ простомъ ученомъ результатѣ; ибо г. Погодинъ рѣшительно отступилъ отъ обыкновенной своей методы вѣрить только источникамъ и не прибѣгать къ предположеніямъ, когда они совершенно не нужны. Пристрастіе къ извѣстнымъ любимымъ мыслямъ здѣсь взяло верхъ надъ наукой и строгой истиной. Читатели сами видятъ, что здѣсь нѣтъ никакихъ основаній отвергнуть сказанія и прибѣгать къ догадкамъ.

Послѣ того, какъ будто недовольный еще приведенными доказательствами, г. Погодинъ ссылается на мнѣнія Шлецера, Миллера, которые видятъ въ призванныхъ Варяго-Русахъ только защитниковъ, предводителей, оберегателей границъ, — мнѣнія, доказывающія только, что оба, какъ иностранцы, не довольно вникли въ древній русскій бытъ, чтобъ понять призваніе, какъ оно разсказано въ лѣтописи. Надобно быть Русскими, или ужь по крайней мѣрѣ совершенно сжиться съ простымъ народомъ, чтобъ понять такое явленіе за тысячу лѣтъ назадъ. Слова г. Сенковскаго о значеніи нашего князя доказываютъ только, что онъ обратилъ особенное вниманіе на военное значеніе князя — не болѣе; ибо о томъ, имѣлъ ли князь участіе въ судѣ или нѣтъ, онъ не говоритъ ни слова.

Наконецъ, г. Погодинъ находитъ, что исключительно военное назначеніе князя подтверждается и послѣдовавшими событіями послѣ избранія: пребываніемъ Рюрика въ Ладогѣ, преданіемъ о Вадимѣ, оставленіемъ Новгорода Олегомъ, совершеннымъ отдѣленіемъ Новгорода при Святославѣ и, наконецъ, остальною исторіею этого города (стр. 59). Разсмотрѣвъ всѣ *эти событія, мы найдемъ*, что большая часть изъ нихъ гово-

рить противъ мнѣнія г. Погодина, прочія ничего не доказываютъ. Пребываніе Рюрика въ Ладогѣ находитъ свое объясненіе въ извѣстіи Никоновской лѣтописи, что «пришельцы боялись звѣринаго ихъ обычая и нрава». Объ этомъ звѣрствѣ говорятъ и арабскіе писатели. Преданіе о Вадимѣ показываетъ только, что Новгородцы думали видѣть въ пришельцахъ князей по своимъ понятіямъ, но ошиблись; пришельцы стали ихъ грабить и притѣснять. О причинахъ оставленія Новгорода Олегомъ мы ничего не знаемъ. Можно насчитать много причинъ; одною изъ важныхъ, конечно, было желаніе быть ближе къ Византіи. Совершеннаго отдѣленія Новгорода при Святославѣ мы не видимъ. Напротивъ, настоятельное и дерзкое требованіе князя и слова: «если не дашь князя, мы найдемъ себѣ», показываютъ только, что Новгородцы не могли жить безъ него. Это же мы видимъ и въ-послѣдствіи. Г. Погодинъ согласится съ нами, что необходимость защиты отъ внѣшнихъ враговъ не могла имѣть вліянія на такое дерзкое требованіе, ибо онъ самъ говоритъ, что Новгородцы платили дань за море «мира дѣля», и что до самой смерти Ярослава, вѣроятно, именно вслѣдствіе этого, дружескія отношенія между Россіею и Скандинавами не нарушались ни разу. Стало-быть, въ князѣ Новгородцы искали не защитника, а правителя. Наконецъ, вся исторія Новгорода блистательно доказываетъ, что они не умѣли управиться у себя сами собою и нуждались въ посредничествѣ князя. Отсутствіе его всегда ознаменовывалось кровавыми сценами и страшными волненіями.

Вслѣдствіе всего-сказаннаго, мы не видимъ никакого основанія отвергать причины призванія, выставленныя у лѣтописца, или перетолковывать ихъ по своему, какъ сдѣлалъ Шлёцеръ. Намъ кажется это событіе очень простымъ и естественнымъ. Когда въ обществѣ по преимуществу патріархальномъ нѣтъ головы, старѣйшины, раздоры и междоусобія рано

или поздно должны возникнуть. Всего естественнѣе они возникаютъ при избраніи въ старѣйшины. Взаимная зависть родовъ дѣлаетъ невозможнымъ избраніе кого-либо изъ своей среды. Естественно, что прибѣгаютъ къ избранію совершенно посторонняго, равно чужаго для всѣхъ избирающихъ. Сколько тяжебъ и теперь еще рѣшается у насъ въ простомъ народѣ тѣмъ, что спорная вещь отдается третьему, постороннему, и такимъ рѣшеніемъ остаются оба совершенно довольны! Такъ объясняетъ призваніе и Рейцъ въ своей «Исторіи Русскаго Законодательства».

На страницѣ 60-й по поводу одного мѣста изъ лѣтописи, гдѣ говорится о раздачѣ «мужамъ» городовъ, г. Погодинъ мимоходомъ касается важнаго вопроса, былъ ли у насъ при Варягахъ феодализмъ или нѣтъ? И рѣшаетъ его отрицательно. По нашему мнѣнію, такое рѣшеніе ошибочно. Изъ того, что Рюрикъ раздавалъ города своимъ сподвижникамъ, нисколько не слѣдуетъ, что Варяго-Руссы принесли къ намъ феодальную систему: это справедливо. Но мы думаемъ, что есть другія доказательства болѣе важныя. Поводомъ, заставляющимъ предполагать у насъ феодальную систему при Варягахъ-Руси, мы считаемъ дружинное устройство послѣднихъ. Пришедшіе къ намъ съ Рюрикомъ являются болѣе его сотоварищами, нежели подданными. Если этого не видно именно при немъ, то это видно при послѣдующихъ князьяхъ этого періода. Дружина договаривается съ княземъ, присягаетъ ему, объявляетъ свое неудовольствіе; князья ею дорожатъ, даютъ ей часть изъ добычи, и мы не имѣемъ никакого повода думать, чтобъ они такъ поступали по доброй волѣ. Напротивъ, видно, что князь имѣлъ къ своимъ сотоварищамъ отношеніе договорное, а не основанное на государственныхъ началахъ, какъ въ послѣдствіи. Это-то и заставляетъ насъ думать, что система управленія, *принесенная* къ намъ Варягами-Русью, была по всѣмъ вѣ-

роятіямъ дружинная, т. е. феодальная, а не другая. Эта мысль подтверждается и нѣкоторыми фактами, на которые, какъ намъ кажется, г. Погодинъ слишкомъ мало обратилъ вниманія, хотя онъ понимаетъ ихъ правильно. Еслибъ у насъ не было феодальной системы, для чего бы, кажется, было князю, въ трактатахъ съ Греками, выговаривать «уклады» на города? Ясно, что Олегъ выговариваетъ часть на долю своихъ мужей, остававшихся въ этихъ городахъ. А изъ этого слѣдуетъ, что они находились не въ подданническомъ, а скорѣе въ вассальномъ отношеніи къ Олегу. Далѣе г. Погодинъ дѣлаетъ весьма остроумное и, по нашему мнѣнію, вѣрное замѣчаніе, что имена, оканчивающіяся на *ь* или *овъ* въ Игоревомъ договорѣ означаютъ лица, отъ которыхъ отправлены послы къ Грекамъ. Кто же эти лица? По всѣмъ вѣроятіямъ, князья, получившіе въ Россіи владѣнія. Невозможно иначе объяснить этотъ фактъ. Еслибъ такъ не было, почему бы, кажется, Игорю не послать однихъ своихъ пословъ? И если его приближенные, товарищи, были его подданные, какъ они могли вмѣстѣ съ нимъ посылать своихъ пословъ? Далѣе, Константинъ Багрянородный говоритъ, что съ наступленіемъ ноября мѣсяца русскіе князья оставляли Кіевъ и разъѣзжались по другимъ городамъ или въ земли подвластныхъ Руссамъ Славянъ, гдѣ и проводили зиму, а со вскрытіемъ Днѣпра въ апрѣлѣ, опять пріѣзжали въ Кіевъ. Г. Погодинъ думаетъ, что подъ русскими князьями здѣсь разумѣются кіевскіе (стр. 255). Но мы не видимъ никакого основанія къ такому толкованію; напротивъ, вмѣстѣ съ другими доказательствами, особливо съ договорами нашихъ князей съ Греками, это интересное извѣстіе Константина Багрянороднаго еще болѣе убѣждаетъ насъ, что въ Россіи былъ не одинъ князь, а многіе, которые находились, вѣроятно, въ вассальномъ отношеніи къ великому князю, начальнику пришедшей къ намъ дружины. Послѣднее подтверждается мѣстами

изъ договоровъ, въ которыхъ говорится о «князьяхъ сущихъ подъ рукою» великаго князя кіевскаго, и еще болѣе лѣтописью, въ которой именно сказано: «по тѣмъ бо городомъ сѣдяху велиціи князи, подъ Ольгомъ суще».— Къ этимъ доказательствамъ, что кромѣ кіевскаго были у насъ въ варяжскій періодъ и другіе владѣтельные князья, зависѣвшіе отъ перваго, присоединяются и другія. Въ лѣтописи говорится, что Рогволодъ «пришелъ иза морья, имяше власть свою в Полотьскѣ, а Туры Туровѣ, отъ него же и Туровци прозвашася» (Лаврент., стр. 45). Что они, по крайней мѣрѣ Рогволодъ, дѣйствительно владѣли этими городами потомственно, постоянно, видно изъ того, что Владиміръ отдалъ Рогнѣдѣ и сыну ея, Изяславу, прежнее владѣніе Рогволода, по совѣту бояръ, которые сказали ему «воздвигни (ей) вотчину ея». Потомъ мы находимъ въ лѣтописи, послѣ описанія похода Ольги на Древлянъ: «И взъложиша на ня дань тяжку: 2 части дани идета Киеву, а третья Вышегороду к Ользѣ, бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ» (стр. 31). И такъ, часть дани шла къ Ольгѣ (параллельное къ этому мѣсто мы находимъ нѣсколько страницъ выше, въ разсказѣ объ убіеніи Игоря: здѣсь дружина понуждаетъ князя идти въ дань, чтобъ поживиться ею вмѣстѣ съ княземъ, а князь, желая получить больше, отсылаетъ дружину и отправляется опять въ дань съ немногими). Вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ, что и отъ Ольги былъ посланъ кто-то въ Грецію вмѣстѣ съ послами Игоря, какъ ни темно слово искусеви. Вотъ все, что мы запомнили изъ лѣтописи въ подтвержденіе нашей мысли. Изъ соображенія всѣхъ этихъ фактовъ выходитъ, что, кромѣ великихъ князей, были у насъ въ варяжскій періодъ и другіе князья, владѣвшіе городами, можетъ быть наслѣдственно, — князья, которые находились подъ властью великаго князя, но вмѣстѣ съ тѣмъ получали часть *изъ дани, собираемой* имъ, посылали вмѣстѣ съ нимъ пословъ,

вмѣстѣ съ нимъ вели торговлю, и не находились у него въ безусловномъ повиновеніи, судя по гордому отвѣту Рогнѣды на предложеніе Владиміра. Лѣтомъ, эти князья окружали великаго князя кіевскаго, ходили съ нимъ въ дань, въ походы, а на зиму разъѣзжались по своимъ владѣніямъ. Что съ ними сталось потомъ—мы не знаемъ; быть-можетъ, ихъ постигла одна судьба съ Рогволодомъ.

Что феодальная система, занесенная къ намъ Варягами-Русью, не имѣла строгой, юридической опредѣлительности, не успѣла развиться и изъ личной обратиться въ территоріяльную — это почти вѣрно. Но мы и не хотѣли доказывать противнаго. Вся цѣль нашихъ выписокъ — показать, что князья кіевскіе сначала не управляли Россіей посредствомъ намѣстниковъ, посадниковъ, которые находились къ нимъ въ подданническихъ отношеніяхъ; что сначала эти князья-подручники были нѣчто болѣе обыкновенныхъ правителей, нетолько въ теперешнемъ смыслѣ, но даже въ смыслѣ удѣльнаго періода. (Мы разумѣемъ здѣсь не отношенія удѣльныхъ князей между собою, но ихъ отношенія къ посадникамъ и намѣстникамъ).

Прибавимъ къ этому, что такой порядокъ вещей отозвался и въ политической системѣ Ярослава. Онъ роздалъ удѣлы своимъ сыновьямъ, подчинивъ ихъ старшему, кіевскому. Удѣльные князья не были намѣстниками послѣдняго; но какія были ихъ отношенія къ ихъ владѣніямъ? Разрѣшить этотъ вопросъ, особливо съ самаго начала періода удѣловъ, чрезвычайно трудно. Они были въ удѣлахъ полновластные господа, и въ тоже время удѣлы не были ихъ собственностью, потому что они безпрестанно переходили изъ одного удѣла въ другой. Скажемъ въ заключеніе, что параллельныя мѣста, приведенныя г. Погодинымъ, доказываютъ противное его мнѣнію: ярли далеко не намѣстники.

Общій взглядъ автора на княженіе Рюрика показался намъ страннымъ. Г. Погодинъ задаетъ себѣ вопросъ: «есть ли княженіе Рюрика событіе Новгородское или Всероссійское и въ какой степени? Здѣсь ли основаніе государства? Въ какой связи находится это происшествіе съ послѣдующими? Суть ли послѣдующія происшествія развитіе онаго и въ какой мѣрѣ?» (стр. 69) и отвѣчаетъ на нихъ такъ: «Это событіе принадлежитъ одному Новгороду, особенно потому, что преемникъ Рюрика оставилъ Новгородъ—и послѣ него все здѣсь пришло въ первобытное положеніе. Здѣсь на время только появилась новая гражданская форма, поэтому прибытіе Рюрика нельзя считать началомъ Русскаго государства. Оно ничто иное какъ прибытіе Норманновъ въ Россію—Норманновъ, которые въ послѣдствіи, въ теченіи шести вѣковъ (?) ославяниваясь, будутъ давать, по мѣрѣ своего размноженія (?) гражданскую форму поселеніямъ племенъ Славянскихъ» (стр. 70). Вся важность этого событія, связь его съ послѣдующимъ, въ Рюрикѣ, родоначальникѣ будущей династіи, государѣ «добровольно приглашенномъ, слѣдовательно пришедшемъ съ чувствами дружелюбными, а не враждебными». Призваніе Рюрика — начало начала. Послѣ того, г. Погодинъ находитъ нужнымъ воздать честь Новгороду, «старшему сыну Россіи», который призвалъ Рюрика, начальника династіи, преобразовавшей патріархальный славянскій бытъ.

Что сказать на все это? Странное благоговѣніе передъ частнымъ событіемъ помимо главнаго, передъ случайностью помимо необходимаго! Еслибъ умеръ Рюрикъ, не оставивъ преемниковъ — его мѣсто, вѣроятно, занялъ бы другой, была бы не Рюрикова, а какая нибудь другая династія, вѣроятно, тоже русско-варяжская, и дѣла бы отъ этого нисколько не перемѣнились въ главномъ, а перемѣнились бы только въ частностяхъ. *Съ какими* чувствами пришелъ къ намъ Рюрикъ —

этого мы не знаемъ, а изъ призванія заключить нельзя; знаемъ только, что Варяги-Русь дѣйствовали у насъ такъ, какъ будто бы они завоевали Россію, и бунтъ Вадима, безпрестанныя возстанія подвластныхъ племенъ и множество другихъ фактовъ, которые собраны самимъ авторомъ въ концѣ книги, очевидно доказываютъ, что вопросъ о томъ, пришли ли Варяги-Русь къ намъ, какъ завоеватели, или по призыву, — вопросъ любопытства — никакъ не болѣе: какъ бы не явились они въ Россію, но поступали они крутенько. Почему авторъ думаетъ, что Варяги-Русь ославянивались въ продолженіе шести вѣковъ (если это только не опечатка) — понять не можемъ. Наконецъ, не знаемъ также, за что именно мы должны благодарить Новгородъ. Думаемъ, что, призывая къ себѣ князей, или допустивъ ихъ въ свою землю, Новгородцы мало объ насъ думали; сверхъ того, мы знаемъ, что они и сами потомъ раскаялись. Еслибъ кто-нибудь, пообѣдавъ на дорогѣ, оставилъ хлѣбъ, а другой голодный нашелъ его случайно и наѣлся имъ досыта — не знаю, за чтобы послѣдній сталъ благодарить перваго. Не ясный ли тутъ историческій мистицизмъ. Здѣсь онъ страненъ, и только; но часто онъ доводитъ до самыхъ ложныхъ выводовъ. Всѣ эти ни къ чему неведущія разсужденія заключаются слѣдующимъ очень, дѣльнымъ и основательнымъ замѣчаніемъ:

«Итакъ, здѣсь нѣчего еще говорить ни объ завоеваніи, ни о призваніи; нѣчего искать отсюда только слѣдствій призванія, и еще менѣе завоеванія; нѣчего основывать на этомъ отличіи отличія прочей Россійской Исторіи, отъ Исторіи всѣхъ европейскихъ государствъ. Причины этого отличія исторіи заключаются не въ этомъ одномъ событіи, а вмѣстѣ со слѣдующими». (Стр. 71.)

Въ IV главѣ находимъ изслѣдованія объ Олегѣ. Отмѣтимъ только то, что намъ показалось неудовлетворительнымъ. На стр. 74 авторъ говоритъ, что Олегъ оставилъ Новгородъ совсѣмъ не думая возвратиться, и находитъ подтвержденіе этой

догадки между прочимъ въ томъ, что при Святославѣ Новгородъ, кромѣ дани, нисколько не принадлежалъ кіевскому князю. Но во первыхъ, въ другихъ мѣстахъ г. Погодинъ говоритъ же, что вся зависимость заключалась въ дани. Въ этомъ смыслѣ Новгородъ принадлежалъ Святославу. Во вторыхъ, дани установилъ Олегъ у Славянъ (Новгородцевъ) уже послѣ взятія Кіева; слѣдовательно, Новгородъ принадлежалъ ему и тогда, когда онъ изъ него вышелъ съ мыслью не возвращаться. Ольга, по словамъ лѣтописи, ходила въ Новгородъ и уставляла по Мстѣ погосты и дани; слѣдовательно, онъ находился подъ ея властью, когда она правила землей. Наконецъ, требованіе князя со стороны Новгородцевъ и отвѣтъ Святослава не даютъ намъ никакого права думать, что Новгородъ не принадлежалъ ему. Святославъ всю свою жизнь провелъ на войнѣ, не заботясь о правильномъ внутреннемъ устройствѣ своей земли. Новгородцы, прося у него князя, показали, что хотятъ отъ него зависѣть и признаютъ его власть, а отвѣтъ Святослава можетъ быть столько же истолкованъ неугомонностію Новгородцевъ, сколько отдаленностію Новгорода отъ Греціи, юга, куда такъ и тянуло пришельцевъ Русь. Самое лучшее объясненіе ухода изъ Новгорода есть то, которое предлагаетъ г. Погодинъ: шли куда глаза глядятъ, и шли не думая, какъ и что они оставляютъ, не думая о зависимости или независимости страны послѣ ея оставленія.

Потомъ говорится о занятіи Олегомъ Кіева. Г. Погодинъ находитъ, что и здѣсь нѣтъ завоеванія (стр. 78).

«Насиліе сдѣлано только противъ единоплеменниковъ, Аскольда и Дира. Тихіе Поляне столь же покойно стали называть своимъ господиномъ Олега, какъ прежде Аскольда и Дира и еще прежде Козаръ и Кія съ братьями. Чувство, такъ сказать, призванія оставалось при видѣ этой безпрекословной покорности, которою обезоружено было даже звѣрство Норманновъ. Это было спокойное занятіе — притомъ занятіе одного города малочисленною ватагою. *Слѣдовательно и здѣсь нѣчего* говорить о завоеваніи и слѣдствіяхъ его».

Удивительное желáніе хитростями обходить вопросъ! Изъ словъ г. Погодина выходитъ, что завоевать Славянъ было математически невозможно. Мы, право, не понимаемъ, чего онъ хочетъ. Пришла дружина, шайка — какъ хотите назовите — съ сѣвера, убила князя кіевскаго и овладѣла Кіевомъ. Авторъ находитъ, что это не завоеваніе, а занятіе, что Славяне обезоружили Варяговъ-Русь своею покорностію. Стало-быть, для завоеванія нужно сопротивленіе со стороны завоевываемыхъ? Странное, хотя и новое понятіе о завоеваніи! И какой герой былъ Рюрикъ, какъ великодушны его сподвижники! Славяне покорились имъ добровольно, и они, какъ истинные рыцари (впрочемъ, не дѣйствительно бывшіе, а вымышленные, въ романахъ), даровали имъ и жизнь и свободу! Правда, факты и этой эпохи и послѣдующей, удѣльной, доказываютъ противное; они показываютъ угнетеніе, разореніе земли пришельцами. Но что за нужда? Лѣтопись говоритъ, что пришельцы были призваны, слѣдовательно, они не завоевывали... Можно ли такъ обезображивать исторію готовыми теоріями и любимыми взглядами!

Рядомъ съ этой странной натяжкой мы находимъ весьма дѣльное замѣчаніе, уже предложенное Рейцомъ, но не развитое такъ подробно, какъ здѣсь—замѣчаніе, что 300 гривенъ, которыми обложилъ Олегъ Новгородцевъ, платились ими не кіевскимъ князьямъ, не оставшимся въ Новѣгородѣ Варягамъ, а за море, чѣмъ и купленъ былъ у нихъ міръ.

Пятая глава занята изслѣдованіями о родѣ кіевскихъ князей. Особенно интересно изслѣдованіе о происхожденіи Ольги. Авторъ, на основаніи историческихъ преданій и еще болѣе изъ характера дѣйствій Ольги доказываетъ, что она была варяжскаго рода. Все это изслѣдованіе ведено превосходно, блистательно. Впрочемъ, и въ этой главѣ мы нашли нѣсколько мыслей, съ которыми не можемъ согласиться. Такъ, напр.

(стр. 121), г. Погодинъ думаетъ, что туземцы, т. е. земледѣльцы, не употреблялись Варягами на войну, и мѣста изъ Нестора, въ которыхъ исчисляются племена, давшія войско «заимствованы, вѣроятно, изъ домашней саги и должны означать только могущество Олега, какъ повелителя столь многихъ племенъ». Г. Погодинъ говоритъ, что нигдѣ въ древней лѣтописи даже о позднѣйшемъ времени нѣтъ ничего подобнаго и въ подтвержденіе этого мнѣнія приводитъ слѣдующее мѣсто «нача (Владиміръ Мономахъ) глаголати к Святополку, понужая его на поганыя, на весну... Дружина (Святополкова) рекоша: не веремя нынѣ погубити смерьды отъ рольи... И рече Володимеръ: но се дивно ми, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коній, а сего не помышляюще, оже на весну начнетъ смердъ тотъ орзти лошадью тою, и пріѣхавъ Половчинъ ударитъ смерда стрѣлою и поиметъ лошадь ту, и жону его и дѣти, и гумно его зажжетъ». Кажется, говоритъ онъ, что у земледѣльцевъ брались только лошади въ случаѣ нужды. Едва ли это такъ. Всѣ параллельныя мѣста, приведенныя г. Погодинымъ въ статьѣ о мужахъ Рюриковыхъ изъ извѣстій о Норманнахъ, доказываютъ противное: ярли должны были ставить конунгамъ войско. Но положимъ, это извѣстіе ничего не доказываетъ, потому что эти войска могли быть набранныя изъ охотниковъ. Возьмемъ другіе примѣры: Норманны вовлекали въ свои походы и Славянъ; Гунны, Готы, Монголы то же. Не знаемъ, почему бы того же самаго не дѣлали Норманны и у насъ. Наконецъ, мѣсто, приведенное г. Погодинымъ, говоритъ прямо противъ него. Слова: «не время нынѣ погубити смерьды отъ рольи» и отвѣтъ Владиміра: «оже смердовъ жалуете и ихъ коній» показываютъ, что и смердовъ и ихъ коней брали на войну. Къ этимъ доказательствамъ присоединяются и самыя мѣста изъ лѣтописи, о которыхъ идетъ рѣчь: «иде Олегъ на Греки, *и поя множество* Варягъ и Словенъ, и Чуди, и Кривичи,

и Мерю и Деревляны и т. д., всего двѣнадцать племенъ. Безъ рѣшительныхъ, ясныхъ свидѣтельствъ эти слова не могутъ быть отвергнуты; перетолковать ихъ невозможно. — Далѣе г. Погодинъ говоритъ:

«Пришлое воинственное племя Варяги-Русь разошлось съ князьями и мужами ихъ по всѣмъ главнымъ городамъ или селамъ Славянскимъ, и населеніе ихъ, вслѣдствіе этого прибавленія, измѣнилось. Варяги-Русь сдѣлались основаніемъ городовыхъ дружинъ, военнаго сословія, которое дополнялось часто новыми пришельцами». (Стр. 122.)

Доказывая это положеніе разными свидѣтельствами, г. Погодинъ между прочимъ ссылается на возстаніе Кіевлянъ и рѣшительный тонъ, которымъ они говорятъ съ князьями. Эту перемѣну въ тихихъ и кроткихъ Полянахъ, онъ приписываетъ вновь пришедшему къ нимъ норманскому элементу. Но такое доказательство не убѣдительно. Въ сѣверо-восточную Россію Варяги не приходили, однако и тамошніе жители говорили и дѣйствовали иногда довольно рѣзко, даже Москва. Полянъ образовала и измѣнила исторія, опытность, а не приплывъ новыхъ стихій; иначе должно бы предположить, что наши Славяне переродились и столько же оваряжились, сколько Варяги ославянились; но перваго принять нельзя, и самъ г. Погодинъ не принимаетъ.—Такъ же разсуждаетъ г. Погодинъ о Новѣгородѣ, и по нашему мнѣнію такъ же неосновательно. Самое раздѣленіе на пятины кажется ему варяжскимъ. Нортумберландъ, говоритъ онъ, назывался также пятиною Англіи. Это сближеніе любопытно — не болѣе; большой цѣны въ историческомъ разсужденіи оно не имѣетъ.

Въ VI главѣ говорится о дѣйствіяхъ кіевскихъ князей до кончины Ярослава, преимущественно о ихъ походахъ. И здѣсь такъ же, какъ и во всей книгѣ, авторъ безпрестанно сравниваетъ дѣйствія нашихъ князей съ дѣйствіями конунговъ и вождей норманскихъ, и выставляетъ на первый планъ ихъ раз-

тельное сходство. О походахъ къ племенамъ славянскимъ онъ говоритъ слѣдующее:

«Вѣроятно, Несторъ обращалъ вниманіе только на тѣ, послѣ которыхъ то или другое племя начинало платить дань кіевскимъ князьямъ. О повторительныхъ онъ не упоминаетъ, развѣ въ случаѣ сопротивленія племенъ». (Стр. 135.)

То есть, сказали бы мы, Несторъ записалъ только походы противъ племенъ неподвластныхъ, или возмутившихся, нехотѣвшихъ быть подвластными, — словомъ, одни походы военные. О мирныхъ походахъ съ цѣлью собрать дань онъ не говоритъ, потому что они столько же отличались отъ военныхъ, сколько послѣдующіе походы московскихъ царей въ Троицкую Лавру отъ походовъ на Казань, въ Крымъ и т. д. Можетъ-быть, то же самое хотѣлъ сказать и авторъ, только слова его темны. Эта глава, подобно другимъ, не обошлась безъ замѣчаній — не историческихъ, а какихъ-то странныхъ.

«Характеръ походовъ варяжскихъ былъ у насъ иной, нежели въ прочей Европѣ: они не являются грабителями и опустошителями. Это было безъ всякаго сомнѣнія по той причинѣ, что славянскія племена, тихія, смирныя, не раздражали ихъ, не представляли имъ никакого сопротивленія (напримѣръ Поляне, Радимичи), не такъ, какъ на Западѣ, или представляли малое, (Древляне, Сѣверяне), исполняли тотчасъ ихъ требованія, кромѣ Тиверцевъ, Вятичей, которые, кажется, пытались было воспользоваться своею отдаленностію» (стр. 138).

Съ чего же взялъ г. Погодинъ, что Варяги-Русь не являются грабителями, опустошителями? А разсказъ о поступкѣ Игоря съ Древлянами, за который онъ былъ убитъ? Почитайте грамоты уставныя временъ Іоанна Грознаго: еще тогда намѣстники и ихъ люди такъ грабили области, что жители разбѣгались. Врядъ ли при Варягахъ-Руси было лучше. Еслибъ они были такъ добры, за что жь бы, кажется, племенамъ возмущаться — имъ, кроткимъ, мирнымъ Славянамъ, которые *такъ охотно переходили* изъ-подъ власти Козаръ подъ

власть Аскольда и Дира, и изъ-подъ ихъ власти подъ власть Олега? А походы противъ одного и того же племени повторялись часто.

Потомъ говорится о походахъ противъ сосѣднихъ племенъ. По этому поводу авторъ вновь изслѣдовалъ вопросъ о мѣстоположеніи Тмуторокани и опровергаетъ мнѣніе академика Шегрена, что подъ Чудью, платившею дань Руси, должно разумѣть сосѣднюю съ Новгородомъ, а не заволочскую Чудь, Емь искать на юго-восточномъ берегу Ладожскаго озера, въ Тихвинскомъ уѣздѣ, а не въ южной Финляндіи. Потомъ о походахъ Руси въ Грецію; наконецъ, о междоусобіяхъ.

Глава VII посвящена военному дѣлу въ этотъ періодъ. Методъ намъ понравился. Г. Погодинъ выписываетъ всѣ мѣста лѣтописи, гдѣ говорится о войскѣ, и потомъ дѣлаетъ изъ нихъ выводы и заключенія. Правда, не всегда этотъ методъ вполнѣ достигаетъ своей цѣли. Нужно, чтобъ мѣста говорили о предметѣ ясно, опредѣлительно; но тамъ, гдѣ мнѣніе основано болѣе на соображеніяхъ, чѣмъ на прямыхъ свидѣтельствахъ, выписка мѣстъ не ведетъ ни къ чему. Мы скажемъ еще объ этомъ въ послѣдствіи. Также собраны мѣста и объ отрокахъ, гридняхъ. Почему г. Погодинъ думаетъ, что отроки были нàбольшіе изъ дружины — право, не знаемъ. Изъ приведенныхъ мѣстъ этого не видно. Сверхъ того, однѣхъ выписокъ лѣтописи не достаточно. Сколько намъ извѣстно, отроки были молодые люди знатныхъ фамилій, служившіе при князѣ, а вовсе не нàбольшіе въ дружинѣ. О гридняхъ сказано, что они были всегда при князѣ въ видѣ тѣлохранителей. Отчего же они были и въ Новѣгородѣ въ этомъ періодѣ? О содержаніи дружины говоритъ авторъ очень неопредѣленно:

«Разумѣется, она имѣла содержаніе отъ князя, который получалъ дань по большей части естественными произведеніями. Это также ясно изъ Эймундовой саги. Можетъ-быть, содержаніе, какъ князя, такъ дружины и воевъ, шло

оставлено было извѣстнымъ волостямъ, изъ которыхъ каждая обязывалась кормить, имѣть на своемъ содержаніи такое-то количество или отрядъ, тянуть къ такому-то городу. Въ Русской Правдѣ читаемъ же мы исчисленіе, что должны получать въ постный и скоромный день Вирники съ ихъ отроками: не мудрено предположить подобныя распредѣленія и для воевъ» (стр. 225 и 226).

Эта неопредѣленность очевидно происходитъ отъ ложнаго понятія автора объ отношеніи дружины къ князю. Извѣстно, что князь имѣлъ свою дружину, его приближенные—свою, не говоря о тѣхъ, которые владѣли городами и областями. Каждый начальникъ содержалъ свою дружину, которая служила ему отчасти по найму, временно, отчасти была постоянная, и тогда дружинникамъ, можетъ-быть, предоставлялись на прокормленіе волости. Точно то же мы видимъ и въ послѣдствіи. Содержаніе вирниковъ вовсе сюда нейдетъ. Въ дани и добычѣ участвовала дружина, потому что она имѣла къ предводителю не подданническое отношеніе.

Изображеніе норманской дружины по Стрингольму, дѣйствительно, разительно сходно съ отрывочными извѣстіями лѣтописи, и авторъ правъ, говоря: не кажется ли, что оно сдѣлано по Нестору? Но въ переводѣ есть натяжки. Напримѣръ, Armring авторъ переводитъ словомъ гривна и говоритъ, что иначе нельзя перевести. Но кольцо, которое надѣвалось на руку, и гривна, которую носили на шеѣ — большая разница. Наконецъ, замѣтимъ, что въ изчисленіи русскаго войска пропущено показаніе арабскихъ писателей, которое находимъ въ другомъ мѣстѣ въ разбираемой нами книгѣ. За исключеніемъ этихъ частныхъ недостатковъ, вся глава превосходна.

Глава восьмая, о древней русской торговлѣ, какъ намъ кажется, еще лучше, еще совершеннѣе. Это образецъ исторической критики, хотя со всѣми выводами мы то же не можемъ *согласиться.* Читатели, вѣроятно, уже знакомы съ этой пре-

восходной статьей, помѣщенной авторомъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія»; поэтому мы и не станемъ надъ ней долго останавливаться, и постараемся въ короткихъ словахъ разсказать ея содержаніе и главные результаты. Сначала говорится о торговлѣ съ Греціей. Эта торговля велась изъ Кіева, Новгорода, Смоленска, Любеча (?), Чернигова и Вышегорода, по пути, давно извѣстному подъ названіемъ греческаго, и котораго подробное описаніе, равно какъ и самой торговли, находимъ у Константина Багрянороднаго и Нестора. Эта торговля велась самими князьями. Кромѣ того, по Днѣпру, Черному морю, Руссы торговали съ Черной Болгаріей, Хозарами и съ Сиріей, а по Волгѣ и Каспійскому морю съ землями на югъ отъ Каспійскаго моря. По крайней мѣрѣ есть извѣстіе, что они были въ Итилѣ (Астрахани). На западѣ они вели торгъ съ дунайскими Болгарами и карпатскими странами: Венгріей, Галиціей и Богеміей; на сѣверъ — съ балтійскими Славянами. Есть поводъ думать, что позднѣйшая торговля Новгорода, Пскова, Смоленска, Полоцка съ Даніей, островомъ Готландомъ и Любекомъ производилась очень рано. Торговля Новгородцевъ съ Біарміей или Пермью и Югрою также весьма древняя. — Съ другой стороны, есть у арабскихъ писателей извѣстіе о торговлѣ волжскихъ Болгаръ съ Visu, кажется Весью, которые, какъ видно изъ лѣтописи, находились въ сношеніяхъ съ Новгородомъ и были извѣстны Варягамъ. Такимъ образомъ, изъ туземныхъ и иностранныхъ извѣстій открываются слѣдующіе торговые пути: изъ Скандинавіи въ Гардарикъ, — изъ Скандинавіи въ Біармію, по Бѣлому морю, — изъ Новагорода въ Кіевъ, — изъ Новагорода въ Весь, Пермь, Югру, Печору, къ Самоѣди, — изъ Кіева въ Константинополь, въ Корсунь, къ дунайскимъ Болгарамъ, — изъ Кіева въ Итиль (Астрахань), Булгаръ (около Казани), — изъ Булгаръ въ Итиль къ Веси, — изъ странъ каспійскихъ въ

Итиль (стр. 277). Товары, которые составляли предметъ этой торговли и главныя торговыя мѣста въ Россіи то же исчислены. Этими торговыми сообщеніями объясняются географическія свѣдѣнія Нестора объ отдаленныхъ странахъ, равно какъ и Арабовъ о сѣверѣ. — Всѣ эти свѣдѣнія, почерпнутыя изъ лѣтописей и вообще письменныхъ памятниковъ, авторъ подтверждаетъ авторитетомъ Френа, Стрингольма, Сенковскаго и въ особенности г. Григорьева, которые, на основаніи восточныхъ монетъ, во множествѣ находимыхъ въ Россіи и въ Сѣверной Германіи, дошли въ главныхъ чертахъ до тѣхъ же результатовъ, вѣроятно, послужившихъ въ пользу и г. Погодину при его изслѣдованіяхъ. Какъ бы то ни было, это согласное мнѣніе многихъ ученыхъ очень важно и должно освѣтить новымъ свѣтомъ древнѣйшую исторію сѣверо-востока Европы. Не довольствуясь этимъ, г. Погодинъ отыскиваетъ слѣды этой торговли гораздо раньше, нежели какъ можно судить по непосредственнымъ даннымъ. Онъ связываетъ извѣстія о ней съ извѣстіями Геродота о торговлѣ въ Сѣверо-восточной Европѣ и находитъ, что послѣдняя была лишь продолженіемъ первой.

Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ и догадкахъ много завлекающаго. Нѣтъ сомнѣнія, что результаты очень любопытны и, кажется, основаны на твердыхъ историческихъ данныхъ. Совсѣмъ тѣмъ мы осмѣливаемся думать, что авторъ въ окончательныхъ своихъ выводахъ увлекся слишкомъ далеко. Говоря о торговлѣ VIII, IX и X вѣковъ, онъ смотритъ на нее глазами нашего времени, придаетъ ей значеніе, котораго, она, какъ намъ кажется, тогда не имѣла и не могла имѣть, и потому приписываетъ ей дѣйствія, подлежащія большому сомнѣнію, по крайней мѣрѣ ничѣмъ не доказанныя. Извѣстно, что торговля и происходящія чрезъ нее безпрестанныя столкновенія *между разноплеменными* народами, жителями различныхъ

странъ, только тогда порождаетъ богатство, гражданственность, образованіе, когда самъ народъ принимаетъ въ ней дѣятельное участіе, когда торговля есть плодъ его потребностей, которымъ онъ на мѣстѣ удовлетворить не можетъ, и ищетъ восполнить недостающее у него мѣною собственныхъ произведеній на продукты чужихъ странъ и чужой промышленности. Возбужденныя потребности вызываютъ его на трудъ, на умноженіе своего, для того, чтобъ посредствомъ его пріобрѣсти нужное чужое. Кажется, такого значенія древняя торговля внутри Россіи не имѣла. Она была, вѣроятно, отчасти транзитная, отчасти не активная, а пассивная. О томъ и другомъ мы можемъ заключать и изъ самыхъ извѣстій объ этой торговлѣ, и изъ послѣдующаго. Еслибъ она не была транзитная, отчего бы, кажется, было прекратится ей въ половинѣ XI вѣка? Сильныхъ переворотовъ внутри Россіи, сколько извѣстно, тогда не было. Итакъ, переворотъ долженъ былъ произойдти или на сѣверѣ, или на югѣ, которые вели между собою торговлю чрезъ Россію. Другаго объясненія нельзя придумать. Далѣе, еслибъ торговля была дѣятельная, а не пассивная, отчего бы, кажется, остаться такому множеству восточныхъ монетъ? Самые изслѣдователи невольно пришли къ мысли, какъ намъ кажется, очень вѣрной, что покупалось у сѣверныхъ жителей (въ томъ числѣ и въ Россіи) больше, чѣмъ продавалось имъ южныхъ товаровъ. Торговлю активную уничтожить нельзя именно потому что корень, цѣль ея — въ самомъ торгующемъ народѣ, тогда какъ торговый путь, закупка товара можетъ, конечно, уменьшиться или вовсе изчезнуть, оставивъ по себѣ одни лишь воспоминанія, а иногда не оставляя по себѣ никакихъ воспомананій. Далѣе, судя по послѣдующему, мы имѣемъ то же право думать, что древнѣйшая торговля въ Россіи была отчасти транзитная, отчасти пассивная, по крайней мѣрѣ по преимуществу такая. Нѣтъ рѣшительно никакихъ слѣдовъ выс-

шаго образованія губерній, черезъ которыя пролегали торговые пути, въ сравненіи съ прочими. Въ XII вѣкѣ, владимірскій край былъ мало заселенъ и имѣлъ очень немного городовъ (Суздаль и Ростовъ); только Новгородъ и Псковъ отличались отъ прочихъ большею гражданственностью. Наконецъ, торговля наша была пассивною до самого Петра Великаго, который съ необыкновенными усиліями старался возбудить въ нашемъ купечествѣ желаніе и охоту самому торговать съ чужими краями, и хотѣлъ вырвать нашу торговлю изъ рукъ иностранцевъ, которые до него завладѣли ею совершенно. Всѣ послѣдующія мѣры торговой политики доказываютъ то же самое. Эти мѣры врядъ ли были бы нужны, еслибъ мы издавна привыкли торговать съ чужими странами. Вотъ почему, повторяемъ, извѣстія о древнѣйшихъ торговыхъ путяхъ въ Россіи очень важны, интересны и любопытны; но обогащая насъ фактическими свѣдѣніями, служа къ объясненію частныхъ явленій и событій, они не могутъ совершенно измѣнить нашъ взглядъ на древнѣйшій русскій бытъ и заставить искать въ отдаленныя времена образованности, которая съ такими усиліями и пожертвованіями начинаетъ доставаться намъ только въ наше время.

Столько о статьѣ вообще. Укажемъ теперь на нѣкоторыя частности, которыя намъ кажутся ошибочными. На страницѣ 255, г. Погодинъ приводитъ мѣсто изъ Константина Багрянороднаго: «Россійскіе Князья, оставивъ со всѣмъ своимъ народомъ Кіевъ, разъѣзжались (въ ноябрѣ) по городамъ своимъ или племенамъ... а какъ Днѣпръ вскроется, то отъѣзжали назадъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Кіевъ, и, вооруживъ... суда, предпринимали обыкновенное путешествіе въ Грецію». Подъ россійскими князьями г. Погодинъ разумѣетъ однихъ великихъ князей кіевскихъ. Но почему? Доказательствъ нѣтъ. Между тѣмъ, слова: «по городамъ своимъ или племенамъ» ясно указываютъ *на областныхъ*, а не кіевскихъ князей. Это же доказы-

ваетъ и мѣсто изъ договора Олега съ Греками: «въ странѣ нашей приходяще Русь да витаютъ у Св. Мамы, и после царство наше, да испишутъ имяна ихъ, и тогда возмутъ мѣсячинное свое перьвое отъ города Кіева, и паки изъ Чернигова, и изъ Переяславля и прочии грады». Впрочемъ, объ этомъ было уже говорено выше. — На страницѣ 248, авторъ задаетъ себѣ вопросъ: какая мелкая монета означается словомъ куны — кожаная или серебряная, и говоритъ, что, кажется, послѣдняя, на томъ основаніи, что куны давались наемнымъ Варягамъ, а ихъ нельзя было удовлетворить монетою, имѣвшею лишь мѣстную цѣну. Но врядъ это разсужденіе справедливо. Авторъ самъ приводитъ (стр. 113) разсказъ изъ Эймундовой Саги о сдѣлкѣ Эймунда съ Ярославомъ, гдѣ между прочимъ находимъ слѣдующее: «Эймундъ примолвилъ: сверхъ того долженъ ты отпускать на каждаго нашего воина по унціи серебра, а каждому начальнику лодьи платить еще по пол-унціи. Конунгъ возразилъ: этого мы не можемъ. Эймундъ сказалъ ему; можешь, господарь, потому что вмѣсто этой платы мы примемъ бобровъ, и соболей и другое добро, какое здѣсь въ вашей землѣ водится въ изобиліи; оцѣнку же имъ будемъ производить мы сами». Ошибка вся въ томъ, что авторъ непремѣнно хочетъ видѣть въ кунахъ кожаныя деньги, тогда какъ онѣ всего вѣроятнѣе были куньи шкурки и тѣмъ охотнѣе могли приниматься Варягами вмѣсто серебра и золота, что составляли предметъ торговли. — Поэтому намъ непонятно, на какомъ основаніи авторъ говоритъ, что во всѣхъ мѣстахъ лѣтописи, гдѣ упоминается о кунахъ, всего менѣе можно разумѣть настоящія куницы. Если кожаныя деньги у насъ когда-нибудь и существовали, то едва ли такъ рано, и мы думаемъ, что въ варяжскій періодъ разумѣть подъ кунами дѣйствительныя куньи шкурки всего вѣроятнѣе и естественнѣе. — Далѣе, на той же страницѣ находимъ слишкомъ поспѣшное заключеніе, что

слово скотъ есть очевидно слово норманское, потому что skott по шведски значитъ сокровище, подать, плата. Можетъ-быть и такъ, но гдѣ доказательства? Если слово имѣетъ корень въ своемъ туземномъ языкѣ, нельзя выводить его изъ иностранныхъ нарѣчій, не представивъ положительныхъ доказательствъ, что оно изъ нихъ заимствовано. Слѣдовательно, до очевиднаго при одномъ звукоподобіи далеко. Авторъ здѣсь увлекся норманскимъ элементомъ.

Глава IX имѣетъ предметомъ религію нашихъ Руссовъ и Славянъ. Въ этой главѣ много очень любопытныхъ и остроумныхъ замѣчаній, но въ то же время есть и натяжки, которыя бросаются въ глаза и внушены автору его любимою мыслью. Эти натяжки даже нисколько не согласованы съ общею мыслью автора о нашемъ и вообще всякомъ историческомъ развитіи. Вообще, видно, что, взявшись за этотъ предметъ, авторъ крѣпко стоитъ за свою мысль, и началъ проводить ее, не обращая вниманія ни на что, менѣе всего на сказанное имъ же самимъ въ другихъ мѣстахъ сочиненія.

Сначала г. Погодинъ весьма остроумно замѣчаетъ, что и въ отношеніи къ нашему обращенію въ христіянскую вѣру первыми дѣятелями были Варяги, и что они были первыми христіянами—«такъ что христіянствомъ обязаны мы Варягамъ, точно такъ же какъ и гражданскимъ устройствомъ» (стр. 302). Это справедливо a priori и доказывается историческими свидѣтельствами. Но вотъ чего мы никакъ понять не можемъ: выписавъ всѣ мѣста изъ Нестора, гдѣ упоминается о религіи и божествахъ въ варяжскій періодъ, авторъ говоритъ (стр. 304):

«Всѣ эти мѣста относятся къ Варягамъ-Руси, а не къ Славянамъ, представляютъ дѣйствія и вѣрованія Варяговъ-Руси, а не Славянскихъ нашихъ племенъ, всѣ они слѣдовательно принадлежатъ Миѳологіи Варяго-Русской, Скандинавской, *а не Славянской*, и съ этой точки должны быть объясняемы. Такъ требуетъ *здравый разсудокъ и историческая* послѣдовательность. Въ первомъ мѣстѣ мы

находимъ даже и положительное подтвержденіе нашей мысли: Ольга водивше (Греки) на роту и мужи его по Русскому закону клашася оружіемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, скотьимъ богомъ». Можетъ ли быть какое сомнѣніе, что это были боги Норманнскіе а не наши Славянскіе: Олегъ и мужи его, чистые Норманны, перваго поколѣнія, большею частію пришедшіе съ Рюрикомъ, не могли бы клясться чужими богами, богами, которымъ не вѣрили: всякой клянется своею клятвою. Какъ послѣ нѣкоторые Варяги-христіяне присягаютъ въ Церкви по Христіянскому закону: такъ и Олегъ клялся по своему Русскому закону».

Силлогизмъ вѣренъ, и до сихъ поръ намъ нигдѣ еще не случалось встрѣтить его въ печатной книгѣ. Г. Погодинъ первый замѣтилъ, что Варяги-Русь не могли клясться чужими богами и не могли принять чужой религіи въ короткое время, протекшее между пришествіемъ ихъ въ Россію и договорами съ Греками; но онъ дѣлаетъ изъ этого выводъ поразительно странный—что эта религія была не славянская, а норманская. Послѣ этого спрашивается: какъ же наши Славяне въ такое короткое время могли принять чужую религію? Это несравненно труднѣе себѣ представить, нежели перемѣну ея у Варяговъ-Руси. Признаемся, для насъ эта загадка неразрѣшима. Не только всѣ привыкли такъ думать, но дѣйствительно можно принять за несомнѣнную историческую истину, что Перунъ и Волосъ были божества славянскія, а не норманскія. Сравненіе скандинавской миѳологіи съ той, о которой говорится въ нашихъ лѣтописяхъ, показываетъ, что между ними не было ничего общаго. Это приводитъ къ мысли, что наши Варяги-Русь не были чистые Норманны-Германцы, какъ мы уже замѣтили въ другомъ мѣстѣ, и чего никакъ не хочетъ допустить г. Погодинъ. Онъ охотно жертвуетъ историческою вѣроятностью, правдоподобіемъ, охотно измѣняетъ естественный смыслъ фактовъ, охотно отступаетъ отъ законовъ историческаго развитія, такъ рѣзко защищаемыхъ имъ противъ своихъ противниковъ—и все для того, чтобъ спасти свое любим-

мое положеніе, что Варяги-Русь были Скандинаво-Германцы. Странная настойчивость, особенно въ писателѣ неумолимо-строгомъ къ неточностямъ другихъ изслѣдователей! Вообще, вся эта статья, за исключеніемъ самаго начала ея, гдѣ г. Погодинъ такъ смѣло и прямо поставилъ вопросъ, очень, очень слаба. Представимъ примѣры. Константинъ Багрянородный говоритъ, что у насъ не было скотоводства. Г. Погодину, который вездѣ буквально держится его словъ, это извѣстіе не нравится. Положимъ, что онъ правъ. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы привести положительныя, ясныя доказательства, что въ этомъ отношеніи императоръ Константинъ ошибался; того требуютъ законы исторической критики. Вмѣсто этого мы находимъ вотъ что (стр. 306):

«Чтобъ у насъ не было скотоводства, (и потому скотій богъ не можетъ значить богъ стадъ—это ни съ чѣмъ не сообразно: извѣстіе И. Константина Багрянороднаго, столько смущающее Сабинина, основано на какомъ-нибудь недоразумѣніи, или имѣетъ смыслъ относительный, то есть, что на Руси рогатаго скота было меньше, чѣмъ у Печенѣговъ».

И только. Не правда ли, такимъ образомъ справляться съ историческими свидѣтельствами очень немудрено? Принимая изъ нихъ что намъ нравится, отвергая что не по сердцу, очень легко писать исторію. А какъ досталось покойному Каченовскому за точно такія же сомнѣнія!

Разборъ мнѣнія протоіерея Сабинина, который въ нашемъ Перунѣ и Волосѣ видитъ скандинавскихъ Тора или Біорна и Одина, любопытенъ. Не понимаемъ, какъ можно, подобно Сабинину, изъ сходства двухъ-трехъ чертъ обычаевъ, при совершенномъ различіи всѣхъ прочихъ, выводить тождество двухъ религій!

Разсматривая далѣе наши божества, которыя и г. Погодинъ считаетъ русскими (т. е., скандинаво-германскими), онъ удив*ляется, какъ могли* замѣшаться, въ ихъ число два славянскія

божества, Дажбогъ и Стрибогъ, и въ объясненіи говоритъ. (стр. 310):

«Можетъ-быть, это были собственно Славянскія божества, которыя присоединены Владиміромъ къ его Русскому сонму. Можетъ-быть, они соотвѣтствовали какимъ-нибудь его божествамъ, и потому имъ допущены, равно какъ и Перунъ. Можетъ-быть имена ихъ суть переводы Русскихъ именъ».

Что это такое? Повѣритъ ли читатель, что подобныя вещи онъ встрѣтитъ въ книгѣ, посвященной ученымъ изслѣдованіямъ о предметѣ спорномъ, мало извѣстномъ и изслѣдованномъ, и въ то же время крайне важномъ для того времени?

И въ этой статьѣ лучшую часть составляютъ безпрестанныя сближенія туземныхъ извѣстій съ извѣстіями, относящимися къ Германо-Скандинавамъ.

О введеніи христіянской вѣры въ Россіи сказано очень мало, особливо послѣ подробныхъ изслѣдованій архимандрита Макарія. Мимоходомъ остроумно замѣчено, что «спокойное, полюбовное принятіе новаго ученія (Славянами) совершенно соотвѣтствовало мирному соединенію Варяговъ съ Славянами при первомъ зарожденіи государства». Это тѣмъ болѣе вѣрно, что ни распространеніе христіянской вѣры, ни водвореніе Варяговъ-Руси не было совершенно мирное.—Наконецъ, эту главу заключаетъ очень интересное замѣчаніе, что въ Новѣгородѣ есть слѣды римско-католическаго христіянства, занесеннаго, можетъ-быть, вслѣдствіе торговыхъ сношеній съ Готландцами и Норманнами. Мѣста, приводимыя въ подтвержденіе этой мысли, выбраны очень удачно. Присоединимъ къ этому еще и извѣстіе изъ «Русской правды» о томъ, что въ постные дни, середу и пятницу, вирникамъ давали сыръ. Г. Погодину показалось это извѣстіе почему-то невѣроятнымъ, а почему—невидно.

Глава VI разсуждаетъ о грамотности, языкѣ и образованіи въ варяжскій періодъ. Говорится о рунахъ у нашихъ Руссовъ,

и потомъ о письменныхъ памятникахъ, начавшихся, какъ извѣстно, съ священнаго писанія. За симъ находимъ довольно подробное изчисленіе этихъ памятниковъ. Самая интересная часть главы—о языкѣ. Авторъ полагаетъ, что въ этотъ періодъ времени у насъ былъ языкъ русскій или скандинаво-германскій, языкъ церковный письменный, чужой хотя и сродственный, понятный. О немъ авторъ справедливо замѣчаетъ, что онъ всего вѣроятнѣе близко подходитъ къ какому-нибудь славянскому нарѣчію, а не есть именно извѣстное нарѣчіе, «ибо Кириллъ и Меѳодій, какъ Греки и иностранцы, переводя съ обработаннаго, развитаго, грамотнаго языка, на языкъ чистый, свѣжій, дѣвственный, могли многое ввести, сотворить. Если же они были и Словене, то все не могли, въ своемъ положеніи, избѣгнуть многихъ грецизмовъ, какъ это случается и теперь съ самыми опытными переводчиками» (стр. 356). Наконецъ, былъ и третій языкъ туземный, простонародный, который и тогда уже дѣлился на нарѣчія и проглядываетъ въ сочиненіяхъ.

«Всего нелѣпѣе мысль или положеніе, которое находится у насъ въ общемъ оборотѣ, будто Русскій языкъ происходитъ отъ Славянскаго. Отъ какого Славянскаго? Отъ этого письменнаго, церковнаго?—Но какъ же, когда отъ этого одного языка произошли два, три, четыре нарѣчія, въ Кіевѣ или Черниговѣ Малороссійское, въ Москвѣ новое настоящее наше письменное, Великороссійское?—Какъ говорили тамъ, прежде нежели принесены были туда церковныя же книги?—Вотъ какая нелѣпость, которая кажется должна бы броситься въ глаза, и которая однакожъ укрывалась до сихъ поръ отъ многихъ словесниковъ. — Нѣтъ, Милостивые Государи, нарѣчія Сербское, Болгарское (церковное), Чешское, Польское, Великороссійское, Малороссійское и прочія, *современны*, — это суть вѣтви, происшедшія отъ одного корня въ незапамятное время. Ими говорили въ 9 столѣтіи такъ какъ говорятъ въ 19; (разумѣется каждое изъ этихъ нарѣчій образовывалось вслѣдствіе своихъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствъ, развивалось естественно и совершенствовалось искуственно,—и въ этихъ отношеніяхъ новое отличается отъ древняго).—*Писалось же съ 9-го* столѣтія у большей половины Славянскихъ племенъ на *одномъ южномъ нарѣчіи*, положимъ Болгарскомъ, которое для грамотѣевъ на-

шихъ, Великороссіянъ, Малороссіянъ и прочихъ, было чужимъ, мертвымъ. Ясно ли?» (стр. 357 и 358).

Мысль чрезвычайно вѣрная, хотя и не новая. Она ужь давно въ ходу.

Вся большая VII глава посвящена обозрѣнію юридическаго быта и законодательныхъ памятниковъ Варяжской эпохи. Изъ названія «Русской правды» авторъ выводитъ, какъ и надо было ожидать, что она была законодательствомъ русскимъ, т. е., варяго-германскимъ, а не туземнымъ, славянскимъ. Потомъ переходитъ къ юридическимъ обычаямъ нашихъ Варяго-Руссовъ, и наконецъ обозрѣваетъ всѣ извѣстія о нашихъ законахъ и юридическихъ обычаяхъ по лѣтописи. Мѣсто объ отмѣненіи виры и введеніи казни при Владимірѣ авторъ находитъ затруднительнымъ и, перебравъ толкованія, оставляетъ необъясненнымъ; ибо предположительное толкованіе его не имѣетъ никакого основанія и нисколько не вѣроятно. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно слова епископовъ и старцевъ: «рать многа; оже вира то на оружьи и на коникъ буди» разумѣть такъ: «у тебя много войска, и ты можешь замѣнить себѣ виру: будь на коняхъ и веди войну, и добудешь» (стр. 366). Не знаемъ, почему авторъ не обратилъ вниманія на толкованія Розенкампфа и Тобина (Ueber die Blutrache), самыя вѣроятныя изъ всѣхъ, хотя и не совершенно удовлетворительныя въ отдѣльности. Въ большей части списковъ это мѣсто, съ нѣкоторыми измѣненіями, читается такъ: «Живяше Володимиръ въ страхѣ Божіи, и умножишася разбойницы, и рѣша Епископи Володимиру: умножишася разбойницы и почто не казниши ихъ? Онъ же рѣче: боюся грѣха. Они же рѣша ему паки: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а на милованіе добрымъ: достоитъ ти казнити разбойникъ, но съ испытаніемъ. Володимиръ же отъвергъ виры, абіе нача казнити разбойникы. И рѣша Старцы Епископы: рать многа, а ежъ вира, тъ на оружьи и

на конехъ буди. И рече Володимиръ да тако буди. И живяша Володимиръ по устроенію Божію и дѣдню и отьчю».

Тутъ повѣствуется о двухъ различныхъ событіяхъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ и тѣсно связанныхъ между собою. Греческое духовенство, принесшее съ собою христіянскій и римскій взглядъ на частную расправу, не могло равнодушно смотрѣть на кровавую месть, которая тогда еще существовала въ обычаяхъ, и хотѣло ввести уголовныя наказанія. Вотъ что побудило его просить Владиміра отмѣнить кровавую месть и тѣсно связанную съ нею виру, и ввести вмѣсто ихъ казнь— уголовныя наказанія. Владиміръ согласился. Но такое нововведеніе слишкомъ противорѣчило нравамъ: они еще не успѣли смягчиться на столько, чтобъ было возможно введеніе болѣе нравственнаго, гражданскаго порядка вещей. Весьма вѣроятно, что не столько духовенство видѣло это, сколько народу и его старѣйшинамъ было не понутру нововведеніе Владиміра. Къ этому могли привзойдти и особенныя, случайныя обстоятельства, а именно безпрестанныя войны, требовавшія большихъ издержекъ, тогда какъ доходы князя уменьшились вмѣстѣ съ уничтоженіемъ виръ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ духовенство, а вмѣстѣ съ нимъ и земскіе старѣйшины (объ которыхъ не упомянуто при прежнемъ представленіи духовенства), снова пришли къ Владиміру, вѣроятно спустя нѣсколько времени послѣ отмѣны виръ, и сказали ему: много войнъ; употреби виру на оружіе и коней; другими словами: возстанови виру, потому что много войнъ, не на что запасать оружія и коней. Владиміръ на это предложеніе согласился, и, возстановивъ виру, разумѣется, сталъ жить по «устроенію» отца и дѣда, какъ было при нихъ.

Потомъ авторъ переходитъ къ «Русской правдѣ». Новаго о *ней* мы не нашли здѣсь ничего. Все, что говоритъ г. Погодинъ, *было уже сказано* и полнѣе и лучше. Онъ полемизиру-

етъ противъ выводовъ Карамзина — но кто же въ наше время не знаетъ, что эти выводы очень шатки, слабы и давно опровергнуты? Послѣ всего, что писано о «Русской правдѣ», нельзя говорить о ней на нѣсколькихъ страницахъ, тѣмъ болѣе, что самыя противоположныя мнѣнія о ней подкрѣпляются равно сильными доказательствами, и ученая обработка этого предмета, вмѣсто того, чтобъ привести вопросы къ разрѣшенію, сдѣлала ихъ еще болѣе трудными и многосложными. Съ «Русской правдою» теперь почти то же, что съ вопросомъ о происхожденіи Варяговъ-Руси: одинъ разборъ мнѣній о ней составитъ самъ по себѣ цѣлую книгу, и можно сказать спасибо тому, кто за это возьмется, ибо такая работа очень нелегка. Какъ и вездѣ, г. Погодинъ подводитъ къ «Правдѣ» параллельныя мѣста изъ скандинавскихъ законовъ и другихъ памятниковъ, и положенія, встрѣчающіяся въ «Правдѣ», считаетъ скандинаво-германскими. Кровавая месть, судебные поединки, суды Божіи, онъ считаетъ принесенными къ намъ Варягами-Русью—мнѣніе, поражающее своею односторонностью и давно подвергнувшееся основательнымъ возраженіямъ. Должно бы, по крайней мѣрѣ, опровергнуть эти возраженія, чтобъ имѣть право повторить мысль столько невѣроятную. Отзывы о Ярославовомъ уставѣ о «Мостовыхъ», и церковныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава такъ кратки и поверхностны, что не заслуживаютъ упоминанія.

Обозрѣвъ поверхностно законы и законодательные памятники, г. Погодинъ переходитъ къ самому юридическому быту. Мѣста изъ лѣтописи о власти и значеніи князя удачно выбраны, и выводъ изъ этихъ мѣстъ довольно удовлетворителенъ. Намъ кажется такъ же очень остроумнымъ замѣчаніе, что слово «подданный», въ своемъ этимологическомъ значеніи, вѣрно характеризуетъ первоначальныя, древнѣйшія отношенія князей къ племенамъ: они брали съ нихъ дань, и въ этомъ

преимущественно выражалось тогда господство. Но особенно хорошо представлено постепенное развитіе верховной власти князей въ эту эпоху. Въ этомъ отношеніи, авторъ превосходно воспользовался отрывочными извѣстіями лѣтописи (стр. 395 и 396).

«Князь былъ сперва защитникомъ, предводителемъ сборной дружины, безъ твердой мысли о постоянномъ пребываніи. (Рюрикъ въ Новгородѣ, Олегъ въ Кіевѣ, Святославъ въ Переяславцѣ). Преемство было очень неопредѣленно, подвергалось случайностямъ (послѣ Рюрика родственникъ Олегъ, а потомъ уже сынъ Игорь; послѣ Игоря на нѣсколько времени Ольга), и относилось преимущественно къ дружинѣ. Потомъ князья утвердились на одномъ мѣстѣ, водворились (Владиміръ), сдѣлались владѣтелями земли, которая, стала переходить дѣтямъ въ наслѣдство вмѣстѣ съ дружиною (Владиміръ). Первая *дружина* князя была сборная, вольная, зависящая отъ него, но не слишкомъ, болѣе или менѣе равная, а потомъ наемная, выборная, подчиненная (также съ Владиміра, а прежняя погибла съ Святославомъ). Впрочемъ, князья *владѣли* собственно только тѣми городами, гдѣ жили (Святославъ отдалъ Кіевъ Ярополку, и землю Древлянскую, не задолго покоренную, Олегу, а Новгородцы сами вытребовали себѣ Владиміра, грозя найдти другаго князя, въ случаѣ отказа), хотя всякій преемникъ былъ сильнѣе своего предшественника, и ходилъ дальше его брать дань съ сосѣднихъ племенъ. *Дань* эта была сперва неопредѣленная (Рюрикъ), потомъ опредѣленная (Олегъ), отъ которой, однакожь, племена иногда отказывались, при благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ (Древляне при Игорѣ), потомъ принуждены были платить безпрекословно, а наконецъ возить сами въ Кіевъ (Радимичи къ Владиміру), привыкая между тѣмъ постепенно платить ее и повиноваться все одному роду. Они имѣли у себя сперва данщиковъ, потомъ Намѣстниковъ, потомъ Княжескихъ дѣтей (отъ Святослава, отъ Владиміра), а наконецъ Удѣльныхъ князей (отъ Ярослава). — Кромѣ дани, Князья, рѣдко сидя въ домѣ, принимали мало участія въ правленіи, а потомъ *приняли оное за плату*, какъ наемники (а се покони Ярослава), прежде нежели это званіе получило благороднѣйшее значеніе, а наконецъ сдѣлались законодателями—сперва повинуясь прошедшему, обычаю (по устроенію отню и дѣдню; Правда Русская), а потомъ съ намѣреніемъ устроить будущее. (Опытъ Владиміровъ о вирѣ, опредѣленіе дѣтей Ярославыхъ, которое относится уже къ слѣдующему періоду.)»

Все остальное въ этой главѣ очень слабо. Не говоря уже объ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ—въ единственномъ учебникѣ, «*Исторіи Русскаго* Законодательства» Рейца, сказано и болѣе

и лучше. Принятая г. Погодинымъ метода выписывать всѣ мѣста изъ памятниковъ и изъ нихъ дѣлать выводы о значеніи извѣстнаго слова, не всегда удачно приложена. Такъ, напримѣръ, о словѣ «бояринъ» приведено одиннадцать мѣстъ, и изъ всѣхъ ихъ ничего не выходитъ. Сверхъ того, здѣсь мы находимъ такъ же безпрестанныя натяжки въ пользу любимой мысли объ исключительномъ господствѣ скандинаво-германскаго элемента въ эту эпоху,—натяжки тѣмъ болѣе очевидныя, что онѣ противорѣчатъ общеизвѣстнымъ историческимъ даннымъ. Такъ г. Погодинъ стоитъ за мнѣніе протоіерея Сабинина, что слово бояринъ происходитъ отъ скандинавскаго баерменъ, слѣдовательно, оно пришло къ намъ отъ Скандинавовъ. Однако мы знаемъ, что это слово есть и у другихъ славянскихъ племенъ, и самъ г. Погодинъ это знаетъ. Зачѣмъ же натягивать заимствованіе? То же должно сказать и о названіи люди. Не знаемъ, зачѣмъ непремѣнно выводить это слово изъ скандинавскихъ языковъ (въ которыхъ, правда, есть очень близкое), когда оно встрѣчается и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Г. Погодинъ говоритъ, что у Славянъ этого слова нигдѣ нѣтъ, но это не правда: въ любомъ польскомъ лексиконѣ можно найдти слово ludzie, что̀ то же, что наши люди. И смердъ, говоритъ г. Погодинъ, то же принесенное слово. Опять неправда, потому что въ актахъ другихъ славянскихъ народовъ мы находимъ названіе Smurdones и въ томъ же значеніи, въ какомъ употреблялось у насъ.

Вообразивъ себѣ однажды, что бояринъ слово скандинавское, г. Погодинъ говоритъ (стр. 401):

«Куда же дѣвались эти Бояре, равно какъ и лица княжескаго рода, кои мы замѣчаемъ при Рюрикѣ и Игорѣ — вотъ вопросъ любопытный и важный. Мы не видимъ почти никакихъ потомковъ отъ нихъ въ слѣдующемъ періодѣ, гдѣ возобладалъ одинъ родъ Ярославовъ, и никакой аристократіи не могло ужь завестись? — Я думаю, что первые Бояре наши положили свои головы въ несчастную войну Святослава въ Болгаріи, и потомъ вмѣстѣ съ нимъ отъ Пе-

ченѣговъ. Владиміръ привелъ съ собою *новыя* дружины, отъ которыхъ избралъ нѣсколько мужей, а прочихъ выпроводилъ въ Грецію. Дѣти и внуки его не имѣли нужды въ такихъ помощникахъ, потому что сами начали размножаться».

Все это — неосновательное разсужденіе и ненужный вопросъ — родилось въ слѣдствіе ложной мысли, будто бояре были у насъ пришлые, а не свои. Откуда взялъ г. Погодинъ, что бояре у насъ когда-то изчезли? Не только нѣтъ столѣтія— едва ли можно указать на десять лѣтъ, въ которое бы о нихъ не упоминалось. Поэтому, напрасно говоритъ г. Погодинъчто, мы почти не видимъ ихъ потомковъ въ слѣдующемъ періодѣ. Были ли послѣдующіе бояре потомки первыхъ, или нѣтъ, мы не знаемъ, и даже не считаемъ особенно важнымъ знать. Но что бояре были — это мы знаемъ навѣрное. Оттого и всѣ послѣдующія разсужденія и догадки не имѣютъ въ нашихъ глазахъ никакого ученаго достоинства.

О мужѣ, значеніе котораго очень темно, мы не находимъ у г. Погодина ничего интереснаго. Онъ только затронулъ вопросъ, но далеко не изчерпалъ данныхъ для его рѣшенія. На стр. 403, онъ говоритъ: «Мы знаемъ по распространенной Правдѣ, что за оскорбленіе и умерщвленіе Княжа мужа платилось вдвое, чѣмъ за другаго человѣка: Бояре тамъ не упоминаются, слѣдовательно, ясно, что они разумѣлись подъ мужами».

Странное заключеніе! Еслибъ оно и было вѣроятно, то оно далеко еще неясно. Но, судя по другимъ историческимъ даннымъ, оно даже и невѣроятно. Въ «Русской Правдѣ» мы находимъ статью подъ заглавіемъ: «О Задницѣ (имѣніи, оставшемся послѣ кого-нибудь) Боярстѣй и о дружинѣ». Начинается она такъ: «Аже въ боярѣхъ, или въ дружинѣ, то за Князя задница *не идетъ*». (Это чтеніе по синодальному списку. Не знаемъ, *почему* г. Погодинъ позволилъ себѣ вмѣсто дружиннѣ,

поставить боярской дружинѣ, что̀ совершенно измѣнило смыслъ этого мѣста, столько важнаго для нашихъ юридическихъ древностей.) Здѣсь ясно, дружинникъ различенъ отъ боярина, и мы видимъ, что они не одно и то же. Если теперь сообразимъ всѣ мѣста, въ которыхъ упоминается слово мужъ въ лѣтописи (они собраны у г. Погодина), то увидимъ, что подъ нимъ большею частію разумѣется дружинники. Такъ приводятъ къ присягѣ Олега и его мужей; такъ Олегъ посылаетъ своихъ мужей заключить миръ; за поединокъ съ Печенѣгомъ Владиміръ дѣлаетъ побѣдителя великимъ мужемъ, вмѣстѣ съ отцомъ, и т. д. Отсюда дѣлается очень вѣроятнымъ, что дружинники назывались мужами (хотя и нельзя сказать наоборотъ, что подъ мужами всегда должно разумѣть дружинниковъ). Этимъ объясняется и приведенное мѣсто въ «Русской Правдѣ», тогда какъ при теперешнихъ понятіяхъ, что бояринъ и мужъ одно и то же, оно непонятно. Самое рѣшительное различіе бояръ отъ мужей находимъ мы въ грамотѣ рязанскаго князя Олега (Истор. Акт. Т. I, № 2) XIV вѣка, гдѣ сказано: «Коли ставили по первыхъ прадѣди наши Святую Богородицю, Князь Великій Инъгваръ, Князь Олегъ, Князь Юрьи, а съ ними бояръ 300, а мужей 600», и т. д.

Заключимъ слѣдующимъ: въ источникахъ есть весьма недвумысленныя указанія на различіе между боярами и мужами. Кто именно разумѣлся подъ послѣдними, мы не можемъ сказать по недостатку данныхъ. Но если предположить, — что̀ не совсѣмъ вѣроятно, — что подъ ними разумѣлись по преимуществу дружинники, т. е. люди, отличавшіеся отъ другихъ только тѣмъ, что служили въ княжеской дружинѣ, то изъ этого можно вывести нѣсколько заключеній, объясняющихъ и значеніе боярина и значеніе мужа. Званіе дружинника (если только можно его такъ назвать) было личное, неразрывно связанное съ службой. Оттого его можно было пріобрѣтать, и оно

ченѣговъ. Владиміръ привелъ съ собою *новыя* дружины, отъ которыхъ избралъ нѣсколько мужей, а прочихъ выпроводилъ въ Грецію. Дѣти и внуки его не имѣли нужды въ такихъ помощникахъ, потому что сами начали размножаться».

Все это — неосновательное разсужденіе и ненужный вопросъ — родилось въ слѣдствіе ложной мысли, будто бояре были у насъ пришлые, а не свои. Откуда взялъ г. Погодинъ, что бояре у насъ когда-то изчезли? Не только нѣтъ столѣтія— едва ли можно указать на десять лѣтъ, въ которое бы о нихъ не упоминалось. Поэтому, напрасно говоритъ г. Погодинъчто, мы почти не видимъ ихъ потомковъ въ слѣдующемъ періодѣ. Были ли послѣдующіе бояре потомки первыхъ, или нѣтъ, мы не знаемъ, и даже не считаемъ особенно важнымъ знать. Но что бояре были — это мы знаемъ навѣрное. Оттого и всѣ послѣдующія разсужденія и догадки не имѣютъ въ нашихъ глазахъ никакого ученаго достоинства.

О мужѣ, значеніе котораго очень темно, мы не находимъ у г. Погодина ничего интереснаго. Онъ только затронулъ вопросъ, но далеко не изчерпалъ данныхъ для его рѣшенія. На стр. 403, онъ говоритъ: «Мы знаемъ по распространенной Правдѣ, что за оскорбленіе и умерщвленіе Княжа мужа платилось вдвое, чѣмъ за другаго человѣка: Бояре тамъ не упоминаются, слѣдовательно, ясно, что они разумѣлись подъ мужами».

Странное заключеніе! Еслибъ оно и было вѣроятно, то оно далеко еще неясно. Но, судя по другимъ историческимъ даннымъ, оно даже и невѣроятно. Въ «Русской Правдѣ» мы находимъ статью подъ заглавіемъ: «О Задницѣ (имѣніи, оставшемся послѣ кого-нибудь) Боярстѣй и о дружинѣ». Начинается она такъ: «Аже въ боярѣхъ, или въ дружинѣ, то за Князя задница не идетъ». (Это чтеніе по синодальному списку. Не знаемъ, *почему* г. Погодинъ позволилъ себѣ вмѣсто дружиннѣ,

поставить боярской дружинѣ, что̀ совершенно измѣнило смыслъ этого мѣста, столько важнаго для нашихъ юридическихъ древностей.) Здѣсь ясно, дружинникъ различенъ отъ боярина, и мы видимъ, что они не одно и то же. Если теперь сообразимъ всѣ мѣста, въ которыхъ упоминается слово мужъ въ лѣтописи (они собраны у г. Погодина), то увидимъ, что подъ нимъ большею частію разумѣется дружинники. Такъ приводятъ къ присягѣ Олега и его мужей; такъ Олегъ посылаетъ своихъ мужей заключить миръ; за поединокъ съ Печенѣгомъ Владиміръ дѣлаетъ побѣдителя великимъ мужемъ, вмѣстѣ съ отцомъ, и т. д. Отсюда дѣлается очень вѣроятнымъ, что дружинники назывались мужами (хотя и нельзя сказать наоборотъ, что подъ мужами всегда должно разумѣть дружинниковъ). Этимъ объясняется и приведенное мѣсто въ «Русской Правдѣ», тогда какъ при теперешнихъ понятіяхъ, что боринъ и мужъ одно и то же, оно непонятно. Самое рѣшительное различіе бояръ отъ мужей находимъ мы въ грамотѣ рязанскаго князя Олега (Истор. Акт. Т. I, № 2) XIV вѣка, гдѣ сказано: «Коли ставили по первыхъ прадѣди наши Святую Богородицю, Князь Великій Ингъварь, Князь Олегъ, Князь Юрьи, а съ ними бояръ 300, а мужей 600», и т. д.

Заключимъ слѣдующимъ: въ источникахъ есть весьма недвусмысленныя указанія на различіе между боярами и мужами. Кто именно разумѣлся подъ послѣдними, мы не можемъ сказать по недостатку данныхъ. Но если предположить, — что̀ не совсѣмъ вѣроятно, — что подъ ними разумѣлись по преимуществу дружинники, т. е. люди, отличавшіеся отъ другихъ только тѣмъ, что служили въ княжеской дружинѣ, то изъ этого можно вывести нѣсколько заключеній, объясняющихъ и значеніе боярина и значеніе мужа. Званіе дружинника (если только можно его такъ назвать) было личное, неразрывно связанное съ службой. Оттого его можно было пріобрѣтать, и оно

не передавалось наслѣдственно. Званіе же боярина было наслѣдственное, родовое, не жалуемое, и потому болѣе нежели вѣроятно, что оно было не принесенное къ намъ, а туземное; да иначе и трудно объяснить множество бояръ, которые находились въ древней Россіи вездѣ, во всѣхъ городахъ. Утверждать, что это именно такъ было, мы не смѣемъ, потому что эти выводы основаны на предположеніи. Но мы можемъ рѣшительно сказать, что г. Погодинъ не имѣлъ никакого основанія разумѣть въ «Русской Правдѣ» подъ бояриномъ — мужа, когда мужъ и бояринъ — не одно и то же. Прибавимъ къ этому еще вотъ что: изъ того, что въ «Русской Правдѣ» упоминается княжъ мужъ, а не бояринъ, мы видимъ не тождество ихъ, а совершенно другое, именно, что бояринъ былъ чинъ или званіе по преимуществу земское. Весьма естественно, что, опредѣляя виру за убійство, князь подумалъ прежде о своемъ дружинникѣ, приближенномъ, нежели о бояринѣ, для него тогда чуждомъ. Сверхъ того, слово мужъ имѣло еще и общее неопредѣленное значеніе — человѣкъ, гражданинъ, и т. д. Это можно видѣть въ лѣтописяхъ.

Удостовѣрившись, какъ легко, бездоказательно авторъ выводитъ изъ Скандинавіи названія и даже цѣлыя учрежденія, нельзя прочесть безъ недовѣрчивости слѣдующія слова (стр. 405): «Всѣ эти сословія только что мелькнули въ началѣ нашей Исторіи, и чуждыя туземнымъ племенамъ никакъ не могли завестися между ними!» (Новое доказательство, что пришлое племя было совершенно иное, т. е. принадлежало къ числу нѣмецкихъ, у которыхъ такое раздѣленіе было повсемѣстно). «У насъ же осталось раздѣленіе естественное, прежнее, по занятіямъ».

Какъ знать, что они изчезли, потому что были чужеземныя? Мы видимъ, что многое изчезаетъ въ народѣ и замѣняется *другимъ* вслѣдствіе внутренняго и историческаго раз-

витія. Большая часть сословій, о которыхъ говоритъ г. Погодинъ, встрѣчается у другихъ Славянъ; слѣдовательно, они наши, а потому гораздо вѣроятнѣе, что они изчезли, вслѣдствіе того, что внутренній бытъ органически измѣнился. Такъ же несправедливо, что эти сословія «только что мелькнули въ началѣ нашей Исторіи»: они долго существовали въ періодъ удѣловъ, а бояре удержались до XVIII вѣка и теперь еще живутъ въ устахъ простаго народа. Наконецъ, если даже сословія и весь первоначальный нашъ бытъ занесены къ намъ—какъ объяснить, что въ Новѣгородѣ слѣды этого чуждаго элемента удержались долѣе, нежели въ остальной Россіи, что признаетъ и самъ г. Погодинъ (стр. 417)? Вѣдь варяжская дружина пустила свои корни на югѣ, а не на сѣверѣ. Новгородъ рано могъ развиваться и развивался самъ собой, тогда какъ въ остальной Россіи это развитіе совершалось подъ непосредственнымъ вліяніемъ норманскаго элемента. Съ чѣмъ это сообразно? Не явно ли изъ одного этого, что большая часть учрежденій, которыя г. Погодинъ считаетъ норманскими, были на самомъ дѣлѣ нашими, славянскими и имѣли только случайное сходство съ норманскими; въ Новѣгородѣ они могли сохраниться и болѣе опредѣлиться безъ помѣхи, тогда какъ въ остальной Россіи они естественно должны были измѣниться отъ чуждаго, недобровольно принимаемаго вліянія.

Очень важное мѣсто находимъ мы въ разбираемой нами книгѣ въ объясненіе слова изгой. Если не ошибаемся, оно впервые помѣщено здѣсь. Въ «Рукописномъ Церковномъ Уставѣ В. К. Всеволода», хранящемся въ библіотекѣ г. Погодина, сказано: «Изгои трои: поповъ сынъ грамоты не умѣетъ, холопъ — изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ, а и четвертое изгойство и себе приложимъ, аще Князь осиротѣетъ». (Стр. 408). Итакъ, кажется, изгоями назывались люди, вышедшіе изъ своего званія; но не знаемъ, не будетъ

ли ничего. Она вся состоитъ изъ мѣстъ, собранныхъ изъ лѣтописей и изъ параллельныхъ скандинавскихъ извѣстій. Глава IX разбираетъ черты народнаго характера въ это время. Этими чертами авторъ очень искусно и удачно пользуется въ доказательство, что Варяги-Русь были Скандинавы и что они одни исключительно дѣйствовали въ первый періодъ нашей исторіи. Мысль о Святополкѣ, — что онъ не былъ такимъ извергомъ, какъ говорятъ объ немъ лѣтописцы и за ними риторически повторилъ Карамзинъ — чрезвычайно вѣрна. Святополкъ мстилъ за своего отца Владиміру и его потомству, но месть его, по несчастію, пала на любимыхъ князей древней Руси — св. Бориса и Глѣба, и Святополкъ прослылъ злодѣемъ, исполняя, по тогдашнему, священный обѣтъ мести. Сверхъ того, онъ не былъ и похитителемъ престола, а какъ сынъ старшаго брата Владимірова, имѣлъ лучшее право на Кіевъ, нежели потомство Владиміра.

Переходимъ къ послѣднимъ двумъ главамъ, которыя, какъ выводъ изъ всего сочиненія, должны заключать въ себѣ послѣднее слово автора о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи.

Глава X носитъ заглавіе: «Формація Государства». Это лекція, читанная г. Погодинымъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1837 года и потомъ помѣщенная въ «Москвитянинѣ».

Въ самомъ началѣ статьи встрѣчаемся съ основною мыслью автора, которая, сознательно или безсознательно, проходитъ чрезъ всѣ его взгляды, чрезъ всѣ разсужденія объ историческихъ явленіяхъ. «Намъ остается» говоритъ онъ: «изслѣдовать теперь, какъ сими отрывочными, безсвязными событіями, об[redacted], случаями производилось Государство, и какъ [redacted] удачу по сторонамъ камней, складывалось

го. 475).

считаетъ всѣ событія, даже самыя

ръ, основаніе новыхъ государствъ,

ли и теперь слишкомъ поспѣшно производить это слово отъ изгнать. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что изгои—не племя, не люди особаго происхожденія, какъ думалъ Карамзинъ.

О посадникахъ говоритъ авторъ, что ихъ учрежденіе должно приписать также норманскимъ князьямъ. Мы думаемъ, что это вовсе невѣроятно. Названіе ихъ славянское, и самый характеръ ихъ власти весь славянскій.

Производство тіуна изъ не славянскихъ нарѣчій очень вѣроятно, какой бы, впрочемъ, ни былъ корень, или первообразъ этого слова. Но мы не согласны съ мнѣніемъ автора, что «тіунъ не былъ общимъ названіемъ, какъ бояринъ, а означало особливую должность, вѣроятно казначейскую». (Стр. 410). О первоначальномъ назначеніи тіуновъ мы ничего не знаемъ, а въ послѣдствіи они были такіе же судьи, управители, какъ намѣстники и волостели. Оттого, можетъ-быть, очень рано мы встрѣчаемъ ихъ въ деревняхъ и областяхъ, въ духовномъ и свѣтскомъ вѣдомствѣ. Въ «Судебникѣ» и «Уставныхъ Жалованныхъ Грамотахъ» прямо говорится, что волостели и тіуны не должны судить безъ старосты и цѣловальниковъ.

Мѣста о старцахъ, старѣйшинахъ, собраны не всѣ. Укажемъ, напримѣръ, на мѣсто, гдѣ говорится объ отмѣнѣ виръ при Владимірѣ. Есть и другія.

Изъ всего сказаннаго читатели видятъ, что статья о правѣ въ варяжскій періодъ составлена весьма небрежно. Есть мысли очень дѣльныя, но большею частію набросанныя безъ доказательствъ, безъ необходимой ученой обработки. За то есть множество такого, что̀ никуда не годится, такъ что удивительно, какъ ученый рѣшился такъ слегка говорить о предметѣ, если не установившемся и обработанномъ, то по крайней мѣрѣ уже обсмотрѣнномъ съ нѣсколькихъ сторонъ и многими!

Въ VIII главѣ подробное изслѣдованіе о частной жизни въ *варяжскую эпоху*. Особенно замѣчательнаго мы въ ней не наш-

ли ничего. Она вся состоитъ изъ мѣстъ, собранныхъ изъ лѣтописей и изъ параллельныхъ скандинавскихъ извѣстій. Глава IX разбираетъ черты народнаго характера въ это время. Этими чертами авторъ очень искусно и удачно пользуется въ доказательство, что Варяги-Русь были Скандинавы и что они одни исключительно дѣйствовали въ первый періодъ нашей исторіи. Мысль о Святополкѣ, — что онъ не былъ такимъ извергомъ, какъ говорятъ объ немъ лѣтописцы и за ними риторически повторилъ Карамзинъ — чрезвычайно вѣрна. Святополкъ мстилъ за своего отца Владиміру и его потомству, но месть его, по несчастію, пала на любимыхъ князей древней Руси — св. Бориса и Глѣба, и Святополкъ прослылъ злодѣемъ, исполняя, по тогдашнему, священный обѣтъ мести. Сверхъ того, онъ не былъ и похитителемъ престола, а какъ сынъ старшаго брата Владимірова, имѣлъ лучшее право на Кіевъ, нежели потомство Владиміра.

Переходимъ къ послѣднимъ двумъ главамъ, которыя, какъ выводъ изъ всего сочиненія, должны заключать въ себѣ послѣднее слово автора о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи.

Глава X носитъ заглавіе: «Формація Государства». Это лекція, читанная г. Погодинымъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1837 года и потомъ помѣщенная въ «Москвитянинѣ».

Въ самомъ началѣ статьи встрѣчаемся съ основною мыслью автора, которая, сознательно или безсознательно, проходитъ чрезъ всѣ его взгляды, чрезъ всѣ разсужденія объ историческихъ явленіяхъ. «Намъ остается» говоритъ онъ: «изслѣдовать теперь, какъ сими отрывочными, безсвязными событіями, обстоятельствами, случаями производилось Государство, и какъ изъ киданныхъ на удачу по сторонамъ камней, складывалось правильное зданіе» (стр. 475).

Итакъ, г. Погодинъ считаетъ всѣ событія, даже самыя важныя, каково напримѣръ, основаніе новыхъ государствъ,

если не совершенно случайными, то, по крайней мѣрѣ, такими, въ которыхъ случайность играетъ большую роль и имѣетъ нерѣдко рѣшительное участіе. Изъ слѣдующихъ за тѣмъ строкъ мы видимъ, что г. Погодинъ такъ смотритъ только на самую первоначальную исторію народа, когда еще только приготовляются матеріялы для будущаго органическаго, проникнутаго одною жизнью, однимъ духомъ цѣлаго.

Въ такомъ взглядѣ есть своя большая доля правды, и мы думаемъ, что онъ особенно плодотворенъ для исторіи тѣмъ, что предохраняетъ изслѣдователя отъ отвлеченнаго схоластическаго воззрѣнія, въ послѣднее время нерѣдко величавшагося громкимъ, но не заслуженнымъ именемъ философскаго воззрѣнія, отъ котораго блѣднѣли народности, лица, происшествія, и на мѣсто ихъ являлись какіе-то неестественные, мертвые призраки. Идя отъ отвлеченной идеи, многіе историки слишкомъ пренебрегали дѣйствительными, такъ сказать, физическими условіями и элементами народной жизни, и потому не могли понять ее. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы требуемъ, чтобъ этотъ взглядъ былъ проведенъ строго, логически. Элементы государства, сами по себѣ живые, нерѣдко, при случайныхъ условіяхъ, соединяются и производятъ третье, органическое, живое существо, въ образованіи котораго участвуютъ оба, но сами утрачиваютъ въ немъ свою особливую, отдѣльную жизнь. Это первое. Слѣдовательно, оба они являются соподчиненными третьему, которое теперь является самостоятельнымъ и такимъ-то, но которое при другихъ условіяхъ, при соединеніи тѣхъ же элементовъ съ другими, могло быть совершенно другимъ, нежели какимъ мы его знаемъ. Далѣе, отсюда же слѣдуетъ, что главное, при такомъ образованіи государства — элементы и ихъ соединеніе; частности и случайности, въ которыхъ выражается ихъ присутствіе и существованіе — дѣло *постороннее, неважное* для изслѣдователя-писателя.

Но г. Погодинъ смотритъ совершенно иначе, и изъ вѣрнаго положенія дѣлаетъ ложные выводы. Вмѣсто того, чтобъ, въ образованіи государства, все вниманіе устремить на составные его элементы и результаты ихъ соединенія, онъ сосредоточиваетъ его на тѣхъ частныхъ, случайныхъ явленіяхъ и событіяхъ, при которыхъ эти элементы соединились, и эти частности выдвигаетъ на первый планъ. Въ поэтѣ такой взглядъ необходимъ, составляетъ его неотъемлемую принадлежность и достоинство; въ ученомъ, который переводитъ событія и историческіе факты въ сферу мысли, это важный недостатокъ, отъ котораго терпитъ наука. Въ г. Погодинѣ онъ ощутителенъ и тѣсно связанъ съ его полумистическимъ воззрѣніемъ на исторію, — воззрѣніемъ, которое проглядываетъ во всемъ, что онъ ни писалъ объ историческихъ эпохахъ и событіяхъ: и въ историческихъ афоризмахъ, и въ очеркѣ исторіи Москвы, и т. д.

Призваніе Рюрика Новгородцами, говоритъ г. Погодинъ (стр. 476), есть событіе исключительно новгородское, ибо съ переходомъ дружины норманской, оно тамъ не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ. Поэтому ни оно, ни утвержденіе Аскольда и Дира въ Кіевѣ не можетъ въ строгомъ смыслѣ быть названо началомъ русскаго государства. Это только «начало водворенія норманскаго элемента между нашими Славянскими племенами». Русская исторія имъ начинается потому только, что въ немъ играетъ роль лице Рюрика, родоначальника династіи — Рюрика, который пришелъ «съ чувствами дружелюбными къ племени, призывавшему его по доброй волѣ».

«Началось преемство, стало за кѣмъ слѣдовать, хотя еще и въ пустомъ пространствѣ. Вотъ почему это происшествіе безсмертно въ Русской Исторіи! Воздадимъ честь и Новгороду, старшему сыну Россіи (рожденному впрочемъ прежде матери), за призваніе князя, котораго роду предназначено было основать въ послѣдствіи величайшее Государство въ мірѣ. Младенецъ Рюриковъ, Игорь, съ его дружиною, есть единственный плодъ Норманскаго призванія въ Новгородъ, единственный ингредіентъ въ составленіи Государства, тонкая нить,

коею оно соединяется съ послѣдующими происшествіями. Все прочее прешло, не оставивъ слѣда. Еслибъ не было Игоря, то объ этомъ сѣверномъ Новгородскомъ эпизодѣ почти не пришлось бы, можетъ-быть, говорить въ Русской Исторіи, или только мимоходомъ. — Такимъ непримѣтнымъ атомомъ относительно къ формаціи, началось Государство, зародышемъ, который именно едва поймать можно микроскопомъ историческихъ соображеній. Это, употребимъ сравненіе, корень безсмысленный слова, первый элементъ звука» (стр. 477 и 478).

Изъ этихъ словъ и разсужденій читатель можетъ самъ удостовѣриться, какъ мы правы, говоря, что г. Погодинъ имѣетъ полумистическій взглядъ на нашу исторію. Самое важное въ прибытіи Рюрика въ Новгородъ есть то, что внесенъ былъ въ жизнь нашихъ Славянъ новый элементъ, котораго въ ней прежде не было, или который по крайней мѣрѣ не былъ развитъ—элементъ государственный, зиждущій, организующій, который далъ намъ формы общежитія, удержавшіяся, хотя и съ важными видоизмѣненіями, до Петра, — такъ онѣ были прочны. Былъ ли именно Рюрикъ представителемъ этого новаго элемента, главою дружины, или иной кто, — дѣло второстепенное, не особенно-важное; ибо дружина, пришедшая къ намъ, по своему положенію въ чужой землѣ и воинственному характеру должна была необходимо имѣть вождя, не того, такъ другаго. Г. Погодинъ думаетъ противоположно съ нами. Для него важенъ Рюрикъ, важна династія — все прочее не важно. Предоставляемъ другимъ судить, кто изъ насъ правъ, а себѣ позволимъ только замѣтить, что такъ какъ новый элементъ въ исторіи важнѣе того или другаго лица, его представляющаго, то и русская исторія должна начаться прибытіемъ чуждой дружины въ Новгородъ — не потому что Рюрикъ, основатель княжеской династіи, былъ ея главою, а потому что въ составъ нашихъ Славянъ привзошло нѣчто новое, у нихъ прежде неизвѣстное, такое, которое непремѣнно высказалось бы и безъ Рюрика. Далѣе, *съ какими* чувствами пришелъ къ намъ начальникъ воин-

ственной дружины. и съ какими чувствами приняли его наши Славяне. кажется нам такъ же фактомъ второстепеннымъ и малозначащимъ. потому особенно, что слѣдовъ его не видно. Приняли Варяги по призванію, а потомъ стали распоряжаться, какъ завоеватели. на что есть прямыя свидѣтельства лѣтописи; иначе и быть не могло при тогдашнемъ гражданско-неустроенномъ бытѣ. Точно такъ же мы не знаемъ. за чтобы кажется. благодарить Новгородъ, который. положимъ. поступилъ очень недурно, но поступилъ такъ. имѣя въ виду только самого себя. и нисколько не думая о томъ. что у Рюрика будетъ преемникомъ Олегъ. что этотъ Олегъ войдетъ въ Кіевъ, и его дружина, при его преемникахъ. оснуетъ тамъ величайшее въ мірѣ государство. Наконецъ въ томъ же смыслѣ мы должны сказать, что не будь Игоря. призваніе Варяговъ Новогородцами все-таки не было бы эпизодомъ русской исторіи. и другой князь, вовсе несвязанный съ Рюрикомъ тѣсными семейными связями, былъ бы не менѣе связанъ съ нимъ тождествомъ элемента. котораго оба были представителями.

Такъ же странны и умствованія объ Олегѣ и Игорѣ! Олегъ пошелъ на Кіевъ случайно и могъ не завладѣть имъ.

«Или—Олегъ могъ отправиться съ своей дружиной мимо Кіева, на службу въ Грецію, и провесть такъ вѣкъ съ Игорем, не оставивъ слѣда. подобно сотнямъ своихъ единомышленниковъ, и тогда другой видъ Исторіи, другія лица и другія имена! — А какъ сомнительна судьба Игоря, младенца, только что рожденнаго, младенца, на которомъ однакожъ лежитъ судьба отечества. который остался связать всю послѣдующую Исторію съ Новгородскимъ призваніемъ Норманновъ, который долженъ утвердить еще за отцомъ своимъ мѣсто во главѣ Русской Исторіи. — Кромѣ тѣхъ опасностей, кои раздѣлялъ онъ съ Олегомъ, онъ имѣлъ другія: Олегъ могъ имѣть дѣтей, которые отняли бы власть у него, то есть предводительство, начальство надъ дружиною, легко достававшееся въ это бурное время болѣе рѣшительному, храброму, искусному. — Вотъ какимъ случайностямъ подвергался Олегъ, и при немъ Игорь, и зародышъ Русскаго Рюрикова Государства! — Но не слишкомъ ли еще много видѣть здѣсь зародышъ Русскаго Государства? Точно,—это менѣе чѣмъ зародышъ, это математическая точка, почти идея.—Оставивъ Новгородъ, Олегъ дѣлался стремительно-

щимъ рыцаремъ съ своею дружиною, лишался мѣста. Въ эту минуту какъ будто пропало, скрылось изъ виду зачавшееся Государство. Минута неизвѣстности! Сѣмя предано произволу вѣтровъ!—Не должны ли мы трепетать за него? Что съ нимъ будетъ? Куда понесется оно? Гдѣ найдетъ себѣ родимую почву? — Успокоимся! Благопромыслительной Десницею несется оно именно въ Кіевъ, гдѣ ему приготовлено лоно, гдѣ новому Государству поставлена цѣль. Мимою прихотью Олега выражается воля Провидѣнія! Династія, оставшись въ Новѣгородѣ, повела бы дѣла по необходимости иначе: изъ Новагорода должна бы утвердиться у насъ связь, не только государственная, но и духовная, съ Западомъ, Латинствомъ, Папою, а видно было надо, по высшему предначертанію, чтобъ Европа состояла пока изъ двухъ половинъ, чтобъ распадавшейся въ то время религіи пріуготовилась особая Церковь на Востокѣ, чтобъ тамъ когда-то чрезъ тысячу лѣтъ, среди Славянскихъ племенъ, народилось Государство — наслѣдникъ Римскому Востоку, Греческой Имперіи, Константинополю, какъ Римскій Западъ достался въ наслѣдство, съ землею, жителями, религіей и образованіемъ, Нѣмецкому народу. — Олегъ пошелъ, точка двинулась, это правда, точка, не болѣе, но выйдетъ линія, и какая линія? Полъэкватора, треть меридіана» (стр. 478—480).

Еслибъ Олегъ отправился на службу въ Грецію, лица и имена дѣйствительно были бы не тѣ, какія теперь знаемъ, но характеръ исторіи едвали бы измѣнился. Норманскій или другой, какой хотите, элементъ, принесенный въ Россію пришельцами, не изчезъ бы, ибо мы знаемъ, что даже въ Новѣгородѣ, откуда ушли Варяги, часть ихъ осталась. Итакъ, закваска была, и она произвела бы тѣ же дѣйствія, какія и дружина, перешедшая въ Кіевъ, потому что была съ нею однородна. Судьба Игоря точно была сомнительна, но не болѣе какъ и каждаго живаго человѣка. Прибавимъ къ тому, что особенной заслуги его въ русской исторіи мы не видимъ, а потому и сомнительность его судьбы не имѣетъ права возбуждать въ насъ большихъ, тревожныхъ опасеній. Если вся цѣль его существованія только въ томъ и состояла, чтобъ связать всю послѣдующую исторію съ новгородскимъ призваніемъ Норманновъ, и утвердить за его отцомъ Рюрикомъ мѣсто во *главѣ русской исторіи*, то этотъ подвигъ сыновней любви и

почтительности, конечно, заставляетъ насъ думать объ немъ лучше, нежели какъ мы думали до сихъ поръ, судя по его дѣйствіямъ, засвидѣтельствованнымъ лѣтописью,—но для русской исторіи изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ. Его существованіе не такъ дорого для нея, какъ для чести его рода, и потому, мы думаемъ, ни одинъ Русскій, любящій пламенно свое отечество, не трепещетъ при мысли, что Олегъ могъ имѣть дѣтей, которыя лишили бы Игоря власти, особливо, еслибъ его оттѣснилъ отъ начальства надъ дружиною болѣе рѣшительный, храбрый, искусный вождь, — потому что зародышъ русскаго Рюрикова государства, судьбы его не могли бы нисколько измѣниться отъ случайностей, которымъ подвергался Игорь. — Что касается до взаимныхъ отношеній зародыша, математической точки и идеи — мы слишкомъ мало знакомы съ физіологіей, математикой и философіей, чтобъ опредѣлить соизмѣримость этихъ величинъ и повѣрить автора, правъ ли онъ, что менѣе чѣмъ зародышъ = математической точкѣ, и оба = почти идеѣ. Вѣрные своей мысли, что въ исторіи важное, существенное, главное— элементы, а не тѣ случайныя обстоятельства, въ которыхъ выражается ихъ сочетаніе, мы не понимаемъ, что хотѣлъ сказать авторъ странной фразой: «въ эту минуту какъ будто пропало, скрылось изъ виду зачавшееся государство», точно какъ будто государство имѣетъ крылья и летаетъ по воздуху, — и не трепещемъ за судьбу государства, зная, что не тотъ, такъ другой выразитъ собою то, что̀ приготовлено предыдущими событіями, и что мѣсто свято пусто не бываетъ.

Потомъ г. Погодинъ особенно налегаетъ на мысль, что мирные кіевскіе жители приняли Олега безъ сопротивленія, и что поселеніе его было такъ же мирно, какъ и Рюриково въ Новѣгородѣ, чѣмъ и опредѣлился характеръ ихъ отношеній къ жителямъ. Мы бы хотѣли спросить автора: что мирное [illegible]

щимъ рыцаремъ съ своею дружиною, лишался мѣста. Въ эту минуту какъ будто пропало, скрылось изъ виду зачавшееся Государство. Минута неизвѣстности! Сѣмя предано произволу вѣтровъ!—Не должны ли мы трепетать за него? Что съ нимъ будетъ? Куда понесется оно? Гдѣ найдетъ себѣ родимую почву? — Успокоимся! Благопромыслительной Десницею несется оно именно въ Кіевъ, гдѣ ему приготовлено лоно, гдѣ новому Государству поставлена цѣль. Мимою прихотью Олега выражается воля Провидѣнія! Династія, оставшись въ Новѣгородѣ, повела бы дѣла по необходимости иначе: изъ Новагорода должна бы утвердиться у насъ связь, не только государственная, но и духовная, съ Западомъ, Латинствомъ, Папою, а видно было надо, по высшему предначертанію, чтобъ Европа состояла пока изъ двухъ половинъ, чтобъ распадавшейся въ то время религіи пріуготовилась особая Церковь на Востокѣ, чтобъ тамъ когда-то чрезъ тысячу лѣтъ, среди Славянскихъ племенъ, народилось Государство — наслѣдникъ Римскому Востоку, Греческой Имперіи, Константинополю, какъ Римскій Западъ достался въ наслѣдство, съ землею, жителями, религіей и образованіемъ, Нѣмецкому народу. — Олегъ пошелъ, точка двинулась, это правда, точка, не болѣе, но выйдетъ линія, и какая линія? Полъэкватора, треть меридіана» (стр. 478—480).

Еслибъ Олегъ отправился на службу въ Грецію, лица и имена дѣйствительно были бы не тѣ, какія теперь знаемъ, но характеръ исторіи едвали бы измѣнился. Норманскій или другой, какой хотите, элементъ, принесенный въ Россію пришельцами, не изчезъ бы, ибо мы знаемъ, что даже въ Новѣгородѣ, откуда ушли Варяги, часть ихъ осталась. Итакъ, закваска была, и она произвела бы тѣ же дѣйствія, какія и дружина, перешедшая въ Кіевъ, потому что была съ нею однородна. Судьба Игоря точно была сомнительна, но не болѣе какъ и каждаго живаго человѣка. Прибавимъ къ тому, что особенной заслуги его въ русской исторіи мы не видимъ, а потому и сомнительность его судьбы не имѣетъ права возбуждать въ насъ большихъ, тревожныхъ опасеній. Если вся цѣль его существованія только въ томъ и состояла, чтобъ связать всю послѣдующую исторію съ новгородскимъ призваніемъ Норманновъ, и утвердить за его отцомъ Рюрикомъ мѣсто во *главѣ русской* исторіи, то этотъ подвигъ сыновней любви и

почтительности, конечно, заставляетъ насъ думать объ немъ лучше, нежели какъ мы думали до сихъ поръ, судя по его дѣйствіямъ, засвидѣтельствованнымъ лѣтописью,—но для русской исторіи изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ. Его существованіе не такъ дорого для нея, какъ для чести его рода, и потому, мы думаемъ, ни одинъ Русскій, любящій пламенно свое отечество, не трепещетъ при мысли, что Олегъ могъ имѣть дѣтей, которыя лишили бы Игоря власти, особливо, еслибъ его оттѣснилъ отъ начальства надъ дружиною болѣе рѣшительный, храбрый, искусный вождь, — потому что зародышъ русскаго Рюрикова государства, судьбы его не могли бы нисколько измѣниться отъ случайностей, которымъ подвергался Игорь. — Что касается до взаимныхъ отношеній зародыша, математической точки и идеи — мы слишкомъ мало знакомы съ физіологіей, математикой и философіей, чтобъ опредѣлить соизмѣримость этихъ величинъ и повѣрить автора, правъ ли онъ, что менѣе чѣмъ зародышъ = математической точкѣ, и оба = почти идеѣ. Вѣрные своей мысли, что въ исторіи важное, существенное, главное— элементы, а не тѣ случайныя обстоятельства, въ которыхъ выражается ихъ сочетаніе, мы не понимаемъ, что хотѣлъ сказать авторъ странной фразой: «въ эту минуту какъ будто пропало, скрылось изъ виду зачавшееся государство», точно какъ будто государство имѣетъ крылья и летаетъ по воздуху, — и не трепещемъ за судьбу государства, зная, что не тотъ, такъ другой выразитъ собою то, что̀ приготовлено предыдущими событіями, и что мѣсто свято пусто не бываетъ.

Потомъ г. Погодинъ особенно налегаетъ на мысль, что мирные кіевскіе жители приняли Олега безъ сопротивленія, и что поселеніе его было такъ же мирно, какъ и Рюриково въ Новѣгородѣ, чѣмъ и опредѣлился характеръ ихъ отношеній къ жителямъ. Мы бы хотѣли спросить автора: это мирное [illegible]

тіе не математическая ли точка, не почти идея ли? Кіевляне были народъ странный. Приходитъ къ нимъ одинъ — они покоряются ему добровольно; приходитъ другой — ему точно такъ же; приходитъ третій, убиваетъ ихъ властителей—они покоряются и ему безъ сопротивленія. Такой народный характеръ отнимаетъ рѣшительно всякое право говорить о мирномъ занятіи и завоеваніи. Въ отношеніи къ Полянамъ и вообще тѣмъ изъ нашихъ Славянъ, которые охотно, безъ боя подчинялись первому пришельцу, различіе добровольнаго подчиненія или призванія и завоеванія не могло имѣть никакого значенія, и, слѣдовательно, никакого вліянія на дальнѣйшую ихъ судьбу. Объяснимся. Представимъ себѣ, что народъ сильный, независимый, гражданскі развитой и не поддающійся, первому встрѣчному, призоветъ къ себѣ постороннихъ властителей. Такое призваніе даетъ ему возможность заключить съ призванными условія, обезпечить свои права, поставить границы произволу пришельцевъ, и такимъ образомъ извлечь изъ призванія всевозможную пользу, не подвергаясь опасностямъ порабощенія. Представимъ себѣ теперь другой случай, что этотъ же самый народъ будетъ завоеванъ пришельцами. Тогда послѣдніе дѣлаются его безусловными господами и устроиваютъ его судьбу по произволу, неограниченно. Ясно, что въ отношеніи къ такому народу различіе между завоеваніемъ и добровольнымъ подчиненіемъ неизмѣримо велико и на всю послѣдующую судьбу его имѣетъ рѣшительное и важное вліяніе. Тутъ стоитъ поизслѣдовать, былъ ли народъ завоеванъ или нѣтъ—ибо вся исторія его получаетъ отъ такого или другаго разрѣшенія этого вопроса противоположное значеніе и колоритъ. Но когда племя, едва только начинающее выработываться изъ первоначальной, грубой непосредственности и при этомъ коснѣющее въ патріархальныхъ, мирныхъ и кроткихъ *нравахъ, охотно*, безусловно подчиняется всякому, который

захочетъ имъ владѣть,—не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что оно и не могло быть завоевано, потому что всегда предупреждало завоевателя своею безусловною покорностью и ничѣмъ не обезпечивало себя и своихъ правъ, слѣдовательно, не будучи завоевано, могло подвергаться всѣмъ невыгодамъ завоеванія по произволу пришельцевъ? Г. Погодинъ понималъ это, хотя, можетъ-быть, и не совсѣмъ ясно. Ему видно хотѣлось удержать для начала нашего государства принципъ мирнаго занятія, и такъ какъ провести его никакъ нельзя было, то онъ во многихъ мѣстахъ своего сочиненія долженъ былъ прибѣгать къ отчаяннымъ предположеніямъ. Напримѣръ, онъ говоритъ, что Славяне своею безусловною покорностью обезоружили дикихъ Варяго-Руссовъ. Далѣе нельзя идти! Въ самомъ дѣлѣ, представить хищныхъ, вѣроломныхъ и грубыхъ Руссовъ, какими мы ихъ знаемъ по нашей лѣтописи, благодарными и великодушными рыцарями, есть верхъ историческаго tour de force, натяжки столько же невѣроятной, сколько и неожиданной въ изслѣдователѣ, который на каждой строкѣ своего сочиненія проповѣдуетъ историческое безпристрастіе и жестоко преслѣдуетъ противниковъ за натяжки и любимыя мысли. Пора же, наконецъ, понять, что если пришествіе дружины не имѣло у насъ тѣхъ послѣдствій, какія въ другихъ земляхъ, то причина не въ великодушіи Руссовъ, не въ способѣ занятія ими славянскихъ земель, а только въ томъ, что Варяги не думали основать у насъ государства, и потому долго блуждали по огромной поверхности безъ цѣли и постояннаго жительства. Нѣчто похожее на государство начинаетъ показываться не ранѣе Владиміра, а особенно при Ярославѣ, слѣдовательно, спустя сто или полтораста лѣтъ послѣ прибытія Руссовъ. А мы все толкуемъ, было ли у насъ завоеваніе или нѣтъ, точно какъ будто отъ этого факта зависитъ все,— тогда какъ онъ самый неважный изъ неважныхъ въ нашей

исторіи, въ эти отдаленныя, грубыя времена, когда Россія представляла собою не что иное, какъ

rudis indigestaque moles
Non bene junctarum discordia semina rerum.

А вся бѣда оттого, что мы даже до сихъ поръ не можемъ привыкнуть смотрѣть на нашу исторію прямо, просто. Мы непремѣнно смотримъ на нее съ точки зрѣнія западной или европейской исторіи, гдѣ для начала государствъ были другія условія. Что тамъ важно, здѣсь совершенно неважно, и наоборотъ. Къ этому мы необинуясь причисляемъ различіе между завоеваніемъ и мирнымъ занятіемъ, которое у грубыхъ, первоначальныхъ племенъ не влечетъ за собою тѣхъ послѣдствій, какія у народовъ цивилизованныхъ и просвѣщенныхъ.

Мистическимъ тономъ проникнуто и все дальнѣйшее въ этой статьѣ. Какъ ни скучно, ни утомительно для читателя слѣдить за фантазіей автора, который въ событіяхъ самыхъ естественныхъ и неважныхъ видитъ таинственное водительство судьбы, трудные и важные іероглифы, проникающіе наблюдателя какимъ-то священнымъ ужасомъ и благоговѣніемъ, — послѣдуемъ за нимъ, чтобъ показать до конца, какъ эти призраки не страшны, какъ они напротивъ съ значеніемъ, приданнымъ имъ авторомъ, мелки.

«Лѣнивый Игорь потерялъ было дани, переставъ ходить за ними, и племена, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, отлагались. По крайней мѣрѣ, всю свою жизнь онъ прожилъ въ Кіевѣ, и привычка, которую называютъ второю природою, привычка дружины и города къ князю и его роду, а князя къ дружинѣ и народу, привычка къ осѣдлости и какому-то порядку вещей, укоренялась. Такова были при Игорѣ пріобрѣтеніе, почти невещественное, къ родительскому наслѣдству. Сѣмя не развилося, но нѣсколько укрѣпилось, приготовилось для развитія. Подъ конецъ своей жизни Игорь захотѣлъ было притѣснить сосѣднихъ Древлянъ, и погибъ за то отъ руки ихъ. Новая опасность, по крайней мѣрѣ опасность Рюрикову роду: ближнее племя возстало, и рѣшилось на такое отважное дѣйствіе — убить князя: что жь сдѣлаютъ дальнія!

Что будетъ съ самою дружиною? Какъ легко, кажется, какому-нибудь смѣльчаку захватить начальство и увести ее на промыселъ, или самому сѣсть на престолъ!» (стр. 481 и 482).

Изъ чего авторъ взялъ, что Игорь былъ лѣнивъ и потерялъ дани, мы придумать не можемъ; ни одно мѣсто не даетъ права такъ говорить. Какъ мало Варяги были осѣдлы при Игорѣ, видно изъ жизни Святослава, который не хотѣлъ остаться въ Кіевѣ. Бунтъ Древлянъ—явленіе частное, которое не имѣло никакого отношенія къ другимъ племенамъ, можетъ-быть, даже оставалось имъ неизвѣстнымъ, да и убійство князя тогда далеко не то значило, что̀ въ послѣдствіи, особливо, когда Россія начала гораздо болѣе походить на государство, напримѣръ, въ московскій періодъ. О тщетныхъ и смѣшныхъ опасеніяхъ на счетъ Рюрикова рода, не стоитъ и говорить; право, тогда Рюриковъ родъ еще не много вѣсилъ въ судьбахъ Россіи.

Судя по словамъ г. Погодина, русской исторіи съ самаго начала благопріятствовало необыкновенное счастіе. Все вышло, разумѣется, такъ, какъ вышло. Но авторъ во всемъ этомъ видитъ какую-то высшую необходимость. Напримѣръ, у Игоря былъ одинъ сынъ. Тутъ, кажется, нѣтъ ничего необыкновеннаго. У Святослава ихъ было три, у Владиміра двѣнадцать, а единство Руси удержалось. Но, читая книгу г. Погодина, подумаешь, что такъ было необходимо нужно по тогдашнему состоянію Россіи. Вотъ какъ онъ объ этомъ разсуждаетъ:

«У Игоря былъ такъ же одинъ сынъ, какъ у Рюрика, Святославъ, къ счастію молодой Руси, которой необходимо было распространиться прежде, нежели раздѣлиться, которой необходимо было раскинуться, хоть слегка, изъ одного центра, а не многихъ; одно сѣмя должно было пока развиваться, одно государство расти, а не многія равносильныя возникнуть вдругъ. Рано было начинаться удѣльнымъ княжествамъ: еслибъ у первыхъ князей было по многу дѣтей, то они поссорясь тотчасъ между собою, (неизбѣжный случай), воспрепятствовали бъ развитію, неукрѣпясь ослабли бъ, и не успѣли бъ захватить столько посторонниихъ земель, кои могли отойти въ составъ другихъ сосѣднихъ государствъ. Тяжело дѣтямъ остаться

сиротами, пока отецъ не устроитъ хозяйства. Силѣ предлежало еще поприще внѣ, а не внутри» (стр. 482 и 483).

Пожалуй и такъ. Но можно бы разсуждать и совершенно на выворотъ. Вотъ почему всѣ такія разсужденія—пустыя слова, отъ которыхъ наука ничего не выигрываетъ, но проигрываетъ очень часто. Святославъ считалъ Кіевъ постоемъ и рѣшился оставить его; не перенести столицу, какъ думаютъ нѣкоторые — замѣчаніе глубоко вѣрное — «а переѣхать на другую квартиру». (стр. 483). Какъ ни отстаиваетъ авторъ послѣднее выраженіе, но оно и смѣшно и неудачно, потому-что взято изъ совершенно другаго порядка вещей, неимѣющаго ничего общаго съ тогдашнимъ. Не дурно замѣтить такъ же, что постоянное пребываніе Игоря въ Кіевѣ (если это и фактъ достовѣрный) немного, кажется, послужило къ водворенію, къ осѣдлости Варяговъ въ этомъ городѣ. Зачѣмъ же было объ немъ и говорить? Непонятная страсть нанизывать факты на одну нитку и вытягивать въ линію, тогда какъ они обыкновенно выпадаютъ такъ пестро, и только въ цѣлой эпохѣ, чрезъ отвлеченіе, мы можемъ открыть общія черты.

Мысль о раздачѣ удѣловъ Святославомъ Ярополку, Олегу и Владиміру очень недурна и во всякомъ случаѣ нова.

«Передъ отбытіемъ Святославъ отдалъ старшему сыну Ярополку свой Кіевъ, а втораго послалъ княжить на Волынь. Святославъ не раздѣлилъ, какъ говорятъ у насъ обыкновенно, свои владѣнія, но другаго сына послалъ въ дикое поле. Древлянъ, племя самое близкое къ Кіеву, разоренное Ольгою, обложенное двойною данію, и потому тѣснѣе связанное съ Кіевомъ, легче было держать въ повиновеніи. Вотъ главная причина, почему Святославъ послалъ туда сына. Третьяго сына, Владиміра, вытребовали себѣ сами Новгородцы, почти противъ воли Святослава, которой говорилъ имъ даже: кто къ вамъ пойдетъ? Слѣдовательно, Святославъ все-таки владѣлъ однимъ Кіевомъ, *гдѣ жилъ*, гдѣ жилъ и отецъ его; здѣсь нечего говорить о дѣленіи, ибо дѣлятъ цѣлое, дѣлятъ свое владѣніе, а Святославъ не владѣлъ Древлянами, которые платили ему только дань. Тѣмъ болѣе должно сказать это о прочихъ дальнихъ племенахъ, и всего вѣрнѣе и точнѣе, о Новгородцахъ. Но еслибъ даже и владѣлъ—все только Кіевомъ и ближнею Волынью. Вотъ что отдалъ онъ двумъ

сыновьямъ своимъ. — Не было дѣленія и еще менѣе пагубнаго примѣра! Дѣленіе было общее во всей Европѣ, необходимая принадлежность, степень гражданскаго общества, а не частная ошибка. Но у насъ, повторяю, не было ни дѣленія, ни частной ошибки, ни примѣра» (стр. 484 и 485).

Да не подумаетъ, однако, благосклонный читатель, что съ раздачею удѣловъ всѣ опасности для русской исторіи миновались. Напротивъ, вы знаете, что противникомъ Святослава былъ Цимисхій, императоръ храбрый и умный. Онъ то же родился не даромъ, и если онъ не могъ возродить дряхлѣющую Византію, то призваніе его было еще выше — удержать Варяговъ-Русь въ Кіевѣ и дать имъ возможность окончательно осѣсться. Не забудьте, что сыны Святослава могли послѣдовать за своимъ отцомъ въ Болгарію. Что бы сталось тогда съ славянскими племенами? Авторъ наивно восклицаетъ: «какъ все зыбко!»

«Случился же именно въ это время въ Греціи такой Государь, какъ Іоаннъ Цимисхій, одинъ изъ самыхъ воинственныхъ Государей въ цѣломъ ряду Византійскихъ Императоровъ, въ продолженіи долговременнаго періода. Онъ заставилъ Святослава удалиться изъ любезной Болгаріи, который на возвратномъ пути и сложилъ буйную свою голову, съ остальными мужами. Сыновья его лишены были средствъ идти въ Болгарію, отнятую Греками, не могли переселиться туда, еслибъ и хотѣли. Они остались у насъ владѣя порознь Кіевомъ, Волынью и Новгородомъ.— Сѣмя переслано опять къ намъ, или лучше, укрѣпилось, глубже опустилось въ нашей землѣ. Опасностей стало меньше, по крайней мѣрѣ дома» (стр. 486).

Послѣ этого, разумѣется, могли ужь безопасно явиться нѣсколько князей, и ихъ явилось теперь трое. Какъ все дѣлается кстати, особливо когда въ головѣ изслѣдователя приготовлены, по извѣстному и данному, причины и условія случайныхъ событій!

Можно ли такъ смотрѣть на исторію?

Остальная половина варяжскаго періода, начиная съ Ярополка, обрисована довольно живо и удачно. Событія разска-

заны просто, естественно и вмѣстѣ и оригинально, а потому и не лишены интереса. Любителей отсылаемъ къ самой книгѣ.

Одиннадцатая и послѣдняя глава заключаетъ въ себѣ «параллель Русской Исторіи съ исторіей Западныхъ Европейскихъ Государствъ относительно начала». Особой статьей эта глава, въ 1844 году, была отпечатана въ «Москвитянинѣ». Въ библіографіи ея коснулись слегка и вообще объ ней писано было меньше, нежели разсуждаемо на словахъ. Только въ самомъ «Москвитянинѣ» противъ нея была поднята сильная полемика, отчасти справедливая, но по основной мысли пристрастная. Несмотря на то, что эта статья была мало замѣчена, она заслуживаетъ бо́льшаго вниманія, какъ по своей парадоксальности, такъ и по непониманію главныхъ, основныхъ явленій нашей исторіи.

Русская и западная, или, правильнѣе, европейская исторія до того различны между собою, что при всѣхъ видимыхъ, случайныхъ, иногда разительныхъ сходствахъ, нѣтъ никакой возможности сравнивать ихъ между собою. Весьма вѣроятно, что главная причина такого разительнаго различія — въ различіи элементовъ, исторической почвы, на которой совершались событія. Какъ ни возбужденъ въ настоящее время вопросъ о славянскомъ племени — онъ еще далеко не рѣшенъ, и едва ли можно надѣяться, что онъ скоро разрѣшится. Ключа къ національному характеру этого удивительнаго племени, что̀ ни говорено, ни писано объ немъ, мы еще не имѣемъ, и мы твердо увѣрены, что его въ силахъ дать одни событія, исторія, а не кабинетныя занятія ученыхъ, не изслѣдованія его прошедшаго. Оттого странно положеніе всякаго мыслящаго человѣка, когда онъ говоритъ или пишетъ объ этомъ племени. Прежде о немъ вовсе не думали, потомъ говорили свысока, съ какимъ-то презрѣніемъ, или по крайней мѣрѣ неуваженіемъ. Теперь это со*вершенное* невѣдѣніе и эти смѣшные предразсудки изчезли, но

самое племя не сдѣлалось отъ этого понятнѣе. Чтобъ удостовѣриться въ этомъ, попробуйте прикинуть къ нему или его исторіи какой бы то ни было готовый аршинъ, которымъ мѣряется исторія другаго племени: ни однимъ вы его не смѣряете. Оттого и событія, съ перваго взгляда сходныя, даже тожественныя въ европейской и нашей исторіи, такъ же далеки между собою, какъ небо отъ земли; часто ихъ невозможно сравнивать, потому что они несоизмѣримы. Мы думаемъ, что въ этомъ должно, между прочимъ, искать причины, почему до сихъ поръ наша историческая литература такъ бѣдна, тоща и неплодотворна. Она возникла въ тотъ періодъ нашей исторіи, когда мы жили подъ исключительнымъ вліяніемъ европейской цивилизаціи, и потому естественно смотрѣли на свое прошедшее европейскими глазами. Какъ ни важно, ни благодѣтельно было такое вліяніе на наше духовное и нравственное возрожденіе, оно не могло, однако, быть благопріятно для правильнаго уразумѣнія нашего прошедшаго. Въ теперешнее переходное время, когда самосознаніе начинаетъ пробуждаться, принимая нерѣдко странныя формы, — начинаетъ проясняться и мысль объ этомъ коренномъ различіи нашей и европейской исторіи, и исподоволь созрѣваютъ другія понятія, другіе взгляды, которые измѣнятъ, наконецъ, представленіе о прожитомъ нами времени и событіяхъ.

Г. Погодинъ тоже чувствуетъ это различіе, но онъ проводитъ его не до конца. Не высказывая, онъ предполагаетъ въ европейской и русской исторіи одинаковую почву, считаетъ ихъ соизмѣримыми величинами. Обѣ, по его мнѣнію, существенно различны, но это потому только, что существенно различны условія ихъ первоначальнаго существованія: въ Европѣ было завоеваніе, у насъ не было. Къ этому въ послѣднемъ итогѣ сводится все. Изъ этого видно, что по своему взгляду, точно такъ же, какъ и въ области изслѣдованій, г. Погодинъ

занимаетъ средину между прежнимъ и новымъ временемъ. Онъ не смотритъ на русскую исторію съ точки зрѣнія, данной исторіею большой части европейскихъ государствъ, но въ то же время ставитъ ихъ на одну доску, проводитъ между ними параллель, какъ будто бы они при всемъ различіи имѣли между собою много общаго.

Послѣдующимъ историкамъ славянскаго племени и Россіи въ особенности мы предоставляемъ честь разрушить это предубѣжденіе, столько же объяснимое исторически, сколько само въ себѣ ложное и неосновательное. Многіе уже теперь догадываются, что это не такъ, что между европейской и русской исторіей существуетъ только случайное, поверхностное сходство; теперь начинаютъ даже понимать, что аксіоматическія положенія въ европейской исторіи, съ помощію которыхъ можно безошибочно судить объ исторіи любаго европейскаго государства, ничего не объясняютъ въ русской исторіи, напротивъ затемняютъ ее. Что до насъ касается, мы намѣрены теперь прослѣдить внимательно выводы г. Погодина, которые, кромѣ ложнаго основанія, отличаются еще необыкновенною парадоксальностью и тѣми же историческими обоюдностями, на которыя мы уже не одинъ разъ указывали въ его новомъ сочиненіи. Все это любопытно по своей необыкновенности, яркости, можетъ-быть и потому еще, что, вѣроятно, есть люди, съ нѣкоторыми оттѣнками раздѣляющіе взглядъ г. Погодина, ибо, несмотря на то, что мы живемъ, по видимому, быстро, не по днямъ, а по часамъ, мысль для насъ еще до сихъ поръ трудна и мало доступна; два противорѣчащія положенія, взаимно себя исключающія, много лѣтъ живутъ дружески, рядомъ — по преданію, привычкѣ, или лѣности сообразить ихъ между собою — и такъ длится черезъ нѣсколько поколѣній. Страшно подумать, сколько такихъ взглядовъ пущено у насъ *въ оборотъ и получило* права гражданства!

Статья г. Погодина начинается очеркомъ исторіи западноевропейскихъ государствъ, теперь довольно извѣстной и у насъ. Эти государства основаны на завоеваніи. Завоеваніе положило въ основаніе этихъ государствъ борьбу сословій, классовъ, которые представляютъ собою прежнихъ покорителей и покоренныхъ, и воспроизводятъ ихъ взаимную ненависть. Сначала аристократію побѣждаетъ среднее сословіе и само становится на ея мѣсто. Въ этомъ событіи видно освобожденіе покоренныхъ когда-то туземцевъ изъ подъ ига пришельцевъ. Но теперь нисшее борется вмѣстѣ и съ среднимъ и съ высшимъ, и что̀ изъ этой новой борьбы выйдетъ — Богъ вѣсть. То же было и въ древней исторіи, въ Греціи, въ Римѣ. Въ русской исторіи, напротивъ, главныхъ, характеристическихъ событій европейской исторіи нѣтъ. Это различіе происходитъ оттого, что у насъ не было завоеванія, а было призваніе, безпрекословное занятіе и полюбовная сдѣлка между туземцами и пришельцами. Итакъ все различіе отъ различія въ началѣ.

Мы уже выше сказали, въ какомъ случаѣ различіе завоеванія и призванія важно въ исторіи, и объяснили причины, почему въ русской исторіи IX вѣка оно кажется намъ совершенно неважнымъ, несущественнымъ. Поэтому вновь распространяться объ этомъ мы не станемъ. Замѣтимъ здѣсь покуда мимоходомъ, что это различіе въ русской исторіи и не существовало. Въ Новгородъ дружина была призвана, но поступала недружелюбно, какъ завоеватель. Многія славянскія племена были рѣшительно покорены, и платили дань недобровольно, о чемъ можно судить по ихъ частымъ возстаніямъ. Что и съ ними недружелюбно поступали Варяги, по крайней мѣрѣ иногда, видно изъ разсказа о поступкѣ Игоря съ Древлянами. Поэтому были ли мы завоеваны, или приняли иноземцевъ добровольно, — фактъ еще очень спорный, о которомъ нельзя рѣшительно судить на томъ только основаніи, что сѣверныя

племена призвали Рюрика; а на спорномъ фактѣ нельзя строить цѣлой теоріи. Потомъ, допустивъ даже, что Варяги-Русь не завоевали насъ, и всѣми племенами были приняты съ распростертыми объятіями, мы не имѣемъ никакого права заключить отсюда, что у насъ отъ этого было легче; по крайней мѣрѣ, изъ частыхъ возстаній племенъ и безпрерывныхъ походовъ къ нимъ этого видѣть нельзя. Итакъ, различіе завоеванія и призванія въ нашей исторіи ничего почти не значитъ и не играетъ никакой роли. Постановивъ основное различіе между нашей исторіей и исторіей европейскихъ государствъ и рѣшивъ, что изъ этого различія проистекаютъ всѣ прочія, г. Погодинъ разсматриваетъ составные элементы нашего государства порознь. Послѣдуемъ за нимъ.

У насъ князь былъ добровольно призванный (въ Новгородѣ), или принятый безъ сопротивленія (въ Кіевѣ).

«Тотъ и другой не имѣлъ, слѣдовательно, и даже не могъ имѣть враждебныхъ чувствъ побѣдителя, завоевателя, какія питали Западные государи, тотъ и другой не могъ смотрѣть на свое владѣніе, какъ на добычу, взятую съ бою, приступомъ; не имѣлъ никакихъ внутреннихъ враговъ, ни внѣшнихъ соперниковъ, въ своемъ, хотя и ничтожномъ, въ сравненіи съ Западными королевствами, владѣніи. Нашъ Государь былъ званымъ мирнымъ гостемъ, желаннымъ *защитникомъ*, а Западный Государь былъ ненавистнымъ пришельцемъ, главнымъ *врагомъ*, отъ котораго народъ напрасно искалъ защиты» (стр. 500).

Какъ на враговъ, призванный князь не смотрѣлъ на племена — это правда; но, вѣроятно, смотрѣлъ какъ на источникъ обогащенія и добычи. Припомните, г. Погодинъ, все, что̀ лѣтопись говоритъ о дѣйствіяхъ Варяговъ у насъ, и вы съ нами согласитесь. А Славянамъ, которые принуждены были испытывать на себѣ ихъ своеволіе, хищничество, насиліе, — право, было все равно, пришли ли они какъ завоеватели, или какъ призванные. Имъ оттого не было легче, и голословными различіями ихъ, вѣроятно, трудно было утѣшить. *Развивая* далѣе свою мысль, г. Погодинъ силится показать,

что такимъ характеромъ нашихъ князей условливалось ихъ отношеніе къ боярамъ, городамъ и народу, — другое, нежели какое было на Западѣ.

Къ боярамъ: «На Западѣ король былъ обязанъ своимъ сподвижникамъ, (герцоги, дюки), помогавшимъ ему покорить землю, а нашъ князь не имѣлъ никакихъ обязанностей къ боярамъ большею частію его родственникамъ, которые сопровождали его безъ всякой со стороны его нужды, не имѣли случая оказать ему никакихъ важныхъ, необходимыхъ услугъ,—и въ случаѣ неудовольствія могли только оставить его» (стр. 500 и 501).

Чистый вымыселъ, потому что основанъ на однихъ голыхъ предположеніяхъ! Почему нашъ князь не имѣлъ никакихъ обязанностей къ боярамъ? Почему знаетъ авторъ, что они были большею частью его родственники? Ужь не изъ словъ ли лѣтописи, что избрались три брата «съ роды своими»? Если наши князья безпрестанно воевали—что достовѣрно извѣстно—какое право имѣетъ авторъ сказать, что бояре сопровождали его безъ всякой со стороны его нужды, и не имѣли случая оказать ему никакихъ важныхъ, необходимыхъ услугъ? Право оставить начальника дружины имѣли дружинники не только у насъ, но и вездѣ; а если тамъ они имѣли и другія права, то эти права условливались осѣдлостію дружины, чего у насъ долго не было.—Словомъ, такое опредѣленіе отношеній князя къ боярамъ такъ произвольно, такъ натянуто, что не заслуживаетъ опроверженія. Пусть авторъ подкрѣпитъ свои положенія дѣльными доводами, и мы тогда опровергнемъ ихъ; ибо ихъ нѣтъ, а есть доводы противъ него, хотя ихъ и немного. Пока онъ этого не сдѣлаетъ, мы считаемъ неумѣстнымъ серьёзный разборъ неосновательныхъ и недоказанныхъ предположеній.

Къ народу: «Съ народомъ у насъ князь имѣлъ дѣло лицемъ къ лицу, какъ его защитникъ и судья, въ случаяхъ, впрочемъ,

очень рѣдкихъ, за что и получалъ опредѣленную дань, —вотъ въ чемъ состояло его отношеніе, —а Западный государь отдѣленъ былъ совершенно своими вассалами» (стр. 501).

Легкій способъ рѣшать трудныя задачи! О которомъ времени говоритъ авторъ? О варяжскомъ періодѣ, вѣроятно? Но что жь мы о немъ знаемъ, и изъ чего взялъ г. Погодинъ, что съ народомъ наши князья имѣли дѣло лицемъ къ лицу? Хоть одно мѣсто въ доказательство, г. Погодинъ, одно мѣсто! Что князь за защиту и судъ получалъ опредѣленную дань — этого мы то же, признаться, не знали! Что, собирая дань на мѣстѣ, князь въ то же время судилъ и бралъ за то пошлину, это, можетъ-быть, и отчасти вѣроятно. Но чтобъ ему за судъ давалась дань, такъ можетъ думать только тотъ, кто совершенно незнакомъ съ нашими юридическими древностями! Примѣръ Новгородцевъ, платившихъ 300 гривенъ «мира дѣля» ничего не доказываетъ. Мы не знаемъ, было ли это данью; вѣроятно, нѣтъ, ибо дань платилась сама собою кіевскимъ князьямъ. Но допустивъ, что дань платилась за защиту, спрашивается, за что жь платили ее не пограничныя, а внутреннія славянскія племена? Наконецъ, до какой степени князь не былъ отдѣленъ своими правителями и дружинниками отъ народа — кто возьмется разрѣшить этотъ вопросъ, особливо въ эпоху, изъ которой до насъ не сохранилось почти никакихъ извѣстій?

Объ отношеніи князей къ городамъ не сказано ничего. Этотъ вопросъ такъ же бѣденъ извѣстіями, но за то по-сложнѣе. Авторъ, вѣроятно, боялся за него приняться.

Такъ же разбираетъ г. Погодинъ бояръ. У насъ ихъ было меньше, говоритъ онъ, чѣмъ на Западѣ. «Потому что они не составили у насъ особаго класса, многочисленнаго сословія, сильнаго элемента; а были только переднимъ рядомъ княжеской свиты, гвардіи, дружины» (стр. 501). Въ другомъ мѣстѣ *мы высказали мысль*, что въ самомъ началѣ у насъ былъ

феодализмъ, потомъ изчезнувшій, и привели доказательства. Поэтому, мнѣніе автора, что наши мужи и бояре были только передними рядомъ княжеской свиты, дружины, кажется намъ ложнымъ. Сверхъ того, еще не рѣшено, что бояре были дружинники съ самаго начала. Объ этомъ мы то же сказали свое мнѣніе.

Объ отношеніяхъ бояръ (т. е. по терминологіи автора, дружинниковъ) къ князю сказано слѣдующее: «Воеводы Западные почитали себя почти равными Королю, который безъ нихъ ничего не значилъ, не могъ владѣть Государствомъ, не могъ дѣйствовать, всего менѣе повелѣвать ими, а наши находились въ полномъ распоряженіи Князя, — ближайшіе исполнители его приказаній, — его родственники, слуги, наемники, безъ которыхъ онъ могъ обойдтись всегда. Они зависѣли отъ Князя, а на Западѣ Князь зависѣлъ отъ нихъ. Тѣ дѣлали, что хотѣли, а наши, что приказывалъ имъ Князь» (стр. 501 и 502).— Изъ чего жь заключаетъ г. Погодинъ, что наши дружинники находились въ полномъ распоряженіи князя, были исполнители его приказаній, слѣпые органы его воли? Странно читать такія вещи, съ важностію выдаваемыя за истину, и между тѣмъ лишенныя всякой опоры! Пусть г. Погодинъ приведетъ хоть одно доказательство, мы вызываемся представить ему до десяти въ опроверженіе. И это называется провести параллель между исторіями!

Объ отношеніи дружинниковъ къ землѣ. «Наши (феодалы) не прикоснулись къ землѣ, а получали иногда отъ князя, временно, въ родѣ жалованья, или по договору за свою службу часть дани, доходовъ съ того или другаго города, — какъ его намѣстники, прикащики или откупщики, которыхъ онъ могъ всегда смѣнить, безъ малѣйшаго для себя вреда и неудобства. Феодалы разсѣялись по всему пространству покоренной земли, а наши не имѣли постояннаго пребыванія, и жили тамъ, гдѣ

назначалъ имъ князь,—преимущественно при немъ, участвуя въ его походахъ военныхъ и мирныхъ» (стр. 502).

Уступалась ли дань дружинникамъ съ городовъ, мы не знаемъ, потому что нѣтъ извѣстій. Если у насъ былъ въ началѣ феодализмъ, то очень немудрено, что были зачатки раздѣленія земель, но неуспѣвшіе развиться, потому что дружина не получила осѣдлости. Во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что мы объ этомъ не имѣемъ никакихъ извѣстій изъ варяжскаго періода. Такъ же мало знаемъ мы, на какомъ основаніи управляли дружинники городами, и жили ли они постоянно въ однихъ мѣстахъ, или нѣтъ.

Отношеніе дружинниковъ къ народу. «Феодалы Западные, отнявъ землю и заставивъ работать на себя ея обитателей, съ самаго начала поставили себя въ враждебное отношеніе къ нимъ, а наши бояре, не имѣя никакого дѣла до народа, кромѣ сбора дани и суда, жили въ добромъ согласіи съ ними» (стр. 502).

Бояре, пока ихъ званіе не стало однозначительно съ слугой царскимъ — можетъ-быть; дружинники за свое хищничество, какъ въ послѣдствіи всѣ областные правители, вѣроятно, не очень были любимы народомъ. Впрочемъ, и объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій изъ варяжскаго періода.

Наконецъ, и отношенія феодаловъ къ государству были то же разныя у насъ и въ Европѣ. «Феодалы Западные основали многія владѣнія, малыя Государства, изъ коихъ отвлеченно состояло одно большое, а у насъ было одно малое Государство. Западное Государство можно выразить такою дробью $^{10}/_{10}$, а наше десятичною» (стр. 503).

Если у насъ были зачатки феодализма, то все это разсужденіе дѣлается совершенно излишнимъ. Потомъ, мы долго ломали себѣ голову, чтобъ понять математическое сравненіе, *употребленное* г. Погодинымъ. Странная охота говорить не

спроста, а вычурно, іероглифически! Мы увѣрены, что многіе читатели такъ же были затруднены этимъ мѣстомъ, какъ и мы.

Сказанное о народѣ и землѣ справедливо. Онъ сохранилъ свои владѣнія, остался свободнымъ, и теперь сталъ только платить подать, дань, чѣмъ и ограничилась его зависимость. Но мы не согласны съ авторомъ, что земля досталась на Западѣ пришельцамъ сполна. Это бывало, но довольно рѣдко. Отбиралась, обыкновенно, часть земли, треть или двѣ трети. Далѣе, страннымъ намъ показалось заключеніе автора о дани, платимой Славянами пришельцамъ. Эта дань, говоритъ онъ, состояла въ естественныхъ произведеніяхъ, которыхъ было у нихъ въ излишествѣ, которыхъ дѣвать имъ было некуда—слѣдовательно, была вовсе не отяготительна. Мы назвали такое заключеніе страннымъ, потому что оно основано на однихъ предположеніяхъ, ничѣмъ не подтверждаемыхъ. И здѣсь мы вызываемъ автора привести хоть два-три доказательства, а за то обязуемся представить столько же фактовъ, заставляющихъ думать противное. Но самое главное, въ чемъ мы не согласны съ авторомъ,—это важность, которую онъ придаетъ тому, что у насъ туземцы остались свободны и не потеряли своихъ земель. Этотъ фактъ ни больше, ни меньше значителенъ, какъ указанное нами различіе завоеванія и призванія въ русской исторіи, и по тѣмъ же причинамъ. Варяги пришли къ намъ дружиной безъ всякой опредѣленной цѣли. Всего менѣе располагались они поселиться, обосноваться въ новой землѣ. От того и земля и свобода туземцевъ остались неприкосновенными. Если бъ наши Славяне, призывая Варяговъ Русь, [illegible] себѣ и то и другое, мы сочли бы это фактомъ необыкновенно важнымъ и многознаменательнымъ для всей нашей послѣдующей исторіи, но этого не было. Оттого въ послѣдствіи [illegible] удѣловъ, мы видимъ, что свобода поселянъ [illegible] Какъ на Западѣ, князь былъ [illegible]

мимо его дѣтей; онъ отыскивалъ и возвращалъ его себѣ изъ чужихъ владѣній. Въ московскую эпоху, всѣ земли, непринадлежавшія въ частную собственность, даже заселенныя цѣлыми крестьянскими общинами, стали мало-по-малу получать характеръ государевыхъ земель. Изъ этого мы заключаемъ, что во время прибытія Варяговъ о свободѣ и землѣ не было ни мысли, ни рѣчи; это былъ вопросъ обойденный, еще невозникавшій. Рѣшеніе его было впереди, что̀ и показываетъ исторія. Слѣдовательно, онъ могъ рѣшиться или такъ или иначе. Вотъ почему неотнятіе земли и свободы туземцевъ Варягами ровно ничего не значитъ въ русской исторіи; это не фактъ, нѣчто совершенно несуществующее; слѣдовательно, объ этомъ и говорить нѣчего.

Сказанное о нашихъ городахъ, что они были то же, что деревни, справедливо. Только авторъ себѣ немного противорѣчитъ. Въ XI главѣ онъ говоритъ, что городами назывались у насъ нѣкоторыя общины потому только, что князья избрали ихъ мѣстами пребыванія для себя, или для своихъ мужей и огородили (стр. 504), а въ VIII-й, на стр. 293, не прилагая никакихъ опроверженій, приводитъ выводъ г. Григорьева (п. 6), «что на пространствѣ помянутыхъ губерній (въ 4 п.) были города, не въ смыслѣ огороженныхъ, укрѣпленныхъ мѣстъ, а въ значеніи торговыхъ поселеній, которыя пользовались извѣстною безопасностію и въ которыхъ развиты были первыя зачала гражданскаго благоустройства». И то и другое мнѣніе имѣетъ за себя многія доказательства; у насъ были города и въ томъ и въ другомъ смыслѣ. Не знаемъ, почему же авторъ говоритъ, что у насъ были города только въ смыслѣ огороженныхъ центровъ управленія? Можетъ-быть, изъ такого ихъ значенія легче объяснить отсутствіе у насъ средняго сословія, нежели изъ городовъ въ смыслѣ средоточій промышленности и торговли. Такъ *какъ мы этого не знаемъ* навѣрное, то и не можемъ рѣшить.

Потомъ авторъ беретъ тотъ же вопросъ, но съ другой стороны. Сравнивая опять начало европейскихъ государствъ съ началомъ русскаго, онъ говоритъ, что на Западѣ «государства родились въ одночасье, а наше рождалось двѣсти лѣтъ» (стр. 505). Пріймемъ это за истину и посмотримъ, что выводитъ авторъ изъ своей мысли.

Такая долговременность, по его мнѣнію, имѣла вліяніе на наши первоначальныя отношенія и образовала ихъ различно съ европейскими.

«Первые князья владѣли у насъ по одному городу, въ коемъ жили, или, лучше сказать, остановились постоемъ, ибо не имѣли мысли о постоянномъ пребываніи; они не боялись потерять ничего, тѣмъ болѣе, что ни чѣмъ не дорожили, слѣдовательно — какъ сначала имъ не нужны были помощники для водворенія, такъ естественно и теперь были не нужны для того, чтобъ сохранять владѣніе. — Пользуясь благопріятными обстоятельствами, они начинаютъ ходить въ походы по разнымъ сторонамъ и распространять предѣлы своей *дани*, все еще не думая о прочномъ владѣніи. Если у нихъ недоставало собственныхъ средствъ, они нанимали себѣ войско у бранныхъ единоплеменниковъ. Всего чаще цѣлію ихъ были богатые сосѣди, особенно Грецiя, вознаграждавшая сторицею ихъ труды. — Такимъ образомъ Князья постепенно богатѣли, распространяли свои владѣнія, усиливались и утверждали еще болѣе первоначальную самобытность къ тому времени, когда духъ движенія успокоился, пути всѣ преградились, и привычка къ давнишнему мѣсту жительства взяла свою силу. Это было уже при Владимірѣ и Ярославѣ, которые покончили очертаніе окружности, и положили по послѣднему камню основанія, черезъ двѣсти лѣтъ почти послѣ перваго пребыванія Варяговъ. — Вотъ какъ первоначальное отличіе Русскаго князя отъ Западнаго Короля, утвердилось окончательно.—Точно такое же дѣйствіе долговременнымъ основаніемъ Государства произведено и на бояръ, сравнительно съ Западомъ: первыя поколѣнія ихъ не имѣли большаго значенія, а послѣднія, Владиміровы и Ярославовы, почти никакого. Спутники Рюриковы и Олеговы, какъ товарищи, могли еще можетъ-быть, предъявлять какое-нибудь право, но роды ихъ пресѣклись едва ли не въ продолженіе несчастныхъ походовъ Святославовыхъ, и Владиміръ привелъ себѣ новыхъ мужей, нанятыхъ имъ на Сѣверѣ для войны съ Ярополкомъ; кончивъ войну, однихъ по выбору онъ оставилъ у себя, для службы, а другихъ выпроводилъ въ Грецію. Ярославъ поступалъ одинаково.—Наши мужи по городамъ получали отъ князя воиновъ, которые помогали имъ исправлять ихъ должность, между тѣмъ, какъ феодалы Западные, получивъ землю, обя-

назначалъ имъ князь,—преимущественно при немъ, участвуя въ его походахъ военныхъ и мирныхъ» (стр. 502).

Уступалась ли дань дружинникамъ съ городовъ, мы не знаемъ, потому что нѣтъ извѣстій. Если у насъ былъ въ началѣ феодализмъ, то очень немудрено, что были зачатки раздѣленія земель, но неуспѣвшіе развиться, потому что дружина не получила осѣдлости. Во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что мы объ этомъ не имѣемъ никакихъ извѣстій изъ варяжскаго періода. Такъ же мало знаемъ мы, на какомъ основаніи управляли дружинники городами, и жили ли они постоянно въ однихъ мѣстахъ, или нѣтъ.

Отношеніе дружинниковъ къ народу. «Феодалы Западные, отнявъ землю и заставивъ работать на себя ея обитателей, съ самаго начала поставили себя въ враждебное отношеніе къ нимъ, а наши бояре, не имѣя никакого дѣла до народа, кромѣ сбора дани и суда, жили въ добромъ согласіи съ ними» (стр. 502).

Бояре, пока ихъ званіе не стало однозначительно съ слугой царскимъ — можетъ-быть; дружинники за свое хищничество, какъ въ послѣдствіи всѣ областные правители, вѣроятно, не очень были любимы народомъ. Впрочемъ, и объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій изъ варяжскаго періода.

Наконецъ, и отношенія феодаловъ къ государству были то же разныя у насъ и въ Европѣ. «Феодалы Западные основали многія владѣнія, малыя Государства, изъ коихъ отвлеченно состояло одно большое, а у насъ было одно малое Государство. Западное Государство можно выразить такою дробью $^{10}/_{10}$, а наше десятичною» (стр. 503).

Если у насъ были зачатки феодализма, то все это разсужденіе дѣлается совершенно излишнимъ. Потомъ, мы долго ломали себѣ голову, чтобъ понять математическое сравненіе, *употребленное* г. Погодинымъ. Странная охота говорить не

спроста, а вычурно, іероглифически! Мы увѣрены, что многіе читатели такъ же были затруднены этимъ мѣстомъ, какъ и мы.

Сказанное о народѣ и землѣ справедливо. Онъ сохранилъ свои владѣнія, остался свободнымъ, и теперь сталъ только платить подать, дань, чѣмъ и ограничилась его зависимость. Но мы не согласны съ авторомъ, что земля досталась на Западѣ пришельцамъ сполна. Это бывало, но довольно рѣдко. Отбиралась, обыкновенно, часть земли, треть или двѣ трети. Далѣе, страннымъ намъ показалось заключеніе автора о дани, платимой Славянами пришельцамъ. Эта дань, говоритъ онъ, состояла въ естественныхъ произведеніяхъ, которыхъ было у нихъ въ излишествѣ, которыхъ дѣвать имъ было некуда—слѣдовательно, была вовсе не отяготительна. Мы назвали такое заключеніе страннымъ, потому что оно основано на однихъ предположеніяхъ, ничѣмъ не подтверждаемыхъ. И здѣсь мы вызываемъ автора привести хоть два-три доказательства, а за то обязуемся представить столько же фактовъ, заставляющихъ думать противное. Но самое главное, въ чемъ мы не согласны съ авторомъ,—это важность, которую онъ придаетъ тому, что у насъ туземцы остались свободны и не потеряли своихъ земель. Этотъ фактъ ни больше, ни меньше значителенъ, какъ указанное нами различіе завоеванія и призванія въ русской исторіи, и по тѣмъ же причинамъ. Варяги пришли къ намъ дружиной безъ всякой опредѣленной цѣли. Всего менѣе располагались они поселиться, обосноваться въ новой землѣ. Оттого и земли и свобода туземцевъ остались нетронутыми. Вотъ, еслибъ наши Славяне, призывая Варяговъ-Русь, выговорили себѣ и то и другое, мы сочли бы это фактомъ необычайно важнымъ и многовѣснымъ для всей нашей послѣдующей исторіи; но этого не было. Оттого въ послѣдствіи, уже въ періодъ удѣловъ, мы видимъ, что свобода поселянъ была ограниченна. Какъ на Западѣ, князь былъ наслѣдникомъ послѣ смерда, по-

мимо его дѣтей; онъ отыскивалъ и возвращалъ его себѣ изъ чужихъ владѣній. Въ московскую эпоху, всѣ земли, непринадлежавшія въ частную собственность, даже заселенныя цѣлыми крестьянскими общинами, стали мало-по-малу получать характеръ государевыхъ земель. Изъ этого мы заключаемъ, что во время прибытія Варяговъ о свободѣ и землѣ не было ни мысли, ни рѣчи; это былъ вопросъ обойденный, еще невозникавшій. Рѣшеніе его было впереди, что̀ и показываетъ исторія. Слѣдовательно, онъ могъ рѣшиться или такъ или иначе. Вотъ почему неотнятіе земли и свободы туземцевъ Варягами ровно ничего не значитъ въ русской исторіи; это не фактъ, нѣчто совершенно несуществующее; слѣдовательно, объ этомъ и говорить нѣчего.

Сказанное о нашихъ городахъ, что они были то же, что деревни, справедливо. Только авторъ себѣ немного противорѣчитъ. Въ XI главѣ онъ говоритъ, что городами назывались у насъ нѣкоторыя общины потому только, что князья избрали ихъ мѣстами пребыванія для себя, или для своихъ мужей и огородили (стр. 504), а въ VIII-й, на стр. 293, не прилагая никакихъ опроверженій, приводитъ выводъ г. Григорьева (п. 6), «что на пространствѣ помянутыхъ губерній (въ 4 п.) были города, не въ смыслѣ огороженныхъ, укрѣпленныхъ мѣстъ, а въ значеніи торговыхъ поселеній, которыя пользовались извѣстною безопасностію и въ которыхъ развиты были первыя зачала гражданскаго благоустройства». И то и другое мнѣніе имѣетъ за себя многія доказательства; у насъ были города и въ томъ и въ другомъ смыслѣ. Не знаемъ, почему же авторъ говоритъ, что у насъ были города только въ смыслѣ огороженныхъ центровъ управленія? Можетъ-быть, изъ такого ихъ значенія легче объяснить отсутствіе у насъ средняго сословія, нежели изъ городовъ въ смыслѣ средоточій промышленности и торговли. Такъ *какъ мы этого не знаемъ* навѣрное, то и не можемъ рѣшить.

Потомъ авторъ беретъ тотъ же вопросъ, но съ другой стороны. Сравнивая опять начало европейскихъ государствъ съ началомъ русскаго, онъ говоритъ, что на Западѣ «государства родились въ одночасье, а наше рождалось двѣсти лѣтъ» (стр. 505). Пріймемъ это за истину и посмотримъ, что выводитъ авторъ изъ своей мысли.

Такая долговременность, по его мнѣнію, имѣла вліяніе на наши первоначальныя отношенія и образовала ихъ различно съ европейскими.

«Первые князья владѣли у насъ по одному городу, въ коемъ жили, или, лучше сказать, остановились постоемъ, ибо не имѣли мысли о постоянномъ пребываніи; они не боялись потерять ничего, тѣмъ болѣе, что ни чѣмъ не дорожили, слѣдовательно — какъ сначала имъ не нужны были помощники для водворенія, такъ естественно и теперь были не нужны для того, чтобъ сохранять владѣніе. — Пользуясь благопріятными обстоятельствами, они начинаютъ ходить въ походы по разнымъ сторонамъ и распространять предѣлы своей *дани*, все еще не думая о прочномъ владѣніи. Если у нихъ недоставало собственныхъ средствъ, они нанимали себѣ войско у бранныхъ единоплеменниковъ. Всего чаще цѣлію ихъ были богатые сосѣди, особенно Грецiя, вознаграждавшая сторицею ихъ труды. — Такимъ образомъ Князья постепенно богатѣли, распространяли свои владѣнія, усиливались и утверждали еще болѣе первоначальную самобытность къ тому времени, когда духъ движенія успокоился, пути всѣ преградились, и привычка къ давнишнему мѣсту жительства взяла свою силу. Это было уже при Владимірѣ и Ярославѣ, которые покончили очертаніе окружности, и положили по послѣднему камню основанія, черезъ двѣсти лѣтъ почти послѣ перваго пребыванія Варяговъ. — Вотъ какъ первоначальное отличіе Русскаго князя отъ Западнаго Короля, утвердилось окончательно.—Точно такое же дѣйствіе долговременнымъ основаніемъ Государства произведено и на бояръ, сравнительно съ Западомъ: первыя поколѣнія ихъ не имѣли большаго значенія, а послѣднія, Владиміровы и Ярославовы, почти никакого. Спутники Рюриковы и Олеговы, какъ товарищи, могли еще можетъ-быть, предъявлять какое-нибудь право, но роды ихъ пресѣклись едва ли не въ продолженіе несчастныхъ походовъ Святославовыхъ, и Владиміръ привелъ себѣ новыхъ мужей, нанятыхъ имъ на Сѣверѣ для войны съ Ярополкомъ; кончивъ войну, однихъ по выбору онъ оставилъ у себя, для службы, а другихъ выпроводилъ въ Грецію. Ярославъ поступалъ одинаково.—Наши мужи по городамъ получали отъ князя воиновъ, которые помогали имъ исправлять ихъ должность, между тѣмъ, какъ феодалы Западные, получивъ земли, обк-

заны были ставить Королю воиновъ, которые и составляли единственно его войско. Такимъ образомъ наши бояре по необходимости были подчинены князю, и боярство въ Западномъ смыслѣ рѣшительно отстранилось. Самая дружина, вслѣдствіе безпрерывныхъ многолѣтнихъ войнъ, нѣсколько разъ переводилась и возобновлялась сполна, и слѣдовательно не могла пустить глубокихъ корней, усилиться на счетъ князя, а находилась въ совершенной отъ него зависимости.— Племена Славянскія обкладывались одно за другимъ данью, на томъ же основаніи, какъ первыя, — оставаясь свободными, владѣя по прежнему землею, и не питая никакой ненависти къ пришельцамъ. Предѣлы Государства распространялись, слѣдовательно, исподоволь, безъ усилій со стороны князя, безъ непосредственнаго участія бояръ, безъ отягощенія народа. — Число городовъ увеличивалось только какъ жилищъ для княжескихъ намѣстниковъ и сборщиковъ дани» (стр. 505—508).

У г. Погодина странный способъ разсужденія. Поставитъ рядомъ два факта, неимѣющіе между собою ровно ничего общаго, и говоритъ: посмотрите, какъ они различны! Важнѣе такой ошибки въ дѣлѣ исторіи мы не знаемъ. Изъ нея по необходимости все выходитъ наоборотъ, и истина, вмѣсто того, чтобъ уясниться, затемняется. Сравнивать въ частностяхъ между собою можно только однородное. Только между однородными есть частныя сходства, есть частныя различія. Сказать о разнородныхъ, что они въ томъ или въ другомъ различны, мало. Въ отношеніи къ нимъ нужно объяснить, почему сравненіе ихъ невозможно; въ частныя сличенія нѣчего и вдаваться. Мы это отчасти показали на значеніи завоеванія и призванія въ русской исторіи, на сохраненіи нашими Славянами земель и свободы по прибытіи Варяговъ. Приведенныя теперь слова автора даютъ намъ возможность пояснить нашу мысль еще болѣе.

Сначала авторъ говоритъ о нашихъ князьяхъ. Вникните въ его слова, и вы удостовѣритесь, что между кѣнигами европейскими и русскими князьями — не было ровно ничего общаго. Задачи ихъ совершенно различны. Первые хотѣли основать государство, а послѣдніе объ этомъ не думали. Первые *пришли въ землю* завоеванную съ цѣлью водвориться, послѣд-

ніе жили въ немъ постоемъ. Поэтому первые дорожили своими пріобрѣтеніями и дружиной, поддерживавшей ихъ силу, которая имъ была нужна, а послѣдніе, какъ временные пришельцы, не дорожили ничѣмъ, ни владѣніями, которыхъ у нихъ не было сначала, ни дружиной, нужной для ихъ поддержанія. Прибавимъ къ этому отъ себя, что первымъ, по ихъ задачѣ, положенію, было необходимо опредѣлить свои отношенія къ туземцамъ и землѣ, а послѣднимъ, по той же самой причинѣ, это было совершенно ненужно. Спрашивается послѣ этого, что жь тутъ сравнивать? Вѣдь никто не сравниваетъ Кеплера съ Діономъ сиракузскимъ, Аполлонія тіанскаго съ Пушкинымъ? Если хотите провести параллель между русской и европейской исторіей, возьмите эпохи сходныя; напримѣръ, сравните съ новымъ порядкомъ вещей, въ отношеніи къ сословіямъ и землѣ, появившимся на Западѣ съ основаніемъ государствъ, ту эпоху русской исторіи, когда начали у насъ юридически обозначаться сословія и ихъ отношенія, вопросъ о поземельномъ владѣніи и собственности. Такое сравненіе будетъ по крайней мѣрѣ возможно, при всемъ прочемъ различіи обстоятельствъ и времени, по однородности, одинаковости предмета. А вы, не вникая ни въ духъ времени, ни въ вопросы, разрѣшаемые внутри общества, довольствуясь одними чисто-внѣшними, случайными признаками, на основаніи ихъ считаете эпохи однородными и сличаете ихъ! Какихъ же плодовъ ожидать отъ такой невозможной работы?.. Но этого мало. Одна ошибка непремѣнно влечетъ за собой другую. Изъ словъ самого г. Погодина слѣдуетъ, что наши первые князья вовсе и недумали о томъ, о чемъ должны были думать и заботиться основатели новыхъ европейскихъ государствъ. Стало-быть, для первыхъ и не существовали вопросы, которые были разрѣшаемы послѣдними. Но такъ какъ эти вопросы не были совершенно случайными, а необходимо условливались и условливал-

ются внутреннимъ бытомъ каждаго государства (таковы вопросы о поземельномъ владѣніи, объ отношеніи сословій между собою и къ верховной власти, о положеніи церкви и ея отношеніяхъ къ государству, и множество тому подобныхъ), то и для нашихъ князей эти вопросы рано или поздно должны были возникнуть, и въ самомъ дѣлѣ они мало-по-малу опредѣлились и получили свое рѣшеніе, какъ видно изъ нашихъ законодательныхъ памятниковъ. Состояніе, предшествующее этому рѣшенію, было неопредѣленное, юридически несуществовавшее, котораго, слѣдовательно, никакъ нельзя сравнивать съ юридическимъ, опредѣленнымъ и обозначеннымъ бытомъ, наступившимъ въ Европѣ вмѣстѣ съ основаніемъ государствъ; ибо для насъ еще предстояло получить ту или другую форму, то или другое опредѣленіе, лучшее или худшее въ сравненіи съ европейскимъ, а Европа получила его съ самаго начала. Такъ мы понимаемъ и такъ, вѣроятно, понимаютъ всѣ, хоть сколько-нибудь знакомые съ первыми началами правовѣдѣнія и исторіей законодательствъ. Сравнивая начало европейскихъ государствъ съ началомъ русскаго, всякій скажетъ: основатели западныхъ государствъ опредѣлили такія-то отношенія такъ-то и такъ-то, а Рюрикъ и его ближайшіе преемники оставили эти отношенія неопредѣленными, потому что имѣли другія цѣли. Но г. Погодинъ берется за дѣло иначе. Для него этихъ важныхъ различій не существуетъ. Въ его глазахъ Клодвигъ и другіе отобрали землю у туземцевъ, обратили ихъ въ рабовъ, а основатели русскаго государства оставили имъ и земли и свободу. Что жь, хотѣли бы мы спросить, они утвердили за ними и то и другое закономъ? Нѣтъ! Они ни о томъ, ни о другомъ и не думали. По крайней мѣрѣ, туземцы старались утвердить за собой эти важныя привиллегіи жалованными грамотами? И того не было. Такъ вотъ что! Напрасно же подробно изъясняетъ г. Погодинъ «какъ первона-

чальное отличіе русскаго князя отъ западнаго короля утвердилось окончательно». Мы повѣрили бы ему на слово, что оно и первоначально было окончательнымъ, ибо между ними не было никогда ни малѣйшаго сходства.

Совершенно то же самое должно сказать и о боярахъ (т. е. дружинникахъ) въ сравненіи съ западными феодалами. О ихъ значеніи разсуждать нельзя, потому что и оно не было юридическое. Г. Погодинъ приведетъ нѣсколько фактовъ въ доказательство, что они не имѣли большаго значенія, а мы приведемъ то же нѣсколько въ доказательство противнаго. Въ результатѣ получится нуль, т. е., что ихъ значеніе и права, какъ неопредѣленныя, не были именно такими-то, слѣдовательно, не были ни какими. — Изъ чего видитъ авторъ, что Ярославъ поступалъ съ наемными мужами, подобно Владиміру, какъ съ слугами: однихъ удерживалъ, другихъ отсылалъ отъ себя, — не знаемъ. Въ туземныхъ источникахъ на это нѣтъ никакихъ данныхъ.

Сравненіе нашихъ «мужей» по городамъ съ западными феодалами неудачно, потому что о послѣднихъ мы знаемъ многое, о первыхъ почти ничего — и еще потому что, какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ, у насъ сначала, кажется, былъ феодализмъ, подобный западному. А если шатко первое положеніе, то по тому самому шатки и выводы, будто наши бояре были подчинены (безусловно) князю и будто потому боярство въ западномъ смыслѣ отстранилось. (Объяснить причины послѣдняго явленія очень трудно. Двумя строками такого вопроса не рѣшить).

Такъ же не видимъ мы, чтобъ дружина находилась въ совершенной зависимости отъ князя, особливо сначала.

Откуда взялъ авторъ, что туземцы не питали у насъ никакой ненависти къ пришельцамъ? Данныя противъ — есть. Данныхъ въ пользу этого мнѣнія—ни одного.

За тѣмъ слѣдуетъ сравненіе законовъ салическихъ съ «Русской Правдой». На Западѣ за убійство Франка побѣдителя платилось больше, чѣмъ за убійство туземца покореннаго, а у насъ за Русса и Славянина была одна и та же вира. Этотъ фактъ въ самомъ дѣлѣ весьма важенъ для характеристики отношеній туземцевъ къ пришельцамъ въ Россіи, въ варяжскій періодъ. Но пока мы не знаемъ ничего вѣрнаго ни даже вѣроятнаго о времени и способѣ составленія «Русской Правды»,— нельзя строить на немъ теоріи. «Русская Правда» странный, загадочный памятникъ древности, столько же важный по своему содержанію, сколько мало опредѣленный и обслѣдованный. До сихъ поръ это камень преткновенія для филологовъ, историковъ и юристовъ. Впрочемъ, допустивъ даже, что «Правда» дѣйствительно составлена при Ярославѣ, слѣдовательно, въ первой половинѣ XI вѣка, какъ думаетъ г. Погодинъ, мы все-таки не можемъ согласиться, что «въ основаніи Государства у насъ была положена любовь, а на Западѣ ненависть» (стр. 510). Этого вовсе не слѣдуетъ изъ того, что у насъ бралась одинакая вира за Русина и Славянина, а въ Европѣ разная: бо́льшая за Франка, чѣмъ за Римлянина. Если такое постановленіе у насъ въ Россіи принадлежитъ Ярославу— не мудрено, что и при немъ Русинъ и Славянинъ различались уже только по названію, а не въ самомъ дѣлѣ. Враждебность, противоположность между тѣми и другими съ славянизаціей Варяговъ-Руси могла и даже должна была изчезнуть послѣ столькаго времени. Итакъ, отсюда о преждебывшемъ заключать нельзя. Наконецъ, положимъ, что и въ древнѣйшія времена это положеніе уже существовало и только впервые записано Ярославомъ: мы и въ этомъ случаѣ все-таки не видимъ никакой возможности объяснить его любовью, которую, какъ извѣстно, безъ положительныхъ и ясныхъ доказательствъ *нельзя принимать* за движущій рычагъ въ исторіи народовъ,

особливо разноплеменныхъ, еще грубыхъ и неустроенныхъ. Предложимъ здѣсь нѣсколько разныхъ возможныхъ объясненій.

Во первыхъ, мы знаемъ, что Варяги, пришедшіе къ намъ, не помышляли основать государство, не помышляли даже занять землю и твердо сѣсть на одномъ мѣстѣ. Это сдѣлалось какъ будто случайно, нечаянно, отчасти, можетъ-быть, противъ ихъ воли. При такомъ положеніи вещей, Варяги-Русь не могли и подумать объ опредѣленіи своихъ гражданскихъ и юридическихъ отношеній къ туземцамъ— отношеній, которыя необходимо раждаются съ осѣдлостью и поземельною собственностью. Единственное отношеніе, существовавшее между ними— дань, была опредѣлена, да и той взималось иногда больше, нежели сколько слѣдовало. Вотъ почему, какъ намъ кажется, противоположность между пришельцами и туземцами не могла обозначиться рѣзко, выпукло. Между ними, несмотря на то, что дружина у насъ удержалась, не было безпрестанныхъ, постоянныхъ отношеній. Воинственная шайка жила грабежемъ, при столкновеніяхъ, вѣроятно, не щадила жителей городовъ и селъ, но она безпрестанно переходила съ мѣста на мѣсто, проводила время въ походахъ. Съ этой точки зрѣнія, не трудно понять на первый взглядъ странное уравненіе въ вирахъ Русина съ Славяниномъ, тѣмъ болѣе, что по всѣмъ вѣроятіямъ убіеніе дружинника-Русса наказывалось не гражданскі, вирою, а войной, истребленіемъ убійцы и грабежомъ его имущества; напротивъ, оскорбленіе Славянина Руссомъ оставалось, по крайней мѣрѣ часто, безъ всякаго возмездія и наказанія. Замѣтимъ, что законъ не говоритъ ни слова объ убіеніи Славянина Руссомъ, или Русса Славяниномъ, а просто объ убіеніи того и другаго. Тожество виры за Русса и Славянина, при почти несуществующихъ между обоими постоянныхъ гражданскихъ отношеніяхъ, и слѣдовательно, при невозможности выработаться живому сознанію взаимной противопо-

ложности — явленіе очень естественное и простое. Оно свидѣтельствуетъ о неопредѣленности тогдашняго быта, о крайней его негражданственности, никакъ не болѣе. Равнодушіе, безсознательность, а не любовь родили этотъ законъ, которому такъ старается г. Погодинъ, придать смыслъ, какого онъ не имѣлъ и не могъ имѣть. Но что противоположность между Руссами и Славянами была, и что при другихъ условіяхъ она могла развиться въ сословное или другое рѣзкое гражданское отличіе — это видно изъ сказки о парусахъ шелковыхъ и холстинныхъ на норманскихъ и славянскихъ лодкахъ.

Во вторыхъ, нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что опредѣленіе виръ за лица, исчисленныя въ «Правдѣ», составлено не вдругъ, а постепенно, т. е., что вира опредѣлена для всѣхъ нихъ не сразу, а въ разныя времена, и въ «Правдѣ» эти различныя законодательныя постановленія только собраны въ одну статью. Съ этой точки зрѣнія, уравненіе Славянъ съ Руссами въ отношеніи къ вирамъ объясняется еще лучше, естественнѣе; судя по взаимнымъ отношеніямъ Варяго-Руссовъ и Славянъ, это уравненіе должно было возникнуть поздно, когда Варяги усѣлись на мѣстѣ, что совпадаетъ съ утратою ими рѣзкой особенности, національности и смѣшеніемъ ихъ съ Славянами.

Предложимъ, наконецъ, и третье тоже довольно вѣроятное объясненіе. Мы видимъ, что по мѣрѣ того, какъ наши князья укрѣпляются, они утрачиваютъ, мало-по-малу, свой воинственный характеръ и становятся болѣе правителями, нежели предводителями дружинъ. Таковъ уже Владиміръ. Онъ входитъ во внутреннее управленіе, печется о дѣлахъ земскихъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняются и отношенія его къ дружинѣ; онъ болѣе повелитель, начальникъ, чѣмъ товарищъ, соратникъ своихъ дружинниковъ. На новыхъ выходцевъ съ сѣвера онъ смотритъ *недовѣрчиво, обращается* съ ними, какъ съ чужими, а не какъ

съ братьями. Очень естественно, что ему не могло представляться такъ рѣзко различіе между Славянами и Руссами, какъ его предшественникамъ; онъ былъ уже менѣе предводитель дружины, чѣмъ господинъ надъ своими владѣніями, и въ Руссахъ и въ Славянахъ равно видѣлъ своихъ подвластныхъ.

Въ Ярославѣ эти черты выступаютъ еще рѣзче. Очень естественно, что ему и не пришла въ голову мысль различать въ правахъ Руссовъ и Славянъ, которые одинаково ему служили и повиновались. Словомъ, уравненіе ихъ въ отношеніи къ вирамъ, весьма легко могло быть прямымъ дѣйствіемъ возрастающей княжеской власти.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ дѣло объясняется гораздо естественнѣе, вѣроятнѣе, правдоподобнѣе, нежели посредствомъ любви, не возможнаго ингредіента въ первоначальныхъ отношеніяхъ Славянъ и Варяговъ. Еслибъ племена, призывавшія Варяго-Руссовъ, даже выговорили себѣ гражданское равенство съ пришельцами — все-таки это было бы не дѣломъ любви, а дѣломъ юридической предусмотрительности въ нашихъ предкахъ, дѣломъ осторожности, недовѣрчивости.

На страницѣ 510 авторъ говоритъ: «Къ историческимъ, бытейскимъ (фактическимъ), отличіямъ присоединились, что очень удивительно для мыслящаго наблюдателя, совершенно соотвѣтственныя отличія физическія и нравственныя». Особенно удивительнаго мы въ этомъ ничего не видимъ. Напротивъ, было бы изумительно и невѣроятно, еслибъ отличія историческія, фактическія, шли въ разрѣзъ съ физическими и нравственными. И тѣ и другія условія, взаимно воздѣйствуя другъ на друга, производятъ то цѣлое, которое анализируетъ наука, отыскивая причины его. Удивляться согласію, единству въ исторіи, значитъ не понимать ея главныхъ, основныхъ законовъ.

Физическія и нравственныя отличія между европейскими государствами и Россіей, подмѣчены, какъ намъ кажется, очень вѣрно, и очерчены удачно. Вообще, эта вторая половина статьи значительно лучше, основательнѣе первой, хотя и здѣсь опять многіе выводы кажутся намъ ложными, или слишкомъ рѣшительными.

Сначала, авторъ говоритъ о пространствѣ Россіи. Оно своей огромностью мѣшало вдругъ покорить ее и властвовать надъ ней. Избытокъ земли не могъ породить за нее враждебныхъ столкновеній. Потомъ народонаселеніе, многочисленность и племенное единство Славянъ должно было рано поглотить иноземный элементъ, явившійся къ намъ въ лицѣ Варяговъ-Руси. У насъ они ославянились, а въ Европѣ туземцы огерманились. Съ мыслью, будто бы многочисленность Славянъ дѣлала Руссовъ осторожными, воздержными и содѣйствовала къ поддержанію между тѣми и другими пріязни — мы не совсѣмъ согласны. Во первыхъ, если отношенія опредѣлялись опасеніемъ, страхомъ, то о добромъ согласіи и пріязни не можетъ быть и рѣчи. Такая связь черезчуръ не прочна. Потомъ авторъ забываетъ, что Славяне тогда не составляли одного цѣлаго, а были раздроблены на совершенно отдѣльныя племена. Необразованность и пространство мѣшали имъ соединиться между собою на общее дѣло, а поодиначкѣ они были слабѣе Руси. Вообще, такихъ тонкихъ политическихъ соображеній въ то время нечего и искать, и еслибъ Варяго-Руссы могли бояться Славянъ, то послѣдніе легко могли бы и выжить ихъ изъ Россіи.—Потомъ авторъ обращаетъ вниманіе на заселеніе несплошное, но раздѣленное естественными преградами, которое дѣлало невозможнымъ быстрое завоеваніе. Единственными путями сообщеній были рѣки и воды; слѣдовательно страны, лежавшія въ глуши, долго оставались независимыми. Бѣдность земли долго воздерживала пришельцевъ отъ

желанія въ ней поселиться; климатъ, такъ рѣшительно опредѣляющій первоначальный бытъ народовъ, дѣлалъ Славянъ уступчивыми и равнодушными. Тому же содѣйствовали географическое положеніе земли, система рѣкъ, отдаленность отъ морей, характеръ Славянъ, ихъ первобытная религія, и потомъ восточное исповѣданіе, нами принятое; наконецъ, самое образованіе чисто природное, а не гражданское, — слѣдовательно, собственно говоря, отсутствіе всякаго образованія, всякой цивилизаціи. Всѣ эти причины дѣйствительно придали нашей исторіи совершенно другой характеръ, нежели какой имѣла исторія Европы, совершавшаяся подъ другими, отчасти противоположными условіями.

При изчисленіи этихъ причинъ, авторъ продолжалъ смотрѣть съ ложной точки зрѣнія, какъ началъ, хотя они и должны были, кажется, навести его на прямой путь. Что изъ всѣхъ нихъ слѣдуетъ? Конечно, не доброе согласіе между пришельцами и туземцами, но то совершенно неопредѣленное отношеніе, которое показываетъ, что исторія на этомъ пространствѣ земли еще не начиналась. Во всѣхъ исторіяхъ періоду борьбы, дѣятельности, движеній, рѣзкаго опредѣленія предшествуетъ эпоха дремоты, бездѣйствія; противоположности живутъ одна возлѣ другой безъ столкновенія, и нельзя еще провидѣть, что изъ нихъ будетъ и какъ онѣ взаимно опредѣлятся. Такое состояніе, строго говоря, не можетъ быть названо историческимъ, и такая жизнь историческою жизнію. Всѣ выводы, соображенія, какъ бы они остроумны ни были, не ведутъ здѣсь ни къ чему, всего менѣе къ объясненію характера послѣдующей исторіи. Исторія теперешнихъ европейскихъ государствъ начиналась совершенно иначе. Оттого, съ самаго начала и обозначились черты, сопровождавшія ея развитіе до позднѣйшаго времени. Авторъ знаетъ, что самой церкви Европа придала свою печать, измѣнила ее сообразно съ своимъ

характеромъ, тогда какъ наша осталась чистою, неприкосновенною, точно въ томъ видѣ, въ какомъ перешла къ намъ изъ Византіи.

Такъ же странными кажутся намъ слова автора, будто «новое гражданское образованіе привито у насъ къ дереву свѣжему, дикому, а тамъ, т. е., на Западѣ, къ старому и гнилому» (стр. 517). О какомъ гражданскомъ образованіи говоритъ онъ? Признаться, мы не знаемъ! Что Варяги первые основали у насъ нѣчто похожее на государство и принесли съ собою какую-то тѣнь гражданскаго порядка — это правда. Но отъ этихъ слабыхъ зачатковъ до гражданскаго образованія такъ же далеко, какъ отъ земли до неба. Не забудьте, что и Варяги-Русь были такіе же дикари и варвары, какъ и мы. Вся разница между ними и нами въ томъ только состояла, что они были дружинники, а мы народъ патріархальный.

Въ томъ же тонѣ, какъ и вся статья, написано и заключеніе:

«Эти различія развивались въ послѣдствіи, и представили изъ Русской Исторіи, при общемъ (родовомъ) ея подобіи, при единствѣ цѣли, совершенную противоположность съ Исторіей Западныхъ Государствъ, что касается до ея путей, средствъ, обстоятельствъ, формы происшествій,—противоположность, которую представляетъ наша жизнь и теперь, несмотря на усилія, преобразованія, перевороты, время... Вотъ что надо имѣть непремѣнно въ виду разсуждая о Русской Исторіи въ какомъ бы то ни было ея періодѣ, произнося приговоръ ея событіямъ, разбирая ея достоинства и недостатки, хваля и порицая дѣйствующія лица, изъявляя желанія или опасенія для будущаго времени. Иначе мы будемъ впадать въ дѣтскія ошибки, то есть искать такихъ плодовъ, для которыхъ не было сѣмянъ, и оставлять безъ вниманія другія, можетъ-быть, драгоцѣннѣйшія, потому что ихъ нѣтъ тамъ. — Предложу для ясности простое сравненіе: хорошо ли бъ мы поступили, еслибъ бросили рожь нашу кормилицу и принялись вездѣ сѣять маисъ, обольщенные разсказами объ его сладости и вкусѣ? Мы должны бъ скоро умереть съ голоду, потому что не наготовились бы маису на цѣлое народонаселеніе, хоть бы вздумали строить вездѣ оранжереи. Происшествія не имѣютъ такой очевидности и осязательности, какъ естественныя произведенія, и много времени проходитъ иногда, много употребляется труда, пока откроется удивленному взору внутреннее значеніе того

или другаго, но смѣло можно сказать, даже судя по одному, разобранному нами теперь, началу, что мы должны отказаться отъ своего прошедшаго существованія, то есть своей Исторіи, (что впрочемъ и дѣлаютъ нѣкоторые), должны необходимо допустить нелѣпое заключеніе, что нынѣшняя Россія произошла изъ ничего, если будемъ прикладывать западной масштабъ къ Русской исторической жизни. Нѣтъ! Западу на Востокѣ быть нельзя, и солнце не можетъ закатываться тамъ, гдѣ оно восходитъ» (стр. 517 и 518).

Дѣйствительно, русская исторія представляетъ совершенную противоположность исторіи западныхъ государствъ, и даже теперь мы видимъ то же самое, хотя уже не столько рѣзко, какъ прежде. Но, повторяемъ, это не та противоположность, которая коренится въ одной почвѣ и можетъ быть въ двухъ величинахъ, равныхъ между собою. Это противоположность предметовъ разнородныхъ, которые потому только и совершенно различны, что рѣшительно не имѣютъ ничего общаго между собою, ни одной точки одинаковой. Славянскій міръ и Россія, можетъ-быть, по преимуществу, почва для будущаго, тогда какъ жизнь европейскихъ государствъ уже обозначилась...

Во всемъ прочемъ мы согласны съ авторомъ, но думаемъ, что, понявъ, какъ мы съ нимъ соглашаемся, онъ этого самъ не захочетъ. Прикладывать къ русской исторической жизни западный масштабъ невозможно—это вполнѣ вѣрно. Но что жь изъ этого слѣдуетъ? Не то ли, что мы и не должны любить то, что̀ европейскіе народы любятъ, не должны стремиться къ одному съ ними? Кажется, на это намекаетъ авторъ, по крайней мѣрѣ это его затаенная мысль. Если такъ, онъ жестоко ошибается! Отъ одного конца земли до другаго всѣ народы стремятся къ одному идеалу, только многоразличными путями. Исторія изслѣдуетъ эти условія, дѣлаетъ прозрачной оболочку, въ которую облекаются внутреннія стремленія и помыслы, сознательные и безсознательные, сознательно и безсознательно. Въ чемъ задача историка? Выяснить событіе, періодъ,

эпоху, такъ, какъ будто бы мы сами въ ней жили и дѣйствовали. Если эта цѣль достигнута, мы за тысячу лѣтъ предъ симъ, въ тридевятой землѣ, увидимъ дѣйствующимъ лицемъ такого же человѣка, каковы всѣ мы грѣшные. Разница будетъ въ большей или меньшей его развитости, совершеннолѣтіи. Стремленіе человѣка къ полному, всестороннему нравственному и физическому развитію и есть движущее начало исторіи, главная причина измѣненій, реформъ и переворотовъ. Въ этомъ смыслѣ есть, конечно, и въ Россіи люди, которые смотрятъ на наше прошедшее, какъ на состояніе неудовлетворительное въ сравненіи съ послѣдующимъ, даже маловажное и во всякомъ случаѣ незаслуживающее того, чтобъ объ немъ сожалѣть, или тѣмъ менѣе желать и чаять его возвращенія. Но что нѣкоторые, по словамъ автора, отказываются отъ своей исторіи — это нелѣпость, о которой не стоитъ и говорить. Нельзя отказаться отъ того, что̀ дѣйствительно было. Можно только судить его, судить очень строго, безпристрастно и желать, чтобъ оно оставило по себѣ какъ можно менѣе слѣдовъ, и чтобъ эти слѣды изгладились какъ можно скорѣе. — Наконецъ, что Западу нельзя быть на Востокѣ, Востоку на Западѣ — это такая астрономическая истина, противъ которой трудно спорить, пока солнце восходитъ на востокѣ и заходитъ на западѣ.

Этимъ выводомъ собственно и оканчивается книга. Въ видѣ особыхъ прибавленій мы находимъ еще двѣ статьи. Одна, представляя неоспоримыя доказательства, что Варяги-Русь, если не съ самаго начала, то по крайней мѣрѣ въ послѣдствіи, и уже съ Олега, завоевывали славянскія племена — силится доказать, что все-таки завоеванія у насъ не было, а постепенное, мирное занятіе. Вторая содержитъ въ себѣ письмо къ академику Солнцеву о памятникахъ искусства и жизни изъ *норманскаго періода*. Выводъ тотъ, что изъ первыхъ трехъ

сотъ лѣтъ нашей исторіи можно собрать и представить до ста рисунковъ. Давай Богъ! Интересно однако, что изъ этихъ памятниковъ «можетъ-быть болѣе пятидесяти можно снять съ натуры ничтоже сумняся; нѣсколько должно возстановить по значительнымъ даннымъ; нѣсколько надо создать по указаніямъ лѣтописи» (стр. 544). Конечно, г. Солнцевъ не послѣдуетъ совѣтамъ автора, ибо возсоздавать или просто создавать памятники не значитъ сообщить намъ тѣ, которые мы имѣемъ. Въ г. Погодинѣ, очевидно, говоритъ страсть къ эпохѣ, которую онъ преимущественно любитъ, а не хладнокровный, разсудительный историкъ. Иначе онъ не далъ бы такого неисторическаго совѣта.

Книга напечатана исправно, хотя и не красиво. Не хорошо то, что выноски весьма часто невѣрны. Намъ случилось справляться съ нѣкоторыми, и какъ нарочно бо́льшая часть оказалась съ важными ошибками. Въ ученомъ сочиненіи это не послѣдній недостатокъ.

ВЗГЛЯДЪ

НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ ПО ЧАСТИ РУССКОЙ ИСТОРІИ

за 1846 годъ.

Въ минувшемъ году, русская историческая литература продолжала двигаться въ томъ же направленіи, которое яснѣе и яснѣе стало въ ней обозначаться въ послѣднее время. Подобно другимъ явленіямъ, отражая современную дѣйствительность, она представляетъ какое-то переходное состояніе. Видно, что прежніе источники творчества, созиданія изсякли, но въ то же

время очень замѣтно, что въ глубинѣ современной жизни зарождается новое историческое сознаніе, ищущее формы и выраженія. Еще слабое, неустановившееся, оно высказывается робко и нерѣшительно; какъ младенецъ, оно требуетъ пищи, которая бы возрастила его, дала возможность опредѣлиться и войти въ силу. Такой пищей служатъ ему историческія данныя; подъ ихъ авторитетомъ оно развивается, чтобы потомъ надъ ними же произнести свой судъ.

Этими характеристическими чертами переходнаго времени объясняются два преобладающія явленія въ теперешней русской исторической литературѣ, явленія, которыя бросаются въ глаза,—такъ они рѣзко выдаются впередъ. Съ одной стороны полемика, страсть къ историческимъ теоріямъ, смѣлыя гипотезы почти изчезли; ихъ мы уже не находимъ въ новыхъ книгахъ по части русской исторіи. Скажемъ болѣе: наша историко-литературная дѣятельность весьма слаба; замѣчательныхъ историческихъ сочиненій вышло въ прошедшемъ году очень немного, да и въ тѣхъ, которыя вышли, предметъ обыкновенно излагается чисто фактически. Но за то, съ другой стороны, изданіе и приведеніе въ извѣстность источниковъ и всякихъ историческихъ матеріяловъ идетъ успѣшно. По всему видно, что на это обращены всѣ силы, на этомъ сосредоточено все вниманіе. Самая историческая литература, какъ мы замѣтили, находится подъ сильнымъ вліяніемъ этого исключительно-фактическаго направленія. Понимая всю его недостаточность, мы однако не можемъ не сказать, что оно очень отрадно и утѣшительно, особливо если посмотрѣть на него въ связи съ предыдущимъ направленіемъ нашей историко-литературной дѣятельности. Теперешнее видимое безсиліе уразумѣть фактъ, склоненіе мысли подъ авторитетъ историческаго даннаго, фактическій скептицизмъ, если позволено такъ *выразиться*,— находятъ полное свое оправданіе въ предшест-

вовавшемъ необузданномъ разгулѣ фактическихъ представленій, которыя считались за историческія воззрѣнія, и въ отрывочности, скудости дѣйствительныхъ фактическихъ знаній. Прежде было легче написать книгу по части русской исторіи, потому что меньше требовалось; легче было создать взглядъ, теорію, потому что поле было, повидимому, шире, но на самомъ дѣлѣ пустѣе, безплоднѣе. По мѣрѣ того, какъ раздвигался и раздвигается кругъ историческихъ данныхъ, долженъ былъ стѣсниться просторъ для вымысловъ, имѣвшихъ видъ историческихъ теорій; неумышленный обманъ, невольное самообольщеніе, должны были изчезнуть передъ строгой дѣйствительностью. Въ этомъ смыслѣ мы видимъ въ теперешнемъ сухомъ, прозаическомъ направленіи нашей исторической литературы большой и необходимый шагъ впередъ и благіе задатки для ея послѣдующаго развитія. Мы переживаемъ великій фактъ отрезвленія мысли; онъ очень важенъ, а за будущее нечего опасаться.

Въ отношеніи къ собиранію и изданію источниковъ русской исторіи, первое и самое почетное мѣсто безспорно принадлежитъ Археографической коммиссіи. Правда, что только при большихъ средствахъ и оффиціяльномъ значеніи Коммиссіи, можно предпринимать и совершать огромные труды, каковы ея изданія; но нельзя за то не сказать, что эти изданія превосходны и удовлетворяютъ всѣмъ главнымъ требованіямъ, тѣмъ болѣе у насъ, гдѣ наука исторіи еще въ зародышѣ. На труды Коммиссіи было сдѣлано, въ разное время, въ разныхъ книгахъ и журналахъ, нѣсколько замѣчаній, отчасти справедливыхъ и дѣльныхъ, отчасти несправедливыхъ; мы могли бы прибавить къ нимъ нѣсколько словъ и отъ себя, но считаемъ это неумѣстнымъ въ бѣгломъ обзорѣ годичной литературы, и потому отлагаемъ до какого-нибудь другаго, болѣе благопріятнаго случая. Въ нынѣшнемъ году Археографическая комми-

сія издала «Лаврентьевскую» и «Троицкую Лѣтописи», составляющія первый томъ полнаго собранія русскихъ лѣтописей, предпринятаго ею по Высочайшему повелѣнію; въ концѣ приложены источники и параллельныя мѣста Несторовой лѣтописи, заимствованныя изъ хронографа Георгія Амартола, софійскаго харатейнаго Номоканона, харатейнаго Паремейника и печерскаго Патерика. Это первое полное изданіе Лаврентьевской и Троицкой лѣтописи и первое изданіе древнѣйшаго текста Несторова Временника по всѣмъ до селѣ извѣстнымъ спискамъ. Кромѣ того, Коммиссія издала два тома «дополненій къ историческимъ актамъ» и первый томъ «актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи». Дополненія заключаютъ въ себѣ много любопытнаго и новаго, но собраніе актовъ западной Россіи еще важнѣе. Оно открываетъ новую сторону древняго русскаго быта, которая до сихъ поръ была доступна только для однихъ записныхъ ученыхъ и археологовъ. (Извѣстно, что предпринятое ученымъ протоіереемъ Григоровичемъ собраніе западно-русскихъ громатъ, къ сожалѣнію давно уже остановилось на первомъ томѣ, а Бѣлорусскій Архивъ—былъ единственнымъ собраніемъ такого рода, до изданія Коммиссіи). Не говоря уже о непосредственной важности этого собранія, для узнанія исторіи и внутренняго быта В. К. Литовскаго, оно представляетъ много данныхъ и для объясненія нашей старины. Такъ вездѣ и всегда было: изъ различныхъ племенъ, которыя составляютъ народъ, одни непремѣнно сохраняютъ извѣстныя черты народнаго характера живѣе, цѣльнѣе; у другихъ онѣ болѣе сглажены; оттого бытъ и исторія народа не могутъ быть поняты какъ должно безъ сравнительнаго изученія исторіи и быта всѣхъ важнѣйшихъ его племенъ.

Послѣ изданій Коммиссіи особеннаго вниманія заслуживаютъ труды Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. *Въ нынѣшнемъ* году оно было чрезвычайно дѣятель-

но. Въ февралѣ мѣсяцѣ, прекративъ изданіе Русскаго Историческаго Сборника, котораго съ 1837 года выходило по книгѣ въ годъ, и то не очень исправно, Общество опредѣлило издавать ежемѣсячно труды своихъ сочленовъ подъ названіемъ «Чтеній». До сихъ поръ эти «Чтенія» выходили очень аккуратно, въ дни засѣданій общества, и заключаютъ въ себѣ много новаго и чрезвычайно любопытнаго. Замѣчательными оригинальными статьями «Чтенія» не богаты, да и тѣ больше представляются систематическими сборниками фактовъ, чѣмъ изслѣдованіями въ настоящемъ значеніи слова. За то отдѣлъ историческихъ матеріяловъ превосходенъ. Изданіе Георгія Конисскаго, лѣтописи самовидца о войнахъ Богдана Хмѣльницкаго, перевода Коллинса о Россіи временъ Алексѣя Михайловича, сдѣлаютъ нынѣшній годъ надолго памятнымъ въ лѣтописяхъ Общества. Изданіе источниковъ малороссійской исторіи есть несомнѣнная заслуга; мы не усомнимся поставить ее наряду съ заслугой, которую оказала Археографическая Коммиссія изданіемъ западно-русскихъ актовъ, — и по тѣмъ же причинамъ: чѣмъ больше мы узнаемъ о нашихъ соплеменникахъ, особенно ближайшихъ, о ихъ исторіи и внутреннемъ бытѣ, тѣмъ горизонтъ шире, тѣмъ объемистѣе выработывается историческое воззрѣніе. Въ этомъ смыслѣ мы не можемъ не обратить вниманія на стремленіе Общества ввести въ кругъ своихъ занятій и исторію другихъ славянскихъ племенъ состоящихъ съ нами въ болѣе отдаленномъ сродствѣ, чѣмъ Западная и Малая Россія. Съ особеннымъ удовольствіемъ прочли мы въ «Чтеніяхъ» прекрасную статью Палацкаго, о древнѣйшихъ земскихъ учрежденіяхъ Сербовъ и Чеховъ. Не менѣе пріятно было встрѣтить на страницахъ «Чтеній» и «Винодольскій законъ», къ сожалѣнію напечатанный безъ перевода и потому недоступный для большинства читающихъ. Въ короткомъ очеркѣ трудовъ по части исторіи въ теченіи года, мы по необ-

ходимости ограничиваемся указаніемъ только на то, что̀ намъ показалось особенно важнымъ; но и кромѣ этого есть не одна статья въ «Чтеніяхъ», заслуживающая полнаго вниманія, такъ напримѣръ, устройство полевой и станичной службы въ древней Руси, — статья г. Бѣляева, составленная по вновь открытымъ источникамъ, напечатаннымъ здѣсь въ первый разъ; его же статья о лѣтосчисленіи въ древней Руси; превосходная диссертація г. Соловьева объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, перепечатанная въ Чтеніяхъ съ нѣкоторыми измѣненіями и съ прибавленіемъ, въ концѣ, свода всѣхъ договорныхъ грамотъ Новгорода съ князьями; сводный текстъ всѣхъ доселѣ изданныхъ губныхъ грамотъ, составленный весьма тщательно студентомъ московскаго университета г. Ерлыковымъ и т. д. Такимъ усиленіемъ своей дѣятельности Общество безспорно многимъ обязано новому своему секретарю, г. Бодянскому; ибо съ его избранія произошли тѣ преобразованія въ изданіяхъ Общества, о которыхъ мы говорили; сверхъ того, изъ каждой книжки «Чтеній» видно, что г. Бодянскій своими трудами принимаетъ дѣятельное участіе въ изданіяхъ Общества; лучшая часть «Чтеній» — отдѣлъ матеріяловъ — принадлежитъ ему.

Наконецъ, Общество издало такъ же двѣ замѣчательныя книги: одну г. Спасскаго — критически обслѣдованный и по нѣсколькимъ спискамъ приготовленный текстъ «Книги Большому Чертежу». Этотъ важный источникъ нашей исторіи, въ особенности географіи XVI и XVII вѣковъ, обработанъ и изданъ весьма тщательно и добросовѣстно; другую — г. Бѣляева — о русскомъ войскѣ, преимущественно въ XVII вѣкѣ; она представляетъ первую попытку изложить предметъ вполнѣ, фактически, на основаніи источниковъ, а не въ бѣгломъ обзорѣ. Нельзя здѣсь къ слову не замѣтить, *что нѣкоторые* рецензеты были къ ней несправедливы, и, об-

ративъ все вниманіе на частныя ошибки, потеряли изъ виду ея достоинства и хорошія стороны.

Наконецъ, важное явленіе въ нашей исторической литературѣ за прошлый годъ составляютъ такъ называемые «Кіевскіе акты». Временной Коммиссіей, учрежденной при кіевскомъ военномъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ для разбора древнихъ актовъ, изданъ цѣлый томъ любопытныхъ документовъ; особенно замѣчательны изъ нихъ тѣ, которые относятся къ исторіи Кіевскаго Братства и объясняютъ отношенія между землевладѣльцами и поселянами. Изданіе весьма тщательно; акты, писанные по польски, снабжены переводомъ; въ концѣ ихъ находимъ рисунки старинныхъ вещей, отысканныхъ и хранящихся въ томъ краѣ.

Труды частныхъ лицъ въ отношеніи къ обработкѣ источниковъ очень немногочисленны; но этотъ недостатокъ выкупается основательностію, дѣльностію. Въ работахъ, предпринимаемыхъ частными людьми, какъ и въ изданіяхъ обществъ и правительства, весьма замѣтно стремленіе подвести окончательные итоги подъ прежнія труды и привести ихъ въ извѣстность и оцѣнить. Не такъ быстръ ходъ впередъ, какъ переработка сдѣланнаго прежде, кое-какъ, на удачу, во всякомъ случаѣ безъ общей мысли, порядка и системы. Это возвращеніе на себя очень важно; будучи, повидимому, повтореніемъ одного и того же, оно на самомъ дѣлѣ есть приготовленіе основы для новаго зданія. Вообще, добросовѣстность, основательность, замѣтныя въ историческихъ трудахъ послѣдняго времени, показываютъ, что наше авось, которое мы по странному заблужденію, долго считали за достоинство, начинаетъ изчезать. Это хорошій признакъ...

Изъ частныхъ трудовъ надъ источниками упомянемъ о собраніи критически обработанныхъ источниковъ исторіи русскаго права, изданномъ экстр. проф. дерптскаго университета,

Тобіеномъ.[1]) Въ этомъ собраніи, кромѣ «Русской Правды» того же автора, извѣстной публикѣ еще съ 1844 года, помѣщены договоры Варяговъ съ Греками, Смоленска съ Ригой, Новгорода съ князьями и Нѣмцами. Сходные между собою сличены и представлены въ синопсисѣ съ варьянтами и критическими обозрѣніями списковъ; сверхъ того приложены fac-simile. Трудъ этотъ болѣе замѣчателенъ по мысли, чѣмъ по выполненію: такъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ «Русской Правдѣ», въ которую вкрались у г. Тобіена многія важныя ошибки.

Гораздо важнѣе, основательнѣе и богаче результатами трудъ г. Калачова надъ «Русской Правдой», изданный въ концѣ нынѣшняго года, подъ заглавіемъ: «Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды». Здѣсь мы находимъ самое подробное изчисленіе и оцѣнку всего, что было сдѣлано доселѣ въ отношеніи къ этому памятнику: всѣ изданія указаны, всѣ мнѣнія разсмотрѣны и взвѣшены; съ особенной тщательностью составленъ обзоръ списковъ «Правды», числомъ до пятидесяти, изъ которыхъ около тридцати впервые стали извѣстны чрезъ г. Калачова. За тѣмъ слѣдуетъ превосходное изданіе самаго текста «Правды» по всѣмъ пятидесяти спискамъ, съ варьянтами, въ систематическомъ порядкѣ. Наконецъ, выбраны и напечатаны всѣ статьи, подходящія къ «Русской Правдѣ» по своему содержанію и разбросанныя въ различныхъ древнихъ памятникахъ. Такимъ образомъ, всѣ предварительныя работы въ отношеніи къ этому загадочному юридическому сборнику совершены классически, превосходно г. Калачовымъ. Собственно критическая разработка не замедлитъ явиться, когда есть теперь подъ руками такіе богатые, отлично приготовленные матеріялы, и мы можемъ уже прови-

[1]) Книга Тобіена напечатана еще въ 1845 году, но сдѣлалась извѣстной *не ранѣе* 1846 года. Поэтому мы и включили ее въ это обозрѣніе.

дѣть время, когда столько важный и неизбѣжный вопросъ о происхожденіи и значеніи «Правды» въ исторіи нашего законодательства разрѣшится окончательно. — Незадолго до выхода въ свѣтъ этой замѣчательной работы изданы были г. Калачовымъ четыре главныхъ основныхъ текста «Правды» особливо, съ словаремъ, fac-simile и сравнительной таблицей статей. Назначеніе этого изданія было попреимуществу учебное.

Къ числу лучшихъ пріобрѣтеній русской исторической литературы за минувшій годъ принадлежитъ также книга покойнаго академика Аделунга: «Критико-библіографическое обозрѣніе путешествій въ Россію до 1700 года», изданная его сыномъ. Въ ней мы находимъ перечисленіе всѣхъ путешествовавшихъ въ Россію съ древнѣйшихъ временъ и оставившихъ описанія нашего отечества, съ самыми подробными библіографическими свѣдѣніями объ этихъ описаніяхъ. Знатоки говорятъ, что въ ней есть нѣкоторые пропуски и недосмотры; тѣмъ не менѣе появленіе этой книги чрезвычайно важно. Она привела въ извѣстность одинъ изъ богатѣйшихъ источниковъ нашей исторіи, особливо нашего внутренняго быта. Изъ предисловія видно, что покойный ученый, кромѣ этого указателя, задумывалъ еще напечатать собраніе неизданныхъ иностранныхъ извѣстій о древней Россіи и подробный указатель вообще всего того, что иностранцы писали о нашемъ отечествѣ, до начала XVIII вѣка. Изъ этого видно, что Аделунгъ особенно трудился надъ иностранными источниками русской старины и пополнилъ бы весьма чувствительный промежутокъ въ нашей исторической литературѣ, еслибъ смерть не помѣшала ему привести въ исполненіе начатыя работы. Это очень жаль, тѣмъ болѣе, что едва ли скоро сыщется достойный продолжатель его трудовъ. Какое-то несправедливое предубѣжденіе противъ извѣстій иностранцевъ, ведущее свое начало изъ до-Петровской Руси и не сломленное даже полуторастолѣтней реформой, оставляетъ

весьма богатый источникъ нашей исторіи въ тѣни; мы по преданію вѣримъ еще, что они писали объ насъ пристрастно, съ ненавистью, и что ихъ извѣстія никуда негодятся. Въ практической жизни, держась уже другихъ началъ и разубѣдившись во многомъ, мы продолжаемъ по привычкѣ твердить старое въ наукѣ. По вѣчнымъ законамъ историческаго развитія, фактъ и у насъ предупредилъ сознаніе, и оно до сихъ поръ представляетъ какой-то складочный магазинъ, гдѣ мы хранимъ всякій хламъ, ни на что уже негодный въ обыкновенномъ быту. Спору нѣтъ, что многое иностранцы не такъ поняли или передали ошибочно; у нихъ мы встрѣчаемъ промахи, отчасти умышленныя неправды, ложныя извѣстія, для которыхъ можно найдти много объясненій. Но все это очень обыкновенная принадлежность разсказовъ иностранцевъ, которые не долго жили въ описываемой ими странѣ, или, по различнымъ обстоятельствамъ, не могли быть совершенно безпристрастны; въ этомъ смыслѣ тѣ, которые были у насъ, не хуже писали о Россіи, чѣмъ другіе путешественники о другихъ земляхъ; однако, никто не смотритъ съ такимъ предубѣжденіемъ на ихъ отзывы, какъ мы. Замѣтьте также, что больше всего заподозрѣны извѣстія иностранцевъ о нашемъ внутреннемъ бытѣ; но именно они-то, какъ нарочно, болѣе другихъ носятъ на себѣ печать истины и достовѣрности. Чѣмъ ближе мы знакомимся съ туземными источниками, чѣмъ пристальнѣе вникаемъ въ старинные обычаи, доселѣ еще сохранившіеся въ простомъ народѣ, тѣмъ вѣрнѣе и справедливѣе представляются намъ иностранныя извѣстія, отвергаемыя какъ умышленныя нелѣпицы. Мы могли бы представить много разительныхъ примѣровъ на выдержку, но здѣсь не мѣсто.

Вотъ сколько сдѣлано въ минувшемъ году въ отношеніи къ источникамъ русской исторіи. Множество издано впервые; множество издано вновь, потому что прежнія изданія оказа-

лись неудовлетворительными. Совершено нѣсколько первоначальныхъ критическихъ работъ надъ важнѣйшими памятниками старины; самое поле русской исторіи расширилось принятіемъ въ ея составъ исторіи Западной и Малой Россіи; словомъ, всѣ источники затронуты, все, что можетъ дать ключъ къ нашей старинѣ, болѣе и болѣе приводится въ извѣстность и дѣлается общедоступнымъ: наконецъ, самая иностранная литература о Россіи начинаетъ получать въ наукѣ право гражданства и находитъ у насъ добросовѣстныхъ и ученыхъ дѣлателей.

Собственно историческая литература (разумѣя подъ этимъ названіемъ сочиненія по русской исторіи) сравнительно бѣдна. Укажемъ на продолженіе замѣчательной книги Бутурлина: «Исторія смутнаго времени»; въ минувшемъ году вышелъ третій томъ ея; далѣе на книгу Полеваго: «Обозрѣніе Русской исторіи до единодержавія Петра Великаго», и на сочиненіе Вейдемейера: «Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія». Но особенно важными, какъ по своему внутреннему достоинству, такъ и по другимъ причинамъ, кажутся намъ: «Историческій сборникъ» Валуева. «Исторія Христіанства въ Россіи» архимандрита Макарія и «Изслѣдованія» г. Погодина. Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ сочиненій.

«Историческій и статистическій сборникъ» покойнаго Валуева по своему направленію, цѣли и основной мысли, есть явленіе, составляющее эпоху въ исторической русской литературѣ. Еслибы нашлись ближайшіе продолжатели этого предпріятія — что очень сомнительно, — оно мало-по-малу привело бы, наконецъ, къ весьма важнымъ результатамъ; ибо мысль сблизить различные славянскіе народы и племена, привести ихъ ко взаимному уразумѣнію, къ сознанію ихъ національнаго единства есть, безспорно, одно изъ лучшихъ, благо-

весьма богатый источникъ нашей исторіи въ тѣни; мы по преданію вѣримъ еще, что они писали объ насъ пристрастно, съ ненавистью, и что ихъ извѣстія никуда негодятся. Въ практической жизни, держась уже другихъ началъ и разубѣдившись во многомъ, мы продолжаемъ по привычкѣ твердить старое въ наукѣ. По вѣчнымъ законамъ историческаго развитія, фактъ и у насъ предупредилъ сознаніе, и оно до сихъ поръ представляетъ какой-то складочный магазинъ, гдѣ мы хранимъ всякій хламъ, ни на что уже негодный въ обыкновенномъ быту. Спору нѣтъ, что многое иностранцы не такъ поняли или передали ошибочно; у нихъ мы встрѣчаемъ промахи, отчасти умышленныя неправды, ложныя извѣстія, для которыхъ можно найдти много объясненій. Но все это очень обыкновенная принадлежность разсказовъ иностранцевъ, которые не долго жили въ описываемой ими странѣ, или, по различнымъ обстоятельствамъ, не могли быть совершенно безпристрастны; въ этомъ смыслѣ тѣ, которые были у насъ, не хуже писали о Россіи, чѣмъ другіе путешественники о другихъ земляхъ; однако, никто не смотритъ съ такимъ предубѣжденіемъ на ихъ отзывы, какъ мы. Замѣтьте также, что больше всего заподозрѣны извѣстія иностранцевъ о нашемъ внутреннемъ бытѣ; но именно они-то, какъ нарочно, болѣе другихъ носятъ на себѣ печать истины и достовѣрности. Чѣмъ ближе мы знакомимся съ туземными источниками, чѣмъ пристальнѣе вникаемъ въ старинные обычаи, доселѣ еще сохранившіеся въ простомъ народѣ, тѣмъ вѣрнѣе и справедливѣе представляются намъ иностранныя извѣстія, отвергаемыя какъ умышленныя нелѣпицы. Мы могли бы представить много разительныхъ примѣровъ на выдержку, но здѣсь не мѣсто.

Вотъ сколько сдѣлано въ минувшемъ году въ отношеніи къ источникамъ русской исторіи. Множество издано впервые; множество издано вновь, потому что прежнія изданія оказа-

лись неудовлетворительными. Совершено нѣсколько первоначальныхъ критическихъ работъ надъ важнѣйшими памятниками старины; самое поле русской исторіи расширилось принятіемъ въ ея составъ исторіи Западной и Малой Россіи; словомъ, всѣ источники затронуты, все, что̀ можетъ дать ключъ къ нашей старинѣ, болѣе и болѣе приводится въ извѣстность и дѣлается общедоступнымъ; наконецъ, самая иностранная литература о Россіи начинаетъ получать въ наукѣ право гражданства и находитъ у насъ добросовѣстныхъ и ученыхъ дѣлателей.

Собственно историческая литература (разумѣя подъ этимъ названіемъ сочиненія по русской исторіи) сравнительно бѣдна. Укажемъ на продолженіе замѣчательной книги Бутурлина: «Исторія смутнаго времени»; въ минувшемъ году вышелъ третій томъ ея; далѣе на книгу Полеваго: «Обозрѣніе Русской исторіи до единодержавія Петра Великаго», и на сочиненіе Вейдемейера: «Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія». Но особенно важными, какъ по своему внутреннему достоинству, такъ и по другимъ причинамъ, кажутся намъ: «Историческій сборникъ» Валуева, «Исторія Христіянства въ Россіи» архимандрита Макарія и «Изслѣдованія» г. Погодина. Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ сочиненій.

«Историческій и статистическій сборникъ» покойнаго Валуева по своему направленію, цѣли и основной мысли, есть явленіе, составляющее эпоху въ исторической русской литературѣ. Еслибы нашлись ближайшіе продолжатели этого предпріятія — что̀ очень сомнительно, — оно мало-по-малу привело бы, наконецъ, къ весьма важнымъ результатамъ; ибо мысль сблизить различные славянскіе народы и племена, привести ихъ ко взаимному уразумѣнію, къ сознанію ихъ національнаго единства есть, безспорно, одно изъ лучшихъ, благо-

роднѣйшихъ и отраднѣйшихъ современныхъ явленій; такая мысль не осталась бы безъ отзыва и у насъ; рано или поздно, она нашла бы сочувствіе. Г. Валуевъ началъ издавать сборникъ съ цѣлью познакомить Россію со всѣми сторонами прошедшей и теперешней жизни прочихъ Славянъ. Къ сожалѣнію, онъ не хотѣлъ или не умѣлъ возвыситься до историческаго безпристрастія, главнаго и необходимаго условія для осуществленія такой цѣли; онъ привнесъ къ исполненію задачи важные предразсудки, историческія и національныя предубѣжденія и какую-то исключительность, рѣзко противорѣчащія основной его мысли и разрушающія ее въ самомъ основаніи. Они-то привели издателя къ страннымъ, неестественнымъ воззрѣніямъ, къ превратной оцѣнкѣ прошедшихъ и современныхъ историческихъ явленій. А задуманъ планъ широко, и первое его выполненіе, за исключеніемъ замѣченныхъ недостатковъ, подавало большія надежды въ будущемъ. Теперь это предпріятіе, вѣроятно, рушится; издателя ужь нѣтъ въ живыхъ, и когда-то найдется другой, который станетъ преслѣдовать эту цѣль такъ же ревностно, такъ же неутомимо. Если мы ошибаемся, тѣмъ лучше.

«Исторія Христіянства въ Россіи до В. К. Владиміра», составленная архимандритомъ Макаріемъ, есть образцовая, классическая книга по этой части. Мы, съ своей стороны, не рѣшаемся разбирать ее и произнести о ней какое-либо сужденіе. Мы даже убѣждены, что у насъ очень немного такихъ людей, которые въ знаніи предмета могли бы стать въ уровень съ ученымъ авторомъ и быть его достойными критиками. Изумительная начитанность, огромныя свѣдѣнія невольно поражаютъ читателя на каждой страницѣ. Очень замѣчательно, что многія изъ нашихъ лѣтописныхъ сказаній о распространеніи и принятіи у насъ христіянской вѣры, заподозрѣнныя критикой и отнесен*ныя къ числу легендъ*, оправдываются авторомъ и доказываются

или прямыми историческими свидѣтельствами, или весьма основательными и остроумными соображеніями.

«Изслѣдованія» г. Погодина о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи изданы Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей, въ трехъ толстыхъ томахъ. Собственно говоря, эти «Изслѣдованія» не есть новое явленіе въ русской исторической литературѣ. Первый и второй томы составлены изъ статей и сочиненій, большею частью уже давно извѣстныхъ публикѣ; нѣкоторыя изъ нихъ измѣнены, но многія перепечатаны безъ всякихъ поправокъ; такія же статьи находимъ и въ третьемъ томѣ, въ которомъ, однако, гораздо болѣе новаго, чѣмъ въ двухъ первыхъ. Сочиненіе г. Погодина не оправдало нетерпѣливаго ожиданія многихъ. Мы въ немъ нашли большею частью одно старое, всѣмъ уже давно извѣстное и теперь столько же сомнительное, подлежащее переработкѣ, какъ оно прежде, въ свое время, было и ново и занимательно. Гораздо интереснѣе и свѣжѣе другихъ третій томъ; здѣсь попадаются прекрасныя статьи, прекрасныя отдѣльныя мѣста, но въ цѣломъ и ими мы не довольны. Любимой мысли о скандинаво-германскомъ происхожденіи Варяговъ все принесено въ жертву, даже такія данныя, о которыхъ никто не споритъ, ни самъ г. Погодинъ. Оттого книга исполнена историческихъ парадоксовъ, очевидныхъ натяжекъ, важныхъ промаховъ и рѣзкихъ противорѣчій. Общія обозрѣнія и взгляды странны, причудливы... Но что всего непріятнѣе дѣйствуетъ на читателя, это тонъ полемики, особливо противъ Каченовскаго и такъ называемой скептической школы. Вообще говоря, книга г. Погодина была въ прошедшемъ году представителемъ старой исторической литературы между молодыми ея подростками. Еслибъ она вышла лѣтъ десять или двадцать раньше, она заняла бы первое мѣсто, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; теперь она анахронизмъ, только напомнившій собою былое время.

Вотъ, кажется, всѣ особенно замѣчательныя явленія нашей исторической литературы за прошлый годъ; кромѣ того, въ журналахъ и сборникахъ помѣщались по временамъ статьи и матеріялы по русской исторіи; такъ мы съ большимъ удовольствіемъ прочли въ «Московскомъ Сборникѣ» статью г. Соловьева: «О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси»; въ «Отечественныхъ Запискахъ» — «Матеріялы для Исторіи Петра Великаго», «О торговлѣ Волжскихъ Болгаръ», г. Савельева. Впрочемъ, сравнительно, такихъ статей было въ минувшемъ году меньше противъ прежняго.

Какіе результаты выведемъ мы изъ этого обозрѣнія? Они показаны уже отчасти въ началѣ. Очевидно, мы мало-по-малу сосредоточиваемся, запасаемся силами, какъ бы приготовляясь къ серьёзной, трудной работѣ. Покуда это еще высказывается отрицательно. Сравнивши нашу прежнюю историко-литературную дѣятельность съ теперешней, мы найдемъ, что послѣдняя, по количеству книгъ и статей, почти ничтожна. Но именно этотъ фактъ мы и считаемъ чрезвычайно важнымъ. Теперь больше людей, занимающихся русской исторіей; масса знающихъ много увеличилась, потому что извѣстное прежде однимъ знатокамъ и записнымъ археологамъ, стало общедоступнымъ. Если теперь пишутъ меньше, то это, конечно, не потому, что меньше свѣдущихъ людей. Нѣтъ, вопросы стали глубже, требованія возвысились, а вмѣстѣ и неудовлетвореніе сильнѣе стало чувствоваться. Мы видимъ, читая прежнія историческія изслѣдованія, что и писатели и публика обыкновенно довольствовались самыми поверхностными рѣшеніями историческихъ задачъ, которыми теперь не убѣдишь никого, даже и тѣхъ, которые занимаются русской исторіей слегка, не говоря уже, что о многихъ вопросахъ, теперь общихъ для всѣхъ, прежде не было и помину. Отъ этого-то, первый выходъ нашей исто*рической литера*туры изъ прежняго, полумладенческаго состо-

нія и обнаружился въ какой-то слабости, безжизненности, безцвѣтной дѣятельности. Вопросы прибывали вновь, разрѣшеніе прежнихъ болѣе и болѣе оказывалось неудовлетворительнымъ, а приступить къ новому недоставало ни средствъ, ни силъ, потому что не было еще твердаго, постояннаго, выработаннаго сознанія. Такъ продолжается до сихъ поръ и, вѣроятно, продолжится еще долго. Мы увидимъ множество прекрасныхъ классическихъ пріуготовительныхъ трудовъ, драгоцѣнныхъ собраній источниковъ, много важныхъ открытій для исторіи, но эпоха творчества, созиданія, едва ли скоро наступитъ въ нашей исторической литературѣ. Она необходимо есть актъ сознанія, самоуразумѣнія народа; когда мы поймемъ себя, тогда явится у насъ и исторія; а это условіе есть одно изъ самыхъ трудныхъ, самыхъ тяжело дающихся. Вспомнимъ только то странное положеніе, въ которое мы до сихъ поръ были поставлены, отчасти и теперь еще находимся: намъ извѣстны всѣ современные европейскіе вопросы; извѣстно, какъ и почему они явились, какъ развивались и на чемъ стоятъ теперь; и въ то же время, вопросы, самые обыкновенные, простые, давно уже разрѣшенные у образованныхъ народовъ, если они только къ намъ относятся и къ нашему быту, приводятъ насъ въ величайшее затрудненіе: мы не умѣемъ ихъ поставить, не умѣемъ даже за нихъ взяться; всего чаще они остаются почти незамѣченными, по крайней мѣрѣ, не обращаютъ на себя того пристальнаго, серьёзнаго, выдержаннаго вниманія, которое необходимо для ихъ разрѣшенія. Что это значитъ? То, что мы все еще болѣе пользуемся чужими трудами, чѣмъ своими силами, что, по видимому, богатые опытностью, мы на самомъ дѣлѣ еще очень мало жили и дѣйствовали самостоятельно: ссылаемся на всѣхъ, кто съ нами не согласенъ, за которыми, конечно, огромное большинство. Во всемъ этомъ мы видимъ непреложный законъ историческаго развитія! Какъ бы

ни была благопріятна, даже блистательна обстановка человѣка или народа, жизнь все-таки возьметъ свое, не сдѣлаетъ ни одного прыжка, не выброситъ ни одного звена изъ своей цѣпи. Окружите мальчика самыми счастливыми условіями для его развитія, все-таки онъ не сдѣлается вдругъ совершеннолѣтнимъ человѣкомъ: жизнь его можно ускорить, но постепенность ея невозможно нарушить. Оттого часто подъ блестящей оболочкой скрывается бѣдное содержаніе, подъ видимымъ умственнымъ пресыщеніемъ—неразвитость, нравственное малолѣтство. Въ такое положеніе поставила исторія многія славянскія племена, въ томъ числѣ и насъ. Этимъ объясняется, почему у насъ нѣтъ еще своей исторической литературы: мы не умѣемъ даже посмотрѣть на себя какъ должно.

Впрочемъ періодъ самосознанія уже начинаетъ наступать. Это видно во всемъ; конечно, покуда еще болѣе въ ежедневномъ быту, нежели въ литературныхъ и другихъ явленіяхъ, все еще выражающихъ предпочтительно старое, за которое и авторитетъ давности и большинство мнѣній. Когда мышленіе станетъ, наконецъ, и для насъ дѣйствительною потребностью, а не средствомъ пріятно провести время или пускать пыль въ глаза, какъ теперь по большей части, — наша историческая литература необходимо измѣнитъ свое направленіе. Изъ пріуготовительной по преимуществу, она перейдетъ въ критическую. Вѣкъ изученія оффиціяльной, торжественной, праздничной стороны нашей исторіи кончился; теперь должно наступить время изученія нашей будничной, закулисной домашней жизни съ тѣхъ поръ, какъ мы себя знаемъ и насъ знаютъ. Эта нелицевая сторона нашей исторіи, тѣ дѣйствія, въ которыхъ мы не церемонились и были тѣмъ, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ были, всего яснѣе покажутъ намъ, что мы такое? стали теперь хуже или лучше противъ прежняго? идемъ ли впередъ или назадъ? *какъ и отчего происходили* въ насъ перемѣны, надъ которыми

мы недоумѣваемъ? Словомъ, потребность самосознанія приведетъ насъ естественно, логически къ изученію нашего внутренняго быта предпочтительно передъ внѣшнимъ, исторіи цивилизаціи — передъ политической исторіей. Задатки есть. Мнѣніе образованныхъ людей уже склоняется въ эту сторону; неестественныя краски, поддѣльный лоскъ, наведенные на нашу исторію, начинаютъ сходить, и истина разоблачаться.

ЧТЕНІЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РУССКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ. №№ 5, 6, 7, 8, и 9. *Москва 1847.*

Пятая книжка «Чтеній», какъ и всѣ предыдущія, представляетъ много замѣчательнаго и любопытнаго. Въ ней, подобно прежнимъ, матеріялы, вообще говоря, интереснѣе оригинальныхъ статей, по преобладающему антикварному, или археологическому направленію занятій общества. Хорошо ли это направленіе, или дурно, здѣсь разбирать не мѣсто; сверхъ того, мы думаемъ, что всякая дѣятельность въ своемъ родѣ хороша, если достигаетъ цѣли. Замѣтимъ только, что вслѣдствіе такого направленія, мы въ «Чтеніяхъ» мало встрѣчаемъ статей собственно историческаго или историко-юридическаго содержанія: лучшія изъ нихъ относятся къ древностямъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Большую часть книги занимаютъ матеріялы для исторіи казаковъ. Ихъ обнародованіе есть истинная заслуга, за которую нельзя довольно благодарить Общество и его неутомимаго секретаря, г. Бодянскаго. Къ числу ихъ относятся начало лѣтописнаго повѣствованія о Малой Россіи Ригельмана, сочинителя Исторіи Донскихъ казаковъ, помѣщенной въ предыдущихъ книжкахъ Чтеній (3-й и 4-й), историческій отрывокъ о происшествіяхъ въ Пинскѣ во время пер-

вой войны казаковъ противъ Польши, войны, которая окончилась выгоднымъ для нихъ Зборовскимъ миромъ (1648); наконецъ, двѣ статьи извѣстнаго Миллера о Запорожцахъ и малороссійскомъ народѣ. Ригельманъ не историкъ, не особенно талантливый писатель, но добросовѣстный и трудолюбивый человѣкъ, тщательно собиравшій все, что относилось къ предмету, о которомъ онъ писалъ. Его сочиненіе, составленное первоначально въ 1778 году и окончательно обработанное въ 1785 и 6-мъ годахъ, раздѣлено на четыре части и шесть книгъ. Первая книга содержитъ въ себѣ исторію Малороссіи и тамошнихъ казаковъ до организаціи малороссійскаго казачьяго войска при Стефанѣ Баторіи. Стараясь объяснить происхожденіе казачества, Ригельманъ собралъ всѣ извѣстія, какія могъ, письменныя и изустныя: это придаетъ большую цѣну первой главѣ его сочиненія, несмотря на то, что онъ самъ не воспользовался своими матеріялами и не вывелъ изъ нихъ окончательныхъ результатовъ. Этому нечего удивляться, когда еще и въ наше время, при теперешнихъ средствахъ науки, вопросъ о происхожденіи казаковъ, такъ запутанъ и теменъ; что жь было лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ? Какъ видно, и между казаками были самыя разнорѣчащія сказанія о ихъ происхожденіи. Иные производили себя отъ Казаръ, другіе изъ Польши, отъ Роксолановъ, Черкесовъ, Половцевъ и Русскихъ. Всѣ эти извѣстія могутъ быть до извѣстной степени справедливы, если мы обратимъ вниманіе на то, что казаки составляли военное братство, наполнявшееся людьми всякаго происхожденія и званія; въ казаки, особенно сначала, принимались всѣ безъ различія; нельзя такъ же не брать въ разсчетъ, что въ отдаленныя времена, къ которымъ восходитъ начало казачества, названія народовъ были слишкомъ общи, и по отсутствію точныхъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, распространялись на народы, до того разноплемен-

ные, что, можетъ-быть, дальнѣйшія изслѣдованія на основаніи этихъ, повидимому противорѣчащихъ, указаній и докажутъ единство происхожденія казаковъ, развѣ только съ незначительною примѣсью посторонних элементовъ. Языкъ, вѣра, сильно говорятъ въ пользу мнѣнія, что казаки—выходцы изъ Россіи; такъ думаетъ и Ригельманъ. Вспомнимъ, что Константинъ Багрянородный зналъ въ козарской землѣ Лебедію, состоявшую подъ управленіемъ воеводъ; вспомнимъ, что издавна, и теперь еще на сѣверѣ Россіи, казаками называютъ батраковъ, наемныхъ работниковъ, людей, не имѣющихъ своего земляного участка. Также было извѣстно и названіе атамановъ; что Роксалане были Славяне — очень вѣроятно; можетъ-быть, современемъ и самое имя Черкасы объяснится проще, нежели черкесской колоніей. Какъ бы то ни было, очень замѣчательно, что казаки, живо сознававшіе свою свободу и независимость, въ этомъ смыслѣ толковали и свое происхожденіе. Разсказавъ, отъ кого производятъ себя казаки, Ригельманъ прибавляетъ: «Прочіе же отъ древнихъ нѣкакихъ вольныхъ людей, кои якобы не принадлежали ни къ какому владѣнію, и потому мнятъ о себѣ всѣ, будтобъ они навсегда право имѣютъ въ вольности, и ни подъ чьимъ точнымъ владѣніемъ, какъ только подъ защитою тѣхъ областей, къ которымъ они прикосновенны, состоятъ. И для того не почитаютъ себя чтобъ они были изъ Русскихъ людей, или чьи бывшіе подданные». (стр. 3). У насъ даже съ словомъ казакъ издавна соединялось понятіе о вольности. Еще и теперь сохранилась поговорка «вольный казакъ», въ смыслѣ человѣка, который можетъ дѣлать что ему угодно, идти на всѣ четыре стороны. Слѣдующія двѣ главы первой книги заключаютъ въ себѣ плохо соглашенныя между собою выписки изъ разныхъ источниковъ о древнѣйшихъ народахъ, обитавшихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ послѣдствіи жили малороссійскіе казаки—Славянахъ и Коза-

рахъ; исторія самихъ казаковъ начинается съ четвертой главы. Ригельманъ узнаетъ ихъ подъ именемъ Касоговъ (?), о которыхъ упоминаетъ императоръ Константинъ Багрянородный, подъ 948 годомъ, и потомъ наши лѣтописи. Въ періодъ княжескихъ междоусобій за старшинство къ казакамъ обращались изгнанные и недовольные князья и съ ихъ помощью защищали свои права. Ригельманъ, какъ всѣ писатели того времени, смотритъ на событія отдаленной древности съ современной точки зрѣнія. Разсказывая, какъ край, гдѣ потомъ жили казаки, переходилъ попеременно въ руки Татаръ, Русскихъ и Литовцевъ, онъ никогда не забываетъ прибавить, что и казаки становились подданными то тѣхъ, то другихъ. Но это едва ли такъ было. Судьба тогдашней южной Россіи не могла имѣть такого вліянія на казаковъ, жившихъ отдѣльно по берегамъ Днѣпра и на его островахъ гораздо ниже Кіева. Они и прежде и послѣ оставались независимыми, служили, кому хотѣли, а всего больше ходили на добычу, часто мѣняя враговъ и друзей. Не ранѣе обращенія Кіевскаго княженія въ воеводство при Казимірѣ IV (1471) и переименованія его въ Украйну стало утверждаться постоянное сближеніе между казаками и этой пограничной областью Польши. Только съ этихъ поръ казаки начали играть важную роль въ исторіи Польши, служа ей оплотомъ противъ Турковъ и Крымцевъ.

Въ началѣ XVI вѣка появляется между ними первый гетманъ Дашкевичъ. При немъ Сигизмундъ первый, понявъ всю важность этого военнаго братства для Литвы и Польши, далъ имъ для поселенія земли въ кіевскомъ и брацлавскомъ воеводствахъ и распространилъ на нихъ тѣ привилегіи, которыя Казиміръ IV далъ русскимъ княжествамъ, принадлежавшимъ Литвѣ. Это привязало казаковъ къ Польшѣ, *но не сдѣлало* ихъ ея подданными въ теперешнемъ зна-

ченіи слова, какъ видно изъ описанія внутренняго быта Запорожцевъ:

«Вольно служащіе казаки», говоритъ Ригельманъ: «начали имѣть тамъ (на Днѣпрѣ) ниже пороговъ свой кошъ, то есть станъ и вели житье свое весьма суровое: они голодъ, жажду и всякую нужду, какъ равно зной, слякоть, дождь и все воздушное премѣненіе безъ роптанія сносили. Пищу имѣли жидкое тѣсто квасное, иногда мало вареное, и тѣмъ себя насыщали и довольны были; а когда случалось съ рыбою, что̀ называли щербою, то за найлучшее кушанье поставляли. Жительство ихъ было въ коливахъ, то есть въ шалашахъ и куреняхъ; по величинѣ оныхъ въ нихъ и число людей находилось, какъ-то отъ 50 до 100 и болѣе; всѣмъ пища была вышеобъявленная, одинакая. Они имѣли надъ собою одного главнаго Кошеваго Атамана, и въ каждомъ куренѣ по одному изъ старшихъ казаковъ, Куренному Атаману жь, и такихъ, которые бы въ воинскихъ дѣлахъ искусны, какъ равно и кошевой были, тѣхъ почитали и повиновались имъ такъ, какъ вышнимъ начальникамъ своимъ. Но и старѣйшинамъ ихъ житъ съ опаствомъ съ ними было должно; ежели бъ кто чѣмъ нибудь оскорбилъ ихъ напрасно, тотчасъ предавали поносной смерти, или скинутъ, по состоянію вины, съ начальства. Воровство и блудъ не терпѣли, и еслибъ кто хотя мало, какъ-то путо, или платъ у нихъ укралъ, повѣшенъ тотъ на деревѣ будетъ... Число оныхъ казаковъ (запорожскихъ) никто исчислить не могъ, да и сами подлиннаго числа знать не могли, но только и знали, что сколько ихъ конныхъ, столько и пѣшихъ къ дѣлу быть должно, ибо сколько въ околичныхъ мѣстахъ людей находиться будетъ, столько и казаковъ у себя считали. Къ собранію жь силъ ихъ только бы повѣстку сдѣлать, чтобъ въ поиски собирались, то тотчасъ сколько потребно, воинство собиралось; не было нужды съ трудностію собирать, такъ какъ въ иныхъ войскахъ бываетъ, и не имѣлось надобности великаго найму обѣщать; лишь бы только старшій слово сказалъ, тотчасъ войска, какъ травы будетъ; какъ въ одно время, на вопросъ Турецкому Султану, когда желалъ вѣдать количество силъ ихъ, отвѣчали, что у насъ-де людей что лоза, то казакъ, а гдѣ кракъ или байракъ, то по сту и по двѣсти казаковъ тамо, и всѣ тѣ на войнѣ храбры, и при томъ приписали, что казаки богатство вельми маютъ (имѣютъ), хитрость и храбрость довольно знаютъ» (стр. 17 и 18).

Очевидно, что у казаковъ не могло тогда быть и понятія о подданствѣ, государствѣ, гражданствѣ, администраціи: они еще не доросли до этихъ понятій. Но несмотря на всю первобытную до-историческую дикость, этотъ бытъ имѣетъ свою

особенную невыразимую прелесть. Казачество — это поэзія русско-славянскаго міра. Да и гдѣ было ей развиться, какъ не тамъ, куда каждый, недовольный своимъ положеніемъ, бѣжалъ пожить на просторѣ и гдѣ, не стѣсняемый ничѣмъ, онъ могъ, по своему, развить и извѣдать всѣ свои силы? Кто ни былъ «живъ человѣкъ» въ древней Руси, тотъ пробирался на югъ и шелъ въ казаки; на мѣстѣ ему негдѣ было развернуться, подъ тяжкими условіями и формами едва лишь возникавшаго Московскаго Государства. Казачество представляетъ намъ русскаго Славянина, каковъ онъ былъ тогда въ глубинѣ своей души, внѣ всякихъ гражданскихъ и общественныхъ опредѣленій, наложенныхъ на него въ его отчизнѣ. Оттого, при воинственномъ характерѣ казацкаго братства, при роли, которую играетъ въ немъ личность, стоящая здѣсь на первомъ планѣ, это братство насквозь проникнуто патріархальными элементами: та же наивность, таже сила обычая и отсутствіе закона, та же отечески безграничная власть главнаго начальника, умѣряемая страхомъ низложенія и привычками, которыя всѣ чтутъ свято. Казачество—патріархальный бытъ, приспособленный къ военнымъ цѣлямъ. Этого мы не должны забывать, если хотимъ объяснить себѣ странно поражающія особенности казачества и послѣдующій его упадокъ.

Окончательное устройство получило украинское казацкое войско при Стефанѣ Баторіи, одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ польскихъ королей, который понималъ, какъ важны для Польши казаки, составлявшіе крѣпкій оплотъ противъ хищныхъ сосѣдей. Въ добавокъ къ прежнимъ казакамъ онъ прибралъ изъ всей Украйны еще десять тысячь, устроилъ ихъ въ войско, велѣлъ самимъ изъ своей среды избрать гетмана, и далъ ему знамя, бунчукъ, булаву и печать, установилъ войсковаго старшину, обознаго, судью, писаря, есаула, хорунжаго, полковниковъ, сотниковъ и атамановъ, «далъ хетману полную

власть, чтобъ суды, расправы и наказанія дѣлать, также въ чины и начальники по войску своему производить», — далъ большія земли, городъ Трентемировъ и уволилъ отъ платежа акцизовъ и податей. Эти и другія привиллегіи, дарованныя Баторіемъ и утвержденныя грамотою, положили основаніе силѣ и цвѣтущему состоянію казацкаго малороссійскаго войска. Къ несчастію, преемники Стефана не были такъ дальновидны, какъ онъ: они начали притѣснять братство, и этимъ навлекли на Польшу большія несчастія.

Вслѣдъ за кончиной Баторія, при Сигизмундѣ III, начались уже притѣсненія казаковъ. Поляки боялись, чтобъ казацкое войско, усилившись, не сдѣлалось опаснымъ для Польши. Оттого рано начали посылать къ казакамъ подсмотрщиковъ и стараться объ уничтоженіи ихъ самостоятельности. Къ этому присоединилась еще католическая пропаганда: казаки выходили изъ терпѣнія и нѣсколько разъ вооружались и нападали на Польшу, при гетманахъ Косинскомъ и Наливайкѣ. Такъ продолжалось за все царствованіе Сигизмунда. Были неоднократныя жалобы, но ничто не помогало, а между тѣмъ притѣснительныя мѣры умножались. Видя, что все это происходило вслѣдствіе внушенія польской аристократіи, казаки обратились къ самому королю; Владиславъ, преемникъ Сигизмунда, которому они жаловались немедленно по вступленіи его на престолъ, подтвердилъ ихъ привиллегіи и произнесъ при этомъ слѣдующія многознаменательныя слова: «Нынѣ, по сей привиллегіи, по прежнему можете себѣ гетмана поставить и при своихъ правахъ и вольностяхъ крѣпко стоять, не отдавая себя по онымъ панамъ въ попраніе, защищаясь онымъ и прежними правами. А есть ли паны польскіе, или дозорцы, тѣхъ привилегіевъ не послушаютъ, то имѣете мушкетъ и при боку саблю: оными можете защищать свои, отъ Поляковъ повреждаемыя права и вольности». Слова эти проливаютъ яркій свѣтъ на

состояніе Польши уже въ XVII вѣкѣ. Короли уже тогда не могли защищать своихъ подданныхъ и предоставляли имъ самимъ возстановлять свои права оружіемъ. Позднѣе эти же слова повторилъ Владиславъ письменно черкасскому полковнику Барабашу. Въ 1639 году, коронный хорунжій Конецпольскій выстроилъ крѣпость въ урочищѣ Кайдакъ, чтобъ еще больше прибрать въ руки казаковъ. Пріѣхавши туда съ Хмѣльницкимъ и казаками, Конецпольскій спросилъ: «Угодна ли вамъ, казакамъ, сія крѣпость, и довольно ли крѣпка для васъ будетъ?» На это Хмѣльницкій отвѣчалъ по-латынѣ: «Еще нѣтъ того чтобы, что людьми сдѣлано, разрушено быть не могло».—«Конецпольскій съ удивленіемъ слушалъ такой отвѣтъ» прибавляетъ Ригельманъ.

Возрастающія угнетенія, несмотря на жалованныя грамоты королей, частыя жалобы, выселенія и возмущенія войска, довели его, наконецъ, до отчаянія. Оно встало подъ предводительствомъ Зиновія, или Богдана Хмѣльницкаго и начало съ Поляками войны за свою свободу. Объ этихъ войнахъ различно повѣствуютъ обѣ стороны, Поляки и Малороссіяне. Желая выяснить истину, добросовѣстный Ригельманъ предлагаетъ въ своей исторіи разсказы и тѣхъ и другихъ. Сначала помѣщенъ у него переводъ описанія первыхъ двухъ войнъ казаковъ съ Польшей Шевалье, секретаря французскаго посольства при польскомъ дворѣ. Онъ написалъ свою книгу на французскомъ языкѣ и издалъ ее въ Парижѣ, въ 1653 году. Источниками служили документы и разсказы Поляковъ. Сочиненіе Шевалье занимаетъ всю вторую книгу, начиная съ четырнадцатой главы, и интересно во многихъ отношеніяхъ. Первая война, какъ извѣстно, окончилась очень выгодно для казаковъ, въ 1649 году, зборовскимъ трактатомъ, въ силу котораго всѣ привиллегіи казаковъ были возстановлены. Вторая, *судя по разсказу* Шевалье, была вызвана неумѣстными

притязаніями и нарушеніемъ договора со стороны малороссійскаго войска и окончилась съ ущербомъ для казаковъ бѣлоцерковскимъ миромъ, въ 1651 году. Въ своей исторіи войнъ Шевалье разсказываетъ многія подробности, чрезвычайно живо характеризующія и эпоху и дѣйствователей. Мы укажемъ на нѣкоторыя. Зборовскій трактатъ, какъ мы сказали, былъ заключенъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ для казаковъ, и это было тѣмъ важнѣе, что Поляки недобровольно согласились на нихъ, а послѣ побѣды, одержанной Хмѣльницкимъ. Стало быть, предписывали условія казаки. Между тѣмъ, въ числѣ договорныхъ пунктовъ было помѣщено: «что Хмѣльницкій, казацкій гетманъ, долженъ просить у Его Величества прощенія, на колѣнахъ стоя». Это была какъ бы уступка оффиціяльной сторонѣ дѣла, потому что казаки находились въ зависимости отъ Польши и были мятежники, а не непріятели въ обыкновенномъ смыслѣ. Хмѣльницкій выполнилъ это условіе съ наивною добросовѣстностію. По словамъ Шевалье онъ «пришелъ предъ короля и ставъ на колѣни, говорилъ съ плачемъ великую рѣчь, съ засвидѣтельствованіемъ преданности своей, изъясняясь, что онъ всегда желалъ предстать предъ лице Его Величества и оказать самымъ опытомъ услуги свои Его Величеству и Республикѣ, болѣе нежели продолжать войну къ дальшему кровопролитію; но когда судьба такъ ужь опредѣлила, то нынѣ приступаетъ онъ съ покорностію, прося милости и прощенія за свои преступленія, увѣряя Его Величество наградить то будущими своими добрыми поступками». Вотъ черта—чисто славянская! Передъ окончаніемъ второй войны, когда дѣла казаковъ были далеко не такъ блистательны, «Хмѣльницкій съ главными своими старшинами прибылъ въ польскій лагерь и, ставъ передъ Великимъ Хетманомъ Потоцкимъ, просилъ прощенія съ униженіемъ и со слезами, которыя онъ пріобыкъ проливать, когда нужда и обстоятельства

того требовали, свидѣтельствуя при томъ всевозможное почтеніе князю Радзивилу и прочимъ магнатамъ». Такъ говоритъ Шевалье, но онъ не правъ и судитъ какъ иностранецъ. Мы убѣждены, что Хмѣльницкій и въ томъ и въ другомъ случаѣ плакалъ искренно. Таковы мы: — мы хитры и наивны, добродушны и въ высокой степени воспріимчивы. Лежитъ ли это въ нашей натурѣ, или въ нашемъ историческомъ возрастѣ — пока трудно рѣшить, но дѣло въ томъ, что мы и до сихъ поръ еще мало измѣнились. Если Хмѣльницкій плакалъ нарочно, при послѣднемъ трактатѣ, то что же, спрашивается, вызывало его слезы, при заключеніи зборовскаго мира? Развѣ онъ не могъ выполнить договорную статью формально, внѣшне, съ гордостію и ироніей, къ которымъ побѣда давала ему право? Наконецъ, еслибъ онъ хотѣлъ, неужели бы онъ не могъ обойти этой статьи? Нѣтъ! онъ защищалъ свои права и въ то же время не считалъ ни сколько унизительнымъ испрашивать прощенія и милости у своего притѣснителя, котораго онъ побѣдилъ. Въ его головѣ и то и другое какъ-то странно мирилось — тѣмъ миромъ, изъ котораго видно, что борьба еще и не начиналась. Это точка зрѣнія — патріархальная, съ которой разныя стороны предмета никогда не представляются во всей ихъ рѣзкости, односторонней опредѣленности. Также чрезвычайно характеричны у Шевалье хитрости Хмѣльницкаго передъ окончаніемъ второй войны, которыми онъ протягивалъ время въ переговорахъ съ Поляками, поджидая помощи отъ Татаръ. Эти переговоры велъ онъ очень искусно: дѣлалъ предложенія, и когда Поляки на нихъ соглашались, ввертывалъ другія, противорѣчившія имъ; потомъ опять подавался на уступки.

Но обстоятельства ему не благопріятствовали. Татары не пришли, и онъ, наконецъ, долженъ былъ согласиться на *невыгодный миръ*.

Непонятно, почему Польша совершенно не истребила казаковъ послѣ второй войны, когда они были на голову разбиты и вынуждены принять тягостныя условія? Братство было слишкомъ воинственно, слишкомъ любило свою вольность, слишкомъ было привязано къ своимъ обычаямъ и вѣрѣ, чтобъ могло разсчитывать на продолжительную его покорность государство, проникнутое страстью пропаганды и политическими опасеніями со стороны самихъ казаковъ. Шевалье говоритъ: «Его Величество, по милосердію своему, не желалъ онаго бунтующагося народа допустить погибнуть отъ меча, чтобъ чрезъ то не истребить главной королевства своего провинціи и чрезъ то не привесть бы въ разореніе безчисленное шляхетство и большихъ господъ, которые, имѣя тамо великія свои дачи, лишилися бы всѣхъ своихъ изъ тамошнихъ добръ доходовъ, есть ли бы земли ихъ остались безъ народа; а есть ли бъ крестьянъ переселить въ Польшу на тѣ мѣста, которыя суть еще впустѣ, то бы всѣхъ ихъ никакимъ образомъ помѣстить тамо не можно было, и сіе-то есть истинная причина, которая, какъ тогда, такъ и въ другихъ случаяхъ, препятствовала всегда къ истребленію до основанія казаковъ, а инако были бъ они давно истреблены» (стр. 90). Здѣсь мы видимъ, какъ много вѣсили въ дѣлахъ Польши интересы тамошней аристократіи; своимъ частнымъ разсчетамъ она была готова жертвовать дѣйствительными или мнимыми выгодами государства. А власть была у нея въ рукахъ. Оттого не могло устоять и королевство, которое, какъ всѣ славянскія державы, имѣло въ своей основѣ патріархальные элементы. Именно поэтому ему была нужна, для сохраненія политической самостоятельности, сильная внѣшними узами связующая власть; а ея не было. Ослабленіе королевской власти въ Польшѣ было причиной и признакомъ ея упадка, ибо кромѣ ея ей нечѣмъ было тогда держаться. — Опуская другія любопытныя подробности этихъ

войнъ, напр., уловки Хмѣльницкаго для склоненія на свою сторону турецкаго султана и господаря молдавскаго, приведемъ разсказъ, какимъ необыкновеннымъ мужествомъ горсть казаковъ защищалась противъ цѣлаго польскаго войска.

«Триста человѣкъ, собравшись на одномъ мѣстѣ въ уголокъ табора своего, мужественно защищали себя противъ великаго числа наступающихъ, которые отъ всѣхъ сторонъ чрезвычайно утѣсняли ихъ, и для увѣренія о себѣ въ нещадѣніи живота своего (который имъ даровать обѣщаемо было) и всего драгайшаго въ жизни, вынимали изъ кармановъ своихъ и поясовъ все, что ни было золота и серебра, бросали въ воду, а наконецъ, когда болѣе великому числу войска противиться не въ состояніи были, то всѣ побиты одинъ за другимъ остались; однако притомъ каждый за себя особливо мужественно стоялъ, какъ то одинъ изъ нихъ еще оставался въ живыхъ, защищалъ себя черезъ цѣлые три часа противъ всего польскаго войска храбро. Сіе случилось такимъ образомъ: въ томъ болотѣ было небольшое судно, за которое когда онъ забрался, то былъ такъ смѣлъ, что весь польской огонь выдержалъ мужественно, да и самъ палилъ изъ своего ружья до тѣхъ поръ, покамѣстъ ему доставало пороху, а наконецъ, по недостатку того, отбивался косою, которою всѣхъ, наступающихъ на него, прогонялъ отъ себя. Одинъ изъ великороссійскихъ солдатъ наступилъ на него съ таковымъ же оружіемъ, однакожь ничего ему учинить не могъ, хотя и усиливался много, и еслибъ вскорѣ отъ него не отскочилъ, то бы, безъ сумнѣнія, остался пополамъ разсѣченъ, Что нѣкоторый шляхтичь изъ владѣнія Чехановскаго, да нѣмецкой солдатъ, усмотрѣвъ, бросились прямо въ воду по шею, и когда начали съ нимъ имѣть битву, то, хотя тотъ казакъ и былъ уже четырнадцатью пулями раненъ, однако крѣпко и мужественно стоялъ еще, въ великое всей польской арміи и самого Его Величества короля удивленіе; ибо въ присутствіи Королевскомъ оная брань продолжалась, и король не могъ довольно надивиться храбрости его, приказалъ объявить ему въ голосъ, что Его Величество жалуетъ ему жизнь, есть ли только онъ отдастся самъ въ руки, на что отвѣтствовалъ онъ весьма гордо, сказавъ, что жить болѣе не старается и умереть желаетъ, какъ истинной воинъ. Въ слѣдъ сего другіе изъ иноземцевъ подскочивъ, къ прежнимъ на помощь, закололи его до смерти копьями» (стр. 88 и 89).

И тѣ же самые люди, которые такъ геройски умѣли сражаться и стоять за свою вольность, могли просить прощенія у польскихъ королей, на колѣняхъ, со слезами, въ томъ, что *страданія* превзошли мѣру ихъ терпѣнія. Вотъ гдѣ скрывается

причина тѣхъ внезапныхъ переворотовъ, которые такъ часто постигали Славянъ; ибо всѣ добродѣтели, какъ бы онѣ ни были велики, безъ прочной государственной и гражданской администраціи, безъ развитаго общественнаго смысла, ничего не значатъ.

Движеніе, происходившее въ Малороссіи, сообщилось и русскому населенію Литвы. Гоненія за вѣру и здѣсь то же возбудили неудовольствіе и ропотъ; нуженъ былъ поводъ, чтобъ вспыхнулъ бунтъ, — и онъ не замедлилъ явиться. Шевалье разсказываетъ о демонстраціяхъ казаковъ въ литовскихъ провинціяхъ во вторую войну и о сочувствіи, которое Украинцы нашли между тамошними жителями, «потому болѣе, что народъ того княжества довольно сходственъ былъ съ нравами и вѣрою Малороссіянамъ». Историческій отрывокъ о бунтѣ города Пинска и его усмиреніи въ 1648 году доказываетъ, что такія же демонстраціи были и во время первой войны. Францисканецъ Доминикъ Холевскій былъ страшно замученъ Запорожцами, которыхъ впустили въ городъ тамошніе мѣщане, принявшіе сторону казаковъ, немедленно послѣ ихъ появленія въ Литвѣ. Подобныя сцены происходили и въ другихъ городахъ Литвы, принадлежавшихъ къ восточной церкви.

Послѣднія двѣ статьи о казакахъ, какъ мы видѣли, написаны исторіографомъ Миллеромъ и помѣщены въ смѣси съ двумя приложеніями. Особенно интересна изъ нихъ первая. Это записка о Запорожцахъ, составленная, какъ кажется, по порученію графа Н. И. Панина; поводомъ служила просьба, поданная этими казаками императрицѣ, что они будто бы стѣснены въ своихъ владѣніяхъ постройкой днѣпровской линіи и крѣпостей и имъ оттого питаться нечѣмъ; по крайней мѣрѣ такъ можно заключать изъ одного отрывка ихъ просьбы, помѣщеннаго въ «Разсужденіи». Миллеръ старается доказать, что они жалуются неосновательно, и доказываетъ это бѣглымъ

очеркомъ исторіи и подробнымъ разборомъ универсала, или грамоты, данной гетманомъ Б. Хмѣльницкимъ. Нельзя не сказать, что при всѣхъ своихъ достоинствахъ и заслугахъ, Миллеръ былъ посредственный историкъ; на древнихъ казаковъ и ихъ бытъ онъ смотрѣлъ съ государственной точки зрѣнія и потому не понималъ ихъ, не понималъ ихъ исторіи и не такъ толковалъ документы, на которыхъ они основывали свои права. Ничто не производитъ такого непріятнаго впечатлѣнія, какъ близорукія, книжныя, узко-юридическія разглагольствованія объ историческомъ предметѣ, подлежащемъ совершенно другому мѣрилу: это мы испытали, читая записку Миллера. Что онъ говорилъ — не однѣ слова, безъ всякаго практическаго примѣненія; записка должна была представить данныя для разрѣшенія юридическаго вопроса; тѣмъ рѣзче выдается въ ней отсутствіе настоящаго историческаго смысла.

«Разсужденіе о Запорожцахъ» не велико. Оно начинается краткой, но довольно вѣрной характеристикой казаковъ.

«Запорожцами въ старину назывались всѣ малороссійскіе казаки вообще, потому что за порогами, такъ называемой, *Сѣчи*, учрежденіе ихъ начало свое имѣло. Родъ ихъ житія, по коему они (выключая нѣкоторыя, подъ ихъ защитою состоящія селенія) женъ не держатъ, землю не пашутъ, питаются отъ скотоводства, звѣриной ловли и рыбнаго промысла, а въ старину больше въ добычахъ, отъ сосѣдственныхъ народовъ получаемыхъ, упражнялись. Обычаи ихъ къ праздности и къ піянству склонные; пренебреженіе торговъ, кромѣ для своихъ житейскихъ надобностей; необузданная вольность; пріемъ всякаго у нихъ взброду людей всѣхъ языковъ, всѣхъ вѣръ, токмо чтобъ у нихъ будучи, внѣшняя должность грекороссійскаго закона наблюдалась; допущеніе такихъ въ свое сообщество безъ всякаго письменнаго свидѣтельства, не разбирая ихъ достоинствъ, или пороковъ, тако жь и позволяя всякому отлучиться когда и куды хощетъ; неимѣніе письменныхъ законовъ, коихъ имѣть и не желаютъ, опасаясь умаленія ихъ вольностямъ, и словомъ, лишеніе всѣхъ гражданскихъ порядковъ, кромѣ одного безпрекословнаго послушанія вышнимъ, особливо же ихъ Атаману Кошевому, коего сами избираютъ и отрѣшаютъ по ихъ произволенію. Сіи обстоятельства не могутъ ни кому благосклоннаго о *Запорожцахъ подать* мнѣнія, потому что ихъ обычай всякому, на здравомъ

разумѣ и на истинныхъ правилахъ основанному гражданскому обществу, противоборствуетъ» (стр. 58 и 59).

Когда образовалось малороссійское казачье войско на основаніи привиллегій и грамотъ, данныхъ польскими королями, ихъ образъ жизни измѣнился, но Запорожцы сохранили прежніе нравы, не принимали въ свое товарищество кромѣ холостыхъ и вдовыхъ и плохо повиновались гетману. Совершенно отдѣлились они отъ малороссійскихъ казаковъ уже въ 1654 году, послѣ вступленія Богдана Хмѣльницкаго въ подданство московскихъ царей, которые всѣмъ казакамъ подтвердили ихъ привиллегіи. Разсказавши это, Миллеръ входитъ въ разборъ правъ запорожскихъ казаковъ на земли, занятыя ими послѣ 1654 года. Онъ очень неудовлетворителенъ. «Что надлежитъ до земель Запорожскихъ», говоритъ онъ: «то не могло жалованье королевское простираться далѣе, какъ доколѣ самыя польскія границы простирались. По восточной сторонѣ рѣки Днѣпра, ниже рѣкъ Орла и Самары, никакихъ отъ Польши селеній не было. Вся оная страна Татарами обладаема была; тако же и нельзя сказать, чтобъ владѣніе Запорожское по западной сторонѣ рѣки Днѣпра далеко внутрь земли простиралось. Паче по самымъ королевскимъ привилегіямъ заключить должно, что казакамъ яко до обороны границъ опредѣленнымъ, не позволено было жить, какъ по одному Днѣпровскому берегу» (стр. 59). Неудовлетворителенъ этотъ разборъ, потому что, конечно, польскіе короли не препятствовали казакамъ забирать сколько можно земли у Татаръ: также не видно, почему бы они непремѣнно ограничили ихъ однимъ днѣпровскимъ берегомъ; изъ того, что они были поселены для защиты границъ, этого не слѣдуетъ; скорѣй можно думать, что расширеніе границъ имъ было пріятно. Взявши однажды такія шаткія основанія для рѣшенія историческаго вопроса, Миллеръ отстаиваетъ свою мысль самыми отчаянными доказатель-

ствами: когда была населена Елисаветская провинція (1754 г.), «имъ довольно мѣстъ край Днѣпровскаго берега и отъ Елисаветской провинціи подъ полдень оставлено, гдѣ бъ они отъ рыбной и отъ звѣриной ловли пропитаніе себѣ имѣть могли». Что это за доказательство? Запорожцы не спорили объ опредѣленіи, сдѣланномъ еще въ силу бѣлградскаго мира, построить днѣпровскую линію, не спорили противъ установленія границы между Турціей и Россіей отъ Буга до Днѣпра. Ну, что жь изъ этого? Прежде не спорили, а потомъ стали спорить. Какъ участники Мазепиной измѣны, они должны бы лишиться всѣхъ привиллегій, данныхъ имъ Польшей: опять нейдетъ къ дѣлу. Въ 1735 году казаки опять возвратились въ Россію и поселились на Сѣчѣ (они выселились на урочище Алешки, близъ Кинбурна, въ 1708 г.), и «населили, кромѣ Сѣчи, въ Старомъ и Новомъ Кодакѣ и на рѣкѣ Самарѣ, слободы, съ позволеніемъ ли, или безъ позволенія, неизвѣстно, съ великою противъ прежнихъ своихъ обычаевъ отмѣною, потому что жители, хотя Запорожскими Казаками числятся, живутъ съ женами и съ дѣтьми и отправляютъ земледѣльство. Въ Старомъ Кодакѣ жили Запорожцы еще при Богданѣ Хмѣльницкомъ, но яко отводные отъ Сѣчи сторожи, поперемѣнно. Нынѣшніе ихъ селитьбы совсѣмъ въ другомъ намѣреніи учинены, а именно, чтобъ съ нихъ получать доходы, чтобъ хлѣбомъ имъ питаться, когда съ другихъ мѣстъ привозу не будетъ, чтобъ имѣть новыхъ поселенцевъ, яко подданныхъ, почти какъ помѣщикъ владѣетъ своими деревнями. Хорошо, что пришлыхъ къ нимъ женатыхъ людей съ семьями не отвергли; что селили тѣхъ особыми слободами, коимъ въ Сѣчѣ жить по ихъ обычаямъ не позволялось; что позволили имъ прилѣжать къ земледѣльству, яко нужнѣйшему промыслу, на коемъ всѣ благоустроенныя селенія основаться должны; что называли ихъ Козаками, потому что сіе имя въ тамошнихъ странахъ даетъ нѣ-

которое преимущество и почтеніе; но хвалить не можно, есть ли Запорожцы чинили такія новыя учрежденія собою, безъ спросу у высшихъ Правленій на то повелѣнія; есть ли не смотрѣли на качества людей, нѣтъ ли въ томъ числѣ и бѣглыхъ изъ Россіи; есть ли не велѣно имъ учинить именные списки для сообщенія въ высшія правительства; есть ли не дозволяли имъ сообщаться съ другими, около тѣхъ мѣстъ уже учрежденными, земледѣльцами, чѣмъ новопришлые люди, не могущіе знать подробно о тамошнемъ домостроительствѣ, лишаются всего полезнаго и необходимо потребнаго имъ наставленія. Не прилично, кажется, такимъ селеніямъ состоять подъ вѣдомствомъ Запорожцовъ» (стр. 61). Удивительно, право, какъ могъ историкъ такъ не исторически изслѣдовать вопросъ: неужели все казачество, даже вся русская исторія до Петра ни разу не навела его на мысль, что вопросъ о правѣ никогда не поставлялся у насъ такъ рѣзко, опредѣлительно, — что все рѣшалъ одинъ фактъ, и что мы вовсе не были пріучены къ строго административному порядку вещей, къ государственному быту? Вотъ что̀ значитъ отсутствіе общаго взгляда на предметъ, взгляда, противъ котораго, впрочемъ, и теперь еще вооружаются столькіе. Самъ же Миллеръ говоритъ, что «едва понятно, сколь далеко Запорожцы въ послѣднюю турецкую войну по восточной странѣ отъ рѣки Днѣпра разгулялися; особливо съ того времени, какъ отъ Крымскихъ Татаръ ничего опасаться уже не имѣли. Куды Запорожскій казакъ ни пришелъ, то Запорожская земля; не поставили себѣ границы, кромѣ у Дона» (стр. 61). Таковы были ихъ понятія и, дѣйствуя, положимъ, неправильно, они могли дѣйствовать очень добросовѣстно. Нашъ простой народъ и теперь еще точно такой же. Очень многіе крестьяне предобродушно вѣрятъ, что они принадлежатъ помѣщику, а земля, на которой они сидятъ—имъ, и трудно ихъ разувѣрить. Разбирайте эту мысль

юридически: они судятъ противозаконно. а собственно они добросовѣстные невѣжды.

Но всего неудовлетворительнѣе разборъ копіи съ универсала, даннаго Запорожцамъ Хмѣльницкимъ. Миллеръ находитъ въ немъ вставки. и тутъ судитъ такъ же неосновательно. какъ разбиралъ права Запорожцевъ на земли. Въ грамотѣ Стефана Баторія, помѣщенной въ универсалѣ Хмѣльницкаго. утверждено за казаками владѣніе: «въ ширь отъ Днѣпра на степь доколѣ тѣхъ мѣстечекъ, селъ и хуторовъ земли издавна находились», а ниже, кромѣ того, городъ Самара, «и вверхъ рѣки Буга по рѣку Симону, отъ Самарскихъ же земель чрезъ степь до самой рѣки Дону». Миллеръ доказываетъ, что при Баторіи и послѣ эти земли принадлежали Татарамъ, слѣдовательно онъ не могъ ими жаловать. Точно какъ будто тогда въ степяхъ были тѣ же строго опредѣленныя пограничныя линіи. какъ теперь. Кто не знаетъ, что еще въ царствованіе императрицы Екатерины въ степныхъ русскихъ губерніяхъ, Саратовской и другихъ, были открыты русскія селенія. о существованіи которыхъ оффиціяльно уже было извѣстно. И кто жъ были сосѣди? Крымцы и казаки! Городъ Самаръ, по мнѣнію Миллера, не существовалъ при Хмѣльницкомъ, и это мнѣніе онъ основываетъ на томъ только, что о Самарѣ не упоминается въ памятникахъ! Въ концѣ универсала Хмѣльницкій подтверждаетъ Запорожскимъ казакамъ всѣ отъ королей польскихъ данныя привиллегіи, «по врученной ему отъ Бога и отъ всего казацкаго войска власти», и дозволяетъ имъ владѣть своими землями «ненарушимо во вѣки». Комментарій на эти слова—верхъ отсутствія историческаго смысла·

·Такъ бы писалъ Хмѣльницкій, естьли бъ онъ былъ самъ Государь, а не подданный Царскому Величеству Гетманъ. Не умножаются ли такими выраженіями сумнительства о подлинности сего Универсала? Отъ умнаго человѣка, *каковъ былъ Хмѣльницкій*, чаять не можно, чтобъ онъ себя превозносилъ.

Естьли онъ подлинно такъ писалъ, и Запорожцы такое его дерзновеніе одобряютъ, то сіе имъ не въ пользу. Къ тому жъ, чѣмъ кто самъ не владѣетъ, можетъ ли онъ тѣмъ жаловать другаго? Сіе о степяхъ отъ Днѣпра къ востоку и по Бугу до Синюхи безспорно. Естьли бы Хмѣльницкій хотѣлъ дозволить Запорожцамъ владѣть городами, мѣстечками, селами, коими Король Стефанъ пожаловалъ казаковъ вообще, и которые Малороссійскими казаками уже были заняты, сіе было бы внутреннюю между ими войну зажечь, и въ самомъ дѣлѣ безъ пользы» (стр. 64).

Тутъ что ни слово, то промахъ и значительный. Не забудемте, что Миллеръ толкуетъ не договоръ между двумя германскими владѣтелями, или Карѳагена съ Римомъ, а жалованную грамоту казацкаго гетмана половины XVII вѣка! Почему Хмѣльницкій не могъ себя такъ титуловать; почему онъ не могъ дать Запорожцамъ земель, положимъ, которыми они не владѣли, но которыя были въ сосѣдствѣ и принадлежали Татарамъ; почему онъ, самовластный господинъ, не могъ дать Запорожцамъ земель, принадлежавшихъ другимъ казакамъ, не возбудивъ между тѣми и другими междоусобій, — этого мы истинно объяснить не можемъ изъ нашего и казацкаго быта XVII вѣка, а только развѣ изъ теперешнихъ международныхъ и государственныхъ отношеній, съ которыми, какъ видно, Миллеръ былъ коротко знакомъ — гораздо короче, чѣмъ съ духомъ нашей старины. Изъ приложеннаго къ этому разсужденію письма П. В. Бакунина къ Миллеру видно, что записка не удовлетворила графа Панина. Онъ потребовалъ отъ исторіографа доказательствъ, почему онъ сомнѣвается въ существованіи подлинника того универсала, копію съ котораго представили Запорожцы. Доводы, приведенные въ разсужденіи, вѣроятно его не убѣдили. Миллеръ отвѣчалъ на это письмо коротко, предположеніями и отзывами Запорожцевъ. Наконецъ, копія съ универсала, отпечатаннаго въ самомъ концѣ, послѣ имени, показываетъ, что Миллеръ вовсе не такъ прочиталъ и понялъ то мѣсто, которое онъ считалъ позднѣйшей

вставкой. Разумѣется, вопросъ о запорожскихъ земляхъ былъ чисто государственный; до права трудно было въ немъ добраться; онъ и рѣшенъ давнымъ давно съ государственной точки зрѣнія. Мы такъ подробно разбирали мнѣніе Миллера потому только, что онъ вдвойнѣ былъ не правъ — и неправильно толкуя факты и вводя въ толкованіе государственныя пользы, соображенія, вовсе не идущія къ дѣлу при исторической, а тѣмъ болѣе юридической оцѣнкѣ. Вторая статья Миллера: «Краткая выписка о Малороссійскомъ народѣ и Запорожцахъ». Въ ней нѣтъ ничего особенно любопытнаго, кромѣ нѣкоторыхъ извѣстій, относящихся къ исторіи Запорожцевъ въ XVIII вѣкѣ. Точка зрѣнія государственная, а не историческая.

Перейдемъ теперь къ другимъ статьямъ пятой книжки «Чтеній».

Первая по порядку, помѣщенная въ отдѣлѣ изслѣдованій есть статья дѣйствительнаго члена общества г. Бѣляева: «о Несторовой лѣтописи». Это — обозрѣніе лѣтописи по новому ея изданію, сдѣланному археографической коммиссіей въ прошедшемъ году, съ примѣчаніями автора. Вообще говоря, статья имѣетъ нѣкоторыя достоинства: въ ней есть замѣтки новыя и оригинальныя, видѣнъ живой взглядъ на эпоху, описываемую лѣтописцемъ; но всѣ эти достоинства теряютъ болѣе половины своей цѣны, оттого, что авторъ не доказываетъ своихъ гипотезъ, и какъ бы требуетъ, чтобъ читатели приняли ихъ на вѣру. Въ предметѣ, который толкованъ и перетолкованъ до нельзя, такое изложеніе не можетъ быть допущено. Лѣтопись Нестора уже имѣетъ хотя и отрывочную, но тѣмъ не менѣе богатую литературу. Новый взглядъ на нее, новое объясненіе отдѣльныхъ ея мѣстъ, не можетъ получить права гражданства въ наукѣ, пока прежнія объясненія не будутъ *разобраны и опровергнуты*. Это первое. Потомъ—положимъ,

что автору не хотѣлось этого дѣлать: ему вздумалось представить свои выводы и догадки просто, не облекая ихъ въ ученую форму—и въ этомъ онъ воленъ; но въ такомъ случаѣ мы не понимаемъ, зачѣмъ онъ не ограничился однимъ разборомъ тѣхъ мѣстъ, которыхъ смыслъ представился ему въ новомъ свѣтѣ, и перемѣшалъ старыя, всѣмъ давно уже извѣстныя и переизвѣстныя толкованія и взгляды съ своими новыми? Изъ длинной статьи, растянутой на 72 страницы, нужно по зернушку выклевывать оригинальныя замѣтки автора, да и то большею частію ничѣмъ не доказанныя. Съ какою цѣлью авторъ такъ поступилъ, для чего онъ такъ написалъ статью, предназначенную въ сборникъ ученыхъ изысканій, — мы не знаемъ. Конечно, нѣкоторымъ «любителямъ русской исторіи, на канунѣ дня, посвященнаго празднованію памяти Нестора, лѣтописца русскаго, всего ближе бесѣдовать о самомъ Несторѣ». Но вѣдь не всѣ же проникнуты такою симпатіею къ его личности, что имъ пріятно слушать или читать о немъ даже старое, давнымъ давно сказанное и извѣстное; кому это нравится—тѣ могутъ сговориться на особенную бесѣду, или даже отпраздновать память лѣтописца по церковному чину. Общее достояніе, то, что̀ возбудитъ единогласный, общій интересъ всѣхъ знатоковъ и диллетантовъ русской исторіи—это новое, сказанное объ Несторовой лѣтописи, а такого мы, къ сожалѣнію, находимъ очень немного въ статьѣ г. Бѣляева. Разберемъ ее по подробнѣе.

Почти въ началѣ (стр. 5) г. Бѣляевъ видитъ у Нестора указаніе на двѣ эпохи разселенія Славянъ съ Дуная въ теперешнихъ ихъ жилищахъ: до и послѣ нашествія Кельтовъ (Волоховъ). Дѣйствительно, слова Нестора подаютъ поводъ къ такому объясненію. Жаль только, что г. Бѣляевъ одними его словами и ограничился, а не подвергнулъ это мѣсто критическому разбору и сличенію съ другими извѣстіями, безъ чего его

объясненіе и остается одной гипотезой — не болѣе. Такъ же авторъ открываетъ въ лѣтописи третью эпоху разселенія; «вскорѣ послѣ второго, вслѣдствіе того же движенія кельтическихъ народовъ». но и это ничѣмъ не доказано. Этотъ третій слой племенъ поселился въ Россіи. изъ нихъ образовались княженія Кіевское, Новгородское. Черниговское. Галицкое и Полоцкое, игравшія важную роль во время удѣловъ. «Различіе этихъ коренныхъ племенъ. говоритъ авторъ, если не было одною изъ причинъ раздѣленія древней Руси, то почти утвердительно можно сказать. что имъ преимущественно такъ долго поддерживалась удѣльная система». Такое важное предположеніе. которое, еслибъ было доказано, измѣнило бы во многомъ теперешній взглядъ на удѣлы, не подтверждено ни однимъ выводомъ. хоть бы мимоходомъ. А авторъ самъ знаетъ, сколько данныхъ противъ него! Какъ же высказывать его такъ? Несторъ говоритъ: «держати почаша родъ ихъ княженіе въ поляхъ, въ деревяхъ свое... а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ иже Полочане. Отъ нихъ же Кривичи иже сѣдятъ на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра. ихъ же градъ есть Смоленескъ; туда бо сѣдятъ Кривичи. тоже Сѣверъ отъ нихъ»; а авторъ замѣчаетъ: «здѣсь мы видимъ не только какія отдѣльныя владѣнія образовались у нашихъ Славянъ, но даже и границы каждаго владѣнія». Спрашиваемъ всѣхъ, такъ ли это? На стр. 12, г. Бѣляевъ говоритъ. что «кажется. Москва съ намѣреніемъ, изъ политическихъ видовъ, постаралась истребить» начало новгородскихъ лѣтописей. Это предположеніе само по себѣ такъ важно, такъ характеризовало бы Москву XV и послѣдующихъ вѣковъ, что ему должно бы, по крайней мѣрѣ, придать хоть тѣнь правдоподобности, если ужь нѣтъ доказательствъ; но этого не сдѣлано.

Утрата начала новгородскихъ лѣтописей открываетъ широ*кое поле гипотезамъ* автора, при объясненіи скудныхъ словъ

Нестора о призваніи Варяговъ. Призывали Чудь, Славяне и Кривичи. Рюрикъ сѣлъ въ Ладогѣ, городѣ Славянъ; Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, у Веси; Труворъ въ Изборскѣ у Кривичей. Кромѣ того, по смерти братьевъ Рюрикъ роздалъ мужамъ Ростовъ, городъ Мери, Муромъ — Муромы, Полоцкъ — Кривичей. Такимъ образомъ, выходитъ странное: Русь владѣетъ народами, ее не приглашавшими [1]), и вмѣстѣ съ тѣмъ не поселяется у нѣкоторыхъ изъ приглашавшихъ ее, а именно у Чуди, которая, по всему видно, составляла особливое финское племя. Изъ всѣхъ возможныхъ разрѣшеній сомнѣніе г. Бѣляева избираетъ самое невѣроятное и прямо противорѣчащее лѣтописи: онъ говоритъ, что приглашали одни Новгородцы, «которые частью завоеваніями, частью торговыми связями привели въ зависимость отъ себя весь сѣверо-западный край нынѣшняго русскаго государства». Въ послѣднемъ можетъ-быть большая доля правды, но какъ же отвергать факты? Продолжая далѣе, авторъ этой гипотезой объясняетъ и всѣ прочія «соприкосновенныя обстоятельства»; но на дѣлѣ выходятъ натяжки, очень неправдоподобныя и несообразныя со временемъ.

«Лѣтопись», говоритъ онъ, «не упоминаетъ въ числѣ приглашателей Весь (что еще очень сомнительно, какъ мы сказали), Мурому, между-тѣмъ, какъ пришельцы Русь поселились въ ихъ племенахъ. Это значитъ, что племена сіи были въ полной зависимости отъ Новгорода, и, какъ совершенно безгласныя, должны были безпрекословно слушать своихъ повелителей, которые отъ нихъ даже не требовали согласія на свои распоряженія. Напротивъ того, Чудь, Словѣне, Кривичи, хотя и зависѣли отъ Новгородцевъ, но пользовались нѣкоторыми правами самостоятельности, и потому Новгородъ, хотя для виду, долженъ былъ дѣйствовать съ ними по общему согласію, но тѣмъ не менѣе вся эта страна принадлежала Новгороду; и лѣтописецъ поступилъ правильно, сказавши: и отъ тѣхъ прозвася Руская земля Новугородьци. Далѣе, русскіе князья

[1]) Это не относится къ *Веси*, которые, по мнѣнію нѣкоторыхъ, были въ числѣ призывавшихъ. Такое мнѣніе имѣетъ основаніе въ самой лѣтописи, и именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о призваніи. Г. Бѣляевъ не правъ, отрицая его на отрѣзъ безъ доказательствъ.

заняли не всѣ города Кривичей, потому что не все племя Кривичей зависѣло отъ Новгорода, да и Новгородцы можетъ-быть нѣкоторые Кривскіе города оставили за собою; то же должно сказать и въ отношеніи къ Чуди. Города, перечисленные лѣтописцемъ, въ которыхъ поселились русскіе князья и ихъ мужи, именно были только тѣ города, которые Новгородцы дали пришельцамъ въ кормленье, какъ это дѣлалось и въ послѣдующей исторіи Новгорода». (Стр. 13.)

Можно ли такъ слегка отдѣлывать вопросы, уже нѣсколько разъ серьёзно обслѣдованные съ разныхъ сторонъ. На стр. 13, въ отвѣтъ на вопросъ, зачѣмъ Новгородцы пригласили къ себѣ чужеземныхъ князей, г. Бѣляевъ опять сыплетъ гипотезами, отчасти уже сказанными, отчасти новыми, но вообще слишкомъ спорными, чтобъ можно было въ наше время повторить ихъ такъ же смѣло и доказательно, какъ прежде. Значеніе князя новгородскаго во время призванія объясняется изъ значенія этого князя въ XIII и послѣдующихъ вѣкахъ. Но на какомъ основаніи? Потрудился ли, по крайней мѣрѣ, авторъ доказать намъ хоть сколько-нибудь, что устройство новгородское не измѣнилось въ главныхъ своихъ основаніяхъ со времени призванія? А вѣдь безъ этого какъ же проводить аналогію! Изъ власти судьи, примирителя, посредника въ распряхъ, которую вручили племена призваннымъ князьямъ, г. Бѣляевъ старается вывести и званіе предводителя войскъ, какимъ часто являлся князь въ Новѣгородѣ. Но выводъ неудовлетворителенъ, выходитъ натяжка, ибо часто посадники начальствовали на войнѣ, а не князья. Да и какъ не пришло автору на мысль, что если Новгородцы не могли сами между собой уладиться, если имъ князь былъ совершенно необходимъ—не могло быть и рѣчи о правильномъ опредѣленіи его власти и разграниченіи ея съ властью вѣча и народныхъ представителей? Этотъ простой выводъ a priori доказывается и всѣми свидѣтельствами. Можно ли послѣ этого строить гипотезы, стоитъ ли ломать себѣ голову, чтобъ объяснить странныя явленія въ бытѣ, который не *имѣлъ въ себѣ* ничего юридически прочнаго, опредѣленнаго?

Что̀ дѣйствительно сто̀итъ труда—это объяснить, почему бытъ былъ такъ непроченъ и шатокъ. Далѣе, на стр. 16, мы опять находимъ у автора натянутое объясненіе, почему послѣ Рюрика получилъ княженіе Олегъ, а не малолѣтній его сынъ Игорь: «вѣроятно потому», говоритъ г. Бѣляевъ, «что Новгородцы требовали себѣ взрослаго князя, что̀ доказываетъ и послѣдующая исторія, изъ которой видно, что они почти-всегда старались удалять малолѣтныхъ князей, неспособныхъ къ личному посредничеству въ народныхъ распряхъ». Но это нисколько не вѣроятно, ибо, какъ нарочно, любимый новгородскій князь, Мстиславъ Владиміровичъ Великій, началъ у нихъ княжить будучи двѣнадцати лѣтъ отъ роду (онъ родился въ 1076, а пріѣхалъ княжить въ Новгородъ въ 1088 году). Новгородцы говорятъ о немъ, что они сами его вскормили. Объяснить это событіе тогдашними понятіями объ опекѣ, какъ дѣлаетъ потомъ авторъ, можетъ-быть, самъ заподозривъ невѣроятность своего перваго объясненія — другое дѣло; тутъ мы съ нимъ спорить не будемъ.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ такихъ произвольныхъ, ни на чемъ не основанныхъ предположеній болѣе и болѣе; нѣтъ почти страницы, на которой бы ихъ не встрѣчалось по нѣскольку; какъ это ни утомительно, но мы укажемъ на всѣ, которыя успѣли замѣтить.

Вслѣдъ за невѣроятнымъ предположеніемъ, которое мы разобрали, встрѣчаемъ другое. Олегъ повелъ съ собою на югъ Варяговъ и войско изъ народовъ, которыми владѣлъ еще Рюрикъ. Изъ этого г. Бѣляевъ выводитъ, «что Олегъ пошелъ отъ Новгородцевъ безъ ссоры», иначе онъ ушелъ бы съ одними Варягами. Мы этого, признаемся, никакъ не видимъ. Онъ могъ быть недоволенъ Новгородцами и ихъ вольнымъ духомъ и потому уйдти отъ нихъ, выведя, однако, съ собою войско, составленное изъ нихъ и прочихъ тамошнихъ племенъ; преданіе о

Вадимъ показываетъ, что призванные князья умѣли прибрать къ рукамъ и не одну судебную власть. Потомъ авторъ спрашиваетъ: Кіевъ не былъ ли цѣлью похода Олегова еще въ Новѣгородѣ.

«Сопутствіе Олегу Славянъ, Кривичей, Мери и другихъ новгородскихъ данниковъ или союзниковъ *дозволяетъ думать*, что Новгородцы сами повели Олега на этотъ походъ, предполагая извлечь торговыя выгоды изъ занятія Кіева, лежащаго на пути въ Константинополь. Точно такъ же они поступали и послѣ: такъ для нихъ Глѣбъ Святославичъ воевалъ въ Заволочьѣ, другіе князья на прибрежьѣ Балтійскаго моря и по Волгѣ. Или скорѣе всего, новгородское вѣче рѣшило послать Олега съ войскомъ только для покоренія остальныхъ кривскихъ городовъ, не признававшихъ еще власти Новгорода. Олегъ же, покоривши кривскіе города, Смоленскъ и Любечъ, убѣдилъ войско сопутствовать ему въ походѣ внизъ по Днѣпру до Кіева. Завладѣвши же удачно Кіевомъ, онъ измѣнилъ новгородскимъ видамъ и рѣшился остаться въ завоеванномъ городѣ, зная хорошо различіе между княземъ правящимъ на условіяхъ и между государемъ самодержавнымъ. Впрочемъ, измѣнивъ новгородскимъ видамъ, онъ, очевидно, съумѣлъ не разорвать связей съ Новгородомъ; ибо при немъ остались новгородскіе Славяне наровнѣ съ Варягами: бѣша у него Варязи, Словѣни и прочіи, прозвавшася Русью. Самая хитрость, употребленная Олегомъ противъ Аскольда и Дира, показываетъ, что онъ, не вступая съ ними въ открытый бой, хотѣлъ усилить себя ихъ Варяжскою дружиною. И подозрительно, не было ли у него какой либо тайной связи съ этою дружиною до умерщвленія кіевскихъ князей; иначе трудно допустить, чтобы она равнодушно отказалась отъ мести за измѣнническое умерщвленіе своихъ предводителей» (стр. 17).

Все это очень остроумно, но гдѣ же доказательства? Чѣмъ докажетъ авторъ, что князья воевали въ Заволочьѣ и другихъ мѣстахъ для Новгородцевъ, а не для себя? Это фантазіи, отъ которыхъ, право, пора бы намъ наконецъ отказаться. Два, три факта темныхъ, отрывочныхъ есть—и мы на нихъ строимъ цѣлую теорію, наполняемъ самый отдаленный періодъ нашей исторіи такими рѣдкостями, такими чудесами, что не понимаешь, за чѣмъ же послѣ того мы прожили еще тысячу лѣтъ? Если такое благоустройство царствовало у насъ при Рюрикѣ

по Рюрика, отчег **ы бьемся изъ-за него теперь и такъ**

медленно успѣваемъ? Нѣтъ, этого благоустройства не было. Мы были препорядочные дикари. Наши изслѣдователи, наши историки вводятъ насъ ежеминутно въ обманъ, дорисовывая невозможными чертами картину древней Руси, которой отличительный признакъ есть стертость, отсутствіе опредѣленныхъ чертъ. Кажется, бездѣлица сдѣлать предположеніе. Почему жь не сдѣлать? Сдѣлаешь—и выйдетъ, что отъ исторической истины, отъ дѣйствительности мы ушли Богъ знаетъ куда, сочинили небывалое, перенесли самихъ себя за тысячу лѣтъ, и поневолѣ удивляемся, какъ мы уже тогда были и умны и развиты. Что это такое!—Непосредственно за такимъ толкованіемъ слѣдуетъ другое, столько же произвольное. Олегъ строитъ города около Днѣпра, а Рюрикъ не строилъ на сѣверѣ Россіи — слѣд., народъ ему не дозволялъ. Позднѣйшія лѣтописи говорятъ, что и онъ строилъ, но правда ли это или нѣтъ, до насъ теперь не касается. Это историческія изысканія! Олегъ уставилъ на сѣверѣ дани — именно у тѣхъ племенъ, которыя были уступлены князьями въ кормленіе, а не у другихъ, напримѣръ, не у Новгородцевъ, которые, однако, платили дань Владиміру и при Олегѣ Варягамъ 300 гривенъ «миръ дѣля». Боже мой! сколько объясненій было писано объ этой послѣдней платѣ, а г. Бѣляевъ, и не упоминая о нихъ, порѣшаетъ вопросъ нѣсколькими словами, да еще такъ, какъ давно уже рѣшать перестали, ибо его мнѣніе, послѣ объясненій г. Погодина, Рейца, не выдерживаетъ и легкой критики. Такъ же недурно слѣдующее: Бѣлоозеро не упоминается въ числѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ были установлены Олегомъ дани, а между тѣмъ, оно было во владѣніи призванныхъ князей, и слѣд., должно бы, кажется, принадлежать Олегу. Авторъ не затрудняется нисколько въ объясненіи этого мѣста. «Бѣлоозеро», говоритъ онъ, «уступленное Рюрику, Новгородцы отняли у Олега, или, можетъ-быть, замѣнили его другимъ какимъ городомъ у Кри-

заняли не всѣ города Кривичей, потому что не все племя Кривичей зависѣло отъ Новгорода, да и Новгородцы можетъ-быть нѣкоторые Кривскіе города оставили за собою; то же должно сказать и въ отношеніи къ Чуди. Города, перечисленные лѣтописцемъ, въ которыхъ поселились русскіе князья и ихъ мужи, именно были только тѣ города, которые Новгородцы дали пришельцамъ въ кормленье, какъ это дѣлалось и въ послѣдующей исторіи Новгорода». (Стр. 13.)

Можно ли такъ слегка отдѣлывать вопросы, уже нѣсколько разъ серьёзно обслѣдованные съ разныхъ сторонъ. На стр. 13, въ отвѣтъ на вопросъ, зачѣмъ Новгородцы пригласили къ себѣ чужеземныхъ князей, г. Бѣляевъ опять сыплетъ гипотезами, отчасти уже сказанными, отчасти новыми, но вообще слишкомъ спорными, чтобъ можно было въ наше время повторить ихъ такъ же смѣло и доказательно, какъ прежде. Значеніе князя новгородскаго во время призванія объясняется изъ значенія этого князя въ XIII и послѣдующихъ вѣкахъ. Но на какомъ основаніи? Потрудился ли, по крайней мѣрѣ, авторъ доказать намъ хоть сколько-нибудь, что устройство новгородское не измѣнилось въ главныхъ своихъ основаніяхъ со времени призванія? А вѣдь безъ этого какъ же проводить аналогію! Изъ власти судьи, примирителя, посредника въ распряхъ, которую вручили племена призваннымъ князьямъ, г. Бѣляевъ старается вывести и званіе предводителя войскъ, какимъ часто являлся князь въ Новѣгородѣ. Но выводъ неудовлетворителенъ, выходитъ натяжка, ибо часто посадники начальствовали на войнѣ, а не князья. Да и какъ не пришло автору на мысль, что если Новгородцы не могли сами между собой уладиться, если имъ князь былъ совершенно необходимъ—не могло быть и рѣчи о правильномъ опредѣленіи его власти и разграниченіи ея съ властью вѣча и народныхъ представителей? Этотъ простой выводъ a priori доказывается и всѣми свидѣтельствами. Можно ли послѣ этого строить гипотезы, стоитъ ли ломать себѣ голову, чтобъ объяснить странныя явленія въ бытѣ, который не *имѣлъ въ себѣ* ничего юридически прочнаго, опредѣленнаго?

Что̀ дѣйствительно сто̀итъ труда—это объяснить, почему бытъ былъ такъ непроченъ и шатокъ. Далѣе, на стр. 16, мы опять находимъ у автора натянутое объясненіе, почему послѣ Рюрика получилъ княженіе Олегъ, а не малолѣтній его сынъ Игорь: «вѣроятно потому», говоритъ г. Бѣляевъ, «что Новгородцы требовали себѣ взрослаго князя, что̀ доказываетъ и послѣдующая исторія, изъ которой видно, что они почти-всегда старались удалять малолѣтныхъ князей, неспособныхъ къ личному посредничеству въ народныхъ распряхъ». Но это нисколько не вѣроятно, ибо, какъ нарочно, любимый новгородскій князь, Мстиславъ Владиміровичъ Великій, началъ у нихъ княжить будучи двѣнадцати лѣтъ отъ роду (онъ родился въ 1076, а пріѣхалъ княжить въ Новгородъ въ 1088 году). Новгородцы говорятъ о немъ, что они сами его вскормили. Объяснить это событіе тогдашними понятіями объ опекѣ, какъ дѣлаетъ потомъ авторъ, можетъ-быть, самъ заподозривъ невѣроятность своего перваго объясненія — другое дѣло; тутъ мы съ нимъ спорить не будемъ.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ такихъ произвольныхъ, ни на чемъ не основанныхъ предположеній болѣе и болѣе; нѣтъ почти страницы, на которой бы ихъ не встрѣчалось по нѣскольку; какъ это ни утомительно, но мы укажемъ на всѣ, которыя успѣли замѣтить.

Вслѣдъ за невѣроятнымъ предположеніемъ, которое мы разобрали, встрѣчаемъ другое. Олегъ повелъ съ собою на югъ Варяговъ и войско изъ народовъ, которыми владѣлъ еще Рюрикъ. Изъ этого г. Бѣляевъ выводитъ, «что Олегъ пошелъ отъ Новгородцевъ безъ ссоры», иначе онъ ушелъ бы съ одними Варягами. Мы этого, признаемся, никакъ не видимъ. Онъ могъ быть недоволенъ Новгородцами и ихъ вольнымъ духомъ и потому уйдти отъ нихъ, выведя, однако, съ собою войско, составленное изъ нихъ и прочихъ тамошнихъ племенъ, преданіе о

объясненіе и остается одной гипотезой — не болѣе. Тамъ же авторъ открываетъ въ лѣтописи третью эпоху разселенія; «вскорѣ послѣ втораго, вслѣдствіе того же движенія кельтическихъ народовъ», но и это ничѣмъ не доказано. Этотъ третій слой племенъ поселился въ Россіи, изъ нихъ образовались княженія Кіевское, Новгородское, Черниговское, Галицкое и Полоцкое, игравшія важную роль во время удѣловъ. «Различіе этихъ коренныхъ племенъ, говоритъ авторъ, если не было одною изъ причинъ раздѣленія древней Руси, то почти утвердительно можно сказать, что имъ преимущественно такъ долго поддерживалась удѣльная система». Такое важное предположеніе, которое, еслибъ было доказано, измѣнило бы во многомъ теперешній взглядъ на удѣлы, не подтверждено ни однимъ выводомъ, хоть бы мимоходомъ. А авторъ самъ знаетъ, сколько данныхъ противъ него! Какъ же высказывать его такъ? Несторъ говоритъ: «держати почаша родъ ихъ княженіе въ поляхъ; въ деревяхъ свое... а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ иже Полочане. Отъ нихъ же Кривичи иже сѣдятъ на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туда бо сѣдятъ Кривичи, тоже Сѣверъ отъ нихъ»; а авторъ замѣчаетъ: «здѣсь мы видимъ не только какія отдѣльныя владѣнія образовались у нашихъ Славянъ, но даже и границы каждаго владѣнія». Спрашиваемъ всѣхъ, такъ ли это? На стр. 12, г. Бѣляевъ говоритъ, что «кажется, Москва съ намѣреніемъ, изъ политическихъ видовъ, постаралась истребить» начало новгородскихъ лѣтописей. Это предположеніе само по себѣ такъ важно, такъ характеризовало бы Москву XV и послѣдующихъ вѣковъ, что ему должно бы, по крайней мѣрѣ, придать хоть тѣнь правдоподобности, если ужь нѣтъ доказательствъ; но этого не сдѣлано.

Утрата начала новгородскихъ лѣтописей открываетъ широ*кое поле гипотезамъ* автора, при объясненіи скудныхъ словъ

Нестора о призваніи Варяговъ. Призывали Чудь, Славяне и Кривичи. Рюрикъ сѣлъ въ Ладогѣ, городѣ Славянъ; Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, у Веси; Труворъ въ Изборскѣ у Кривичей. Кромѣ того, по смерти братьевъ Рюрикъ роздалъ мужамъ Ростовъ, городъ Мери, Муромъ — Муромы, Полоцкъ — Кривичей. Такимъ образомъ, выходитъ странное: Русь владѣетъ народами, ее не приглашавшими [1]), и вмѣстѣ съ тѣмъ не поселяется у нѣкоторыхъ изъ приглашавшихъ ее, а именно у Чуди, которая, по всему видно, составляла особливое финское племя. Изъ всѣхъ возможныхъ разрѣшеній сомнѣніе г. Бѣляева избираетъ самое невѣроятное и прямо противорѣчащее лѣтописи: онъ говоритъ, что приглашали одни Новгородцы, «которые частью завоеваніями, частью торговыми связями привели въ зависимость отъ себя весь сѣверо-западный край нынѣшняго русскаго государства». Въ послѣднемъ можетъ-быть большая доля правды, но какъ же отвергать факты? Продолжая далѣе, авторъ этой гипотезой объясняетъ и всѣ прочія «соприкосновенныя обстоятельства»; но на дѣлѣ выходятъ натяжки, очень неправдоподобныя и несообразныя со временемъ.

«Лѣтопись», говоритъ онъ, «не упоминаетъ въ числѣ приглашателей Весь (что еще очень сомнительно, какъ мы сказали), Мурому, между-тѣмъ, какъ пришельцы Русь поселились въ ихъ племенахъ. Это значитъ, что племена сіи были въ полной зависимости отъ Новгорода, и, какъ совершенно безгласныя, должны были безпрекословно слушать своихъ повелителей, которые отъ нихъ даже не требовали согласія на свои распоряженія. Напротивъ того, Чудь, Словѣне, Кривичи, хотя и зависѣли отъ Новгородцевъ, но пользовались нѣкоторыми правами самостоятельности, и потому Новгородъ, хотя для виду, долженъ былъ дѣйствовать съ ними по общему согласію, но тѣмъ не менѣе вся эта страна принадлежала Новгороду; и лѣтописецъ поступилъ правильно, сказавши: и отъ тѣхъ прозвася Руская земля Новугородьци. Далѣе, русскіе князья

---

[1]) Это не относится къ *Веси*, которые, по мнѣнію нѣкоторыхъ, были въ числѣ призывавшихъ. Такое мнѣніе имѣетъ основаніе въ самой лѣтописи, и именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о призваніи. Г. Бѣляевъ не правъ, *отрицая его на отрѣзъ* безъ доказательствъ.

заняли не всѣ города Кривичей, потому что не все племя Кривичей зависѣло отъ Новгорода, да и Новгородцы можетъ-быть нѣкоторые Кривскіе города оставили за собою; то же должно сказать и въ отношеніи къ Чуди. Города, перечисленные лѣтописцемъ, въ которыхъ поселились русскіе князья и ихъ мужи, именно были только тѣ города, которые Новгородцы дали пришельцамъ въ кормленье, какъ это дѣлалось и въ послѣдующей исторіи Новгорода». (Стр. 13.)

Можно ли такъ слегка отдѣлывать вопросы, уже нѣсколько разъ серьёзно обслѣдованные съ разныхъ сторонъ. На стр. 13, въ отвѣтъ на вопросъ, зачѣмъ Новгородцы пригласили къ себѣ чужеземныхъ князей, г. Бѣляевъ опять сыплетъ гипотезами, отчасти уже сказанными, отчасти новыми, но вообще слишкомъ спорными, чтобъ можно было въ наше время повторить ихъ такъ же смѣло и доказательно, какъ прежде. Значеніе князя новгородскаго во время призванія объясняется изъ значенія этого князя въ XIII и послѣдующихъ вѣкахъ. Но на какомъ основаніи? Потрудился ли, по крайней мѣрѣ, авторъ доказать намъ хоть сколько-нибудь, что устройство новгородское не измѣнилось въ главныхъ своихъ основаніяхъ со времени призванія? А вѣдь безъ этого какъ же проводить аналогію! Изъ власти судьи, примирителя, посредника въ распряхъ, которую вручили племена призваннымъ князьямъ, г. Бѣляевъ старается вывести и званіе предводителя войскъ, какимъ часто являлся князь въ Новѣгородѣ. Но выводъ неудовлетворителенъ, выходитъ натяжка, ибо часто посадники начальствовали на войнѣ, а не князья. Да и какъ не пришло автору на мысль, что если Новгородцы не могли сами между собой уладиться, если имъ князь былъ совершенно необходимъ—не могло быть и рѣчи о правильномъ опредѣленіи его власти и разграниченіи ея съ властью вѣча и народныхъ представителей? Этотъ простой выводъ a priori доказывается и всѣми свидѣтельствами. Можно ли послѣ этого строить гипотезы, стоитъ ли ломать себѣ голову, чтобъ объяснить странныя явленія въ бытѣ, который не *имѣлъ въ себѣ* ничего юридически прочнаго, опредѣленнаго?

Что̀ дѣйствительно сто̀итъ труда—это объяснить, почему бытъ былъ такъ непроченъ и шатокъ. Далѣе, на стр. 16, мы опять находимъ у автора натянутое объясненіе, почему послѣ Рюрика получилъ княженіе Олегъ, а не малолѣтній его сынъ Игорь: «вѣроятно потому», говоритъ г. Бѣляевъ, «что Новгородцы требовали себѣ взрослаго князя, что̀ доказываетъ и послѣдующая исторія, изъ которой видно, что они почти всегда старались удалять малолѣтныхъ князей, неспособныхъ къ личному посредничеству въ народныхъ распряхъ». Но это нисколько не вѣроятно, ибо, какъ нарочно, любимый новгородскій князь, Мстиславъ Владиміровичъ Великій, началъ у нихъ княжить будучи двѣнадцати лѣтъ отъ роду (онъ родился въ 1076, а пріѣхалъ княжить въ Новгородъ въ 1088 году). Новгородцы говорятъ о немъ, что они сами его вскормили. Объяснить это событіе тогдашними понятіями объ опекѣ, какъ дѣлаетъ потомъ авторъ, можетъ-быть, самъ заподозривъ невѣроятность своего перваго объясненія — другое дѣло; тутъ мы съ нимъ спорить не будемъ.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ такихъ произвольныхъ, ни на чемъ не основанныхъ предположеній болѣе и болѣе; нѣтъ почти страницы, на которой бы ихъ не встрѣчалось по нѣскольку; какъ это ни утомительно, но мы укажемъ на всѣ, которыя успѣли замѣтить.

Вслѣдъ за невѣроятнымъ предположеніемъ, которое мы разобрали, встрѣчаемъ другое. Олегъ повелъ съ собою на югъ Варяговъ и войско изъ народовъ, которыми владѣлъ еще Рюрикъ. Изъ этого г. Бѣляевъ выводитъ, «что Олегъ пошелъ отъ Новгородцевъ безъ ссоры», иначе онъ ушелъ бы съ одними Варягами. Мы этого, признаемся, никакъ не видимъ. Онъ могъ быть недоволенъ Новгородцами и ихъ вольнымъ духомъ и потому уйдти отъ нихъ, выведя, однако, съ собою войско, составленное изъ нихъ и прочихъ тамошнихъ племенъ; преданіе о

Вадимѣ показываетъ, что призванные князья умѣли прибрать къ рукамъ и не одну судебную власть. Потомъ авторъ спрашиваетъ: Кіевъ не былъ ли цѣлью похода Олегова еще въ Новѣгородѣ.

«Сопутствіе Олегу Славянъ, Кривичей, Мери и другихъ новгородскихъ данниковъ или союзниковъ *дозволяетъ думать*, что Новгородцы сами повели Олега на этотъ походъ, предполагая извлечь торговыя выгоды изъ занятія Кіева, лежавшаго на пути въ Константинополь. Точно такъ же они поступали и послѣ: такъ для нихъ Глѣбъ Святославичъ воевалъ въ Заволочьѣ, другіе князья на прибрежьѣ Балтійскаго моря и по Волгѣ. Или скорѣе всего, новгородское вѣче рѣшило послать Олега съ войскомъ только для покоренія остальныхъ кривскихъ городовъ, не признававшихъ еще власти Новгорода. Олегъ же, покоривши кривскіе города, Смоленскъ и Любечь, убѣдилъ войско сопутствовать ему въ походѣ внизъ по Днѣпру до Кіева. Завладѣвши же удачно Кіевомъ, онъ измѣнилъ новгородскимъ видамъ и рѣшился остаться въ завоеванномъ городѣ, зная хорошо различіе между княземъ правящимъ на условіяхъ и между государемъ самодержавнымъ. Впрочемъ, измѣняя новгородскимъ видамъ, онъ, очевидно, съумѣлъ не разорвать связей съ Новгородомъ; ибо при немъ остались новгородскіе Славяне наровнѣ съ Варягами: бѣша у него Варязи, Словѣни и прочіи, прозвашася Русью. Самая хитрость, употребленная Олегомъ противъ Аскольда и Дира, показываетъ, что онъ, не вступая съ ними въ открытый бой, хотѣлъ усилить себя ихъ Варяжскою дружиною. И подозрительно, не было ли у него какой либо тайной связи съ этою дружиною до умерщвленія кіевскихъ князей; иначе мудрено допустить, чтобы она равнодушно отказалась отъ мести за измѣнническое умерщвленіе своихъ предводителей» (стр. 17).

Все это очень остроумно, но гдѣ же доказательства? Чѣмъ докажетъ авторъ, что князья воевали въ Заволочьѣ и другихъ мѣстахъ для Новгородцевъ, а не для себя? Это фантазіи, отъ которыхъ, право, пора бы намъ наконецъ отказаться. Два, три факта темныхъ, отрывочныхъ есть—и мы на нихъ строимъ цѣлую теорію, наполняемъ самый отдаленный періодъ нашей исторіи такими рѣдкостями, такими чудесами, что не понимаешь, за чѣмъ же послѣ того мы прожили еще тысячу лѣтъ? Если такое благоустройство царствовало у насъ при Рюрикѣ *и до Рюрика*, отчего же мы бьемся изъ-за него теперь и такъ

медленно успѣваемъ? Нѣтъ, этого благоустройства не было. Мы были препорядочные дикари. Наши изслѣдователи, наши историки вводятъ насъ ежеминутно въ обманъ, дорисовывая невозможными чертами картину древней Руси, которой отличительный признакъ есть стертость, отсутствіе опредѣленныхъ чертъ. Кажется, бездѣлица сдѣлать предположеніе. Почему жь не сдѣлать? Сдѣлаешь—и выйдетъ, что отъ исторической истины, отъ дѣйствительности мы ушли Богъ знаетъ куда, сочинили небывалое, перенесли самихъ себя за тысячу лѣтъ, и поневолѣ удивляемся, какъ мы уже тогда были и умны и развиты. Что это такое!—Непосредственно за такимъ толкованіемъ слѣдуетъ другое, столько же произвольное. Олегъ строитъ города около Днѣпра, а Рюрикъ не строилъ на сѣверѣ Россіи — слѣд., народъ ему не дозволялъ. Позднѣйшія лѣтописи говорятъ, что и онъ строилъ, но правда ли это или нѣтъ, до насъ теперь не касается. Это историческія изысканія! Олегъ уставилъ на сѣверѣ дани — именно у тѣхъ племенъ, которыя были уступлены князьями въ кормленіе, а не у другихъ, напримѣръ, не у Новгородцевъ, которые, однако, платили дань Владиміру и при Олегѣ Варягамъ 300 гривенъ «миръ дѣля». Боже мой! сколько объясненій было писано объ этой послѣдней платѣ, а г. Бѣляевъ, и не упоминая о нихъ, порѣшаетъ вопросъ нѣсколькими словами, да еще такъ, какъ давно уже рѣшать перестали, ибо его мнѣніе, послѣ объясненій г. Погодина, Рейца, не выдерживаетъ и легкой критики. Такъ же недурно слѣдующее: Бѣлоозеро не упоминается въ числѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ были установлены Олегомъ дани, а между тѣмъ, оно было во владѣніи призванныхъ князей, и слѣд., должно бы, кажется, принадлежать Олегу. Авторъ не затрудняется нисколько въ объясненіи этого мѣста. «Бѣлоозеро», говоритъ онъ, «уступленное Рюрику, Новгородцы отняли у Олега, или, можетъ-быть, замѣнили его другимъ какимъ городомъ у Кри-

вичей или Мери». Это невольно напоминаетъ намъ догадки одного ученаго изслѣдователя русской исторіи, который точно такъ же обращался съ фактами, да наконецъ и увидалъ въ нихъ то, чего, кромѣ его, никто не увидалъ и не увидитъ.—Далѣе въ изчисленіи городовъ, на которые Греки должны были давать уклады, Несторъ не называетъ Новгорода, а г. Бѣляевъ изъ этого выводитъ, что «о чевидно Новгородъ въ это время уже не составлялъ одного государства съ Олеговой Русью, хотя и платилъ 300 гривенъ и принималъ Олеговыхъ посадниковъ». Тутъ выводъ такъ же произволенъ, какъ и фактъ, что Олегъ посылалъ въ Новгородъ посадниковъ, чего не видно нигдѣ. Потомъ мы и не знаемъ, какъ представляетъ себѣ авторъ подданство въ то время?—Въ характерическомъ преданіи, сохранившемся у Нестора о шелковыхъ и холстинныхъ парусахъ Руссовъ и Славянъ, которое такъ живо передаетъ намъ различіе между пришельцами и туземцами и ихъ взаимныя отношенія, г. Бѣляевъ умѣлъ открыть не Варяговъ и Славянъ, а Славянъ, подданныхъ Олега, и Славянъ ильменскихъ. Положимъ, мы ошибаемся; по крайней мѣрѣ мы ошибаемся съ другими. Если авторъ не согласенъ съ этимъ объясненіемъ, почему онъ его не опровергаетъ? Договоръ, заключенный Олегомъ, представляетъ ему то же обильную пищу для гипотезъ — новыхъ, но, къ сожалѣнію, недоказанныхъ. Г. Бѣляевъ, заключаетъ изъ него, что Олегъ жилъ въ Кіевѣ «не на стоянкѣ, ни на зимнихъ квартирахъ, а въ столицѣ особаго самостоятельнаго государства, имѣвшаго опредѣленныя границы, и составлявшаго его любимую собственность (?), о которой онъ заботился, какъ хорошій хозяинъ, или вѣрнѣе, какъ попечительный государь». Какъ онъ дошелъ до этого заключенія, понять не можемъ. Иначе, продолжаетъ авторъ, изъ чего ему такъ хлопотать о торговлѣ? Видно, авторъ не читалъ даже «изслѣдованій» г. Погодина, гдѣ, какъ дважды два четыре, до-

казано, что Русь-Варяги сами торговали, въ томъ числѣ и князья. Стало быть, имъ не нужно было быть «хорошими хозяевами, или вѣрнѣе попечительными государями», чтобъ заботиться о торговлѣ. Наконецъ, онъ видитъ въ договорѣ доказательство, что славянская грамота Кирилла и Меѳодія была уже при Олегѣ извѣстна въ Кіевѣ. Если это и видно, то, конечно, не изъ договора, заключеннаго въ Константинополѣ. — Объ Игорѣ мы находимъ опять гипотезу: «вообще, кажется, народное преданіе не любило Игоря, и всѣ его подвиги, о которыхъ свидѣтельствуютъ арабскія лѣтописи, передало любимцу своему Святославу, сыну мудрой Ольги, который на самомъ дѣлѣ только ходилъ по слѣдамъ, проложеннымъ при его отцѣ». Можетъ-быть такъ, а можетъ-быть и нѣтъ. Исторія молчитъ, и мы не станемъ говорить. — Объ Ольгѣ то же что и объ Олегѣ: она не дѣлала никакихъ распоряженій въ Новѣгородѣ, а только на Мстѣ и Лугѣ, слѣд., не имѣла на Новгородъ и прочія его области никакихъ правъ. Что это за выводъ, и какъ одно слѣдуетъ изъ другого?

О Святославѣ мы находимъ у г. Бѣляева много кѣрныхъ замѣчаній. Во первыхъ, очень удачно защищенъ разсказъ о нападеніи Печенѣговъ на Кіевъ, противъ скептическихъ возраженій другихъ изслѣдователей. Но что особенно замѣчательно и любопытно — это сличеніе повѣствованія Льва Дьякона и Нестора о походѣ Святослава въ Болгарію. До сихъ поръ думали, что они другъ другу противорѣчатъ: г. Бѣляевъ доказываетъ противное. Онъ находитъ, что разсказъ Нестора ближе къ истинѣ, критически разбираетъ нѣкоторыя мѣста изъ описанія Льва Дьякона и находитъ ихъ сомнительными, наконецъ, открываетъ у Нестора пропускъ, вѣроятно допущенный писцами, отчего какъ будто и выходитъ безсмыслица въ разсказѣ лѣтописца. До какой степени все это вѣрно, предоставляемъ судить тѣмъ, которые занимались особенно этой эпохой

и этими событіями. Во всякомъ случаѣ, мысль и попытка нова; въ ея пользу говоритъ уже то, что оба разсказа имѣютъ предметомъ одно событіе, и если они разнорѣчатъ, то кто-нибудь изъ повѣствующихъ или отчасти, или вполнѣ неправъ.

Послѣ этихъ нѣсколькихъ страницъ, которыя читаются съ удовольствіемъ, мы встрѣчаемся опять съ одной изъ тѣхъ странныхъ гипотезъ, которыми кишитъ разсужденіе г. Бѣляева. «Владиміра выпросили Новгородцы, которымъ надоѣло жить подъ управленіемъ княжескихъ намѣстниковъ». А кто жь это вамъ сказалъ, что надоѣло? почему вы знаете, что намѣстники тамъ были? гдѣ данныя? Вотъ этакъ-то бросимъ мы словечко тамъ, словечко здѣсь — и выходитъ ужь не древняя русская исторія, а Богъ знаетъ что! За этими досказами каждаго отъ себя о темномъ событіи и не узнаешь лѣтописной основы.—Такъ же не дурно доказывается мнѣніе, что «Ярополкъ и Олегъ владѣли цѣлою при-Днѣпровскою и при-Окскою страною, а не однимъ Кіевомъ или древлянскою землею». Авторъ пренаивно спрашиваетъ: «въ противномъ случаѣ, кому жь бы достались Переяславль и Черниговъ, богатые торговые города, упоминаемые въ Игоревомъ договорѣ, уже производившіе торговлю съ Византіею? Сверхъ того, сколько городовъ было построено Олегомъ, а также куда бы дѣвать Смоленскъ и Любечь, если ихъ не раздѣлить между Ярополкомъ и Олегомъ?» Странный способъ доказывать! Авторъ говоритъ, что такъ было послѣ Ярослава. Но какія же данныя имѣетъ онъ, чтобъ заключать, что такъ было и при Святославѣ? По его мнѣнію, можетъ-быть, Святославъ то же хотѣлъ причислить Новгородъ къ Кіеву, но Новгородцы не согласились и выпросили себѣ особливаго князя? Но мы не можемъ допустить такого предположенія, такой догадки. Дайте намъ доказательства, почему вы въ правѣ такъ заключить—и мы васъ выслушаемъ и подумаемъ. Послѣ такихъ-то догадокъ,

ничѣмъ не вызванныхъ, авторъ говоритъ: «Святославовъ раздѣлъ былъ рѣшительно образцомъ для Ярослава». Заключеніе слишкомъ важное, чтобъ его можно было высказывать такъ рѣшительно безъ доказательствъ. Авторъ знаетъ, что есть и другія мнѣнія, которыя даютъ совершенно другую точку зрѣнія. Судя по тому, какое мнѣніе будетъ принято, весь первый періодъ русской исторіи получаетъ совершенно иной видъ. Слѣдовательно такъ легко говорить нельзя. По мнѣнію г. Бѣляева, Ярополкъ не былъ князь, равный своимъ братьямъ, а великій, — иначе Несторъ сказалъ бы, что по смерти Святослава начали княжить всѣ они, а онъ говоритъ это только о Ярополкѣ. Между тѣмъ, самъ же авторъ сказалъ, что Несторъ былъ лѣтописецъ кіевскій; очень естественно, что онъ ни слова не упомянулъ о другихъ князьяхъ. Да и можно ли вообще изъ такого сомнительнаго, шаткаго даннаго развивать цѣлый взглядъ? — Описаніе Ярополкова княженія верхъ усилій такого рода. Въ борьбѣ этого князя съ своими братьями г. Бѣляевъ видитъ первообразъ всѣхъ послѣдующихъ княжескихъ усобицъ — мнѣніе, слишкомъ несогласное съ общимъ взглядомъ на эту борьбу, чтобъ можно было его поставить, не приведя доказательствъ. Потомъ проведена параллель между Ярополкомъ и Изяславомъ, параллель, въ которой мы видимъ историческую фразу, какъ есть риторическія фразы, лишенныя дѣйствительнаго содержанія и смысла. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ быть произвольнѣе и случайнѣе этого сближенія? Оба, говоритъ авторъ, одинаковы по характеру; «оба люди довольно слабые для того, чтобы быть верховными правителями государства, раздѣленнаго между самовластными князьями». (Послѣднее показываетъ, что авторъ имѣетъ превратное понятіе о началѣ такъ называемаго періода удѣловъ). Отношенія Ярополка къ Олегу авторъ сравниваетъ съ отношеніями Изяслава къ Всеславу полоцкому; и тѣ и другія об-

наруживаютъ самолюбіе великихъ князей; Владиміръ играетъ одинакую роль съ Борисомъ Вячеславичемъ. Но Владиміръ, скажете вы, сталъ наконецъ великимъ княземъ, а Борисъ Вячеславичъ убитъ? Въ глазахъ г. Бѣляева, и это не мѣшаетъ параллели. Это, говоритъ, «оттого, что Владиміръ остался одинъ и велъ войну не открытымъ боемъ, а измѣною». Разнясь въ подробностяхъ, событія сходны въ главномъ — въ стремленіи великихъ князей стѣснить удѣльныхъ, и въ томъ, что послѣдніе искали защиты у иноземцевъ. Но сколько послѣднее вѣрно, столько первое, въ примѣненіи къ этому времени, предположительно и ни на чемъ не основано. — Настроивъ свои мысли такимъ образомъ, авторъ въ убійствѣ сына Свѣнельдова Олегомъ видитъ уже не простое событіе, какъ оно разсказано у лѣтописца, а выраженіе вражды между князьями. Ярополкъ согласился на то, чтобъ Свѣнальдичъ охотился во владѣніяхъ брата; ему нуженъ былъ предлогъ поссориться съ Олегомъ; еслибъ ему не хотѣлось поссориться, онъ не сталъ бы мстить за Свѣнальдича, потому что Олегъ имѣлъ право безнаказанно его убить за нарушеніе его правъ. То то же и есть! Хотѣлось такъ посмотрѣть, и увидалось, чего не видно. Не понимаемъ послѣ этого, отчего же г. Бѣляевъ не сдался на критическій разборъ Несторова разсказа объ осадѣ Кіева Печенѣгами? Въ обоихъ можно усомниться, коли захотѣть, оба можно найдти совершенно удовлетворительными, не нашептывая ничего на ухо лѣтописцу.

За этимъ мы опять встрѣчаемъ въ статьѣ г. Бѣляева очень дѣльную замѣтку. Онъ говоритъ, что, когда Владиміръ возвратился изъ-за моря съ Варягами, Новгородцы не вступились въ его дѣла съ Ярополкомъ: «имъ нѣтъ нужды до княжескихъ усобицъ, поддерживаемыхъ только княжими дружинами и наемными пришельцами; точно такъ же вели себя въ началѣ удѣльнаго періода жители другихъ городовъ, Кіева, Чернигова и

проч.» Это вообще и справедливо и основательно. Чѣмъ же объясняетъ авторъ безучастіе общинъ? Какъ бы вы думали? Тѣмъ, что народъ удѣльной системы «не признавалъ и не сочувствовалъ ей, какъ идеѣ чужеземной, пришлой, а не родной, и первоначально даже старался уклоняться отъ всякаго участія въ княжескихъ усобицахъ». Помилуйте! можно ли такъ объяснять цѣлыя эпохи народной жизни! Скажите лучше, что государственная сфера, даже въ той дѣтской, первоначальной формѣ, въ какой она у насъ явилась, не была по плечу этому народу въ то время. Онъ объ ней не зналъ, какъ не знаетъ ребенокъ того, что̀ вокругъ него совершается. Русскій народъ до сихъ поръ ничего ни признавалъ, ни непризнавалъ; тѣмъ болѣе тогда. И что это за своевольное обращеніе съ фактами! Народъ не принималъ участія въ княжескихъ усобицахъ? хорошо. Какъ же это Владиміръ «присоединяетъ къ своей варяжской дружинѣ, покоренныя Новгороду племена Славянъ (а Новгородцы были Славяне, стало-быть, они были покорны сами себѣ? Это такъ), Кривичей и Чуди, вѣроятно по условію съ Новгородцами, и идетъ на Полоцкъ». Не очевидно ли, что каждая строка лѣтописи сама по себѣ вдохновляла автора, а на цѣлую лѣтопись онъ не обратилъ вниманія. Иначе нельзя было бы такъ рѣзко противорѣчить себѣ на десяти строкахъ. — Владиміръ просилъ руки Рогнѣды, чтобъ имѣть союзника; послѣ отказа завоевываетъ владѣніе Рогволода и женится на Рогнѣдѣ, чтобъ быть обезпечену съ тылу на походѣ противъ Ярополка. Гдѣ же доказательства? Война была предпринята Владиміромъ противъ Ярополка «въ защиту удѣльныхъ правъ противъ великокняжескихъ насилій». Скажите князей, а не правъ — и мы не станемъ спорить; между тѣмъ и другимъ огромная разница. Мысль, будто бы въ Россіи съ самаго начала были удѣлы и государственность, дала автору ложную точку зрѣнія на весь предметъ. «Власть

фантазія. Мы и здѣсь скажемъ, что говорили прежде, много разъ: можетъ-быть такъ, а можетъ-быть и нѣтъ. Не имѣя данныхъ, имѣемъ ли мы право хитростно создавать фактъ, на который нѣтъ никакихъ указаній? А это дѣлаетъ авторъ безпрестанно. Повѣствованіе о крещеніи Россіи и Владиміра разобрано очень остроумно. Г. Бѣляевъ думаетъ, не безъ основанія, что крещеніе Руси Несторъ разсказалъ по живому преданію, хотя мы и не знаемъ, на какомъ основаніи онъ считаетъ Іеремію современникомъ Нестору. Что же касается до крещенія Владиміра, оно заимствовано изъ византійскихъ письменныхъ извѣстій. Взглядъ на всѣ обстоятельства, сопровождавшія наше обращеніе къ христіянству, очень оригиналенъ и имѣетъ за себя много данныхъ.

«То же должно сказать о посольствѣ разныхъ народовъ съ предложеніями вѣръ, объ отправленіи Владиміровыхъ пословъ для испытанія, кто лучше служитъ къ Богу, а также о проповѣди греческаго философа и о катихизисѣ, данномъ Владиміру въ Корсуни. Все это описаніе носитъ на себѣ печать обдуманнаго писменнаго сочиненія, а не живой рѣчи; подробности, здѣсь помѣщенныя, явно принадлежатъ книгамъ, а не разговору; народное преданіе ихъ не могло знать; здѣсь все направлено къ одной цѣли, чтобы унизить другія вѣры передъ греческою; вопросы Владиміра и отвѣты проповѣдниковъ рѣшительно писаны греческимъ христіяниномъ, Византійцемъ. Относительно проповѣди греческаго философа и катихизиса, даннаго Владиміру, рѣшительно можно сказать, что они еще въ Несторово время, должно быть, ходили въ рукописяхъ, и не по нимъ ли дѣлали оглашенія народу корсунскіе и византійскіе миссіонеры; ибо здѣсь сокращенно представлена вся библейская исторія и сводъ всѣхъ пророчествъ о Христѣ, а также искусно совмѣщены всѣ догматы православнаго вѣроисповѣданія и всѣ вселенскіе соборы, именно, все то, что нужно миссіонерамъ при оглашеніяхъ, или проповѣдяхъ къ обращаемому народу. Называть все это позднѣйшими вставками, или даже сочиненіемъ самого Нестора, значитъ явно идти противъ всѣхъ законовъ логики и исторіи; ибо, во первыхъ, описанные здѣсь предметы, позднѣе на Руси описывались въ другомъ видѣ, чему свидѣтельствомъ служатъ многія русскія рукописи XIV, XV, XVI и XVII вѣковъ; во вторыхъ, особенно въ катихизисѣ, *изложена* самая жаркая полемика противъ ересей, которую могъ написать *только Византіецъ* X вѣка, живо помнившій, чего стоила Церкви жестокая и

продолжительная борьба съ еретиками; въ третьихъ, здѣсь есть много мѣстъ, которыхъ никто не могъ написать даже во время Нестора, и тѣмъ болѣе послѣ него, напримѣръ, обличая развратную жизнь западнаго духовенства, катихизисъ говоритъ: «Взмутиша Италію всю, сѣюще ученье свое разно: ови бо попове единою женою оженѣвся, служатъ, а друзіи до седмые жены поимаюче служатъ». А извѣстно изъ церковной исторіи, что въ XII вѣкѣ, когда жилъ Несторъ, западное духовенство уже давно все было безбрачнымъ; ибо еще буллою папы Григорія VII-го всѣ женатые священники и клирики отрѣшены отъ своихъ должностей. Слѣдовательно, о женатыхъ попахъ въ Италіи можно было говорить только въ X вѣкѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ первой половинѣ XI-го, но отнюдь не въ XII-мъ» (стр. 39).

Въ концѣ жизнеописанія Владимірова въ Несторовой лѣтописи помѣщенъ панегирикъ этому князю. Г. Бѣляевъ выводитъ изъ него, что онъ былъ написанъ, когда Владиміръ не былъ еще причисленъ къ лику святыхъ, и это очень правдоподобно.

Послѣ этихъ интересныхъ замѣтокъ, которыя являются какими-то оазисами между натяжками и фантазіями, г. Бѣляевъ опять возвращается къ своей обычной манерѣ. Владиміръ не назначилъ Кіева никому изъ князей: «слѣдовательно, право на великокняжеское достоинство, соединенное съ кіевскимъ владѣніемъ, не имѣло нужды въ особомъ назначеніи и безспорно принадлежало старшему въ родѣ». Но откуда же это слѣдуетъ? Очень спорно, какъ и когда и для чего разослалъ Владиміръ своихъ сыновей по разнымъ областямъ, а г. Бѣляевъ строитъ цѣлую гипотезу на томъ только, что Владиміръ не назначилъ никого въ Кіевъ, и ссылается на слова Бориса: не подыму рукъ на старшаго брата, онъ будетъ мнѣ отцомъ, слова, которыя совсѣмъ не доказываютъ, что Святополку приходился Кіевъ. Междоусобія Святополка съ братьями авторъ объясняетъ родовою местью—что очень похоже на дѣло, и борьбою великокняжеской власти съ удѣльною властью—что на дѣло совершенно непохоже, потому что для этого нѣтъ данныхъ ни въ предыдущемъ, ни въ ближайшемъ

послѣдующемъ. Святополкъ могъ хотѣть уничтожить удѣльныхъ князей — это понятно, но почему авторъ видитъ тутъ выраженіе борьбы двухъ властей—не понимаемъ. — Такъ же странно разсужденіе о взятіи Новгорода Брячиславомъ полоцкимъ. Оно кажется подозрительнымъ г. Бѣляеву, потому что въ новгородской лѣтописи объ этомъ не говорится. Дѣйствительно, это молчаніе наводитъ нѣкоторую тѣнь сомнѣнія на это событіе (которое, впрочемъ, само по себѣ и не особенно важно). Но авторъ этимъ не удовольствовался. Онъ выводитъ отсюда вотъ что: «не изъ однихъ ли видовъ властолюбія воевалъ Ярославъ съ Брячиславомъ? Несторъ же, зная, что война была въ краяхъ новгородскихъ, назвалъ ее преслѣдованіемъ за разграбленіе Новгорода; въ противномъ случаѣ мудрено допустить, чтобы Ярославъ довольствовался однимъ отнятіемъ добычи, и не наказалъ Брячислава примѣрно за явное оскорбленіе великокняжеской власти, и притомъ не такъ-то легко повѣрить, чтобы Новгородцы, недавно еще помогавшіе Ярославу противъ сильнаго Святополка, не справились сами съ какимъ-нибудь Брячиславомъ и допустили его занять Новгородъ; да и почему самъ Брячиславъ, занявши Новгородъ, не оставилъ его за собою? Неужли какой нибудь Полоцкъ былъ лучше богатаго и сильнаго Новгорода». Истинно государственныя и политическія соображенія! Видите ли: Ярославъ чуть-чуть не теперешній король, столько же щекотливый, ревнивый къ своей власти. Брячиславъ не могъ взять Новгорода, а Всеславъ могъ, какъ признается самъ авторъ на 51 страницѣ своего разсужденія; Андрей Боголюбскій взялъ Кіевъ и отдалъ его своему брату, а Брячиславъ не могъ оставить Новгорода и возвратиться въ Полоцкъ. Что сказать на все это?— Изъ того, что походы Ярослава были преимущественно направлены къ западу, авторъ выводитъ, что «*очевидно... при Ярославѣ Русь спѣшила* вдвинуться въ Европу и покорить всѣ

полудикія племена, отдѣлявшія ее отъ образованныхъ европейскихъ государствъ; изъ видовъ сближенія съ Европою Ярославъ воевалъ съ полудикими племенами даже и не для себя». Образованныя европейскія государства въ XI вѣкѣ! И объ этомъ хлопочетъ юная Русь, доведшая страсть къ идеи до того, что покоряла племена для другихъ!

Въ замѣчаніяхъ на завѣщаніе Ярослава много справедливаго и много ложнаго. Особенно справедливо то, что оно «указываетъ на ослабленіе закона старѣйшинства и соединенной съ нимъ удѣльной системы; иначе же Ярославу не зачѣмъ было повторять этотъ законъ въ особомъ завѣщаніи, еслибы онъ не замѣчалъ его ослабленія». Мысль вѣрная, объясняющая, почему Ярославъ возводитъ начало рода на степень политической системы. Но дальнѣйшія толкованія во многомъ произвольны. Порученіе великому князю наблюдать за неприкосновенностью удѣловъ не могло быть внушено Ярославу желаніемъ удержать его отъ стѣсненія удѣльныхъ князей. Будь это такъ, Ярославъ не далъ бы великому князю отеческой, т. е. по тогдашнему очень большой власти надъ прочими. Если онъ и его отецъ Владиміръ сами на себѣ испытали своеволіе великихъ князей, тѣмъ менѣе захотѣлъ бы онъ подвергнуть тому же своихъ сыновей. А что онъ, «утверждая завѣщаніемъ неприкосновенность удѣловъ съ тѣмъ вмѣстѣ, молча, дозволялъ удѣльнымъ князьямъ соединиться противъ великаго князя, еслибы онъ рѣшился посягнуть на какой либо удѣлъ» — это совершенно несправедливо и ни на чемъ не основано. Этотъ выводъ сдѣлали на фактѣ сами князья; но онъ былъ признакомъ разложенія кровныхъ, родовыхъ отношеній, которыя силился утвердить и упрочить Ярославъ.

Идя отъ ложнаго взгляда на отношенія между князьями послѣ Ярослава, авторъ натянуто истолковалъ выступленіе Ростислава изъ Тмуторакани, когда подошелъ къ ней Свято-

славъ, отецъ Глѣба, выгнаннаго Ростиславомъ. Оно было только слѣдствіемъ уваженія племянника дядѣ, уваженія, котораго первый не могъ имѣть къ своему младшему двоюродному брату; а г. Бѣляевъ вводитъ въ объясненіе начало территоріяльное, вовсе не у мѣста, ибо о немъ не было тогда и рѣчи.—За тѣмъ, преслѣдуя свою мысль о борьбѣ великокняжеской власти съ властью удѣльныхъ князей, авторъ видитъ эту борьбу и тамъ, гдѣ данныя хранятъ о ней глубокое молчаніе: въ войнѣ Изяслава со Всеславомъ, въ томъ, что князья, разбитые Половцами на Альтѣ, бѣжали двое въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ, въ томъ, что изгнанный Изяславъ бѣжалъ не къ удѣльнымъ князьямъ, а къ королю польскому. Все это однѣ догадки, которыхъ ничѣмъ доказать нельзя, и которыя, именно потому, не имѣютъ въ нашихъ глазахъ никакой цѣны.—Старая, еще Карамзинская, присказка о переводѣ кіевскаго торга на гору — будто это сдѣлалъ Изяславъ «изъ опасенія вторичнаго возмущенія» Кіевлянъ, повторена и у г. Бѣляева, несмотря на то, что лѣтопись не говоритъ объ этомъ ни слова.—На той же 53 страницѣ встрѣчаемъ противорѣчіе съ прежнимъ. Разсказавъ событія Изяславова княженія включительно до его возвращенія изъ перваго бѣгства, авторъ говоритъ: «Итакъ Ярославовъ завѣтъ и коренной исконный законъ старѣйшинства нарушены: младшіе приказываютъ старшему—и онъ исполняетъ ихъ требованія; на Руси болѣе нѣтъ верховнаго главы; каждый удѣлъ есть уже самостоятельное, отдѣльное, независимое государство; и только законъ родства и почтеніе къ гробамъ предковъ, похороненныхъ въ Кіевѣ, поддерживаютъ какую-то слабую связь между князьями». А выше, на стр. 43, мы находимъ вотъ что: «по тогдашнему образу мыслей (XI вѣка) князь, получившій удѣлъ, становился уже лицемъ самостоятельнымъ и удѣлъ его, отдѣленный старшимъ княземъ отъ своего, болѣе уже не принадлежалъ

старшему князю и никогда не могъ быть возвращенъ къ нему безъ нарушенія права». Одного сличенія этихъ двухъ мѣстъ совершенно достаточно, чтобъ убѣдить насъ, какъ твердъ, дѣленъ взглядъ автора на время удѣловъ!

Рядомъ съ этимъ г. Бѣляевъ оказалъ значительную услугу русской исторіи, обративъ вниманіе на одинъ фактъ, доселѣ какъ-то мало поднятый, а между тѣмъ, замѣчательный, — именно, на занятіе Святославомъ Бѣлаозера и Новгорода, которые прежде никогда не принадлежали черниговскимъ князьямъ. — Вообще усиленіе Святославова рода и упадокъ его, когда Всеволодъ вступилъ на великокняжескій престолъ, очерчены очень живо. «Завѣтъ Ярослава», говоритъ авторъ, «которымъ онъ думалъ поддержать на долго законъ старѣйшинства, не просуществовалъ и одной четверти вѣка; въ продолженіи трикратнаго княженія Изяслава все Ярославово изчезло, и только старый законъ старѣйшинства остался влачить дни свои, но уже не для себя, а для прикрытія новыхъ идей, къ которымъ еще не привыкли люди». Какъ ни вѣрно это замѣчаніе, но мы позволимъ себѣ замѣтить автору, что никто не прикрывалъ себя старыми формами; онѣ падали, но еще не упали совершенно, и тѣ князья, которые выступали изъ прежняго порядка вещей, сами не ясно сознавали свои новыя стремленія. Такъ вездѣ и всегда было; такъ было и у насъ. Это еще добросовѣстное лицемѣрство, которое не удовлетворяется старымъ, но не знаетъ еще новаго, и идетъ къ нему ощупью. На стр. 56 мы находимъ совершенно новый взглядъ на Всеволода. До сихъ поръ онъ былъ какъ-то не замѣченъ. Г. Бѣляевъ называетъ его «хитрѣйшимъ изъ сыновей Ярославовыхъ», «осторожнѣйшимъ изъ братьевъ», который умѣлъ противъ обоихъ сражаться, ни съ однимъ не поссориться и незамѣтно усилить свой родъ такъ, что по смерти Изяслава онъ сдѣлался самымъ могущественнымъ княземъ, и черезъ 15 лѣтъ

владѣлъ чуть ли не всею Россіею. Убійство Романа и отвезеніе Олега Половцами въ Константинополь, по мнѣнію г. Бѣляева, было тоже дѣломъ хитраго Всеволода. Въ пользу этого мнѣнія, въ самомъ дѣлѣ, говоритъ усиленіе рода Всеволодовичей. Только трудно рѣшить, было ли тамъ вслѣдствіе усилій родоначальника, или это сдѣлалось само собою, вслѣдствіе того, что Всеволодъ былъ однимъ изъ старшихъ князей. Какъ бы то ни было, но усиленіе Всеволодова рода надъ всѣми другими давно уже замѣчено, и на это есть данныя; а на то, чтобъ это было дѣломъ самого Всеволода, его дальновидной, осторожной и хитрой политики—ничто не указываетъ. Далѣе находимъ мы критику одного извѣстія лѣтописи, но совершенно произвольную, ни на чемъ не основанную. Богъ знаетъ, отчего пришло г. Бѣляеву на мысль въ немъ усомниться. Лѣтопись говоритъ: Ярополкъ хотѣлъ идти на Всеволода, послушавъ злыхъ совѣтниковъ. А авторъ говоритъ: это невѣроятно, «ибо нигдѣ нѣтъ и помину о приготовленіи этого князя къ войнѣ»; конечно, онъ не могъ одинъ стоять противъ Всеволода, а у него союзниковъ не было и т. д. Вотъ что̀ называется сомнѣваться ни съ того, ни съ сего! «Гораздо естественнѣе», продолжаетъ г. Бѣляевъ, «согласиться, что властолюбивый и хитрый Всеволодъ тѣснилъ Ярополка, и послалъ Мономаха только потому, что племянникъ, можетъ-быть, осмѣлился въ переговорахъ отстаивать права удѣльнаго князя; на это указываетъ и выходъ Ярополка въ Кіевъ за годъ передъ его мнимымъ возмущеніемъ». Ну, не правда ли, что русская исторія теперь представляетъ широкую арену для самого необузданнаго произвола? Вздумалось одно приписать этой исторіи — и приписываютъ; вздумалось въ одномъ усомниться — и сомнѣваются; захочется то-то отвергнуть—и отвергаютъ. Фактъ ничего не значитъ и на мѣстѣ его царитъ фантазія самая *эграничная*, какую только можно себѣ представить. Возму-

тился ли Ярополкъ, или нѣтъ, самъ по себѣ этотъ вопросъ такъ неваженъ, что надъ нимъ нечего долго останавливаться; но произвольные пріемы, съ которыми приступаютъ къ фактамъ, по истинѣ ужасны и производятъ грустное впечатлѣніе. Вызовъ Ярополка въ Кіевъ! Прочтите лѣтопись. она говоритъ просто: «Въ лѣто 6592 (1084) приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день». Гдѣ жь вызовъ?— Далѣе тоже самое: «Ростиславичи, захватившіе себѣ удѣлы, очевидно, противъ воли Великаго князя... зная, что не усиливая своихъ удѣловъ не могутъ существовать безопасно въ сосѣдствѣ съ сильнымъ Всеволодовымъ родомъ, они, при помощи Половцевъ, удачно воевали съ сосѣдями Ляхами и на ихъ счетъ увеличивали свои удѣлы». Да какое же право имѣете вы, г. Бѣляевъ, дѣлать этотъ выводъ, когда источники на это не указываютъ, даже мимоходомъ, даже вскользь? Въ исповѣди Василька я вижу совсѣмъ противное. Что жь это будетъ, если мы всѣ станемъ такъ толковать факты, не справляясь съ источниками? Есть ли хоть какая нибудь возможность такъ толковать? — Затѣмъ слѣдуетъ взглядъ на половецкія войны, очень вѣрный и основательный. Авторъ видитъ въ нихъ въ это время дѣло младшихъ удѣльныхъ князей, которые съ помощью Половцевъ отстаивали свои права противъ Всеволода, великаго князя и его рода, —и видитъ это въ томъ, что князья другихъ родовъ не участвовали въ войнахъ съ Половцами, а послѣдніе никогда не нападали на ихъ владѣнія. Но потомъ мы опять встрѣчаемъ совершенно произвольное предположеніе, что «Мономахъ, по смерти отца, нашелся вынужденнымъ уступить великокняжескій престолъ старшему изъ всѣхъ князей, Святополку». Почему же авторъ думаетъ, что Владиміръ былъ вынужденъ, а не добровольно это сдѣлалъ, Владиміръ, который былъ идеаломъ тогдашнихъ князей, котораго такъ любили? Слова лѣтописи: Владиміръ началъ

размышлять, говоря: если сяду на престолъ отца моего, то долженъ буду воевать съ Святополкомъ, потому что престолъ этотъ достался отъ его отца, — вовсе не доказываютъ мнѣнія автора; изъ нихъ только видно, что Владиміръ раздумывалъ, чье право лучше на Кіевъ. Такъ подъ перомъ г. Бѣляева факты совершенно измѣняютъ свой смыслъ! — На стр. 59 — 60 онъ говоритъ о панегирикѣ лѣтописца Всеволоду, и по этому поводу сравниваетъ послѣдняго съ Изяславомъ. Выпишемъ это мѣсто. Оно любопытно во многихъ отношеніяхъ:

«Бѣ же Изяславъ мужъ взоромъ красенъ и тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, криваго ненавидя, любя правду; не бѣ въ немъ льсти, но простъ мужъ умомъ, не вздая зла за зло». А вотъ и Всеволодъ: «Сіи бо благовѣрный князь Всеволодъ бѣ издѣтьска боголюбивъ, любя правду, набдя убогія, въздая честь Епископомъ и презвитеромъ, излихаже любяше черноризци, подаяше требованье имъ; бѣ же и самъ въздержася отъ пьянства и отъ похоти». Какая разница между братьями: одинъ красивый, величественный, откровенный, простой, добродушный и, кажется, веселый въ жизни; по крайней мѣрѣ лѣтописецъ не выставляетъ воздержности въ числѣ его достоинствъ; другой же богомольный, видимо внимательный къ убогимъ, искательный передъ духовенствомъ, которое имѣло большое вліяніе на народъ, строгій къ самому себѣ въ отношеніи къ воздержанію и чистотѣ нравовъ, слѣдовательно, человѣкъ осторожный, скрытный, но отнюдь не откровенный и не добродушный. Это чуть не Ольгердъ XI вѣка; его, кажется, нельзя было застать въ расплохъ: онъ всегда ловко умѣлъ пользоваться обстоятельствами; ему далеко уступали въ политическомъ умѣ всѣ, окружавшіе его современники; но за то, какъ въ правителѣ народа, въ немъ не доставало многаго. Слишкомъ занятый княжескою политикою, онъ, кажется, вовсе забывалъ о народѣ; при немъ тіуны грабили и продавали гражданъ, а онъ не думалъ за нихъ вступиться и народъ очевидно не любилъ его, и не проронилъ слезинки на его похоронахъ, которые вотъ какъ описываетъ Несторъ: «преставися тихо и кротко. Володимеръ же плакася съ Ростиславомъ братомъ своимъ, спрятаста тѣло его, и собрашася Епископи и игумени, и черноризьци, и попове, и боляре, и простіи людье, вземше тѣло его, со обычными пѣсними положиша и въ Святѣй Софьи». Какъ все чинно и холодно! Гдѣ же любовь народная? Какое сравненіе съ похоронами Изяслава, гдѣ, за плачемъ и воплемъ народнымъ, не было слышно церковнаго пѣнія: «и не бѣ лзѣ слышати пѣнья во плачи, велицѣ вопли, *яко бо ся по немъ* весь Кіевъ» (стр. 59 и 60).

Прочитавши похвалы лѣтописи и тому и другому князю, всякій скажетъ: оба въ своемъ родѣ, по тогдашнему, были хороши. Что Изяславъ былъ веселый въ жизни — никто не скажетъ, потому что изъ молчанія лѣтописи этого извлечь нельзя. Но такъ же никто не скажетъ, что Всеволодъ былъ искателенъ передъ духовенствомъ, потому что этого лѣтопись не говоритъ; такъ же никто не увидитъ, что Всеволодъ былъ человѣкъ осторожный, скрытный, но отнюдь не откровенный и не добродушный, чуть-чуть не Олгердъ XI вѣка. Что онъ былъ дурной правитель, изъ лѣтописи тоже не видно, ибо она говоритъ, что онъ любилъ правду; она говоритъ также, что ему было много огорченій отъ племянниковъ; при огорченіяхъ поднялись и болѣзни, а ко всему этому приспѣвала старость. Тогда начались хищничества и неправды правителей, о которыхъ онъ не зналъ въ болѣзняхъ своихъ. Гдѣ жъ тутъ мѣсто объясненію, что Всеволодъ, «слишкомъ занятый княжескою политикою, вовсе кажется забывалъ объ народѣ?» Народъ могъ его не любить, положимъ (какъ ни трудно заключить объ этомъ изъ того, что въ лѣтописи не упоминается о плачѣ народа), но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобъ онъ былъ таковъ, какимъ описываетъ его г. Бѣляевъ. И тутъ вымыселъ, и тутъ фантазія заступаетъ мѣсто дѣйствительныхъ представленій, основанныхъ на положительныхъ или, по крайней мѣрѣ, вѣроятныхъ историческихъ данныхъ. Пропуская описаніе княжескихъ междоусобій, въ которомъ тоже безпрестанно встрѣчаемъ ввертки, основанныя не на источникахъ, а на однихъ недоказанныхъ предположеніяхъ,—перейдемъ къ описанію любечскаго съѣзда князей. О томъ, что съѣздъ не былъ въ Кіевѣ, авторъ говоритъ: «Это намекаетъ, что удѣльные князья или не довѣряли Святополку и Мономаху, или не хотѣли унизиться передъ великимъ княземъ, и считали его почти равнымъ себя, каковымъ кажется и былъ Святополкъ». Недо-

вѣрчивость понятна; но этотъ счетъ съ великимъ княземъ, послѣ Всеволода и передъ Мономахомъ, въ концѣ XI вѣка,— кажется чистой фантазіей. По крайней мѣрѣ, нѣтъ данныхъ для этой мысли. Постановленія съѣзда разсказаны неправильно. «На любечскомъ съѣздѣ», говоритъ г. Бѣляевъ: «послѣ долгихъ споровъ (о которыхъ ни слова въ лѣтописи), рѣшились возстановить раздѣлъ Ярославовъ и каждому роду возвратить свою отчину... со всѣми областями, причисленными къ этимъ удѣламъ еще Ярославомъ». Послѣдняго тоже нѣтъ въ постановленіи съѣзда, сообщенномъ намъ лѣтописью, но прибавлено, что города, розданные Всеволодомъ, остаются за тѣми князьями, которые ихъ получили, и названы трое: Давидъ и двое Ростиславичей. Но какое дѣло автору до того, что говоритъ лѣтопись; ему понравилась мысль, что любечскій съѣздъ долженъ былъ возстановить Ярославову систему, и онъ продолжаетъ: «но кажется, возстановленіе Ярославовой системы было только на словахъ»... «кажется Мономахъ о Ярославовой системѣ вовсе не думалъ»...«Если бы Мономахъ думалъ вполнѣ возстановить ярославу систему, то ему всего лучше было» сдѣлать то-то и то-то. Приписать съѣзду цѣль, которой онъ не имѣлъ, да и варьировать на тему, зачѣмъ отъ этой цѣли отступили, и какъ неправильно сдѣлали, что отступили, — вотъ верхъ фантастическаго направленія изслѣдованій! Результатомъ съѣзда, по словамъ г. Бѣляева, было то, что Мономахъ привязалъ къ себѣ Святославичей. Но было ли это замышлено Владиміромъ, или это вышло само собою, вотъ чего нельзя рѣшить, тогда какъ именно это одно и можетъ дать намъ вѣрный взглядъ на характеръ и замѣчательную личность Мономаха. Г. Бѣляевъ склоняется на первое предположеніе, но онъ не правъ, ибо для этого нѣтъ доказательствъ.

На 65 стр. и слѣдующей, авторъ входитъ въ подробныя *изслѣдованія* того мѣста Несторовой лѣтописи, въ которомъ

разсказываются событія трехлѣтней междоусобной войны, вспыхнувшей послѣ княжескаго съѣзда въ Любечѣ. Онъ утверждаетъ, что все это описаніе, начиная отъ словъ: «и приде Святополкъ съ Давыдомъ Кіеву, и ради быша людье вси» (стр. 109 по изд. Арх. Коммис.), до словъ: «но даша ему Дорогобужъ, въ немъ же и умре; а Святополкъ перея Володимерь, и посади въ немъ сына своего Ярослава» (стр. 116, тамъ же) — позднѣйшая вставка, не принадлежащая къ первоначальному тексту Нестора. Это доказываетъ г. Бѣляевъ безпорядкомъ въ разсказѣ происшествій, отсутствіемъ хронологіи, наконецъ, языкомъ этой вставки, рѣзко отличающимся отъ Несторова. Выходитъ, что собственно въ лѣтописи нѣтъ перерыва; краткія повторенія происшествій внесены только для того, чтобъ дополнить промежутокъ, оставленный переписчикомъ, который весь разсказъ событій за три года вмѣстилъ подъ однимъ годомъ, и переходя опять къ Несторову повѣствованію, долженъ былъ подъ двумя недостающими годами выставить сокращенное повтореніе событій, уже разсказанныхъ прежде. Что на этомъ перерывѣ не прекращается лѣтопись— доказывается продолженіемъ, написаннымъ совершенно въ одномъ духѣ съ предыдущимъ разсказомъ, до вставки. Судить о томъ, до какой степени г. Бѣляевъ правъ, мы не рѣшаемся и предоставляемъ это филологамъ и спеціялистамъ по этой части. Замѣтимъ только, что различныя мнѣнія о Несторовой лѣтописи до такой степени размножились, такъ они разнообразны и часто такъ причудливы, что давно бы пора свести ихъ, сличить между собою, провѣрить данныя, на которыхъ они основываются; словомъ, подвести полный ученый итогъ подъ тѣмъ, что уже сдѣлано, и уже по томъ твердо идти впередъ. А то мы все строимъ и строимъ, такъ что почва изчезла подъ ногами, и карточные домики получили право гражданства между великолѣпными зданіями. На стр. 69, прим.

зволъ толкованій различныхъ мѣстъ лѣтописи опять невольно поражаетъ читателя: почти рядомъ стоятъ слова, противорѣчащія другъ другу. Святополкъ, великій князь кіевскій, поймалъ измѣннически Ярослава Ярополковича и посадилъ его въ тюрьму. Г. Бѣляевъ говоритъ: «Это событіе замѣчательно потому, что служитъ прямымъ свидѣтельствомъ высшей власти родоначальника, или старшаго въ родѣ, которому младшіе должны были повиноваться, какъ главѣ своего рода; другіе же не имѣли права вступиться въ родовыя расправы: Ярославъ былъ пойманъ обманомъ и засаженъ въ темницу, и ни одинъ князь не вступился за него, конечно не потому, чтобы Святополкъ былъ сильнѣе всѣхъ, но единственно изъ уваженія къ родовому праву». Теперь просимъ сравнить съ этими словами то, что сказано нѣсколько строкъ выше. «Изъ Несторова разсказа... видно, что на обоихъ съѣздахъ Мономахъ дѣйствовалъ одинаково съ великимъ княземъ и, какъ главный представитель всѣхъ удѣльныхъ князей, рѣшалъ судьбу войны и мира, даже иногда явно противъ великокняжескихъ убѣжденій; прочіе же князья безпрекословно слѣдовали его распоряженіямъ, такъ что онъ, не бывши великимъ княземъ нарицательно, нравственно былъ главою всей Руси и въ одно и тоже время опорою великокняжеской власти и защитникомъ удѣльнаго права». Если Владиміръ былъ «главнымъ представителемъ всѣхъ удѣльныхъ князей», и они «безпрекословно слѣдовали его распоряженіямъ», какимъ бы образомъ онъ не имѣлъ права «вступаться въ родовыя расправы?» Если онъ былъ «защитникомъ удѣльнаго права», какимъ образомъ онъ не вмѣшался въ это дѣло? Ясно, что авторъ писалъ всегда подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отдѣльнаго мѣста; иначе онъ не могъ бы такъ себѣ противорѣчить. Эта манера, къ несчастію, сильно вкоренившаяся въ нашихъ изслѣдователяхъ, и есть *причина*, почему такъ мало дѣльнаго сказано у насъ о періодѣ

удѣловъ, и почему факты обросли непроницаемой корой самыхъ неестественныхъ толкованій. Вы объяснили себѣ одинъ фактъ; глядь — рядомъ другой, который ему противорѣчитъ. Забывши первое толкованіе, вы пріискиваете ближайшее. Изъ цѣлаго выходитъ нѣчто несвязное, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ исполненное смысла въ частяхъ, что и не знаешь, какъ найтись въ этомъ лѣсу. Начни кто-нибудь смотрѣть проще, пусть смететъ весь этотъ хламъ очень умныхъ, но ни къ чему не ведущихъ толкованій или, лучше сказать, прибавленій къ лѣтописи и источникамъ, и посмотрите тогда, какъ, во первыхъ, сократятся величественные размѣры нашей отдаленной старины, и какъ всѣ послѣдующія событія окажутся простыми и естественными. Но теперь мы ходимъ въ какомъ-то чаду, изъза котораго не можемъ ничего разглядѣть; это умственное опьяненіе, при которомъ голова создаетъ исторію, а не факты.

Вотъ вся статья г. Бѣляева. Просимъ извиненія у читателей за утомленіе, которое произвелъ на нихъ нашъ разборъ. Мы сами страшно утомились, слѣдя шагъ за шагъ за авторомъ, но нечего было дѣлать. Видѣть такія явленія въ нашей исторической литературѣ, такое печальное продолженіе цѣлой вереницы старыхъ — очень непріятно, потому что они только затемняютъ дѣло, увеличивая число невѣроятныхъ гипотезъ, невозможныхъ и ни на чемъ не основанныхъ предположеній. Тѣмъ непріятнѣе намъ думать, что такую статью написалъ г. Бѣляевъ, который другими своими статьями пріобрѣлъ полное право на признательность и уваженіе всѣхъ занимающихся русской исторіей.

Вторая статья «о Галиціи и Лодомиріи» (въ отдѣлѣ иностранныхъ матеріяловъ) принадлежитъ извѣстному датскому историку Суму и переведена на русскій языкъ протоіереемъ Сабининымъ. Статья очень ученая, хотя и съ ошибками, но до такой степени сухая, безрезультатная, что врядъ ли у кого

нибудь достанетъ терпѣнія прочесть ее. Это не разсужденіе, а компиляція изъ источниковъ.

Третья статья — «Троицкіе походы» (въ смѣси) сочиненіе г. Забѣлина. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ читали ее и прежде въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ прошедшемъ году, и съ новымъ удовольствіемъ перечитали теперь. Въ этомъ изданіи она, кажется, не подверглась значительнымъ измѣненіямъ, хотя, по свидѣтельству автора, сдѣланы поправки и значительныя дополненія въ концѣ, въ видѣ приложеній. Походами назывались въ до-Петровской Руси путешествія, предпринимаемыя царями или царскимъ дворомъ въ монастыри, обители, пустыни для богомолья. Г. Забѣлинъ описалъ одинъ изъ такихъ походовъ въ Сергіеву Троицкую Лавру. Его методъ изложенія чрезвычайно простъ, и именно по этому необыкновенно увлекателенъ, живописенъ. Онъ разсказываетъ походъ хронологически, начиная съ первыхъ приготовленій до возвращенія въ Москву. Надъ каждымъ словомъ, обычаемъ или обрядомъ, теперь непонятнымъ, онъ останавливается и объясняетъ его современными актами и памятниками. Какъ всѣ разсказы такого рода, эти описанія живо характеризуютъ эпоху и людей до реформы; старая Русь какъ будто оживаетъ передъ вашими глазами, и многое непонятное, черезъ такое наглядное изученіе дѣлается вдругъ понятнымъ. Мы высоко цѣнимъ статью г. Забѣлина и рекомендуемъ ее прочитать всѣмъ любителямъ русской старины, особенно ревностнымъ ея защитникамъ. Это одно изъ лучшихъ дополненій къ картинѣ, изображенной Котошихинымъ, и впечатлѣніе ея не менѣе тягостно. Церемоніяльность, китаизмъ всей этой жизни, приправленный какой-то непонятной наивностію и добродушіемъ, или, правильнѣе, благодушіемъ, проступаютъ въ каждой чертѣ яркими красками. Такъ и чувствуешь, читая ее, что живешь въ то время.

Наконецъ, въ смѣси же, находимъ статью покойнаго Венелина: «Окружные жители Балтійскаго моря». Это продолженіе ученаго труда, котораго начало помѣщено въ 4-й книжкѣ; но тамъ шла рѣчь объ Леттахъ, а здѣсь о Славянахъ. По спокойствію тона, по ловкости и удачности пріемовъ, это едва ли не одно изъ лучшихъ сочиненій Венелина. Не знаемъ, когда статья написана, но ея зрѣлость, отсутствіе выходокъ въ пользу Славянъ и противъ Нѣмцевъ, серьёзный, ученый взглядъ на вещи,—все заставляетъ думать, что она относится къ числу его послѣднихъ произведеній. Мы видимъ здѣсь Венелина какъ бы почившаго на лаврахъ, достигшаго цѣли, какъ бы уже совершившаго свой подвигъ. Нельзя не сказать здѣсь къ слову, что этотъ замѣчательный человѣкъ, до сихъ поръ не оцѣненъ еще, какъ должно. Онъ одинъ изъ первыхъ у насъ началъ отыскивать слѣды погибшихъ или переродившихся славянскихъ племенъ и снимать ложный покровъ, которымъ Славяне были заслонены въ исторіи. Правда, многое онъ преувеличилъ, много внесъ парадоксовъ въ исторію; но не забудемъ, что у насъ Венелинъ первый пошелъ по этому пути, со всѣмъ энтузіазмомъ пылкаго и односторонняго человѣка. Онъ не принадлежалъ къ теоретикамъ-славянофиламъ, самой безплодной, безрезультатной отрасли этого направленія, — а къ историкамъ, и оказалъ услугу уже тѣмъ, что поднялъ вопросъ, оживилъ изслѣдованія. Такъ же несправедливо было бы называть его отцомъ теперешняго славянофильскаго направленія, какъ смѣшивать между собою двѣ стороны, которыя въ немъ слились и рѣдко кѣмъ отдѣляются, а однако, вытекли изъ розныхъ источниковъ: мы разумѣемъ стороны собственно историческую и философскую. Первая, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, принесетъ свои обильные плоды, когда историческіе славянскіе вопросы будутъ обработаны, какъ слѣдуетъ. Исторія славянскихъ племенъ, какъ можно предвидѣть уже теперь,

послужитъ важнымъ дополненіемъ къ европейской исторіи и объяснитъ въ ней многое, что̀ доселѣ мало обращало вниманія европейскихъ историковъ, потому только, что не было преобладающимъ въ жизни европейскихъ народовъ и рано заслонено другимъ. Вторая, теоретическая, или философская сторона славянофильскаго направленія есть эфемерное произведеніе нашего переходнаго времени и пройдетъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ статьѣ о прибалтійскихъ Славянахъ, Венелинъ географически возстановляетъ древнюю прибалтійскую Славонію, теперь онѣмечившуюся, которая простиралась на западъ за Эльбу (Лабу). По нѣкоторымъ замѣткамъ на латинскомъ языкѣ видно, что въ «Чтеніяхъ» напечатана черновая рукопись этого сочиненія, которую авторъ намѣренъ былъ еще обработывать. Такъ на стр. 88 сказано: Adjicienda quaedam de Rugis, Runis et Ranis. Странно, какъ подумаешь, что теперь такая статья легко можетъ пройдти незамѣченною, или ее прочитаютъ одни диллетанты и знатоки дѣла, а лѣтъ двадцать тому назадъ она возбудила бы жаркіе толки, сильную полемику, которая отозвалась бы во всей читающей публикѣ. По такимъ только сближеніямъ можно замѣтить, какъ мы быстро движемся впередъ. Вопросы, когда-то первостепенные, теперь утратили это значеніе и сошли со сцены. Они не умерли, но кругъ ихъ стѣснился, уступивъ мѣсто другимъ интересамъ. Теперь настаетъ то время, когда недавніе еще дѣятели, бывшіе предметомъ ненависти или неумѣренныхъ похвалъ, будутъ оцѣнены безъ предубѣжденія и пристрастія. Между ними, конечно, Венелинъ займетъ не послѣднее мѣсто.

Остальную часть книжки наполняютъ: дополненіе къ статьѣ преосвященнаго Филарета о Кириллѣ и Меѳодіи. Здѣсь разрѣшается вопросъ, какія шестьдесятъ «уставныхъ книгъ» были переведены Меѳодіемъ съ греческаго языка на славянскій. *Ученый авторъ* статьи доказываетъ, основываясь на Дамаски-

нѣ, что эти книги были каноническія, а не апокрифическія. Далѣе опись книгъ, поступившихъ въ 1676 году въ патріархальную ризную казну изъ Воскресенскаго монастыря и Иверскаго подворья. Эта опись современная и сообщена Обществу членомъ его, г. Ундольскимъ. Въ библіографическомъ отношеніи она, во всякомъ случаѣ, интересна. Видно, что въ библіотекѣ, составленной патріархомъ Никономъ, были книги греческія, греко-латинскія, польскія и славянскія, и въ томъ числѣ, кромѣ книгъ духовнаго содержанія, классики, большею частію греческіе. Наконецъ, два акта, сообщенные соревнователемъ Общества, г. Борисовымъ изъ Шуи, и извѣстіе объ усыпальницѣ (мѣстѣ погребенія) рода Собакиныхъ, которые были въ свойствѣ съ Іоанномъ Грознымъ.

Шестая и седьмая книжки «Чтеній» содержатъ въ себѣ много любопытнаго для исторіи казачества Великороссіи и другихъ славянскихъ земель.

Исторія Малороссіи и казачества обогатилась продолженіемъ лѣтописнаго повѣствованія о Малой Россіи генералъ-майора Ригельмана и разными матеріялами, заимствованными изъ портфелей Миллера. «Повѣствованіе» Ригельмана доведено до 3-й части. Въ шестой книжкѣ помѣщена третья книга этого сочиненія, въ которой авторъ разсказываетъ войны малороссійскихъ казаковъ съ Польшей, по малороссійскимъ источникамъ, вступленіе Хмѣльницкаго съ украинскими казаками въ подданство Россіи и дальнѣйшую исторію Малороссіи до смерти Хмѣльницкаго и принятія Виговскимъ гетманскаго званія. Въ седьмой книжкѣ напечатана четвертая книга «Повѣствованія», обнимающая событія при Виговскомъ, Юріи Хмѣльницкомъ и Брановецкомъ, до избранія въ гетманы Демьяна Многогрѣшнаго. Объ этой части сочиненія Ригельмана должно сказать то же, что и о первой. Оно имѣетъ свои достоинства,

особливо какъ собраніе матеріяловъ. Многіе весьма любопытные акты отпечатаны здѣсь цѣликомъ, что, конечно, весьма важно. Но Ригельманъ не историкъ, онъ даже не имѣетъ историческаго смысла. Все его вниманіе сосредоточено на описаніи походовъ и военныхъ дѣйствій; внутреннія измѣненія въ тогдашней Малороссіи онъ только разсказываетъ, не задавая себѣ даже вопроса, какъ они происходили и по какимъ причинамъ. Оттого глубина тогдашней жизни Украйны, которую Конисскій освѣщаетъ иногда нѣсколькими рѣзкими, характеристическими чертами, — для Ригельмана закрыта; самыя противорѣчащія событія разсказаны у него въ хронологическомъ порядкѣ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, и подведены подъ одинъ полуоффиціяльный тонъ, искажающій ихъ настоящій смыслъ. Изъ всего этого должно заключать, что Ригельманъ назначалъ свое сочиненіе для печати; иначе трудно объяснить умолчаніе происшествій, которыхъ не могъ не знать человѣкъ, такъ хорошо знакомый съ Малороссіей и ея исторіей.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ матеріялы для исторіи Малороссіи и Запорожья, напечатанные въ шестой книжкѣ «Чтеній» изъ портфелей Миллера. Между ними первое мѣсто занимаетъ «Исторія о Козакахъ Запорожскихъ», составленная, по мнѣнію г. Бодянскаго, то же Ригельманомъ. Это сочиненіе, какъ исторія, неважно и наполнено баснями, но оно содержитъ въ себѣ драгоцѣнныя извѣстія о внутреннемъ бытѣ Запорожья, которыми, можетъ-быть и не изъ этого источника, такъ геніяльно воспользовался Гоголь въ «Тарасѣ Бульбѣ». Въ послѣднее время, какъ сначала всѣ казаки, Запорожцы не знали брака, даже не пускали женщинъ въ свои жилища. Войско комплектовалось дѣтьми, которыхъ тамошніе козаки тайно увозили изъ Малороссіи и обучали казачеству,—*добровольными пришельцами* отовсюду, дезертирами: потому «меж-

ду онымъ Запорожскимъ войскомъ» находилось «многихъ націй христіянскихъ народу». Никто не зналъ его числа: каждый приходилъ, казаковалъ сколько хотѣлъ и оставался или уходилъ назадъ,—ихъ не записывали. Часто бывало, что казаки отлучались изъ Сѣчи для промысловъ или добычи года на два, на три, а иногда пропадали безвѣсти. Одни «старые и добрые» казаки, люди зажиточные, отлучаясь въ Малороссію или Польшу, брали паспорты отъ кошеваго; но это не мѣшало имъ оставаться навсегда тамъ, куда они отъѣзжали. Подобно всѣмъ первоначальнымъ вольнымъ общинамъ, Запорожцы имѣли своихъ подданныхъ, самарскихъ казаковъ, съ которыми обращались жестоко; отсюда возстанія, кровопролитія и раззореніе Сѣчи. Политическая зависимость не обуздывала Запорожцевъ. Отдавшись въ подданство крымскому хану, они часто нападали на Крымцевъ, грабили ихъ, убивали и угоняли цѣлые табуны лошадей и скота. За это они отплачивались большими деньгами или, если заплатить было нечѣмъ, а войско не хотѣло внести извѣстной суммы,—виноватый выдавался Татарамъ головою. Отъ времени до времени ханы присылали въ Сѣчу своихъ чиновниковъ, которые пріѣзжали съ большой свитой, никогда не менѣе 200 человѣкъ, и сколько бы времени они ни оставались, казаки содержали ихъ на свой счетъ, а при отъѣздѣ подносили имъ дары.

Разсказъ о внутреннемъ бытѣ Запорожья чрезвычайно интересенъ. Оно состояло подъ начальствомъ войсковаго старшины, кошеваго атамана, и войсковыхъ: судьи, писаря и есаула, — и дѣлилось на курени, управляемые куренными атаманами. Всѣ дѣла, особенно важныя или чрезвычайныя, рѣшались общими собраніями войска, которыя назывались радами и сходками. Рады были обыкновенныя и чрезвычайныя. Первыя созывались 1-го января, въ день Покрова, храмовой праздникъ Запорожья, и на праздникъ Пасхи. Послѣд-

нія двѣ рады не имѣли другихъ занятій, кромѣ избранія войсковаго старшины, и потому не собирались, когда въ этомъ не было нужды. Но январьскую раду держали непремѣнно. На ней, кромѣ избранія старшины, происходилъ раздѣлъ по жеребьямъ между куренями всѣхъ рѣкъ, состоявшихъ во владѣніи войска. Этотъ предметъ былъ потому особенно важенъ, что рыболовство вмѣстѣ съ военными походами составляло главный предметъ занятій войска. Казаки куреня, которому досталась въ участокъ извѣстная рѣка или часть ея, не имѣли права ловить рыбу въ чужомъ участкѣ. Такимъ образомъ, онъ ежегодно переходилъ отъ одного куреня къ другому, какъ въ Великороссіи земляные участки дѣлились и отчасти теперь дѣлятся между крестьянами.—Созывъ рады походилъ на сборъ войска. Посереди замка, у церкви, есаулъ водружалъ знамя, довбышъ или политаврщикъ билъ сборъ, и народъ сходился. Выборъ старшины производился въ отсутствіи атамановъ и знатныхъ казаковъ, которые могли надѣяться на избраніе; въ немъ участвовало одно «самое грубое простонародье». Согласившись въ выборѣ, оно отправляло посланцовъ къ избираемому.

«Пойдутъ человѣкъ десять или и болѣе, самыхъ грубыхъ пьяницъ, въ курень тотъ, гдѣ онъ живетъ (избираемый Кошевой), и будутъ просить его, дабы онъ принялъ такую на себя честь; и ежели онъ добровольно не пойдетъ, то его по два человѣка ведутъ подъ руки, а двое или трое сзади пихаютъ и въ шею толкаютъ, и ругательно бранятъ: «иди, ск. с.! намъ бо тебе треба: ты нашъ батько; будь паномъ!» А иному хотя не весьма охотно, однако принужденъ итти, и какъ придутъ въ Раду... то и палицу (знакъ власти Кошеваго) ему въ руки давать будутъ, токмо тотъ новоизбранный ихъ Кошевой, по ихъ древнему обыкновенію, не принимаетъ палицы въ руки два раза... Нѣкоторые изъ онаго народа старые казаки землею, ежели же въ ту пору случится быть дождю, или какому ненастью, то и грязью его голову мажутъ.»

Если казаки, напротивъ, были довольны прежними старшинами, *то говорили* имъ: «Вы наши паны добрые; треба вамъ

надъ нами пановать». Такъ, даже въ этомъ высшемъ братствѣ, управляемомъ выборными, власть имѣла какой то патріархальный характеръ, и правитель, котораго участь зависѣла отъ братства, былъ, пока управлялъ, отцомъ-господиномъ.

Чрезвычайныя рады для низложенія старшины созывались самимъ народомъ, но точно такимъ же порядкомъ, посредствомъ барабаннаго боя. Если казаки «сбрасывали» старшину за неисправность, то говорили: «они-бо (т. е. старшина), негодныя дѣти, войсковаго хлѣба наѣлись». Но случалось, что курени, раздѣлявшіеся на вышніе и нижніе, не соглашались между собою въ низложеніи и выборѣ старшины.

«И за то у нихъ между собою сдѣлается ссора и драка; и какъ въ драку вступятъ, то старшина вся уйдетъ изъ Рады по куренямъ, и въ то время драка бываетъ между ими великая, гдѣ и смертно другъ друга убиваютъ; и какъ весьма раззадорятся, то не токмо людей, но сильная сторона у немощной стороны курени ломаютъ и прочія имъ великія обиды и раззоренія чинятъ, и которая сторона пересилитъ или переспоритъ, то съ той стороны Кошеваго и прочую старшину выбираютъ, или по прежнему старыхъ поставляютъ.»

«Также когда о походѣ или о разъѣздахъ Рада случится, то превеликой крикъ отъ нихъ бываетъ, пока согласятся. Тутъ же упоминаютъ, яко бы жалованье Ея Императорскаго Величества присылается большое, а старшина себѣ таитъ, и тогда Кошевой и прочая старшина много говорить не смѣетъ, хотя что и говорятъ, токмо не съ грубостію, опасаяся, дабы съ старшинства ихъ не скинули и не убили. А иногда во оныхъ Радахъ бываетъ, что Кошеваго, или прочую старшину скидываютъ, и когда оныя Рады ни собираются, то завсегда съ великимъ крикомъ и грубостію производятъ.»

Вообще рады были до того неправильны, что авторъ, разсказавъ, какъ нѣкоторыя происходили, прибавляетъ: «прочіе же рады бываютъ у нихъ, такожъ и выборъ Кошеваго и прочей старшины, разнымъ образомъ, что аккуратно здѣ и показать не можно».

Сходки имѣли въ Запорожьѣ особенное, техническое значеніе. Такъ назывались малые совѣты, въ противоположность большимъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, все войско приня-

маетъ участіе. Сходки собирались у куреня, гдѣ жилъ кошевой, въ присутствіи всѣхъ атамановъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было посовѣтоваться о походахъ, разъѣздахъ или какомъ-нибудь другомъ дѣлѣ; а старшина и атаманы не считали нужнымъ созывать раду. Часто бывало, что сходки кончались ничѣмъ, и совѣты начальниковъ оставались безъ дѣйствія.

Бывшіе однажды старшиной, т. е. кошевыми,—судьей, писаремъ, есауломъ или атаманомъ, даже по смѣнѣ, сдѣлавшись опять простыми рядовыми казаками, пользовались уваженіемъ и отличіемъ въ цѣломъ войскѣ; при погребеніи въ честь ихъ давали одинъ выстрѣлъ изъ пушки, а изъ ружей стрѣляли больше, чѣмъ по прыстыхъ казакахъ.

Каждый курень имѣлъ своего особливаго (куреннаго) атамана. Власть его была велика: онъ имѣлъ на своихъ рукахъ деньги и платье своихъ куренныхъ казаковъ, могъ бить ихъ и уважался, какъ отецъ. Его приказанія больше значили для казаковъ, чѣмъ повелѣнія войсковаго старшины. Но этой властью пользовался атаманъ, пока казаки были имъ довольны, а когда нѣтъ,—они его «скидывали» и избирали другаго, непремѣнно изъ казаковъ того же куреня, и никому не было до этого дѣла, никто не имѣлъ права вмѣшиваться въ такія перемѣны.

Какъ во всѣхъ русскихъ православныхъ общинахъ и владѣніяхъ, духовенство не имѣло въ Запорожьи никакой власти. Изъ межигорскаго кіевскаго монастыря присылались въ Сѣчу ежегодно по два священника и по два дьякона, которые повиновались старшинѣ и состояли подъ его приказаніями; «и прочіе жъ козаки предъ ними почтеніе имѣютъ, а другіе, грубые болѣе досаждаютъ, нежели почитаютъ». Если войско было недовольно присланными священниками или дьяконами, *отправляло* ихъ назадъ и оставляло у себя прежняго. Ду-

ховенство содержалось службами и требами. Какъ во всей Россіи, и въ Запорожьи казаки, умирая, отказывали значительныя имѣнія церкви, межигорскому монастырю и духовенству. Для пѣвчихъ была устроена въ Сѣчѣ школа. Всѣхъ пѣвчихъ было до тридцати человѣкъ; они имѣли одинакое устройство съ казачьимъ войскомъ, двухъ атамановъ—одного надъ большими, другаго надъ малыми пѣвчими, и этихъ атамановъ пѣвчіе смѣняли и выбирали изъ своей среды такъ же произвольно, какъ курени своихъ куренныхъ.

Старшины въ частной жизни ничѣмъ не отличались отъ прочихъ казаковъ, они жили въ своихъ куреняхъ и ѣли вмѣстѣ съ куренными казаками за однимъ столомъ. Впрочемъ, они пользовались извѣстными доходами, можетъ-быть, въ видѣ вознагражденія за промыслы, которыми не могли заниматься, будучи въ должности; по крайней мѣрѣ, кажется, что жалованье, въ теперешнемъ смыслѣ слова, не было извѣстно Запорожцамъ. Эти доходы состояли въ опредѣленномъ сборѣ съ разныхъ товаровъ, привозимыхъ въ Сѣчу изъ Малороссіи, Польши и Крыма; казаки, покупавшіе и продававшіе вино, давали извѣстную его часть (которая называлась поставнымъ виномъ) старшинѣ и куренному атаману; потомъ старшинѣ отдавались такъ называемыя «приблудныя лошади» (т. е. забредшія въ Сѣчу); если хозяинъ ихъ не являлся въ продолженіи трехъ дней. Выкупъ за казака, прикованнаго за воровство къ позорному столбу, поступалъ тоже старшинѣ. Далѣе: каждая жалоба сопровождалась «нѣкоторымъ малымъ процентомъ». Возвращаясь съ промысла съ богатой добычей, казаки обыкновенно дарили сколько-нибудь старшинѣ; это не было обязанностью, но обычаемъ. Кромѣ того, старшины получали подарки отъ шинкарей, продавцевъ браги, мясниковъ, калачниковъ, и поклонное, или ралецъ въ день Рождества Христова. Наконецъ, правительство *давало* имъ по тогдашнему большое жалованье и

предоставляло перевозъ черезъ Днѣпръ. съ котораго они собирали на себя пошлины. Куренные атаманы имѣли почти такіе же доходы, да кромѣ того. отдавали въ наемъ шинкарямъ и мелкимъ торговцамъ лавки и избы на базарѣ: имъ принадлежали также сборъ съ котловъ (винокуренныхъ) и деньги за отдачу въ наемъ кубовъ (въ описаніи сказано дубовъ; кажется, это опечатка). Но за то на атаманахъ лежала тяжелая обязанность содержать цѣлый курень въ исправности, во всѣхъ отношеніяхъ.

Запорожскіе казаки проживали въ куреняхъ — «форштатѣ» или въ отъѣзжихъ промыслахъ. Куренные жили общиной и ѣли за однимъ столомъ, изготовленнымъ на куренныя деньги. Занимавшіеся торговлей или ремеслами въ городѣ помѣщались въ особыхъ домахъ. Замѣтивъ оплошность или безсиліе въ Татарахъ, Полякахъ, казаки собирались большой партіей, дѣлали набѣгъ и возвращались въ Сѣчу дѣлить добычу между участниками похода.

«И по раздѣлѣ бываетъ у нихъ великое веселіе, и многіе дни гуляютъ, пьютъ, ходятъ по улицамъ, кричатъ, объявляя свою храбрость. и за ними носятъ въ ведрахъ и котлахъ вареное съ медомъ и холодное хлѣбное вино. а по ихъ названію горѣлку, пиво и медъ, и притомъ за ними ходятъ преогромная музыка и школьники съ пѣніемъ; и ежели кто съ ними встрѣтится, то всѣхъ подчиваютъ, и просятъ на горѣлку и на прочее питіе; а ежели кто не будетъ пить, то бранятъ ругательно, хотя его и не знаютъ, какой бы онъ человѣкъ ни былъ, однако подчиваютъ, и въ такомъ своемъ веселіи и гуляніи чрезъ немногіе дни, удивленія достойно, какъ они прогуливаютъ великую сумму денегъ, и нетокмо что полученную добычь, но и старое что имѣютъ въ забыкомъ своемъ пьянствѣ пропиваютъ и входятъ оттого въ великіе долги, платя такъ за напитки, такъ и музыкантамъ и пѣвчимъ.»

Не одно нажитое грабежами, но и торговлей прогуливалось такимъ образомъ. Торговцы, мастеровые получали большой барышъ, потому что перепродавали товаръ необыкновенно дорого; но впрокъ это не шло: барышъ уходилъ на вино и ве-

9. *Вообще* казаки не знали налагаемыхъ, посильныхъ ра-

ботъ, «но всегда находятся въ гуляньи и въ своемъ неспокойномъ пьянствѣ, въ чемъ и жизнь свою до конца такъ провождаютъ». При этомъ образѣ жизни, Запорожцы, разумѣется, были страшно безпечны, не остерегались нисколько отъ непріятелей и потому часто подвергались грабежамъ со стороны Татаръ, премудро разсуждая, «что и они у Татаръ такожде могутъ завсегда свои реванжи сыскивать».

Запорожцы управлялись обычаями, и то не записанными; писанныхъ законовъ у нихъ не было. Судъ производился войсковымъ старшиной. Главнымъ преступленіемъ считалось, если казакъ убьетъ казака. За это «убійцу живаго кладутъ подъ гробъ убіеннаго, и обоихъ землею засыпаютъ». Но хорошихъ казаковъ войско освобождало отъ этого наказанія и присуждало къ другому. За воровство между казаками виновнаго привязывали на площади къ позорному столбу и держали здѣсь до уплаты цѣны покраденнаго, и во всякомъ случаѣ не менѣе трехъ дней. За большое и нѣсколько разъ повторенное воровство вѣщали. Разсказъ о томъ, какъ поступали съ выставленнымъ къ столбу, такъ оригиналенъ, что мы не можемъ не выписать его здѣсь отъ слова до слова:

«Во время его (виноватаго) стоянія ходятъ мимо его множество козаковъ: иные проходятъ мимо его, ничего ему не учиня, а другіе напився пьяны, приходя къ нему, немилостиво его бьютъ и всячески его ругаютъ; а иные приходятъ къ нему по обычайнымъ своимъ пьянствамъ съ горѣлкою и колачами, и поятъ его и колачи ему даютъ, а иные и деньги; и хотя тому пить уже не въ охоту, однакожъ онъ принужденъ пить, понеже пьяницы кричатъ ему: «пый, ск. с. злодѣю! Якъ не будешъ пыть, то будемъ ск. с. быть». И какъ оный напьется, то оные пьяницы скажутъ: «дай же мы, брате, трохы тебе побьемъ» и хотя онъ проситъ у нихъ милости токмо оные пьяницы ему говорятъ: «А за щожъ, ск. с., горѣлкою тебе поили? Якъ тебе поить, то треба и быть», и часто случается, что чрезъ сутки онаго злодѣя убьютъ до смерти. А инымъ такимъ злодѣямъ, привязаннымъ у столба бываетъ, по счастію ихъ, что никто ихъ ни чѣмъ не оскорбитъ, но еще получатъ себѣ нѣкоторыя деньги отъ пьяницъ».

За противоестественныя преступленія привязывали къ столбу и убивали до смерти, а имѣніе конфисковали на войско. Наконецъ, если торговцы продавали свои товары слишкомъ дорого или не по установленной цѣнѣ, старшина или атаманъ дозволяли ихъ грабить, и грабежъ, разумѣется, оканчивался совершеннымъ истребленіемъ всего имущества несчастнаго купца.

Вотъ каковъ былъ внутренній бытъ Запорожскаго войска еще въ XVIII вѣкѣ. Главныя черты казачества давно и всѣмъ извѣстны и собственно мало новаго въ этой картинѣ, такъ мастерски очерченной авторомъ «Описанія о Запорожскихъ козакахъ». Несмотря на то, мы сочли необходимымъ возобновить эти черты въ памяти читателей теперь, когда для изученія русской исторіи очевидно наступаетъ новый періодъ, такъ существенно различный отъ прежняго. Что при первомъ взглядѣ невольно поражаетъ въ описаніи — это удивительное сходство внутренняго устройства у казаковъ съ устройствомъ нашихъ древнихъ вольныхъ общинъ, особливо Новгорода: народныя собранія, рады и вѣча происходили, здѣсь и тамъ, одинако; у новгородцевъ были тоже подданные, и въ такихъ же отношеніяхъ къ владѣтельной общинѣ; то же отношеніе духовенства къ свѣтской власти, таже выдача головою князю; та же выборная старшина, отвѣтственная передъ общиной, носившая на себѣ живые слѣды патріархальнаго происхожденія и которую міръ «кормилъ своимъ хлѣбомъ»; наконецъ, то же уваженіе къ лицамъ, занимавшимъ прежде высшія мѣста, то же разграбленіе имущества виноватыхъ. Сходство можно провести далѣе, даже въ подробностяхъ. Вся разница происходила только вслѣдствіе различнаго назначенія казачества и сѣверныхъ вольныхъ общинъ: первое было, такъ сказать, приспособлено къ войнѣ, и потому носило военный характеръ; послѣдніе были вполнѣ *ные и занимались* мирными промыслами; къ этому и сво-

дятся особенности, отличавшія однѣ общины отъ другихъ: у казаковъ безобразіе, почти полное отсутствіе промышленности, лагерный образъ жизни, военное управленіе и военныя рады, чего не было въ Новѣгородѣ; наоборотъ, въ Новѣгородѣ болѣе опредѣленная система управленія, частная собственность, торговля и промышленность, замѣтное преобладаніе территоріяльнаго начала надъ личнымъ, чего не замѣчаемъ у казаковъ въ ихъ первобытномъ состояніи. Но начало, основаніе, изъ которыхъ развились оба устройства, одни и тѣ же, такъ что, не играя словами, не дѣлая натяжекъ, можно сказать, что сѣверныя общины были казацкія братства, только неимѣющія военнаго характера, а казаки—сѣверныя общины, поставленныя въ необходимость вѣчно нападать и защищаться. И тѣ и другія выросли изъ чисто племеннаго, на однихъ кровныхъ, родственныхъ связяхъ основаннаго быта и были проникнуты его началами, ими держались. Оттого и въ тѣхъ и другихъ чрезвычайно слабое развитіе юридическаго, правомѣрнаго элемента, котораго послѣдняя цѣль — неприкосновенность лица, полное, хотя и внѣшнее огражденіе его противъ насилія. Произволъ царилъ въ этихъ общинахъ и братствахъ. Онѣ были свободны, но въ нихъ никто не былъ свободенъ и безопасенъ. Какъ въ первоначальныхъ родахъ, сердечное единодушіе безпрестанно смѣнялось въ нихъ кровавыми междоусобіями, которыя были тѣмъ ожесточеннѣе и тѣмъ гибельнѣе, что страсти ничѣмъ не сдерживались. Устройство не представляло ничего твердаго, постояннаго, признаваемаго всѣми или, по крайней мѣрѣ, большинствомъ; власть является или неограниченной, или слишкомъ неопредѣленной, чтобъ противъ нея было хоть какое-нибудь обезпеченіе; но въ сущности она крайне непрочна; самый любимый начальникъ, полновластный сегодня, не могъ поручиться, что завтра его не лишатъ всего, даже жизни, безъ вины, по одной клеветѣ или капризу. Чѣмъ болѣе мы будемъ вникать

въ нашъ древній бытъ, какимъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ, не внося въ него отъ себя опредѣленій и началъ, развившихся на другой почвѣ и имѣвшихъ съ нимъ одно внѣшнее, ничего незначащее сходство, тѣмъ эта племенная, патріархальная основа нашихъ древнихъ вольныхъ общинъ и братствъ будетъ выказываться яснѣе и яснѣе. И тогда мы увидимъ, что не одна сила и хитрость московскихъ и петербургскихъ дипломатовъ сломила ихъ, а вмѣстѣ и ихъ собственная несостоятельность, окончательное, естественное и необходимое разложеніе племеннаго элемента, которымъ они только и держались. Но пока мы будемъ цѣликомъ прикладывать къ русской исторіи общіе законы историческаго развитія, не обсудивъ хорошенько, возможно ли это, доработалась ли наша жизнь до той точки, съ которой такое примѣненіе естественно и законно, мы все будемъ вздыхать по прошедшемъ, видѣть въ его изчезновеніи и отрицаніи преступный произволъ, жалкое, гибельное отступничество, и вмѣсто уразумѣнія нашего развитія, будемъ только декламировать пустыя, безсмысленныя фразы. По странному противорѣчію такъ поступаютъ у насъ тѣ, которые всего болѣе вооружаются противъ науки, пустыхъ теорій и отвлеченнаго логическаго мышленія.

Въ числѣ «разныхъ матеріаловъ до исторіи запорожской касающихся» и помѣщенныхъ въ той же шестой книжкѣ «Чтеній», въ смѣси, мы находимъ: списокъ разнымъ бумагамъ и документамъ, относящимся къ исторіи Малороссіи 1657—1689 года, то есть со времени присоединенія ея къ Россіи до избранія гетмана Мазепы; географическія отмѣтки о Запорожьи; разныя историческія примѣчанія о Малороссіи; замѣтка о Запорожцахъ, ихъ образѣ жизни и характерѣ, вѣроятно принадлежащая самому Миллеру. Въ ней мало новаго. Между прочимъ, Запорожцы [illegible] здѣсь, какъ народъ, «который не расплы[illegible] [illegible] свой получаетъ

отъ другихъ, который во всякіе 30 лѣтъ почти изчезаетъ и дѣлается новымъ; который свое время въ гуляніи и пьянствѣ препровождаетъ, который пренебрегаетъ первоначальный законъ Божій, что должно человѣку питаться отъ трудовъ рукъ своихъ, который земледѣльство презирая, едва дозволяетъ, что нѣкоторые изъ своего общества, коихъ и почитаютъ не прямыми своими братьями, но яко бы своими подданными, во ономъ упражняться могутъ». Затѣмъ слѣдуютъ разныя выписки и акты: записка о правѣ малороссійскихъ гетмановъ имѣть сношенія съ иностранными державами. Изъ сличенія статей, данныхъ разнымъ гетманамъ, видно, какъ это право, предоставленное Богдану Хмѣльницкому, мало-по-малу смѣшалось при его преемникахъ и наконецъ изчезло; далѣе находимъ замѣчательный указъ 1684 года о построеніи крѣпости на рѣкѣ Самарѣ, не менѣе любопытныя статьи 1732 года о неподвижныхъ имѣніяхъ въ Малороссіи, изъ которыхъ видно между прочимъ, что уже тогда извѣстна или введена была въ Малороссію десятилѣтняя давность, гораздо позднѣе принятая въ наше законодательство; потомъ слѣдуютъ выписки о земляхъ, назначенныхъ въ южной Россіи къ поселенію Сербовъ, Македонянъ, Болгаръ и Волоховъ; о числѣ городовъ, церквей въ Заднѣпровьи и т. д.; указъ 1752 года объ отмѣнѣ пошлинъ съ съѣстныхъ припасовъ, привозимыхъ изъ Польши къ новопоселеннымъ за Днѣпромъ иностраннымъ выходцамъ; указъ того же года о выдачѣ Запорожцамъ годоваго жалованья по прежнему въ Москвѣ или Петербургѣ (онъ интересенъ во многихъ отношеніяхъ); потомъ росписаніе жалованья запорожскому войску и чиновъ малороссійскаго казачьяго, наконецъ, письмо малороссійскаго гетмана, графа Разумовскаго, къ канцлеру графу Бестужеву-Рюмину, 1754 года, о томъ, что индукта и эвекта (ввозныя и вывозныя пошлины), составлявшія доходъ гетмана, неправильно уничтожены и замѣнены тарифны[redacted] со-

сударственными пошлинами. Къ письму приложена записка, въ которой это подробно доказывается прежними войсковыми привиллегіями.

Къ тому же отдѣлу должно отнести и небольшую статью г. Максимовича «о Лаврской Могилинской школѣ». Не составляя цѣльнаго разсужденія, она дополняетъ наши свѣдѣнія о Петрѣ Могилѣ и его времени нѣкоторыми новыми любопытными фактами. До сихъ поръ думали, что Лаврская школа была только задумана Могилой, но не состоялась. Г. Максимовичъ, на основаніи рѣдкой книги «Евхаристіонъ албо Вдячность», доказываетъ противное, и нельзя съ нимъ не согласиться, потому что «Евхаристіонъ» состоитъ изъ поздравительныхъ стихотвореній, поднесенныхъ Могилѣ учениками Лаврской школы въ день Свѣтлаго Воскресенья. Самые стихи любопытны уже потому, что написаны сто лѣтъ прежде сатиръ Кантемира и сорокъ лѣтъ до Симеона Полоцкаго, а объ нихъ до сихъ поръ не упоминалось въ исторіи русской литературы. Наконецъ, извѣстный доселѣ списокъ сочиненій Петра Могилы дополненъ г. Максимовичемъ еще «словомъ духовнымъ на бракосочетаніе Якуша Радзивила», напечатаннымъ въ Кіевопечерской Лаврѣ, въ 1645 году, на польскомъ языкѣ.

По части русской церковной исторіи мы находимъ въ «Чтеніяхъ» двѣ оригинальныя статьи и матеріялы. Въ шестой книжкѣ напечатана статья г. Соловьева: «Взглядъ на состояніе духовенства въ древней Руси до половины XIII вѣка». Какъ все, что̀ выходитъ изъ плодовитаго пера г. Соловьева, эта статья отличается несомнѣнными достоинствами и обнаруживаетъ замѣчательный историческій талантъ автора. Очеркъ состоянія нашей церкви и духовенства въ означенное время написанъ превосходно, съ большимъ знаніемъ дѣла, добросовѣстностью и вѣрнымъ пониманіемъ фактовъ; но со всѣмъ, что̀ *говоритъ* г. Со мы не можемъ согласиться. На 1 стр.

читаемъ: «при такомъ разрозненномъ родовомъ быту этихъ племенъ (славяно-русскихъ), въ какомъ представляетъ намъ ихъ отечественный лѣтописецъ, общественное богослуженіе не могло развиться, а слѣдовательно не могло образоваться и жреческое сословіе: ясно, что при означенной формѣ быта богослуженіе должно было замѣниться частнымъ, родовымъ, при чемъ родоначальникъ былъ вмѣстѣ и священникомъ». Послѣднее теперь почти достовѣрно; но едва ли правильно объясненіе, почему у насъ не было жреческаго сословія. Наши древніе роды, конечно, жили разрозненно, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что не было общественнаго богослуженія. Вѣдь были же у насъ вѣча, общественныя собранія для рѣшенія общихъ дѣлъ; если было одно, почему же не могло быть и другаго? Изслѣдованія Ходаковскаго, какъ они ни кажутся теперь смѣлы и странны, потому что ихъ никто еще не разъяснилъ, указываютъ на живые слѣды общественнаго богослуженія у древнихъ Славянъ. Да и какъ же могло быть иначе? Если были боги, и оно было. На той же страницѣ: «лѣтописецъ, говоря объ языческихъ обычаяхъ древнихъ Славянъ, нисколько не упоминаетъ о жрецахъ, которые должны были явиться уже въ послѣднее время, при большемъ развитіи общественнаго быта въ городахъ, но и тутъ они являются съ характеромъ гадателей, кудесниковъ, волхвовъ, съ которымъ остаются и послѣ введенія христіянства». Во первыхъ гадатели, кудесники, волхвы не были жрецы, какъ доказалъ уже, и весьма основательно, Рейцъ въ своей исторіи русскаго законодательства. Это тогдашніе мудрецы и философы. Потомъ: если у насъ сначала не было жрецовъ, то въ послѣдствіи имъ трудно было появиться, потому что обстоятельства не благопріятствовали; князья, подобно древнимъ родоначальникамъ, удержали за собою званіе верховныхъ жрецовъ, какъ видно изъ разсказа о принесеніи Владиміромъ человѣческой жертвы богамъ. Такимъ образомъ, жрецовъ не было

у насъ ни прежде, ни послѣ, и сомнительное развитіе общественнаго быта въ городахъ не имѣло въ этомъ отношеніи никакого дѣйствія. На стр. 3, авторъ приводитъ слова лѣтописи: «и нача (Владиміръ) ставити по градамъ церкви и попы и люди на крещенье приводити по всѣмъ градамъ и селомъ» — и говоритъ, что здѣсь разумѣются города и села, ближайшіе Кіеву». Но почему же такъ? Есть извѣстіе, что уже при Владимірѣ введена христіянская вѣра въ Новѣгородѣ, и оно не было еще никѣмъ опровергнуто. Далѣе, тамъ же, г. Соловьевъ говоритъ, что въ лѣтописи упоминается о первыхъ училищахъ при Владимірѣ. Нейманъ подробно разобралъ это мѣсто и до очевидности доказалъ, что въ немъ нѣтъ и рѣчи о школахъ. Доводы его такъ убѣдительны, что мы не понимаемъ, почему авторъ не принялъ ихъ въ соображеніе. Кромѣ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ, впрочемъ незначительныхъ недосмотровъ, статья превосходна. Обратимъ особенное вниманіе читателей на остроумное объясненіе разсказа лѣтописи о Ѳеодорцѣ, ростовскомъ епископѣ, жившемъ при Андреѣ Боголюбскомъ. Лѣтопись представляетъ Ѳеодорца извергомъ, совершившимъ неслыханныя злодѣйства въ Ростовѣ; Андрей отправилъ его къ кіевскому митрополиту Константину, который казнилъ его жестоко. Г. Соловьевъ догадывается, что все это повѣствованіе — оффиціяльный современный актъ, внесенный въ лѣтопись съ нѣкоторыми измѣненіями, и, основываясь на намекахъ и недоговоренныхъ фразахъ, въ немъ заключающихся, думаетъ, что Ѳеодорецъ, подобно Андрею Боголюбскому, хотѣлъ отложиться отъ кіевской митрополіи и стать въ непосредственную зависимость отъ константинопольскаго патріарха, за что и былъ ненавидимъ, оклеветанъ и строго казненъ главою русской церкви. Подобныя попытки отложиться отъ митрополіи, даже епископіи, такъ часто повто*рялись въ разныхъ* концахъ Россіи, что это объясненіе очень

вѣроятно и возможно, тѣмъ болѣе, что актъ дѣйствительно подаетъ къ нему не одинъ поводъ.

Въ седьмой книжкѣ помѣщена другая статья по русской церковной исторіи, подъ заглавіемъ: «о богослуженіи русской церкви до монгольскаго времени». Авторъ ея—епископъ рижскій Филаретъ, уже извѣстный своими сочиненіями. Новый трудъ ученаго епископа обнаруживаетъ обширную начитанность, глубокое знаніе, и есть, безспорно, прекрасное и полезное явленіе въ нашей историко-церковной литературѣ. Но догматическое направленіе преобладаетъ въ немъ надъ историческимъ; авторъ обратилъ особенное вниманіе на объясненіе высокаго смысла таинствъ и церковныхъ обрядовъ, освященныхъ восточною церковью и принятыхъ въ нашей. Но борьба русской церкви съ язычествомъ и постепенное вытѣсненіе его церковной дисциплиной, водвореніе въ насъ христіянскихъ понятій, словомъ, исторія нашего духовнаго и нравственнаго просвѣщенія, составляющая часть исторіи цивилизаціи въ Россіи, оставлена ученымъ авторомъ въ тѣни. Такимъ образомъ, разсматриваемый нами трудъ скорѣе отрывокъ изъ исторіи греко-восточной церкви въ Россіи, чѣмъ глава изъ исторіи русской церкви, этого, безспорно, важнѣйшаго образовательнаго элемента въ нашемъ древнемъ быту. Послѣдняя ожидаетъ еще дѣлателей.

Матеріялы для исторіи русской церкви и духовенства, помѣщенные въ седьмой книжкѣ, любопытны въ высокой степени. Во первыхъ, напечатано «преніе» митрополита Даніила съ Максимомъ Грекомъ, — драгоцѣнный актъ (списокъ съ суднаго списка), проливающій новый свѣтъ на это знаменитое слѣдственное дѣло XVI вѣка. «Преніе» не что иное, какъ соборное дѣяніе по дѣлу Максима, вопросы, предложенные на соборѣ ему и другимъ лицамъ, замѣшаннымъ въ его дѣлѣ, и ихъ отвѣты. До сихъ поръ было много страннаго и загадочнаго въ

этомъ процессѣ, какой-то мракъ лежалъ на немъ; и въ самомъ дѣлѣ, извѣстными доселѣ, большею частію невѣроятными обвиненіями, взводимыми на Максима, нельзя было объяснить его слишкомъ тридцати-лѣтнее заточеніе и страданіе, послѣ той отличной довѣренности, которою онъ пользовался при дворѣ. Напечатанное теперь соборное дѣяніе даетъ ключь къ этой загадкѣ. Какъ видно, Максимъ не любилъ и не уважалъ великаго князя Василья Ивановича и дурно объ немъ отзывался; онъ осуждалъ такъ же образъ жизни, богатство и нравы тогдашняго нашего духовенства. «Да ты же», говорилъ митрополитъ на соборѣ Максиму: «святыя Божія Соборныя и Апостольскія церкви и монастыри укоряеши и хулиши, что они стяжаніе, и люди и доходы и села имѣютъ... да ты же Максимъ, святыхъ чюдотворцовъ Петра, и Алексѣя, и Іоны, Митрополитовъ всеа Руссіи, и преподобныхъ чюдотворцевъ Сергія, и Варлама, и Кирила и Пафнотія, и Макарія, укоряеши и хулиши, а говоришь такъ: занеже они держали городы, и волости, и села, и люди, и судили, и пошлины, и оброки, и дани имали, и многое богатство имѣли, и по имъ нелзѣ быти чюдотворцомъ». Такъ же говорилъ онъ Михайлѣ Медоварцову, про митрополита и владыкъ: «а что они и знаютъ? имъ надобе пиры и села, и скакати и смѣяти съ воры». Но главная, существенная причина осужденія и преслѣдованій Максима заключалась, кажется, въ томъ, что онъ обличалъ князя и епископовъ въ постановленіи митрополитовъ безъ патріаршаго рукоположенія и благословенія: «Великому Князю и Митрополиту» говорилъ Максимъ «кличютъ многолѣтіе и еретиковъ проклинаютъ, занеже творятъ не по писанію, ни по правиламъ, а митрополитъ поставляется своими епископы на Москвѣ, а не въ Царѣградѣ отъ патріарха». На соборѣ спросилъ Максима Досиѳей: «говорилъ еси многимъ людемъ, что здѣсь на Москвѣ Митрополитъ *поставляется* своими епископы Русскими безъ благословенія

Патріарха Цареградскаго, а все то за гордость не пріемлютъ Патріаршескаго благословенія, ставятся собою самочинно и безчинно». Максимъ отвѣчалъ, что «пыталъ онъ, начемъ не ставятца Митрополиты Русскіе по прежнему и по старому обычаю у Патріарха Цареградскаго? И сказалъ ему, что Патріархъ Цареградскій далъ благословенную грамоту Русскимъ Митрополитомъ поставлятися имъ волно своими Епископы на Руси, и онъ много тое грамоты пыталъ, и до сѣхъ мѣстъ невидалъ ея; и онъ молвитъ: коли здѣсь у нихъ грамоты нѣтъ Патріарха Цареградскаго, и они въ гордости не ставятца по прежнему и по старому уставу побычаю, отъ Патріарха Цареградскаго, то есть мнѣ тѣмъ плачемъ Іеріміиномъ, егда плакашеся на рѣцѣ Вавилонстѣй, плакавшеся ни покаянія имѣша, ни прощенія грѣховъ получиша». Такое отступленіе отъ уставовъ Максимъ называлъ еретичествомъ. Эти слова освѣщаютъ новымъ свѣтомъ дѣло святогорскаго инока. Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ исторіей нашей церкви, тотъ знаетъ, что вопросъ объ ея отношеніи къ константинопольскому патріарху, поднятый очень рано, еще при Ярославѣ, въ XV и XVI вѣкахъ сталъ однимъ изъ важныхъ, деликатныхъ и трудныхъ вопросовъ времени. Съ самого начала наша церковь находилась въ политической зависимости отъ свѣтской власти князей; но тѣ изъ нихъ, которые были сильнѣе и энергичнѣе, старались упрочить и довершить эту зависимость устраненіемъ вмѣшательства восточныхъ патріарховъ въ наши церковныя дѣла. Патріархамъ это, разумѣется, было непріятно, и они не упускали случая напоминать о своихъ историческихъ правахъ и ихъ осуществлять, по возможности. Въ XV вѣкѣ, когда окончательно образовалось Московское Государство, великимъ князьямъ и царямъ стало удобнѣе, легче преслѣдовать эту цѣль, и они не замедлили этимъ воспользоваться, но дѣйствовали искусно, осторожно, исподоволь, боясь явно оскорбить

щекотливыя историческія преданія, глубоко вкорененныя въ народѣ, и поддержаніе которыхъ такъ тѣсно было связано съ интересами духовенства. Вотъ почему упрекъ Максима и имѣлъ тогда важное политическое значеніе, и дѣло его получило государственный характеръ. По недостатку данныхъ, мы не смѣемъ положительно утверждать, что этотъ монахъ былъ агентомъ константинопольскаго патріарха въ Московскомъ Государствѣ; но это очень могло быть, по крайней мѣрѣ, тогдашнее русское правительство могло видѣть въ немъ орудіе патріаршихъ замысловъ. Въ связи съ этимъ могла состоять дѣйствительная или мнимая переписка Максима съ турецкими пашами и самимъ султаномъ. Что на него смотрѣли, какъ на политическаго преступника, и старались прервать его сношенія съ другими, видно изъ того, что ему запрещено было писать и получать письма. Наконецъ, когда однажды родились противъ Максима подозрѣнія, исправленія, допущенныя или сдѣланныя имъ въ нашихъ церковныхъ книгахъ, стали источникомъ обвиненій; ошибки выросли въ злоумышленныя преступленія,—во всемъ, въ самыхъ обыкновенныхъ, естественныхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ увидѣли преднамѣреніе и вину. На соборѣ митрополитъ спросилъ Медоварцова: «кто тебѣ велѣлъ заглаживати во Апостольскихъ дѣяніяхъ строку о вѣрѣ Господа нашего Іисуса Христа?» Михаилъ отвѣчалъ: «мнѣ, господине, все Максимъ велѣлъ такъ чинити, а князь Васьянъ старецъ велѣлъ мнѣ его слушати, и азъ его слушалъ и писалъ, а иное заглаживалъ. А сказывалъ есми многажды старцу Васьяну Княжь Иванову сыну о томъ, и Васьянъ старецъ мнѣ говорилъ: мало ли что брѣдили и писали. И азъ молвилъ: наши книги переведены съ греческихъ же книгъ, а писаны онѣ отъ Святаго Духа Святыми Апостолы и Святыми отцы. И Васьянъ старецъ говорилъ: отъ дьявола писаны, а не отъ Святаго Духа; а ты слушай мене, *Васьяна*, да Максима Грека, и какъ тебѣ велятъ писати или

заглаживати Максимъ Грекъ, такъ учини. А здѣшнія книги всѣ лживыя, а правила здѣшнія кривила, а не правила; а до Максима есмя по тѣмъ книгамъ Бога хулили, а не славили, ни молили; а нынѣ есмя Бога познали Максимомъ и его ученіемъ». Что могло быть естественнѣе такого изъявленія нетерпѣнія противъ возраженій, оскорблявшихъ глубокое убѣжденіе, особливо въ живомъ человѣкѣ и въ то время; а оно вмѣнено въ вину. Этого мало: Максима Грека укоряли въ богохульствѣ, волхвованіи, грубомъ еретичествѣ и Богъ знаетъ въ чемъ еще. Такія нелѣпости не заслуживали бы даже упоминанія, еслибъ они не живописали рѣзкими чертами то время, въ которое происходилъ знаменитый судъ. Легко можетъ быть, что эти обвиненія выдуманы нарочно, съ цѣлью возбудить ненависть къ Максиму даже въ тѣхъ, которые имѣли наиболѣе причинъ держать его сторону, чтобы тѣмъ прикрыть настоящую причину его происхожденія, придать благовидность его обвиненію. Но такъ же легко могли они быть порожденіемъ стоустой молвы и явиться вслѣдствіе недостатка того здраваго общественнаго смысла, который разомъ отличаетъ въ обвиненіяхъ вѣроятное отъ невѣроятнаго и осторожно произноситъ приговоръ противъ человѣка. Максимъ Грекъ, можетъ-быть, и сдѣлалъ нѣкоторыя сомнительныя поправки въ нашихъ церковныхъ книгахъ. Этого было достаточно, чтобъ самыя нелѣпыя выдумки, самые неправдоподобные разсказы находили толпы слушателей и передавались изъ устъ въ уста за достовѣрные факты. И теперь еще это повторяется ежедневно на нашихъ глазахъ, особливо въ частномъ быту, во вторыхъ слояхъ общества. Довольно одной вины, чтобъ человѣкъ, впрочемъ очень обыкновенный, выросъ вдругъ въ общемъ мнѣніи въ изверга, въ чудовище. Между собой и преступникомъ мы не находимъ ничего общаго. Въ нашихъ глазахъ онъ существо особеннаго рода, способное на все, кромѣ обыкновеннаго, человѣческаго. Что жъ было въ

XVI вѣкѣ, когда бытъ всей Россіи стоялъ не много выше теперешняго крестьянскаго? Оттого напечатанный теперь актъ вскрылъ, такъ сказать, дѣло Максима Грека, но далеко не объяснилъ его вполнѣ; да и врядъ ли оно когда-нибудь объяснится. Нельзя указать точку, гдѣ оканчивается фактъ и начинаются ложь, выдумки, преувеличенія. Это зависитъ не столько отъ недостатка фактовъ, сколько отъ характера тогдашняго судопроизводства, которое, подобно всѣмъ сторонамъ древне-русской жизни, было проникнуто патріархальными, а не юридическими элементами; задача его состояла не въ томъ, чтобъ разсудить или оправдать, а въ томъ, чтобъ вывѣдать и обвинить. Да и стоило ли слишкомъ вдаваться въ подробности изслѣдованія? человѣкомъ, его неприкосновенностію неслишкомъ тогда дорожили. Рѣшали предубѣжденія и пристрастія.

Актъ изданъ превосходно. Ему предпослано предисловіе, написанное г. Бодянскимъ, въ которомъ тщательно описанъ документъ, показаны неправильности и особенности его правописанія и объяснены причины, почему онѣ устранены въ печатномъ текстѣ. Въ послѣднее время археологическій педантизмъ до такой степени было усилился, что мы съ особеннымъ удовольствіемъ прочли здравое, просвѣщенное сужденіе ученаго филолога, имѣющаго авторитетъ въ этомъ дѣлѣ. «Памятникъ этотъ», говоритъ г. Бодянскій, «печатанъ нами со всею дипломатическою точностію; отступленіе сдѣлано только въ отношеніи къ одному лишь образу писанія его, которое, ничѣмъ не отличаясь отъ обыкновеннаго въ свое время и не заключая ничего особенной важности... своей измѣнчивостью и прихотью писца только что затрудняетъ непріятнымъ образомъ чтеніе и обижаетъ глазъ нелѣпостью и чудовищностью. Строгое наблюденіе правописанія необходимо въ древнѣйшихъ памятникахъ, которые, за немногими исключеніями, *всегда удивительно* послѣдовательны въ ономъ, и потому, какъ

представляющіе намъ осуществленіе извѣстной идеи, достойны изученія. Но, избѣгая, съ своей стороны, упрека въ произволѣ, необходимо въ такомъ случаѣ всякой разъ, предлагать характеристику памятника, которая, разумѣется, по общности отличительныхъ свойствъ его, будетъ сжата, нерѣдко въ двухъ, трехъ словахъ, что̀, сравнительно съ безпрестаннымъ повтореніемъ ни къ чему не ведущихъ безсмыслицъ подлинника, составляетъ истинное, благодѣяніе для читающихъ». Этотъ методъ изданія давно уже принятъ археографической коммиссіей; но между нашими учеными и археологами онъ и теперь еще новость. Тѣмъ пріятнѣе видѣть противодѣйствіе безполезному педантизму со стороны г. Бодянскаго.

Очень важна и любопытна десятая глава завѣщанія Іосифа Волоколамскаго, напечатанная въ седьмой книжкѣ «Чтеній». Она изображаетъ внутренній бытъ нашихъ монастырей и обителей въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, слѣдовательно въ одну изъ самыхъ интересныхъ эпохъ русской исторіи. Изъ живой картины, яркими чертами набросанной Іосифомъ, видно, что рядомъ съ высокими образцами мистико-созерцательной, аскетической жизни въ тогдашнихъ монастыряхъ господствовала большая грубость нравовъ, характеризующая древнюю Русь; настоятели дѣйствовали на братію не одними пастырскими увѣщаніями, но и побоями. Даже бывало, что иноки, не стерпя насилія, разбѣгались, и монастырь оставался пустымъ; въ такихъ случаяхъ князь иногда вмѣшивался, прогонялъ игумена, и тогда монахи опять возвращались въ обитель. Нравы иноковъ не отличались особенной чистотой. Уставы держались только личностью великихъ іерарховъ и послѣ нихъ упадали. Игуменовъ избирали братія. Изъ этого видно, что московскіе цари еще не участвовали тогда въ назначеніи игуменовъ, и весьма вѣроятно, что оно окончательно установилось не прежде Ивана Грознаго. — Наконецъ, здѣсь мы находимъ

первое и покуда единственное извѣстіе о Саввинѣ-Тверскомъ монастырѣ. Какъ строгъ былъ блаженный Савва, настоятель этого монастыря, къ инокамъ въ отношеніи къ церковному благочинію и въ тоже время снисходителенъ къ оскорбленіямъ, ему лично наносимымъ, видно изъ слѣдующаго разсказа Іосифова:

Толико тщаніе имѣяше о паствѣ, яко же ему всегда предстояти въ дверѣхъ церковныхъ и жезлъ въ руку имѣя; и аще убо кто отъ братіи къ началу не пріиде, или прежде отпущенія исхождаше, или на пѣніи бесѣды творяще, или отъ своего мѣста на иное преходяше, никако же умолчаваше, но возбраняше и запрещаше, или кто отъ пѣнія исходяще не единою, яко же ему ни малая согрѣшенія и безчинства презирати; впреку же глаголющихъ и безчинствующихъ овогда жезломъ біяше, овогда же въ затворъ посылаше, и бяше же жестокъ, егда потреба, и милостивъ, егда подобаше, яко же напреди слово покажетъ. Сему нѣкогда наказующу брата безчинствуща и браду свою въ окно изложивша; братъ же подвигся отъ нѣкоего бѣса обѣма рукама браду его ухвати и мало оставн, всю же исторгъ, братія же похитиша его, и приведоша ко блаженному Саввѣ, вопрошающе его, какъ велитъ сего мстити. Онъ же рече имо: азъ убо и жезломъ бію и въ запоръ отсылаю монастырскаго ради безчинства и братнія ради обиды, своея же ради обиды не подобаетъ ми мстити, но вся терпѣти».

Въ концѣ приложена еще небольшая выписка изъ сочиненій Іосифа, служащая любопытнымъ дополненіемъ къ исторіи Троицкаго Сергіева монастыря и вообще къ нашей церковной исторіи въ XV и XVI вѣкѣ. Изъ этой выписки видно, что Василій Васильевичъ нѣсколько монастырей, по ихъ просьбѣ, отнялъ изъ владѣнія удѣльныхъ князей и взялъ подъ свою державу. Поводомъ служили притѣсненія со стороны князей и ихъ неуваженіе къ монастырямъ, игуменамъ и инокамъ. Такъ Іосифъ разсказываетъ, что Александръ Ѳедоровичъ Ярославскій «егда хотяше пріити на свой монастырь на каменое, повелѣваше съ собою псы въ монастырь приводити, такоже и въ трапезу, и егда самъ ядяше, тогда и псы повелѣваше кормити *также* (*тою* же?) пищею, иже самъ ядяше». Очень рано, еще

съ Василья Дмитріевича, московскіе великіе князья и цари стали посредниками въ ссорахъ и неудовольствіяхъ по церковному управленію между духовными особами: настоятелями монастырей и митрополитами, или эпархіальными начальниками.

Наконецъ, къ этому же отдѣлу должно отнести библіографическую статью, помѣщенную въ седьмой книжкѣ «Чтеній», подъ заглавіемъ: «Опись книгъ Іосифо-Волоколамскаго монастыря 1573 года». Здѣсь находимъ много выписокъ изъ рукописей этого монастыря, что придаетъ описи большую цѣну.

Перейдемъ къ другимъ историческимъ матеріяламъ и статьямъ, помѣщеннымъ въ двухъ послѣднихъ книжкахъ «Чтеній».

«О соляномъ озерѣ Halmyris», статья покойнаго Венелина. Это изслѣдованіе объ имени и роли, которую играло въ древности Рамзинское озеро, близь Дуная. На основаніи свидѣтельства Анны Комниной и Константина Багрянороднаго Венелинъ утверждаетъ, что озеро называлось прежде Соленымъ и доставляло соль, почему и было издавна главнымъ пунктомъ при-Дунайской торговли. Это подало автору поводъ войдти въ подробное и остроумное объясненіе извѣстнаго разсказа императора Константина о плаваніи русскихъ въ Царьградъ; оно занимаетъ большую половину изслѣдованія. Какъ всѣ статьи Венелина, и эта отличается оригинальностью взгляда, живостью, ясностью изложенія, но также изобилуетъ странными выходками и еще болѣе страннымъ словопроизводствомъ. Анну Комнину Венелинъ вездѣ называетъ ея высочествомъ, Анной Алексѣевной, цесаревной, и въ благодарность за ея извѣстіе, изъявляетъ готовность подойдти къ ея ручкѣ на томъ свѣтѣ. Развитіе темы, что соляной камень есть камень здравія, благосостоянія и образованія человѣчества, равно какъ и этимологическое производство названій разныхъ металловъ: желѣза отъ жилы, золота отъ жолтый, серебра отъ сѣрый, олова отъ

отливать, — изумительны. Какъ бы то ни было, но будущіе изслѣдователи древнѣйшей торговли около Чернаго моря непремѣнно должны будутъ обратить вниманіе на это умное, дѣльное разсужденіе.

«Примѣчанія на русскія хронологическія вычисленія XII вѣка», г. Хавскаго. Здѣсь доказывается, что январьскій годъ введенъ въ Россіи не Петромъ Великимъ съ 1700 года, какъ думали доселѣ, а вмѣстѣ съ принятіемъ христіянской вѣры, — что Несторова лѣтопись написана на сентябрьскій, а не на мартовскій годъ. Не беремся рѣшать, правъ ли авторъ, или нѣтъ, и предоставляемъ это знатокамъ, спеціяльно изучившимъ нашу древнюю хронологію.

«Объ имени и положеніи города Винеты, иначе Юмина, Юлина, Іомсбурга», — Шафарика, пер. г. Бодянскимъ. Знаменитый славянскій ученый рѣшаетъ въ этой статьѣ одинъ изъ самыхъ запутанныхъ историческихъ вопросовъ, что доказывается множествомъ сочиненій о томъ, гдѣ стоялъ этотъ городъ? существовалъ ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, когда-нибудь? должно ли разумѣть подъ этими различными названіями одинъ городъ или разные города? Оттого диссертація г. Грановскаго о томъ же предметѣ вызвала на диспутѣ самыя жаркія возраженія. Не позволяя себѣ произносить сужденія въ дѣлѣ, столько запутанномъ и обслѣдованномъ извѣстными учеными, мы ограничимся однимъ изложеніемъ результатовъ, выведенныхъ Шафарикомъ. По его мнѣнію, Юлинъ, Волинъ, Юмне, Юминъ, Іомсбургъ, Винета — суть различныя названія одного и того же города, бывшаго на островѣ Волинѣ и уже въ X вѣкѣ превосходившаго всѣ прочіе города славянскаго поморья народонаселеніемъ, торговлей и богатствомъ.

«Два еврейскихъ письма о Хозарскомъ царствѣ», переведенные съ подлинника г. Гартенштейномъ. Въ «Историческомъ и статистическомъ сборникѣ» покойнаго г. Валуева

было помѣщено извлеченіе изъ письма рабби Хиздай бэнъ Ицхака къ хозарскому царю, переведенное на русскій языкъ г. Коссовичемъ. Въ предисловіи къ переводу, г. Коссовичъ говоритъ, что рабби Хиздай получилъ отвѣтъ, но онъ ему неизвѣстенъ. Г. Гартенштейнъ отыскалъ этотъ отвѣтъ въ одной еврейской книгѣ, и онъ-то напечатанъ въ шестой книжкѣ «Чтеній». Мы нашли въ немъ мало любопытнаго, исключая извѣстія о принятіи царемъ хозарскимъ Гюляномъ еврейской вѣры, которое во многихъ подробностяхъ сходно съ разсказомъ о принятіи христіянской вѣры Владиміромъ. Гораздо интереснѣе и богаче свѣдѣніями о хозарскомъ царствѣ второе письмо. Оно написано въ опроверженіе сомнѣній, возникшихъ между евреями насчетъ подлинности письма рабби Хиздая; но отвѣтъ хозарскаго царя признается имъ за выдумку, принадлежащую какому-нибудь испанскому еврею. Судя по второму письму, Хозары приняли еврейскую вѣру въ XI вѣкѣ. Хаканы хозарскіе управляли и судили съ совѣта девяти старѣйшинъ разныхъ исповѣданій. При Хаканѣ находился непремѣнно одинъ Еврей, который назывался каганомъ и жилъ въ царскомъ дворцѣ. Въ эту должность избирался знатокъ еврейскаго закона, ибо къ нему обращался Хаканъ за совѣтомъ по дѣламъ судебнымъ; на прочія онъ не имѣлъ никакого вліянія. Интересныя свѣдѣнія находимъ также въ примѣчаніяхъ къ письмамъ, составленныхъ г. Гартенштейномъ.

По части матеріяловъ особеннаго вниманія заслуживаетъ продолженіе «Опыта русскаго народнаго словотолковника» г. Макарова и «Повѣсть» объ осадѣ Пскова Баторіемъ.

Предпріятіе г. Макарова, само по себѣ, заслуживаетъ полнаго одобренія. Недостатокъ въ словарѣ для словъ и выраженій, употребляемыхъ въ простомъ народѣ, весьма ощутителенъ, особливо въ наше время, когда изученіе древней русской письменности приняло широкіе размѣры,—

на народную рѣчь совершенно измѣнилась и литературный языкъ, болѣе и болѣе выработываясь изъ тяжелыхъ искуственныхъ формъ, въ которыя по необходимости былъ на время закованъ, сталъ быстро сближаться съ народнымъ и жадно вбирать въ себя его элементы. Мы вполнѣ понимаемъ всю трудность такой работы и не поставимъ въ вину почтенному составителю словаря пропуски и неполноту. Даже о приблизительномъ совершенствѣ въ этомъ столько новомъ еще дѣлѣ теперь и мечтать нельзя. Но намъ показались странными, — и мы позволимъ себѣ замѣтить это,—произвольныя словопроизводства, сближенія и неточныя объясненія словъ, что̀ попадается довольно часто въ добросовѣстномъ и полезномъ трудѣ г. Макарова. Напримѣръ, въ словарѣ сказано, что слово вижжать значитъ плакать; это несправедливо; въ числѣ разныхъ объясненій слова вольгота находимъ, будто бы оно значитъ и поощреніе; валяшки, по мнѣнію г. Макарова, есть названіе коня, лошади. Это выводитъ онъ изъ того, что ямщики кричатъ иногда на лошадей: пошелъ, валяй валяшки! Но кто же не знаетъ, что валять значитъ у насъ дѣлать что-нибудь скоро, поспѣшно, а валяшки такое же не передаваемое выраженіе, какъ спанюшки, баюшки и т. д.? Если даже и допустить, что здѣсь это слово относится къ лошадямъ, то все-таки оно прилагательное, употребленное вмѣсто существительнаго и ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть признано за названіе лошади. Эти примѣры мы выписали наудачу, изъ нѣсколькихъ страницъ, но подобныхъ недосмотровъ очень много. Надѣемся, что начитанный, добросовѣстный авторъ не приметъ нашихъ словъ за однѣ придирки. Мы уважаемъ его прекрасный трудъ и желали бы видѣть въ немъ какъ можно менѣе произвольныхъ, отъ сочинителя зависящихъ недостатковъ.

«Повѣсть о прихоженіи литовскаго короля Степана на *великій и славный* градъ Псковъ» была уже извѣстна Карамзину,

который на ней основалъ свой разсказъ объ осадѣ Пскова Баторіемъ; но, если не ошибаемся, теперь она впервые является въ печати, по списку, доставленному г. Сахаровымъ. Какъ историческій матеріялъ, она имѣетъ, пожалуй, свою цѣну: вотъ все что можно о ней сказать, ибо съ перваго взгляда видно, что эта повѣсть писана какимъ-нибудь монахомъ, человѣкомъ совершенно бездарнымъ, ограниченнымъ, который гнался за риторическими фразами. Одного поверхностнаго сравненія этого памятника съ нашими древними лѣтописями достаточно, чтобъ убѣдиться, въ какомъ упадкѣ находилась въ XVI вѣкѣ литература нашихъ монастырей и иноковъ.

Впрочемъ, какова бы ни была «Повѣсть», нельзя не поблагодарить общество за ея изданіе. Какъ историческій памятникъ, она замѣчательна даже своею уродливостью.

Пропуская письмо покойнаго епископа пензенскаго, Иннокентія, и двѣ грамоты Алексѣя Михаиловича, не представляющія ничего особенно замѣчательнаго, скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о письмѣ черногорскаго владыки П. П. Нѣгоша Московскому Обществу Исторіи и Древностей, въ которомъ онъ благодаритъ его за избраніе въ почетные члены. Это письмо любопытно во многихъ отношеніяхъ. Большая его половина — панегирикъ, славословіе Москвѣ, украшенное цвѣтами полувосточной фантазіи:

«О сколь Москва восхищаетъ меня (восклицаетъ владыка)! Москва—священная скинія великаго народа, въ которой воспитывается завѣтъ нашего величія! Москва—колыбель Донскаго, Іоанна Великаго, Пожарскаго и Романовыхъ! Москва мать царей, — начало величія Славянскаго! Москва столица знати и Святый олтарь Православія и Славянства! Москва, которая великодушнымъ всесожженіемъ своимъ показала свѣту имя Славянское,—непоколебимая скала, о которую величіе Запада Европы сокрушилось» и т. д.

Утѣшительно читать эти слова. Отдѣливъ изъ нихъ то, что къ Москвѣ нейдетъ, и устранивъ полупоэтическіе образы, мы

получимъ искреннюю, глубокую симпатію владыки къ Россіи, убѣжденіе, что въ ея рукахъ судьбы славянскаго міра. Такія чувства для насъ должны быть дороги и питаютъ нашу національную гордость, тѣмъ болѣе, что владыка воспитывался въ Россіи. Самая форма, въ которой они выразились, очень естественна, если вспомнимъ, что письмо писалъ начальникъ Черногорья: до Петра Великаго мы сами выражались точно такъ же. Но отрадное дѣйствіе этого посланія какъ-то невольно ослабляется мыслью, что многіе, особливо въ Москвѣ, истолкуютъ слова владыки буквально и извлекутъ изъ нихъ новый аргументъ въ пользу своего неисторическаго москвофильства, а это вызоветъ со стороны другихъ насмѣшки и злыя остроты противъ письма, которыхъ оно ни въ какомъ отношеніи не заслуживаетъ. Таково еще у насъ, къ сожалѣнію, состояніе мнѣній: запоздалыя теоріи, органъ изчезающихъ остатковъ древней Руси, подрумяненныя съ помощью новѣйшей европейской науки, вызываютъ и поддерживаютъ крайности въ умахъ и отдаляютъ появленіе того, давно желаннаго, спокойнаго, но исполненнаго силы и энергіи безпристрастія, которое для насъ теперь есть единственно возможный путь къ прямому, здравому взгляду на вещи. Конечно, есть уже люди, на столько твердые въ реальномъ пониманіи нашего прошедшаго и настоящаго, что призраки, добросовѣстно или не добросовѣстно выдаваемые за истину, не въ силахъ ринуть ихъ въ противоположное, столько же далекое отъ нея воззрѣніе; но большинство не таково: одна дожь отбрасываетъ его къ другой лжи, и въ этомъ колебаніи, какъ ни ограничена его сфера, безплодно проходитъ время, которое можно бы употребить и полезнѣе и лучше. Всего печальнѣе то, что разномысліе вертится почти исключительно около однихъ словъ, сведено на голословныя различія, діалектическія хитросплетенія и тонкости, которыя сдѣлали бы честь самому *Горгіасу*. Защитники московскихъ теорій ловятъ своихъ про-

тивниковъ на словахъ, на выраженіяхъ, и горе, если имъ попадется новичокъ, неискусившійся въ паутинѣ многосложной московской формалистики! Ничего не зная и не подозрѣвая, онъ будетъ торжественно провозглашенъ прозелитомъ московской александрійской школы, и отъ этого штемпеля ему ужь не очиститься никакими заклинаніями. Оттого люди, извѣдавшіе и вкусившіе отъ московскихъ преній, чрезвычайно осторожны въ разговорахъ. Они хорошо знаютъ, что въ Москвѣ, какъ это ни странно, назначили себѣ въ XIX вѣкѣ мѣсто свиданія схоластики всѣхъ вѣковъ и народовъ для окончательнаго окончанія своихъ многомудрыхъ диспутовъ. Кому же, непосвященному въ эту тайну, можетъ она придти въ голову? Всякій здравомыслящій, безпристрастный человѣкъ изъ непосвященныхъ, недавно пріѣхавшій въ Москву, на вопросъ: какъ вамъ нравится письмо Нѣгоша?—не обинуясь скажетъ, что оно ему нравится,—что оно произвело на него пріятное впечатлѣніе. Но посвященный, то же здравомыслящій и безпристрастный, никогда такъ прямо не скажетъ: онъ слишкомъ опытенъ, чтобъ неосторожно искренно обнаруживать свое мнѣніе. Сперва онъ подумаетъ, съ кѣмъ говоритъ, потомъ оглянется, нѣтъ ли вблизи такого человѣка, при которомъ нельзя высказываться спустя рукава, подъ страхомъ быть тотчасъ же причислену къ прозелитамъ московскихъ теорій. Тогда только онъ станетъ отвѣчать, но и тутъ отвѣтъ его не всегда будетъ одинаковъ: одному онъ скажетъ, что письмо ему очень нравится, другому—что оно ему вовсе не нравится, отъ третьяго сперва вывѣдаетъ, въ какомъ смыслѣ онъ его спрашиваетъ, и потомъ отвѣтитъ, соображаясь съ человѣкомъ, мѣстностію, обстоятельствами, даже послѣдними гостиными разговорами. И при всемъ разнообразіи, даже противоположности отвѣтовъ, онъ останется вѣренъ своимъ мыслямъ, потому что вся сила, все вниманіе сосредоточены на словахъ, а не на дѣлѣ. Все это служитъ новымъ до-

казательствомъ, что въ исторіи нѣтъ прыжковъ, и каждый народъ непремѣнно переживаетъ всѣ ступени развитія. Мы смѣемся надъ схоластикой средневѣковой Европы, и добродушно не замѣчаемъ, что сами въ ней сидимъ по-уши. За то этимъ, конечно немножко дорого, выкупается для насъ честь быть въ послѣдствіи, когда-нибудь, представителями всемірно-историческаго развитія человѣчества.

Въ восьмой книжкѣ «Чтеній» помѣщено нѣсколько важныхъ статей и матеріяловъ по части церковной исторіи и древней русской духовной литературы. Они составляютъ главное содержаніе, хотя и остальное во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія.

Любопытна статья, подъ названіемъ «Исторія церквей Гельветическаго исповѣданія въ Литвѣ» г. Лукашевича, переведенная съ польскаго на русскій г. Хмѣльницкимъ. Въ восьмой книжкѣ помѣщено только ея начало. Авторъ—Полякъ и католикъ, но это не помѣшало ему сохранить безпристрастіе и спокойный тонъ въ разсказѣ происшествій, которыми ознаменовалась въ Литвѣ борьба протестантизма и отчасти православія съ католицизмомъ; исключеній немного, по крайней мѣрѣ сколько мы видѣли до сихъ поръ. Все сочиненіе обнимаетъ исторію протестантскихъ церквей въ Литвѣ, съ ихъ водворенія до царствованія Сигизмунда Августа III; здѣсь же обозрѣніе событій доведено только до 1595. Желая вкратцѣ познакомить читателей съ содержаніемъ этой важной статьи, о предметѣ вообще у насъ мало знакомомъ, мы, чтобъ не нарушить единства разсказа, поговоримъ о ней когда выйдетъ вся статья. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о матеріялахъ для церковной исторіи и духовной литературы.

Извлеченіе изъ грамоты Паисія, ферапонтовскаго монаха, *къ великому* князю Василью Ивановичу о разводѣ его съ пер-

вой супругой и вступленіи во второй бракъ. Этотъ документъ изданъ по двумъ спискамъ, съ варіантами, и содержитъ въ себѣ историческій разсказъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ разводу Василья Ивановича и о началѣ суда надъ Максимомъ Грекомъ съ его дѣйствительными или мнимыми соумышленниками. Задумавъ развестись съ своей супругой, потому что у ней не было дѣтей, великій князь обратился за совѣтомъ къ Вассіану. Вассіанъ сказалъ ему, что если онъ разведется и вступитъ во второй бракъ, то совершитъ прелюбодѣяніе. Василій разгнѣвался, заключилъ Вассіана въ Чудовъ монастырь и черезъ нѣсколько дней, по совѣщаніи съ митрополитомъ Даніиломъ, «составилъ на него свидѣтеля», чудовскаго архимандрита Іону, который донесъ, что «во обители... государевѣ богомоліи, Максимъ Грекъ и Сава святогорцы жительствуютъ по Государеву велѣнію, сходатая имѣютъ себѣ доп(б)описца Михаила Медоварцева, и тріе совокуплены во единомысліе, и толкуютъ книги, и изводятъ словеса по своему изволенію, и исправляютъ по своему разуму, безъ согласія и безъ повелѣнія твоего, и безъ благословенія Митрополичьяго, и безъ собора вселенскаго, и Васьянъ согласился съ ними же, и творятъ укоризну царствію твоему; а велѣлъ еси быти въ своемъ богомоліи и вобреженіи старцу Васьяну, и вницаютъ въ неподобная и мерзкая суесловія, съ ними же и Селиванъ чернецъ, единогласникъ тріехъ, сі(ы)й». Вслѣдствіе этого доноса былъ созванъ соборъ, на которомъ Вассіанъ, Максимъ Грекъ и прочіе осуждены и разосланы въ заключеніе по разнымъ монастырямъ, а дѣло о разводѣ опять поднято. Отправлена грамота къ четыремъ патріархамъ, о томъ, можно ли расторгнуть бракъ по неплодію, или нѣтъ? Патріархи отвѣчали отрицательно. Маркъ, патріархъ іерусалимскій, предсказывалъ даже, что если у великаго князя и родится сынъ, то онъ принесетъ Россіи несчастія.

Все попраетъ, и роды... Болярьстіи, и стратигове, и племянника Лаковрича и вси... Христіяне во страсѣ и утѣсняеми будутъ; но реку презритъ вся Вселенскій Соборъ, и воспріиметъ подъ свою руку Келевдеріи, и будетъ грабитель чюжаго имѣнія, моль же поядаетъ ризы, а чюжаго имѣнія грабленіемъ и свое все истребитъ, и наполнится... царство страсти и печали, и будутъ въ та лѣта убиванія многа и муки величествію Саранадасійскихъ (то есть боярскихъ) родовъ, и юношъ нещадѣніе, и ово на кола, инымъ усѣченіе главы, и затоцы безъ милости, и мнози гради огнемъ попрани будутъ.

Словомъ, это предсказаніе объ Іоаннѣ Грозномъ, какимъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ съ одной стороны и какимъ его только и разумѣли современники, особливо духовенство, имѣвшее на то свои причины. Можетъ-быть, оно-то и заставило Карамзина, которому этотъ актъ былъ извѣстенъ, усомниться въ его достовѣрности, ибо «много странныхъ выраженій и словъ вымышленныхъ, какихъ не бывало въ языкѣ нашемъ», онъ приводитъ, какъ доказательство подложности. Но едва ли сомнѣніе основательно; слова патріарха могли быть вставлены позднѣе. Это потому вѣроятно, что рукопись, съ которой напечатанъ памятникъ, отнесена издателемъ къ XVI или даже XVII вѣку (см. № 7, предисловіе къ пренію Даніила съ Максимомъ); сверхъ того, предвѣщаніе Марка составляетъ особенный періодъ, который легко можетъ быть опущенъ, безъ нарушенія цѣлости, единства акта. Здѣсь сказано: «они же велиціи Патріарси согласистася и предложили писаніе по правиломъ святыхъ отецъ: неподобаетъ тако тебѣ, Государю, творити, понеже и мірской чади правила святыхъ отецъ запрещаютъ. Но единъ изъ четырехъ великихъ Патріарховъ восписалъ свирѣпствомъ, Марко Іерусалимскій». Затѣмъ слѣдуетъ предсказаніе, а вслѣдъ за нимъ: «вскорѣ же дойде епистолія къ Государю отъ Патріарховъ» и т. д. Такимъ образомъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что переводчикъ или передѣлавшій посланіе, *прочитавъ*, что Маркъ «восписалъ свирѣпствомъ», приписалъ *отъ себя*, *по* готовому и извѣстному, пророчество объ Иванѣ

Грозномъ или измѣнилъ слова патріарха. Какъ часто обезображивались такими вставками и передѣлками наши древніе акты, всего разительнѣе видно на церковныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава; ихъ что̀ ни списокъ, то новый текстъ, а между тѣмъ, мы знаемъ навѣрное, что они существовали, хотя ихъ подлинники или вѣрныя копіи, можетъ-быть, навсегда утрачены. Какъ бы то ни было, это мѣсто очень любопытно. Оно, мимоходомъ, даетъ поводъ къ разнымъ, болѣе или менѣе вѣроятнымъ, предположеніямъ, въ объясненіе загадочнаго дѣла Максима Грека и взаимныхъ отношеній русскихъ великихъ князей къ восточнымъ патріархамъ. Если грамота была отправлена къ послѣднимъ послѣ заточенія Вассіана, Максима и другихъ, очень понятно, почему они отказали великому князю въ разводѣ. Они были имъ недовольны за своевольныя распоряженія, которыми Василій болѣе и болѣе отстранялъ отъ себя и русской церкви вліяніе восточныхъ іерарховъ. Такимъ образомъ, разбираемый нами документъ еще болѣе наводитъ на догадку, что Максимъ Грекъ дѣйствительно былъ органомъ восточныхъ патріарховъ, и что они имъ воспользовались для своихъ цѣлей. Что дѣло противъ Максима началось сперва вслѣдствіе гнѣва великаго князя на Вассіана за прямо высказанное мнѣніе о разводѣ его съ Соломоніей,—это очень вѣроятно. Но, конечно, это не была единственная причина гоненій. Соборъ раскрылъ другія, болѣе важныя и опасныя тайны.

Какъ бы то ни было, въ выписи сказано, что Василій, получивъ грамоту отъ патріарховъ, опечалился и послалъ ее къ митрополиту. Митрополитъ, прочитавъ, сказалъ слѣдующія замѣчательныя слова: «своей страны нечестива имѣетъ царя, и да блажитъ его, сего же нашего государя православнаго укоряетъ; но сыну Василей тебѣ, глаголю Великому Князю, учинити благословеніе, и возметъ на ся, и всѣмъ Вселенскимъ соборомъ благословимъ творити ему». Соображая это съ преды-

дущимъ и послѣдующимъ, мы думаемъ, что и въ этомъ случаѣ инициатива принадлежала не митрополиту, а великому князю, который, подобно своимъ предмѣстникамъ и преемникамъ, не любилъ церемониться, когда что-нибудь лежало ему поперегъ дороги. Монахи или не понимали этого, или нарочно передѣлали и цѣлой риторической обстановкой затмили настоящій смыслъ событія. — Несмотря на это утѣшеніе, предлагаемое услужливымъ митрополитомъ, Василій уѣхалъ въ Александровскую слободу, вызвалъ къ себѣ сарскаго и подольскаго епископа Досифея, обвинителя Вассіанова Іону и придумывалъ что̀ ему дѣлать? Обстоятельство было нелегкое. Въ это время труднѣе и труднѣе становилось дѣйствовать съ восточными патріархами такъ же открыто, какъ дѣйствовали Ярославъ, Ростиславъ и другіе. Притомъ, сѣмена уже были посѣяны Максимомъ; нельзя было узнать, какіе они принесли плоды, сколько приверженцевъ нашли въ Россіи его мнѣнія. Вступить во второй бракъ по благословенію одного русскаго духовенства было опасно, а патріархи не давали благословенія. Въ это время возвратился въ Москву изъ Крыма великокняжескій посолъ Иванъ Колычевъ и привезъ съ собою ферапонтовскаго монаха Гавріила съ грамотою отъ святогорскихъ монастырей къ Василію о его разводѣ и вступленіи во второй бракъ. Начало этой грамоты есть въ «выписи», но конца, кажется, нѣтъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ издатель это акта, г. Бодянскій, и мы не можемъ не согласиться съ его мнѣніемъ, ибо вопросъ поставленъ, а разрѣшенія его нѣтъ. А очень жаль! Судя по началу, мы вправѣ думать, что конецъ пролилъ бы большой свѣтъ на все событіе; святогорскіе монахи берутся за вопросъ хитро, осторожно, издалека, что заставляетъ догадываться, что и они рѣшали его не въ пользу великаго князя. Можетъ быть даже, что конецъ умышленно уничтоженъ, по*тому что* раскрывалъ факты, обреченные вѣчной тайнѣ. Имен-

но это предположеніе и заставляетъ насъ искренно желать, чтобъ нашелся полный списокъ «выписи». При такихъ отличныхъ, неутомимыхъ археологахъ, какихъ мы теперь имѣемъ въ лицѣ гг. Калачова, Ундольскаго и др., наше желаніе, быть можетъ, и исполнится.

«Посланіе Гелладія», новгородскаго и псковскаго архіепископа, «Іоасафу, архіепископу Ростовскому и Ярославскому». Этотъ документъ доставленъ Обществу преосвященнымъ Филаретомъ, епископомъ рижскимъ, и, если не ошибаемся, теперь впервые является въ печати (къ сожалѣнію съ пропускомъ). Онъ замѣчателенъ потому, что прибавляетъ нѣсколько новыхъ данныхъ къ извѣстіямъ о такъ называемой жидовской ереси, тщательно собраннымъ и превосходно обслѣдованнымъ г. Рудневымъ [1]). Ученый изслѣдователь, котораго мы теперь назвали, весьма основательно усомнился-въ томъ, что наши жидовствующіе дѣйствительно держались одной іудейской вѣры, и, подтвердивъ свое сомнѣніе полновѣсными доводами, раскрылъ въ ихъ ученіи элементъ раціонализма, справедливо заставляющій искать ихъ источника въ томъ сильномъ броженіи идей, которое предшествовало явленію Лютера. Новое, хотя и отрицательное доказательство этому находимъ въ посланіи Гелладія. Онъ говоритъ: «и обрѣтохъ здѣсе Новгородскихъ еретиковъ, Жидовская мудрствующихъ; покрыты жъ суть онѣхъ еретикъ клятвенною укоризною, Маркіанскія глаголы и Мессаліанскіа». И потомъ, еще яснѣе: «А что ни есть ересей Мессаліанскихъ, то все они мудрствуютъ, только

---

[1]) «Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, бывшихъ въ русской Церкви со времени Владиміра Великаго, до Іоанна Грознаго. Москва. 1838 г.» Эта книга, Богъ знаетъ почему, мало извѣстна, а между тѣмъ, такихъ въ русской исторической литературѣ не насчитаешь и десяти; это вѣрно. Взглядъ на наши тогдашнія ереси и расколы обличаетъ въ авторѣ нетолько остроумнаго критика, но и глубокаго знатока древней Руси.

то Жидовскимъ десятословіемъ людей прельщаютъ, яко чествующе мнятся». Итакъ очевидно, что они не были приверженцы еврейскаго закона, какъ думали не совсѣмъ просвѣщенные наши предки. Далѣе находимъ, что такъ называемые жидовствующіе не признавали клятвы или присяги, и потому безстрашно присягали, что они истинные, православные христіяне; ихъ попы завтракали и пили до обѣдни; къ согрѣшеніямъ, особенно плотскимъ, послѣдніе не были строги и легко ихъ прощали.

Отношенія между Геллаліемъ и Іосафомъ изъ этой грамоты не совсѣмъ ясны. Кажется, между ними была размолвка, и по всему видно, что послѣдній — не знаемъ почему — не хотѣлъ принять дѣятельное участіе въ обличеніи еретиковъ.

«Содержаніе посланія Іосифа Волоколамскаго къ Ивану Ивановичу» (Челяднину). Оно было извѣстно покойному митрополиту Евгенію, который указываетъ на нѣсколько его списковъ. Сравнивъ выборки, сдѣланныя изъ этого акта и напечатанныя въ «Чтеніяхъ», съ краткимъ жизнеописаніемъ Іосифа Волоколамскаго въ «Словарѣ духовныхъ писателей», мы не нашли въ первыхъ ничего новаго и замѣчательнаго. Одинъ отрывокъ былъ уже помѣщенъ въ седьмой книжкѣ «Чтеній», въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Преподобнаго Іосифа Волоколамскаго отвѣщаніе и сказаніе о святыхъ Отцѣхъ, бывшихъ въ Русстѣхъ монастырѣхъ»; мы о немъ говорили. Это изданіе мы считаемъ совершенно безполезнымъ. Оно не сообщаетъ самого акта, вполнѣ или въ отрывкахъ, что̀ было бы очень важно, а одинъ разсказъ о немъ, въ которомъ кое-гдѣ вставлены изъ него подлинныя слова. Такъ какъ эти подлинныя слова не представляютъ ничего новаго, то мы и понять не можемъ, къ чему этотъ разсказъ напечатанъ. Полнаго изданія онъ не замѣнитъ, слѣдовательно, не принесетъ никакой пользы и ни *въ какомъ* отношеніи.

«Слово Кирилла философа на Соборъ Архистратига Михаила». Господинъ Розовъ, доставившій Обществу это слово, не безъ основанія приписываетъ его русскому митрополиту Кириллу II, за исключеніемъ очень немногихъ мѣстъ съ темными указаніями на древне-русскіе обычаи и повѣрья. Эта находка имѣетъ библіографическій интересъ, никакого другаго. Съ нею лишь увеличился и безъ того кажется довольно длинный списокъ риторическихъ проповѣдей, передѣланныхъ съ греческаго на славяно-церковный языкъ, на пользу души нашихъ праотцевъ.

Кромѣ исчисленныхъ статей и актовъ, восьмая книжка «Чтеній» содержитъ въ себѣ продолженіе «Лѣтописнаго повѣствованія о Малой Россіи» Ригельмана (Часть II и III, книги 4-ю и 5-ю), до вступленія Мазепы съ войскомъ подъ покровительство Карла XII; два акта, сообщенные соревнователемъ Общества г. Борисовымъ—о разбоѣ на Волгѣ и Окѣ, и о набѣгѣ Литовцевъ и Черкасъ на Шартомскій монастырь (оба XVII вѣка); наконецъ, письмо объ избраніи на польскій престолъ Михаила Вишневецкаго и статью покойнаго Венелина объ исторіи. Акты г. Борисова и лѣтописное повѣствованіе не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго; но письмо и еще болѣе статья Венелина очень любопытны, и потому въ заключеніе мы займемся ими.

Въ 1669 году гетманъ Демьянъ Многогрѣшный прислалъ въ Москву переводъ съ письма, писаннаго по-польски ротмистромъ Андреемъ Рачкевичемъ изъ Варшавы къ старостѣ лоевскому, Котарскому, объ избраніи Вишневецкаго на польскій престолъ. Этотъ переводъ найденъ и доставленъ Обществу г. Бѣляевымъ. Рачкевичъ пишетъ: «Слава на неби Господеви, что счастливо, знатно по изволенію Божію.... единогласно, безъ всяческихъ противныхъ рѣшеній, избрахомъ Государя». Далѣе: «невозможно изрѣщи, не точію описать, но и въ ер-

никахъ таковы згоды и радости дочитаются (вѣрно: дочитаться), какова нынѣ во единъ часъ учинилась всей рѣчи посполитой, згода единодушная, что безъ шуму, безъ мятежу, во удивленье и безъ разлитія крови, съ неподобныхъ дѣлъ учинились подобные, чего ни единъ не начаялся таковы згоды».

Сенаторы не хотѣли приступить къ выбору короля «для своихъ вымысловъ и прибылей, отъ которыхъ (кандидатовъ на корону) деньги поимали», и медлили, но посполитое рушенье окружило ихъ и требовало тотчасъ же приступить къ избранію. Оно происходило по воеводствамъ; каждое изъ нихъ «имѣло свои думы» особливо, и всѣ согласились избрать Михаила Вишневецкаго. Избраніе сопровождалось разными благопріятными предзнаменованіями. Когда, передъ «думами», всѣ съ колѣнопреклоненіемъ запѣли «Снійди святый Душе», трижды пролетѣла надъ ними бѣлая птица. Воеводство сендомирское только что задумало избрать Михаила, говоря, что его отецъ, воюя съ казаками, кормилъ ихъ медомъ, и, можетъ-быть, и сынъ будетъ такъ же кормить,—пчелы сѣли на бунчукъ предъ Равскимъ повѣтомъ въ Калишскомъ воеводствѣ, «которой рой пчелъ собравъ поручикъ пришед(л)ъ несучи въ шлемѣ до воеводства Сендомирскаго, поздравляючи князя его милость Королемъ, сіе же знатно, яко самъ Богъ избра тя Государь, когда мы начали вспоминати князя его милость, тотчасъ тѣ пчелы сѣли предъ нашимъ воеводствомъ». Такія суевѣрія и примѣты были у насъ, въ Польшѣ, и у всѣхъ народовъ естественнымъ отводомъ противъ случайностей, которыя безъ помѣхи властвовали надъ общественной и частной жизнью; не видя въ ней разумнаго, человѣкъ долженъ былъ придать ей разумность извнѣ, потому что чистая случайность для него невыносима, противна его природѣ.

Избранный король сначала отказывался: «Началъ князь *плакати*, что недостоинъ азъ сего, не издѣвайтесь надо мною,

слугою своимъ, ненадобны суть сіи рѣчи», но наконецъ согласился. Послѣ краткаго привѣтствія епископа кульскаго, примасъ, архіепископъ гнѣзненскій, трижды спросилъ посполитую рѣчь, согласны ли они имѣть избраннаго королемъ, и потомъ назвалъ его королемъ польскимъ. Избранный долженъ былъ присягнуть на условіяхъ («договорныхъ прибыткахъ») въ церкви св. Яна. Затѣмъ уже, черезъ шесть недѣль, должна была послѣдовать коронація.

Перейдемъ, наконецъ, къ статьѣ Венелина, подъ заглавіемъ: «Мысли объ исторіи вообще и русской въ частности». Читая эту статью, незнаешь, чему больше удивляться—яркому ли таланту писателя, живости и остроумію его взглядовъ, или той странной, часто нелѣпой формѣ, въ которой они выразились. Нѣтъ сомнѣнія, Венелинъ былъ, что̀ называется, живой человѣкъ. Оттого онъ предугадывалъ и чуялъ многое, чего и не подозрѣвали его ближайшіе недальновидные современники. Часто попадалъ онъ такъ мѣтко въ самую сущность дѣла, затрогивалъ такіе живые вопросы въ наукѣ, что невольно спрашиваешь себя: неужели это могло быть написано въ одну изъ самыхъ безплодныхъ эпохъ исторической литературы? Но рядомъ съ проблесками необыкновеннаго таланта встрѣчаются и удивительныя вещи. Одно съ другимъ сливалось у Венелина въ какой-то странный хаосъ, въ которомъ трудно найтись, не имѣя своего опредѣленнаго, высказаннаго взгляда на предметъ. Все это очень понятно, и очень грустно, когда поразмыслишь! Судьба Венелина въ нашей исторической литературѣ во многомъ сходна съ судьбой Каченовскаго, какъ они, впрочемъ, ни различны между собою. Оба хватали гораздо дальше, нежели успѣли высказать и сдѣлать; оба передовые люди, первые пошли на проломъ противъ безмыслія, напыщенности, задушившихъ было всякое разумѣніе русской исторіи, и обоихъ осилила тупая среда, противъ которой они

бились на смерть; если они не поддались ей совсѣмъ до конца, то не могли избѣжать и ея воздѣйствія, наложившаго на нихъ странную, едва понятную для насъ печать. Такъ справедливо, что взглядъ на исторію есть актъ народнаго сознанія, за предѣлы котораго не перешагнуть никому. Такъ несомнѣнно, что нравственная атмосфера, которой дышетъ народъ, создается и перерождается долгимъ временемъ и совокупными усиліями множества дѣятелей. Замѣчательные умы и таланты, передъ которыми теперь открыто широкое поле, очищенное отъ хлама предразсудковъ и упорной безсознательности, тогда поневолѣ должны были укладываться въ неловкую, тяжелую форму и рѣдко, мимоходомъ, могли высказываться, потому что встрѣчали на каждомъ шагу препятствія, превышавшія силы одного человѣка. Не осмѣливаемся рѣшить, ясно ли понимали Каченовскій и Венелинъ великій подвигъ, который имъ предстоялъ, но котораго они не могли совершить по времени, когда дѣйствовали, по трудностямъ, которыя встрѣтили; то несомнѣнно, что оба далеко не были поняты. Ихъ невысказанная мысль осталась прекраснымъ, глубокомысленнымъ завѣщаніемъ для грядущихъ поколѣній; но современники, ихъ собратія по дѣлу, видѣли одни писанныя слова, буквы и разбирали ихъ съ наивной добросовѣстностью записныхъ ученыхъ: трудъ очень почтенный и полезный, даже необходимый, но не ему было оцѣнить въ мѣру и Каченовскаго и Венелина. Кого увѣрите теперь, что предѣломъ ихъ историческихъ убѣжденій были подложность Несторовой лѣтописи или славянство Варяговъ? Въ глаза бросается, что ихъ навели на эти мысли другія, болѣе глубокія и въ своемъ основаніи вѣрныя требованія отъ науки русской исторіи. А тогда спорили только о томъ, что они сказали, и, Боже мой! какіе горячіе были споры! Подумаешь, въ нихъ рѣшалась судьба русскаго царства! Очень понятно, что удары, которые посыпались на Каченовскаго и Венелина,

должны были оглушить ихъ и отклонить ихъ дѣятельность и вниманіе въ другую сторону. Такъ и прошли они, не высказавшись. Мысли ихъ были подавлены; имъ не изъ чего было развиваться.

«Слово *Исторія* (такъ начинаетъ свою статью Венелинъ), Богъ вѣсть съ чего взятое, означаетъ *описаніе* или *изображеніе;* посему *Исторія Россіи* есть тоже, что *изображеніе Россіи*. Такимъ образомъ, напишите исторію нынѣшней Россіи тогда только, когда изобразите ее со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ ея частяхъ, представите ее на ладони. Дѣло идетъ о народѣ. Такъ 1) откройте его отличительныя черты отъ прочихъ народовъ, языкъ, имя; 2) изобразите его *устройство* (organisatio), ибо народъ, какъ цѣлое, есть тѣло органическое; организмъ этотъ есть не иное что, какъ только порядокъ; порядокъ же есть единственное условіе существованія или жизни цѣлаго. Устройство народа состоитъ изъ двоякаго порядка: а) *внѣшняго*, или формы устройства, и б) изъ *внутренняго*, или законовъ и правъ. Вотъ два условія жизни народа, какъ цѣлаго, изъ коихъ первое представляетъ намъ *органы* или орудія жизни народной, а послѣднее самую внутреннюю, *жизненную силу*. Оба рода порядка имѣютъ между собою столь тѣсную связь, что одинъ безъ другаго существовать не можетъ. Изображеніе всего *перваго*, на чужомъ языкѣ, называется Археологіей, Археографіей. Русскаго названія этой наукѣ нѣтъ, ибо ученые, для общаго блага, до сихъ поръ думали, что понятнѣе будетъ названіе науки, вымастеренное изъ какого-либо бусурманскаго языка, чѣмъ русское, и что полезнѣе, для уразумленія онаго имени, заставить юношу коптѣть 7 лѣтъ надъ Еллинскимъ языкомъ, чѣмъ, посредствомъ Русскаго слова, дозволять ему понять то въ одну секунду. Это просто. по-Русски, можно перевести *Чинопись*, т, е., описаніе чиновъ.

Изображеніе послѣдняго есть... *Законопись*... *Правопись*, описаніе Правъ и Законовъ, иначе, *Правовѣдѣніе*, *Законовѣдѣніе*.

Изобразивъ, подробно, внутренное и внѣшнее устройство народа, т. е., тѣло, какъ цѣлое, мы уже получаемъ о немъ довольно ясное понятіе.

3) Изобразите душу народа. Въ этой статьѣ изобразите: а) характеръ и нравы; б) умственныя способности: 1) всю сферу его свѣдѣній, касательно Бога, Природы и самаго человѣка; 2) состояніе искусствъ и издѣлій.

4) Изобразите его, такъ сказать, *прозябаніе:* а) всѣ роды напитка, пищи имъ употребляемой, образъ приготовленія оной; б) всѣ виды, качества и формы одѣяній; в) качества и формы жилищъ; г) опишите ясно всѣ вещи, употребляемыя въ общежитіи, во первыхъ, изъ необходимости, во вторыхъ, изъ пользы, въ третьихъ для удовольствія, словомъ опишите образованіе народа, *или питаніе.*

5) Получивъ понятіе о тѣлѣ народа или массѣ, устройствѣ оной, душѣ или духѣ оной, и образѣ питанія оной, вы начертили главныя условія, соединеніе коихъ составляетъ полную жизнь народа, совершенно аналогическая съ тѣми законами или условіями, коими поддерживается жизнь самаго человѣка.

Единственный признакъ сей жизни есть *движеніе*, какъ въ человѣкѣ, такъ и въ народѣ. Можетъ-быть, скажете, что человѣкъ можетъ жить, нѣкоторое время, безъ всякаго движенія, т. е., что, ни чуть не двигаясь, онъ все живетъ; нѣтъ: движеніе, хотя и не ощутительно снаружи, но составныя частицы его тѣла движутся безостановочно, и тогда, когда тѣло человѣка, будетъ находиться въ совершенномъ, такъ называемомъ, покоѣ, дыханіе, какъ условіе питанія тѣла, движетъ большую часть покоющагося тѣла, а пульсъ разливаетъ во всѣ уголки онаго движущіяся влаги, т. е., питательные соки. По сему, самое *питаніе* тѣла, само по себѣ, есть вѣчное движеніе, происходящее въ столь строгомъ порядкѣ, что нельзя ему не удивляться довольно.

Конечно, подобное движеніе совсѣмъ различно отъ того, которое производитъ человѣкъ разбудившійся отъ сна и принявшійся за работу. Разница ощутительна; посему, вообще, движеніе раздѣлить можно на: 1) движеніе *внутреннее*, или *питанія*, или *существованія*, или *порядка;* 2) движеніе *внѣшнее* или *предпріятія*.

Совершенно подобнымъ образомъ происходитъ и въ народѣ. *Внутреннее* движеніе есть: а) *Повиновенія* или *порядка;* это есть безпрерывное теченіе дѣлъ Государственныхъ, дѣлъ управленія всего цѣлаго во всѣхъ большихъ и малѣйшихъ его частяхъ; б) *Питанія*, когда всѣ частицы сего цѣлаго *гоняются* за собственнымъ своимъ пропитаніемъ. *Внѣшнее* движеніе, или *предпріятія*, суть всѣ тѣ дѣянія, которыя цѣлый народъ, или часть онаго, по волѣ цѣлаго, *предпринимаетъ* что либо и совершаетъ; эти-то предпріятія суть дѣла или дѣянія народа, почти всегда клонящіяся къ своей настоящей или будущей пользѣ, а иногда и для пользы другаго, если этого требуетъ собственная выгода, точно такъ, какъ это бываетъ и съ человѣкомъ. Дѣла народа, обыкновенно, происходятъ или посредствомъ пословъ, или посредствомъ армій, или посредствомъ коммерческой компаніи, каравановъ; сюда относятся всѣ предпріятія для общаго удобренія и усовершенствованія поля наукъ, искусствъ и ремеслъ, и кое что еще, тому подобное.

Въ семъ-то послѣднемъ (внѣшнемъ движеніи) мы должны понять и изобразить степень *народной дѣятельности*, отъ которой единственно зависитъ его независимость и довольство, т. е., счастье.

И такъ въ полномъ изображеніи народа, вы должны очертить и степень его дѣятельности, приведши его дѣла и сравнивъ съ дѣлами другихъ. Это весьма нужно знать; ибо эта дѣятельность не всегда находится на той же точкѣ: иногда бываетъ сильнѣе, иногда слабѣе, иногда въ томъ, а тамъ въ *другомъ отношеніи*. Конечно, только изъ вѣрнаго означенія разныхъ оттѣн-

ковъ дѣятельности народа можно начертать вѣрное его жизнеописаніе, или описаніе его дѣяній.

Наконецъ, 6-е, чтобы почувствовать относительное достоинство, дѣятельность, относительное состояніе народа, должно познакомиться съ его сосѣдами; ибо нужно знать, какую роль онъ играетъ въ кругу своихъ сосѣдей. Это суть тѣ оттѣнки, которые вполнѣ освѣтятъ ваше изображеніе».

Какъ ни причудливо выразился Венелинъ, но въ основаніи онъ правъ. Онъ живо чувствовалъ, что исторія непремѣнно должна разсматривать народъ, какъ живой организмъ, иначе она не будетъ исторіей, а сборникомъ извѣстій или фактовъ, изъ которыхъ ровно ничего не слѣдуетъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ выразилъ свое требованіе еще яснѣе.

«Съ нѣкотораго времени стали требовать картинъ, или картинныхъ изображеній во всеобщей Исторіи. Это значитъ, что люди, наскучивъ безсвязностью между предметами или фактами всемірной Исторіи, пожелали видѣть въ ней какую-либо связь, или, лучше сказать, какой либо общій смыслъ. Къ несчастью, изъ частей, не имѣющихъ между собою никакой связи, нельзя составить ни смысла, ни картины. Дѣланы были, преимущественно въ Германіи, многочисленные опыты всеобщей Исторіи. Старанія писателей не стремились уже къ тому, чтобы выразить существо во всеобщей Исторіи, но изыскивали способы облегчить ея изученіе. Способы эти опять были механическіе, ибо дѣло шло только о порядкѣ, въ которомъ бы лучше представить произшествія; одни представляли въ таблицахъ, другіе подраздѣляли по столѣтіямъ, третьи на періоды, эпохи и проч., смотря по ихъ умѣнію; наконецъ, иные подраздѣляли по языкамъ, вѣроисповѣданію и проч.

Вообще, нѣтъ существенной выгоды изъ Синхронистическаго изложенія Исторіи всѣхъ странъ; ибо кромѣ того, что, большею частью, между событіями разныхъ странъ нѣтъ никакой связи, тѣ, которые подраздѣляютъ свою исторію на періоды, при изображеніи событій всякой страны нить ихъ разсказа постоянно возвращается съ конца къ началу періода, такъ что Хронологія одного и того же періода столько разъ повторяется, сколько государствъ сочинитель предположитъ себѣ изобразить».

Все это теперь не новость; хорошій гимназистъ уже убѣжденъ въ этомъ. Но въ свое время такія мысли не всякому были по плечу. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить русская историческая литература, остававшаяся до послѣдняго

времени чуждой подобнымъ требованіямъ, какъ будто не знала о нихъ.

Не довольствуясь критикой синхронистическаго способа изложенія исторіи, который, разумѣется, не могъ ему нравиться, Венелинъ бросаетъ, какъ медикъ, въ него медицинскія остроты.

«Возьми одинъ Томъ готовой, хорошей Исторіи всякаго государства; раздѣли, вообще, время quantum satis или ad libitum, на періоды въ 10, 20 или 50 лѣтъ; сдѣлай экстрактъ изъ каждаго перваго тома, т. е., схвати однѣ верхушки; соедини въ одно, misce ac divide in partes aequales № столько, т. е., смѣшай и раздѣли на столько равныхъ главъ, изъ сколькихъ томовъ дѣланы экстракты; detur, signetur, т. е., отпусти и надпиши: *проглотить бѣдному ученику наизустъ по одной экстрактной главѣ въ день.*

Къ этому присоединяется иногда изустное замѣчаніе, чтобы ученикъ, если экстрактная глава произведетъ въ немъ тошноту, сдѣлалъ изъ нея извлеченіе.

По мнѣнію автора, гораздо лучше составить для преподаванія краткія отдѣльныя исторіи народовъ. Такія исторіи онъ называетъ общими, въ противоположность пространнымъ или подробнымъ. Соединеніе общихъ исторій не есть еще то, что мы называемъ всеобщей исторіей, ибо въ такомъ случаѣ мы получили бы сумму общихъ исторій, изъ которыхъ каждая составляетъ особенное цѣлое; а всеобщая исторія должна «заключать въ себѣ событія общія если не всему человѣчеству, то по крайней мѣрѣ нѣсколькимъ странамъ или народамъ».

Во всемъ этомъ нѣтъ, если хотите, ничего новаго, особенно замѣчательнаго. Но интересны пріемы, изобличающіе сокровенную мысль и тенденціи.

Общія событія у Венелина тожественны съ общими чертами, то, что потомъ называлось идеями, принципами и наконецъ теперь историческими началами. Имъ придаетъ Венелинъ особенную важность; ихъ отыскиваніе въ исторіи есть главная задача историка. Развивая эту мысль, которая и теперь еще не получила полнаго права гражданства въ отноше-

ніи къ русской исторіи, авторъ, мимоходомъ, дѣлаетъ, остроумныя замѣтки, которыя сдѣлали бы честь любому русскому историку. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ:

... «Историкъ только въ вѣрно изображенной общей чертѣ можетъ настоящимъ образомъ оцѣнить заслуги какого либо Историческаго лица по тому или другому предмету...

«Иные изъ современныхъ писателей, взявшись судить о ходѣ просвѣщенія въ Россіи, съ гордостію указываютъ на заслуги Московскаго Университета. Каковы бы ни были эти заслуги, оспоривать ихъ нельзя; однако, не должно забыть, что Московскій Университетъ долгое время не имѣлъ бы ни студентовъ, ни достаточнаго числа профессоровъ, еслибы, до учрежденія его, не процвѣтали, въ нѣкоторомъ отношеніи, Духовныя училища. Всякому извѣстно, что, до недавняго времени, Дворянство не посылало дѣтей своихъ для образованія себя въ Университетѣ; ремесленное, купеческое и хлѣбопашественное сословія не могли этого дѣлать по другимъ отношеніямъ; такимъ образомъ, значительная часть студентовъ рекрутуема была въ Духовныхъ училищахъ.

«Кромѣ этого отношенія Духовныхъ училищъ къ Университету, было еще и то, что лучше всего, почти единственно, приготовлялось юношество, для Университетскаго курса, только въ духовныхъ училищахъ. Не забудемъ, что начало и первое развитіе русской литературы принадлежитъ Духовнымъ училищамъ; не забудемъ, что бо́льшая часть мужей, на ученость коихъ осмѣлится указать Русскій Историкъ, получили образованіе въ Духовныхъ училищахъ; не забудемъ, что бо́льшая часть и нынѣшнихъ заслуженныхъ, по части наукъ, мужей проистекаетъ изъ Духовныхъ училищъ; не стану упоминать о тѣхъ лицахъ, которыя унесли свои свѣдѣнія на поприще службы Государственной. И нынѣ еще свѣтская училищность не въ состояніи одна покрывать нужды Россіи, такъ что и доселѣ, преимущественно Іерархія доставляетъ вѣрныхъ служителей и Алтарю, и Престолу и Наукамъ.

«Такимъ образомъ, начало благодѣтельнаго вліянія Іерархіи на все Государство, на весь народъ, должно быть Исторически изыскано и развито.— Если взять Сѣверную Русь XVI или XVII вѣка и сравнить съ южной Русью, принадлежавшею, тогда къ Ляхо-Летто-Русской Рѣчи Посполитой, то Южную Русь видимъ на гораздо высшей степени училищности, чѣмъ Сѣверную...

«Правда, Южно-Русскія Академіи не приносили столькихъ литературныхъ плодовъ, какъ другія Европейскія, ибо Южная Русь имѣла свои домашнія непріятности и угнетенія. Несмотря на это, она имѣла достаточное число образованныхъ лицъ, и эта-то масса благотворно дѣйствовала на массу Сѣверную. Къ числу условій учености Южной Руси принадлежало изученіе Латинской литературы, общей тогда всей Европѣ. Извѣстно, до какого остервенѣнія до-

ходило на Сѣверной Руси предубѣжденіе противъ Латинизма: все, что отзывалось Латынью, въ глазахъ народа отзывалось ересью. По Судебнику Іоанна Васильевича, Царь, между прочимъ, обязывался Русь *оборонити отъ всѣхъ иновѣрныхъ Бесурманъ и Латинъ*. По свидѣтельству одного современника, въ царствованіе Кесаря Алексія Михайловича, изо всего Сѣвернаго дворянства одинъ только боярин Лукіянъ Колосовъ узналъ латинскій языкъ; по этому, ему и ввѣрено было управленіе *Врачебнымъ* или *Лькарскимъ Приказомъ;* но по свидѣтельству того же очевидца (Рейтенфельса), это знаніе Латинскаго языка послужило къ его гибели, но не сказываетъ какъ. Нѣсколько разъ каѳедра латинскаго языка въ Заиконоспаскомъ училищѣ была закрываема и открываема...

«Изъ всѣхъ Южно-Русскихъ Академій болѣе прочихъ дѣйствовала за Сѣверъ Кіевская. Извѣстно, однако, что Кіевская Академія обязана своимъ восхожденіемъ Петру Могилѣ; изъ Могилинои школы вышли въ послѣдствіи, Прокоповичи, Яворскіе и Димитріи Туптады.

«Какъ бы то ни было, по крайней мѣрѣ исторически извѣстно, что просвѣщеніе, въ общемъ своемъ объемѣ, во многомъ вошло въ Россію силою Петра Великаго, и не изъ Западной Европы, но изъ Южной Россіи. Конечно, заслуги Петра Великаго неоспоримы, сей монархъ тѣмъ болѣе великимъ оказывается, что онъ много сдѣлалъ не только по части просвѣщенія, но и по другимъ отраслямъ народной жизни, т. е., въ Петрѣ Великомъ сосредоточиваются эпохи не одной, но нѣсколькихъ *общихъ чертъ* Русской Исторіи»...

Замѣчанія Венелина объ исторіи Карамзина справедливы въ высокой степени. Онъ судитъ о ней съ одной извѣстной стороны, но такъ, что трудно что-нибудь прибавить или возражать.

«Всякій народъ можетъ имѣть столько же общихъ Исторій, сколько имѣетъ и сторонъ. Если кто пожелалъ бы почерпнуть для себя поученіе въ исторіи своего отечества, то можетъ это получить только въ полномъ изображеніи отдѣльныхъ чертъ народной жизни, а не въ пространной Хронологической Исторіи, въ которой есть *отрывки* изъ всякой отдѣльной черты, и въ коей эти отрывки разбиты по разнымъ страницамъ отрывками, принадлежащими къ другимъ общимъ чертамъ, въ которой, напримѣръ, послѣ извѣстія о интригахъ, слѣдуетъ описаніе похода безъ указанія на его послѣдствія; а тамъ возстаніе такого-то города противъ налоговъ; а тамъ постриженіе въ монахини такой-то благородной дѣвы, съ умильнымъ прибавленіемъ объ ея сердечныхъ чувствованіяхъ; а тамъ, что такой-то въ такомъ-то году запретилъ кораблямъ купцовъ такого-то народу выходить изъ гавани по поводу долговъ или контрабан-

ды, и проч. Таковы такъ называемыя Государственныя Исторіи; такова исторія Карамзина; таковы Исторіи, большею частью, и другихъ народовъ. Правда, въ такихъ Исторіяхъ собрана, накоплена въ Хронологическомъ порядкѣ, *всякая всячина*, или всякаго роду *Синхронистическая смѣсь*, но въ такой смѣси вы не увидите продолженія *отрывковъ*, не найдете послѣдствій ни интригъ, ни похода; не усмотрите, какую пользу принесло запрещеніе на такіе-то товары. Въ послѣдующемъ царствованіи, вы увидите другіе отрывки, которые, однако, едва ли согласите съ отрывками предшествующаго царствованія. О многихъ вещахъ встрѣчаются не рѣдко отрывки только черезъ 50 лѣтъ. Какое же поученіе можетъ пріобрѣсть читатель въ такой Исторіи, въ которой онъ самъ долженъ снова собирать разсѣянные, не развитые и недостаточные отрывки; въ которой самъ еще долженъ трудиться, самъ составлять для себя картину изъ отрывковъ, самъ составлять для себя нѣчто цѣлое, общее, и добиваться Историческаго смыслу? Ибо только цѣлое можетъ представить полный смыслъ; только полная черта можетъ выразить физіономію: ея младость, возмужалость, дряхлость; только полная, общая черта можетъ показать возрастъ народа, объяснить, что онъ сдѣлалъ, и чего еще отъ него ожидать можно, съ какими препятствіями онъ боролся, борется и можетъ бороться; только знаніе общей черты можетъ предохранить отъ неправильныхъ мѣръ (préserver des fausses mesures).

«Превосходство *общей* Исторіи передъ *пространною*, въ учебномъ отношеніи, есть еще въ томъ, что въ общей есть единство; ибо общая преслѣдуетъ и развиваетъ, въ продолженіе всѣхъ столѣтій, одну мысль, одну черту; представляетъ ея превратности, ея судьбу; между тѣмъ какъ въ *пространной* вмѣстѣ говорится и о другихъ чертахъ народной жизни; Исторіи ихъ на всякомъ шагу пересѣкаются, перепутываются, вниманіе развлекается и на всякомъ шагу не удовлетворяется. Поелику Исторія какъ и всякій разсказъ, не можетъ допускать болѣе одного предмета коего судьбу должно разсказывать (въ противномъ случаѣ, если допустить два главныя лица, или предмета, тогда можно сказать, что двѣ Исторіи, два разсказа сметаны, *сложены* въ одинъ), то выходитъ, что въ Исторіи *пространной*, какъ я ее доселѣ называлъ, нѣтъ *единства*. Такую Исторію должно называть *сложною;* такова Исторія Карамзина.

«И такъ, очевидно, что Исторія Карамзина *не Исторія*, а *Временникъ* въ коемъ собрана *всякая всячина въ Хронологическомъ порядкѣ*. Форма, по которой писалъ Карамзинъ, и писали Историки другихъ народовъ, есть также форма *Хронографовъ* (Лѣтописей) или *Временниковъ*. Такъ какъ лѣтописи не заключаютъ въ себѣ всѣхъ источниковъ, необходимыхъ для вѣрнаго изображенія общей какой-либо черты, то первые Исторіографы [illegible] недостаткѣ достаточныхъ матеріяловъ для созданія цѣлаго [illegible] димости, принуждены были придерживаться [illegible]

тѣмъ болѣе удобной, что она принимала всякаго роду факты и безъ связи, было бъ только это въ Хронологическомъ порядкѣ.

«Что же осталось дѣлать бѣдному людскому воображенію, человѣческому вниманію въ подобныхъ Исторіяхъ? Обыкновенно, біографическіе (жизнеописательные) отрывки, сценическія изображенія, безъ начала и конца, безъ причинъ и послѣдствій, наполняютъ подобныя Исторіи.

Мы не можемъ не цѣнить высоко эти слова, когда подумаемъ, что они написаны не ближе какъ лѣтъ за десять тому назадъ,—когда вспомнимъ, что и теперь еще «школа» видитъ въ нихъ ересь, упорно держась преданій избитой ложной колеи. Въ этихъ словахъ уже слышатся живой голосъ, живыя требованія, провозвѣстники новаго періода нашей исторической литературы, отрадные и утѣшительные, въ какой бы формѣ ни явились. Это заря, за которой неминуемо слѣдуетъ восходъ.

Девятая книжка послѣдняя за нынѣшній 1846—1847 академическій годъ. Несмотря на ея объемъ, далеко превосходящій всѣ предшествующія книжки, мы нашли въ ней сравнительно мало любопытнаго.

Первая статья, по порядку, есть изслѣдованіе «о Патерикѣ Печерскомъ» дѣйствительнаго члена Общества г. Кубарева. Оно было уже напечатано въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1838 г. октябрь), и какъ видно изъ подстрочнаго примѣчанія, перепечатано въ «Чтеніяхъ» безъ измѣненій, но исправленное. Не занимавшись прежде этою отраслью нашихъ древностей, мы не осмѣливаемся произнести мнѣнія объ ученомъ трудѣ г. Кубарева, и предоставляемъ это знатокамъ. Судя по отзывамъ, статья имѣетъ большія достоинства.

Статья Венелина «о Древнихъ жилищахъ русскаго народа» вся основана на топографическихъ и гидрографическихъ розысканіяхъ. Она намъ показалась значительно слабѣе другихъ

его статей, то же помѣщенныхъ въ «Чтеніяхъ»; вездѣ гипотезы, натяжки и самыя странныя выходки, напримѣръ: «Если найдется человѣкъ, который рѣшился бы отдѣлываться тѣмъ только, что-де были Языги Метанасты, тотъ стоитъ того, чтобъ его прогнали нагайками съ каѳедры». Или:

«Такимъ образомъ, по всему Русскому *меридіану,* человѣкъ вездѣ разсчитывалъ, куда ему слѣдуетъ двинуться; въ какую сторону спустить плоды трудовъ своихъ. Если *Тиса* и *Прутъ* указали человѣку путь, то и прочія рѣки Руси подчиняли своей власти людей своего царства (regnum hydraulicum). И такъ, если привести въ движеніе человѣчество всего Русскаго *меридіана,* то та же самая *дрогунская* (?) сила опредѣляла направленіе его движенія. Этотъ командиръ есть и былъ *Геологія* или *Землепись;* а его знамя не шелковое полотнище, а желѣзный заступъ, на которомъ золотая надпись: «*Вѣчная Русская Лѣтопись*». Скомандуйте маршъ всему *меридіану* — вы увидите, что сперва онъ пройдетъ значительное пространство *цѣльнымъ* фрунтомъ, а послѣ разныя его бригады, напримѣръ, *Угличане, Тверитяне, Москвитяне, Калужане* и прочія, выступятъ изъ линіи и обходятъ центръ съ фланговъ діагонально, точно такъ же какъ и рѣки стремятся къ соединенію съ Волгою, *почти* діагонально же, и, въ пустынныхъ низовьяхъ, *фрунтовая линія* превращается въ колонну. Такъ какъ между движеніемъ человѣчества и движеніемъ водъ почти нѣтъ разницы, то можно употребить слово *воды* вмѣсто *дружины,* и сказать: такимъ образомъ всѣ воды Сѣверной Руси, отъ Казани до Астрахани, стремятся цѣльною *колонною* въ свое Каспійское *становище.*

«Такія же эволюціи по всему Русскому *меридіану* низъ Дона, Днѣпра, Дуная, и Тисы, закричите *стой,* и вы увидите какъ далеко удалились отъ центра правое и лѣвое крыло вашего боеваго строя! На картѣ увидите, что ихъ отдѣляютъ необозримыя и *ненасѣлимыя* степи, такъ что ваша армія разстроилась, то есть, превратилась въ *отдѣльные корпуса.* Если Прокопій говоритъ, что Хвалынцы, не имѣя сообщенія съ прочими своими единоплеменниками, ведутъ иногда войны съ своими сосѣдями, Персіянами, за предѣлы своихъ владѣній, то ихъ точно можно назвать *отдѣльнымъ* Кавказскимъ корпусомъ?»

Такова вся статья: написана энергически, но мало убѣждаетъ.

Другая, того же Венелина: «о Времени рожденія названій: греческое, латинское, нѣмецкое, русское или гражданское,

славянское или церковное письмо». Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ ея содержаніе: обыкновенно думаютъ, что церковный алфавитъ изобрѣтенъ Кирилломъ — но совершенно несправедливо: это алфавитъ греческій IX, X и отчасти XI столѣтій. Буквы необходимыя для славянскаго выговора: *ж*, *б*, *ш*, *щ*, *ч*, *ц*, *ы*, *я*, *ю*, *ъ* и т. д. не изобрѣтены, а взяты изъ древнеславянскаго алфавита, извѣстнаго теперь подъ названіемъ глаголическаго. Около времени Цицерона Римляне оставили этрусскій алфавитъ, которымъ писали не только они, но вся Европа, и приняли греческій. Въ IX, X и отчасти XI вѣкахъ этотъ алфавитъ, перейдя въ уставный, преобразовался въ угловатый, такъ называемый нѣмецкій. Послѣ того, съ XII вѣка, въ Византіи и Западной Европѣ уставный алфавитъ переходилъ постепенно въ полууставный, курсивъ и скоропись. У Грековъ и Булгаръ полууставъ и курсивъ совершенно разошлись въ формахъ, подобно латинскому и нѣмецкому, происходившимъ, какъ и два первые, отъ одного алфавита. Послѣ изобрѣтенія книгопечатанія Мануцій Альдъ, принявъ за образецъ прежній греко-римскій алфавитъ, составилъ типографическій шрифтъ, названный antiquae. Славяно-церковный тоже составленъ по образцу уставнаго греческаго; но въ послѣдствіи Голландцы внушили Петру Великому округлить его по образцу antiquae . Такимъ образомъ появилось у насъ различіе между церковнымъ и гражданскимъ алфавитомъ, изъ которыхъ первый соотвѣтствуетъ европейскому monachales, а второй antiquae. Изъ всего этого авторъ выводитъ, что названіе церковныя буквы произошло не ранѣе образованія гражданскаго шрифта при Петрѣ; нѣмецкія—съ того времени, когда Нѣмцы почти исключительно удержали ломанный монашескій шрифтъ, отброшенный всѣми другими народами; славянскій — когда угловатый уставъ всей восточной церкви *сталъ принимать* у Грековъ другой видъ, слѣдственно не

прежде начала XII вѣка; греческія — скоропись греческая XIII, XIV и XV вѣковъ стала исключительно такъ называться съ того времени, когда Мануцій Альдъ составилъ изъ нея печатный шрифтъ (XV в.)

Остальную часть статьи наполняетъ весьма подробное опроверженіе подлинности буллъ Іоанна VIII къ велико-моравскому князю Святополку, 880 года. Поводомъ къ опроверженію послужило выраженіе litterae-slavicae, которое по мнѣнію Венелина появилось не ранѣе XII вѣка.

Не можемъ въ заключеніе не сообщить читателямъ оригинальнаго мнѣнія Венелина о томъ, что значитъ писать уставомъ.

«Писать уставомъ значитъ писать такъ, какъ подписался однажды подъ диктовку одинъ Козакъ: *полукружокъ* вышло С; *палку, опять палку, и еще палку, сверху перекладина,* и вышло Ш, *палку, и еще палку, въ средину перекладина* и вышло Н; *палку и еще палку, вверху перекладину,* и вышло П; *кружокъ* и вышло О и проч.

«Если греческій алфавитъ, съ 800 по 1100 г., прошелъ, такъ сказать, *подъ палками,* то тоже самое случилось въ западной Европѣ, въ эти годы, и съ Римскимъ».

«Объясненіе нѣкоторыхъ географическихъ названій, особенно славянскихъ изъ языка финикійскаго, И. И. Кохомъ»; прежде всего успокоимъ читателей, которые конечно не безъ ужаса и содроганія прочли это заглавіе: г. Кохъ жилъ въ концѣ XVIII вѣка; около 1788 года онъ былъ директоромъ Учительской Педагогической Гимназіи въ Петербургѣ. Эти числа спасаютъ ученую репутацію г. Коха и издатели премудро поступили, сдѣлавъ эту біографическую отмѣтку. Статья сообщена г. Максимовичемъ. Любопытно видѣть, какъ тогда смотрѣли на исторію и понимали историческія изслѣдованія. Мы совершенно не знаемъ восточныхъ языковъ, а слѣдовательно и финикійскаго, а потому не ручаемся, что авторъ именно этимъ, а не другимъ какимъ-нибудь языкомъ объя-

сняетъ географическія названія. Повидимому и сами издатели находились точно въ такомъ же затрудненіи; объ этомъ свидѣтельствуетъ вопросительный знакъ въ скобкахъ, поставленный подлѣ слова: финикійскаго. Но положимъ, что такъ: спрашивается, что выиграетъ наука, если нѣкоторыя географическія названія въ Европѣ будутъ звучать совершенно одинаково съ иными финикійскими словами? По созвучіямъ авторъ приходитъ къ курьознымъ результатамъ. По финикійски (?) Невринъ и Вандалъ значитъ одно и то же. Между прочимъ van dahl значитъ бѣлая безплодная земля густаго чернаго лѣса (!?). Г. Кохъ спрашиваетъ: гдѣ жь эта бѣлая земля, гдѣ жили Невры, что одно и то же, по-финикійски, съ Вандалами?—и отвѣчаетъ: въ Ливоніи; livah по-финикійски значитъ бѣлая; въ Курляндіи, потому что и char то же значитъ бѣлая, въ Бѣлоруссіи, Подляхіи, Мазуріи, Мазовіи, Помераніи, Пруссіи и т. д., потому что всѣ эти имена означаютъ то гору бѣлаго цвѣта, то пространную бѣлую землю, словомъ непремѣнно что нибудь да бѣлое. Этихъ выписокъ кажется достаточно. Боже, какъ подумаешь, сколько шаговъ мы сдѣлали впередъ со времени директорства г. Коха! Право даже иныя статьи г. Погодина кажутся, послѣ объясненій г. Коха, глубокомысленными философскими сочиненіями!

«Переписка о Всеславѣ Брячиславичѣ между протоіереемъ Сабининымъ и г. Бодянскимъ». Въ изслѣдованіи о славянскихъ божествахъ Хорсѣ и Дажьбогѣ г. Бодянскій мимоходомъ замѣтилъ, что сказанное въ «Словѣ о полку Игоревѣ» о Всеславѣ Брячиславичѣ нельзя принимать буквально, что это иносказательныя поэтическія выраженія. Протоіерей Сабининъ не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, и предлагаетъ свое объясненіе. Такъ какъ оно довольно ново, то мы приведемъ его здѣсь *цѣликомъ*, тѣмъ болѣе, что и г. Бодянскій съ нимъ вполнѣ *согласенъ* и находитъ его прекраснымъ и мастерскимъ.

«Пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ описываетъ Всеслава такъ, какъ носилась объ немъ молва въ народѣ, т. е. чародѣемъ, вѣдьмою, если можно такъ выразиться, мужескаго пола, а не болѣе.

«Должно думать, что Всеславъ или былъ неимовѣрно дѣятеленъ, быстръ и смѣтливъ въ своихъ предпріятіяхъ и походахъ, что такая худая молва разнеслась объ немъ, или можетъ-быть, онъ былъ оклеветанъ предъ народомъ въ чародѣйствѣ другою отраслію потомковъ Владиміра Великаго, чтобъ при всеобщемъ народномъ отвращеніи отъ него не допустить его до престола Великокняжескаго. Въ самыя лѣтописи занесено, что онъ былъ рожденъ матерью чрезъ волхвованіе, и отъ этого былъ чрезвычайно кровожаденъ. «сего же мати роди отъ волхвованія, матери бо родившей его, бѣ ему на главѣ знамя язвено, ямо на главѣ его; рѣкоша волсви матери его: все язвено навяжи нань, да носитъ е до живота своего Всеславъ на себѣ; сего ради немилостивъ есть на кровопролитіе». См. Соф. Времен. изд. П. Строева, 1, 155. См. Полн. Собр. Лѣтописей. 1 — 67. Могло ли быть что-нибудь годное и доброе изъ Всеслава, когда онъ родился отъ волхвованія, и когда волхвы, при самомъ вступленіи его на поприще жизни, наставили мать его, какъ сыну ея вести себя въ продолженіи цѣлой жизни? Конечно нѣтъ; онъ могъ быть только чародѣемъ, волхвомъ сильнѣйшимъ, нежели волхвы, научившіе его волшебству въ самомъ началѣ жизни, потому что сила многихъ волхвовъ перешла на него. Почему пѣвецъ «Слова о Полку Игоревѣ» вездѣ гдѣ ни говоритъ объ немъ изображаетъ его какъ чародѣя, какъ оборотня, какъ вѣдьму мужескаго пола, и приписываетъ ему дѣйствія сверхъестественныя, волшебныя? Не волшебство ли это, что Всеславъ, вскочивъ какимъ-то лютымъ звѣремъ въ полночь изъ Бѣлгорода и усѣвшись на синей мглѣ, какъ бы на коврѣ самолетѣ, очутился потомъ вдругъ у Новгорода, а утромъ, употребивъ стѣнобитныя орудія отворилъ уже врата его и разгромилъ славу Ярославу. Не волшебство ли это, что онъ, судя людей и управляя княжескими городами въ продолженіи дня, ночью рыщетъ волкомъ, что онъ изъ Кіева, въ образѣ волка, переносится въ Тмутаракань еще до курь, т. е. до пѣнія пѣтуховъ, и превосходитъ своею быстротою Великаго Хорса т. е. солнце? Замѣтимъ до курь т. е., до пѣнія пѣтуховъ. Почему? Потому что пѣтухъ игралъ важную ролю въ Миѳологіяхъ, древняго міра и въ суевѣріяхъ народныхъ. Онъ былъ птицею солнца и служилъ символомъ его на землѣ, какъ силы производящей и животворящей все. Онъ, раздѣляя своимъ пѣніемъ ночь на двѣ половины, останавливалъ дѣйствія царства тмы, т. е. всякія волшебства, всякія явленія нечистыхъ духовъ, мертвецовъ, оборотней и предвозвѣщалъ близкое появленіе свѣта, враждебнаго тмѣ. Его пѣніе у суевѣрныхъ народовъ означало почти тоже, какъ будто бы само солнце, царь свѣта и врагъ тьмы, выходило на горизонтъ. По чему Всеславъ, если бы не поспѣлъ въ Тмутаракань до пѣнія пѣтуховъ, то бы онъ не достигъ той цѣли какую себѣ предположилъ. Все-

славъ превращается въ волка, какъ въ быстрѣйшее животное: и у Скандинавовъ волки называются конями вечернихъ наѣздницъ, т. е. вѣдьмъ. См. Рус. Истор. Сборник. IV. 83, 115. Не волшебство ли это, что Всеславъ слышитъ звонъ колоколовъ въ Кіевѣ, тогда какъ ему ранѣе обыкновеннаго звонятъ къ заутрени у Св. Софіи въ Полотскѣ, и если звонили прямо для него къ заутрени въ Полоцкѣ, то предполагалось, что онъ былъ дома: но какъ же онъ очутился въ Кіевѣ? Не иначе, безъ сомнѣнія, какъ сверхъестественною волшебною силою... Что жъ изъ всего слѣдуетъ? То, что все мѣсто о Всеславѣ изъ «Слова о полку Игоревѣ» объяснится теперь безъ всякихъ натяжекъ, и что Пѣвецъ этого слова изобразилъ Всеслава такъ, какъ говорила объ немъ молва народная; а что молва народная говорила объ немъ, какъ о чародѣѣ, о томъ свидѣтельствуютъ и Лѣтописи».

Вся переписка, какъ оказалось, возникла отъ недоразумѣній; г. Бодянскій и не думалъ доказывать противное.

«Отрывокъ изъ записокъ профессора Чеботарева» сообщенъ Обществу г. Максимовичемъ. Какъ видно, это не отрывокъ изъ частныхъ записокъ, которыя обыкновенно называемъ записками, а изъ записанныхъ лекцій покойнаго профессора. Третье отдѣленіе ихъ, напечатанное теперь, содержитъ въ себѣ вступленіе въ русскую исторію, а именно общій взглядъ на предметъ, изслѣдованіе о народахъ, жившихъ въ Россіи, и раздѣленіе русской исторіи на періоды. Чеботаревъ, сколько мы можемъ судить по «отрывку», былъ человѣкъ трудолюбивый, знающій и умный. Не теряясь въ фантазіяхъ и ничѣмъ не подтверждаемыхъ гипотезахъ — этой язвѣ нашего времени, онъ строго придерживался положительныхъ фактовъ, и когда они ничего не говорили, онъ, какъ человѣкъ здравомыслящій, воздерживался отъ всякаго заключенія. Оттого правила исторической критики, которыя онъ изрѣдка, мимоходомъ, высказываетъ, очень бы пригодились иному и теперь. Взглядъ его и раздѣленіе на періоды (Шлецеровское; Россія рождающаяся, раздѣленная, порабощенная, побѣдоносная) разумѣется теперь ужь никуда не годится; но мы не станемъ за *это винить* автора, потому что время и понятія были другія.

Между прочимъ мы узнаемъ изъ «Записокъ», чего никогда не подозрѣвали, а именно, что г. Погодинъ составилъ свою вступительную лекцію по запискамъ покойнаго профессора.

«Писать Россійскую Исторію (такъ начинаетъ Чеботаревъ) какое смѣлое предпріятіе! почти теряюсь въ великости оной. Писать Исторію такого Государства, которое составляетъ девятую часть всего обитаемаго земнаго Шара и вдвое больше цѣлой Европы; такого государства, которое вдвое обширнѣе самаго древняго Рима, бывшаго обладателемъ цѣлаго міра; — писать Исторію такого народа, который уже болѣе девяти сотъ лѣтъ на театрѣ міра играетъ большую ролю, и который въ наши времена господствуетъ съ сѣвера на югъ отъ Ледовитаго и Балтійскаго моря до Чернаго, Каспійскаго и Байкала, а съ запада на востокъ отъ рѣки Кименя, Вислы и Днѣстра до Анадыра и Авачи, яко дальнѣйшихъ предѣловъ багряныя зари; — писать Исторію такого государства, которое подъ скипетромъ своимъ соединяетъ Славянъ, Нѣмцевъ, Финновъ, Татаръ, Самоѣдовъ, Калмыковъ, Тунгусовъ и Курильцовъ, народовъ совсѣмъ различнаго языка и различнаго происхожденія, и которое граничитъ со Шведами, Прусаками, Турками, Персами, Бухарцами, Китайцами, Японцами, и Гуронами; словомъ писать Исторію Россіи, сей, такъ сказать, великой колыбели, изъ которой вышли толь многіе народы, разрушившіе въ Европѣ и вновь основавшіе многія знаменитыя государства!

«Разкройте лѣтописи всѣхъ временъ и народовъ и покажите мнѣ такую Исторію, которая бъ пространствомъ своимъ не обширнѣе, но только бъ ровна была Россійской. Она не Исторія земли какой простой, но знаменитой части свѣта, она не Исторія одного какого, но множества народовъ, которые всѣ и языкомъ и религіею или закономъ, и нравами, и происхожденіемъ своимъ различны; но завоеваніями, неисповѣдимою судьбою и счастіемъ Россовъ, соединены въ одно государство».

Сравнивая эти слова съ вступительной лекціей г. Погодина, нельзя не быть поражену необычайнымъ сходствомъ. Въ послѣдней есть только нѣкоторыя распространенія, но они такъ ловко подлажены къ основному взгляду, что и не видно спаекъ. Источникъ можетъ-быть немножко слишкомъ старъ и несовременъ; но въ этомъ случаѣ г. Погодинъ поступилъ на основаніи личнаго вкуса; онъ издавна былъ поклонникомъ старины, и недовѣрчиво смотрѣлъ на всякую новизну—до того недовѣрчиво, что даже, противодѣйствуя ей, не всегда разбиралъ средства. Вѣчный поклонникъ и защитникъ всякаго

рода авторитетовъ, г. Погодинъ въ блестящую эпоху своей дѣятельности представлялъ въ нашей исторической литературѣ вспять-идущее направленіе, вездѣ гибельное, тѣмъ болѣе у насъ, гдѣ покуда нечего останавливать, а надо еще понукать. Чѣмъ больше, выше была его ученая репутація, тѣмъ вреднѣе его вліяніе, наложившее печать на столькихъ людей. На немъ вина, что многіе замѣчательные дѣятели по русской исторіи были забыты, или несправедливо и пристрастно оцѣнены современной литературой и критикой. Ни литературу, ни критику нельзя въ этомъ винить. Могли ли онѣ поступать иначе, когда взгляды и понятія, давно отжившіе свой вѣкъ, начали выдавать публикѣ за непреложныя истины и навязывать молодежи подъ страхомъ отлученія? Къ счастію это время проходитъ; мысль проясняется; все противное здравому смыслу видимо теряетъ авторитетъ. Теперь каждый можетъ безпристрастно судить о русскихъ писателяхъ всѣхъ вѣковъ и всякихъ направленій, не боясь явиться поддержкой и поборникомъ историческаго обскурантизма, и мы очень счастливы, что можемъ исполнить этотъ долгъ въ отношеніи къ г. Чеботареву, несмотря на разительное сходство его взглядовъ съ воззрѣніями г. Погодина.

«Суворовъ и Тугутъ». Переводъ изъ книги Фукса: «Жизнь Суворова». Она давно уже, но не припомнимъ въ какомъ именно году была переведена на русскій языкъ, а отрывокъ, напечатанный теперь въ «Чтеніяхъ», еще въ 1816 году помѣщенъ въ собраніи образцовыхъ сочиненій, въ отдѣлѣ прозы, въ 4-мъ томѣ. Слѣдовательно эта статья въ нашей литературѣ не новость. Языкъ старовать и черезчуръ высокопаренъ.

«Разсужденіе о Финнахъ, ихъ древнѣйшемъ мѣстопребываніи и происхожденіи» Сума, переведено съ датскаго протоіереемъ Сабининымъ. Очень ученая, но крайне сухая, утомительная *для чтенія* статья, изслѣдующая именно тѣ вопросы, которые

всего менѣе могутъ быть названы историческими въ настоящемъ значеніи слова.

Вотъ историко-литературная часть девятой книжки «Чтеній». Остальное занимаютъ матеріялы.

«Сказаніе и повѣсть, еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и о растригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ, и о похожденіи его». Это сказаніе было извѣстно Карамзину, и онъ имъ воспользовался въ X и XI томахъ своей исторіи. Заслуга Общества заключается въ томъ, что оно впервые напечатало этотъ памятникъ вполнѣ, по двумъ спискамъ, которые исправнѣе Карамзинскаго.

«Прѣніе Даніила, Митрополита Московскаго и всея Руси съ старцемъ Вассіаномъ, 1531 года, мая 11 дня». Это новый дополнительный актъ къ дѣлу Максима Грека и его соучастниковъ по трудамъ и бѣдственной судьбѣ. Сколько мы могли замѣтить въ немъ мало существенно новаго въ сравненіи съ актомъ, помѣщеннымъ въ седьмой книжкѣ. Нѣкоторыя мѣста любопытны. Вотъ напримѣръ мнѣніе о такъ называемыхъ градскихъ законахъ:

«Вѣдома тебѣ велика книга: Священныя Правила Апостольскыя и Отеческія, и седьми Вселенскыхъ соборъ и Помѣстныхъ, и прочихъ Святыхъ Отецъ, и отъ Градскихъ законовъ къ нимъ же приложенна и сочетана, понеже Градскіе законе Священнымъ правиломъ послѣдуетъ и кому достоитъ сего взыскати, яко взяти и рѣшати, иная къ симъ по гранемъ обрящетъ и по главамъ, яко же Святіи Отцы уставили и утвердили и запечатлѣли».

Очевидно рѣчь идетъ о Номоканонѣ. Весьма замѣчательно, что и «градскіе законы» сборники свѣтскихъ греческихъ постановленій, имѣли у насъ въ то время (въ XVI вѣкѣ) одинаковую силу съ церковными канонами, ибо о тѣхъ и другихъ говорится вмѣстѣ:

«И тое книгы не смѣе никто же разрѣшити или чѣмъ поколебати отъ седмаго Собора до Рускаго крещенія; а въ нашей Руской земли та книга

больши пяти сотъ лѣтъ Соборную же церковь содръжитъ и все Православное Христіянство просвѣщаетъ и спасаетъ, отъ Святаго и равно Апостоламъ Великого Князя Владимирю и до нынѣ Царя и Великаго Князя Василія неразрушима и непоколебима была ни отъ кого».

Послѣ этого не трудно понять, почему градскіе законы такъ сильно вліяли на наше свѣтское законодательство, что̀ особенно замѣтно въ XVII вѣкѣ.

Въ числѣ обвиненій, вообще довольно сходныхъ съ тѣми, которыя взводились противъ Максима Грека, хотя вообще менѣе невѣроятныхъ и грубо-невѣжественныхъ, мы встрѣчаемъ слѣдующія:

«Отъ Святыхъ Отецъ отъ седми Соборовъ и донынѣ во священныхъ правилѣхъ Еллинская ученія небывала, а ты нынѣ во своихъ правилѣхъ Еллинскихъ мудрецовъ ученіе написалъ Ористотеля, Омира, Филипа, Александра, Платона.

«Да ты же, де, Васьянъ, говорилъ про Чудотворцовъ: Господи! Что ся за Чудотворцы? Сказываютъ въ Колязинѣ Макаръ чудеса творитъ, а мужикъ былъ сельской. И Васьянъ отвѣчалъ: Азъ его зналъ, простой былъ человѣкъ, а будетъ ся Чудотворецъ, ино какъ вамъ любо и съ нимъ, чудотворецъ ли сей будетъ, не чудотворецъ ли».

Вообще Вассіанъ не былъ очень уклончивъ на судѣ; отвѣты его смѣлы, иные исполнены ироніи. Къ сожалѣнію, конца этого интереснаго акта не достаетъ.

«Семейные акты Иванчиныхъ-Писаревыхъ, XVII столѣтія». Большая часть изъ нихъ очень извѣстны, хотя нельзя сказать этого обо всѣхъ. Челобитныя о переписаніи изъ дворового списка въ выборный, о назначеніи въ воеводы и объ отпускѣ съ службы, показались намъ довольно любопытными. Но примѣчанія, которыми г. Иванчинъ-Писаревъ снабдилъ въ изобиліи свои семейные акты, очень посредственны, даже весьма плохи, о чемъ мы и считаемъ нужнымъ предостеречь читателей, мало знакомыхъ съ древне-русскимъ бытомъ. Всѣ ихъ разбирать не стоитъ: мы возьмемъ два, три на выдержку.

Въ примѣчаніи къ первому акту, на стр. 4, г. Иванчинъ-Писаревъ говоритъ, между прочимъ:

«Петръ Великій указомъ 1714 года, совсѣмъ уничтожилъ *помѣстья*, то есть, пожизненныя владѣнія, обративъ ихъ въ *вотчины (отчины)*. Премудрый Монархъ усмотрѣлъ народное зло отъ *помѣстьевъ*, которыхъ не берегли владѣльцы, ибо не прочили ихъ своимъ дѣтямъ, тогда какъ ихъ *вотчины*, то есть потомственныя владѣнія, процвѣтали. Старецъ владѣлецъ, снабжая свои вотчины на счетъ помѣстьевъ, живалъ всегда въ первыхъ, водилъ дѣтей своихъ по слободамъ, знакомилъ ихъ съ поселянами, однимъ словомъ, упрочивалъ ихъ своему потомству; а помѣстья оставались какъ бы отчужденными, не своими».

Во первыхъ, замѣтимъ, что не Петръ Великій обратилъ помѣстья въ вотчины: это издавна приготовлялось, чему есть доказательства уже въ Уложеніи, и еще болѣе въ новоуказныхъ статьяхъ. Наконецъ, указомъ 1684 года, 21 марта (П. С. З. № 1070) установленъ совершенно одинаковый порядокъ наслѣдованія для помѣстій и вотчинъ; потомъ помѣстья велѣно продавать для удовлетворенія частныхъ кредиторовъ, до того эти государственныя земли приняли характеръ вотчинъ. Законъ о единонаслѣдіи имѣлъ совсѣмъ не то назначеніе, какое ему приписываетъ авторъ. Чтобъ наши вотчины когда-нибудь процвѣтали, мы то же не слыхали и крѣпко подозрѣваемъ, что это извѣстіе такъ же справедливо, какъ и все остальное.

Взглядъ на мѣстничество очень оригиналенъ.

«Оно удумано было Іоанномъ Великимъ, дабы упрочить себѣ и своимъ преемникамъ единодержавіе спасшее и усилившее Россію. Князья еще родственники Державнаго, обращенные въ подданныхъ, считались съ его знатнѣйшими служилыми Боярами и домогались стоять въ Государственномъ спискѣ еще выше ихъ. Это могло назваться дѣйствительно аристократіею. Іоаннъ послѣ Новгородскаго похода, велѣлъ написать разряды, то есть, означенія, какимъ полкомъ (корпусомъ или отдѣломъ арміи) кто предводительствовалъ: кто большимъ, кто полкомъ правой, кто лѣвой руки, кто передовымъ, кто сторожевымъ, и кто у кого былъ въ товарищахъ; дабы впредь считались роды по *служебнымъ* мѣстамъ ихъ предковъ, а не по знатнѣйшему Княжескому *происхожденію*. Въ то же время онъ роздалъ многимъ Князьямъ крови Рю-

рика и Гедимина прозвища, вѣроятно, чтобы изгладить въ памяти прежнія ихъ прозванія по ихъ владѣніямъ. Этотъ способъ навѣки упрочить Единодержавіе онъ, казалось, завѣщалъ своимъ преемникамъ, сыну Василію, прямо мудрому, и внуку Іоанну IV. Послѣдній такъ глубоко проникъ эту идею, что всегда готовый за строптивость или не послушаніе подданнаго (кто бы онъ ни былъ) уничтожить его, смирился предъ законами Мѣстничества, и не только прощалъ, но и мирволилъ кичливо непокорнымъ приказаніямъ по этому предмету. Въ его младенчество, при нашествіи Сапиъ-Гирея, Бояре и Воеводы сами объявили себя *безъ мѣстъ;* но это былъ порывъ Русскаго сердца въ годину опасную для Россіи. Въ послѣдствіи, и онъ, при важнѣйшихъ случаяхъ, показывалъ *быть безъ мѣстъ,* но это бывало лишь казуснымъ употребленіемъ Самодержавной власти. Послѣ того мы видѣли какъ смѣтливый Годуновъ уступилъ Мстиславскому первенство въ предводительствѣ противъ Казы-Гирея, не по Княжескому происхожденію послѣдняго, а по родовому служебному старшинству. При всемъ благоговѣніи къ великому подвигу спасителя Россіи, Князя Дм. Мих. Пожарскаго, нельзя оправдать его по закону Мѣстничества и чиновнаго порядка въ непокорности Князю Трубецкому. Воцарившись надъ пепелищемъ Москвы и Россіи, Царь Михаилъ Федоровичъ, внушаемый мудрыми совѣтами, сперва дяди своего Ивана Никитича Романова и также родственнаго ему, Боярина Ѳеод. Иван. Шереметева, а потомъ и отца своего, Филарета Никитича, продолжалъ покровительствовать Мѣстничеству и среди заботъ о успокоеніи и огражденіи царства, истерзаннаго врагами, еще внималъ спорамъ Салтыковыхъ съ Пожарскими, Пожарскихъ съ Сицкими, и многихъ другихъ. Царствованіе мудраго сына его, творца Уложенія, перваго замыслителя о регулярныхъ войскахъ и флотѣ, добытеля Смоленска и Кіева, все царствованіе Алексія, и даже славный походъ его подъ Вильну были возмущаемы тяжбами по мѣстничеству, чему въ числѣ многихъ служитъ доказательствомъ и приведенная здѣсь грамота или указъ. Наслѣдовавшій ему Царь Ѳеодоръ Алексіевичъ увидѣлъ себя слишкомъ уже озабоченнымъ разбирательствомъ этихъ тяжбъ, и по совѣту знаменитаго Князя Василья Голицина велѣлъ вынесть на площадь *Мѣстническія книги* и сжечь ихъ, а *Родословныя* сохранить. Князь Василій воспользовался было этимъ актомъ для возстановленія древняго обычая считаться по *родовому происхожденію,* а не по *родовой службѣ.* Но вдругъ явился державный гигантъ, Петръ Великій, что бы измѣнить, переиначить, если не все, то многое, для упроченія цѣлости, величія и славы Россіи; скомандовалъ на неизвѣстномъ языкѣ, *маршъ,* и самъ *замаршировалъ,* въ глазахъ своихъ Бояръ и Князей за Лефортомъ и Гордономъ. Тутъ кончились всѣ распри по родовымъ и разрядным спискамъ въ отношеніи старшинства по службѣ. Но замѣтимъ, что сей царственный геній подобно старшему брату своему, также много обѣщавшему Россіи, сохранилъ и уважилъ *родословныя,* зная, что настоящее часто нуждается въ

поминахъ прошедшаго, въ этихъ двигателяхъ славныхъ дѣлъ отчизнолюбія. Многіе Государственные акты и его собственноручныя писанія утвердили важность *Родословныхъ*, то есть, память о *дородствѣ и отечествѣ*».

Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ статьями г. Погодина и превосходными изслѣдованіями гг. Волуева и Соловьева о мѣстничествѣ, тотъ съ перваго взгляда увидитъ, что въ приведенномъ нами мѣстѣ каждое слово — ошибка, каждое положеніе — страшный, хоть и невинный софизмъ. Ясно, что авторъ не имѣетъ о предметѣ никакого понятія. Вотъ еще драгоцѣнная замѣтка:

«Чрезмѣрная униженность въ выраженіяхъ была тогда обычною вѣжливостію. Впрочемъ, и новѣйшая Европа, даже въ XIX столѣтіи, мало измѣнилась въ письменномъ этикетѣ, напримѣръ: нынѣшній Бояринъ Генералъ отъ Инфантеріи или Дѣйств. Тайн. Совѣт., нынѣшній окольничій (Генералъ-Лейтенантъ) начинаютъ ко мнѣ свои письма: «*Милостивый государь*» и оканчиваютъ, называя себя *моимъ покорнымъ слугою*. Французы говорятъ королевѣ и Прапорщицѣ *Madame;* прапорщику и брату Короля *Monsieur*. У Италіянцевъ, когда они желаютъ окончить письмо почтительно, то часто замѣняютъ слова: *Umilissimo* словомъ *divotissimo*». (!)

Къ числу матеріаловъ относимъ мы также:

«Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи», г. Ригельмана. Въ девятой книжкѣ «Чтеній», это сочиненіе окончено. Мнѣніе наше о немъ мы ужь прежде высказали. Въ «прибавленіи» (глава XXXVII), находимъ описаніе запорожскихъ казаковъ, чрезвычайно сходное съ тѣмъ, которое мы разбирали въ одной изъ предъидущихъ книжекъ, такъ что, очевидно, одно изъ нихъ (кажется послѣднее) есть передѣлка другаго. Заимствуемъ нѣкоторыя дополнительныя черты къ прежнему описанію.

«Между ими (Запорожскими казаками) и Черкасами (то есть, Малороссійскими казаками), ни какого различія сначала не было; а не такъ какъ они особеннымъ состоящимъ войскомъ себя считали; стража при порогахъ и ниже оныхъ, по учрежденіи войска содержана была посмѣнно, и для того установленіемъ Хетманскимъ, въ силу повелѣнія Королевскаго, нарядомъ посылалось въ то мѣсто отъ полковъ при начальникахъ подлежащее число Козаковъ, о

коихъ тѣ полки, какъ о своихъ людяхъ вѣдали и снабжали ихъ всѣмъ тѣмъ, что было для нихъ потребно. Сіи Козаки, по необходимости для защиты своей, на первый случай сдѣлали тамо при Днѣпрѣ засѣку и въ ней поставили шалаши великіе, назвавъ ихъ куренями, и столько числомъ, сколько тогда городовыхъ полковъ въ Украйнѣ было, и тѣми полковыми городами именовались. Они безпрекословно исполняли все на нихъ возложенное дѣло и повиновались всѣмъ какъ Хетманскимъ, такъ и полковъ своихъ, повелѣніямъ и во всемъ давали имъ отчетъ и послушаніе. А какъ необитаемыя еще вокругъ и въ близости онаго мѣста стояли и суть многіе лѣса, рѣчьки, озера, разливы рѣчные и луга, въ коихъ какъ звѣрья, такъ и рыбы изобильно, все оное для охотнѣйшаго ихъ въ тѣхъ мѣстахъ пребыванія въ ихъ собственное употребленіе отдано было. Тогда они въ угодьяхъ оныхъ, кто гдѣ изобралъ себѣ мѣста, жить стали, и каждый, по склонности промысла своего, въ рыбѣ, звѣрѣ и меду изобильствовалъ, которыхъ своихъ корыстей большую часть пріѣзжимъ къ себѣ купцамъ продаючи, имѣлъ себѣ хлѣбъ и прочая къ житію нужная, а въ самой Сѣчи сложенною имѣли аммуницію и всякой борошенъ Козацкой; такъ же и старшина ихъ прибывала съ нѣсколькимъ всегда числомъ казаковъ, Каждый курень имѣлъ своего куреннаго атамана, вмѣсто полковника, а верховный надъ всѣми старшина назывался Кошевой, вмѣсто Хетмана, какъ бы то было сокращенная Малая Россія или намѣстная оной сила воинская. Кошевой сей со всемъ Запорожьемъ повиновался, какъ главнѣйшему Начальнику, Хетману Малороссійскому, и особенно каждый атаманъ съ своимъ куренемъ послушалъ городоваго, который звался именемъ полковника.

«Потомъ сіи люди ту засѣку или сѣчу свою сдѣлали на томъ же мѣстѣ замкомъ изъ зеленаго вала, обведеннаго вокругъ ихъ куреней образомъ круглымъ, безъ всякихъ оборонительныхъ пристроекъ, кромѣ воротныхъ башень, съ поставленнымъ потомъ только на оном валѣ палисада острогомъ, и обведеннымъ вокругъ онаго рвомъ, единственно для прикрытія ихъ жилища. Народъ оной полагалъ тогда свое защищеніе не на укрѣпленной городъ, но на собственную свою храбрость. Впрочемъ, Сѣча, во внутренности раздѣлялась какъ уже объявлено, по числу городовыхъ полковъ, на курени, а потомъ оныхъ, когда по своевольству своему уже изъ послушанія настоящаго вышли, оказалось 40, изъ коихъ каждой состоялъ изъ одного большаго и разныхъ маленькихъ домовъ, въ одномъ мѣстѣ построенныхъ, и посреди оныхъ на площади одна церковь».

Вотъ также любопытныя извѣстія объ уголовныхъ наказаніяхъ у Запорожцевъ.

«Смертныя казни хотя имъ по указу, такъ равно какъ и прочимъ правительствомъ, безъ донесенія о дѣлѣ виннаго и безъ повелѣнія, чинить запре-

щено было, но однако же мертвили. Напередъ сего, разбойниковъ, смертоубійцъ, злодѣевъ и воровъ, по состоянію винъ ихъ, казнили смертію, вѣшали и подъ гробъ убитаго клали, и у столба убивали, что и до разрушенія ихъ ту послѣднюю кару дѣлывали, и на колъ живыхъ сажали. Для оныхъ казней они палачей и отъ древности не имѣли; а когда надобно было злодѣевъ казнить, то довбышъ, съ командою выходя за городъ, злодѣю злодѣя вѣшать, или другую обществомъ приговоренную казнь, совершать приказывалъ, и то такому, которой самъ смертной же казни подлежитъ; еслижъ случился одинъ и исполнить того не кому, то оставляли его въ тюремной ямѣ до того времени, доколѣ другой злодѣй же будетъ, и такъ вѣшалъ всегда новой стараго злодѣя: или если повѣсить надобно было, то посадя того на лошадь, подвозили къ дереву подъ петлю и приказывали ему оную самому на себя наложить и притянуть, а лошадь потомъ вдругъ изъ подъ него выводили, и тѣмъ того обвѣшивали. Головы жъ рубили только правительствомъ, и то измѣнникамъ».

Продолженіе «Опыта Русскаго Словотолковника» буквы Г и Д, сочиненіе г. Макарова, такъ же любопытно, какъ и начало. Многія слова и выраженія, очевидно, ведутъ свое начало изъ глубокой древности и въ теперешнемъ простонародномъ ихъ значеніи служатъ превосходнымъ комментаріемъ къ лѣтописямъ и стариннымъ памятникамъ, напримѣръ «дымъ», въ значеніи дома, «гостинецъ» въ смыслѣ большая дорога и т. д. Но нѣкоторыя слова не вполнѣ объяснены, напримѣръ, не сказано, что «гулить», «гукать», говорится въ просторѣчіи о дѣтяхъ; почему «доведь»—дамка въ шашкахъ,—малороссійское слово, мы тоже не знаемъ; въ Великороссіи оно употребляется сплошь и рядомъ: «гудѣть» никогда не значитъ течь, какъ объясняетъ г. Макаровъ, а шумѣть, и т. д.

Прочія мелкія статьи не важны. Въ концѣ книжки находимъ двадцать восемь литографированныхъ раскрашенныхъ картинъ, представляющихъ древнія мужскія и женскія одежды Малороссіянъ. Въ числѣ ихъ и портретъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго. Сверхъ того двѣ карты Западной Европейской Россіи по прежнему ея раздѣленію на земли и губерніи. Картины и карты принадлежатъ къ сочиненію г. Ригельмана.

РѢЧИ, ПРОИЗНЕСЕННЫЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА *17 Іюня 1847 года. Москва. 1847.*

Въ составъ этой книжки вошли: рѣчь О. П. Лешкова «О древней русской дипломатіи», рѣчь О. П. Анке «de Hippocratis praeceptis, nostra aetate volentibus» (о положеніяхъ Ипократа, имѣющихъ силу въ наше время); наконецъ «Краткій Отчетъ о состояніи университета за 1846—47 академическій годъ».

Рѣчь г. Лешкова по истинѣ странное явленіе! Она написана не дурно, съ знаніемъ дѣла, начитанностью; въ ней есть много любопытнаго, если хотите—и въ то же время нельзя читать ее безъ удивленія. Это типическое произведеніе отвлеченной учености, которая ко всему, безразлично, приступаетъ съ извѣстными, заранѣе готовыми формулами, что̀ бы это ни было, и съ наивною важностью судитъ одинаково о предметахъ самыхъ разнородныхъ, неимѣющихъ между собою ничего общаго. Еще Пушкинъ, въ высшей степени обладавшій живымъ взглядомъ на вещи, вооружался противъ этой манеры: его «Лѣтопись Села Горохина»—геніяльная сатира на историческія и научныя уродливости; но его урокъ, судя по рѣчи г. Лешкова, мало принесъ намъ пользы. На каждой страницѣ встрѣчаемъ: «дипломатія Россіи въ варяжскій періодъ»; «дипломатическія сношенія съ Половцами, Монголами, удѣльныхъ князей между собою». Боже мой! Дипломатическія сношенія Святополка, Михаила и Давида съ Васильком! Игоря съ Древлянами! Ужь не было ли, въ самомъ дѣлѣ, «дипломатическихъ» сношеній съ тѣми Финнами, которыхъ капища были разрушены и идолы ниспровергнуты въ Ростовѣ?... Скажите человѣку, одаренному простымъ здравымъ смысломъ, у котораго голова не засорена *ложно-понимаемою* ученостью — скажите ему, что Рюрикъ,

Олегъ, Святославъ имѣли «дипломатическія» сношенія — онъ засмѣется и не станетъ васъ слушать. На такіе отвѣты ученые смотрятъ обыкновенно съ величавымъ презрѣніемъ; но какъ они не правы! въ такихъ отвѣтахъ справедливый протестъ живаго пониманія вещей противъ отвлеченнаго схоластицизма. И какъ онъ невыгоденъ для науки! Непосвященные въ таинства формальнаго взгляда на вещи, незнающіе, что такой взглядъ далеко не дѣйствительная, нормальная наука—тѣ смотрятъ на нее недовѣрчиво, отрицаютъ ея существованіе, основываясь на сочиненіяхъ, подобныхъ рѣчи г. Лешкова. Если они заблуждаются, такъ это вина подобныхъ сочиненій. Дѣйствительная, живая наука говоритъ, что дипломатія, международныя отношенія, возможны только съ того времени, когда народъ выработалъ въ себѣ понятіе о правѣ, юридическіе элементы; далѣе, когда тѣ народы, съ которыми онъ сносится, находятся точно на такой же степени развитія. На этомъ основаніи, конечно, мы ужь имѣли дипломатическія сношенія, начиная отъ Ивана III и въ особенности Ивана IV, съ европейскими государствами, но не имѣли ихъ никогда съ сибирскими инородцами, Киргизами, тѣмъ менѣе съ Половцами, Печенѣгами и Косогами въ варяжскій періодъ. Г. Лешковъ не принимаетъ этихъ различій. Исполненный формальной учености, онъ не обращаетъ вниманія на основное начало, которое даетъ жизнь и значеніе всему остальному; есть договоръ — вотъ и дипломатическое сношеніе; есть война — вотъ и военное международное право. Оттого, съ крайней тщательностью и трудолюбіемъ обработана у него вся внѣшняя часть международныхъ отношеній въ древней Руси: формы договоровъ, сношеній, каковы были посольства и т. д.; но внутренняя сторона или вовсе опущена, или развита весьма неудовлетворительно. Оно и понятно. Изслѣдуя послѣднюю и не находя въ ней ничего, г. Лешковъ долженъ былъ вдаться въ натяжки, или отказаться отъ предпріятія.

Отчего жь было прямо не высказать этого? Нельзя: наука, видите, имѣетъ свои вѣчные, непреложные законы, которые повторяются вездѣ. Или авторъ о томъ и вовсе не думалъ? — это гораздо вѣроятнѣе... Скажемъ въ заключеніе, что рѣчь г. Лешкова, какъ собраніе матеріяловъ, имѣетъ свои достоинства, но, какъ ученое сочиненіе—совершенно незначительна, и болѣе затемняетъ, чѣмъ раскрываетъ истину.

Совсѣмъ другое представляетъ коротенькая, но прекрасная рѣчь г. Анке. Это антиподъ рѣчи г. Лешкова. Какъ послѣдняя всячески ставитъ предметъ на ученыя ходули, заковываетъ въ нѣмецкую систему, вовсе ему несвойственную и чуждую, такъ первая, напротивъ, обнаруживаетъ стремленіе упростить взглядъ, противодѣйствовать узенькимъ теоріямъ, и поставить читателей и слушателей въ самое близкое, прямое отношеніе къ природѣ, безъ посредства головныхъ представленій, вносящихъ въ предметъ чуждое ему, непринадлежащее. Въ концѣ рѣчи, обращаясь къ студентамъ медицинскаго факультета, г. Анке повторяетъ мысль, на которой основана рѣчь его. «Если (говоритъ онъ) возбужденные изученіемъ этой истины, вы обратите трудъ и силы на медицину, то легко убѣдитесь, что изъ всѣхъ теорій лучшая—не полагаться ни на какую теорію, а полагаться на вещи и природу».

Такую истину отрадно читать въ наше время, когда произвольныя, не изъ предмета взятыя системы губятъ здравый смыслъ и забиваютъ его въ колодку.

ПАМЯТНИКИ, ИЗДАВАЕМЫЕ ВРЕМЕННОЮ КОММИССІЕЮ ДЛЯ РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ. *Томъ второй. Кіевъ. 1846.*

Второй томъ кіевскихъ актовъ раздѣляется, подобно *первому, на три* части. Первая заключаетъ въ себѣ тридцать семь

актовъ, относящихся къ исторіи Кіево-богоявленскаго Братства; вторая — уставъ Сигизмунда Августа о волокахъ, или королевскихъ земляхъ, съ прибавочными статьями, и его же почтовый уставъ; третья, наконецъ, семнадцать документовъ и актовъ, относящихся къ малороссійской исторіи. Разсмотримъ каждую изъ этихъ частей порознь.

Въ предисловіи ко второму тому кіевскихъ актовъ сказано, что немногіе изъ документовъ, относящихся къ Кіево-богоявленскому Братству, сохранились въ подлинныхъ спискахъ (?); непрерывныя войны въ XVIII вѣкѣ и частые пожары, которымъ подвергался кіево-братскій монастырь, истребили большую часть рукописей. Въ 1774 году, кіевскій митрополитъ Гавріилъ Кременецкій представилъ въ св. Синодъ копіи со всѣхъ актовъ, какіе тогда были въ Кіевской Духовной Академіи. Изъ нихъ митрополитъ Евгеній составилъ сборникъ, хранящійся теперь въ библіотекѣ академіи и послужившій главнымъ источникомъ для Кіевской Коммиссіи.

И только. Нельзя не сказать, что эта коротенькая отмѣтка по многимъ причинамъ слишкомъ недостаточна; мы были бы вправѣ ожидать гораздо больше отъ коммиссіи и по теперешнему состоянію русской археологіи и по важности самого предмета. Въ дѣлѣ изданія памятниковъ наше время отличается особенною тщательностью. Не говоря уже о вѣрности текста, мы обыкновенно находимъ въ теперешнихъ изданіяхъ старинныхъ актовъ отчетливый обзоръ того, что̀ уже было сдѣлано, какъ-то: подробное изчисленіе прежнихъ изданій и ихъ критическую оцѣнку, указаніе, если не на всѣ, то, по крайней мѣрѣ, на важнѣйшіе въ нихъ варіанты, библіографическія отмѣтки о сочиненіяхъ, которыми поясняются и дополняются извѣстія, содержащіяся въ издаваемыхъ памятникахъ, наконецъ историческія объясненія, необходимыя для ихъ уразумѣнія. Таковы изданія Археографической Коммиссіи, образцовыя въ этомъ

отношеніи; таковы и многіе частные труды, напримѣръ изданіе Русской Правды г. Калачова, Дубенскаго, и другіе. Всѣ болѣе или менѣе понимаютъ неудовлетворительность новыхъ работъ и изданій, сдѣланныхъ безъ всякаго соображенія съ прежними, ибо чрезъ это накопляется только число печатныхъ листовъ и книгъ, положимъ, очень хорошихъ, но которыхъ достоинства теряются именно вслѣдствіе ихъ разбросанности и отсутствія послѣдовательности, связи между ними; не только обыкновеннымъ читателямъ, но даже и записнымъ знатокамъ трудно бываетъ сказать, что жь собственно выиграла наука съ этими новыми изданіями? У насъ еще въ недавнее время поступали такимъ образомъ съ древними памятниками, и какіе же были результаты? Одинъ и тотъ же актъ отпечатывался въ пяти разныхъ изданіяхъ. Каждый ученый судилъ объ немъ по тексту, который случился у него подъ руками, часто не зная, что есть и другіе. Отсюда разнорѣчія, длинные споры, которые были бы невозможны при сводномъ изданіи. А сколько актовъ напечатано вдвойнѣ, втройнѣ, по одному списку, и каждый разъ за нѣчто новое. Продолжать такъ работать надъ исторіей, не значило ли воду толочь? Цѣлые фоліанты, изданные подобнымъ образомъ, мало подвинули бы насъ впередъ въ знаніи исторіи, что̀ дѣйствительно и было. Потомъ, предметъ предмету рознь. Акты, разрѣшающіе вопросы о мѣстоположеніи какой-нибудь Тмуторокани или гробницы Мстислава Удалого, положимъ даже Ѳеофана Прокоповича, далеко не представляютъ той важности, какую документъ, относящійся къ Кіевской Коллегіи, и именно поэтому послѣдній имѣетъ право на особенную внимательность издателя. Всѣ болѣе или менѣе знаютъ, что̀ такое была Кіевская Коллегія и какую важную роль она играла въ исторіи нашего просвѣщенія. Возникши въ концѣ XVI вѣка, незадолго до окончательнаго образованія Уніи и въ *одно время* съ учрежденіемъ патріаршества въ Москвѣ, эта

коллегія. сначала небольшое училище при кіевской богоявленской церкви, сдѣлалась однимъ изъ главнѣйшихъ органовъ православія противъ двойныхъ нападеній Польши и неправославныхъ христіянскихъ исповѣданій. По своему положенію, вовлеченное здѣсь въ борьбу съ свѣтскою властью и въ богословскую съ западными церквами и Уніей, православіе понеобходимости вооружилось наукой и получило политическое значеніе. Эти обстоятельства вызвали здѣсь къ дѣятельности всѣ его силы, заставили ихъ сосредоточиться и придти къ сознанію. Весьма естественно, что чрезъ это главный органъ и центръ движенія—Кіевская Коллегія стала средоточіемъ и разсадникомъ умственнаго и нравственнаго развитія для всей православной Россіи. Подобно другимъ важнымъ явленіямъ во внутренней жизни Россіи, и Коллегія возникла подъ европейскимъ вліяніемъ и формами. Первые учители ея были, большею частію, воспитанники иностранныхъ университетовъ и коллегій. что и подало въ послѣдствіи поводъ къ нареканіямъ ея въ неправославіи, опровергнутымъ извѣстнымъ Сильвестромъ Коссовымъ. Мало этого. По свидѣтельству митрополита Евгенія, самый распорядокъ преподаванія былъ заведенъ въ ней по примѣру іезуитскихъ коллегій. Въ концѣ XVIII вѣка, Кіевъ и Малороссія были упрочены за Россіею; православіе, не подвергаясь борьбѣ и опасностямъ, могло господствовать и распространяться свободно, подъ защитою свѣтской власти. Съ этого времени для Коллегіи прекращается роль поборника и блюстителя русской церкви, но она начинаетъ играть другую, не менѣе важную. Почти до послѣдней четверти XVIII вѣка, слѣдовательно еще и послѣ основанія московскаго университета, она была центромъ тогдашняго просвѣщенія. Много замѣчательныхъ свѣтскихъ и духовныхъ писателей Россіи, государственныхъ людей, духовныхъ особъ, профессоровъ, не говоря уже о безчисленномъ множествѣ учителей, чиновниковъ

гражданскихъ и военныхъ, получили образованіе въ Коллегіи. Какъ центральное ученое и учебное заведеніе, она была первообразомъ для духовныхъ академій, семинарій и свѣтскихъ учебныхъ заведеній, и только въ концѣ XVIII вѣка, совершивъ свое дѣло во всѣхъ отношеніяхъ, стала утрачивать гегемонію въ духовномъ и свѣтскомъ просвѣщеніи Россіи.

Вотъ что̀ такое была Кіевская Коллегія. Очень неудивительно, что ея исторія рано обратила на себя вниманіе нашихъ археологовъ и историковъ. Уже въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ Новикова (Т. XVI, 1791 г.) находимъ небольшую статью о первоначальномъ основаніи Кіевской Академіи, привиллегіяхъ и грамотахъ, данныхъ ей въ разное время. Въ приложеніяхъ къ описанію Кіево-Софійскаго собора (1825 г.) есть также «краткое свѣдѣніе о началѣ Кіевской Академіи, ея прежнихъ учрежденіяхъ, обыкновеніяхъ, порядкѣ и перемѣнахъ». Это свѣдѣніе составлено покойнымъ митрополитомъ Евгеніемъ и очень любопытно даже теперь, послѣ выхода въ свѣтъ, въ 1843 году, обстоятельной «Исторіи Кіевской Академіи» ученаго архимандрита (тогда іеромонаха) Макарія. Такимъ образомъ, большая часть актовъ, относящихся къ Академіи, уже давно была извѣстна, о многихъ изъ нихъ мы находимъ отзывы, потому что акты служили главнымъ источникомъ внѣшней исторіи Коллегіи. Нѣкоторые были даже напечатаны въ приложеніяхъ къ «Описанію Кіево-Софійскаго собора», къ «Описанію Кіево-Печерской Лавры» и въ первомъ томѣ «Исторіи Россійской Іерархіи». (Вивліоѳика Новикова сообщаетъ нѣсколько актовъ въ сокращеніи).

Къ сожалѣнію, обо всемъ этомъ ничего не сказано во второмъ томѣ «Актовъ», изданныхъ Кіевскою Коммиссіею. Редакторы не взяли даже на себя труда хоть указать, по крайней мѣрѣ, на прежнія изданія. Иначе поступаетъ Археографическая *Коммиссія*. Въ ея изданіяхъ при каждомъ актѣ непремѣнно

указано, гдѣ онъ былъ уже напечатанъ, представлена краткая оцѣнка этихъ прежнихъ изданій, а внизу текста или въ концѣ тома, въ видѣ примѣчаній, приведены всѣ замѣчательнѣйшіе варіянты этихъ актовъ въ новооткрытыхъ спискахъ, съ точностью, можетъ-быть иногда даже излишнею, но за то внушающею тѣмъ большее довѣріе къ изданію; наконецъ, въ тѣхъ же примѣчаніяхъ сообщены необходимыя историческія поясненія къ документу, безъ которыхъ онъ оставался бы не совсѣмъ понятнымъ. Читатель, записной ученый или диллетантъ, можетъ соглашаться или не соглашаться съ объясненіями, находить нѣкоторыя неудовлетворительными или даже ложными, но они есть и составлены по крайнему разумѣнію. Вотъ что очень важно. Въ изданіяхъ Кіевской Коммиссіи недостатокъ всего этого очень ощутителенъ. Завѣщаніе Петра Могилы, напримѣръ, разно читается въ приложеніяхъ къ «Описанію Кіево-Печерской Лавры» и въ кіевскихъ актахъ. Въ первомъ больше полонизмовъ, и мы ни минуты не задумаемся отдать этому тексту предпочтеніе передъ изданіемъ Коммиссіи, потому что за его дипломатическую вѣрность ручается полновѣсный авторитетъ митрополита Евгенія. Но, можетъ-быть, Коммиссія имѣла особенный списокъ? Можетъ-быть, но мы не знаемъ; а предисловіе ко второму тому актовъ заставляетъ думать противное. Далѣе: въ актѣ, которымъ супруга мозырскаго маршалка жертвуетъ свое имѣніе для школъ и гостепріимнаго дома, она названа Анною Гулевичевной, тогда какъ митрополитъ Евгеній, архимандритъ Макарій и авторъ статьи, помѣщенной въ Новиковской Вивліоѳикѣ, единогласно называютъ ее Гугулевичевной. Если всѣ ошиблись, Коммиссія должна бы оговориться для своего оправданія; ибо такое, повидимому маловажное, обстоятельство бросаетъ невыгодный свѣтъ на все изданіе. Потомъ: Коммиссія говоритъ, что она заимствовала большую часть документовъ о Кіевской Коллегіи изъ сборника митрополита

Евгенія. Отчего же, спрашивается, она не отпечатала всѣ, а только нѣкоторые? Стоитъ прочесть статью покойнаго митрополита, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Здѣсь упоминается благословенная грамота патріарха Іереміи 1589 года, на основаніе училища при Богоявленской церкви въ Кіевѣ; купчая братства на пляцъ, строеніе и семнадцать куничныхъ дворовъ инокини Параскевы Кучинской, 1621 года, и множество другихъ, которыхъ нѣтъ во второмъ томѣ Кіевскихъ Актовъ. Указаніе на такіе же акты, ненапечатанные Коммиссіей, встрѣчаемъ и въ Исторіи Кіевской Академіи архимандрита Макарія. На 43 стр. говорится о грамотѣ царя Алексѣя Михайловича, 1648 года, которою позволено тремъ или четыремъ богоявленскимъ старцамъ пріѣзжать въ московское государство для собиранія милостыни на монастырь и коллегію, по крайней мѣрѣ чрезъ пять лѣтъ, — а на стр. 37, въ примѣчаніи сказано, что копіи съ этой и другихъ грамотъ находятся въ библіотекѣ Кіево-Софійской и академической, слѣдовательно, они не могли быть неизвѣстны Коммиссіи. Итакъ, она печатала акты по выбору. Это понятно; но нельзя искренно не пожалѣть, что она не объяснила, что̀ руководствовало ее при выборѣ? Кромѣ самыхъ важныхъ, убѣдительныхъ причинъ, мы не допускаемъ возможности опустить актъ, поясняющій исторію Кіевской Академіи, хотя бы онъ былъ второстепенный.

Все это показываетъ, что первая часть втораго тома кіевскихъ актовъ, несмотря на важность предмета, издана далеко не надлежащимъ ученымъ образомъ, какъ мы были правѣ требовать и ожидать. За ней остается только то достоинство, что она обнародываетъ многіе акты, большею частію уже извѣстные, но еще нигдѣ не напечатаные. Конечно, и это хорошо, за недостаткомъ лучшаго. Скажемъ объ нихъ нѣсколько словъ.

Первый актъ, запись Гугулевичевны, отнесенъ къ 1615. *Это мнѣніе* митрополита Гавріила. Не знаемъ, почему Коммис-

сія не упомянула о мнѣніи ученаго Миллера, по которому вмѣсто 1615 должно читать 1613. Второй, напечатанный подъ названіемъ «Уписи Кіевскаго братства», очень замѣчателенъ, но странно написанъ. Мы находимъ въ немъ прежде другихъ подпись Петра Могилы, 1631 года, 11 марта, а потомъ, между прочими, подпись Захаріи Копистенскаго 1616 года, 4 января. Выходитъ, что Петръ Могила подписался прежде Копистенскаго, а подпись его позднѣе. Коммиссія весьма справедливо замѣчаетъ, что по свидѣтельству копіи съ этого акта (подлинника мы не имѣемъ) были подписи въ началѣ записи и изъ этого не безъ основанія выводитъ, что тутъ оставленъ пробѣлъ, въ который въ послѣдствіи внесъ свое имя и Петръ Могила. Такимъ образомъ, эта трудность разрѣшается весьма просто. Но устранивъ ее, издатели, какъ намъ кажется, ошибочно отнесли этотъ актъ къ 1616—1631 годамъ. Рукоприкладство Копистенскаго ясно свидѣтельствуетъ, что онъ написанъ не позднѣе 1616 года. А такъ какъ константинопольскій патріархъ Тимофей второй занялъ патріаршескій престолъ съ 1613 года, то гораздо правильнѣе отнести составленіе записи къ 1613 — 1616 годамъ. Приписывать къ 1616 году этотъ актъ нѣтъ никакой причины; подпись Копистенскаго могла быть сдѣлана позднѣе, какъ и Петра Могилы. Братство, названное здѣсь церковнымъ, душеспасительнымъ, дружелюбнымъ соединеніемъ, началось по благословенію и повелѣнію константинопольскаго патріарха Тимофея и прочихъ трехъ патріарховъ «къ утѣшенію и утвержденію въ благочестіи» русскаго народа православнаго исповѣданія, «къ воспитанію христіанскихъ призрѣваемыхъ учениковъ, какъ духовныхъ, для умноженія и вкорененія христіанскихъ добродѣтелей, честной иноческой жизни, для преподаванія полезныхъ наукъ и образованія дѣтей народа христіанскаго, — такъ и свѣтскихъ, для защиты вдовъ сиротъ и вспомоществованія всякимъ обѣднѣвшимъ людямъ». Основа-

ніемъ для Братства послужили уставы Львовскаго, Виленскаго, Могилевскаго братствъ, и церквей другихъ городовъ. Всѣ лица, изъ которыхъ оно составилось, «согласились однимъ сердцемъ и одними уставами» и цѣловали крестъ «каждый за всѣхъ, и всѣ за каждаго... для соблюденія христіанскихъ братскихъ повинностей и порядковъ».

Подъ актомъ подписались множество лицъ и въ томъ числѣ знаменитый Петръ Могила, Захарій Копистенскій, Сильвестръ Коссовъ, и другіе, но только о двухъ первыхъ мы знаемъ, когда именно. Нѣкоторые означили въ рукоприкладствѣ, чѣмъ они будутъ жертвовать братству: Даніилъ Стрыбиль обязался давать ежегодно по десяти злотыхъ и съѣстные припасы, Григорій Дегиловскій — лошадь для ѣзды или, вмѣсто того, камень (24 фунта) воску и т. д. Вообще этотъ актъ очень любопытенъ. Онъ даетъ понятіе о тогдашнемъ религіозно-политическомъ движеніи западной Россіи, имѣвшемъ чисто славянскій характеръ. Братства, одинъ изъ главныхъ органовъ этого движенія, были такія же неюридическія общины, какъ и всѣ другія, столь многочисленныя въ древней Россіи. Онѣ имѣли много хорошихъ, но еще болѣе дурныхъ сторонъ, которыя и были главной причиной ихъ непрочности. Изъ прочихъ актовъ обратимъ вниманіе на слѣдующіе:

Три грамоты іерусалимскаго патріарха Феофана были напечатаны въ I томѣ «Исторіи Россійской Іерархіи» (1807), впрочемъ, съ значительными отмѣнами; — также и обѣщаніе Петра Могилы основать въ Кіевѣ училища—въ «Описаніи Кіево-Печерской Лавры» № 4. Три слѣдующіе за тѣмъ акта: дворянства, духовенства и запорожскаго войска, которыми Петръ Могила признанъ опекуномъ и блюстителемъ Кіево-Богоявленской школы и опредѣлены отношенія его и его преемниковъ въ этомъ званіи къ школѣ, кажется, не совсѣмъ правильно названы у писателей Исторіи Академіи просительными. Этими

актами утверждены только порядокъ и основанія, бывшія прежде предметомъ переговоровъ между вписными братьями и Могилой. Завѣщаніе послѣдняго, какъ мы уже сказали, напечатано въ «Описаніи Кіево-Печерской Лавры». Вскорѣ по смерти Могилы, Кіево-печерскій архимандритъ Іосифъ Трызна составилъ актъ, въ силу котораго, исполняя желаніе Могилы, онъ обязался оставить на три года во владѣніи Богоявленскаго Братства печерскія имѣнія Вишенки и Гнидинъ. Не знаемъ, на какомъ основаніи митрополитъ Евгеній въ статьѣ о Кіевской Академіи (стр. 213) говоритъ, что эти имѣнія были отняты у братства. Затѣмъ слѣдуетъ грамота патріарха Паисія братству, которую находимъ въ I т. «Исторіи Россійской Іерархіи»; но здѣсь на ней выставлено 23 мая, вмѣсто 23 іюля, какъ въ изданіи Коммиссіи. Такое же различіе замѣчаемъ и въ другихъ актахъ. Такъ грамота царя Алексѣя Михайловича, которой дано коллегіи право посылать въ Россію братій для собиранія подаянія, отнесена Коммиссіей къ 1650, а архимандритомъ Макаріемъ къ 1649 году; универсалъ Гетмана Самойловича, дозволяющій братству сытить медъ къ извѣстнымъ праздникамъ по отмѣткѣ Коммиссіи составленъ въ 1672, а по мнѣнію ученаго Макарія въ 1673 году. — Изъ двухъ жалованныхъ грамотъ Іоанна и Петра Алексѣевичей, одна, которою, между прочимъ, назначается жалованье Кіево-братскому училищу, напечатана (хотя и не вполнѣ) въ I т. «Исторіи Россійской Іерархіи», а другая, утверждающая за братскимъ монастыремъ всѣ его прежнія владѣнія, одного года и числа съ упомянутой, если не ошибаемся, напечатана впервые и нигдѣ не упоминается. Эта грамота замѣчательна тѣмъ, что въ ней, какъ тогда было въ обыкновеніи, изчислены всѣ владѣнныя грамоты братства въ хронологическомъ порядкѣ, и такимъ образомъ, видно, какъ оно постепенно обогащалось, какъ и отъ кого пріобрѣтало недвижимыя имущества. Очень вѣроятно, что эта грамота слу-

жила для митрополита Евгенія и архимандрита Макарія источникомъ при изчисленіи разныхъ пріобрѣтеній братства въ разное время, хотя они и не упоминаютъ объ ней, можетъ-быть, не считая ее особенно важною.—Грамота Петра Великаго къ кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому, которой онъ извѣщаетъ послѣдняго объ охранительной грамотѣ, данной Кіевской Академіи 1701 года, 26 сентября, напечатана въ «Описаніи Кіево-Софійскаго собора». Наконецъ, послѣдній актъ, указъ Императрицы Екатерины II, находимъ, хотя и не полный, въ I т. «Исторіи Россійской Іерархіи». Всѣ прочіе, безъ исключенія, хотя и не напечатаны, однако, были извѣстны и упоминаются въ приведенныхъ нами сочиненіяхъ о Кіевской Академіи.

Вторая часть кіевскихъ актовъ содержитъ, во первыхъ, уставъ Сигизмунда Августа (1557 г.) о королевскихъ волокахъ въ литовскомъ княжествѣ; онъ состоитъ изъ 49 артикуловъ, или статей, и, какъ показываетъ самое названіе, имѣетъ предметомъ королевскія земли[1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ и устройство поселенныхъ на нихъ людей и крестьянъ. Этотъ уставъ принадлежитъ къ числу любопытныхъ юридическихъ памятниковъ до-Петровской Руси не только по своему главному содержанію, но и по различнымъ мимоходнымъ указаніямъ, которыя въ немъ встрѣчаются. Первыя статьи говорятъ о различныхъ лицахъ, поселенныхъ на королевскихъ волокахъ — путныхъ боярахъ, служкахъ, бортникахъ, сѣдельныхъ конюхахъ, стрѣльцахъ, о дверныхъ или привратныхъ и другихъ слугахъ и осочникахъ,—слѣдовательно собственно не о крестьянахъ, а о такъ называемыхъ въ нашихъ древнихъ актахъ дворовыхъ людяхъ, надѣленныхъ королевскими землями и служащихъ за то

[1]) Влока, или волока = 33 моргамъ, какъ видно изъ 29 артикула устава. Этотъ уставъ былъ извѣстенъ Чацкому. (Смот. о Litewskich Polskich prawach. Варшава. 1800. Т. I. стр. 222).

извѣстную придворную службу. Весьма замѣчательно, что путными боярами у насъ назывались высшіе княжескіе слуги, а въ Литвѣ низшіе придворные служители, принадлежавшіе князю, въ собственность (купленные). Подобныя явленія очень обыкновенны въ сравнительной исторіи славянскихъ законодательствъ, по отзыву знатоковъ въ этомъ дѣлѣ.—Путные бояре получали по двѣ волоки, и либо служили придворную службу, либо платили за всѣ повинности деньгами, а не натурой. Изъ нихъ избирались служки къ каждому королевскому замку и двору съ обязанностію развозить королевскія письма къ дворамъ, денежныя подати въ казначейство и привозить слѣдствія объ обидахъ, нанесенныхъ крестьянамъ. За эту службу они получали на коня двѣ волоки, свободныя отъ повинностей. Бортники, отличавшіеся прежде отъ прочихъ крестьянъ работами, въ уставѣ обложены поземельной платой. За чрезвычайныя повинности имъ давалась льгота, по королевскому усмотрѣнію. Вообще каждый изъ этихъ придворныхъ слугъ получалъ по двѣ волоки свободныхъ отъ повинностей во время дѣйствительной службы, а когда не служилъ, платилъ съ нихъ поземельную подать.

Затѣмъ слѣдуютъ положенія о крестьянахъ и устройствѣ и внутреннемъ управленіи крестьянскихъ обществъ, или войтовствъ. Каждое войтовство заключало въ себѣ, по статуту, около ста волокъ (слѣдовательно за основаніе устройства принято начало территоріяльное), и для этого соединялись иногда по нѣскольку селъ. Войтъ, начальникъ общины, получалъ одну волоку обѣленную, т. е. свободную отъ податей; онъ могъ взять и другую, но обязанъ былъ платить съ нея поземельную подать. Власть войта была низшая административная. Онъ выгонялъ крестьянъ на работу, присутствовалъ при уплатѣ ими податей, ставилъ ихъ на расправу вмѣсто дѣтскаго, надзиралъ надъ работами, поправлялъ границы и ме-

жи. Кромѣ того, войтъ присутствовалъ на судѣ, когда судили крестьянина, помогалъ ему въ его дѣлѣ, велъ вѣдомость королевскимъ пенямъ и наблюдалъ, чтобъ судьи не брали болѣе положеннаго; въ противномъ случаѣ онъ доносилъ ревизору. Правительство (урядъ) судило войта за всякій проступокъ, но не могло само собою лишить его званія войта: для этого нужно было согласіе ревизора, и въ такомъ случаѣ назначался другой по желанію крестьянъ. За отдачу волоки въ наемъ или утайку такой отдачи отъ ревизора со стороны уряда войтъ подвергался смертной казни. Какъ непосредственный начальникъ крестьянской общины и ближайшій блюститель королевскихъ интересовъ, войтъ обязанъ былъ доносить королевскому ревизору о всѣхъ неправильныхъ дѣйствіяхъ уряда, и такимъ образомъ, хотя косвенно, контролировалъ его. Кромѣ войта существовали въ селахъ лавники, напоминающіе нашихъ цѣловальниковъ, но болѣе подходившіе къ европейскимъ присяжнымъ, чѣмъ наши. Число ихъ не было опредѣлено и измѣнялось, смотря по величинѣ села. Вся ихъ обязанность состояла въ опредѣленіи наносимаго вреда («исходъ межи подданыхъ высъпасяхъ и въ инъшихъ речахъ огъледати»). О найденномъ они свидѣтельствовали передъ судомъ подъ присягой, и въ случаѣ ложнаго свидѣтельства подвергались смертной казни. Такимъ образомъ и лавники не были, собственно, судьями факта, какъ западные jury. Они только опредѣляли величину убытка, какъ теперь знающіе или свѣдущіе люди. У насъ присяжные не имѣли, кажется, и этого значенія, а только сидѣли на судѣ, судили вмѣстѣ съ судьями. Точнѣе нельзя опредѣлить ихъ обязанности, а слѣдовательно и ихъ отношенія къ судьѣ.

Города, — тѣ, которые не пользовались привиллегіями и платили подати, — обложены поземельнымъ оброкомъ, бо́льшимъ или меньшимъ, смотря по качеству земли, различію па-

шенной и застроенной, и по частямъ города, гдѣ она находилась. Кажется, что главная цѣль изданія устава заключалась въ измѣненіи податей и повинностей въ поземельный оброкъ. По крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ городамъ сказано, что они освобождаются отъ квартирной повинности и обязанности возить королевскія письма и чиновниковъ. Въ городахъ, какъ и въ селахъ, были войты съ такимъ же значеніемъ. Право курить вино, варить пиво и медъ принадлежало однимъ городскимъ жителямъ; но тѣ изъ нихъ, которые хотѣли пользоваться этимъ правомъ, должны были вписаться въ реэстръ и платить питейную пошлину. Мясники въ городахъ также записывались въ реэстръ и платили различныя пошлины; но всякій посторонній имѣлъ право привозить мясо на торгъ въ городъ въ извѣстное время года, а именно отъ дня св. Варѳоломея до мясопустной недѣли. За привозъ недозволеннаго мяса (издохлой, бѣшеной и въ родоватой скотины) назначена смертная казнь. Коморники, какъ видно принадлежавшіе къ городскому сословію и поступавшіе въ частную службу или работу, обложены поголовною податью. Запрещено ставить корчмы и варить пиво въ селахъ; первое могло быть дозволено только ревизоромъ или урядомъ, особливо при большой дорогѣ. Также запрещено учреждать новые торги ближе трехъ миль отъ города, чтобъ не было подрыву городскимъ торгамъ. Подати и повинности съ крестьянъ взимались отчасти деньгами, отчасти натурою, отчасти, наконецъ, состояли въ личныхъ работахъ и службѣ. Первые два вида разложены по землѣ. Съ волокъ взимался цыншъ (кажется отъ cens), поземельный оброкъ, различный по качеству земли, также извѣстное количество овса, сѣна, домашней птицы (гусей и куръ), деньги на неводъ и провіянтъ. Впрочемъ, всѣ эти подати, кромѣ, разумѣется, цынша, могли быть замѣнены денежной платой, заранѣ опредѣленной закономъ. Работа тре-

бовалась отъ крестьянъ то же съ волока, по два дни въ недѣлю, за исключеніемъ трехъ недѣль въ году. Ненужные для работы водворялись на осадахъ (пустопорожихъ земляхъ), облагались поземельною податью и обязаны были только косить и убирать во-время сѣно. Въ уставѣ упоминается также о застѣнкахъ, которые, не знаемъ почему, названы подсосѣдками и тоже платили поземельный оброкъ. Огородники, владѣя землею, обязаны были служить за нее по одному дню въ недѣлю пѣшими, а жены ихъ жать и полоть только шесть дней во все лѣто. Наконецъ, крестьяне обязаны были отвозить овесъ и сѣно съ волокъ въ различныя мѣста на извѣстное разстояніе, опредѣленное уставомъ, и платить серебщизну, уже не съ воловъ и лошадей, какъ вѣроятно было прежде, а съ волоки. Очень любопытно положеніе о работахъ. Работа заказывалась войтомъ въ воскресенье. Кто не выходилъ, тотъ платилъ въ первый и второй разъ пеню, а въ третій — наказывался бичомъ на лавкѣ и былъ обязанъ заработать пропущенные дни. Впрочемъ, законныя причины неявки на работу принимались въ уваженіе, хотя и не освобождали крестьянъ отъ обязанности въ другой день заработать все пропущенное. Откупаться отъ работы не дозволено. Являться обязанъ былъ крестьянинъ съ восходомъ, а уходить съ закатомъ солнца. Для отдыху давалось для работающихъ со скотомъ три часа: передъ обѣдомъ, въ полдень и подвечеръ по часу; пѣшимъ столько же разъ по получасу, и то только лѣтомъ, въ длинные дни.

Хозяйственное управленіе королевскими владѣніями изложено подробно. При каждомъ замкѣ и дворѣ королевскомъ велѣно было ставить возможно большіе фольварки (фермы), кромѣ неудобныхъ земель; напослѣдокъ, велѣно было селить людей. Урядъ управлялъ королевскими имѣніями, надзиралъ *надъ гумномъ*, продавалъ хлѣбъ, наблюдалъ, чтобъ всѣ поля

были засѣяны, устроивалъ хлѣбныя сушильни (овины или риги), гдѣ было нужно, имѣлъ въ своемъ завѣдываніи и управленіи скотные дворы при фольваркахъ и доходы, ими доставляемые, — также огороды, пруды и рыбные садки, которые долженъ былъ содержать въ порядкѣ, — строить мельницы, суконныя валяльни, или горно-заводскія мельницы, стараясь извлечь изъ нихъ возможно-бо́льшій доходъ; также въ ихъ управленіи находились сѣнокосы и королевскія конюшни. Такимъ образомъ, королевскія имѣнія по управленію имѣли много общаго съ нашими теперешними удѣльными помѣстьями, въ которыхъ главную роль играетъ помѣщикъ или его управитель и староста, ведущіе хозяйство. Разница состояла въ томъ, что всѣ служители, приставленные къ различнымъ частямъ сельскаго управленія, равно какъ и самъ урядъ, получали за свою службу землю или извѣстную часть ихъ дохода (третій снопъ хлѣба, пятый возъ сѣна и т. д.). Впрочемъ, весьма вѣроятно, что здѣсь подъ урядомъ разумѣются одни низшіе управители, ибо высшими бывали сенаторы и другіе высшіе королевскіе служители, управлявшіе посредствомъ своихъ слугъ и намѣстниковъ. Королевскіе ревизоры, присяжные и непремѣнно осѣдлые, а не бездомовые, контролировали управленіе и были блюстителями королевскихъ интересовъ и правильности администраціи, и если урядъ дѣйствовалъ не такъ, какъ должно, доносили королю. Наконецъ, особенно важныя издержки или предпріятія по сельскому управленію требовали утвержденія или дозволенія подскарбія или королевскаго казначея.

Сборъ податей производился на одномъ мѣстѣ, въ дворѣ, селѣ или городѣ. Правители не имѣли права разъѣзжать и разсылать для сбора: крестьяне вносили подати сами — каждая община при своемъ войтѣ. Причина этого запрещенія, вѣроятно, была та же, что̀ и у насъ въ древней Россіи: сем-

скимъ классамъ, вѣроятно, и въ Литвѣ не было житья отъ корыстолюбія и грабительства чиновниковъ. Наблюденіе за исполненіемъ этого предписанія возложено на ревизоровъ. Крестьянина, который не платилъ по нерадѣнію, сажали въ тюрьму до уплаты, но было запрещено отбирать у нихъ вмѣсто подати воловъ и коней. Во время собиранія королевскихъ доходовъ никто не могъ править съ крестьянъ своихъ долговъ. Впрочемъ, нѣкоторыя обстоятельства — пожаръ, бѣдность и другія, — оправдывали неплатежъ повинностей. Урядъ, собравши подати и доходы, вносилъ ихъ къ подскарбію или скарбнику, получалъ квитанцію и по ней давалъ отчетъ по реэстрамъ и уставамъ. Если жь онъ въ срокъ не вносилъ денегъ и не давалъ отчета, то описывали его имѣніе, и оно поступало въ казенное управленіе, а если имѣнія было недостаточно, то задерживали его самого. Крестьянинъ и все его имущество считались королевскою собственностью, что̀ прямо высказано въ уставѣ: «кметъ и вся его маетность наша есть». Поэтому, если онъ бѣжалъ — его возвращали; переселиться изъ войтовства онъ могъ неиначе, какъ въ королевскую же волость. Правительство давало имъ разныя льготы, дѣлало всевозможныя облегченія, старалось оградить отъ притѣсненій и несправедливостей низшихъ правителей; но во всѣхъ этихъ мѣрахъ проглядываетъ желаніе сберечь въ нихъ свою собственность, сохранить ее отъ раззоренія. Только такому въ политико-экономическомъ отношеніи ложному и ошибочному взгляду на крестьянъ обязаны они какой-нибудь защитой, если дѣйствительно ею пользовались. Прочія распоряженія устава, равно какъ и дополнительныя статьи устава, входятъ въ подробности управленія королевскими имуществами и не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго.

Уставъ о подводахъ, 1558 года, 20-го іюля, содержитъ въ себѣ административныя распоряженія о почтахъ. Почтовая

повинность падала на всѣ города и деревни безъ изъятія натурой или деньгами. Не знаемъ, почему допущена коммиссіей слѣдующая опечатка, неисправленная въ errata. На стр. 231 сказано: «того же 1557 года», тогда какъ уставъ, которому эта статья служитъ дополненіемъ, составленъ въ 1558 году. Въ ученыхъ изданіяхъ такіе недосмотры бываютъ очень важны.

Наконецъ, третья часть заключаетъ семнадцать актовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи. Изъ нихъ только два уже извѣстны, если еще и не напечатаны: это универсалъ польскаго короля Яна Казимира объ утвержденіи сеймомъ зборовскаго мира 1650 года, 19-го января, и бѣлоцерковскій трактатъ, 1651 года, 28 сентября; прочіе, кажется, новые; по крайней мѣрѣ, мы не нашли о нихъ извѣстій ни у Маркевича, ни у Ригельмана. Письмо Хмѣльницкаго къ королю очень любопытно. Оно написано въ 1650 году, 20 марта, и показываетъ, что зборовскій трактатъ очень медленно и неохотно приводился въ исполненіе не только со стороны Польши, но и Малороссіянами. Поляки не могли равнодушно подчиниться тягостнымъ и оскорбительнымъ для нихъ условіямъ, казаки всячески старались выгадывать больше, нежели сколько слѣдовало по договору. Хмѣльницкій въ письмѣ своемъ благодаритъ короля за зборовскій миръ, проситъ привести въ исполненіе статьи трактата, относящіяся къ религіознымъ распрямъ, «потому что паны уніаты привыкли не исполнять королевскихъ повелѣній», и возвратить соборы, церкви и имѣнія, отнятые у русскаго духовенства уніятами. При письмѣ Хмѣльницкій послалъ и войсковые реэстры, прося короля «извинить... если окажется, что по статьямъ зборовскаго мира слѣдовало бы еще болѣе уменьшить число войскъ; потому что» говоритъ онъ, — «мы уже и такъ имѣли большія затрудненія при опредѣленіи числа нашего войска». Видно также, что не всѣ Малороссіяне были освобождены; нѣкоторые еще содержались

въ темницахъ. Въ письмѣ воеводы кіевскаго, Адама Киселя (29-го марта), разсказано состояніе Малороссіи по заключеніи зборовскаго мира. Хмѣльницкій долженъ былъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, чтобъ усмирить волненіе. Чернь ни подъ какимъ видомъ не хотѣла подчиниться панамъ; исключая очень немногихъ, всѣ прибѣгали къ разнымъ уловкамъ, чтобъ отдѣлаться отъ этой зависимости. «Еслибъ я не видѣлъ», говоритъ воевода, — «такой силы и готовности къ войнѣ, какая здѣсь есть, и если бы могъ видѣть союзъ Орды съ казаками расторженнымъ; а также если бы войско могло прійдти сюда прежде вскрытія рѣкъ: то, какъ я всегда на Сеймѣ объявлялъ наилучшимъ средствомъ, такъ и теперь не только желалъ бы, но просилъ бы униженно вашу королевскую милость... принимая во вниманіе униженіе, претерпѣваемое нами въ мирѣ, похожемъ на рабство, лучше попытаться прибѣгнуть къ оружію, нежели имѣть подданныхъ и не владѣть ими». Вотъ въ какомъ положеніи находились дѣла. Видя невозможность воевать, Кисель просилъ не приближать войскъ или, въ противномъ случаѣ, извѣстить его, чтобъ онъ и другіе владѣльцы успѣли заранѣе убраться и избѣгнуть смерти. Какъ сильно было волненіе въ простомъ народѣ въ то время противъ возвратившихся владѣльцевъ, видно и изъ другихъ актовъ, особливо изъ универсала, изданнаго Хмѣльницкимъ (20-го сентября), которымъ, постановлено, что паны, вмѣстѣ съ полковниками, имѣютъ право даже казнить смертью своихъ возмутившихся крестьянъ. Вообще акты, помѣщенные въ этомъ отдѣлѣ, очень любопытны. Особенно укажемъ на три письма Андрея Мясковскаго, галицкаго стольника, къ королю, отъ 1-го, 4-го и 26-го августа, 1651 года, письмо Виговскаго къ коронному гетману Потоцкому, и Хмѣльницкаго къ нему же. Послѣднее написано чрезвычайно искусно и свидѣтельствуетъ, какъ хитро дѣйствовалъ Хмѣльницкій.

Вотъ что̀ мы считали нужнымъ сказать о второмъ томѣ кіевскихъ актовъ. Изданіе не только красиво, но даже изящно. Жаль только, что въ немъ тамъ и сямъ попадаются опечатки, даже кромѣ тѣхъ, которыя отмѣчены коммиссіей. Къ тексту актовъ, внизу страницы, приложенъ переводъ, невсегда, впрочемъ, вѣрный. Такъ, напримѣръ, въ уставѣ о волокахъ, покутныя корчмы переведено: «корчмы, назначенныя для содержанія преступниковъ». Невѣрность такого перевода видна, во первыхъ, изъ самого названія корчмы, которое имѣло то же значеніе, что̀ у насъ теперь, и къ намъ, вѣроятно, перешло изъ Литвы; во вторыхъ, мѣсто, гдѣ попадается это выраженіе, ясно даетъ разумѣть, что дѣло идетъ о кабакахъ или питейныхъ домахъ, а не о чемъ-нибудь другомъ. Тамъ сказано: «корчмы покутъные князские, панские, злаща (особливо) где не на гостинцу (бо́льшой дорогѣ)» и т. д., и потомъ: «таковыми покутными корчмами не одъно (не только) шкода его Милости Господару але и Речы Посъполитой дорогость вжывности и изънищене убогихъ людей». Все это непримѣнимо къ корчмамъ, будто бы устроеннымъ для преступниковъ, а прямо къ кабакамъ. Наконецъ, слово покутны, соблазнившее переводчика, не имѣетъ здѣсь смысла, и въ рукописи, вѣроятно, ошибкой поставлено вмѣсто поконтный (pokotny), что значитъ потаенный, скрытный, никому неизвѣстный. Впрочемъ, еслибъ переводъ былъ совершенно правиленъ, мы и тогда не могли бы понять, къ чему онъ? Кіевскіе акты изданы, конечно, не для пріятнаго препровожденія времени. Ихъ будутъ читать одни занимающіеся русской исторіей, но они поймутъ текстъ и безъ перевода; прочіе не будутъ читать вовсе. А между тѣмъ, не будь перевода, книга вышла бы меньше, слѣдовательно, дешевле и, слѣдовательно, доступнѣе для большинства. Едва повѣрить можно, что два вышедшіе тома кіевскихъ актовъ стоили пятнадцать рублей се-

ребромъ, тогда какъ четыре тома румянцовскихъ актовъ продаются за сорокъ рублей ассигнаціями, а весь Голиковъ, прежняго изданія, шестьдесятъ, не говоря уже объ изданіяхъ Археографической Коммиссіи.

Въ концѣ тома приложены снимки съ грамоты царя Алексѣя Михайловича, съ рукописи устава о волокахъ, съ печатей и подписей.

ИСТОРІЯ ОТНОШЕНІЙ МЕЖДУ РУССКИМИ КНЯЗЬЯМИ РЮРИКОВА ДОМА. *Соч. Сергея Соловьева. Москва. 1847.*

Вся русская исторія, какъ древняя такъ и новая, есть по преимуществу государственная, политическая, въ особенномъ, намъ однимъ свойственномъ значеніи этого слова. Областная, провинціяльная жизнь еще не успѣла сложиться, когда стало зачинаться и расти государство. Его возникновеніе опредѣлилось, какъ и слѣдовало, тогдашнимъ мѣстнымъ развитіемъ. Какъ послѣднее было бѣдно и слабо, видно съ одной стороны изъ шаткости внутренняго быта тѣхъ немногихъ общинъ, которыя, вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ, долго не были вовлечены въ общую жизнь, и на просторѣ, безъ помѣхи, продолжали свое особенное существованіе,—съ другой—изъ быстраго уничтоженія ихъ «старины» вслѣдъ за уничтоженіемъ ихъ политической самостоятельности. Тѣмъ полнѣе, шире, безграничнѣе развивалось государство. Конечно, нѣтъ христіянской страны, гдѣ бы оно принесло себѣ столько жертвъ; нѣтъ новой исторіи, которая бы представляла такое цѣлостное поглощеніе провинціялизма государственными интересами.

Во всемъ этомъ давно уже согласились знатоки русской *исторіи*. Еще Карамзинъ, руководимый вѣрнымъ чувствомъ,

назвалъ свое знаменитое сочиненіе «Исторіей Государства Россійскаго». Дѣйствительно, политическій, государственный элементъ представляетъ покуда единственно-живую сторону нашей исторіи, и если въ послѣднее двадцатилѣтіе и были попытки открыть въ ней другія живыя стороны, то это не столько было вызвано самимъ предметомъ, сколько выражало новыя требованія нашего времени. Не въ русской исторіи, а въ насъ лежали вопросы, которые мы ей задавали. Вотъ почему попытки и кончились ничѣмъ; онѣ принесли большую отрицательную пользу, но не внесли въ науку новаго содержанія.

Теперь важная задача представилась нашему времени. Дойдя до отрицательныхъ результатовъ относительно всѣхъ сторонъ древней русской жизни, исключая государственной, политической, мы, естественно, должны были спросить себя: какое же было ея движущее начало; что въ ней развивалось? Все сказанное объ этомъ доселѣ или было слишкомъ нелѣпо, или слишкомъ обще, прикладывалось ко всѣмъ государствамъ въ мірѣ, и именно потому нисколько не поясняло русской исторіи. Сентенціи въ родѣ такихъ: «каждый народъ, развиваясь, образуетъ государство», и подобныя могли ли подвинуть насъ въ уразумѣніи нашего прошедшаго? Онѣ не разрѣшали, какъ же именно это сдѣлалось, какія были причины, создавшія такое-то, а не другое государство, съ такимъ, а не другимъ характеромъ, и потому никуда не годились. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ требовало и предполагало спеціяльныя знанія. Къ нему и стали всѣ склоняться, сознательно и безсознательно. Какая-то усталость мысли, возрастающій перевѣсъ фактическаго изученія надъ теоретическимъ, довѣренность къ историческимъ даннымъ, сначала вслѣдствіе нравственнаго утомленія и безсилія, обозначали переходное время отъ непосредственнаго приближенія общихъ началъ науки къ дѣйствительному, живому пониманію нашей исторіи. Не станемъ теперь

разбирать различныя направленія и теоріи, болѣе или менѣе вѣрныя, которыя отсюда вытекали. Скажемъ только, что это исключительное предрасположеніе къ фактамъ, имѣвшее тоже свои дурныя стороны и вредныя послѣдствія, не могло удержаться навсегда. Оно только приготовило матеріялы для новыхъ взглядовъ, которые теперь опять появились, и притомъ многочисленнѣе, разнообразнѣе, чѣмъ когда-либо. Главное ихъ отличіе отъ прежнихъ состоитъ въ томъ, что они, исходя изъ общихъ началъ, наполнены положительнымъ содержаніемъ и, слѣдовательно, гораздо ближе къ дѣйствительности. Они уже не прикладываютъ такъ непосредственно, наивно, общихъ началъ къ фактамъ, какъ прежде; начала теперь служатъ основой, путеводной нитью и окончательной повѣркой историческихъ изысканій. Такъ приготовляется мало-по-малу коренное преобразованіе нашей исторической литературы. Это уже замѣтно во многомъ. Не только мы обогатились новыми историческими данными, но и самые вопросы русской исторіи переродились и поставляются теперь совершенно иначе, чѣмъ прежде, а извѣстно, что правильно поставить вопросъ значитъ ужь вполовину рѣшить его.

Вмѣстѣ съ другими переродился и вопросъ о государственномъ, политическомъ элементѣ въ древней Руси. Отчего онъ больше развивался, а другіе менѣе; какой его характеръ и отношенія къ другимъ сторонамъ жизни; по какимъ законамъ онъ развивался,—словомъ, какая его роль и значеніе въ русской исторіи? За всѣ эти вопросы принялись совершенно иначе. Принявъ въ основаніе мысль, что каждый народъ есть живой, цѣльный, саморазвивающійся организмъ, котораго различныя стороны не распадаются на безсвязныя или только механически между собою соединенныя части, а всѣ вытекаютъ изъ единой народной жизни, нельзя уже было разсматривать *нашу* государственную жизнь отдѣльно отъ другихъ сторонъ.

Теперь на нее взглянули, какъ на одно изъ выраженій народнаго организма; слѣдовательно, имъ, а не чѣмъ-либо постороннимъ и сверхъестественнымъ надо было ее объяснить. События, извнѣ и случайно вошедшія въ нашу народную жизнь, не внесли въ нее новыхъ элементовъ и стало-быть не измѣнили ее, а остались на ея поверхности и были ею переработаны; слѣдовательно, они имѣютъ лишь второстепенный голосъ въ опредѣленіи нашей исторіи.

Этотъ взглядъ, послѣдній результатъ европейской науки, имѣлъ огромное и рѣшительное вліяніе на уразумѣніе нашего древняго быта. Если развивалась только государственная, политическая жизнь, а другія стороны нѣтъ, то, значитъ, въ ней сосредоточились всѣ силы и соки народной жизни; слѣдовательно, измѣненія первой были измѣненіями послѣдней. Послѣ того оставалось только понять, такъ сказать, почву, элементъ, въ которыхъ совершалась государственная жизнь, и уловить законы ея развитія — и дѣло было сдѣлано, задача рѣшена, взглядъ на русскую исторію созданъ.

Историческіе элементы русской жизни не трудно было отгадать. Давно ужь, хотя и безсознательно, называли Русь патріархальной; но этому слову не давали того глубокаго, всеобъемлющаго значенія, которое оно дѣйствительно имѣетъ въ приложеніи къ намъ. Сверхъ того всѣ русскіе древніе политики прямо или косвенно тоже указываютъ на патріархальность. А что такое патріархальность? Формулируя это слово ученымъ образомъ, мы найдемъ, что она заключается въ преобладаніи естественныхъ, прирожденныхъ, слѣдовательно на кровномъ родствѣ основанныхъ отношеній надъ юридическими и личными. Общество, въ которомъ начальникъ или господинъ является какъ бы отцомъ, а равные какъ бы братья между собой по крови, — такое общество есть патріархальное. Такъ какъ родственныя отношенія по времени первыя въ исторіи,

то во всѣхъ обществахъ, у всѣхъ народовъ, патріархальный бытъ предшествуетъ всякому другому. Главная отличительная его черта — совершенная неопредѣленность взаимныхъ отношеній между людьми. И вслѣдствіе этого страшный произволъ, безсознательность и необезпеченность всѣхъ и каждаго. Человѣку невыносимо жить подъ гнетомъ вѣчной, неотвратимой случайности, которая царитъ въ патріархальномъ обществѣ, худо прикрываясь мнимой кажимостью и ничѣмъ не охраняемымъ, слѣдовательно шаткимъ обычаемъ: по природѣ своей человѣкъ стремится къ опредѣленному, извѣстному, постоянному быту, въ которомъ можно ориентироваться и найтись. Вотъ что̀ выводитъ патріархальное общество въ юридическій, гражданскій бытъ. Конечно, въ періодъ исключительнаго и односторонняго развитія юридическій бытъ является слишкомъ строгимъ, угловатымъ и прозаическимъ; но онъ по крайней мѣрѣ даетъ человѣку хоть какія-нибудь точки опоры, очерчиваетъ хоть грубо кругъ его дѣятельности, не переступая котораго можно дѣйствовать безъ насилія. Патріархальное общество не представляетъ даже и этой скудной выгоды. Отсюда, по мѣрѣ того, какъ народъ живетъ, патріархальныя отношенія смѣняются въ немъ юридическими и гражданскими, кровный союзъ сначала опредѣляется юридически, потомъ уступаетъ мѣсто другому, болѣе широкому гражданскому союзу, въ которомъ человѣкъ, прежде зависѣвшій отъ кровныхъ отношеній, преобразуется мало-по-малу въ самостоятельнаго дѣятеля, котораго мѣсто и значеніе опредѣляется личными качествами, талантомъ и доблестями, а не одними природными условіями рожденія.

Если государственный элементъ дѣйствительно поглотилъ и сосредоточилъ всю русскую народную жизнь, то его развитіе должно представлять это постепенное перерожденіе патріархальности въ юридическое устройство и гражданственность.

Другими словами: въ нашей государственной жизни должны были сначала преобладать кровныя родственныя начала, а потомъ изъ нихъ, постепенно, выработаться юридическія и гражданскія.

Диссертація г. Соловьева самымъ блистательнымъ образомъ подтвердила этотъ выводъ a priori. И до нея говорили, что съ Іоанна III началось у насъ государство, — что въ періодъ удѣловъ князья считались между собой родствомъ, кто кого старше; но на томъ всѣ и останавливались. Это были безсвязныя замѣтки — не болѣе; отъ недостатка систематическаго взгляда эти замѣтки не послужили ни къ чему; факты, бросающіеся въ глаза, оставались незамѣченными; въ суммѣ, несмотря на многія изслѣдованія, русская исторія ничего не выиграла. Обладая огромнымъ фактическимъ знаніемъ предмета, — чему убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ служитъ книга, — г. Соловьевъ прежде всего обратилъ вниманіе на живую связь между отдѣльными событіями русской исторіи, на начало, дающее имъ органическую цѣлость, единство. Въ короткой, но замѣчательной рѣчи, произнесенной имъ съ каѳедры передъ началомъ публичнаго диспута, онъ ясно высказалъ свое отношеніе къ предшественникамъ на томъ же поприщѣ. Мы не упомнимъ самыхъ словъ, но мысль была вотъ какая: до сихъ поръ заботились особенно о томъ, какъ раздѣлить русскую исторію; теперь надо стараться, напротивъ, соединить ея части въ одно цѣлое, связать раздробленное и неправильно противопоставленное; надо возсоздать наукой живой организмъ русской исторіи, а онъ самъ ужь укажетъ на раздѣленіе необходимое и естественное. Результатомъ этого совершенно новаго пріема, до сихъ поръ невиданнаго въ русской исторической литературѣ, былъ новый взглядъ на древне-русскую государственную жизнь, которая составляетъ главную тему диссертаціи. На основаніи этого взгляда изчезаютъ

всѣ представленія, заслонявшія естественный, органическій ходъ событій и внутреннюю связь между эпохами. Удѣлы и удѣльный періодъ, которые, судя по нашимъ учебникамъ, Богъ знаетъ какъ и откуда вдругъ являются въ нашей исторіи, по мнѣнію г. Соловьева до XIII вѣка вовсе не существовали, да и послѣ не играли первой роли. Монгольское иго, которому доселѣ приписывали рѣшительный, полный переворотъ въ нашей исторіи, тоже не имѣло такого великаго значенія. Оно сильно на насъ вліяло — это правда, но было одной изъ дѣйствующихъ причинъ, а не исключительно дѣйствовавшей. Такимъ образомъ изчезаетъ все внесенное извнѣ въ русскую исторію, поле изслѣдованій очищено отъ всего ему чуждаго, и ничто уже не препятствуетъ событіямъ, эпохамъ, предстать въ томъ свѣтѣ, съ тѣмъ значеніемъ, которые имъ дѣйствительно принадлежатъ и свойственны. Разрѣшивъ эту первую отрицательную половину свой задачи въ предисловіи, авторъ рѣшаетъ и вторую, положительную. Изслѣдованіе ея наполняетъ всю остальную часть диссертаціи. Государственная исторія Россіи за все время господства Рюриковой династіи, по мнѣнію автора, сначала представляетъ господство родовыхъ отношеній, которыя мало-по-малу смѣняются государственными; послѣднія, наконецъ, берутъ рѣшительный верхъ надъ первыми и совершенно упраздняютъ ихъ въ окончательной кровавой борьбѣ Іоанна IV съ вельможествомъ. Съ этимъ торжествомъ государственнаго начала надъ родовымъ совпадаетъ прекращеніе Рюриковой династіи, и Россія вступаетъ въ новый фазисъ историческаго существованія. Это общія черты новаго взгляда г. Соловьева на древнюю государственную Русь. Взглянемъ теперь на подробности. Сначала, до XIII вѣка, всѣ князья суть члены одного княжескаго рода, вся Россія есть его нераздѣльная родовая собственность въ общемъ его владѣніи. При такомъ состояніи невозможно по-

нятіе о частной собственности князей, понятіе объ удѣлѣ; какъ члены одного рода, всѣ князья владѣютъ, но не на основаніи права собственности; слѣдовательно, ихъ отношенія только личныя, опредѣленныя родственными, кровными связями; князья считаются между собою старшинствомъ, которое даетъ имъ высшее или низшее мѣсто въ общей родовой іерархіи, и потому то или другое владѣніе. Эпоха, въ продолженіи которой удерживается этотъ порядокъ вещей, имѣетъ свои подраздѣленія. Съ начала такъ называемаго періода удѣловъ— отъ Ярослава до смерти Мстислава 1-го — столкновенія и распри между князьями происходятъ вслѣдствіе исключенія изъ общаго владѣнія племянниковъ дядями; съ этого времени до Боголюбскаго возникаетъ уже борьба между князьями за старшинство, дающее право на такое или другое владѣніе, и преимущественно Кіевомъ. Андрей открываетъ новое начало порядка вещей. Этотъ князь господствуетъ на сѣверѣ, гдѣ новыхъ городовъ несравненно больше, чѣмъ на югѣ и западѣ; новые города, основанные самими князьями, находятся къ нимъ въ отношеніяхъ вотчинъ, полной собственности, чѣмъ не могли быть древніе вѣчевые города. Такъ на сѣверо-востокѣ возникаетъ понятіе объ удѣлѣ, частной княжеской собственности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и взглядъ на между-княжескія отношенія долженъ былъ измѣниться. Андрей, воспитанный на новыхъ началахъ, какъ собственникъ, явно стремится къ единовластію и самодержанію и силится упразднить прежній родовой порядокъ вещей, поддерживаемый южно-русскими князьями. Отсюда борьба между нимъ и послѣдними, продолжавшаяся и при преемникѣ его замысловъ и владѣній, Всеволодѣ III. Въ этомъ князѣ уже предчувствуются московскіе великіе князья, особенно Іоаннъ III. Послѣ Всеволода мало-по-малу утверждаются и развиваются новыя между-княжескія отношенія, которыхъ основаніемъ было уже понятіе о собственности. Князья

дѣлили свою вотчину, княженія, между дѣтьми; каждый старался усилить и умножить ее насчетъ другихъ, не уважая или мало уважая родовыя права, служившія прежде главной нормой въ опредѣленіи ихъ взаимныхъ отношеній. При такихъ обстоятельствахъ, одной княжеской линіи, а именно московской, удалось усилиться надъ всѣми прочими. Слѣдствіемъ этого было отнятіе владѣній у прочихъ князей и ихъ подданническое служебное отношеніе къ московскому; наконецъ независимые князья совершенно изчезли въ Россіи, и она обратилась въ Московское государство. Это государство, окончательно основанное Іоанномъ III и IV, стало на развалинахъ прежняго удѣльнаго родоваго порядка вещей; разумѣется, онъ не вдругъ отказался отъ своихъ правъ и непрестанно напоминалъ о своемъ существованіи въ лицѣ бояръ и вельможъ, живыхъ представителей такъ называемаго удѣльнаго періода. Отсюда борьба между ними и московскими государями, особенно ярко и въ послѣдній разъ обнаружившаяся при Іоаннѣ IV. Она заключила нашу древнюю, до-государственную исторію и открыла новый періодъ — періодъ московскаго царства. Этотъ взглядъ безспорно гораздо глубже, цѣльнѣе, чѣмъ всѣ предыдущіе. Онъ набрасываетъ живую, связную картину государственной жизни древней Руси, чего мы до сихъ поръ не имѣли,—точка отправленія поразительно вѣрна. Несмотря на все это, мы думаемъ, однако, что г. Соловьевъ, постановивъ новое начало, не провелъ его до конца и какъ будто остановился на полудорогѣ. Развитіе новой мысли у него невполнѣ послѣдовательно; постараемся доказать это.

Родовыя отношенія между русскими князьями поставлены у автора первыми по времени. Это начало, точка отправленія. Ихъ преобладаніе, чтобъ не сказать исключительное господство, въ древнѣйшей русской государственной исторіи несомнѣнно, очевидно-ясно. Подъ конецъ, когда раздробленныя части

Россіи стали соединяться въ одно цѣлое, родовыя отношенія удерживались уже только какъ форма безъ содержанія, какъ предлогъ, скрывавшій совсѣмъ другіе замыслы. Князь изъ члена рода сталъ вотчинникомъ, землевладѣльцемъ, и больше всего думалъ, какъ бы ему нажиться и увеличить свое имѣніе, будущее наслѣдство дѣтей. Этой главной задушевной цѣли онъ жертвовалъ родовыми и кровными связями. Между княземъ — членомъ рода, и княземъ—хозяиномъ разстояніе такъ велико, что ихъ почти нельзя сравнивать; однако, послѣдній былъ потомокъ перваго. Какъ же совершилось это перерожденіе? какими ступенями пройденъ путь, начало и конецъ котораго такъ несходны?

Г. Соловьевъ говоритъ о родовыхъ отношеніяхъ, потомъ о государственныхъ, которыя сначала съ ними боролись и наконецъ ихъ смѣнили. Но въ какомъ отношеніи они находились между собою, откуда взялись государственныя отношенія въ нашемъ быту вслѣдъ за родовыми — этого онъ не объясняетъ или объясняетъ слишкомъ неудовлетворительно. Во первыхъ, онъ не показываетъ естественной преемственности быта юридическаго послѣ родоваго; во вторыхъ, взглядъ его не вполнѣ отрѣшился отъ преувеличеній, которыя такъ изукрасили древнюю Русь, что ее нельзя и узнать. Правда, его взглядъ несравненно простѣе, естественнѣе; но надо было сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобъ довершить полное высвобожденіе древней русской исторіи отъ несвойственныхъ ей представленій; а его-то г. Соловьевъ и не сдѣлалъ. Этимъ и объясняется, почему авторъ по необходимости долженъ былъ прибѣгнуть къ остроумной, но невѣрной гипотезѣ о различіи новыхъ княжескихъ городовъ отъ древныхъ вѣчевыхъ, для объясненія новаго порядка вещей, народившагося въ сѣверо-восточной Россіи. Представляя себѣ въ нѣсколько неестественныхъ размѣрахъ владимірскую и московскую Русь, г. Соловьевъ уви-

ствительно преобразовалось въ политическое, государственное тѣло и стало державой въ настоящемъ значеніи слова.

Отсюда мы выводимъ вотъ какіе результаты: дѣйствуя на первобытной дѣвственной почвѣ, на которой никто не оставилъ слѣдовъ другого, болѣе развитаго быта, предоставленные сами себѣ, мы сначала принуждены были сами собою открывать и выработывать всѣ первичныя—гражданскія и общественныя—начала, составляющія азбуку общежитія, и едва ли есть другая исторія, которая такъ живо какъ русская сохранила картину этого незапамятнаго до-историческаго развитія человѣческаго общества. Даже понятіе о собственности мы должны были изобрѣсти сами, и честь этого открытія у насъ—принадлежитъ князьямъ; въ частный бытъ оно проникло спустя еще два вѣка. То же должно сказать и огражданскомъ бытѣ. Первыми его дѣятелями и представителями были князья; а въ частномъ быту давно ли разрушено родовое начало? Да и разрушено ли оно вполнѣ даже теперь, полтораста лѣтъ спустя послѣ реформы? Если такъ, спрашивается, могла ли въ XIII вѣкѣ быть хоть тѣнь государственныхъ отношеній между князьями? Зародышъ гражданскихъ, нѣчто на нихъ похожее—да, безспорно, но никакъ не государственныя. Послѣднія предполагаютъ высокую степень общественнаго, умственнаго и нравственнаго развитія, о которомъ въ древней Руси не было и помину. Это доказывается и прямыми фактами и косвенно—родовымъ, кровнымъ распорядкомъ, непосредственно предшествовавшимъ такъ называемымъ государственнымъ отношеніямъ. Оттого, что г. Соловьевъ не назвалъ *явленія* его именемъ, произошли всѣ неправильные и непослѣдовательные выводы, ошибочныя воззрѣнія и натянутыя толкованія.

Читатели теперь сами видятъ, что отдѣльная собственность образовалась весьма просто, сама собою, вслѣдствіе развитія *родового* быта. Г. Соловьеву была нужна гипотеза о различіи

старыхъ и новыхъ городовъ. Она ненужна и — прибавимъ еще—весьма неправдоподобна. Дѣйствительно ли различались новые города отъ старыхъ? Авторъ блистательно изложилъ гипотезу въ своей магистерской диссертаціи объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, но не подтвердилъ ее никакими доказательствами. Потомъ онъ на нее ссылался, какъ на аксіому. Мы съ своей стороны тщетно перебирали въ памяти историческіе факты, напрасно пересматривали лѣтописи: ни одно данное не приводитъ къ ней. Во первыхъ въ устройствѣ старыхъ и новыхъ городовъ мы не находимъ рѣшительно никакой разницы; вольныя общины отличались особенной организаціей — это правда; но если всѣ вольные города древней Руси были старые, то далеко нельзя сказать наоборотъ, что всѣ старые города были вольные. Напротивъ, лѣтописи представляютъ намъ множество старыхъ городовъ, которые безусловно повиновались князьямъ, приходившимъ къ нимъ безъ призванія, и множество новыхъ городовъ, построенныхъ князьями, и въ с. в. Россіи, которые не повиновались князьямъ и своевольствовали. Различіе между тѣми и другими невозможно провести, потому что устройство городовъ древней Руси не имѣло никакой опредѣленности, правильности, постоянства, которыя, при возмужалости народа, кладутъ особенную, неизмѣнную печать на всю исторію города и глубокими чертами отличаютъ ее отъ исторіи и быта всѣхъ другихъ городовъ. И теперь внутренніе города Россіи, даже большіе, чрезвычайно между собою сходны. Отчего это? Оттого что нѣтъ провинціализма, мѣстнаго развитія, а ихъ нѣтъ потому, что гражданственность у насъ еще въ зародышѣ, едва только начинается. Тѣмъ болѣе такъ было въ древней Россіи, неимѣвшей никакой гражданственности. Исторія нашихъ городовъ въ древности служитъ этому неопровержимымъ доказательствомъ. Тѣ только изъ нихъ сохраняютъ самостоятельность, которые удалены отъ

главной сцены дѣйствія русской исторіи; придетъ съ ними въ соприкосновеніе сильный князь — они отдаются ему «на всей его волѣ», конечно, не безъ сопротивленія, но все-таки отдаются: князь на лицо — городъ исполняетъ его волю, нѣтъ — тогда городъ начинаетъ дѣйствовать, собираться на вѣче, распоряжается. Ослабѣютъ князья — города ихъ не слушаются и заключаютъ съ ними условія; усилились они — города опять замолкли. А когда утвердилось московское единовластіе, достаточно было ста лѣтъ, чтобъ сравнить какой-нибудь Новгородъ со всѣми другими городами, — Новгородъ, который до конца XV вѣка составлялъ цѣлое государство съ огромной территоріей; а тогда еще не было и помина о тѣхъ административныхъ средствахъ совершеннаго покоренія, которыя изобрѣтены уже въ новѣйшее время. Что̀ можетъ быть краснорѣчивѣе этихъ фактовъ? Не говорятъ ли они, что тогда города сами по себѣ ничего не значили, что ихъ муниципальныя права не были правами, а обычаями, неимѣвшими даже юридическаго характера, потому что эти права не были сознаны и усвоены и только въ отсутствіи или при слабости князей предъявляли свое существованіе. Стало-быть, не изъ характера новыхъ городовъ развилось понятіе объ отдѣльной княжеской собственности. Оно не имѣло никакого историческаго прототипа, а, напротивъ, само родившись впервые въ государственной сферѣ, послужило первообразомъ частной, гражданской собственности. И такъ, объясненіе г. Соловьева рушится само собою.

Объясненіе происхожденія отдѣльной собственности лежитъ гораздо ближе, въ самыхъ условіяхъ родового быта. Если онъ послѣ XIII вѣка началъ переходить въ гражданскій, а не государственный, какъ думаетъ г. Соловьевъ, то органическую связь между обоими угадать весьма не трудно. Она скрывается въ вотчинномъ семейственномъ началѣ, тоже основанномъ, на *кровномъ* родствѣ, слѣдовательно, тоже патріархальномъ, но

которое тѣмъ существенно отличается отъ родового, что гораздо тѣснѣе его и находится къ нему постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ. Семья разлагаетъ родъ на части, и когда она беретъ верхъ, послѣдній необходимо падаетъ. О вотчинномъ, семейномъ началѣ, игравшемъ такую важную роль въ древней Россіи, г. Соловьевъ совсѣмъ не говоритъ въ своей диссертаціи; онъ его какъ бы обходитъ. На диспутѣ многіе, отправляясь впрочемъ отъ различныхъ точекъ зрѣнія, сошлись въ возраженіяхъ на эту слабую сторону разсужденія. Авторъ защищался очень ловко и искусно, но побѣда осталась не на его сторонѣ. Такъ какъ этотъ предметъ весьма важный въ русской исторіи, то мы позволимъ себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Одно изъ главныхъ, коренныхъ отличій родового союза состоитъ въ томъ, что какъ бы ни расширился родъ, какъ бы ни стали многочисленны его вѣтви, онѣ непремѣнно находятъ въ немъ извѣстное мѣсто; каждое лице, по линіи, старшинству или меньшинству, классифицируется въ родѣ, и никто, на основаніи родовыхъ началъ, не изъятъ изъ этой классификаціи. Таковъ родъ, по самому своему началу; если оно невсегда строго выдержано въ примѣненіи къ тому или другому лицу, то все же пока родъ существуетъ и силенъ, никто не можетъ высвободиться изъ родового союза, съ удержаніемъ какихънибудь правъ. Это заколдованный кругъ, изъ котораго нельзя выйти, не переставши существовать физически или граждански. Какое же мѣсто занимаетъ каждое лице въ родѣ и какъ опредѣляются его отношенія къ другимъ? Это зависитъ исключительно отъ рожденія. Кто прежде родился, тотъ и старше, кто позднѣе, тотъ моложе. На этомъ основаніи, совершенно сообразно съ законами естественнаго рожденія, дяди считались въ чисто родовомъ союзѣ старше своихъ племянниковъ. Если юридическая казуистика родового начала и видоизмѣнила это об-

щее положеніе, то это не было отступленіемъ, а напротивъ ближайшимъ приближеніемъ родового старшинства къ естественному. Положеніе младшаго въ родовомъ союзѣ вообще было очень незавидно. Онъ былъ обязанъ уважать, почитать, любить и слушаться старшаго, хотя бы старшій былъ въ десять разъ его ограниченнѣе, чтобъ не сказать глупѣе, хотя бы онъ не заслуживалъ ни малѣйшей любви и почтенія. Повиновеніе старшимъ влечетъ за собою множество мелкихъ, тягостныхъ обязанностей и послугъ; еще въ недавнее время, которое слава Богу быстро уходитъ, считалось непремѣнной обязанностью дѣлать визиты или писать форменныя письма по праздникамъ, наружно уважать, спрашивать совѣта даже въ такихъ дѣлахъ, которыя ни до кого не касаются, о которыхъ не хочешь никому говорить, и т. д. Какъ же пусто и главное безлично должно было быть общество, когда такое устройство и такія несообразныя съ здравымъ смысломъ отношенія не возбуждали ничьего противодѣйствія, когда никто ими не тяготился, а напротивъ всякой вмѣнялъ себѣ въ особенную заслугу безусловное и буквальное выполненіе родовыхъ обязанностей! Такой порядокъ вещей не могъ продолжаться вѣчно. Но разложеніе его у насъ началось не протестомъ лица во имя своихъ вѣчныхъ, неотъемлемыхъ правъ, ибо о личности въ древнѣйшей Руси не было и помину; упадокъ, родового устройства пришелъ совсѣмъ съ другой стороны, откуда бы его, кажется, всего менѣе можно было ожидать, а именно—отъ семьи, вотчиннаго начала. Это сдѣлалось вотъ какимъ образомъ:

Братья между собою считались старшинствомъ, и такимъ образомъ, даже по смерти отца, составляли цѣлое, опредѣляемое постоянными законами, но дѣти каждаго изъ нихъ имѣли ближайшее отношеніе къ отцу, и только второстепенное, посредственное къ роду. Для нихъ ихъ семейные интересы были *главное* и первое; родъ былъ уже гораздо дальше и не могъ

такъ живо, всецѣло поглощать ихъ вниманіе и любовь. Прибавьте къ этому, что и для ихъ отца выгоды своей семьи были близки и во многихъ случаяхъ, приходя въ столкновеніе съ выгодами рода, могли ихъ перевѣшивать. Но пока родъ былъ немногочисленъ и линіи еще недалеко разошлись, родъ еще могъ держаться; а что жь должно было произойти, когда послѣ родоначальника смѣнились три, четыре поколѣнія,—когда каждая княжеская линія имѣла уже свои семейныя и родовыя преданія, а общеродовые интересы ступили на третье, четвертое мѣсто? Естественно, къ роду, обратившемуся теперь въ призракъ, всѣ должны были охладѣть. Вслѣдствіе чего же? Вслѣдствіе того, что вотчинное, семейное начало, нисходящіе разорвали родъ на самостоятельныя, другъ отъ друга независящія части или отрасли. Этотъ процессъ повторялся нѣсколько разъ: изъ вѣтвей развивались роды. Эти роды разлагались семейнымъ началомъ и т. д. до тѣхъ поръ, пока родовое начало не износилось совершенно. Его поддерживало нѣсколько времени значеніе княженій, которыя сначала носили на себѣ какую-то тѣнь, призракъ государственныхъ владѣній, составлявшихъ политическое цѣлое; но этотъ призракъ скоро разсѣялся, ибо они все дробились и дробились, такъ что владѣнія князей наконецъ измельчали до крайности и стали просто частною собственностью. Тогда-то семейное начало, въ лицѣ нисходящихъ, открыто стало оспоривать первенство у родового, представляемаго старшими боковыми родственниками. Семья стала главнымъ движущимъ принципомъ, а не родъ; не къ дядямъ умершаго лица стали переходить права и владѣнія, а къ сыновьямъ его. Послѣдніе сдѣлались старшими, а первые младшими, и родъ изчезъ.

Постепенность этой коренной перемѣны въ понятіяхъ и въ движущемъ началѣ нашей внутренней жизни, которой важность нельзя довольно оцѣнить, превосходно изложена въ диссер-

тации г. Соловьева въ отношеніи къ великокняжескому достоинству:

«Первымъ, главнымъ правомъ на великокняжеское достоинство было старшинство физическое, слѣдовательно дяди имѣлъ первенство надъ племянникомъ, старшій братъ надъ младшими, мужъ старшей сестры надъ младшими зятьями... И такъ по первому, естественному представленію о старшинствѣ дяди постоянно имѣлъ право предъ племянникомъ. Но теперь обратимъ вниманіе на второе представленіе: по смерти отца старшій братъ заступалъ его мѣсто для младшихъ, становился отцемъ въ отношеніи къ нимъ, слѣдовательно его дѣти должны были стать братьями дядьямъ своимъ; и точно такое представленіе существовало при родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ, ибо мы видимъ, что сыновья старшаго брата называются братьями дядьямъ своимъ... Но при такомъ представленіи необходимо раждался вопросъ: старшій сынъ старшаго брата, который сталъ отцемъ для младшихъ братьевъ, сталъ поэтому самому братомъ дядьямъ своимъ, но какимъ братомъ — старшимъ или младшимъ? Здѣсь опять два представленія: первое, основываясь на физическомъ старшинствѣ, отдавало всегда преимущество дядьямъ предъ племянниками, сыновья старшаго брата были братьями дядьямъ своимъ, но братьями младшими... Но въ пользу племянниковъ скоро явилось другое представленіе: старшій братъ сталъ отцемъ для младшихъ, сыновья его изъ племянниковъ стали для нихъ братьями, старшій между сыновьями отца есть необходимо старшій между братьями, слѣдовательно старшій племянникъ старше дядей... Послѣднее представленіе о старшинствѣ старшаго племянника надъ дядьями явилось при самыхъ первыхъ столкновеніяхъ между правами Ярославовыхъ потомковъ на старшинство, но встрѣтило сильное сопротивленіе въ общемъ мнѣніи, которое было за естественное представленіе, основанное на физическомъ старшинствѣ дядей надъ племянниками: отсюда произошли страшныя войны между Мстиславичами и Юрьемъ Долгорукимъ и потомствомъ его, въ продолженіи которыхъ и до самаго разъединенія юго-западной старой Руси отъ сѣверо-восточной, новой, торжество оставалось за представленіемъ о старшинствѣ дядей надъ племянниками... Но въ потомствѣ Всеволода III въ Руси сѣверо-восточной переспливаетъ представленіе о старшинствѣ сына отъ старшаго брата уже не надъ одними младшими, но надъ всѣми дядьями, при чемъ однако, до самаго пресѣченія Рюрикова рода на престолѣ Московскомъ, дядья самые младшіе не хотятъ уступить старшинства сыну отъ перваго брата, такъ что оба представленія остаются при своихъ крайностяхъ, не уступаютъ другъ другу, не допускаютъ ничего средняго».

Когда нисходящіе получили старшинство передъ боковыми, *родъ не* могъ уже организоваться и родовое начало быть источ-

никомъ правъ. Отъ него удержалась лишь форма безъ всякаго содержанія. Мало этого: только съ его паденіемъ и полнымъ торжествомъ семейнаго начала, могъ появиться типъ землевладѣльца, вотчинника, который въ нашей государственной жизни дѣйствительно смѣнилъ типъ дружиноначальника, сначала преобладавшій между князьями и лежавшій въ основаніи ихъ власти. Родъ князей-помѣщиковъ, или «хозяевъ», какъ называетъ ихъ весьма остроумно г. Соловьевъ, нетолько тянется черезъ всю московскую исторію до Іоанна III, но даже всѣ послѣдующіе московскіе цари, до самого Петра Великаго, проникнуты тѣмъ же характеромъ, удерживаютъ еще тѣ же самыя формы, хотя и съ измѣненіями. Но рядомъ съ этимъ типомъ, еще въ концѣ XIV вѣка, возникаетъ, сначала смутно, едва замѣтно, мысль о государствѣ. Развиваясь медленно, она мало-по-малу вытѣсняетъ типъ владѣльца, вотчинника и наконецъ одерживаетъ надъ нимъ первую блистательную побѣду въ лицѣ и реформѣ Петра Великаго. Это появленіе новой идеи, какъ намъ кажется, не довольно рѣзко отмѣчено въ разсужденіи г. Соловьева. Правда, онъ особенно останавливается на томъ, что Дмитрій Донской первый отказалъ старшему сыну гораздо большую часть, въ сравненіи съ прочими, и тѣмъ выразилъ, что столько же, и еще больше, заботился о сохраненіи цѣлости Московскаго Великаго Княжества, сколько о семейныхъ интересахъ. Совсѣмъ тѣмъ, объ этомъ въ высокой степени важномъ явленіи въ нашей исторіи не сказано у г. Соловьева ни слова въ общемъ обозрѣніи предмета. Господство семейнаго начала и появленіе начала государственнаго слиты авторомъ въ одно, подъ общимъ названіемъ: государственныхъ отношеній. Мы уже видѣли, какъ это неправильно. Прибавимъ, что именно оттого, что авторъ не отличилъ семьи и вотчины отъ государства, и выходитъ у него какъ бы скачокъ въ нашемъ развитіи— пустое мѣсто, ненаполненное ничѣмъ. Введеніемъ семейнаго

[illegible] тотъ [illegible] [illegible] исторіи [illegible] [illegible] естественнымъ и послѣдовательнымъ. [illegible] и [illegible] семья и отчина, [illegible] собственность, [illegible] и государство.

Вотъ все, что мы считали нужнымъ сказать объ основной мысли новаго историческаго сочиненія г. Соловьева. Переходимъ теперь къ подробному разбору его частныхъ положеній и отдѣльныхъ [illegible] въ которыхъ, по нашему мнѣнію, и [illegible] [illegible] достоинство изслѣдованія и [illegible] выражается новый историческій талантъ автора — [illegible] въ [illegible] [illegible] выводъ изъ него [illegible] [illegible].

Главная заслуга г. Соловьева состоитъ въ томъ, что онъ открылъ и показалъ намъ основный движущій принципъ нашей древней исторіи — родовое начало. [illegible] [illegible] изъ его предшественниковъ не успѣлъ въ этомъ такъ удовлетворительно, какъ онъ. Поэтому, несмотря на то, что многіе — Эверсъ, Рейцъ, г. Погодинъ, отчасти даже Карамзинъ, — замѣчали [illegible] этой мысли, мы не усомнимся приписать г. Соловьеву честь безспорно величайшаго открытія въ русской исторіи. Въ нашей исторической литературѣ онъ положилъ новое начало и является основателемъ новаго воззрѣнія, [illegible] выводами и послѣдствіями. Но онъ не вполнѣ вѣрно и послѣдовательно развилъ свою мысль: это произошло, какъ намъ кажется, оттого, что онъ недостаточно глубоко вникъ въ законы естественнаго, органическаго развитія родового начала. Отсюда:

Во 1-хъ въ первомъ появленіи гражданственности, да и то только въ политической сферѣ, между князьями, авторъ видитъ уже государственныя отношенія: во 2-хъ, семейственное, вотчинное начало, развившееся изъ родового и подготовившее появленіе государства, вовсе не обратило на себя его вниманія; въ 3-хъ, оттого и первые зачатки государственности не играютъ въ его сочиненіи той важной роли, которая имъ по

всей справедливости принадлежала: они какъ-то сливаются съ предыдущимъ и послѣдующимъ и потому остаются въ тѣни, едва мимоходомъ замѣченные; въ 4-хъ, появленіе отдѣльной собственности объяснено ничѣмъ недоказанной и вдобавокъ вовсе неправдоподобной гипотезой, тогда какъ оно весьма просто объясняется естественнымъ и необходимымъ развитіемъ родового быта и устройства.

Разсмотримъ частности съ той внимательностью и подробностью, которыхъ въ полной мѣрѣ заслуживаетъ эта превосходная, классическая книга. Здѣсь мы то же встрѣтимъ мѣстами много такого, съ чѣмъ нельзя согласиться или что по крайней мѣрѣ сомнительно и спорно. За то, по большей части, изслѣдованія и замѣтки автора такъ вѣрны, оригинальны и новы, что они съ избыткомъ выкупаютъ преувеличенное, невѣроятное и ошибочное.

Предисловіе, о которомъ мы лишь мимоходомъ упомянули, въ своемъ родѣ мастерское, художественное произведеніе.

«Мы привыкли, — говоритъ авторъ — къ выраженіямъ: раздѣленіе Россіи на удѣлы, удѣльные князья, удѣльный періодъ, удѣльная система, изчезновеніе удѣловъ при Іоаннѣ III, при сынѣ его Василіи, при Іоаннѣ IV. Употребляя эти выраженія, мы необходимо даемъ знать, что Россія, начиная отъ смерти Ярослава I-го до конца XVI вѣкѣ, была раздѣлена, ставимъ *удѣлъ* на первомъ планѣ, даемъ ему главную роль; за удѣлъ идутъ всѣ борьбы, около удѣла вращается вся исторія, если періодъ называется удѣльнымъ, если господствуетъ удѣльная система. Но раскроемъ лѣтописи отъ времени Ярослава I-го до XIII вѣка: идетъ ли въ нихъ рѣчь объ удѣлахъ? встрѣчаемъ ли выраженіе: удѣльный князь и великій? происходитъ ли борьба за удѣлъ, за распространеніе, усиленіе одного удѣла насчетъ другаго, раздѣлена ли наконецъ Россія? Нисколько. всѣ князья суть члены одного рода, вся Русь составляетъ нераздѣленную родовую собственность; идетъ рѣчь о томъ, кто изъ князей старше, кто моложе въ родѣ, за это всѣ споры, всѣ междоусобія. Владѣніе, города, области имѣютъ значеніе второстепенное, имѣютъ значеніе только въ той степени, въ какой соотвѣтствуютъ старшинству князей, ихъ притязаніямъ на старшинство, и потому князья безпрестанно мѣняютъ ихъ. Князь, у котораго во владѣніи обширная область на сѣверѣ, оставляетъ ее и бьется изо всѣхъ силъ за одинъ городъ на югѣ, потому что этотъ городъ прибли-

даетъ его къ старшинству; однимъ словомъ, интересъ собственника вполнѣ подчиняется интересу родича. Вмѣсто раздѣленія, которое необходимо связано съ понятіемъ объ удѣлѣ, мы видимъ единство княжескаго рода: развѣ борьба Святославичей съ Мономаховичами есть борьба удѣловъ, борьба Черниговца съ Кіевомъ, Смоленскомъ, Суздалемъ? это борьба за единство Ярославова рода, за общность и нераздѣльность владѣнія «мы внуки одного дѣда», говорятъ Святославичи и потому добиваются Кіева. Начинается вторая борьба, въ семьѣ Мономаха между Мстиславичами и Юріемъ Долгорукимъ, и опять не за удѣлъ, но за старшинство. Наконецъ третья усобица между Ростиславичами и Юрьевичами идетъ также не за удѣлы, но за родовыя отношенія: Ростиславичи требуютъ, чтобъ старшій князь поступалъ съ младшими, какъ съ братьями, а не какъ съ подручниками. Гдѣ же удѣлы? въ лѣтописи мы не находимъ отношеній великаго князя къ удѣльнымъ, мы находимъ только отношенія отца къ сыновьямъ, старшаго брата къ младшимъ, дядей къ племянникамъ; даже самое слово: *удѣлъ*, мы не встрѣчаемъ въ лѣтописи. если не было понятія о раздѣлѣ, о выдѣлѣ, объ отдѣльной собственности, то не могло быть и слова для его выраженія; когда же на сѣверѣ явилось понятіе объ отдѣльной собственности, то явился и удѣлъ. до этого же времени мы встрѣчаемъ только слова: *волость* и *столъ*. Такимъ образомъ выраженія: удѣльный періодъ, удѣльная система, приводятъ къ совершенно ложному, обратному представленію, выставляя господство удѣла владѣнія, отдѣльной собственности въ то время, когда господствовали родовыя отношенія при нераздѣльной родовой собственности.

«Но я уже сказалъ, что третья борьба между Ростиславичами и Юрьевичами идетъ за то, что первые хотятъ поддержать родовыя отношенія противъ стремленія сѣверныхъ князей, которые хотятъ обходиться съ родичами, какъ съ подручниками, стать самовластцами въ землѣ своей. Это стремленіе служитъ уже яснымъ признакомъ ослабленія родовой связи, родовыхъ отношеній. И точно, скоро мы видимъ, что единство Ярославова рода рушится, и Русь дѣлится, впервые, на нѣсколько княжествъ, каждое съ своимъ В. Княземъ, потому что В. Князь означаетъ только старшаго въ княжескомъ родѣ, и если родъ Ярослава раздробился на нѣсколько особыхъ родовъ, то каждый родъ долженъ былъ имѣть особаго старшаго: явилось нѣсколько Великихъ Князей. Начинается борьба между отдѣльными княжествами; цѣль этой борьбы пріобрѣтеніе собственности, усиленіе одного княжества насчетъ другихъ, подчиненіе всѣхъ княжествъ одному сильнѣйшему: борьба оканчивается усиленіемъ княжества Московскаго, подчиненіемъ ему всѣхъ остальныхъ. Но во время этой борьбы между отдѣльными В. князьями, или старшими родовъ, внутри каждаго княжества, въ каждомъ родѣ идетъ борьба между старшимъ княземъ и младшими, теперь уже *удѣльными* князьями, борьба также за собственность и за государственныя отношенія противъ родовыхъ: каждый В. Князь хочетъ

уничтожить удѣлы, привести удѣльныхъ князей въ подданническое къ себѣ отношеніе; послѣдніе ратуютъ во имя старыхъ родовыхъ отношеній, старыхъ правъ. Эта внутренняя борьба въ другихъ княжествахъ оканчивается вмѣстѣ съ подчиненіемъ ихъ Московскому, въ послѣднемъ же оканчивается только съ пресѣченіемъ Рюриковой династіи. (Стр. I—IV).

Доказавъ такимъ образомъ, и весьма основательно, что удѣловъ сначала вовсе не существовало, а потомъ они не такъ исключительно опредѣляли между-княжескія отношенія, чтобъ по нимъ можно было назвать цѣлый періодъ русской исторіи удѣльнымъ, авторъ доходитъ до тѣхъ же результатовъ и въ отношеніи къ монгольскому періоду.

«Если несправедливо названіе: удѣльный періодъ, то еще менѣе справедливо названіе Монгольскаго періода. Это названіе можетъ быть допущено только тогда, когда мы беремъ одну внѣшнюю сторону событій; но слѣдя за внутреннимъ, государственнымъ развитіемъ Россіи, мы не имѣемъ никакого основанія ставить Монгольскія отношенія на первомъ планѣ, приписывать азіятской ордѣ такое сильное вліяніе на развитіе европейско-христіянскаго общества. Мы видѣли, что стремленіе замѣнить родовыя отношенія государственными началось съ Андрея Боголюбскаго, слѣдовательно гораздо прежде Монголовъ; это стремленіе вызвало сильную борьбу между родовыми и государственными отношеніями, условія для которой были приготовлены прежде Монголовъ. Правда, когда отдѣльныя княжества, явившіяся вслѣдствіе разрыва родоваго единства и преобладанія понятія объ отдѣльной собственности, начинаютъ борьбу другъ съ другомъ, то Монголы принимаютъ дѣятельное участіе въ этой борьбѣ, помогаютъ войскомъ то тому, то другому князю или княжеству: но здѣсь они дѣйствуютъ безотчетно, безсознательно, точно такъ, какъ прежде дѣйствовали Половцы, помогавшіе одному князю противъ другаго въ ихъ родовыхъ спорахъ; однако никто не вноситъ въ Русскую исторію Половецкаго періода. Возразятъ: Половцы не порабощали Руси своему игу, не налагали дани, не давали ярлыковъ князьямъ нашимъ, не казнили ихъ въ степяхъ своихъ: но Монголы, несмотря на свое видимое владычество, не имѣютъ никакого понятія о княжескихъ отношеніяхъ, поддерживаютъ, даютъ ярлыки тѣмъ изъ князей, которые дадутъ имъ больше денегъ; еслибъ во время Монголовъ продолжали господствовать прежнія родовыя отношенія, то Монголы точно бы такъ же поддерживали то дядей противъ племянниковъ и наоборотъ, то Мономаховичей противъ Олеговичей, и наоборотъ; въ XIII же и XIV вѣкахъ, когда родовыя отношенія потеряли господство, Монголы помогаютъ князьямъ Московскимъ,

Рязанскому, Тверскому, Нижегородскому пришлось и пришлось въ борьбѣ ихъ другъ съ другомъ, цѣль которой есть усиленіе одного княжества насчетъ другихъ, подчиненіе всѣхъ княжествъ одному, собраніе земли Русской. Какая разница между участіемъ Монголовъ и Половцевъ въ княжескихъ отношеніяхъ? Та, что для склоненія Хана Монгольскаго на свою сторону, князь долженъ былъ ѣхать въ Орду, тогда какъ для вызванія Половецкаго хана князь съѣзжался съ нимъ на границахъ степей: слѣдствія были одни и тѣ же. Ханы казнили Русскихъ князей въ Ордѣ не Ханы казнили ихъ, но Русскіе князья посредствомъ Ханскихъ палачей истребляли другъ друга: Ханы служили здѣсь только орудіемъ для цѣлей чуждыхъ, которыхъ они совершенно не понимали; для насъ важно не то, какъ, посредствомъ кого князья истребляли другъ друга, но по какимъ началамъ дѣйствуютъ, какія цѣли преслѣдуютъ въ своей борьбѣ, а эти начала, эти цѣли явились независимо отъ Татаръ и прежде ихъ. Ханъ могущественно способствовалъ усиленію и обогащенію В. Князя, сдѣлавъ его своимъ прикащикомъ, сборщикомъ податей: но какого В. Князя разумѣетъ здѣсь Московскаго? но кромѣ Московскаго были другіе В. Князья, которые въ своихъ областяхъ были такіе прикащики Хана, собирали дань съ своихъ удѣльныхъ, и могли также обогащаться и усиливаться на счетъ послѣднихъ. Узбекъ помогъ Москвѣ восторжествовать надъ Тверью: но развѣ Половцы не давали побѣды княземъ нашимъ? И такъ названіе Монгольскаго періода должно быть исключено изъ Русской исторіи, потому что мы не можемъ приписать Монголамъ самаго сильнаго вліянія на произведеніе тѣхъ явленій, которыми отличается наша исторія, начиная съ XIII вѣка; новый порядокъ вещей начался гораздо прежде Монголовъ и развивался естественно, вслѣдствіе причинъ внутреннихъ, при пособіи разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ числѣ которыхъ были и Монгольскія отношенія, но не подъ исключительнымъ ихъ вліяніемъ». (стр.—IX).

Взглядъ г. Соловьева на монгольское владычество имѣетъ двѣ стороны, которыя читателю непремѣнно должно различать, если хочетъ узнать истину. До сихъ поръ думали, что татарское иго насильственно измѣнило русскую исторію, отклонило ее отъ нормальнаго развитія. Мы знаемъ, что многіе смотрѣли иначе и прежде г. Соловьева, но не помнимъ, чтобъ кто-нибудь высказалъ свое мнѣніе печатно. Съ этой стороны, какъ противодѣйствіе существующимъ понятіямъ, какъ возстановленіе органической связи между до-монгольской и послѣ-монгольской Русью, слишкомъ рѣзко доселѣ раздѣляемыхъ, взглядъ *г. Соловьева* кажется намъ вполнѣ вѣрнымъ; въ другомъ мѣстѣ

мы высказали подобное же мнѣніе и до сихъ поръ не имѣемъ никакой причины отъ него отступать. Самая односторонность взгляда г. Соловьева вполнѣ объясняется и оправдывается прежними мнѣніями о монгольскомъ періодѣ, ибо вездѣ и всегда одна односторонность вызывала другую. За примѣрами ходить недалеко: передъ нами мнѣніе о древней русской исторіи, реформѣ Петра, Карамзинѣ, цѣломъ славянскомъ мірѣ и о множествѣ другихъ вопросовъ. А односторонность есть во взглядѣ г. Соловьева. Увлекаясь вѣрностію основной мысли, онъ, какъ намъ кажется, пошелъ слишкомъ далеко. Дѣйствительно, начала, развиваемыя древней Русью не были нисколько измѣнены татарскимъ владычествомъ; но нельзя отрицать, что оно очень неблагопріятно дѣйствовало на характеръ и духъ народа. Необузданный произволъ, ничѣмъ неуловимая случайность, умилостивляемая, и то не всегда, однимъ полнымъ уничиженіемъ, не могли остаться безъ сильнаго вліянія на нравственность какъ народа, такъ и князей. Если въ продолженіи почти двухъ сотъ лѣтъ одна лесть, подкупъ и отрицаніе въ себѣ всякихъ правъ были почти единственными средствами для достиженія цѣлей, то трудно себѣ представить, чтобъ это не отозвалось въ послѣдующемъ бытѣ и исторіи. Оно и отозвалось! Татищевъ, безспорно одинъ изъ умнѣйшихъ изслѣдователей русской исторіи, смотритъ на реформу Петра между прочимъ какъ на искорененіе слѣдовъ, оставленныхъ татарскимъ игомъ. Стало-быть, и тогда многія дурныя стороны нашего характера приписывались азіятской ордѣ, нами владѣвшей, и если нѣкоторыя изъ нихъ могутъ безъ всякаго сомнѣнія быть причислены къ нашему родовому наслѣдію, то другія очевидно благопріобрѣтенныя или носятъ смѣшанный характеръ. Слѣдовательно историческое повѣрье, приписывающее Татарамъ столько дурнаго въ насъ, имѣетъ нѣкоторое основаніе, которымъ нельзя пренебрегать.

Въ заключеніе авторъ предлагаетъ свое раздѣленіе междукняжескихъ отношеній на отдѣлы. Первый до Андрея Боголюбскаго: чисто родовыя отношенія; второй до Іоанна Калиты: первыя попытки смѣнить родовыя отношенія, и вслѣдствіе того, борьба между князьями сѣверной и восточной Руси, представителями противоположныхъ цѣлей. Послѣ раздробленія рода эта борьба смѣняется борьбой отдѣльныхъ княженій, съ цѣлью усиленія одного насчетъ другихъ; побѣда остается на сторонѣ московскаго князя. Третій отдѣлъ до Іоанна III. Москва и Литва два центра, около которыхъ группируется Русь. Литовскіе и московскіе князья въ борьбѣ между собою. Московскіе даютъ все болѣе и болѣе перевѣса государственнымъ отношеніемъ надъ родовыми. Четвертый — до пресѣченія Рюриковой династіи: окончательное торжество государственныхъ отношеній надъ родовыми, купленное кровавою борьбою съ издыхающимъ родовымъ началомъ.

Это раздѣленіе намъ кажется такъ же неудовлетворительнымъ, какъ и прежнія, весьма основательно отвергнутыя г. Соловьевымъ. Что вызвало его на опроверженіе названій: удѣльный, монгольскій періодъ? Не то ли, это эти представленія затемнили естественное, органическое развитіе русской исторіи. Если такъ, новое раздѣленіе не должно имѣть этого недостатка: оно тамъ должно ставить границы эпохамъ и періодамъ, гдѣ начинается и оканчивается развитіе какого-нибудь историческаго принципа. Но этого г. Соловьевъ не сдѣлалъ, и потому его раздѣленіе, если разсматривать съ его же точки зрѣнія, такъ же произвольно и внѣшне, какъ и прежнія. Первый отдѣлъ составляетъ нѣчто цѣлое, но конечно не съ Рюрика, а по крайней мѣрѣ съ Ярополка, если не съ Владиміра и Ярослава. До Ярополка мы ничего не знаемъ о родовыхъ отношеніяхъ между князьями, и тѣ, которые признаютъ у насъ *варяжскій* періодъ, не безъ основанія могутъ отрицать суще-

ствованіе родовыхъ отношеній до этого времени, по самому характеру варяжскаго элемента — дружинному, военному, а отнюдь не родовому. Остальные три отдѣла различены между собою только по степенямъ преобладанія государственныхъ отношеній надъ родовыми — степенями, которыя не имѣютъ впрочемъ у автора своихъ отличительныхъ, характеристическихъ оттѣнковъ. Почему же они составляютъ отдѣлы? Мѣрила нѣтъ; это зависѣло отъ одного благоусмотрѣнія г. Соловьева. Намъ кажется, что этотъ недостатокъ правильнаго, логическаго раздѣленія происходитъ отъ недостаточнаго развитія основного, движущаго начала древней Руси, о чемъ мы уже подробно говорили прежде. Г. Соловьевъ вдругъ обратилъ вниманіе на нѣсколько различныхъ сторонъ нашей исторіи, и именно по этому нѣтъ единства въ его воззрѣніи. Мы думаемъ, что точки дѣленія могли бы быть удержаны тѣ же самыя, но характеристика эпохъ должна быть другая. Первая — родовыя отношенія, вторая—ихъ борьба съ семейными и гражданскими, третья — семейныя и гражданскія отношенія, четвертая — государство. Если данныя тѣ же, то смыслъ ихъ совершенно другой, и на этомъ основаніи мы заранѣе отклоняемъ отъ себя упрекъ въ безполезной, ни къ чему неведущей игрѣ словами.

Послѣ «вступленія» авторъ переходитъ къ самому изложенію между-княжескихъ отношеній. Ему предшествуетъ, вмѣсто введенія, особенная глава, исключительно посвященная общему обозрѣнію родовыхъ отношеній князей. Эта глава здѣсь совершенно у мѣста, потому что весь первый отдѣлъ, до Андрея Боголюбскаго, объясняется одними родовыми отношеніями. Замѣтимъ также, что эта первая глава была уже напечатана въ первомъ томѣ «Московскаго Сборника» и теперь является исправленною и дополненною. Вотъ ея содержаніе: старшій въ княжескомъ родѣ, или великій князь былъ въ отношеніи къ младшимъ какъ бы отецъ, «въ отца мѣсто». На этомъ основаніи онъ пол-

женъ былъ охранять интересы рода, имѣлъ право судить и наказывать младшихъ членовъ рода; но послѣднимъ правомъ онъ не могъ пользоваться по произволу: нужно было обвиненіе; младшіе съ своей стороны обязаны были уважать и слушаться великаго князя. Это уваженіе и послушаніе выражались въ томъ, что они ѣздили подлѣ стремени старшаго, по старинному выраженію—«ходили по немъ», имѣли его себѣ господиномъ, находились въ его волѣ и смотрѣли ему въ глаза—«зрѣли нань». Совершенно согласно съ патріархальными правами, они должны были соглашаться съ распоряженіями старшаго безъ возраженій, не имѣли никакого права давать ему совѣтовъ, и когда онъ спрашивалъ у нихъ мнѣнія, то это считалось за великую честь и снисхожденіе. Впрочемъ всѣ эти отношенія глубокой, сыновней почтительности къ старшему изчезали, когда младшіе были имъ недовольны за то, что онъ не исполнялъ своихъ отеческихъ обязанностей, отдѣлялъ свои интересы отъ интересовъ рода, дѣлалъ различіе между близкими и далекими родственниками, или начиналъ обращаться съ младшими не какъ съ родными, а какъ съ подчиненными правителями или подручниками. Во всѣхъ изчисленныхъ случаяхъ его права прекращались, и онъ замѣнялся общимъ родовымъ совѣтомъ или каждый князь дѣйствовалъ и защищался какъ умѣлъ и могъ. При такихъ на родствѣ основанныхъ отношеніяхъ, когда старшій не былъ властелиномъ, хотя и имѣлъ огромныя права, собственность принадлежала всему роду; старшій не могъ ею располагать по произволу, но владѣлъ и распоряжалъ съ-обща съ младшими, откуда и выраженія посадиша, выгнаша, которыя показываютъ, что старшій дѣйствовалъ не одинъ, а вмѣстѣ съ младшими. Кто же изъ князей считался старшимъ или великимъ? Какъ мы видѣли, старшій физически, то есть дядя былъ старшимъ надъ племянниками, старшій братъ надъ младшими и т. д. Но изъ послѣдняго старшинства развилось из-

мѣненіе въ отношеніяхъ племянниковъ къ дядямъ. Старшій братъ — отецъ младшимъ, слѣдовательно его сыновья имъ братья. Сперва они считались младшими братьями, но потомъ въ сѣверо-восточной Руси старшій племянникъ сталъ считаться старшинствомъ съ дядями. Сначала признано его старшинство надъ младшими дядями, а въ послѣдствіи и надъ всѣми. Нѣкоторые случаи навсегда лишали князей возможности сдѣлаться старшими или великими, даже участія въ родовой собственности. А именно: 1) когда отецъ ихъ умиралъ не получивши старшинства или великокняжескаго достоинства. Они назывались изгоями (смерть матери только уменьшала права); 2) насильственное лишеніе права или владѣнія, изгнаніе, потому что битва считалась судомъ Божіимъ; но точно также судомъ Божіимъ считалось, если князь силою возвратитъ себѣ старшинство, столъ. Князь, которому не удавалось возвратить себѣ потерянное, навсегда и съ потомствомъ терялъ право на владѣніе.

Таково было въ главныхъ чертахъ родовое устройство и родовыя отношенія, личныя и по владѣнію. Въ послѣдствіи, когда княжескій родъ расплодился, счетъ родства началъ спутываться и съ естественными кровными отношеніями вступили въ столкновеніе частные интересы, мѣсто великаго князя, или старшаго, на котораго указывали родовые законы, заступали иногда чужеродцы. Младшіе князья иногда выбирали себѣ старшаго и давали ему присягу вѣрности, почему и назывались ротниками. Такъ, послѣ естественнаго родового союза, появился искусственный, но созданный по его образцу и началамъ.

Это главныя положенія, развитыя авторомъ въ общемъ обозрѣніи княжескихъ отношеній до XIII вѣка. Рядомъ съ ними находимъ и нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія; по ихъ важности они не могутъ быть обойдены.

Въ заключеніе авторъ предлагаетъ свое раздѣленіе междукняжескихъ отношеній на отдѣлы. Первый до Андрея Боголюбскаго: чисто родовыя отношенія; второй до Іоанна Калиты: первыя попытки смѣнить родовыя отношенія, и вслѣдствіе того, борьба между князьями сѣверной и восточной Руси, представителями противоположныхъ цѣлей. Послѣ раздробленія рода эта борьба смѣняется борьбой отдѣльныхъ княженій, съ цѣлью усиленія одного насчетъ другихъ; побѣда остается на сторонѣ московскаго князя. Третій отдѣлъ до Іоанна III. Москва и Литва два центра, около которыхъ группируется Русь. Литовскіе и московскіе князья въ борьбѣ между собою. Московскіе даютъ все болѣе и болѣе перевѣса государственнымъ отношеніемъ надъ родовыми. Четвертый — до пресѣченія Рюриковой династіи: окончательное торжество государственныхъ отношеній надъ родовыми, купленное кровавою борьбою съ издыхающимъ родовымъ началомъ.

Это раздѣленіе намъ кажется такъ же неудовлетворительнымъ, какъ и прежнія, весьма основательно отвергнутыя г. Соловьевымъ. Что вызвало его на опроверженіе названій: удѣльный, монгольскій періодъ? Не то ли, это эти представленія затемнили естественное, органическое развитіе русской исторіи. Если такъ, новое раздѣленіе не должно имѣть этого недостатка: оно тамъ должно ставить границы эпохамъ и періодамъ, гдѣ начинается и оканчивается развитіе какого-нибудь историческаго принципа. Но этого г. Соловьевъ не сдѣлалъ, и потому его раздѣленіе, если разсматривать съ его же точки зрѣнія, такъ же произвольно и внѣшне, какъ и прежнія. Первый отдѣлъ составляетъ нѣчто цѣлое, но конечно не съ Рюрика, а по крайней мѣрѣ съ Ярополка, если не съ Владиміра и Ярослава. До Ярополка мы ничего не знаемъ о родовыхъ отношеніяхъ между князьями, и тѣ, которые признаютъ у насъ *варяжскій* періодъ, не безъ основанія могутъ отрицать суще-

ствованіе родовыхъ отношеній до этого времени, по самому характеру варяжскаго элемента — дружинному, военному, а отнюдь не родовому. Остальные три отдѣла различены между собою только по степенямъ преобладанія государственныхъ отношеній надъ родовыми — степенями, которыя не имѣютъ впрочемъ у автора своихъ отличительныхъ, характеристическихъ оттѣнковъ. Почему же они составляютъ отдѣлы? Мѣрила нѣтъ; это зависѣло отъ одного благоусмотрѣнія г. Соловьева. Намъ кажется, что этотъ недостатокъ правильнаго, логическаго раздѣленія происходитъ отъ недостаточнаго развитія основного, движущаго начала древней Руси, о чемъ мы уже подробно говорили прежде. Г. Соловьевъ вдругъ обратилъ вниманіе на нѣсколько различныхъ сторонъ нашей исторіи, и именно по этому нѣтъ единства въ его воззрѣніи. Мы думаемъ, что точки дѣленія могли бы быть удержаны тѣ же самыя, но характеристика эпохъ должна быть другая. Первая — родовыя отношенія, вторая — ихъ борьба съ семейными и гражданскими, третья — семейныя и гражданскія отношенія, четвертая — государство. Если данныя тѣ же, то смыслъ ихъ совершенно другой, и на этомъ основаніи мы заранѣе отклоняемъ отъ себя упрекъ въ безполезной, ни къ чему неведущей игрѣ словами.

Послѣ «вступленія» авторъ переходитъ къ самому изложенію между-княжескихъ отношеній. Ему предшествуетъ, вмѣсто введенія, особенная глава, исключительно посвященная общему обозрѣнію родовыхъ отношеній князей. Эта глава здѣсь совершенно у мѣста, потому что весь первый отдѣлъ, до Андрея Боголюбскаго, объясняется одними родовыми отношеніями. Замѣтимъ также, что эта первая глава была уже напечатана въ первомъ томѣ «Московскаго Сборника» и теперь является исправленною и дополненною. Вотъ ея содержаніе: старшій въ княжескомъ родѣ, или великій князь былъ въ отношеніи къ младшимъ какъ бы отецъ, «въ отца мѣсто». На этомъ основаніи онъ пол-

женъ былъ охранять интересы рода, имѣлъ право судить и наказывать младшихъ членовъ рода; но послѣднимъ правомъ онъ не могъ пользоваться по произволу: нужно было обвиненіе; младшіе съ своей стороны обязаны были уважать и слушаться великаго князя. Это уваженіе и послушаніе выражались въ томъ, что они ѣздили подлѣ стремени старшаго, по старинному выраженію—«ходили по немъ», имѣли его себѣ господиномъ, находились въ его волѣ и смотрѣли ему въ глаза—«зрѣли нань». Совершенно согласно съ патріархальными правами, они должны были соглашаться съ распоряженіями старшаго безъ возраженій, не имѣли никакого права давать ему совѣтовъ, и когда онъ спрашивалъ у нихъ мнѣнія, то это считалось за великую честь и снисхожденіе. Впрочемъ всѣ эти отношенія глубокой, сыновней почтительности къ старшему изчезали, когда младшіе были имъ недовольны за то, что онъ не исполнялъ своихъ отеческихъ обязанностей, отдѣлялъ свои интересы отъ интересовъ рода, дѣлалъ различіе между близкими и далекими родственниками, или начиналъ обращаться съ младшими не какъ съ родными, а какъ съ подчиненными правителями или подручниками. Во всѣхъ изчисленныхъ случаяхъ его права прекращались, и онъ замѣнялся общимъ родовымъ совѣтомъ или каждый князь дѣйствовалъ и защищался какъ умѣлъ и могъ. При такихъ на родствѣ основанныхъ отношеніяхъ, когда старшій не былъ властелиномъ, хотя и имѣлъ огромныя права, собственность принадлежала всему роду; старшій не могъ ею располагать по произволу, но владѣлъ и распоряжалъ съ-обща съ младшими, откуда и выраженія посадиша, выгнаша, которыя показываютъ, что старшій дѣйствовалъ не одинъ, а вмѣстѣ съ младшими. Кто же изъ князей считался старшимъ или великимъ? Какъ мы видѣли, старшій физически, то есть дядя былъ старшимъ надъ племянниками, старшій братъ надъ младшими и т. д. Но изъ послѣдняго старшинства развилось из-

мѣненіе въ отношеніяхъ племянниковъ къ дядямъ. Старшій братъ — отецъ младшимъ, слѣдовательно его сыновья имъ братья. Сперва они считались младшими братьями, но потомъ въ сѣверо-восточной Руси старшій племянникъ сталъ считаться старшинствомъ съ дядями. Сначала признано его старшинство надъ младшими дядями, а въ послѣдствіи и надъ всѣми. Нѣкоторые случаи навсегда лишали князей возможности сдѣлаться старшими или великими, даже участія въ родовой собственности. А именно: 1) когда отецъ ихъ умиралъ не получивши старшинства или великокняжескаго достоинства. Они назывались изгоями (смерть матери только уменьшала права); 2) насильственное лишеніе права или владѣнія, изгнаніе, потому что битва считалась судомъ Божіимъ; но точно также судомъ Божіимъ считалось, если князь силою возвратитъ себѣ старшинство, столъ. Князь, которому не удавалось возвратить себѣ потерянное, навсегда и съ потомствомъ терялъ право на владѣніе.

Таково было въ главныхъ чертахъ родовое устройство и родовыя отношенія, личныя и по владѣнію. Въ послѣдствіи, когда княжескій родъ расплодился, счетъ родства началъ спутываться и съ естественными кровными отношеніями вступили въ столкновеніе частные интересы, мѣсто великаго князя, или старшаго, на котораго указывали родовые законы, заступали иногда чужеродцы. Младшіе князья иногда выбирали себѣ старшаго и давали ему присягу вѣрности, почему и назывались ротниками. Такъ, послѣ естественнаго родового союза, появился искусственный, но созданный по его образцу и началамъ.

Это главныя положенія, развитыя авторомъ въ общемъ обозрѣніи княжескихъ отношеній до XIII вѣка. Рядомъ съ ними находимъ и нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія; по ихъ важности они не могутъ быть обойдены.

На стр. 20 мы читаемъ:

«Старшій въ родѣ, бывшій другимъ *въ отца мѣсто*, по занятіи старшаго стола дѣлалъ рядъ съ младшею братьею, касательно распредѣленія родовой собственности... При этихъ рядахъ опредѣляли не только какому князю владѣть какою волостью, но также извѣстныя правила, съ которыми должны были сообразоваться князья въ своемъ поведеніи... Послѣ, когда права разныхъ князей на старшинство запутались, то князья дѣлали другъ съ другомъ ряды—если кто-нибудь изъ нихъ получитъ старшинство, то чтобъ отдалъ другую какую-нибудь область... Ясно, что если каждый В. Князь долженъ былъ дѣлать ряды съ братьею, то *завѣщанія* въ древней Руси быть не могло, ибо завѣщаніе показываетъ, что завѣщатель имѣетъ права располагать собственностью по произволу».

Замѣчаніе глубоко-вѣрное въ примѣненіи къ между-княжескимъ отношеніямъ въ то время, когда было много князей и они еще не усѣлись по мѣстамъ,—и совершенно ошибочное въ той общей формѣ, въ какой оно здѣсь высказано. Князья не могли распоряжаться владѣніями посредствомъ завѣщанія — это такъ; но когда одинъ князь владѣлъ всей Россіей, отчего жь бы онъ не могъ распорядиться произвольно? Завѣщаніе Ярослава внесено въ лѣтопись. Г. Соловьевъ, увлекаясь своею любимою мыслью, опровергаетъ его подлинность, но, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, это натяжка, невыдерживающая критики. Далѣе мы думаемъ, что авторъ придаетъ завѣщаніямъ слишкомъ тѣсное значеніе, совершенно несогласное съ характеромъ и духомъ древней Руси и дошедшими до насъ завѣщаніями. Изъ его словъ можно думать, что главное условіе завѣщанія — распоряженіе о земляхъ и владѣніяхъ: не можетъ быть такихъ распоряженій, не можетъ быть и завѣщанія. Но такъ ли это? Поученіе Мономаха есть тоже завѣщаніе — противъ этого трудно, кажется, спорить — а въ немъ ни слова о владѣніи и распорядкѣ собственности. Вдобавокъ намъ кажется, что въ древней Россіи завѣщанія и не могли имѣть юридическаго характера. Человѣкъ, умирая, прежде всего заботился

объ устроеніи своей души: послѣднія слова, которыя онъ говорилъ своимъ дѣтямъ и домочадцамъ, заключали въ себѣ нравственно-религіозныя наставленія; онъ старался утвердить между ними любовь, согласіе, тишину, и съ этой точки зрѣнія, должно, какъ намъ кажется, смотрѣть и на послѣднія распоряженія объ имуществѣ; не надѣленіе дѣтей, а предупрежденіе между ними споровъ и несогласій было главною цѣлью. Слѣдственно, если князь не имѣлъ права распорядиться владѣніями, это еще не доказываетъ, что не было завѣщаній; какъ мы видѣли, эти распоряженія были въ нихъ придаточной, второстепенной, а не главной статьей. Подробное изслѣдованіе древнихъ духовницъ не можетъ здѣсь имѣть мѣста, и потому мы останавливаемся на томъ, что сказали; но могли бы представить много другихъ доказательствъ противъ гипотезы г. Соловьева, и въ наше оправданіе — доказательствъ, почерпнутыхъ изъ самого содержанія и формы завѣщаній. Въ заключеніе замѣтимъ, что, кромѣ земель и владѣній, у князей были движимыя имущества и рабы. Еслибъ наши завѣщанія имѣли даже юридическій, имущественный характеръ, ихъ было бы чѣмъ наполнить и помимо земель. Уже на этомъ основаніи нельзя отрицать ихъ существованія въ древнѣйшей Россіи.

На стр. 26 и слѣдующихъ, послѣ розысканій о старшинствѣ дядей и племянниковъ, и о томъ, какъ два представленія о старшинствѣ опредѣлились въ княжескихъ родахъ, въ пользу старшаго племянника, г. Соловьевъ говоритъ:

»Въ другихъ городахъ, кромѣ княжескаго, мы видимъ, что оба представленія мирятся, а именно: первый племянникъ уравнивается въ старшинствѣ съ дядьми, но только съ младшими, начиная съ четвертаго: таково положеніе мѣстничества. Отчего же произошло это различіе? Во первыхъ оттого, что въ борьбу различныхъ представленій о старшинствѣ въ родѣ княжескомъ скоро вмѣшалось понятіе объ отдѣльной собственности, явившееся на сѣверо-востокѣ, вслѣдствіе господства городовъ новыхъ. Преобладаніе отдѣльной собственности, разрушивъ родовую связь, заставляло старшаго брата воспользоваться своимъ

положеніемъ для усиленія собственной семьи насчетъ младшихъ братьевъ; это пріобрѣтенное могущество, силу матеріяльную, онъ передаетъ своему старшему сыну, который, въ свою очередь, пользуется наслѣдственнымъ могуществомъ для того, чтобъ стать выше дядей, подчинить ихъ себѣ, и такимъ образомъ, естественно, незамѣтно, чрезъ посредство понятія объ отдѣльной собственности, родовыя отношенія переходили въ государственныя. Во вторыхъ, въ родѣ княжескомъ подчиненіе младшихъ братьевъ старшему гораздо сильнѣе, нежели въ другихъ родахъ, по той самой причинѣ, что для князей нѣтъ болѣе высшей власти въ обществѣ, старшій братъ для нихъ вмѣстѣ отецъ и государь, значеніе старшаго въ родѣ княжескомъ слѣдовательно гораздо выше значенія старшаго въ другихъ родахъ, и естественно, необходимо усиливаетъ значеніе собственной семьи В. Князя, особенно его старшаго сына: младшій братъ, чтя въ В. Князѣ отца и государя, необходимо переноситъ это уваженіе и на сына его, своего племянника; тогда какъ въ другихъ родахъ значеніе старшаго брата по смерти отца ограничивается, ослабляется присутствіемъ высшей власти, правительства, государя, къ которому и старшіе и младшіе находятся въ одинакихъ подданническихъ отношеніяхъ, слѣдовательно здѣсь разница между старшимъ и младшимъ братьями вовсе незначительна: они почти равны другъ другу, а это равенство и помогло старшимъ дядьямъ выиграть въ борьбѣ означенныхъ представленій, и остаться старше племянниковъ отъ перваго брата». (Стр. 26—28).

Это объясненіе чрезычайно остроумно и справедливо. Мы прибавимъ къ нему общее замѣчаніе, относящееся ко всей древней русской жизни и подтверждающее ту истину, что государственное политическое развитіе у насъ постоянно шло впереди: всѣ новыя начала и формы, которыя только развила въ себѣ древняя Русь, постоянно появлялись сперва въ государственной сферѣ, а потомъ уже, иногда много времени спустя, въ гражданской, общественной. Такъ родовое начало сперва изчезло въ между-княжескихъ отношеніяхъ, потомъ въ службѣ и гораздо позднѣе въ наслѣдственномъ правѣ; тоже было съ общимъ владѣніемъ; личность у насъ впервые появляется въ особѣ Московскихъ великихъ князей и царей, а въ гражданскомъ быту это начало стало развиваться очень недавно. И во всемъ такъ.

Предположеніе, почему по мѣстническому счету четвертый

дядя считается равнымъ своему старшему племяннику (первому сыну старшаго брата), по нашему мнѣнію, очень удачно; если тотъ или другой случай ему и противорѣчитъ, то, какъ общее правило, оно едва ли можетъ быть опровергнуто.

«Какое... основаніе тому, что въ мѣстничествѣ именно четвертый дядя теряетъ старшинство передъ племянникомъ отъ перваго брата? Мы думаемъ, что объясненіе такому счету можно найдти въ самомъ физическомъ старшинствѣ между членами семьи, ибо почти всегда въ многочисленной семьѣ только три старшіе брата сохраняютъ нѣкоторое равенство между собою касательно возраста, разница же между первымъ и остальными младшими, начиная съ четвертаго, такъ обыкновенно велика, что послѣдніе находятся еще въ дѣтскомъ возрастѣ, когда первый уже совершенно возмужалъ; при томъ обыкновенно случалось и случается, что при жизни отца трое первыхъ сыновей достигаютъ зрѣлаго возраста, тогда какъ другіе остаются еще дѣтьми и, какъ несовершеннолѣтніе, вступаютъ подъ надзоръ старшаго брата, который на самомъ дѣлѣ заступаетъ для нихъ мѣсто отца; мало того, въ первоначальномъ обществѣ, когда браки заключались очень рано, обыкновенно случалось, что первый сынъ уже былъ женатъ, имѣлъ дѣтей, тогда какъ младшіе еще не родились или были въ пеленкахъ, слѣдовательно старшій сынъ отъ перваго брата приходился физически старшимъ или, по крайней мѣрѣ, равнымъ младшимъ дядьямъ своимъ». (Стр. 28 и 29).

Такъ рѣшаетъ г. Соловьевъ одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ мѣстничества, и какъ просто, естественно! Есть и другое рѣшеніе, если не ошибаемся принадлежащее г. Валуеву, по которому четвертый дядя считается потому равнымъ старшему племяннику, что у насъ по народному счету на семью полагается четыре души мужескаго пола: отецъ и трое сыновей; такимъ образомъ четвертый сынъ является какъ бы лишнимъ, выходящимъ изъ семьи, и потому не имѣетъ старшинства надъ племянниками. Это толкованіе далеко не такъ естественно какъ первое; при томъ въ немъ все-таки остается нерѣшеннымъ, откуда взяли этотъ счетъ?

Мы уже прежде сказали, что г. Соловьевъ не обратилъ должнаго вниманія на вотчинное семейное начало, которое,

постепенно выдвигаясь изъ-подъ исключительнаго господства родового, наконецъ доставило перевѣсъ нисходящимъ надъ боковыми, племянникамъ надъ дядями и тѣмъ измѣнило политическій бытъ древней Россіи. Въ книгѣ, которую разбираемъ, почти на каждой страницѣ есть указанія на это начало. Самъ авторъ показываетъ намъ, какъ, подъ защитой разныхъ юридическихъ фикцій или вымысловъ, мало-по-малу признавались права нисходящихъ. Но это уже было большимъ шагомъ впередъ; сперва семейное начало высказывалось отрицательно, въ одномъ лишеніи родовыхъ прерогативъ; печальна была судьба сиротъ, то есть не имѣющихъ отца въ родовомъ обществѣ. Эпитетъ горькихъ, который придаетъ имъ народъ, по всему видно, ведетъ свое начало издавна, отъ временъ чисто патріархальнаго быта. Князь, который не былъ старшимъ и великимъ княземъ, навсегда лишаетъ этой прерогативы своихъ дѣтей и потомство. Но этого мало. Послушаемъ, что говоритъ г. Соловьевъ о младшихъ членахъ рода.

«Родъ состоялъ изъ старшихъ и младшихъ членовъ: каждый младшій могъ въ свою очередь сдѣлаться старшимъ... Эти старшіе родичи назывались между собою братьями и только одни участвовали во владѣніи родовою собственностію; всѣ остальные, т. е. ихъ дѣти и внуки были младшими членами рода, сыновьями въ отношеніи къ старшимъ, считались малолѣтными, неспособными владѣть родовою собственностію, быть совладѣльцами съ своими старшими. Ясно, что каждый изъ младшихъ членовъ могъ въ свою очередь сдѣлаться — старшимъ, т. е. когда по смерти Изяслава вступилъ бы въ старшинство Святославъ, и слѣдовательно сталъ бы къ остальнымъ братьямъ въ отношеніе отца, то сыновья его стали бъ изъ племянниковъ братьями дядьямъ своимъ, т. е. изъ младшихъ членовъ рода старшими и т. д. переходили бы въ старшіе сыновья Всеволода, Вячеслава. Игоря. Но могло случиться, что князь оставался навсегда младшимъ членомъ рода, навсегда малолѣтнымъ, слѣдовательно навсегда неспособнымъ не только получить великокняжеское достоинство, но даже участокъ во владѣніи, быть совладѣльцемъ съ своими ствршими. Это могло произойдти, когда какой-нибудь князь умиралъ, не будучи старшимъ въ родѣ, или В. Княземъ: въ такомъ случаѣ дѣти его оставались навсегда *младшими*, *напримѣръ* у Ярослава 1-го было сначала 6 сыновей. Владиміръ,

Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Вячеславъ, Игорь. Еслибы Владиміръ остался живъ, то по смерти отца, сталъ бы В. Княземъ и отцемъ для младшихъ братьевъ, тогда бы сынъ его Ростиславъ сталъ братомъ дядьямъ своимъ, слѣдовательно получилъ бы мѣсто старшаго члена рода; но Владиміръ умеръ при жизни отца, слѣдовательно не былъ отцемъ для братьевъ своихъ, и потому сынъ его Ростиславъ не имѣлъ уже возможности быть братомъ дядьямъ своимъ, остался навсегда племянникомъ, младшимъ, неспособнымъ ни къ великокняжескому достоинству, ни ко владѣнію родовою собственностію. Однимъ словомъ можно выразиться такъ: племянники не могли быть совладѣльцами съ своими дядьями. Если я говорю здѣсь: племянники, то исключаю сыновей старшаго брата, которые были уже не племянниками, но братьями дядьямъ своимъ, при чемъ разумѣются сыновья такого старшаго брата, который точно, по смерти отца, заступалъ его мѣсто для младшихъ братьевъ; но если старшій братъ умиралъ при жизни отца и слѣдовательно не заступалъ отцовскаго мѣста для младшихъ, то сыновья его были для послѣднихъ только племянниками, и потому исключались изъ великокняжескаго достоинства, равно какъ изъ владѣнія родовою собственностію, и если получали волости, то этимъ обязаны были или милости дѣтей, или какому-нибудь другому обстоятельству. Такой участи подверглось потомство Изяслава, старшаго сына Владиміра св., умершаго при жизни отца; потомство Владиміра, старшаго сына Ярослава 1-го, равно какъ потомство Вячеслава и Игоря Ярославичей. Для предохраненія сыновей своихъ отъ такой участи, князья давали другъ другу клятву, что въ случаѣ преждевременной смерти одного изъ нихъ, оставшійся въ живыхъ долженъ заботиться, чтобы дѣти покойнаго не были исключены изъ владѣнія родовою собственностію». (стр. 30—32).

Во первыхъ, замѣтимъ, что эти слова противорѣчатъ тѣмъ, которыя мы привели выше. Тамъ сказано, что «В. Князь не могъ лишить волости младшаго Князя» (стр. 16); далѣе, что «старшій въ родѣ до тѣхъ только поръ сохранялъ власть, пока самъ свято исполнялъ свои отеческія обязанности, то есть... пока не переставалъ смотрѣть на каждаго младшаго какъ на собственнаго сына, не дѣлая ни какого различія между ближними и дальними родичами» (стр. 17 и 18). Наконецъ: «обязанность старшаго блюсти выгоды своего рода... не позволяла ему считать себя полновластнымъ владѣльцемъ родовой собственности, располагать ею по произволу; онъ былъ только совладѣльцемъ съ младшими родичами» (стр. 19 и 20). Всѣ

эти мѣста доказываютъ, что младшіе имѣли участіе въ родовой собственности, или должно признать, что между младшими тоже было различіе: одни изъ нихъ, младшіе въ отношеніи къ великому князю, были старшими въ отношеніи къ остальнымъ. Если это разумѣлъ авторъ, то мы не станемъ съ нимъ спорить о словахъ: очевидно онъ не договорилъ своей мысли, и исправитъ это въ одномъ изъ будущихъ изданій своей книги. Но за этимъ мы все-таки имѣемъ еще возразить автору, что родовой распорядокъ былъ не совсѣмъ таковъ, какимъ онъ его описываетъ. Издавна въ него входитъ, какъ опредѣляющее начало, хотя и отрицательно, во вредъ извѣстнымъ лицамъ, семейное начало; кто не имѣетъ отца, неумѣвшаго утвердить за дѣтьми какія-нибудь права, тотъ изгой, отверженецъ родового союза, поставленный въ одну категорію съ холопомъ, откупившимся отъ господина, и слѣдовательно, по патріархальнымъ понятіямъ, лишившимся естественнаго, необходимаго защитника и представителя, — съ поповскимъ сыномъ, который по незнанію грамоты выходитъ изъ своего сословія, и т. д. — словомъ, со всѣми лишенными правъ, защиты и исключенными изъ общества. Вотчинное начало связывало человѣка съ родомъ; безъ этой связи онъ — нуль, такъ что нужны договоры и условія для смягченія этой вопіющей несправедливости родового порядка вещей. И что же? Посмотрите, какъ даже въ этомъ высказывается начало семьи: наперекоръ родовымъ правамъ, отцы заботятся объ участи дѣтей, обходятъ эти права частнымъ образомъ. Въ послѣдствіи семейное начало дѣйствуетъ уже совершенно иначе и вступаетъ въ рѣшительную, открытую борьбу съ родомъ. Кто не хочетъ, во что бы то ни стало, настаивать на своемъ, тотъ конечно убѣдится очевидностію, осязательностью этихъ фактовъ.

Наконецъ укажемъ на превосходное, образцовое истолкованіе словъ: самовластецъ, царь и великій. Только раз-

сматриваемыя въ отношеніи къ родовому порядку вещей, эти слова получаютъ свой полный, историческій смыслъ.

«В. Князь не имѣлъ неограниченной власти надъ родовою собственностію, но владѣлъ ею сообща съ цѣлымъ родомъ: вотъ почему когда Андрей Боголюбскій выгналъ братьевъ и племянниковъ изъ Ростовской области, то лѣтописецъ говоритъ, что онъ захотѣлъ быть самовластцемъ въ Суздальской землѣ, т. е. такимъ властителемъ, который распоряжается всѣмъ самовластно, не стѣсненъ родовыми отношеніями, не ограниченъ правами родичей. Для означенія верховной власти, не стѣсненной родовыми отношеніями, власти крѣпкой, постоянной, независящей ни отъ какихъ перемѣнъ, употреблялось названіе Царь, Царскій. Такъ юрій Долгорукій говоритъ племяннику Изяславу: «Дай ми Переяславль, ать посажю сына своего у Переяславля, а ты сѣди царствуя въ Кіевѣ», т. е., а ты владѣй Кіевомъ спокойно, независимо и безопасно, не боясь никого, и не подчиняясь никому. Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ, говоря о злодѣйствахъ и гибели епископа Ѳеодора, прибавляетъ: «Видя бо видъ озлобленіе людей своихъ сихъ кроткыхъ Ростовьскыя земли, отъ звѣроядиваго Ѳедорьца погибающихъ отъ него, посѣтивъ (Богъ) спасе люди своя, рукою крѣпкою, мышцею высокою, рукою благочестивою, царскою правдиваго, благовѣрнаго князя Андрея». Когда послѣ Рутскаго сраженія воины Изяславовы, нашедши своего князя въ живыхъ, изъявили необыкновенную радость, то лѣтописецъ говоритъ, что они величали Изяслава, какъ Царя. Подъ именемъ Великаго Князя разумѣлся только старшій въ родѣ княжескомъ; вотъ почему, когда родъ Ярослава I-го раздѣлился на многіе независимые роды, то старшій въ каждомъ изъ нихъ сталъ называться Великимъ Княземъ, хотя былъ владѣльцемъ самой ничтожной области, и признавалъ надъ собою власть другаго Великаго Князя, Литовскаго или Московскаго; такъ напримѣръ Князь Пронскій назывался также Великимъ Княземъ, подобно Московскому, Тверскому и Рязанскому, потому что былъ—старшимъ въ своемъ родѣ. Великій было синонимомъ: старшій, и потому къ именамъ нѣкоторыхъ князей прибавляется даже послѣ существительнаго, напримѣръ Владиміръ Великій, Мстиславъ Великій, Всеволодъ Великій, для отличія ихъ отъ множества другихъ младшихъ Владиміровъ, Мстиславовъ и Всеволодовъ, а вовсе не въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы теперь придаемъ слово великій къ именамъ историческихъ лицъ, напримѣръ Петръ Великій, Карлъ Великій».

Стоитъ сравнить это объясненіе съ прежними шаткими, неопредѣленными, взятыми съ грѣхомъ пополамъ изъ теперешняго значенія этихъ словъ, чтобъ увидать безконечную разницу между г. Соловьевымъ и большею частію его предшественниковъ. Вотъ это значитъ обяснять исторически\

Вторая глава излагаетъ между-княжескія отношенія отъ Рюрика до смерти Ярослава. Событія этого періода, который принято у насъ называть варяжскимъ, очень извѣстны. Лѣтъ двадцать тому назадъ одни они составляли предметъ цѣлаго курса русской исторіи; кромѣ того бо́льшая часть этимъ періодомъ закончила свое знакомство съ исторіею Карамзина. Тѣмъ не менѣе вторая глава диссертаціи г. Соловьева очень любопытна. Она представляетъ тамъ и сямъ новыя обясненія давно извѣстныхъ событій, открываетъ нѣкоторыя, доселѣ незамѣченныя черты эпохи и наконецъ содержитъ въ себѣ изслѣдованія, которыя по всей справедливости можно назвать образцовыми. Скажемъ обо всемъ этомъ нѣсколько словъ.

На стр. 44, по поводу избранія Новгородцами Владиміра, авторъ замѣчаетъ: «тогда при многоженствѣ не могло быть рѣзкаго различія между дѣтьми законными и незаконными» (Владиміръ былъ сынъ наложницы), а въ примѣчаніи прибавляетъ: «я сказалъ не могло быть рѣзкаго различія, ибо различіе все-таки было, что видно изъ словъ Рогнѣды о Владимірѣ: «не хочю розути робичича». Это замѣчаніе справедливо. но доказательство приведено не то, какое бы должно. Слова Рогнѣды выражаютъ родовую гордость, аристократическую спѣсь, а не указываютъ на существованіе въ то время различія между законными и незаконными дѣтьми. Рогнѣда гнушалась сыномъ рабы, а не наложницы. Скорѣе можно видѣть это различіе въ различеніи женъ «водимыхъ» отъ наложницъ, на что̀ указываетъ лѣтопись. Но чѣмъ именно отличались въ языческой Руси законные дѣти отъ незаконнорожденныхъ, этого рѣшительно нельзя опредѣлить. Самъ г. Соловьевъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ, что послѣдніе пользовались одинакими правами съ первыми. И едва ли одно многоженство было тому причиной, какъ думаетъ авторъ; слишкомъ *непосредственный* взглядъ на отношенія мущинъ и женщинъ,

породившій между прочимъ и многоженство, мѣшалъ провести опредѣленную черту между супругой и наложницей. И до сихъ поръ большинство видитъ въ женѣ хозяйку или работницу, смотря по различію званій. Болѣе очищенное, человѣческое понятіе о бракѣ покуда исключеніе. Оно предполагаетъ въ обществѣ развитое, глубоко сознанное начало личности, котораго не было въ древнѣйшей Россіи. Тоже самое и съ понятіемъ о чести и со многими другими понятіями.

На стр. 46 авторъ опровергаетъ мнѣніе Эверса, будто бы Владиміръ вооружился противъ Ярополка въ отмщеніе за смерть своего брата Олега. Месть между членами одного рода, по его мнѣнію, не могла имѣть мѣста, потому что «каждый родъ составлялъ одно нераздѣльное цѣлое, съ своимъ главою, будь то отецъ, дядя, старшій братъ; здѣсь сынъ не могъ мстить отцу, племянникъ дядѣ, братъ брату, ни за собственную обиду, ни за обиду, нанесенную другому родичу . . . понятіе о родѣ, какъ объ единомъ нераздѣльномъ тѣлѣ, совершенно исключаетъ возможность мести, которая условливается только разъединеніемъ, особностію» . . . «Но не имѣя права или обязанности мести, Владиміръ имѣлъ полное право воспротивиться беззаконнымъ поступкамъ старшаго брата, точно такъ, какъ послѣ младшіе князья считали себя въ правѣ защищаться вооруженною рукою противъ насилій старшаго, который разъединялъ свои интересы съ интересами рода».

Что касается до мести, намъ кажется авторъ правъ; месть противорѣчитъ понятію о родственныхъ отношеніяхъ, и потому, кажется, не могла быть внутри рода, между его членами, по крайней мѣрѣ пока линіи еще не разошлись слишкомъ далеко. Сколько мы помнимъ, и нѣтъ примѣра такой мести въ русской исторіи (у туземцевъ Славянъ есть). Но едва ли можно согласиться съ тѣмъ, будто бы на сторонѣ князей было право сопротивляться беззаконнымъ поступ-

какъ старшаго рода. Все, что можно сказать, это, что они сопротивлялись; фактъ занимаетъ первое мѣсто въ юридически неопредѣленномъ обществѣ. Владиміръ прямо говоритъ: я испугался, что братъ мой убиваетъ братьевъ, и пошелъ на него. Ясно, что рѣчь шла не о защитѣ правъ, а о самоохраненіи; это-то и было причиной, почему часто одни князья вооружались противъ нарушителя родовыхъ обязанностей, другіе нѣтъ. Олегъ убилъ Люта на охотѣ; по тогдашнему онъ былъ совершенно правъ. Но отецъ убитаго началъ подбивать Ярополка идти войной противъ Олега. Г. Соловьевъ говоритъ: «Ярополкъ, какъ старшій въ родѣ, пошелъ на Олега наказать его, взявъ его волость». Спрашивается, за что же было наказывать? Князь въ своихъ владѣніяхъ убилъ нарушителя своей собственности: что могло быть естественнѣе! Очевидно, Ярополкъ пошелъ войною противъ брата безъ всякаго права, и выраженіе наказать тутъ совершенно не у мѣста. Вообще стараніе для каждаго дѣйствія тогдашнихъ князей пріискать правомѣрное основаніе не только кажется намъ безплоднымъ, но даже положительно вреднымъ, потому что искажаетъ настоящій характеръ событій. Всякой съ нами согласится, что отсутствіе твердой обозначенности, опредѣленности въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ есть такая же характерическая черта, какъ и всякая другая; ею должно дорожить, если хотимъ понять время и исторію, особенно объяснить ея дальнѣйшее движеніе. Къ сожалѣнію, на это доселѣ слишкомъ мало обращали вниманія; этотъ же упрекъ можетъ быть сдѣланъ и г. Соловьеву. Онъ не ограничивается изслѣдованіемъ главныхъ движущихъ историческихъ началъ, но еще придаетъ имъ отъ себя юридическій характеръ, котораго они не имѣли; всякое явленіе онъ разсматриваетъ непремѣнно съ точки зрѣнія права. Отсюда ведутъ свое начало многія насильственныя объясненія фактовъ въ его книгѣ. Конечно такая ошибка очень естественна.

Во первыхъ, новая точка зрѣнія, только что открытая, до того завлекаетъ, что невольно ее проводишь вездѣ и во всемъ. Потомъ—чрезвычайно трудно совершенно отрѣшиться отъ своего времени и перенестись въ другое, отличающееся отъ него рѣзкими чертами; непремѣнно что нибудь да придашь ему отъ себя. Но какъ это ни трудно, а безъ того нельзя обойтись; иначе мы никогда вполнѣ не поймемъ исторіи. Въ примѣненіи къ древнѣйшей Россіи это можетъ-быть даже и легче, чѣмъ, напримѣръ, въ отношеніи къ древнему міру, и бодревняя Русь, хотя и въ развалинахъ, но еще существуетъ въ простомъ народѣ, да и вообще во всѣхъ необразованныхъ слояхъ общества. Здѣсь мы безпрестанно видимъ дѣйствія безъ причины, и причины, которыя производятъ совсѣмъ не тѣ дѣйствія, которыя изъ нихъ должны бы возникнуть. Это сфера далеко не математическая, и часто два, помноженные на два, здѣсь не даютъ четырехъ. Всякое соображеніе, всякая выкладка теряются въ этой средѣ и никуда непригодны: вотъ элементы патріархальности; это ея почва и ея необходимое, жизненное условіе. Точно такая же, но еще въ несравненно большей степени, была патріархальность въ первыя времена нашей исторически-извѣстной жизни; случайность, произвольность ничто не обуздывало, какъ теперь; ей было широко и привольно. Вглядитесь въ теперешнія родственныя и семейныя отношенія крестьянъ, особенно гдѣ-нибудь въ глуши, и вы вполнѣ поймете, какова была патріархальная Русь: отецъ полный властелинъ надъ сыномъ; но это продолжается только до тѣхъ поръ, пока послѣдній не пришелъ въ возрастъ. Сталъ онъ на свои ноги, онъ или прибираетъ къ рукамъ отца, или живетъ самъ собой, какъ бы чужой; бываетъ и то, что онъ остается къ отцу въ сыновнихъ отношеніяхъ; какой изъ этихъ трехъ случаевъ чаще всего случается, что̀ правило и что̀ исключеніе, этого никакъ нельзя сказать; и то, и другое, и третье правило и случается равно

[illegible]

[illegible] ... совершится не иначе.

[illegible] между Владиміромъ и Ярополкомъ [illegible] по Лаврентьевской Лѣтописи. г. Соловьевъ [illegible] свидѣтельство Іоакимовой, которая откры[illegible] этой войны: —такого, чего [illegible] Ярополкъ любилъ христіанъ, и [illegible]. Владиміръ воспользовался [illegible] потому-то она и окончилась для [illegible]

[illegible]

[illegible] — продолжаетъ авторъ— [illegible] Владиміра въ первые годы его княженія: тор-

жество Владиміра было торжествомъ языческой стороны надъ христіянскою; вотъ почему новый князь знаменуетъ начало своего правленія необыкновенною ревностію къ возстановленію и учрежденію язычества, ставитъ кумиры на высотахъ Кіевскихъ, дядя его Добрыня поступаетъ точно такъ же въ Новгородѣ. Намъ извѣстно, что Славяне языческіе болѣе всего негодовали на христіянство за непозволеніе многоженства: въ ознаменованіе торжества языческой стороны, князь, виновникъ этого торжества, предается необузданному женолюбію. Судя по выраженіямъ лѣтописца, никогда въ Русской землѣ не было видно такого гнуснаго идолослуженія: «родители приводили предъ кумиры сыновей и дочерей своихъ и приносили ихъ въ жертву бѣсамъ, оскверняли землю требами своими, и осквернилась кровью земля Русская». Язычество, торжествуя побѣду, не могло оставить въ покоѣ соперничествующую религію: къ началу Владимірова княженія относится извѣстіе о христіянскихъ мученіяхъ въ Кіевѣ Что Владиміръ дѣйствовалъ такимъ образомъ въ пользу язычества не по убѣжденію, а единственно въ угоду сторонѣ, доставившей ему успѣхъ, доказываетъ скорое обращеніе его къ христіянству, когда сторона приверженцевъ этой религіи начала брать верхъ». (Стр. 52).

Эти остроумныя сближенія, дополненныя выписками изъ изслѣдованій ученаго архимандрита Макарія (Исторія Христіянства въ Россіи и т. д.), который въ главномъ приходитъ къ тѣмъ же результатамъ, окончательно убѣждаютъ, что свидѣтельства Іоакимовой лѣтописи, заподозрѣнныя, вмѣстѣ съ извѣстіями Татищева, еще Карамзинымъ, и съ тѣхъ поръ принимаемыя какъ то недовѣрчиво, очень правдоподобны и слѣдовательно вѣроятно почерпнуты изъ хорошаго источника. Такой результатъ весьма интересенъ. Не говоря уже, что однимъ источникомъ, какъ бы вновь обогащается древнѣйшая исторія Руси — самое свойство Іоакимовой лѣтописи, рѣзкое различіе извѣстій ею сообщаемыхъ съ Несторовыми и другими лѣтописными, придаютъ этому результату особенную важность.

Стр. 54—58 содержатъ превосходное изслѣдованіе о времени рожденія и старшинствѣ Владиміровыхъ сыновей. Для древней Россіи этотъ вопросъ имѣетъ величайшую важность, ибо съ его разрѣшеніемъ объясняются и довольно запутанныя ихъ отношенія. Г. Соловьевъ разрѣшилъ его мастерски. Мы

не дѣлаемъ выписокъ, боясь переполнить ими нашу статью, но очень совѣтуемъ читателямъ прочитать указанныя страницы. Между розысканіями частныхъ вопросовъ по русской исторіи это конечно одно изъ лучшихъ. Вотъ его результаты: первымъ сыномъ Владиміра былъ Вышеславъ, онъ родился отъ Оловы, варяжскаго рода; затѣмъ слѣдуютъ Изяславъ, сынъ Рогнѣды. Святополкъ—сынъ жены Ярополковой: послѣ смерти двухъ первыхъ онъ былъ старшій; потомъ Ярославъ — сынъ Рогнѣды. Всеволодъ. Святославъ —сынъ Малфриды. Мстиславъ и Станиславъ—дѣти Адили. Судиславъ. Борисъ и Глѣбъ были сыновья Анны, царевны болгарской, а не греческой, по крайней мѣрѣ на основаніи Іоакимовой лѣтописи. Этимъ обстоятельствомъ, а именно, что Борисъ былъ плодомъ послѣдняго, христіанскаго брака Владиміра, объясняется, во первыхъ, почему послѣдній такъ любилъ Бориса, держалъ его при себѣ и кажется хотѣлъ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ; во вторыхъ—возстаніе Ярослава, который не хотѣлъ уступить своего старшинства младшему брату.

Несмотря на большія достоинства этой второй главы, мы находимъ въ ней нѣкоторыя несамостоятельныя толкованія и — что еще важнѣе — собственныя соображенія автора, разногласящія съ историческими фактами, безъ различенія однихъ отъ другихъ. Въ самомъ началѣ (стр. 40) читаемъ:

«Лѣтописецъ говоритъ, что три Князя Варяжскіе, родные братья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ пришли съ призвавшими ихъ племенами Славянскими и Финскими съ своими родами. Объ этихъ родичахъ, пришедшихъ съ тремя братьями, лѣтопись послѣ ничего не упоминаетъ; Рюрикъ, по ея свидѣтельству, раздаетъ города мужамъ своимъ, и здѣсь подъ именемъ мужей послѣ вѣроятно разумѣются члены старшей дружины; однако здѣсь мы находимъ прямо извѣстіе о родичахъ, потому именно, что объ Аскольдѣ и Дирѣ сказано: «бяста у него (Рюрика) 2 мужа, не племени его, но боярина». Если у Рюрика были 2 мужа не племени его, то могли быть мужи племени его, родичи. Второе доказательство мнѣнія, что подъ именемъ мужей, разосланныхъ первымъ княземъ по городамъ, должно разумѣть родичей, представляетъ самое

договоровъ съ Греками, напримѣръ: «даяти уклады на Русскіе городы; по тѣмъ бо городамъ сѣдяху *Князья* подъ Ольгомъ суще». Князьями же никогда не называются простые мужи, но всегда только члены владѣтельныхъ родовъ. Объ отношеніяхъ этихъ родичей къ князьямъ мы ничего не знаемъ; можемъ только сказать, что эти отношенія не были подобны послѣдующимъ родовымъ отношеніямъ княжескимъ, именно уже потому, что родичи Рюрика называются мужами его, что̀ указываетъ на отношеніе дружинное, слѣдовательно служебное, а не родовое». (Стр. 40 и 41).

Все это натяжка, которая изчезаетъ при первомъ взглядѣ. Если могли быть мужи племени Рюрикова, то изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, что такіе непремѣнно и были. Сталобыть это не доказательство. Потомъ: если князьями никогда не назывались простые мужи, а только члены владѣтельныхъ родовъ, то нельзя вывести отсюда, что «свѣтлые князья сущіе подъ рукою Олега», непремѣнно были Рюрикова рода; эти члены владѣтельныхъ родовъ могли придти съ Рюрикомъ и выйдти послѣ на службу къ нашимъ великимъ князьямъ. Нужны ли доказательства? Якунъ называется въ Кенигсбергской лѣтописи «Варяжскимъ Княземъ», а онъ пришелъ и уѣхалъ изъ Россіи при Ярославѣ (стр. 102 и 103). Рогвольдъ, «Полоцкій князь», пришелъ изъ-за моря (стр. 67). Наконецъ, если эти мужи находились къ великимъ князьямъ не въ родовыхъ, а въ дружинныхъ отношеніяхъ, что̀ справедливо, то и предположеніе, будто они родичи, не имѣетъ никакого интереса, и такое или другое разрѣшеніе вопроса не ведетъ ровно ни къ чему. Но г. Соловьевъ думаетъ объ этомъ иначе. На стр. 43, примѣч. 7, онъ говоритъ: «почему требовались уклады именно на эти города (Черниговъ, Переяславль, Полоцкъ, Ростовъ, Любечь), почему пропущены—Бѣлоозеро, Муромъ, Смоленскъ? потому вѣроятно, что только въ этихъ городахъ сидѣли князья родичи, а въ остальныхъ простые мужи». Мы думаемъ, что это предположеніе вовсе невѣроятно, потому что въ *Лаврентьевской лѣтописи*, на которую ссылается авторъ, по из-

численіи городовъ прибавлено: «и на прочия городы» (стр. 13), слѣдовательно они не пропущены, а только не названы, на что могло быть и много причинъ и никакой причины.

Разсказъ объ убійствѣ Люта Олегомъ Древлянскимъ много пополненъ авторомъ противъ лѣтописи изъ собственныхъ соображеній. Вотъ слова г. Соловьева:

«Въ 975 году началась вражда въ семьѣ Святослава. Мы знаемъ, что охота, послѣ войны была господствующею страстію средневѣковыхъ варваровъ: для этого вездѣ князья предоставили себѣ, касательно охоты, большія права, жестоко наказывая за ихъ нарушеніе. Это служитъ достаточнымъ объясненіемъ происшествія, разсказаннаго нашимъ лѣтописцемъ: Олегъ, князь Древлянскій, охотясь въ лѣсахъ своего владѣнія встрѣтилъ незнакомца, который позволилъ себѣ въ нихъ то же самое удовольствіе: узнавъ, что то былъ Лютъ, сынъ Свѣнельда, боярина Кіевскаго, Олегъ не могъ простить такой злой обиды, такого дерзкаго нарушенія самаго драгоцѣннаго изъ правъ своихъ, и убилъ Люта». (стр. 45).

А вотъ слова Лаврентьевской лѣтописи:

«Въ лѣто 6483 (975) Ловъ дѣющю Свѣналдичю, именемъ Лютъ, и шедъ бо изъ Кіева гна по звѣри въ лѣсѣ; и узрѣ и Олегъ и рече: кто се есть?» И рѣша ему: «Свѣналдичь», и заѣхавъ уби и бѣ бо ловы дѣя Олегъ» (стр. 31).

Ясно, что истолкованіе гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ слова лѣтописи. Изъ послѣдней не видно ничего опредѣленнаго: за то ли Олегъ убилъ Люта, что послѣдній охотился въ его владѣніяхъ, или за то, что онъ охотился въ одно время съ нимъ, или они поссорились. Если Олегъ убилъ Люта за нарушеніе своихъ правъ, то за чтобы кажется Свѣнельду мстить князю? Мы не думаемъ, чтобъ родственникъ вора, убитаго «во пса мѣсто» на самомъ преступленіи, имѣлъ право мстить за него; а тутъ случай подобный. Мѣсто темно; истолкованіе его чуть ли не слишкомъ смѣло.

Въ объясненіе отношеній Владиміра къ Рогвольду вкрались *такія же* произвольности. По словамъ г. Соловьева, Владиміръ *сватался за* Рогнѣду, «желая вѣроятно привлечь на свою сто-

рону владѣльца Полоцкаго». Рогнѣда отказала. «Этотъ презрительный отказъ» продолжаетъ авторъ: — «ускорилъ отправленіе Владиміра изъ Новгорода, ибо онъ всего болѣе долженъ былъ опасаться тѣснаго союза Ярополка съ Полоцкимъ Княземъ, и потому спѣшилъ предупредить его» (стр. 48 и 49).

Въ Несторовой Лѣтописи нѣтъ ни малѣйшаго намека на эти объясненія. Несмотря на то, мы, пожалуй, готовы согласиться съ авторомъ, что первое объясненіе вѣроятно; что же касается до втораго, а именно до политическихъ соображеній Владиміра, оно намъ кажется въ высшей степени произвольнымъ, и тѣмъ болѣе неумѣстнымъ, въ ученомъ изслѣдованіи, что не только дополняетъ историческія извѣстія, но въ то же время и характеризируетъ извѣстнымъ образомъ лица и эпоху. Изъ словъ г. Соловьева можно заключить, что Владиміръ былъ дальновидный политикъ и полководецъ. Карамзинъ разсказываетъ, что послѣ отказа Рогнѣды «раздраженный Владиміръ взялъ Полоцкъ, умертвилъ Рогвольда, двухъ сыновей его и женился на дочери»; изъ его разсказа видно, что Владиміръ не думалъ ни о союзѣ Рогвольда съ Ярополкомъ, не думалъ и не соображалъ ничего, а просто разсердился за отказъ и пошелъ войной. Въ томъ и другомъ случаѣ князь и эпоха являются подъ совершенно различными красками. Наконецъ въ Іоакимовой Лѣтописи сказано: «Владиміръ возвратися отъ Варягъ съ войскомъ и собравъ Новгородцевъ, иде на Полоцкаго князя Рогволода, зане той невоева волости Новгородскія, и побѣда войско, градъ Полоцкъ вся, Рогволода со двѣма сыны уби, а дщерь его Рогнѣдь взя себѣ въ жену» (Татищ. Ист. Росс. книг. I, ч. I, стр. 37). Это извѣстіе еще проще, кажется еще ближе къ времени и дѣлаетъ совершенно ненужными оба соображенія.

Вотъ какъ всякая догадка, не основанная на фактахъ, но крайней мѣрѣ не имѣющая въ нихъ повода, шатка и произволь-

на! О научныхъ опредѣленіяхъ уже сказано, что они трудны (definitio periculosa); давно бы пора составить такую же поговорку объ историческихъ гипотезахъ и объясненіяхъ. Ничто такъ не уродуетъ исторіи, ничто такъ не забиваетъ голову и не отдаляетъ насъ отъ прямаго, настоящаго пониманія ея, какъ гипотезы и объясненія. Особенно пострадала отъ нихъ русская исторія. Кажется, что̀ тутъ важнаго, какъ и почему воевалъ Владиміръ съ Рогвольдомъ? Между тѣмъ посмотрите внимательно: здѣсь объяснено событіе такъ, тамъ вставлено между строкъ лѣтописи или источника, чего они и не думали говорить, — и выходитъ исторія, можетъ-быть очень хорошая, но совсѣмъ не такая, какой она въ самомъ дѣлѣ была. Конечно это замѣчаніе всего менѣе относится къ добросовѣстному, начитанному автору «разсужденія», которое мы разбираемъ. Но и у него мѣстами встрѣчаются эти отголоски прошедшей эпохи русской исторической литературы, и чѣмъ онъ далѣе отошелъ отъ нея, чѣмъ въ немъ незамѣтнѣе этотъ недостатокъ, тѣмъ мы должны быть къ нему строже.

Къ числу такихъ же произвольныхъ толкованій мы относимъ и слѣдующее мѣсто: «Наемники (Варяги) начали поступать съ Новгородцами, какъ съ завоеванными, а князь, имѣя въ нихъ нужду, смотрѣлъ сквозь пальцы на ихъ безчинства» (стр. 61). Здѣсь идетъ рѣчь о дѣйствіяхъ Варяговъ въ Новгородѣ при Ярославѣ, когда Святополкъ сѣлъ на великокняжескій престолъ. Лѣтопись говоритъ просто: «Ярославу же не вѣдущю отьнѣ смерти, Варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху Новгородцемъ и женамъ ихъ. Вставше Новгородци, избиша Варягы» и т. д. (Лавр. Лѣт. 61). Итакъ, это извѣстіе сильно изукрашено.

Точно такъ же и другое о причинахъ, почему Новгородцы согласились дать войско Ярославу противъ Святополка, несмотря *на избіеніе* ихъ братій.

«Новгородцы отвѣчали, что, несмотря на убійство согражданъ, они еще имѣютъ довольно силы, чтобъ стать за своего князя противъ братоубійцы. Какъ видно изъ этихъ словъ, Новгородцы не были очень сердиты на Ярослава, ибо считали, по тогдашнимъ понятіямъ, дѣломъ обыкновеннымъ, что князь отомстилъ ихъ согражданамъ за смерть Варяговъ; при томъ считали обязанностію стать за своего князя, котораго выгоды были связаны съ ихъ собственными, который хотѣлъ освободить ихъ отъ зависимости и дани Кіевской, и въ случаѣ бѣгства котораго они должны были принять Святополковыхъ посадниковъ; наконецъ не должно упускать изъ виду того обстоятельства, что въ городѣ, гдѣ господствовала вражда родовая, вражда сторонъ, князь, перебившій старшинъ одной стороны, могъ всегда надѣяться содѣйствія отъ другой». (Стр. 45).

Въ лѣтописи объ этихъ причинахъ ни слова. Не видно, были ли Новгородцы очень сердиты, или не очень, сочли ли они месть Ярослава дѣломъ обыкновеннымъ, или нѣтъ, хотѣлъ ли Ярославъ освободить ихъ отъ дани Кіевской, или только удержалъ ее въ свою пользу, наконецъ перебилъ ли Ярославъ старшинъ одной стороны, или разныхъ, ибо мы знаемъ только, что онъ вырѣзалъ нарочитыхъ мужей «иже бяху изсѣкли Варягы». Такое или другое объясненіе можетъ рѣшительно измѣнить взглядъ на вещи, и потому намъ бы казалось естественнѣе, согласнѣе съ истиной вовсе не пускаться въ объясненія. Далѣе:

«И здѣсь (въ Россіи) точно такъ какъ прежде у Чеховъ, Болеславъ заботился только о своихъ выгодахъ, а не о выгодахъ союзниковъ; онъ велѣлъ развести свое войско по окрестнымъ городамъ на кормленіе, при чемъ обнаруживалъ намѣреніе оставить Русь за собою и утвердить свою столицу въ богатомъ Кіевѣ. Наши лѣтописцы приписываютъ Святополку приказъ убивать разведенныхъ по городамъ Польскихъ воиновъ, но вѣроятнѣе, что сами Поляки, какъ прежде у Чеховъ, насильственными поступками возбудили возстаніе въ жителяхъ». (Стр. 63—64).

Хотѣлъ ли Болеславъ оставить за собою Россію и утвердить свою столицу въ Кіевѣ (?) — объ этомъ нѣтъ ни слова въ нашей лѣтописи, ни у Дитмара, ни у Карамзина, ни у Та-

тищева. Еслибъ это не была одна догадка г. Соловьева, вѣроятно наши историки упомянули бы о такомъ намѣреніи. А если авторъ имѣетъ на это свидѣтельства, жаль, что онъ ихъ не привелъ, ибо фактъ чрезвычайно важенъ. Болеславъ былъ основателемъ Польскаго Королевства. Послѣднее предположеніе, «что Поляки насильственными поступками возбудили возстаніе въ жителяхъ», имѣетъ за себя по крайней мѣрѣ слова Татищева, который говоритъ, что Святополкъ слушалъ на Поляковъ жалобы, и потому велѣлъ ихъ убивать (Истор. Тат., кн. II, стр. 99); но онъ не показываетъ, откуда взялъ это извѣстіе, о которомъ молчатъ всѣ источники.

На стр. 65 авторъ объясняетъ войну Брячислава съ Ярославомъ тѣмъ, что первый «по видимому дорвался новаго расдѣленія волостей между родичами, болѣе равнаго». Но объ этомъ въ лѣтописяхъ ни слова. Что Ярославъ хотѣлъ задобрить Брячислава уступкой нѣсколькихъ городовъ, объ этомъ, по свидѣтельству Карамзина, есть извѣстіе въ новѣйшихъ лѣтописяхъ (Ист. Карам., т. II, прим. 21); но г. Соловьевъ не показалъ, изъ какого именно источника онъ почерпнулъ свои слова. Наконецъ хотѣлъ ли Ярославъ этими уступками обезопасить себя со стороны Изяславича, вѣроятно предвидя будущую войну съ Мстиславомъ, этого мы нигдѣ не встрѣчали въ источникахъ, и потому считаемъ далеко не рѣшеннымъ.

Третья глава исключительно посвящена изслѣдованію о распорядкѣ владѣній между сыновьями Ярослава и линіею Изяслава Владиміровича и составляетъ необходимое введеніе въ собственно такъ называемый періодъ удѣловъ. Какъ ни коротка эта глава (стр. 68—77), она заключаетъ въ себѣ много спорныхъ положеній, которыя мы и разберемъ теперь по порядку.

Читателямъ вѣроятно извѣстенъ разсказъ лѣтописей о томъ, какимъ образомъ Изяславъ получилъ Полоцкъ. Сначала

этимъ городомъ владѣлъ. Рогвольдъ, котораго дочь Рогнѣду Владиміръ насильно взялъ за себя за мужъ. Отъ этого брака родился Изяславъ. Потомъ Владиміръ вступилъ въ другіе браки и сталъ пренебрегать Рогнѣдой. Она рѣшилась его убить, но покушеніе не удалось; Владиміръ хотѣлъ казнить ее смертью, но въ то время, какъ онъ вошелъ въ ея «храмину», чтобъ исполнить казнь, Изяславъ, по наущенію матери, подошелъ къ нему съ обнаженнымъ мечомъ и просилъ убить прежде его, чтобъ ему не видать смерти матери. Тогда Владиміръ бросилъ мечь, созвалъ бояръ, которые присовѣтовали ему для младенца не убивать Рогнѣды, но возвратить ей съ сыномъ вотчину ея. (Кенигсб. Лѣтоп., стр. 186 и 187. — Никон. Лѣт., ч. II, стр. 63). Какъ ни страненъ, сомнителенъ этотъ разсказъ по многимъ причинамъ, но онъ приводитъ насъ однако къ тому заключенію, что Полоцкое княженіе досталось Рогнѣдѣ и сыну ея Изяславу на правахъ вотчины, т. е. отдѣльной собственности, переходящей отъ родителей къ дѣтямъ по наслѣдству. Сколько мы знаемъ, г. Соловьевъ первый замѣтилъ это и превосходно воспользовался въ объясненіи отношеній Полоцкихъ князей къ потомству Ярослава, и ихъ какого-то исключительнаго положенія, особливо въ началѣ періода удѣловъ.

Г. Соловьевъ думаетъ, — и мы совершенно съ нимъ согласны, — что Изяславъ былъ выдѣленъ, а «выдѣленный разъ членъ рода не имѣетъ уже болѣе права на родовое имущество, и потому Полоцкіе князья, потомки Изяслава, не могли имѣть притязаній на остальную собственность Владимірова рода» (стр. 68); точно такъ же какъ — прибавимъ мы отъ себя—Ярославичамъ не было никакого дѣла до владѣній Полоцкихъ князей. Именно потому, что Изяславъ былъ выдѣленъ, его потомки и имѣли свои владѣнія; иначе, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, они не имѣли бы ни старшинства, ни уча-

стія въ родовой собственности, потому что родоначальникъ ихъ, Изяславъ, умеръ еще при жизни Владиміра.

За этимъ слѣдуетъ розысканіе о раздѣленіи владѣній между сыновьями Ярослава. Участки первыхъ четырехъ, Изяслава, Святослава, Всеволода и Вячеслава безспорно извѣстны. О послѣднемъ, Игорѣ, древнѣйшія лѣтописи или не говорятъ, или содержатъ приписки. Карамзинъ заключилъ изъ этого, что Игорь былъ обдѣленъ, и получилъ частный удѣлъ отъ старшаго брата. Г. Соловьевъ старается разрѣшить сомнѣнія тѣмъ, что старшіе четыре сына получили свои владѣнія еще при Ярославѣ, а послѣднему, который оставался при отцѣ до его смерти, — что часто бывало, — дали удѣлъ его братья, уже послѣ кончины великаго князя. Такимъ образомъ невѣроятная догадка о частномъ удѣлѣ уничтожается сама собою. Но вотъ затрудненіе: въ завѣщаніи Ярослава не сказано объ участкѣ Игоря. Стало-быть онъ дѣйствительно обдѣленъ, и не получилъ владѣнія наравнѣ съ прочими братьями, иначе о немъ было бы непремѣнно сказано. Отчего жь это? Г. Соловьевъ не распутываетъ, а разрубаетъ узелъ и объявляетъ завѣщаніе позднѣйшимъ сочиненіемъ. Вотъ его доводы: 1) въ завѣщаніи лѣтописецъ влагаетъ въ уста умирающаго князя слова, «которыя получили значеніе позже во время страшныхъ усобицъ между потомками Ярослава... Эти выраженія принадлежатъ къ тѣмъ мѣстамъ въ лѣтописи, которыя встрѣчаются постоянно въ извѣстныхъ случаяхъ». 2) «Въ самомъ описаніи событій, какъ они слѣдовали другъ за другомъ, есть несообразности. Въ началѣ описанія сказано: еще живу сущу ему (Ярославу) наряди сыны своя, рекъ имъ: се язъ отхожу свѣта сего. Наряди сыны своя показываетъ, что всѣ сыновья тутъ были, но какимъ же образомъ случилось, что во время кончины В. К. подлѣ него былъ только одинъ Всеволодъ? Какимъ образомъ Изяславъ, которому умирающій князь поручаетъ стар-

шинство и кіевскій столъ, оставляетъ смертный одръ его и ѣдетъ въ Новгородъ? онъ не могъ думать, что отецъ еще долго проживетъ, потому что въ лѣтописи Ярославъ говоритъ: се язъ отхожу свѣта сего» и т. д.

Нельзя не сознаться, что затрудненіе дѣйствительно есть, и разрѣшить его гораздо труднѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда; ибо мы никакъ не можемъ согласиться съ авторомъ, будто завѣщаніе Ярослава, помѣщенное въ лѣтописи, есть позднѣйшее сочиненіе. Доводы г. Соловьева кажутся намъ слишкомъ слабыми. Одинаковость выраженій въ завѣщаніи и другихъ мѣстахъ лѣтописи указываетъ на одинаковость ихъ предмета, содержанія, — никакъ не болѣе. Это доказательство второстепенное, уважительное при другихъ, и ничего незначащее само по себѣ. Что слова, сказанныя Ярославомъ, получили значеніе не прежде усобицъ между потомками этого великаго князя, едва ли справедливо. Передъ нимъ были примѣры Святославичей и его братьевъ, Владиміровичей. Въ распряхъ послѣднихъ онъ самъ принималъ дѣятельное участіе и опытъ не могъ не умудрить такого умнаго человѣка, каковъ былъ Ярославъ. Что же касается до сомнѣній, выводимыхъ изъ разбора самого завѣщанія, то они намъ кажутся не болѣе какъ натяжкой. Изъ словъ «се язъ отхожу свѣта сего» никакъ нельзя заключить, что Ярославъ говорилъ ихъ, лежа на смертномъ одрѣ; онъ могъ ихъ сказать гораздо прежде, гораздо до кончины и предсмертной болѣзни, какъ весьма часто и теперь составляются завѣщанія. Выраженіе: «се язъ отхожу свѣта сего», показываетъ только, что Ярославъ дѣлалъ распоряженіе на случай смерти, предвидя ея близкое наступленіе, но не даетъ ни малѣйшаго права думать, что онъ тотчасъ послѣ этихъ словъ и скончался. По всѣмъ этимъ причинамъ мы позволимъ себѣ предложить другую догадку, въ разрѣшеніе затрудненій, которымъ лѣтописи подаютъ поводъ: не было ли

завѣщаніе составлено гораздо ранѣе, когда Игорь былъ малолѣтенъ или еще и не родился? Въ лѣтописяхъ, какъ мы видѣли, ничто не опровергаетъ этой догадки; внутренней невѣроятности она тоже не имѣетъ, а между тѣмъ она сохраняетъ завѣщаніе Ярослава, конечно одинъ изъ самыхъ важныхъ, самыхъ характеристическихъ памятниковъ древней Руси. Мысль, что оно будто бы состоитъ изъ однихъ выраженій, «освященныхъ обычаемъ», для описанія извѣстныхъ случаевъ, кажется намъ совершенно ошибочной. Напротивъ, въ завѣщаніи очень замѣтно стремленіе Ярослава создать прочную систему, и если ему это не удалось, если начала, положенныя имъ во главу угла его системы, были слишкомъ шатки и недостаточны, то во всякомъ случаѣ она есть нѣчто новое въ нашемъ политическомъ устройствѣ, и въ сравненіи съ прежнимъ порядкомъ вещей представляетъ шагъ впередъ, высшую степень въ развитіи родовыхъ понятій. Въ самомъ дѣлѣ, что мы видимъ до этого завѣщанія? Совершенное отсутствіе всякаго подчиненія, всякой зависимости князей одного отъ другого, если они были равны между собою по рожденію, т. е. братья. Слова Бориса: «не буди мнѣ възняти рукы на брата своего старѣйшаго; аще и отець ми умре, тось ми буди въ отца мѣсто» — показываютъ только личное почтеніе и ничего не доказываютъ въ пользу политической зависимости Бориса отъ Святополка. Отъ этого Россія раздѣлялась на части, какъ только переходила въ руки нѣсколькихъ князей; между ними начинались распри и политическое единство земли утрачивалось. Противъ этого-то и направлено все завѣщаніе. Ярославъ не могъ, по времени, въ которомъ онъ жилъ, отрѣшиться отъ мысли, что Россія есть наслѣдственная вотчина его дѣтей; но онъ старался помирить это представленіе съ другимъ, противоположнымъ ему, а именно съ неяснымъ, смутнымъ представленіемъ о государствѣ. Для этого было одно средство:

возвести начало рода на степень политической системы, и Ярославъ это сдѣлалъ, хотя и несовершенно, потому что юридическіе элементы, вовсе не были развиты въ древней Руси. Сначала онъ всячески увѣщеваетъ дѣтей жить между собою въ любви и согласіи: «аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ и которающеся» — говоритъ онъ — «то погыбнете сами и погубите землю отець своихъ и дѣдь своихъ, юже налѣзоша трудомъ своимъ великымъ». Вотъ о чемъ онъ думалъ! Не удовлетворяясь однимъ совѣтомъ, онъ дѣлаетъ распоряженія, долженствующія обезпечить сохраненіе мира между братьями. Старшему, Изяславу, даетъ Кіевъ и старшинство надъ всѣми князьями; Изяславъ для нихъ отецъ, которому они обязаны повиноваться, какъ повиновались своему отцу. Потомъ назначаетъ города и прочимъ братьямъ, завѣщая имъ не переступать границъ одному у другаго, не выгонять другъ друга изъ владѣній. Наконецъ, снова обращаясь къ Изяславу, онъ велитъ ему помогать обиженному князю противъ обидчиковъ, желая тѣмъ обезпечить права каждаго, единство рода, а слѣдовательно и единство всей Россіи. Всѣ эти распоряженія очевидно плодъ опытности, результатъ исторіи, предшествовавшей единовластію Ярослава; самая недостаточность мѣръ, предложенныхъ въ завѣщаніи, всего убѣдительнѣе говоритъ въ его пользу; будь оно составлено позднѣе, оно непремѣнно предвидѣло бы случай и поводы распрей и замѣшательствъ, обнаружившихся въ такъ называемый періодъ удѣловъ, и которыхъ не могъ предвидѣть Ярославъ. Вотъ причины, почему мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. Соловьева о завѣщаніи Ярослава, и съ своей стороны признаемъ, что завѣщаніе, если не по формѣ, то по содержанію, непремѣнно принадлежитъ Ярославу.

Разсказавъ подробно, какія владѣнія получили Ярославичи, и мимоходомъ остроумно оправдавъ извѣстіе Татищева, что

Ростиславъ Владиміровичъ до бѣгства своего въ Тмуторакань владѣлъ Владиміромъ-Волынскимъ (стр. 74), авторъ критически разсматриваетъ мнѣніе, существовавшее между князьями древней Руси, «что Днѣпромъ русскія области раздѣляются на двѣ половины такъ, что та линія рода Ярославова, которой достанется восточная половина, не имѣетъ уже права на западную сторону». Г. Соловьевъ полагаетъ, что это мнѣніе основывалось на томъ, что такъ были раздѣлены русскія владѣнія между Ярославомъ I и его братомъ Мстиславомъ, а не на основаніи Ярославова завѣщанія, на которое ссылаются Мономаховичи, и подробно опровергаетъ это мнѣніе (стр. 75 и 76). Мы думаемъ, что авторъ вдвойнѣ неправъ. Во первыхъ, нѣтъ никакихъ доказательствъ, что рядъ Ярослава съ Мстиславомъ послужилъ основаніемъ этому мнѣнію; во вторыхъ, какъ ни дѣльно опровергаетъ его г. Соловьевъ, — исключая довода, основаннаго на подложности Ярославова завѣщанія, о чемъ мы сейчасъ говорили — онъ, какъ намъ кажется, бьетъ мимо вопроса, и именно поэтому вся его полемика, хотя и очень основательная, не ведетъ ни къ чему. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, правы ли Мономаховичи, отказывая Святославичамъ въ западной сторонѣ Днѣпра,[1]) а въ томъ, на какомъ основаніи они отказывали. Если вражду Ростиславичей къ Ярополку Изяславичу, по словамъ автора, «можно объяснить только тѣмъ, что они видѣли въ немъ похитителя своего наслѣдія (стр. 74.); если «вражда Ростиславичей, Давида Игоревича и Святополка Изяславича можетъ быть объяснена только тѣмъ, что всѣ эти князья считали себя въ правѣ владѣть Владимірскою областію»; если наконецъ Ярославъ Изяславичъ могъ сказать Святославу: чему тобе наша отчина, а Рюрикъ,

---

[1]) На стр. 75 въ первой ссылкѣ на Ипатьевскую Лѣтопись ошибкою напечатано 100, вмѣсто 110.

Всеволодъ и Давидъ называли Кіевъ и Смоленскъ отчиной Владимірова племени, то изъ всего этого мы имѣемъ полное право заключить, что было какое-нибудь основаніе, противоположное родовому, по которому одни князья предъявляли права, несогласныя съ родовымъ устройствомъ и потому отвергаемыя другими. Это основаніе и есть вотчинное начало, которое, какъ мы уже замѣтили, не обратило на себя должнаго вниманія автора. Изъ столкновенія этого начала съ родовымъ, которое Ярославъ возвелъ въ систему, и происходила въ это время большая часть раздоровъ между князьями. Если князь владѣлъ какою-нибудь областью, дѣти его смотрѣли уже на нее какъ на свою вотчину; такъ смотрѣли Мономаховичи даже на Кіевъ. Этому не противорѣчитъ, что не могли быть великими князьями потомки князя, недобившагося до Кіевскаго престола. Напротивъ, это положеніе доказываетъ, что вотчинное начало играло большую роль, даже въ родовомъ распорядкѣ, такъ что онъ не могъ быть проведенъ строго-послѣдовательно, ибо родовое начало не могло ничего признавать кромѣ родового старшинства: слѣдуя ему, старшій князь долженъ былъ владѣть старшимъ столомъ. Оттого безпрестанно новый распорядокъ владѣній между князьями и переходы послѣднихъ съ мѣста на мѣсто, причемъ разумѣется не могло быть и рѣчи объ удержаніи области за нисходящимъ потомствомъ князя, который когда-нибудь владѣлъ ею. Представителями того и другаго начала были очень естественно тѣ князья, которые находили въ этомъ свою выгоду: Мономаховичамъ, владѣвшимъ Кіевомъ, было выгодно защищать отчинное начало, и Святославичамъ, добивавшимся Кіевскаго престола, защищать начало родовое, какъ во всякой общинѣ или міру имѣющій хорошій участокъ противится всѣми силами передѣлу пашни, а бѣдные требуютъ его, ссылаясь на общее владѣніе, недающее никому постояннаго права на ту или другую землю. Слѣдова-

тельно не оправдывать то или другое мнѣніе долженъ былъ авторъ, а показать, откуда оно взялось, гдѣ его источникъ; а онъ этого не сдѣлалъ. Если вотчинное начало наконецъ одержало верхъ, оно исторически оправдано. Въ вотчинномъ смыслѣ толкуютъ Мономаховичи и завѣщаніе Ярослава, которое говоритъ только о сыновьяхъ послѣдняго и ни слова объ ихъ потомствѣ; но его можно толковать и иначе, въ родовомъ смыслѣ. Поэтому то и другое толкованіе, не можетъ служить доказательствомъ въ пользу или противъ подлинности завѣщанія, и аргументъ г. Соловьева, на этомъ основанный, ровно ничего не доказываетъ. Наконецъ мы не можемъ согласиться съ авторомъ, будто бы слова, приписываемыя лѣтописцемъ Ярославу: «аще ти (Всеволоду) подастъ Богъ пріяти власть стола моего по братьи своей со правдою, а не насильствомъ»— тоже позднѣйшее сочиненіе (стр. 76, примѣч. 1). Въ завѣщаніи сказано: «и тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ, не преступати предѣла братня, ни згонити». Признавая подлинность распоряженій Ярослава, мы не можемъ не признать и подлинности приведенныхъ выше словъ его къ Всеволоду; тѣ изъ нихъ, которыя особенно возбудили сомнѣніе въ авторѣ («со правдою, а не насильствомъ») даже не дополняютъ, а только поясняютъ завѣщаніе.

Отношенія между русскими князьями отъ смерти Ярослава до смерти Мстислава Великаго, сына Мономахова, составляютъ предметъ особой — четвертой главы. Они отдѣлены отъ дальнѣйшихъ не безъ причины. Особенный характеръ этихъ отношеній отличаетъ ихъ отъ слѣдующихъ.

«Всѣ борьбы—говоритъ авторъ — всѣ усобицы, имѣвшія мѣсто отъ смерти Ярослава I-го до смерти Мстислава I-го, происходятъ отъ исключенія племянниковъ изъ сонаслѣдія съ дядьми; борьба идетъ въ трехъ областяхъ: Полоцкой, Черниговской, Владиміро-Волынской. Первая оканчивается при Мстиславѣ I-мъ изгнаніемъ потомковъ Изяслава Владиміровича въ Грецію; вторая

при Святополкѣ Изяславичѣ, на Любечьскомъ съѣздѣ, возвращеніемъ несправедливо исключеннымъ Святославичамъ отцовской области; третья борьба оканчивается также при Святополкѣ, на Витичеевскомъ съѣздѣ исключеніемъ Давида Игоревича и раздѣленіемъ области между двумя остальными соперничествующими линіями—Изяслава и Владиміра Ярославичей: но это самое раздѣленіе спорной области вело къ новой враждѣ между линіями подѣлившими ее, между Ярославомъ Святополковичемъ и Ростиславичами, сюда присоединилась вражда—Ярослава къ Мономаху, и дѣло кончилось тѣмъ, что участокъ Изяславичей перешелъ къ Всеволодовичамъ. При этомъ не должно думать однако, что междоусобія идутъ за области—Черниговскую или Владиміро-Волынскую; эти области служатъ только средствомъ для исключенныхъ князей снова войдти въ родъ и во владѣніе родовою собственностію; имъ нѣтъ нужды, какія бы имъ волости не дали, только бы ввели ихъ въ рядъ, но такъ какъ отцы ихъ княжили въ означенныхъ областяхъ, то они домогаются, по крайней мѣрѣ, получить ихъ, хотя въ отдѣльную собственность, наподобіе княжества Полоцкаго, чего и достигли Ростиславичи въ Галиціи; но Святославичи, получивъ опять отцовскую Черниговскую область, не хотятъ ограничиться ею и выдѣлиться изъ рода Ярославова, что и подаетъ поводъ къ новымъ спорамъ, о которыхъ будетъ рѣчь въ слѣдующихъ главахъ». (Стр. 134—135).

Ниже мы постараемся доказать, что авторъ не вполнѣ правильно смотритъ на претензіи обдѣленныхъ князей. Тѣмъ не менѣе дѣйствительно, если не всѣ, то безспорно большая часть княжескихъ усобицъ въ означенный періодъ, вели свое начало отъ стремленія исключенныхъ князей получить часть въ общей родовой собственности, и потому эти усобицы, по всей справедливости, могутъ составить особый отдѣлъ въ исторіи между-княжескихъ отношеній. Эти отношенія вообще изслѣдованы превосходно. Хронологическая и внутренняя послѣдовательность событій строго соблюдены; отрывочныя извѣстія лѣтописей соединены въ разсказѣ автора въ цѣльную, живую картину — заслуга, которую вполнѣ оцѣнятъ тѣ, которые сами боролись со всѣми трудностями подобной работы. Отыскивая вездѣ начала, на которыхъ покоился нашъ древнѣйшій бытъ, авторъ открылъ и указалъ причины между-княжескихъ отношеній, мирныхъ и враждебныхъ, лежавшія въ духѣ времени, въ господствовавшихъ тогда понятіяхъ, и потому

иначе понимаетъ тогдашнихъ дѣятелей, чѣмъ его предшественники. Его чисто-историческое воззрѣніе перевершило отвлеченно-моральный приговоръ, произнесенный Карамзинымъ,— приговоръ, давно уже потерявшій авторитетъ, но до сихъ поръ еще не опровергнутый систематически, и потому отзывавшійся по временамъ въ разсужденіяхъ о древней Руси. Теперь, съ появленіемъ книги г. Соловьева, это будетъ не такъ-то легко, и слова великодушный, коварный и т. д. въ примѣненіи къ потомкамъ Владиміра, выйдутъ мало-по-малу изъ употребленія. Съ тѣмъ вмѣстѣ — что очень важно — мы уже не станемъ теперь, какъ было до сихъ поръ, читать между строкъ древней русской исторіи то, чего въ ней не было. Пока туманъ застилалъ глаза и картина не прояснилась, такое историческое провидѣніе было возможно и отчасти извинительно; теперь оно будетъ смѣшно, но ужь никого не собьетъ съ толку.

Излагая событія, авторъ мѣстами характеризируетъ и дѣйствующія лица. Не всѣ характеристики равно удачны, но нѣкоторыя — верхъ совершенства. Вотъ напримѣръ характеристика Мономаха.

«Мономахъ принадлежитъ къ тѣмъ великимъ историческимъ дѣятелямъ, которые являются въ самыя бѣдственныя времена для поддержанія общества, которые своею высокою личностію умѣютъ сообщить блескъ и прелесть самому дурному общественному организму. Мономахъ вовсе не принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ, которые смотрятъ впередъ, разрушаютъ старое, удовлетворяютъ новымъ потребностямъ общества: это было лице съ характеромъ чисто охранительнымъ, и только. Мономахъ не возвышался надъ понятіями своего вѣка, не шелъ на перекоръ имъ, не хотѣлъ измѣнить существующій порядокъ вещей: но высокими личными доблестями, строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей прикрывалъ недостатки существующаго порядка вещей, дѣлалъ его не только сноснымъ для народа, но даже способнымъ удовлетворять его общественнымъ потребностямъ. Тогдашнее общество требовало прежде всего отъ князя, чтобъ онъ свято исполнялъ свои семейныя обязанности, не которовался съ братіею, мирилъ враждебныхъ родичей, вносилъ мудрыми совѣтами нарядъ въ семью: Мономахъ, во время злой *вражды* между братьями, заслуживъ названіе братолюбца, умными совѣтами и

рѣшительностію отвращалъ гибельныя слѣдствія княжескихъ которъ, крѣпко держалъ въ рукѣ узелъ семейнаго союза. Новообращенное общество требовало отъ князя добродѣтелей христіянскихъ: Мономахъ отличался необыкновеннымъ благочестіемъ. Общество требовало отъ князя строгаго правосудія: Владиміръ самъ наблюдалъ надъ судомъ, чтобъ не давать сильнымъ губить слабыхъ. Въ это время, когда другіе князья играли клятвою, на слово Мономаха можно было положиться. Когда другіе князья позволяли себѣ невоздержаніе и всякаго рода насилія, Мономахъ отличался чистотою нравовъ и строгимъ соблюденіемъ интересовъ народа. Общество больше всего ненавидѣло въ князѣ корыстолюбіе: Мономахъ всего больше имъ гнушался. Новорожденное-европейско-христіянское общество, окруженное варварами, требовало отъ князя неутомимой воинской дѣятельности: Мономахъ почти всю жизнь не сходилъ съ коня, стоялъ на сторожѣ Русской земли: въ какомъ краю была опасность, тамъ былъ и Мономахъ, добрый страдалецъ за Русскую землю. Если мы, отдаленные вѣками отъ этого лица, чувствуемъ невольное благоговѣніе, разсматривая высокую его дѣятельность, то какъ же должны были смотрѣть на него современники? Не дивно, что народъ любилъ его и перенесъ эту любовь на все его потомство». (Стр. 104—105).

Къ этому описанію трудно что-нибудь прибавить или что-нибудь въ немъ измѣнить; каждая черта—живая, вѣрная картина, не только лица, но цѣлаго времени, цѣлой эпохи. Гораздо менѣе понравилась намъ характеристика Олега Святославича:

«Несправедливость дядей ожесточила въ молодости сердце этого князя; изгнанническая жизнь отчудила его отъ родины, заставила думать только о самомъ себѣ; потерпѣвъ несправедливость, онъ считалъ справедливыми всѣ средства для возвращенія правъ своихъ; потерпѣвъ гоненіе отъ родственниковъ, онъ уже невѣрилъ болѣе родственной любви, святости семейнаго союза, въ поступкахъ братьевъ видѣлъ одно коварство и считалъ себя въ правѣ быть также коварнымъ; добывъ мечемъ часть въ родовой собственности, онъ полагался только на одинъ мечь, и не любилъ ни какихъ дружественныхъ миролюбивыхъ сдѣлокъ. Таковъ былъ Олегъ Святославичъ». (Стр. 110).

Очевидно эти слова не могутъ служить исключительной характеристикой Олега; они въ равной мѣрѣ примѣнимы ко всѣмъ тогдашнимъ князьямъ; каждый изъ нихъ «думалъ только о самомъ себѣ», «считалъ справедливыми всѣ средства для возвращенія правъ своихъ» и «невѣрилъ родственной любви, святости

семейнаго союза». Самый Мономахъ отчасти подходитъ подъ эту характеристику, тѣмъ болѣе другіе. Сверхъ того этотъ очеркъ Олега не отзывается ли фразой, какими усѣяна исторія Карамзина? Въ словахъ г. Соловьева является ли Олегъ живымъ человѣкомъ? Нѣтъ, онъ не является такимъ; у него онъ выходитъ какимъ-то невозможнымъ, отвлеченнымъ отрицаніемъ добродѣтелей, несуществовавшихъ въ древнѣйшей Руси въ Рюриковомъ родѣ. Не надобно забывать, что у всѣхъ народовъ, въ первобытныя времена, развита не нравственная, а формальная, внѣшняя сторона семейственнаго союза; не любовь, а господство и подчиненіе лежатъ въ основаніи родственныхъ связей. Если при такомъ порядкѣ вещей появится неопредѣленность этихъ связей и отношеній, и станутъ показываться имущественные, владѣльческіе интересы, родственныя, семейныя отношенія обращаются въ предлогъ и поводъ къ домогательствамъ, имѣющимъ совсѣмъ другія цѣли, и потому нарушаются весьма часто. Это и представляетъ намъ такъ называемый періодъ удѣловъ: клятвонарушенія, насилія встрѣчаются на каждомъ шагу, и нѣтъ князя, котораго нельзя въ нихъ упрекнуть болѣе или менѣе. Намъ могутъ возразить на это, что если родовое, кровное начало, преобладанію котораго въ древней Руси мы придаемъ такую важность, прикрывало собою совсѣмъ другіе интересы, то оно не было главнымъ дѣятелемъ и слѣдственно не можетъ характеризировать цѣлую эпоху; но такое возраженіе несправедливо. Пока извѣстныя формы существуютъ, пока онѣ составляютъ норму, которой всѣ придерживаются, искренно или притворно, и не опровергнуты какъ высшій идеалъ общественныхъ отношеній, — до тѣхъ поръ мы не только вправѣ, но должны, если хотимъ быть вѣрны исторической истинѣ, характеризировать этими формами эпоху, которую описываемъ, и можемъ закончить эту эпоху только тамъ, *гдѣ наконецъ* новый идеалъ общественныхъ отношеній смѣняетъ

прежній. Исторія есть развитіе, постепенное очищеніе понятій человѣка о себѣ и своихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ. На сколько жизнь народа ихъ вырабатываетъ, на столько они въ свою очередь ее передѣлываютъ. Въ этомъ смыслѣ нельзя указать минуты въ исторіи, когда бы при полномъ господствѣ извѣстныхъ отношеній не развивались, въ тѣни, подъ формами, имъ не вполнѣ соотвѣтствующими и свойственными, совершенно другія отношенія. Несмотря на то, мы все также будемъ характеризировать эту минуту исторіи не послѣдними, а первыми.

Разсматривая внимательно четвертую главу книги г. Соловьева и вглядываясь пристально въ очерченную имъ картину между-княжескихъ отношеній, мы открываемъ въ ней при несомнѣнныхъ достоинствахъ и значительные недостатки. Главный (кромѣ мелкихъ неточностей, о которыхъ ниже) заключается въ томъ, что авторъ слишкомъ отвлеченно проводитъ одно родовое начало и забываетъ другія, имѣвшія однако немаловажное вліяніе на опредѣленіе владѣній, а слѣдовательно и взаимныхъ отношеній тогдашнихъ князей. Эти забытыя имъ начала суть: во первыхъ, вотчинное, наслѣдственное по нисходящей линіи, по которому князья всячески старались удержать за собою владѣнія отцовъ; во вторыхъ, участіе общинъ, городовъ въ опредѣленіи княжескихъ владѣній. Это участіе обнаруживалось тѣмъ, что общины, не стѣсняясь родовыми разсчетами и правами князей, призывали однихъ, изгоняли другихъ, судя потому, были ли они имъ пріятны, или нѣтъ. Если это участіе и не было постоянное, юридически опредѣленное, то тѣмъ не менѣе оно было, и вмѣстѣ съ вотчиннымъ началомъ содѣйствовало постепенному упадку родового устройства древнѣйшей Руси. Этимъ мы не хотимъ сказать, что авторъ скрылъ факты или пропустилъ ихъ безъ вниманія. Напротивъ, они у него разсказаны весьма добросовѣстно,—ни одинъ не утаенъ. Но дѣло въ томъ, что г. Соловьевъ не выставилъ ихъ какъ движущее ка-

чало, видоизмѣнившее послѣдовательное развитіе родового, отчего вся картина выходитъ у него нѣсколько натянута, освѣщена однимъ свѣтомъ и лишена разнообразія, присущаго всякому живому, историческому явленію.—Въ общемъ обозрѣніи между-княжескихъ отношеній, въ самомъ концѣ четвертой главы, авторъ говоритъ (стр. 135): «Второе главное явленіе, замѣченное нами въ описанномъ періодѣ, есть отстраненіе волею гражданъ старшей линіи отъ старшинства, и передача его въ третью линію Ярославова потомства». Кромѣ разсказа фактовъ, въ которыхъ выразилась воля гражданъ, это единственное замѣчаніе объ участіи общинъ въ опредѣленіи княжескихъ владѣній, и то оно говоритъ объ одномъ явленіи, а не началѣ, которое до кончины Мстислава рѣдко выражалось, но въ послѣдствіи, какъ мы увидимъ, играло весьма важную роль въ государственномъ бытѣ древней Руси. Иначе и быть не могло. Не трудно доказать, что по мѣрѣ того, какъ развивалось родовое устройство со всѣми своими послѣдствіями, оно должно было вызвать участіе городовыхъ общинъ въ раздѣленіи владѣній между князьями. Это заключалось въ условіяхъ родового, общаго владѣнія и изъ него вытекало самымъ естественнымъ образомъ. Что̀ вело за собою общее владѣніе цѣлою Русью? Безпрестанные переходы князей изъ города въ города, изъ владѣній во владѣніе: чѣмъ больше было князей, тѣмъ мелче были эти владѣнія, слѣдовательно тѣмъ бѣднѣе князья. А между тѣмъ они вели безпрестанныя войны, содержали дружины, снабжали войско конями и оружіемъ. Претензіи этихъ князей, по родовымъ счетамъ, весьма часто далеко превышали ихъ средства. Чтобъ увеличить ихъ, они должны были или обременять свои владѣнія тяжелыми поборами, или ходить на добычу. Имѣя совершенно различные интересы съ общинами, не будучи правителями въ настоящемъ значеніи слова, князья *не гнушались* этими, по нашимъ понятіямъ, безнравственными

источниками доходовъ. Вотъ почему грабежи и раззоренія областей посредствомъ набѣговъ, тіуновъ и отроковъ тянутся непрерывною нитью чрезъ весь такъ называемый періодъ удѣловъ. Если не всѣ князья такъ дѣйствовали, то бо́льшая часть безъ всякаго сомнѣнія, и восторженная любовь современниковъ къ Мономаху служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ, какъ исключенія были рѣдки.

Взглянемъ теперь на общины. Каковы бы онѣ ни были, ихъ интересы были совершенно другіе. Успѣхъ того или другого князя возбуждалъ ихъ участіе только въ той мѣрѣ, какъ онъ былъ для нихъ полезенъ; собственно до княжескихъ усобицъ, побѣдъ и торжествъ имъ не было никакого дѣла. Послѣ ослѣпленія Василька, Ростиславичи подступили ко Владиміру Волынскому, и когда объявили, что пришли не на городъ и не на горожанъ, а на тѣхъ, которые наущали Давида ослѣпить Василька, Владимірцы положили сдаться (Лавр. Лѣт. стр. 114). Полочане, стѣсненные со всѣхъ сторонъ войсками Мстислава, «стоскнувшись» прогнали своихъ князей, изъ-за которыхъ постигла ихъ война (тамъ же стр. 131); когда Половцы разбили Ярославичей, Кіевляне требовали, чтобъ Изяславъ опять велъ ихъ на враговъ, которые «разсѣялись по землѣ». Изяславъ отказалъ, а Кіевляне освободили Всеслава Полоцкого изъ тюрьмы и поставили его посреди княжескаго двора (стр. 74, тамъ же). Мало этихъ примѣровъ въ началѣ періода удѣловъ, но они убѣдительно говорятъ въ пользу той мысли, что города отдѣляли свои интересы отъ интересовъ князей, — и это было такъ естественно! При каждой перемѣнѣ князя старѣйшіе въ общинахъ подвергались опасности, что новопришедшіе дружинники ототрутъ ихъ отъ высшихъ мѣстъ; для младшихъ была страшна смѣна тіуновъ, дѣтскихъ и отроковъ, правившихъ ими, при неограниченной власти правителей и при многосложной системѣ посуловъ, поклоновъ, поминковъ и. кормовъ, которыхъ

нужно было каждый разъ задабривать новаго княжескаго чиновника. Недаромъ Мономахъ совѣтуетъ дѣтямъ своимъ: «куда ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ ни своимъ, ни чюжимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ». (Лавр. Лѣт., стр. 102). Если вдобавокъ къ этимъ естественнымъ тягостямъ, необходимымъ спутникамъ частаго перехода князей и общаго владѣнія землею, князь былъ несправедливъ, жестокъ, корыстолюбивъ, очень понятно, что общины при всемъ своемъ миролюбіи иногда выходили изъ терпѣнія и при первой открывшейся возможности, призывали князя, который имъ больше нравился, который былъ силенъ и могъ защитить ихъ отъ внѣшнихъ враговъ, и не принимали извѣстнаго имъ съ худой стороны, вообще несоединявшаго въ себѣ условій, требуемыхъ отъ князя, хотя бы первый не имѣлъ никакихъ родовыхъ правъ на владѣніе ими, и эти права вполнѣ и безспорно принадлежали послѣднему. Ослабленіе князей подавало общинамъ больше и больше поводовъ дѣйствовать въ своихъ интересахъ; даже очень вѣроятно, что вольность Новгорода возникла такимъ образомъ.

Что̀ касается до вотчиннаго начала, то оно, какъ мы уже не одинъ разъ замѣтили, разрушало родовой распорядокъ съ другой стороны. Въ призваніи и изгнаніи князей городами высказывалось древнее вѣчевое общинное начало; въ стремленіи князей удержать за собою отцовскія владѣнія — не ясно сознаваемый взглядъ на области какъ на частную собственность, переходящую отъ отца къ сыну. Этому послѣднему началу принадлежала будущность въ русской исторіи, и тогда какъ общины, съ прекращеніемъ раздробленности Россіи, утратили политическое значеніе, вотчина возвысилась на степень формы государственнаго устройства, упразднила родовую іерархію и послужила прототипомъ для государства. Г. Соловьевъ говоритъ, что до смерти Мстислава усобицы происходили

между князьями не за области; области служили для исключенных князей только средствомъ войдти въ родъ, о чемъ они прежде всего заботились; но какъ въ нѣкоторыхъ областяхъ княжили ихъ отцы, то они старались по крайней мѣрѣ получить эти владѣнія, хотя бы въ отдѣльную собственность. Добившись этого, они тѣмъ не ограничивались, не хотѣли выдѣлиться изъ цѣлаго княжескаго рода (стр. 134 и 135). Въ этихъ словахъ есть доля правды, и лѣтописи сообщаютъ нѣкоторые факты въ ихъ подтвержденіе. Ростиславъ Владиміровичъ успокоился овладѣвъ Тмутороканью, хотя отецъ его и не владѣлъ ею. Всеволодъ оставляетъ одного Изяславича, своего племянника, на его столѣ, другому даетъ область,—и они живутъ мирно съ великимъ княземъ. Но рядомъ съ этими, впрочемъ немногочисленными данными, мы встрѣчаемъ множество такихъ, которые прямо противорѣчатъ мнѣнію г. Соловьева и доказываютъ, что вотчинное начало уже теперь стало высказываться самостоятельно, въ противоположность родовому, и сильно видоизмѣнило устройство, которое имѣла бы тогдашняя Русь, еслибъ родовой распорядокъ исключительно господствовалъ. Вотъ эти данныя:

1) Обыкновенно случалось, что лишь только одинъ изъ старшихъ князей умиралъ, дѣти его лишались владѣній, исключались изъ рода, остальные старшіе князья забирали все въ свои руки и раздавали своимъ дѣтямъ. Конечно послѣдніе не владѣли наравнѣ со старшими, которые сажали ихъ тамъ или здѣсь по усмотрѣнію; но для насъ важно, что въ большей части случаевъ они владѣли, а осиротѣвшіе племянники старшихъ князей—нѣтъ,—такъ что Русь представлялась раздѣленною на части, изъ которыхъ въ каждой сидѣли князья съ своими сыновьями. Не считаемъ нужнымъ высчитывать примѣры, ибо ими наполнена глава разсужденія г. Соловьева, о которой теперь идетъ рѣчь. Предпочтеніе дѣтей племянникамъ ясно указываетъ на

вотчинное начало, а не на родовое, ибо изъ послѣдняго невозможно вывести преимущества дѣтей живыхъ князей передъ сыновьями умершихъ. Впрочемъ объ этомъ мы уже говорили.

2) Мы знаемъ, что Изяславъ старался чрезъ посредство Папы доставить великокняжескій престолъ своему сыну; авторъ объясняетъ этотъ замѣчательный фактъ тѣмъ, «что Изяславъ, отчаявшись самъ возвратить себѣ престолъ, просилъ Папу употребить стараніе, чтобъ по крайней мѣрѣ потомство его не было исключено изъ родоваго наслѣдства, и не осталось вѣкъ въ изгнаніи на чужой сторонѣ» (стр. 90). Но вѣдь въ глаза бросается, что это натяжка; въ письмѣ своемъ Папа прямо говоритъ о государствѣ (regnum). А что Изяславъ дѣйствительно могъ желать, чтобъ Кіевъ достался его сыну, это всего убѣдительнѣе доказывается примѣромъ Мстислава Владиміровича, который по смерти Мономаха сталъ великимъ княземъ. Объясненіе этого явнаго нарушенія родового порядка наслѣдованія находимъ на стр. 129 и 130.

«По смерти Мономаха старшинство принимаетъ прямо сынъ его Мстиславъ. Святославичи не противились занятію Кіевскаго стола Мономахомъ, слѣдовательно этимъ самымъ, по тогдашнимъ понятіямъ, отказались отъ старшинства за себя и за цѣлый родъ свой; ибо родъ составлялъ одно цѣлое, и когда одинъ родичъ терялъ право, то съ нимъ терялъ цѣлый родъ, понижался предъ родомъ того, кому было уступлено; отношеніе, допущенное разъ однимъ членомъ рода къ чужому роду, это отношеніе тяготѣло надъ всѣми членами рода для настоящаго времени и надо всѣми потомками ихъ для будущаго. Оставался еще родъ старшаго Ярославича, Изяслава, представляемый внуками его—Ярославомъ, Изяславомъ и Брячиславомъ Святополчичами, но родъ Святополка потерялъ даже Владиміро-Волынскую область; Изяславъ и Брячиславъ, вѣроятно находившіеся на сторонѣ брата, какъ ослушники воли старшаго родича, подверглись исключенію; по крайней мѣрѣ младшій, Брячиславъ не могъ имѣть волости, оставшись послѣ отца 10 лѣтъ, а чрезъ четыре года уже начались бѣдствія его семьи. Оба, Изяславъ и Брячиславъ умерли въ 1127 году, пережив свою мать только тремя годами. Ясно, что эти князьки не *могли оспоривать* старшинства у Мстислава Владиміровича, который наслѣдилъ *отъ отца* своего, по выраженію лѣтописца, и потому долженъ былъ наслѣ-

довать и столъ отеческій; со стороны Черниговскихъ князей нельзя было также ожидать возобновленія притязаній; Олегъ и Давидъ Святославичи умерли еще при жизни Мономаха, меньшой братъ ихъ Ярославъ не умѣлъ, какъ увидимъ послѣ, удержать и Черниговскаго стола противъ роднаго племянника: ясно, что онъ не могъ спорить со Мстиславомъ и заключилъ съ нимъ союзъ, требуя только, чтобъ В. князь поддерживалъ его на столѣ Черниговскомъ». (Стр. 129—130).

Это объясненіе сбивчиво. Сначала говорится, что Святославичи не могли претендовать на старшинство, уступивъ его Мономаху, а въ концѣ сказано, что Ярославъ не могъ спорить съ Мстиславомъ. Что-нибудь изъ двухъ: или Мстиславъ вступилъ на Кіевскій престолъ по праву, или безъ всякаго права; въ первомъ случаѣ притязанія Святославичей были бы незаконны, противны родовому устройству, хотя бы у нихъ и достало силы перебить или отнять у Мстислава великокняжескую власть; въ послѣднемъ неправъ Мстиславъ, и сила или безсиліе Святославичей никакъ не могутъ его оправдать. Въ этомъ весь вопросъ, который разрѣшенъ у автора какъ-то обоюдно. Что же касается до Изяславичей, очевидно имѣвшихъ старшинство передъ Мстиславомъ по родовому распорядку, то г. Соловьевъ долженъ былъ сознаться, что «эти князьки не могли оспоривать старшинства у Мстислава», и тѣмъ прямо призналъ, что вопросъ рѣшенъ силой, личнымъ достоинствомъ послѣдняго, чѣмъ хотите, только не родовыми правами.

Вотчинное начало объясняетъ эти два случая очень просто. И въ томъ и въ другомъ князья смотрятъ даже на великокняжеское достоинство какъ на наслѣдіе, переходящее отъ родителей къ дѣтямъ; но первому, потому что онъ слабъ, неудается провести этого взгляда, а второму, потому что онъ силенъ, удается. И только. Вездѣ, гдѣ только вотчинное начало могло высказаться, оно высказывалось и положительно и отрицательно, то доставляя старшинство и владѣнія нисходящимъ помимо боковыхъ, то лишая и того и другого. Въ оправданіе

изъ правнуковъ двѣнадцать были старше Мстислава. Одни эти факты ясно показываютъ, что сталось съ родовымъ началомъ уже въ четвертомъ поколѣніи Ярославова потомства, и какой значительный перевѣсъ получило надъ нимъ начало вотчинное.

Всѣ изложенныя причины заставляютъ насъ смотрѣть нѣсколько иначе на между-княжескія отношенія отъ Ярослава до смерти Мстислава, нежели какъ понимаетъ ихъ г. Соловьевъ. Величайшая неопредѣленность существовала въ понятіяхъ князей XI и XII вѣковъ насчетъ права или титула, на основаніи котораго они владѣли областями: собственность, владѣніе въ его различныхъ видахъ,—все это мѣшалось у нихъ въ головѣ самымъ страннымъ образомъ, мы видимъ зачатки собственности, государственнаго и частнаго владѣнія,—но ни одно изъ этихъ понятій не проведено послѣдовательно; безпрестанно переливаются они одно въ другое, такъ что въ результатѣ остается нуль, и мы убѣждаемся, что собственно объ этомъ не было никакихъ понятій. Совершенно тоже самое и въ такой же степени должно сказать и о личныхъ отношеніяхъ князей между собою Родовыя отношенія безспорно были; рядомъ съ ними являются и отношенія семейныя въ естественной противоположности съ ними. Но и тѣ и другія остаются совершенно неразвитыми, неопредѣленными юридически; оттого ни тѣ, ни другія не выдержаны, какъ бы слѣдовало ожидать, и представляются въ самомъ пестромъ, безобразномъ смѣшеніи. Какъ противоположныя, они иногда и сталкиваются, но иногда живутъ мирно другъ подлѣ друга; всего чаще мы видимъ, что родовыя вдругъ переходятъ въ семейныя, семейныя въ родовыя, такъ что для изслѣдователя нѣтъ ни одной постоянной точки отъ которой онъ могъ бы прямо повести свои изслѣдованія, не сбиваясь на каждомъ шагу. Никакая аріаднина нить, *никакое* самое сосредоточенное вниманіе и память не въ си-

лахъ руководить въ этой грудѣ фактовъ, неимѣющихъ своей опредѣленной, рѣзко обозначенной физіономіи, а потому и необходимой послѣдовательности и связи между собою. Слѣдовательно, соображая личныя отношенія князей, изучая и перекладывая ихъ такъ и этакъ, мы наконецъ тоже получаемъ въ результатѣ нуль — другими словами, получаемъ убѣжденіе, что конечно были зачатки и родовыхъ и семейныхъ отношеній, но ни одинъ не развился, и опредѣленныхъ понятій о каждомъ изъ нихъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ вовсе не было. Въ этомъ пловучемъ хаосѣ самыхъ разнородныхъ началъ, долженствовавшемъ однако опредѣлять взаимныя отношенія князей между собою, а на самомъ дѣлѣ безсильномъ опредѣлить ихъ, открывалось широкое раздолье самому неограниченному произволу, и если онъ не былъ таковъ, какимъ мы его теперь разумѣемъ, то причины должно искать въ низкой степени образованія, бѣдности содержанія, характеризирующихъ древнюю Русь; тогда произволу не изъ чего было развиться въ разнообразныхъ формахъ и широкихъ размѣрахъ. Но на сколько ему было по-плечу, онъ развился; это видно въ притязаніяхъ выдѣленныхъ Полоцкихъ князей завладѣть великокняжескимъ престоломъ, но еще въ бо́льшей степени въ объемѣ княжескихъ владѣній. Почему такой-то князь владѣлъ такою-то областью, ни больше, ни меньше, это опредѣлялось совершенно произвольно; естественно, каждый князь старался захватить какъ можно болѣе, и сила, а не право, рѣшала удачу или неудачу такихъ домогательствъ. Изъ всего этого мы выводимъ вотъ что̀: родовое начало дѣйствительно играло большую роль въ между-княжескихъ отношеніяхъ до смерти Мстислава; но вотчинное, противоположное ему, съ самой смерти Ярослава принимало не менѣе дѣятельное участіе въ опредѣленіи этихъ отношеній и съ помощью нѣкоторыхъ другихъ условій тогдашняго времени (участія общинъ и произвола князей) [illegible]

жить первое начало раздробленію Рюрикова рода на линіи, а Россіи на части. Но такъ какъ почва, на которой совершалась исторія, была совершенно не юридическая, основанія тогдашняго быта не сознаны, и потому не развиты и неопредѣленны, то и отношенія обоихъ началъ — родового и семейного, были чрезвычайно неопредѣленны, борьба ихъ крайне неправильна, и перевѣсъ послѣдняго надъ первымъ произошелъ совершенно безсознательно, какъ бы самъ собою.

Теперь отмѣтимъ нѣкоторыя неправильности, вкравшіяся въ книгу г. Соловьева. На стр. 80, примѣч. 2, авторъ говоритъ, что Кенигсберскій лѣтописецъ приписываетъ ненависть Всеслава Полоцкаго къ потомству Ярослава тому, «что Изяславъ былъ выдѣленъ отцомъ, почему онъ и потомство его потеряло право на общую родовую собственность, доставшуюся Ярославичамъ». Это слишкомъ произвольное толкованіе темныхъ словъ: «Володиміръ же устрои городъ и да има (Изяславу съ матерью) и нарече имя граду тому Изяславль, и оттолѣ мечь взимаютъ Роговоложи внуцы противу Ярославлимъ внукомъ». На стр. 82 находимъ описаніе возстанія Кіевлянъ, вслѣдствіе котораго Изяславъ долженъ былъ бѣжать, а Всеславъ Полоцкій сѣлъ на великокняжескій престолъ. Въ разсказѣ мы находимъ между прочимъ, что послѣ разбитія Ярославичей Половцами, Кіевляне пошли просить у князя оружія и коней, чтобъ выступить «однимъ» противъ враговъ. Одни ли они хотѣли идти, объ этомъ въ лѣтописи ни слова, и потомъ выраженіе одни очень неопредѣленно. Изяславъ отказалъ въ просьбѣ. Почему? Авторъ говоритъ: «согласиться на такое требованіе значило отказаться отъ главной своей обязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовательно отъ своихъ правъ, потерять свое значеніе». И такъ одни значитъ у автора безъ князя, сами собою. Но въ лѣтописи нѣтъ ни малѣйшаго повода къ *такому объясненію* (Лавр. Лѣт. стр. 73). На стр. 99 и 100

авторъ говоритъ, что Романъ Святославичъ былъ убитъ Половцами, а «шайка Козаровъ, окружавшая Олега, брата Романова, измѣнила ему, и силою отправила его въ Грецію» — и заключаетъ такъ: «Изъ этого мы ясно видимъ, сколько разноплеменныхъ народовъ толпилось въ степномъ приморьѣ, изъ смѣшенія которыхъ съ бѣглецами русскими образовались многочисленныя шайки, готовыя вести всякаго на Русь». Шайка ли, окружавшая Олега, отправила его въ Грецію, этого не говоритъ лѣтопись; замѣчаніе о разноплеменности народовъ, толпившихся въ степномъ приморьѣ здѣсь по крайней мѣрѣ не извѣстно, потому что лѣтописецъ подъ Половцами разумѣлъ тутъ Козаръ. На 88 стр. Лаврент. лѣтописи сказано, что Олегъ «сѣче Козары, иже быша свѣтници на убіенье брата его и на самого», а выше они названы Половцами. На стр. 102 и 103 г. Соловьевъ доказываетъ, что Ярополкъ Изяславичъ былъ убитъ братьями, Ростиславичами. Доводы его очень убѣдительны, кромѣ ссылки на слова самого Ярополка. Восклицаніе этого князя: «то тѣ (а не тотъ, какъ у автора) мя враже улови!» ничего не доказываетъ. На стр. 109, послѣ довольно вѣрной характеристики Святополка, авторъ говоритъ: «Могла ли Русь ждать чего-нибудь хорошаго отъ такого князя? И вотъ усобицы не замедлили открыться». Эта фраза никуда не годится въ историческомъ разсужденіи и простительна только лѣтописцу. Кто жъ теперь вѣритъ въ таинственную связь нравственныхъ достоинствъ князя и благоденствія страны? Усобицы при Святополкѣ не были слѣдствіемъ его дурныхъ качествъ, не исключая даже ослѣпленія Василька. На той же страницѣ: «Владиміръ думалъ, что загладивъ несправедливость дяди и отца, возвративъ Святославичамъ отцовскую волость, онъ тѣмъ самымъ умиритъ Русь, ибо исключенные князья не будутъ уже болѣе наводить на нее Половцевъ». Выше (стр. 99) онъ такъ же называетъ отдачу Чернигова Мономаху «въ-

ломъ несправедливымъ и безразсуднымъ». Что оно было безразсудно — положимъ; но почему же авторъ считаетъ себя вправѣ сказать, что оно было несправедливо? Онъ же самъ доказываетъ, что племянники не были владѣльцами при дядяхъ. Это явное противорѣчіе. О намѣреніяхъ, съ которыми Мономахъ уступилъ Черниговъ Олегу, въ лѣтописи ни слова; стало-быть они придуманы авторомъ. На стр. 116, Василько Ростиславичъ ошибочно названъ прямымъ внукомъ Святослава Игоревича: онъ его потомокъ въ пятомъ колѣнѣ; при томъ сходства между ними мало.—Совѣтъ, данный боярами и людьми Святополку по дѣлу Василька неправильно названъ у автора «неудовлетворительнымъ» (стр. 118). Они опредѣлительно отвѣчали, что Василька надо казнить. На стр. 124, авторъ говоритъ: «Олегъ видѣлъ недоброжелательство къ себѣ народа, притомъ былъ и старъ и слабъ: уже давно не ходилъ въ походы съ братьями по причинѣ болѣзней». Кромѣ недоброжелательства народа, на которое есть данныя, все прочее авторъ присказалъ отъ себя. Въ мѣстѣ изъ лѣтописи, на которое ссылается г. Соловьевъ, сказано только, что Святополкъ и Владиміръ въ 1103 году послали къ Святославичамъ звать ихъ противъ Половцевъ; Давидъ пошелъ, «а Олегъ не всхотѣ сего, вину река: несдравьлю» (стр. 118). Послѣднія слова ясно говорятъ, что Олегъ могъ идти, да не хотѣлъ, и болѣзнь служила ему предлогомъ. Сверхъ того мы знаемъ, что онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Половцами и не ходилъ на нихъ войной съ русскими князьями. Г. Соловьевъ истолковалъ здѣсь лѣтопись слишкомъ произвольно и вовсе невѣроятно.

На стран. 85 и 86, примѣч. 2, авторъ объясняетъ «какимъ образомъ Глѣбъ Святославичъ, попалъ въ Новгородъ?« *Этотъ* вопросъ гораздо труднѣе, чѣмъ кажется съ перваго *взгляда*. Основываясь на томъ, что, по мнѣнію Карамзина,

Мстиславъ Изяславичъ, князь Новгородскій, разбитый Всеславомъ Полоцкимъ, бѣжалъ въ Кіевъ, авторъ говоритъ: «Вѣроятно Изяславъ послѣ этого уступилъ такое отдаленное и опасное владѣніе Святославу, который и послалъ туда своего сына Глѣба, лишеннаго Тмуторокани». Но почему жь это вѣроятно? Мы думаемъ, что, напротивъ, такая уступка важной области вовсе невѣроятна. Гораздо правдоподобнѣе догадка, предложенная г. Соловьевымъ въ изслѣдованіи «объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ». Здѣсь, на стран. 54 и 55, мы читаемъ: «Изгнаніе Изяслава изъ Кіева необходимо повлекло перемѣну и въ Новгородѣ: здѣсь является князь сынъ Святослава — Глѣбъ; послѣдній въ свою очередь долженъ былъ оставить Новгородъ, вслѣдствіе вторичнаго торжества Изяслава, который послалъ сына своего Святополка». Вѣроятность этого объясненія доказывается тѣмъ, что въ 1069 году Глѣбъ уже былъ въ Новгородѣ (Новг. первая лѣт., стр. 2), а Изяславъ лишился въ первый разъ кіевскаго престола въ 1068 году. Если мѣсто его и заступилъ Всеславъ, то Святославъ все же былъ старшимъ между Ярославичами и могъ считать себя вправѣ распорядиться тѣмъ, чего не успѣлъ захватить Всеславъ. Еще сильнѣе говоритъ въ пользу этого мнѣнія замѣчаніе Арцыбышева (книга II, пр. 181), что Святополкъ Изяславичъ былъ отправленъ въ Новгородъ еще до смерти Глѣба. Наконецъ авторъ самъ приводитъ въ своей мастерской диссертаціи (примѣч. 105) мѣсто изъ лѣтописи, хранящейся въ Румянцовскомъ Музеѣ, которое прямо говоритъ: «и посади Святославъ сына своего Глѣба, и выгнаша изъ города и бѣжа за Волокъ и убиша и Чюдь». Не знаемъ, почему авторъ счелъ нужнымъ отбросить это очень вѣроятное объясненіе и принять другое, въ пользу котораго нѣтъ никакихъ доказательствъ. Вообще замѣтимъ, что въ распредѣленіи сѣверныхъ владѣній при Изяславѣ произошли важныя пе-

ремѣны. Карамзинъ (т. II, стр. 40, изд. Эйнерл.) и г. Соловьевъ (стр. 73) согласно думаютъ, что Бѣлоозеро по первоначальному распорядку досталось Всеволоду; а изъ Лѣтописи (Лаврент., стр. 75) мы видимъ, что здѣсь въ 1071 году собиралась дань на Святослава. Когда и какъ это сдѣлалось— не видно, и трудно объяснить, потому что нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ.

Есть и другія мѣста, въ которыхъ авторъ отъ себя присказываетъ къ лѣтописнымъ извѣстіямъ; но ихъ мы не приводимъ, потому что добавленія если не имѣютъ, то по крайней мѣрѣ могутъ имѣть нѣкоторое вѣроятіе. Въ заключеніе обратимъ вниманіе читателей на два замѣчанія автора, которыя показались намъ и новыми и удачными. Въ лѣтописи говорится о нѣкоторыхъ князьяхъ, что они любили юныхъ, молодыхъ совѣтниковъ. По мнѣнію автора, подъ ними должно разумѣть новую дружину, приведенную княземъ, въ противоположность дружинѣ прежняго князя, предмѣстника. Кромѣ того, что это объясненіе очень вѣроятно само по себѣ, оно доказывается и положительнымъ свидѣтельствомъ лѣтописи. На стр. 93 мы въ ней читаемъ: «Святополкъ же не сдумавъ, съ большею дружиною отнею и строя своего, по съвѣтъ створи съ пришедшими съ нимъ». Большій и старѣйшій, меньшій и младшій въ нашемъ древнемъ языкѣ синонимы.

Значеніе и роль Тмуторокани въ нашей древнѣйшей исторіи замѣчены и характеризированы превосходно.

«Здѣсь, на отдаленномъ застепномъ приморьѣ, окруженномъ разными варварскими народами, былъ самый удобный притонъ варяжничеству; сюда стремились всѣ тѣ, которымъ почему-нибудь было тѣсно въ обществѣ, здѣсь изъ разноплеменныхъ пришлецовъ составлялись дружины, готовыя на всѣ возможные подвиги подъ знаменами перваго искателя приключеній». (Стр. 79).

Пятая глава посвящена обозрѣнію между-княжескихъ отно-
шеній въ [illegible] событіями періодъ времени—

отъ смерти Мстислава (1132 г.) до взятія Кіева Андреемъ Боголюбскимъ и союзными съ нимъ князьями (1169). Вотъ какъ характеризируетъ авторъ этотъ періодъ:

«Усобицы, имѣвшіе мѣсто при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава I-го происходили оттого, что дядья исключали племянниковъ изъ владѣнія родовою собственностію; но борьба между князьями, начавшаяся по смерти Мстислава, носитъ совершенно другой характеръ: теперь уже князья бьются не для того, чтобъ снова получить участки въ родовой собственности, они бьются за старшинство. Внуки и правнуки Святослава враждуютъ теперь со внуками и правнуками Всеволода уже не за область Черниговскую, но за старшинство, за Кіевъ, теперь уже Мономаховичи не изгоняютъ Святославичей изъ Чернигова, но хотятъ только исключить ихъ изъ владѣнія Кіевомъ, твердятъ имъ: оставайтесь за Днѣпромъ, какъ распорядился прадѣдъ нашъ Ярославъ Великій; Олеговичи отвѣчаютъ: «мы не Венгры и не Ляхи, но потомки одного предка и отказаться отъ Кіева не можемъ, слѣдовательно являются защитниками нераздѣльнаго, общаго владѣнія; но они знаютъ, что право старшинства разъ нарушено и возстановить его трудно вслѣдствіе столкновенія противоположныхъ правъ и интересовъ: Мономаховичи считаютъ полное право на своей сторонѣ, ибо Святославичи не противились троекратному нарушенію своего права и такимъ образомъ добровольно отказались отъ него. Вотъ почему, когда Святославичамъ удается перейдти на западную сторону Днѣпра, овладѣть Кіевомъ, то они хотятъ перебраться всѣ на эту завѣтную сторону, оставить ее за потомствомъ, въ свою очередь исключить Мономаховичей, отбросить ихъ на Востокъ: какая же цѣль этого стремленія? желаніе прервать единство рода, раздѣлиться? проглядываетъ ли тутъ начало новаго порядка вещей, новыхъ отношеній? ничего подобнаго: имъ хочется только удержать постоянно старшинство за собою, въ томъ самомъ значеніи, въ какомъ его тогда понимали, оставляя въ силѣ всѣ прежнія отношенія старшаго къ младшимъ членамъ рода, однимъ словомъ Святославичи хотятъ Кіева не для Кіева, но для старшинства». (Стр. 137—138).

«Но борьба за старшинство идетъ не между одними Святославичами и Всеволодовичами; три княжескія линіи, игравшія прежде важную роль — линія Изяслава Владиміровича Полоцкаго, Изяслава и Игоря Ярославичей вышли теперь изъ борьбы (хотя Полоцкіе князья возвращаются изъ Греціи, но уже не имѣютъ никакого вліянія на отношенія между Ярославичами); но за то встала страшная котора въ самомъ родѣ Мономаховомъ. Здѣсь, повидимому, повторяется прежняя борьба, борьба дядей съ племянниками, но опять уже съ другимъ значеніемъ: дядья не исключаютъ племянниковъ изъ владѣнія родовою собственностію, но враждуютъ съ ними за старшинство, не хотятъ допустить, чтобы дѣти старшаго брата отнимали старшинство и столъ Кіевскій

у младшихъ дядей своихъ, вслѣдствіе новаго представленія, что старшій сынъ старшаго брата есть старшій братъ дядьямъ своимъ». (Стр. 138—139).

«Торжество осталось на сторонѣ послѣднихъ, ибо побѣда Андрея надъ Мстиславомъ, была вмѣстѣ побѣдою представленія о правѣ всѣхъ дядей, даже самыхъ младшихъ, надъ племянниками отъ перваго брата». (Стр. 211).

Вотъ итогъ и послѣдній выводъ изъ изслѣдованій, заключающихся въ пятой главѣ. Г. Соловьевъ очень удачно схватилъ многіе живые интересы эпохи и— что главное — возвратилъ имъ то значеніе, которое они имѣли въ исторіи, но не имѣли въ книгахъ, писанныхъ о ней. Сколько бы разъ ни повторяли поборники старой школы, что все это было уже сказано Карамзинымъ и развито на лекціяхъ, мы столько же разъ отвѣтимъ, что безсвязные намеки и отрывочныя замѣчанія Карамзина не могутъ быть поставлены наравнѣ съ развитымъ взглядомъ. Большая разница между отдѣльной мыслью и систематическимъ ея построеніемъ.

Съ своей стороны, не взводя на автора подобныхъ обвиненій, мы замѣтимъ однако, что г. Соловьевъ, какъ намъ кажется, не вполнѣ обозрѣлъ движущія начала между-княжескихъ отношеній того времени, а удовольствовался только нѣкоторыми; это придаетъ его взгляду односторонность и вводитъ его въ ошибки. Другой недостатокъ состоитъ въ томъ, что г. Соловьевъ, характеризируя эпоху, останавливается на однихъ явленіяхъ, не проникая далѣе, не восходя до ихъ основныхъ причинъ. Отсюда недостатокъ глубокаго пониманія внутренней связи, послѣдовательности между эпохами, хотя онѣ, даже хронологически, шли одна за другой, порождали одна другую и слѣдовательно по необходимости связаны между собою единствомъ Ка[illegible]эпоха стоитъ у г. Соловьева какъ-то слит[illegible]анно, и преемственность ихъ только [illegible]крывается изъ приведенныхъ сл[illegible]

Авторъ говоритъ, что теперь князья бьются не изъ участка въ родовой собственности, а за старшинство. Выше мы старались доказать, что до смерти Мстислава князья бились не за участки въ родовой собственности, а за владѣнія отцовъ, вотчину, что существенно измѣняетъ вопросъ, ибо, предполагая первое, мы выведемъ, что родовой распорядокъ былъ послѣдней, крайней цѣлью княжескихъ стремленій; напротивъ, принявъ послѣднее, мы увидимъ въ притязаніяхъ князей желаніе получить владѣнія для усиленія власти, увеличенія доходовъ, богатства, чего хотите, только не для занятія извѣстнаго мѣста въ родовомъ распорядкѣ. Инымъ съ перваго взгляду можетъ показаться, что мы придираемся и играемъ словами; но этого не скажетъ тотъ, кто пристально вникнетъ въ дѣло. Все разногласіе между нами и г. Соловьевымъ вертится на томъ, что онъ смотритъ на владѣнія, какъ на средство для цѣлей, условливаемыхъ родовою честью, а мы видимъ въ родовыхъ правахъ, предъявляемыхъ князьями, средство, предлогъ для полученія лучшаго владѣнія. То, что у него играетъ главную роль, намъ кажется второстепеннымъ, и наоборотъ. При совершенномъ отсутствіи всякаго государственнаго и гражданскаго устройства, когда понятія дальше родственныхъ, кровныхъ отношеній не шли, князьямъ не на чемъ было основывать своихъ правъ и притязаній, кромѣ родовыхъ счетовъ, и въ этомъ смыслѣ мы совершенно согласны съ авторомъ, что кровныя отношенія играли теперь главную. первенствующую роль. Но подъ ними высказывались владѣльческіе интересы, приготовившіе полное торжество вотчиннаго начала надъ родовымъ. раздробленіе рода на самостоятельныя линіи и собственность, сначала въ негражданственной, патріархальной формѣ вотчины: нѣсколько примѣровъ всего лучше пояснятъ нашу мысль.

Если бы кровныя, родственныя отношенія господствовали исключительно, и только изъ нихъ хлопотали князья, а не изъ

ремѣны. Карамзинъ (т. II, стр. 40, изд. Эйнерл.) и г. Соловьевъ (стр. 73) согласно думаютъ, что Бѣлоозеро по первоначальному распорядку досталось Всеволоду; а изъ Лѣтописи (Лаврент., стр. 75) мы видимъ, что здѣсь въ 1071 году сбиралась дань на Святослава. Когда и какъ это сдѣлалось— не видно, и трудно объяснить, потому что нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ.

Есть и другія мѣста, въ которыхъ авторъ отъ себя присказываетъ къ лѣтописнымъ извѣстіямъ; но ихъ мы не приводимъ, потому что добавленія если не имѣютъ, то по крайней мѣрѣ могутъ имѣть нѣкоторое вѣроятіе. Въ заключеніе обратимъ вниманіе читателей на два замѣчанія автора, которыя показались намъ и новыми и удачными. Въ лѣтописи говорится о нѣкоторыхъ князьяхъ, что они любили юныхъ, молодыхъ совѣтниковъ. По мнѣнію автора, подъ ними должно разумѣть новую дружину, приведенную княземъ, въ противоположность дружинѣ прежняго князя, предмѣстника. Кромѣ того, что это объясненіе очень вѣроятно само по себѣ, оно доказывается и положительнымъ свидѣтельствомъ лѣтописи. На стр. 93 мы въ ней читаемъ: «Святополкъ же не сдумавъ, съ болшею дружиною отнею и строя своего, но съвѣтъ створи съ пришедшими съ нимъ». Большій и старѣйшій, меньшій и младшій въ нашемъ древнемъ языкѣ синонимы.

Значеніе и роль Тмуторокани въ нашей древнѣйшей исторіи замѣчены и характеризированы превосходно.

«Здѣсь, на отдаленномъ застепномъ приморьѣ, окруженномъ разными варварскими народами, былъ самый удобный притонъ варяжничеству; сюда стремились всѣ тѣ, которымъ почему-нибудь было тѣсно въ обществѣ, здѣсь изъ разноплеменныхъ пришлецовъ составлялись дружины, готовыя на всѣ возможные подвиги подъ знаменами перваго искателя приключеній». (Стр. 79).

Пятая глава посвящена обозрѣнію между-княжескихъ отношеній въ короткій, но обильный событіями періодъ времени—

отъ смерти Мстислава (1132 г.) до взятія Кіева Андреемъ Боголюбскимъ и союзными съ нимъ князьями (1169). Вотъ какъ характеризируетъ авторъ этотъ періодъ:

«Усобицы, имѣвшіе мѣсто при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава I-го происходили оттого, что дядья исключали племянниковъ изъ владѣнія родовою собственностію; но борьба между князьями, начавшаяся по смерти Мстислава, носитъ совершенно другой характеръ: теперь уже князья бьются не для того, чтобъ снова получить участки въ родовой собственности, они бьются за старшинство. Внуки и правнуки Святослава враждуютъ теперь со внуками и правнуками Всеволода уже не за область Черниговскую, но за старшинство, за Кіевъ, теперь уже Мономаховичи не изгоняютъ Святославичей изъ Чернигова, но хотятъ только исключить ихъ изъ владѣнія Кіевомъ, твердятъ имъ: оставайтесь за Днѣпромъ, какъ распорядился прадѣдъ нашъ Ярославъ Великій; Олеговичи отвѣчаютъ: «мы не Венгры и не Ляхи, но потомки одного предка и отказаться отъ Кіева не можемъ, слѣдовательно являются защитниками нераздѣльнаго, общаго владѣнія; но они знаютъ, что право старшинства разъ нарушено и возстановить его трудно вслѣдствіе столкновенія противоположныхъ правъ и интересовъ: Мономаховичи считаютъ полное право на своей сторонѣ, ибо Святославичи не противились троекратному нарушенію своего права и такимъ образомъ добровольно отказались отъ него. Вотъ почему, когда Святославичамъ удается перейдти на западную сторону Днѣпра, овладѣть Кіевомъ, то они хотятъ перебраться всѣ на эту завѣтную сторону, оставить ее за потомствомъ, въ свою очередь исключить Мономаховичей, отбросить ихъ на Востокъ: какая же цѣль этого стремленія? желаніе прервать единство рода, раздѣлиться? проглядываетъ ли тутъ начало новаго порядка вещей, новыхъ отношеній? ничего подобнаго: имъ хочется только удержать постоянно старшинство за собою, въ томъ самомъ значеніи, въ какомъ его тогда понимали, оставляя въ силѣ всѣ прежнія отношенія старшаго къ младшимъ членамъ рода, однимъ словомъ Святославичи хотятъ Кіева не для Кіева, но для старшинства». (Стр. 137—138).

«Но борьба за старшинство идетъ не между одними Святославичами и Всеволодовичами; три княжескія линіи, игравшія прежде важную роль — линія Изяслава Владиміровича Полоцкаго, Изяслава и Игоря Ярославичей вышли теперь изъ борьбы (хотя Полоцкіе князья возвращаются изъ Греціи, но уже не имѣютъ никакого вліянія на отношенія между Ярославичами); но за то встала страшная котора въ самомъ родѣ Мономаховомъ. Здѣсь, повидимому, повторяется прежняя борьба, борьба дядей съ племянниками, но опять уже съ другимъ значеніемъ: дядья не исключаютъ племянниковъ изъ владѣнія родовою собственностію, но враждуютъ съ ними за старшинство, не хотятъ допустить, чтобы дѣти старшаго брата отнимали старшинство и столъ Кіевскій

у младшихъ дядей своихъ, вслѣдствіе новаго представленія, что старшій сынъ старшаго брата есть старшій братъ дядьямъ своимъ». (Стр. 138—139).

«Торжество осталось на сторонѣ послѣднихъ, ибо побѣда Андрея надъ Мстиславомъ, была вмѣстѣ побѣдою представленія о правѣ всѣхъ дядей, даже самыхъ младшихъ, надъ племянниками отъ перваго брата». (Стр. 211).

Вотъ итогъ и послѣдній выводъ изъ изслѣдованій, заключающихся въ пятой главѣ. Г. Соловьевъ очень удачно схватилъ многіе живые интересы эпохи и— что главное — возвратилъ имъ то значеніе, которое они имѣли въ исторіи, но не имѣли въ книгахъ, писанныхъ о ней. Сколько бы разъ ни повторяли поборники старой школы, что все это было уже сказано Карамзинымъ и развито на лекціяхъ, мы столько же разъ отвѣтимъ, что безсвязные намеки и отрывочныя замѣчанія Карамзина не могутъ быть поставлены наравнѣ съ развитымъ взглядомъ. Большая разница между отдѣльной мыслью и систематическимъ ея построеніемъ.

Съ своей стороны, не взводя на автора подобныхъ обвиненій, мы замѣтимъ однако, что г. Соловьевъ, какъ намъ кажется, не вполнѣ обозрѣлъ движущія начала между-княжескихъ отношеній того времени, а удовольствовался только нѣкоторыми; это придаетъ его взгляду односторонность и вводитъ его въ ошибки. Другой недостатокъ состоитъ въ томъ, что г. Соловьевъ, характеризируя эпоху, останавливается на однихъ явленіяхъ, не проникая далѣе, не восходя до ихъ основныхъ причинъ. Отсюда недостатокъ глубокаго пониманія внутренней связи, послѣдовательности между эпохами, хотя онѣ, даже хронологически, шли одна за другой, порождали одна другую и слѣдовательно по необходимости связаны между собою единствомъ начала. Каждая эпоха стоитъ у г. Соловьева какъ-то слишкомъ отдѣльно, изолированно, и преемственность ихъ только внѣшняя. И то и другое открывается изъ *приведенныхъ* словъ. Разберемъ ихъ.

Авторъ говоритъ, что теперь князья бьются не изъ участка въ родовой собственности, а за старшинство. Выше мы старались доказать, что до смерти Мстислава князья бились не за участки въ родовой собственности, а за владѣнія отцовъ, вотчину, что существенно измѣняетъ вопросъ, ибо, предполагая первое, мы выведемъ, что родовой распорядокъ былъ послѣдней, крайней цѣлью княжескихъ стремленій; напротивъ, принявъ послѣднее, мы увидимъ въ притязаніяхъ князей желаніе получить владѣнія для усиленія власти, увеличенія доходовъ, богатства, чего хотите, только не для занятія извѣстнаго мѣста въ родовомъ распорядкѣ. Инымъ съ перваго взгляду можетъ показаться, что мы придираемся и играемъ словами; но этого не скажетъ тотъ, кто пристально вникнетъ въ дѣло. Все разногласіе между нами и г. Соловьевымъ вертится на томъ, что онъ смотритъ на владѣнія, какъ на средство для цѣлей, условливаемыхъ родовою честью, а мы видимъ въ родовыхъ правахъ, предъявляемыхъ князьями, средство, предлогъ для полученія лучшаго владѣнія. То, что у него играетъ главную роль, намъ кажется второстепеннымъ, и наоборотъ. При совершенномъ отсутствіи всякаго государственнаго и гражданскаго устройства, когда понятія дальше родственныхъ, кровныхъ отношеній не шли, князьямъ не на чемъ было основывать своихъ правъ и притязаній, кромѣ родовыхъ счетовъ, и въ этомъ смыслѣ мы совершенно согласны съ авторомъ, что кровныя отношенія играли теперь главную, первенствующую роль. Но подъ ними высказывались владѣльческіе интересы, приготовившіе полное торжество вотчиннаго начала надъ родовымъ. раздробленіе рода на самостоятельныя линіи и собственность, сначала въ негражданственной, патріархальной формѣ вотчины: нѣсколько примѣровъ всего лучше пояснятъ нашу мысль.

Если бы кровныя, родственныя отношенія господствовали исключительно, и только изъ нихъ хлопотали князья, а не изъ

владѣній, какъ бы могъ Ростиславъ Юрьевичъ поссориться съ отцомъ «оже ему отець волости не далъ въ Суждальской земли» и перейдти къ врагу его Изяславу Мстиславичу? Этотъ фактъ говоритъ очень сильно, особенно потому, что Изяславъ сказалъ пришедшему къ нему Ростиславу: «нынѣ же аче отець ти волости не далъ, а язъ ти даю» (Ипат. Лѣт., стр. 39). Изяславъ задобриваетъ своего двоюроднаго брата, и чѣмъ же? не обѣщаніемъ такого или другаго мѣста въ родовомъ распорядкѣ, а волостью: «отець не далъ, а я дамъ». Въ послѣдствіи, упрекая Ростислава въ измѣнѣ, онъ говоритъ ему: «волость ти есмь вдалъ, ако ни отець того вдалъ, что я тобѣ вдалъ» (стр. 41). Итакъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ главное для князей были владѣнія, волости, а не родовая часть, иначе нельзя бы задобривать, приманивать къ себѣ волостями.

Еще: «Володиміръ Андреевичь нача припрашивати волости у Мстислава. Мстиславъ же... рече: брате Володиміре! ци давно еси хрестъ цѣловалъ ко мнѣ, и волость взялъ еси у мене? (стр. 99).

Оба эти мѣста тоже доказываютъ, что князья искали иногда владѣній, а не родовой части. Ищи Рогвольдъ послѣдней, онъ не сѣлъ бы въ Друцкѣ, а сталъ бы прямо отыскивать Полоцка, какъ Ольговичи и Юрій—Кіева. Владиміръ Андреевичъ былъ двоюродный дядя Мстиславу, стало-быть старше его, однако взялъ волость у Мстислава и цѣловалъ ему крестъ.

«Новгородци сдумавше рекоша (Всеволоду) дай ны шюрина своего Мстиславича. Всеволодъ же не хотя перепустити Новагорода Володимиричемъ призва шюрина своя и да имъ Берестій». (Лаврент. Лѣтоп. стр. 134). Всеволодъ задобриваетъ и удерживаетъ при себѣ князей волостями, владѣніями.

Давши Ростиславу Божскъ и другіе города, Изяславъ велѣлъ сказать брату его Глѣбу: «иди ко Ольговичемъ, къ тѣмъ *еси пришелъ*, а ти дадятъ волость (тамъ же стр. 138).

Стало-быть князья приходили иногда одни къ другимъ и получали волость, и это бывало между князьями различныхъ линій, враждовавшихъ между собою.

Этихъ не многихъ примѣровъ кажется достаточно, чтобъ убѣдить въ достовѣрности нашей мысли. Они свидѣтельствуютъ, что рядомъ съ родовыми, кровными интересами развивались и другіе, владѣльческіе, которые въ послѣдствіи мало-помалу вытѣснили всѣ другіе. Мы позволимъ себѣ даже пойдти далѣе и утверждать, въ противность мнѣнію г. Соловьева, что эти интересы уже стояли теперь на первомъ планѣ, но только прикрывались формами родовыхъ отношеній, такъ сказать вздерживались ими, и потому-то борьба за старшинство, которою авторъ характеризируетъ между-княжескія отношенія въ эту эпоху не что иное, какъ выраженіе тѣхъ же владѣльческихъ стремленій, которое князья старались узаконить господствовавшимъ тогда родовымъ правомъ. Именно потому, что нуженъ былъ предлогъ, оправданіе, сообразные съ нравами и понятіями времени, Кіева искали Святославичи, по старшинству въ Ярославовомъ потомствѣ, Мстиславичи, по праву вотчинному, и Владиміровичи, которымъ предлогомъ служило родовое старшинство предъ Мстиславичами, ихъ племянниками. Изяславъ не могъ самъ собой удержаться въ Кіевѣ и долженъ былъ признать Кіевскимъ княземъ и отцомъ ничтожнаго дядю своего Вячеслава, потому что послѣдній былъ старшій изъ живыхъ Владиміровичей (Мономаха). Это признаніе было пустой формой; Вячеславъ ни во что не вмѣшивался, не имѣлъ дѣтей и вся власть на дѣлѣ принадлежала Изяславу; но эта формальность доставила Ростиславу, брату Изяслава, такую же власть, какой пользовался послѣдній. По той же самой причинѣ, т. е. потому, что нужны были предлоги, не искали Кіевскаго престола безспорно младшіе въ княжескомъ родѣ. Итакъ, мы не скажемъ съ авторомъ, что [illegible]

у младшихъ дядей своихъ, вслѣдствіе новаго представленія, что старшій сынъ старшаго брата есть старшій братъ дядьямъ своимъ». (Стр. 138—139).

«Торжество осталось на сторонѣ послѣднихъ, ибо побѣда Андрея надъ Мстиславомъ, была вмѣстѣ побѣдою представленія о правѣ всѣхъ дядей, даже самыхъ младшихъ, надъ племянниками отъ перваго брата». (Стр. 211).

Вотъ итогъ и послѣдній выводъ изъ изслѣдованій, заключающихся въ пятой главѣ. Г. Соловьевъ очень удачно схватилъ многіе живые интересы эпохи и— что главное — возвратилъ имъ то значеніе, которое они имѣли въ исторіи, но не имѣли въ книгахъ, писанныхъ о ней. Сколько бы разъ ни повторяли поборники старой школы, что все это было уже сказано Карамзинымъ и развито на лекціяхъ, мы столько же разъ отвѣтимъ, что безсвязные намеки и отрывочныя замѣчанія Карамзина не могутъ быть поставлены наравнѣ съ развитымъ взглядомъ. Большая разница между отдѣльной мыслью и систематическимъ ея построеніемъ.

Съ своей стороны, не взводя на автора подобныхъ обвиненій, мы замѣтимъ однако, что г. Соловьевъ, какъ намъ кажется, не вполнѣ обозрѣлъ движущія начала между-княжескихъ отношеній того времени, а удовольствовался только нѣкоторыми; это придаетъ его взгляду односторонность и вводитъ его въ ошибки. Другой недостатокъ состоитъ въ томъ, что г. Соловьевъ, характеризируя эпоху, останавливается на однихъ явленіяхъ, не проникая далѣе, не восходя до ихъ основныхъ причинъ. Отсюда недостатокъ глубокаго пониманія внутренней связи, послѣдовательности между эпохами, хотя онѣ, даже хронологически, шли одна за другой, порождали одна другую и слѣдовательно по необходимости связаны между собою единствомъ начала. Каждая эпоха стоитъ у г. Соловьева какъ-то слишкомъ отдѣльно, изолированно, и преемственность ихъ только внѣшняя. И то и другое открывается изъ приведенныхъ словъ. Разберемъ ихъ.

Авторъ говоритъ, что теперь князья бьются не изъ участка въ родовой собственности, а за старшинство. Выше мы старались доказать, что до смерти Мстислава князья бились не за участки въ родовой собственности, а за владѣнія отцовъ, вотчину, что существенно измѣняетъ вопросъ, ибо, предполагая первое, мы выведемъ, что родовой распорядокъ былъ послѣдней, крайней цѣлью княжескихъ стремленій; напротивъ, принявъ послѣднее, мы увидимъ въ притязаніяхъ князей желаніе получить владѣнія для усиленія власти, увеличенія доходовъ, богатства, чего хотите, только не для занятія извѣстнаго мѣста въ родовомъ распорядкѣ. Инымъ съ перваго взгляду можетъ показаться, что мы придираемся и играемъ словами; но этого не скажетъ тотъ, кто пристально вникнетъ въ дѣло. Все разногласіе между нами и г. Соловьевымъ вертится на томъ, что онъ смотритъ на владѣнія, какъ на средство для цѣлей, условливаемыхъ родовою честью, а мы видимъ въ родовыхъ правахъ, предъявляемыхъ князьями, средство, предлогъ для полученія лучшаго владѣнія. То, что у него играетъ главную роль, намъ кажется второстепеннымъ, и наоборотъ. При совершенномъ отсутствіи всякаго государственнаго и гражданскаго устройства, когда понятія дальше родственныхъ, кровныхъ отношеній не шли, князьямъ не на чемъ было основывать своихъ правъ и притязаній, кромѣ родовыхъ счетовъ, и въ этомъ смыслѣ мы совершенно согласны съ авторомъ, что кровныя отношенія играли теперь главную. первенствующую роль. Но подъ ними высказывались владѣльческіе интересы, приготовившіе полное торжество вотчиннаго начала надъ родовымъ. раздробленіе рода на самостоятельныя линіи и собственность, сначала въ негражданственной, патріархальной формѣ вотчины: нѣсколько примѣровъ всего лучше пояснятъ нашу мысль.

Если бы кровныя, родственныя отношенія господствовали исключительно, и только изъ нихъ хлопотали князья, а не изъ

владѣній, какъ бы могъ Ростиславъ Юрьевичъ поссориться съ отцомъ «оже ему отець волости не далъ въ Суждальской земли» и перейдти къ врагу его Изяславу Мстиславичу? Этотъ фактъ говоритъ очень сильно, особенно потому, что Изяславъ сказалъ пришедшему къ нему Ростиславу: «нынѣ же аче отець ти волости не далъ, а язъ ти даю» (Ипат. Лѣт., стр. 39). Изяславъ задобриваетъ своего двоюроднаго брата, и чѣмъ же? не обѣщаніемъ такого или другаго мѣста въ родовомъ распорядкѣ, а волостью: «отець не далъ, а я дамъ». Въ послѣдствіи, упрекая Ростислава въ измѣнѣ, онъ говоритъ ему: «волость ти есмь вдалъ, ако ни отець того вдалъ, что я тобѣ вдалъ» (стр. 41). Итакъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ главное для князей были владѣнія, волости, а не родовая часть, иначе нельзя бы задобривать, приманивать къ себѣ волостями.

Еще: «Володиміръ Андреевичь нача припрашивати волости у Мстислава. Мстиславъ же... рече: брате Володиміре! ци давно еси хрестъ цѣловалъ ко мнѣ, и волость взялъ еси у мене? (стр. 99).

Оба эти мѣста тоже доказываютъ, что князья искали иногда владѣній, а не родовой части. Ищи Рогвольдъ послѣдней, онъ не сѣлъ бы въ Друцкѣ, а сталъ бы прямо отыскивать Полоцка, какъ Ольговичи и Юрій—Кіева. Владиміръ Андреевичъ былъ двоюродный дядя Мстиславу, стало-быть старше его, однако взялъ волость у Мстислава и цѣловалъ ему крестъ.

«Новгородци сдумавше рекоша (Всеволоду) дай ны шюрина своего Мстиславича. Всеволодъ же не хотя перепустити Новагорода Володимиричемъ призва шюрина своя и да имъ Берестій». (Лаврент. Лѣтоп. стр. 134). Всеволодъ задобриваетъ и удерживаетъ при себѣ князей волостями, владѣніями.

Давши Ростиславу Божскъ и другіе города, Изяславъ велѣлъ сказать брату его Глѣбу: «иди ко Ольговичемъ, къ тѣмъ *еси пришелъ*, а ти дадятъ волость (тамъ же стр. 138).

Стало-быть князья приходили иногда одни къ другимъ и получали волость, и это бывало между князьями различныхъ линій, враждовавшихъ между собою.

Этихъ не многихъ примѣровъ кажется достаточно, чтобъ убѣдить въ достовѣрности нашей мысли. Они свидѣтельствуютъ, что рядомъ съ родовыми, кровными интересами развивались и другіе, владѣльческіе, которые въ послѣдствіи мало-помалу вытѣснили всѣ другіе. Мы позволимъ себѣ даже пойдти далѣе и утверждать, въ противность мнѣнію г. Соловьева, что эти интересы уже стояли теперь на первомъ планѣ, но только прикрывались формами родовыхъ отношеній, такъ сказать вздерживались ими, и потому-то борьба за старшинство, которою авторъ характеризируетъ между-княжескія отношенія въ эту эпоху не что иное, какъ выраженіе тѣхъ же владѣльческихъ стремленій, которое князья старались узаконить господствовавшимъ тогда родовымъ правомъ. Именно потому, что нуженъ былъ предлогъ, оправданіе, сообразные съ нравами и понятіями времени, Кіева искали Святославичи, по старшинству въ Ярославовомъ потомствѣ, Мстиславичи, по праву вотчинному, и Владиміровичи, которымъ предлогомъ служило родовое старшинство предъ Мстиславичами, ихъ племянниками. Изяславъ не могъ самъ собой удержаться въ Кіевѣ и долженъ былъ признать Кіевскимъ княземъ и отцомъ ничтожнаго дядю своего Вячеслава, потому что послѣдній былъ старшій изъ живыхъ Владиміровичей (Мономаха). Это признаніе было пустой формой; Вячеславъ ни во что не вмѣшивался, не имѣлъ дѣтей и вся власть на дѣлѣ принадлежала Изяславу; но эта формальность доставила Ростиславу, брату Изяслава, такую же власть, какой пользовался послѣдній. По той же самой причинѣ, т. е. потому, что нужны были предлоги, не искали Кіевскаго престола безспорно младшіе въ княжескомъ родѣ. Итакъ, мы не скажемъ съ авторомъ, что князья «бьются за

старшинство», тѣмъ менѣе, что «Святославичи хотятъ Кіева не для Кіева, а для старшинства». Напротивъ, мы утверждаемъ, что князья стараются пріобрѣсти лучшія и возможно бо́льшія владѣнія, оправдывая себя родовымъ старшинствомъ, смотря потому, которое изъ нихъ говорило въ ихъ пользу. До Андрея Боголюбскаго лучшимъ владѣніемъ въ Россіи былъ Кіевъ, и его-то домогался всякой князь, который имѣлъ на него хоть какую-нибудь тѣнь права. Стòитъ только вспомнить, какіе князья сидѣли въ этотъ періодъ на Кіевскомъ престолѣ: Мстиславъ Владиміровичъ, братья его Ярополкъ и Вячеславъ, Всеволодъ и Игорь Ольговичи изъ Святославова рода, Изяславъ и Ростиславъ Мстиславичи подъ дядей Вячеславомъ Владиміровичемъ, Юрій—его братъ, Изяславъ Давидовичъ изъ Святославова рода и Мстиславъ Изяславичъ. Не многіе изъ этихъ князей не были изгоняемы, иные по нѣскольку разъ, и какія были ихъ права? Всеволодъ былъ женатъ на старшей сестрѣ Изяслава Мстиславича — вотъ и все его право. Но что это за право! Еслибъ перебрать свойства тогдашнихъ князей, какимъ притязаніямъ не нашли бы мы предлога и основанія; однако о нихъ лѣтопись не говоритъ, а говоритъ, что Всеволодъ искалъ и получилъ Кіевскій престолъ. Всеволодъ отдалъ Кіевъ Игорю, брату своему, на томъ основаніи, что Мстиславъ также отдалъ Кіевъ своему брату! Эти предлоги сшиты бѣлыми нитками! И права другихъ не лучше въ томъ смыслѣ, что они не имѣютъ одного основанія, перваго условія правомѣрности. Каждый судится по особымъ правамъ, изъ-подъ которыхъ проглядываетъ совершенное безправіе. Напрасно силится г. Соловьевъ объяснить и оправдать все это. Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, какъ и объясненія и оправданія разлетаются при первомъ прикосновеніи юридической критики. Здѣсь скажемъ только, что отсутствіе твердаго, ясно сознаваемаго по*рядка наслѣдованія* въ кіевскомъ престолѣ еще болѣе доказы-

ваетъ, что этой сбивчивой и произвольной казуистикой заправляли осязательные, практическіе интересы, а не отвлеченное почитаніе родовыхъ разсчетовъ и правъ: будь послѣднее, они бы давнымъ-давно опредѣлились въ систему. Съ этой точки зрѣнія все сказанное авторомъ въ выписанныхъ нами мѣстахъ о Святославичахъ и ихъ стремленіяхъ, кажется намъ совершенно ошибочнымъ и неимѣющимъ никакого основанія.

Другой недостатокъ въ характеристикѣ этой эпохи, о которомъ мы уже говорили, состоитъ въ томъ, что авторъ не показываетъ ея связи съ предыдущей, и она у него выходитъ какъ-то сама по себѣ, въ противность естественному, историческому развитію. До смерти Мстислава исключенные князья отыскиваютъ часто въ общемъ владѣніи; послѣ смерти Мстислава до 1169 года они бьются за старшинство. Очень хорошо; но какъ же одно относится къ другому, почему послѣднее пришло послѣ, а первое ему предшествовало? Какъ вытекла изъ борьбы за участки въ общемъ владѣніи борьба за старшинство? Куда и къ чему идутъ эти перемѣны? На эти вопросы мы не находимъ отвѣта въ книгѣ г. Соловьева. Онъ передаетъ фактъ, не вникая въ его значеніе. Отсюда и недостаточность его взгляда. Еслибъ онъ всмотрѣлся въ цѣлый ходъ между-княжескихъ отношеній преемственно въ разныя эпохи и старался открыть начало, связующее ихъ въ единый живой организмъ, онъ непремѣнно обратилъ бы вниманіе на явленія, оставленныя имъ въ тѣни. Здѣсь мы опять должны напомнить о вотчинномъ началѣ, несправедливо пренебреженномъ авторомъ въ ущербъ его взгляду и цѣлому построенію системы между-княжескихъ отношеній. Теперь, въ эту эпоху, оно выражается еще сильнѣе, чѣмъ до смерти Мстислава. Лѣтописи наполнены указаніями на это начало. Постоянно упоминается отчина, постоянно говорится, что князь отыскиваетъ своей вотчины; много изъ нихъ даже на Кіевъ объявляютъ

притязанія какъ на отчину. Всего яснѣе, опредѣленнѣе высказано оно на 65 и 66 стр. Ипатьевской Лѣтописи: «Святославъ же Олговичь... скупишася съ сыновцомъ своимъ съ Святославомъ Всеволодичемъ, и посластася ко Изяславу Чернигову, рекуча:... братья есмы собѣ, а прими насъ къ собѣ; а се отцинѣ межи нама двѣ, одина моего отца Олга, а другая твоего отца Давыда, а ты, брате, Давыдовичь, а язъ Олговичь; ты же, брате, прими отца своего Давыдово, а што Олгово, а то нама дай, ать вѣ ся тѣмъ подиливѣ». Вотъ какъ смотрѣли князья на свои владѣнія, и ничто не могло быть естественнѣе этого взгляда. Чѣмъ слабѣе сознавалось единство рода, тѣмъ сильнѣе развивалось вотчинное начало. Такимъ образомъ въ томъ, что прежде князья исключались изъ общаго владѣнія, а теперь нѣтъ (хотя и есть нѣкоторые примѣры: укажемъ на Ивана Гирладника), мы видимъ шагъ впередъ въ развитіи вотчиннаго начала; ибо если племянникъ владѣетъ наравнѣ съ дядей, ясно, что признаны права нисходящихъ подлѣ правъ старшихъ боковыхъ. И прежде племянники владѣли въ одно время съ дядями, но подъ защитою и въ областяхъ отцовъ; теперь же мы видимъ, что племянники сироты владѣютъ въ одно время съ дядями, какъ самостоятельные князья. Въ непосредственной связи съ этимъ явленіемъ состоитъ и вопросъ о старшинствѣ между племянниками и дядями. Его появленіе несомнѣнно свидѣтельствуетъ о дѣятельномъ участіи вотчиннаго начала въ тогдашнемъ распорядкѣ владѣній; ибо только постепенное укоренѣніе мысли, что владѣніе есть частная собственность князя и законное наслѣдство его дѣтей, можетъ поднять вопросъ, чьи права лучше, сильнѣе на это владѣніе: сыновей или братьевъ? Вотъ почему неисключеніе младшихъ князей изъ владѣнія, споры о старшинствѣ являются въ нашихъ глазахъ какъ усиленіе вотчиннаго начала и упадокъ *родового*, — другими словами, какъ подготовленіе перехода кня-

жескихъ владѣній въ частную собственность князей, распаденія Руси на отдѣльныя, независимыя одна отъ другой части, и рѣшительнаго первенства нисходящихъ родственниковъ по прямой линіи передъ боковыми. Дѣйствительно мы видимъ, что въ эпоху, о которой теперь идетъ рѣчь, частные владѣльческіе интересы начинаютъ играть въ между-княжескихъ отношеніяхъ немаловажную роль (см. выше); раздробленіе Россіи усиливается, такъ что подлѣ прежнихъ отдѣльныхъ княженій— Черниговскаго, Полоцкаго, Галицкаго начинаютъ образоваться новыя части той же прежней, нераздѣльной Руси — Кіевское, Смоленское, Владимірское, Муромское. Наконецъ родъ Кіевскихъ князей ясно показываетъ, что права старшихъ въ родѣ далеко не безусловны. Разумѣется здѣсь мы указываемъ только на тѣ явленія, въ которыхъ выразились новыя понятія, отрицавшія родовое начало со всѣми его послѣдствіями. Но исторія не нитка: ее въ струнку не вытянешь; рядомъ съ этими зачатками новаго порядка вещей продолжало существовать старое, и ихъ взаимныя отношенія были тѣмъ неопредѣленнѣе, случайнѣе, что тогдашній нашъ бытъ былъ крайне неопредѣленъ. Оттого мы нисколько не думаемъ опровергать г. Соловьева, но хотимъ только дополнить его взглядъ и исправить его, на сколько онъ ошибоченъ безъ этого необходимаго дополненія.

Одна неправильность, натяжка, непремѣнно влечетъ за собою другую; это неизмѣнное правило. Взглянувши односторонно на эпоху, авторъ по необходимости долженъ былъ сдѣлать еще много другихъ натяжекъ, чтобъ сдѣлать правдоподобнымъ свое воззрѣніе. Пятая глава изобилуетъ произвольными соображеніями, перетолкованіями лѣтописей, прибавками отъ себя, такъ что историческая основа почти теряется и едва видна изъ-за блестящей, мастерской, но не всегда вѣрной картины. Подробный разборъ докажетъ это.

На стр. 143. Вячеславъ названъ старшимъ братомъ Ярополка, а на 131 младшимъ. Это описка. Тамъ же авторъ сдѣлалъ добавленіе отъ себя (см. стр. 143, «тогда Ярополкъ» и пр.). Въ лѣтописи: «Георгій Князь Володимеричь испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку вда Суждаль и Ростовъ, и прочюю волость свою, но не всю.» О намѣреніи, съ которымъ Юрій удержалъ часть — ни слова.

«Вѣроятно Ярополкъ хотѣлъ отдать ростовскую землю Изяславу: этою сдѣлкою онъ надѣялся успокоить братьевъ, помѣстивъ ихъ всѣхъ около себя на Руси, и отдавъ племянникамъ, какъ младшимъ, самую отдаленную область, на сѣверѣ». (Стр. 143—144).

Почему это вѣроятно, когда въ лѣтописи нѣтъ на то ни малѣйшаго намека, не сказано.—На стр. 141 авторъ говоритъ, что Переяславль былъ послѣ Кіева старшимъ столомъ въ областяхъ Мономаховичей. Выше мы видѣли, что Переяславль былъ во владѣніи разныхъ князей и старшихъ и младшихъ, стало быть онъ не былъ старшимъ столомъ. Новое подтвержденіе находимъ и въ эту эпоху. Переяславль былъ отданъ Андрею Владиміровичу, который, по мнѣнію г. Соловьева, былъ младшимъ братомъ Юрію (стр. 146).

«Юрій Ростовскій видѣлъ, какъ спорны Русскіе столы, и потому, поживъ нѣсколько времени на Руси, удалился въ свою вѣрную сѣверную волость; онъ былъ успокоенъ тѣмъ, что въ Переяславлѣ будетъ княжить младшій братъ его, а не сынъ старшаго брата: знакъ, что Изяславъ имѣлъ больше правъ на старшинство, чѣмъ Андрей Владиміровичъ, и потому казался опаснѣе дядѣ Юрію». (Стр. 146).

Новая натяжка. Въ лѣтописи ни слова объ этихъ соображеніяхъ Юрія.

Стр. 149. Авторъ пространно объясняетъ, какъ и почему Всеволодъ Ольговичъ сѣлъ на кіевскій престолъ, съ котораго прогналъ Вячеслава. Соображенія его такъ шатки, такъ произвольны, что противъ каждаго можно выставить по нѣскольку

равносильныхъ возраженій. Когда источники молчатъ, трудно дополнить пробѣлы соображеніями, особенно въ древней русской исторіи, гдѣ неопредѣленность, безпричинность явленій составляютъ правило. Стоитъ сравнить разсказъ этой эпохи по Лаврентьевской и Ипатьевской лѣтописямъ, чтобъ однажды навсегда отчаяться въ возможности дополнить эти промежутки изъ головы. Русская исторія не система Римскаго Права, развившаяся такъ строго-логически подъ перомъ юристовъ, что по двумъ, тремъ намекамъ можно возсоздать цѣлое ученіе.

«Святославичи сильно роптали на брата, что онъ переступилъ такой важный столъ, каковъ былъ Переяславскій, храброму Изяславу, а послѣдній, съ своей стороны, видѣлъ, что Всеволодъ щадитъ Мстиславичей только изъ страха, чтобы они не соединились съ дядьми, старшинство же прочитъ своему роду, и потому рѣшился примирить всѣхъ членовъ Мономаховой семьи и дѣйствовать наступательно противъ Святославичей; съ этою цѣлію онъ не усомнился поѣхать для личнаго свиданія къ заклятому врагу своему, Юрію Ростовскому, чтобы убѣдить его отложить вражду для блага цѣлаго народа; но притязанія дяди и племянника не могли быть соглашены, и оба князя разстались болѣе врагами, чѣмъ были прежде». (Стр. 161).

Въ лѣтописи сказано: «и не любяхуть сего (Всеволода) Олговичи, братья Всеволожа, и поропташа нань, оже любовь имѣетъ съ Мьстиславичи съ шюрьями своими, а съ нашими ворогы и осажалъся ими около, а намъ на безголовіе и безъмѣстье и собѣ. И тако молвяхутъ ему братья, и докучивахуть ему пойти ратью на Мьстиславичи; онъ же воли ихъ не учини.» (Ипат. стр. 19). «Тое же зимы изиде Изяславъ къ стрыеви своему Дюрдсви Суждалю, и не уладився съ нимъ, иде ко брату своему Ростиславу Смоленьску, и оттолѣ иде къ другому брату своему Святополку Новугороду» и т. д. (тамъ же).

Стоитъ сравнить слова лѣтописи и автора, чтобъ увидать, сколько онъ произвольно прибавилъ отъ себя. Такія амплификаціи непріятно видѣть въ такомъ превосходномъ историческомъ трудѣ...

Стр. 165. «Ольговичи, Игорь и Святославъ уступили желанію народа и цѣловали крестъ, что отнынѣ не будетъ ему никакого насилія, и что тіуны будутъ избираемы по волѣ гражданъ». Въ лѣтописи: «а се вамъ и тіунъ, а по вашей воли» (Ипат. Лѣт. стр. 22). Важная не точность, возводящая частный случай въ общее правило и совершенно измѣняющая смыслъ словъ.

На стр. 166 авторъ разсказываетъ, что «люди бывшіе въ большой чести у Всеволода и брата его» вмѣстѣ съ кіевскими гражданами передались Изяславу, и замѣчаетъ при этомъ, что измѣна первыхъ «всего страннѣе казалась для современниковъ». Но лѣтописецъ не изъявляетъ ни малѣйшаго удивленія и разсказываетъ такъ: «Всекозненный же дьяволъ, не хотя любви межи братьею, вложи въ сердце злымъ съвѣтомъ Улѣбови тысячьскому, Иванови Вонтишичю, иже съ вѣщаста съ вѣтъ золъ съ Кіяны» и т. д. (Ипат. Лѣт. стр. 23). Подобныя фразы встрѣчаются въ лѣтописи во многихъ мѣстахъ и далеко не выражаютъ удивленія, а только мнѣніе, судъ лѣтописца. А между тѣмъ и другимъ большая разница: удивись лѣтописецъ, мы были бы вправѣ заключить, что подобныя измѣны рѣдко встрѣчались, что они не были въ нравахъ, — и точка зрѣнія на эпоху совершенно измѣнилась бы. Нѣтъ! клятвопреступленія, измѣны, обманы и насилія вызывали тогда не удивленіе, а сожалѣніе и сѣтованіе: они были слишкомъ обыкновенны, чтобъ можно было имъ удивляться.

На той же страницѣ, въ примѣчаніи, авторъ объясняетъ причину измѣны со стороны бояръ: «Поведеніе этихъ бояръ объяснить легко: они видѣли всеобщую ненависть къ Ольговичамъ, знали, что имъ не удержаться, и потому спѣшили соединиться съ гражданами, чтобъ удержать ихъ расположеніе и благосклонность новаго князя, которому они доставляли столъ» (*стр.* 166 и 167 въ примѣчаніи). Это не объясненіе а гипо-

теза, неоснованная ни на какомъ свидѣтельствѣ, ни на какихъ данныхъ.

Мѣсто Игоря заступилъ на кіевскомъ престолѣ Изяславъ Мстиславичъ. По этому поводу авторъ говоритъ:

«Торжество Изяслава надъ Игоремъ было торжествомъ Мономахова рода надъ Святославовымъ, но вмѣстѣ и торжествомъ новаго представленія — о старшинствѣ старшаго племянника надъ дядьми. Торжеству этого представленія способствовали слѣдующія обстоятельства: если бы Изяславъ, по примѣру дѣда своего, свято уважалъ права старшихъ родичей, то подобно Мономаху же, былъ бы принужденъ гражданами принять великокняжеское достоинство: слабый Вячеславъ, старшій изъ дядей, не могъ ни управлять самъ, ни защищать Кіевъ отъ Черниговскихъ и Половцевъ; здѣсь мы можемъ оставить даже *бы*, и говорить утвердительнѣе, основываясь на слѣдующемъ: Изяславъ, двинувшись къ Кіеву на Ольговичей, объявилъ, что идетъ возвратить дѣдовскій столъ старшему брату своему (дядѣ) Вячеславу; что же кромѣ воли гражданъ, могло заставить его перемѣнить намѣреніе? Такъ, когда послѣ Юрій бѣжалъ изъ Кіева передъ Изяславомъ, а Вячеславъ занялъ его мѣсто, то граждане вышедши на встрѣчу къ Изяславу, говорили ему: «Гюрги вышелъ изъ Кіева, а Вячьславъ сѣдить ти въ Кіевѣ; а мы его не хочемъ». Юрія Ростовскаго не знали на югѣ, и еще хуже, если бы знали: по своему характеру онъ не могъ привлечь любви народной, которою пользовался въ высокой степени племянникъ его Изяславъ. Послѣдній зналъ, что посадить на Кіевскій столъ Вячеслава значитъ дать дорогу притязаніямъ Юрія, непримиримаго врага своего, и потому принялъ на себя старшинство. Сперва Вячеславъ надѣялся было, что племянникъ почтитъ его, и потому, узнавъ о низложеніи Ольговичей, забралъ назадъ города, отнятые у него прежде Всеволодомъ; мало того, началъ уже, какъ старшій, распоряжаться волостями, занялъ Владиміръ Волынскій и посадилъ въ немъ племянника Владиміра Андреевича. Но Изяславъ спѣшилъ показать, какъ онъ намѣренъ дѣйствовать въ отношеніи къ дядьямъ: онъ послалъ брата Ростислава и племянника Святослава Всеволодовича на Вячеслава, и отнялъ у него Туровъ, гдѣ посадилъ сына своего Ярослава, а стольный городъ Мономаха, Переяславль отдалъ старшему сыну Мстиславу. Такое распоряженіе могло оскорбить братьевъ Изяславовыхъ, особенно старшаго, Ростислава Смоленскаго; но вѣроятно этотъ нехрабрый и вовсе нечестолюбивый князь самъ отказался отъ Переяславля: здѣсь онъ долженъ былъ безпрестанно отбивать Черниговскихъ, Половцевъ и вступить въ смертельную вражду съ дядею Юріемъ, чего онъ никакъ не хотѣлъ». (Стр. 168—170).

Послѣднія слова дополняются и объясняются замѣчаніемъ

(стр. 154), что Юрій любилъ Ростислава «за неучастіе въ борьбѣ братьевъ съ дядями и за постоянное уваженіе къ послѣднимъ.»

Если занятіе Кіева Изяславомъ было торжествомъ новаго представленія о старшинствѣ, то оно недолго продолжалось, а именно съ 1146 по 1150 годъ; въ этомъ году Изяславъ, чтобъ дать благовидность своему княженію въ Кіевѣ и упрочить власть, призналъ княземъ кіевскимъ дядю своего Вячеслава, слѣдовательно опять восторжествовало представленіе о старшинствѣ дядей? — Можно ли назвать такой кратковременный перевѣсъ торжествомъ? Тутъ ошибка вся въ томъ, что г. Соловьевъ хочетъ провести рѣзкую черту между господствомъ различныхъ понятій, что рѣшительно невозможно. Долго существуютъ противоположныя начала одно возлѣ другаго, пока одно не возьметъ наконецъ верхъ, дѣйствительно не восторжествуетъ. — Далѣе авторъ говоритъ, что воля народная заставила Изяслава перемѣнить намѣреніе и вмѣсто того, чтобъ доставить кіевскій престолъ дядѣ, сѣсть самому. Едва ли! Еслибъ такъ было, Изяславъ не сказалъ бы Вячеславу: «согрѣшилъ есмь первое, а того ся каю; а изнова коли ми Богъ далъ побѣдити Игоря у Кыева, а я есмь тобѣ чести не положилъ,.. нынѣ же, отце, того всего каюся предъ Богомъ и предъ тобою». (Ипат. Лѣтоп. стр. 57); Вячеславъ не сказалъ бы Юрію: «язъ, Рускыя дѣля земли и хрестьянъ дѣля, того всего не помянулъ, но и еще вамъ есмь явилъ, оже Изяславъ ѣда биться съ Игоремъ, тако молвить: язъ Кіева не собѣ ищю, но оно отецъ мой Вячьславъ братъ старѣй, а тому его ищю—а то ти молвить биться ѣда — а и Богъ ему помоглъ, а онъ же Кіевъ собѣ, и еще надъ тѣмъ и Туровъ и Пинескъ у мене отнялъ, то ти Изяславъ мя тѣмъ пріобидилъ» (тамъ же стр. 61). Эти выписки доказываютъ, что Изяславъ, не хуже другихъ хотѣлъ *Кіева себѣ*, а говорилъ, что отыскиваетъ его для дяди, только

чтобъ имѣть благовидный предлогъ. Всѣ они такъ дѣйствовали! Что Кіевляне позднѣе говорили, не хотимъ Вячеслава—ничего не доказываетъ; позднѣй не захотѣли, а прежде могли хотѣть или по крайней мѣрѣ не препятствовать ему владѣть Кіевомъ. Потомъ, почему авторъ знаетъ, что Юрія не знали на югѣ? Откуда это видно? Также неосновательно разсужденіе, почему Изяславъ не посадилъ Вячеслава на кіевскій престолъ въ 1146 году; вѣдь посадилъ же онъ его четыре года спустя. Что жь? Развѣ теперь изчезли опасенія открыть Юрію дорогу къ великокняжескому достоинству? Наконецъ также произвольно объясненіе, почему Ростиславъ не получилъ Переяславля. Откуда взялъ авторъ, что Ростиславъ никакъ не хотѣлъ вступить во вражду съ Юріемъ? Изъ чего онъ видитъ, что Юрій любилъ его, что Ростиславъ не принималъ участія въ борьбѣ съ дядями, уважалъ ихъ? Гдѣ на все это доказательства? Самъ же г. Соловьевъ говоритъ, что Ростиславъ ходилъ на дядю своего Вячеслава и отнялъ у него Туровъ (стр. 170), хотя и настоятельно совѣтовалъ своему брату «положити честь на стрыи своемъ и на отци своемъ» (Вячеславѣ) (Ипат. Лѣт. стр. 58). Откроемъ Лѣтопись: въ 1148 году онъ ходилъ съ Изяславомъ на Юрія и воевалъ его волость (Ипат. Лѣт. стр. 40); въ 1149 году, онъ приходилъ съ своими войсками на помощь къ Изяславу противъ Юрія и принималъ участіе въ войнѣ до самаго вступленія Юрія въ Кіевъ (тамъ же стр. 42—45); то же было опять въ 1151 году, когда Юрій приходилъ на Кіевъ (тамъ же, стр. 58, 59 и слѣдующія). Вотъ еслибъ авторъ сказалъ тоже самое объ отношеніяхъ Ростислава къ Изяславу, мы согласились бы съ нимъ совершенно, потому что Ростиславъ никогда съ нимъ не воевалъ; напротивъ, по каждому призыву, являлся съ войсками, и даже совѣтуя брату помириться съ дядей, исполнилъ однако его волю и ходилъ на Вячеслава.

О послѣднемъ говоритъ г. Соловьевъ, что онъ не могъ управлять самъ, а въ примѣчаніи, что имъ управляли бояре, и ссылается на 25 стр. Ипатьевской Лѣтописи. Мы справлялись съ нею и не нашли ничего подобнаго. Вотъ ея слова: «Вячеславъ же се слышавъ, надѣяся на старшьство и послушавъ бояръ своихъ, не приложи чести къ Изяславу» и т. д. Кто не согласится, что быть управляему боярами и послушаться ихъ совѣта въ данномъ случаѣ — большая разница.

Точно такъ же ни на чемъ не основаны слѣдующія соображенія:

«Силы Юрія Ростовскаго не были въ уровень съ силами Мстиславичей, область его была обширна, но мало населена, и потому онъ не могъ рѣшиться подать дѣятельную помощь союзникамъ, при томъ мы узнаемъ послѣ лѣнь Юрія, его неспособность къ быстрымъ ратнымъ движеніямъ» (стр. 174).

«Тогда Святославичи увидали необходимость просить мира у Изяслава, который и далъ имъ его, желая умирить югъ, дабы имѣть возможность нанести сильный ударъ Юрію въ собственныхъ областяхъ его. Тогда же старшій сынъ Юрія, Ростиславъ, отчаявшись въ успѣхѣ отцовскаго дѣла, перешелъ на сторону Изяслава, призналъ его старшинство и получилъ города на Руси, которые прежде держалъ Всеволодичь Святославъ.» (стр. 175).

Замѣчаніе, почему Ростиславъ Юрьевичъ пришелъ къ Изяславу особенно потому любопытно, что оно противорѣчитъ двумъ лѣтописямъ. Въ Лаврентьевской Ростиславъ говоритъ дружинѣ: «любо си ся на мя отцю гнѣвати, не иду къ ворогомъ своимъ, то суть были ворози и дѣду моему и строемъ моимъ; но поидемъ, дружино моя, къ Изяславу, то ми есть сердце свое, ту ти дасть на волость» (стр. 138). Въ Ипатьевской сказано: «Въ то же веремя пришелъ бѣ Гюргевичь старѣйшій Ростиславъ, роскоторовся съ отцемъ своимъ, о же ему отець волости не далъ въ Суждальской земли» (стр. 39).

«Но непріятности ждали Изяслава съ другой стороны. Мы уже нѣсколько разъ имѣли случай замѣтить, какъ народъ благоговѣлъ къ памяти Мономаха *въ противоположныхъ концахъ* русскихъ владѣній, на Сѣверѣ, Востокѣ и Югѣ,

въ Новгородѣ, Курскѣ и Кіевѣ граждане отказывались поднимать руки на Мономаховичей; они съ ужасомъ смотрѣли на усобицу въ потомствѣ того, кто всю жизнь трудился надъ примиреніемъ братіи; распря въ семьѣ Мономаха казалась народу грѣховнымъ поруганіемъ надъ памятью великаго братолюбца и добраго страдальца за русскую землю: такъ Мономахъ, и по смерти своей оставался хранительнымъ духомъ Руси; и по смерти сдерживалъ ненавистныя ему при жизни усобицы родовыя!» (стр. 178).

Еслибъ авторъ потрудился счесть, сколько разъ народъ дрался въ усобицахъ между Мономаховичами, и сколько разъ отказывался драться, онъ бы не сказалъ, что духъ Мономаха сдерживалъ родовыя усобицы. Слова его впрочемъ сильно отзываются фразой и безъ этого доказательства.

«Другой сынъ Юрія, знаменитый въ послѣдствіи Андрей Боголюбскій, изъ начала нелюбившій старую южную Русь, также увѣщевалъ отца примириться съ Изяславомъ, и покинуть сторону, которая ничего не обѣщала, кромѣ усобицъ». (Стр. 182)...«Такимъ образомъ при Рутѣ сошлись два двоюродныхъ брата, одинъ—Изяславъ, полный представитель старой Руси, доблестный вождь дружины, сражающійся для чести, для славы, но не для силы; другой—человѣкъ будущаго, который ненавидѣлъ старину на югѣ, и непреодолимою силою влекся къ сѣверу, чтобы тамъ положить основаніе государству, чтобъ изъ князя-вождя дружины, стать первымъ княземъ правителемъ, первымъ самовластцемъ» (Стр. 190).

Что Изяславъ дрался «для чести, для славы, а не для силы»—невидно вовсе. Также мало видны ненависть Андрея къ кіевской старинѣ и влеченіе на сѣверъ для того, чтобъ стать тамъ самовластцемъ. Просимъ автора показать намъ хоть одно мѣсто въ лѣтописи, что Андрей изъ нелюбви къ южной Россіи уходилъ на сѣверъ или убѣждалъ къ тому своего отца.

На страницѣ 184 и 185 находимъ очень вѣрное замѣчаніе объ отношеніи князей къ остальному населенію; но мѣсто изъ лѣтописи, приведенное въ доказательство, урѣзано и чрезъ это смыслъ его искаженъ.

Изяславъ, видя, что не можетъ противиться съ одною своею дружиною, удалился и самъ. Это событіе показываетъ намъ отношенія того времени.

Князья, съ своею вѣрною дружиною, сохраняютъ прежній характеръ неустрашимыхъ бойцовъ, предпочитающихъ смерть постыдному бѣгству. Но не такъ думаютъ сбродныя полчища варваровъ пограничныхъ, не такъ думаютъ граждане: родовыя отношенія князей, произведшія безпрестанную ихъ смѣну, сдѣлали подданныхъ равнодушными къ особѣ правителей, они любятъ князя за его личныя доблести, но вѣрны ему тогда только, когда онъ силенъ, когда на его сторонѣ счастіе. «ты нашъ князь, коли силенъ будеши!...» (стр. 184).

Въ Ипатьевской лѣтописи (стр. 51) это мѣсто читается такъ: «И начаша Черніи Клобуци молвити Изяславу: княже! сила его велика, а у тебе мало дружины, да же не перейдеть на ны черезъ рѣку, не погуби насъ, ни самъ не погыни; но ты нашъ князь, коли силенъ будеши, а мы съ тобою, а нынѣ не твое веремя, поѣди прочь», то есть, другими словами: если будешь теперь биться съ врагами, ты погубишь и насъ и себя; но вѣдь ты нашъ князь; какъ только ты соберешься съ силами, мы тотчасъ же примкнемъ къ тебѣ, а теперь не твое время; поѣзжай лучше прочь. Очевидно, смыслъ вовсе не тотъ, какой придалъ этимъ словамъ г. Соловьевъ, неправильно перерѣзавъ фразу. У него Клобуки признаютъ князя, если онъ силенъ; по нашему мнѣнію, они, напротивъ, убѣждаютъ его въ свой преданности и только совѣтуютъ удалиться на время, потому что непріятель сильнѣе его. Впрочемъ мы не понимаемъ, почему выбралъ авторъ именно это мѣсто въ подтвержденіе своей мысли; доказательства разсѣяны по лѣтописи. Нѣкоторыя мы привели выше.

На стр. 191: «Сѣча (при Рутѣ) была одна изъ самыхъ кровопролитныхъ въ исторіи усобицъ княжескихъ». Въ лѣтописи: «Съ ступившимъся пълкомъ, бысть сѣча крѣпка». (Ипат. Лѣтоп. стр. 63.)

На стр. 193 и 194 находимъ характеристику Изяслава Мстиславича. Многія черты вѣрны, но другія тоже вѣрныя не вошли въ нее; оттого этотъ князь идеализированъ, и слова автора, представляя его собственное воззрѣніе на древнюю Русь,

невполнѣ вѣрно воспроизводятъ историческое лицо. Въ подтвержденіе мысли, что «Изяславъ былъ образцомъ тѣхъ южныхъ князей-богатырей, которые предпочитали всему честьи славу, которые славу русской земли полагали въ томъ, что князья ея никогда не были побѣждены на полѣ брани» (стр. 193), г. Соловьевъ-приводитъ слова, сказанныя Изяславомъ князьямъ и дружинѣ передъ битвой на р. Санѣ съ Владиміркомъ Галицкимъ:

«Братья и дружино! Богъ всегда Русскыя землѣ и Рускихъ сыновъ, въ безчестьи не положилъ есть, на всѣхъ мѣстехъ честь свою взимали суть; нынѣ же, братья, ревнуимы тому вси, у сихъ земляхъ и передъ чюжими языки даѣ ны Богъ честь свою взяти.» (Стр. 194).

Это доказательство очень слабо, ибо почти точно такими же словами говорилъ и Юрій Долгорукій, про котораго г. Соловьевъ говоритъ, что онъ «не былъ похожъ на отца ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи: какъ правитель и какъ человѣкъ онъ не могъ заслужить уваженія и привязанности родичей и чужихъ» (стр. 149), — что его не знали на югѣ и было бы «еще хуже, еслибы знали: по своему характеру онъ не могъ привлечь любви народной» (стр. 169),—что онъ былъ лѣнивъ и неспособенъ къ быстрымъ ратнымъ движеніямъ (стр. 174), — что онъ имѣлъ «вовсе не любезный характеръ» (стр. 189), и слѣдовательно былъ самымъ разительнымъ контрастомъ Изяслава. Вотъ эти слова Юрія къ Святославу Ольговичу: «сыновець мой Изяславъ, на мя пришедъ, волость мою повоевалъ и пожегъ, и еще и сына моего выгналъ изъ русьской земли, и волости ему не далъ и соромъ на мя взъложилъ; а любо соромъ сложю и земли своей мьщю, любо честь свою налѣзу паки ли а голову свою сложю» (Ипатьев. Лѣтоп. стр. 42). Не правда ли, и это рѣчь князя-богатыря? Чѣмъ рѣчь Изяслава лучше въ богатырскомъ смыслѣ? Кстати замѣтимъ здѣсь, что характеристики, заключающіяся въ

пятой главѣ, очень неудовлетворительны: всѣ онѣ произвольны и сильно отзываются общими мѣстами. Оно и понятно. Матеріяловъ въ лѣтописяхъ нѣтъ для полной исторической характеристики, и большею частью князья удивительно какъ похожи другъ на друга, съ той только разницей, что одинъ былъ похрабрѣй, другой трусливѣй, одинъ открыто нарушалъ клятвы, какъ Владимірко, другой подъ разными предлогами; одинъ добивался получить побольше владѣній, другой былъ смирнѣй и лѣнивѣй. Вотъ и все. Конечно въ этомъ не лѣтописцы виноваты. Жизнь не представляла никакой пищи, никакого содержанія для развитія выпуклыхъ, рѣзкихъ личностей, безъ которыхъ и характеристики не возможны, а возможны одни физіологическіе очерки. Нѣтъ сомнѣнія, что и тогда были люди, щедро одаренные природой умственными и нравственными способностями, но изъ всего этого ничего не вышло, по недостатку живительной стимулирующей среды. Этого не понялъ или не хотѣлъ понять авторъ, и оттого всѣ его усилія очертить тогдашнихъ историческихъ дѣятелей произвели только блѣдные, натянутые и неестественные образы.

На стр. 197 авторъ разрѣшаетъ вопросъ: какое право имѣлъ Изяславъ Давидовичъ быть представителемъ Святославова рода и его правъ на старшинство, на Кіевъ, при жизни Святослава, сына Олегова?

«Вспомнимъ, что самъ Святославъ добровольно соступился со старшинства; послѣ несчастія съ братомъ его Игоремъ, онъ говорилъ Давидовичамъ: «не хочу ни волости, ни чего другаго, только выпустите мнѣ брата!» и послѣ онъ не искалъ Чернигова подъ Давидовичами, даже при торжествѣ своего союзника Юрія, тѣмъ болѣе не могъ этого сдѣлать при торжествѣ Мстиславичей, слѣдовательно Изяславъ, сидя на старшемъ столѣ въ Святославовомъ родѣ, переносилъ на себя представительство этого рода и право его на Кіевъ» (стр. 197—198).

Странно, даже смѣшно читать это объясненіе. Нѣсколько разъ авторъ самъ доказывалъ, что Святославичи потеряли

право на старшинство и кіевскій престолъ, — нѣсколько разъ самъ разсказывалъ, какъ младшіе князья присвоивали себѣ право старшихъ, а теперь изыскиваетъ правомѣрное основаніе для притязаній Изяслава Давидовича! Не значитъ ли это себя обманывать и вводить другихъ въ заблужденіе? Гдѣ царствуетъ безправіе и величайшій произволъ, можетъ ли встрѣтиться трудный вопросъ, требующій объясненія? Все понятно!

Стр. 201: «Едва узналъ народъ о кончинѣ нелюбимаго князя, какъ не могъ удержать своей ненависти; дворы его и сына его были разграблены, Суздальскіе тіуны по городамъ и селамъ были побиты, имѣніе ихъ расхищено». Въ лѣтописи (Ипат. стр. 81) сказано Суждалци, а не Суздальскіе тіуны, а это большая разница.

Объясненіе, почему Изяславъ Давидовичъ, однажды лишившійся уже Кіевскаго престола, опять занялъ его по смерти Юрія, также исполнено догадокъ и соображеній, ничѣмъ не доказанныхъ и ни на чемъ не основанныхъ. Одно правда, что «раздѣленіе въ родѣ Мономаховичей дало... возможность Святославичу достать старшинство». Сила съ одной стороны, безсиліе съ другой. Тогда это было самымъ лучшимъ правомъ. Замѣтимъ также противорѣчіе: авторъ, какъ мы видѣли, вездѣ проводитъ мысль, что Андрей Боголюбскій не любилъ южной Руси и стремился на сѣверъ, чтобъ стать тамъ самовластцемъ. Какимъ же образомъ, спрашивается, Мстиславъ Изяславичъ занятіемъ Кіева могъ бы вооружить противъ себя Андрея, который былъ старше его? Если Андрей не думалъ объ югѣ и Кіевѣ, какое было ему дѣло, кто будетъ Кіевскимъ княземъ?

«Ростиславъ сначала заключилъ тѣсный союзъ съ Ольговичами: князья пировали вмѣстѣ и богато дарились (Ипатьев. 86); но Кіевляне, постоянно питавшіе ненависть къ Ольговичамъ, не могли равнодушно смотрѣть на такую пріязнь, а когда В. Князь послалъ сына своего Рюрика на помощь къ Оль-

говичамъ противъ Изяслава Давидовича, граждане Кіевскіе и варвары заставили его взять въ заложники Всеволода, сына Святослава Всеволодовича: «Ростиславъ бяше поялъ у Святослава Всеволода сына его, увѣряя Кіяны и Берендѣ, бяху бо не вѣрующе за свое согрѣшеніе». (Ипатьев. 86), (стр. 205—206).

Вотъ рядомъ разсказъ автора и опроверженіе его: въ выпискѣ изъ лѣтописи ни слова о ненависти Кіевлянъ къ Ольговичамъ, ни слова о томъ, что Кіевляне заставили Ростислава взять Всеволода въ заложники. Смыслъ вотъ какой: Кіевляне, виноватые передъ Ольговичами, не довѣряли имъ; Ростиславъ, чтобъ успокоить ихъ, разсѣять ихъ опасенія, взялъ въ залогъ Всеволода. Смыслъ совершенно другой.

Стр. 209. Авторъ говоритъ, что старшая дружина осердилась на Владиміра Мстиславича за то, «что онъ не объявлялъ ей своихъ совѣтовъ». Опять частный случай обобщенъ, въ ущербъ строгой, исторической истинѣ. Въ лѣтописи (Ипат. стр. 97) сказано, что Владиміръ Мстиславичъ началъ сноситься съ Берендѣями противъ Мстислава Изяславича и объявилъ о томъ своей дружинѣ: «И рекоша ему дружина его: о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали». То есть въ лѣтописи выходитъ, что князь не объявилъ, а г. Соловьевъ вывелъ изъ этого цѣлый образъ дѣйствій Владиміра въ отношеніи къ дружинѣ.

Довольно этихъ выписокъ. Многія мѣста, подобныя этимъ, мы опустили. Но еслибъ захотѣть слѣдить за каждымъ словомъ автора и непремѣнно указывать на каждую неточность и произвольность въ выраженіяхъ—разборъ пятой главы, и безъ того уже слишкомъ длинный, вышелъ бы вдвое длиннѣе подлинника.

Второй отдѣлъ разсужденія г. Соловьева обнимаетъ періодъ времени отъ взятія Боголюбскимъ Кіева до вступленія на великокняжескій престолъ Іоанна Калиты. Теперь, по словамъ автора, обнаружилось стремленіе смѣнить родовыя отношенія го-

сударственными. Мы видѣли, справедливо ли это. Что касается до фактовъ, они изложены превосходно; не всегда можно согласиться съ значеніемъ, которое имъ придаетъ авторъ, но вообще разсказъ ихъ проще, менѣе изобилуетъ соображеніями, и потому ближе къ дѣйствительности.—Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ шесть главъ. Мы ихъ разсмотримъ по порядку.

При Андреѣ Боголюбскомъ начинаетъ обнаруживаться новый порядокъ вещей, пересоздавшій современемъ политическій бытъ древней Россіи. Самъ Андрей былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ представителей этого новаго порядка. Онъ первый задумалъ быть «самовластцемъ» въ патріархально-родовомъ смыслѣ этого слова: не терпѣлъ родовой іерархіи въ своихъ владѣніяхъ, которая опутывала и стѣсняла одинаково и младшихъ и старшихъ князей, и потому не далъ своимъ братьямъ и племянникамъ волостей и выгналъ ихъ изъ своихъ владѣній. Кіевъ — сѣдалище, центръ родовой, политической системы, основанной Ярославомъ, утратилъ значеніе первенствующаго города, зависѣлъ отъ Андрея и изъ его рукъ получалъ князей наравнѣ съ другими подвластными городами; даже въ церковномъ отношеніи Андрей хотѣлъ освободить свои владѣнія отъ южной Россіи и замышлялъ учредить во Владимірѣ особенную митрополію, которая бы поставила его въ непосредственныя отношенія съ константинопольскимъ патріархомъ, равныя съ кіевской митрополіей. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ видѣнъ собственникъ, владѣлецъ, а не членъ рода,—и это дѣлаетъ его, по всей справедливости, зачинателемъ новой эпохи русской исторіи.

Съ нимъ общее владѣніе уступаетъ мѣсто отдѣльной собственности, единство Россіи—раздробленію ея на отдѣльныя, самостоятельныя части, права, основанныя на родовыхъ разсчетахъ—преимуществу силы. Все это конечно было подготовлено предыдущимъ порядкомъ вещей; въ немъ мы видѣли за-

чатки распаденія Россіи на части и разложенія родового начала; мы видѣли, что и прежде владѣнія были главной цѣлью князей, только эти цѣли прикрывались внѣшнимъ признаніемъ родового начала, которое своею запутанностію давало легкіе поводы благовидно домогаться той или другой волости. Но княженіе Андрея потому составляетъ эпоху, что онъ явно отрицалъ родовой распорядокъ, явно и открыто дѣйствовалъ во имя стремленій, которыя прежде таились подъ старыми формами и не смѣли выступить прямо, своимъ лицомъ. Г. Соловьевъ, вообще согласный съ этимъ взглядомъ на Андрея, выводитъ новый характеръ нашей исторіи изъ мѣстныхъ условій сѣверо-восточной Руси и не видитъ въ немъ прямого, естественнаго продолженія того, что уже происходило въ южной Россіи. Это его слабая сторона, которая вовлекла его въ натяжки, превратное истолкованіе историческихъ данныхъ и ложное пониманіе нашего древнѣйшаго городового устройства; рядъ неправильныхъ выводовъ былъ послѣдствіемъ этой гипотезы, слабо защищенной имъ противъ нападокъ съ различныхъ сторонъ. И въ первой главѣ второго отдѣла она заставила автора написать объ Андреѣ Боголюбскомъ нѣсколько страницъ, въ подтвержденіе которыхъ или вовсе нѣтъ фактовъ, или есть, но ничего неговорящіе въ его пользу и перетолкованные авторомъ слишкомъ произвольно. Такъ какъ мы высказали уже свое мнѣніе о гипотезѣ г. Соловьева, то, неостанавливаясь на ней теперь, разскажемъ результаты его изслѣдованій объ этой эпохѣ русской исторіи.

Съ борьбою Андрея и Ростиславичей характеръ княжескихъ отношеній измѣняется; прежде исключенные князья бились за часть въ общемъ владѣніи; потомъ происходила борьба за старшинство между племянниками и дядями: теперь начинается борьба за родовое начало; южные князья его отстаиваютъ, *владимірскіе* стараются упразднить.

«Здѣсь—говоритъ авторъ—борются не за волости отцовскія и не за старшинство, но князья южные, или Ростиславичи борются за старый порядокъ вещей, за старую Русь, за родовой бытъ, который хотятъ упразднить Юрьевичи. Въ этой великой и многозначительной борьбѣ обѣ враждебныя линіи княжескія, или лучше сказать, обѣ Руси выставляютъ каждая по двое князей для борьбы: Русь старая, Ростиславичи, выставляютъ двоихъ Мстиславовъ, — отца и сына, прямыхъ правнуковъ Мономаха, представлявшихъ образецъ князей стараго времени, героевъ въ битвахъ, щедрыхъ къ дружинѣ и народолюбивыхъ; новая, сѣверная Русь, имѣетъ представителями двоихъ братьевъ, Юрьевичей, Андрея Боголюбскаго и Всеволода III. Оба князя стремятся къ уничтоженію прежнихъ родовыхъ отношеній» (стр. 223 и 224).

Впрочемъ этой борьбой неисчерпывались всѣ между-княжескія отношенія въ это время. Какъ сыновья Юрія были представителями новаго порядка вещей въ отношеніи къ Ростиславичамъ, такъ послѣдніе, въ свою очередь, отстаивали новое противъ Ольговичей Черниговскихъ.

«Святославъ Всеволодовичъ хочетъ воспользоваться также враждою въ родѣ Мономаховомъ между Мстиславичами и Юрьевичами и добыть себѣ Кіевъ. Здѣсь въ первый разъ Мономаховичи ясно говорятъ Ольговичамъ, что западная сторона Днѣпра принадлежатъ имъ не можетъ; Ярославъ велѣлъ сказать Святославу: «Зачѣмъ ты вступаешься въ нашу отчину, тебѣ эта страна ненадобна». Святославъ отвѣчалъ ему: «Я не Угринъ и не Ляхъ, мы все одного дѣда внуки, и сколькими степенями ты отстоишь отъ него, сколькими и я!» Слова многозначительныя! Въ то время, когда Мстиславичи боролись съ новыми понятіями, явившимися на сѣверѣ, когда такъ геройски отстаивали родовыя отношенія между старшимъ княземъ и младшими,—въ то самое время, съ другой стороны, они должны были вести борьбу съ княземъ, для котораго уже Мстиславичи являются нововводителями, нарушителями стараго порядка вещей, съ княземъ, который стоитъ нетолько за родовыя отношенія между В. княземъ и младшими князьями, но напоминаетъ объ единствѣ всего потомства Ярославова, ратуетъ за общность владѣнія всею Русскою землею, тогда какъ Мстиславичи хотятъ удержать Кіевъ навсегда за собою. Такимъ образомъ въ одно и тоже время, въ разныхъ концахъ Руси, идетъ борьба за три разные порядка вещей, которыхъ представителями являются линіи Ярославова потомства. Ольговичи бьются за нераздѣльность цѣлаго рода Ярославова: мы всѣ внуки одного дѣда, говорятъ они. Мстиславичи хотятъ исключить Ольговичей изъ старшинства и владѣнія Кіевомъ, но хотятъ поддержать родственныя отношенія между старшими и младшими въ Мономаховичахъ: не хотимъ слушаться тебя, говорятъ они Андрею, потому что ты обходишься съ

нами не какъ съ князьями, но какъ съ подручниками. Наконецъ Юрьевичи стараются замѣнить родственныя отношенія государственными, смотрятъ на младшихъ князей не какъ на младшихъ братьевъ, но какъ на подчиненныхъ правителей: вы не слушаетесь меня, такъ ступайте вонъ изъ Русской земли, говоритъ Андрей Ростиславичамъ. Побѣда, какъ мы видѣли, осталась на сторонѣ послѣднихъ, но они, воспротивившись насильственнымъ поступкамъ Андрея, остались однако вѣрны своимъ понятіямъ и продолжали смотрѣть на Боголюбскаго, какъ на старшаго въ родѣ Мономаха» (стр. 229—231).

Послѣ Андрея, такъ энергически проводившаго типъ самовластца, на сѣверо-востокѣ произошли междоусобія на основаніи уже упадавшихъ родовыхъ отношеній. Дяди опять одержали верхъ надъ племянниками, по старинному родовому представленію о старшинствѣ, что̀ между прочимъ убѣдительно доказываетъ, до какой степени новыя начала были поддерживаемы личностью князей, а не условіями, которыя они встрѣтили въ сѣверо-восточной Россіи. Но вскорѣ на владимірскій престолъ сѣлъ Всеволодъ III, съ замыслами Андрея, но гораздо его хитрѣе, дальновиднѣе и осторожнѣе. «Всеволодъ III — говоритъ г. Соловьевъ — показалъ, что намѣренъ быть, подобно брату, старѣйшимъ, то есть, по новымъ сѣвернымъ понятіямъ, сильнѣйшимъ княземъ, и южные князья должны были признать его старшинство, или, лучше сказать, его силу» (стр. 237). Всеволодъ уже не князь-боецъ южной, древнѣйшей Руси, а собственникъ, неохотно отдающій дѣло на рѣшеніе случая: «До сихъ поръ князь былъ по преимуществу предводитель дружины, храбрый изъ храбрыхъ. При встрѣчѣ съ непріятелемъ его мѣсто было впереди всѣхъ, слѣдовательно до сихъ поръ необыкновенная личная храбрость, отважность простаго воина, необходимо требовалась отъ князя: таковы были всѣ герои-князья старой, южной Руси. Но Всеволодъ III отличался уже другимъ характеромъ: встрѣтившись съ Черниговскимъ княземъ недалеко отъ Переяславля-Залѣсскаго, на берегахъ рѣки Влены, онъ выбралъ выгодное положеніе, укрѣпился станомъ

и не хотѣлъ вступать въ рѣшительную битву съ южными полками, отличавшимися своею стремительностію въ нападеніяхъ. Онъ первый пересталъ полагаться на битвы, какъ на судъ Божій, первый началъ предпочитать осторожность въ битвахъ рѣшительности» (стр. 238 и 239). Пользуясь искусно враждами князей южной Россіи, Всеволодъ сдерживалъ междоусобія и не давалъ ни одному усилиться насчетъ другихъ. Въ его время «южная Русь наслаждалась спокойствіемъ, потому что могущество сѣвернаго князя сдерживало въ ней всѣ междоусобія. Ольговичи не смѣли трогать Мономаховичей, потому что боялись Всеволода, который, какъ Мономаховичъ, вступился бы за своихъ. Съ другой стороны, Мономаховичи южные не смѣли трогать Ольговичей, ибо вовсе не полагались на доброжелательство Всеволода, который не хотѣлъ усиливать своихъ родичей на счетъ Ольговичей, потому что такое усиленіе было для него же столь опасно, какъ и могущество Ольговичей; напротивъ, какъ видно, Всеволодъ III хотѣлъ держать оба враждующіе рода въ равновѣсіи, держать въ страхѣ одинъ посредствомъ другаго, что необходимо давало ему самому важное передъ ними преимущество» (стр. 242). Но когда нужно было, Всеволодъ умѣлъ ссорить князей, вооружать ихъ другъ на друга, обѣщать помощь и не давать ея. Такимъ образомъ новое стремленіе, «начатое Боголюбскимъ, стремленіе утвердиться на сѣверѣ, пріобрѣсть силу и посредствомъ ея измѣнить родовыя отношенія въ государственныя, неуклонно преслѣдуется братомъ его Всеволодомъ, что видно изъ поведенія его касательно Новгорода, Рязани, князей южныхъ, съ которыми онъ избѣгаетъ столкновенія въ чистомъ полѣ, зная ихъ неодолимую храбрость и слабость въ битвахъ сѣвернаго народонаселенія, не окрѣпшаго въ усобицахъ, и однако умѣетъ заставить южныхъ князей признаться, что они не могутъ обойтись безъ него. Представленіе о старшинствѣ всѣхъ дядей надъ племян-

никами, повидимому, торжествуетъ, ибо старшинство держитъ самый младшій сынъ четвертаго изъ Мономаховичей; но этотъ старшій живетъ на сѣверѣ, гдѣ господство понятія о собственности ведетъ неминуемо къ торжеству представленія о старшинствѣ старшаго племянника надъ всѣми дядьми, что показалъ разительно поступокъ Всеволода, который, какъ собственникъ и самовластецъ, отнимаетъ старшинство у старшаго сына и отдаетъ его младшему; этотъ младшій съ другими младшими братьями идутъ противъ правъ старшихъ, основываясь на своей силѣ; распоряженіе отца — собственника, имѣвшаго слѣдовательно право располагать своею собственностію, и сила—вотъ права младшихъ Всеволодовичей: «перемоги насъ, говорятъ они старшему брату, и тебѣ вся земля!» Итакъ, теперь, вслѣдствіе понятія объ отдѣльной собственности, является понятіе о правѣ силы безъ уваженія къ старымъ родовымъ обычаямъ. Отсюда уже тотчасъ же является недовѣрчивость младшихъ къ старшимъ, ибо они знаютъ, что старшій сильнѣе ихъ, знаютъ притомъ, что сила богатаго собственника заставляетъ его увеличивать эту собственность на счетъ слабѣйшихъ, и потому младшіе, при первомъ подозрительномъ движеніи старшаго, вооружаются, заключаютъ союзъ, чтобъ отразить силу силою» (стр. 258—260).

По смерти Всеволода родовые счеты князей, замиравшіе на время при каждомъ даровитомъ и умномъ князѣ и уступавшіе дѣйствительной силѣ, возникли снова. Но кругъ ихъ дѣйствія стѣснился. Вотчинное начало, которое уже на югѣ сильно высказывалось подлѣ родового, въ сѣверо-восточной Руси узаконилось совершенно и скоро вытѣснило родовое начало. Здѣсь легко принялось «старшинство сына отъ перваго брата надъ дядьми, именно вслѣдствіе того, что на сѣверѣ удѣлы (здѣсь это слово имѣетъ свое настоящее значеніе) неотъемлемы, даются на всю жизнь и въ потомство; изъ Константиновичей,

Василько былъ посаженъ въ Ростовѣ, Всеволодъ въ Ярославлѣ, Владиміръ въ Угличѣ, они такъ и остаются навсегда, и тѣже самые столы передаютъ дѣтямъ своимъ». Вскорѣ «понятіе собственности—отдѣльности владѣній такъ утвердилось на сѣверѣ, что удѣлъ, за неимѣніемъ сыновей, переходитъ къ дочери покойнаго князя» (стр. 285). «Одинъ только стольный городъ великокняжескій еще переходитъ къ старшему въ родѣ, но и это скоро прекращается» (стр. 262). Вмѣстѣ съ тѣмъ завѣщаніе смѣняетъ прежніе ряды старшихъ съ младшими, потому что «на сѣверѣ родовой собственности не знали, знали только собственность частную, и каждый князь, какъ частный собственникъ, отдѣленный отъ рода, имѣлъ право завѣщать свою собственность, кому хотѣлъ» (стр. 289). Оттого и право сильнаго преобладаетъ надъ родовыми отношеніями. При такомъ «разрушеніи родственной связи, при постоянномъ стремленіи каждаго В. князя усилить, во чтобъ то ни стало, собственное княжество, жребій усилиться предъ прочими княжествами и стать чрезъ это сосредоточивающимъ пунктомъ Руси, выпалъ сперва Твери; но слабохарактерность Ярослава Тверскаго и соперничество Василія воспрепятствовали усиленію Твери; Василій Костромской едва получилъ в. княжескую область, какъ началъ дѣйствовать точно такимъ же образомъ, какой охуждалъ въ братѣ, подобно ему привелъ Татаръ на вольныхъ людей, тогда какъ прежде заступался за послѣднихъ и отклонилъ отъ нихъ татарское нашествіе; но кратковременное пятилѣтнее правленіе не позволило ему усилить Костромское княжество, и очередь перешла къ Переяславлю Залѣсскому, котораго князь Дмитрій Александровичъ получилъ старшинство съ областію В. княжества Владимірскаго, по всѣмъ правамъ. Но противъ него вооружился меньшой братъ его, Андрей Городецкій—вопреки всѣмъ правамъ» (стр. 272 и 273). Такъ «всѣ прежнія понятія о правѣ старшинства изчезли; в. князья показали, что

они добиваются не старшинства, но силы. Каждый князь, получивъ область в. княжества Владимірскаго, старается увеличить свою собственность, упрочить силу въ своей семьѣ, насчетъ другихъ князей, другихъ княжествъ. Но мы знаемъ, что и въ прежнее время младшіе князья какъ скоро видѣли, что старшій разрозниваетъ свои интересы съ интересами рода, то возставали противъ него и каждый заботился о себѣ. Теперь же, когда преобладаніе собственности, отдѣльности владѣнія заставляло каждаго в. князя неминуемо заботиться только о самомъ себѣ, теперь всѣ остальные князья не могли уже болѣе довѣрять родственной связи, должны были также заботиться о самихъ себѣ, всѣми средствами должны были стараться пріобрѣсть силу, потому что имъ оставалось на выборъ: быть жертвою сильнѣйшаго, или другихъ сдѣлать жертвами своей силы. Вотъ почему мы видимъ теперь возстанія князей на великаго съ попраніемъ всѣхъ старинныхъ правъ, всѣхъ родовыхъ отношеній» (стр. 274 и 275). Когда такимъ образомъ интересы чисто территоріяльные, владѣльческіе, смѣнили прежніе родовые и родственные, и «бояре, члены старшей дружины князя, теперь двора, усѣвшись вмѣстѣ съ княземъ въ одномъ владѣніи, пріобрѣли отъ этой осѣдлости болѣе важности, значенія; но вмѣстѣ съ усиленіемъ своего значенія бояре получили отъ осѣдлости постоянные интересы; ихъ судьба теперь тѣсно соединена съ судьбою извѣстнаго княжества. Прежніе бояре если интриговали, то съ цѣлію не быть вытѣсненными отъ пришлой дружины; теперь бояре хотятъ усиленія своего князя, своего княжества насчетъ другихъ, ибо ясно видятъ, что при уничтоженіи равенства между князьями должно уничтожиться и равенство между боярами ихъ, что если князья изъ равныхъ родичей станутъ подручниками в. князя, то ясно, что и бояре ихъ должны занять второстепенное мѣсто предъ *боярами* сильнѣйшаго князя (стр. 276). Въ этомъ порядкѣ ве-

щей, установившемся въ Россіи во времена монгольскаго ига, Татары играли ту же самую роль, какую прежде Половцы; «князь, желая воевать противъ другаго, идетъ въ Орду, какъ прежде на снемъ къ Половцамъ, и нанимаетъ у Татаръ войско» (Ibid). Обыкновенно такія войска нанимались князьями въ помощь противъ великаго князя владимірскаго, ибо къ нему видна постоянная недовѣрчивость князей; «каждый князь и каждое княжество безпокойно стерегутъ движенія другихъ князей, и порознь, или вмѣстѣ съ другими, стараются предупредить движеніе противника, ибо дѣло идетъ о томъ: быть государемъ всей Русской земли, или слугою этого государя; при такомъ вопросѣ нельзя было разбирать правъ и средствъ: каждый пользовался первымъ удобнымъ случаемъ, первымъ попавшимся средствомъ, чтобъ выиграть шагъ впередъ при достиженіи одной общей цѣли. Въ такой борьбѣ каждый изъ князей имѣлъ право на своей сторонѣ — право самоохраненія, и кто бы изъ нихъ не осилилъ—Московскій или Переяславскій, Городецкій или Тверской, слѣдствіе было одно и тоже — соединеніе и могущество Руси» (стр. 281). «Въ отдѣльныхъ княжествахъ событія обнаруживали тѣ же самыя современныя стремленія, стремленія усиливаться на счетъ другихъ, пріобрѣтать собственность, съ совершеннымъ презрѣніемъ прежнихъ родственныхъ отношеній» (стр. 281). Россія распадалась болѣе и болѣе. Живя въ постоянной враждѣ, составляя между собою союзы противъ сильнаго, и потому опаснаго, князья иногда съѣзжались для полюбовнаго окончанія споровъ; но эти княжескіе съѣзды «нельзя смѣшивать съ прежними съѣздами родственниковъ: теперь князья являлись не какъ братья, но какъ отдѣльные независимые владѣльцы; старшаго, отца между ними не было больше» (стр. 286).

Въ то время, какъ въ сѣверо-восточной Руси владѣльческіе интересы князей, сначала робко высказывавшіеся [illegible]

выми формами, наконецъ выступили на первый планъ и измѣнили нашъ политическій бытъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самый характеръ между-княжескихъ отношеній, въ юго-западной Руси, въ Галицкомъ княжествѣ, внутренній бытъ тоже существенно измѣнился. Здѣсь образовалась сильная аристократія, которой появленіе г. Соловьевъ объясняетъ такимъ образомъ:

«На Руси дружинники, благодаря безпрерывному переходу князей изъ одной области въ другую, не могли нигдѣ основаться въ качествѣ постоянныхъ землевладѣльцевъ, нигдѣ не могли пріобрѣсть аристократическаго характера, съ особымъ сословнымъ интересомъ, и потому въ отношеніяхъ между князьями бояре не могли играть важной роли; если они появляются на сцену, то не какъ лица независимыя, дѣйствующія въ смыслѣ своего сословнаго интереса, но всегда только какъ побочные дѣятели при князѣ, такъ напримѣръ, бояре являются постоянными совѣтниками, неразлучными спутниками князя, но здѣсь они дѣйствуютъ постоянно въ интересѣ князя и никогда въ интересѣ сословномъ; если боярина, перейдя отъ одного князя къ другому, поссоритъ ихъ, то чрезъ это онъ имѣетъ вліяніе на событіе, однако и здѣсь опять этотъ боярин дѣйствуетъ въ личномъ интересѣ, а не въ сословномъ. Не такъ было въ Галичѣ: эта страна, ставши владѣніемъ Ростиславичей, князей, исключенныхъ изъ старшинства въ родѣ Ярослава I, равно какъ изъ владѣнія остальною родовою собственностію, поэтому самому не перемѣняла князей своихъ, съ другой стороны не дробилась на мельчайшія волости въ родѣ Ростиславичей, ибо Владимірку удалось избавиться отъ всѣхъ родичей и стать единовластителемъ въ Галичѣ, которое единовластіе продолжалось и при единственномъ сынѣ его Ярославѣ. Такимъ образомъ, когда остальная Русь представляла зрѣлищѣ безпрерывнаго движенія и перехода, въ княжествѣ Галицкомъ не было никакого движенія, никакого перемѣщенія князей, вслѣдствіе чего и боярамъ княжескимъ была возможность установиться въ странѣ, получить значеніе постоянныхъ землевладѣльцевъ, пріобрѣсть великое вліяніе на дѣла страны; вотъ почему галицкіе бояре имѣютъ другой характеръ, чѣмъ бояре въ остальной Руси; касательно различія между обоими можно выразиться такъ: бояре въ остальной Руси были бояре князей, бояре галицкіе были бояре княжества. Такимъ образомъ на двухъ концахъ—сѣверозападномъ и югозападномъ, въ Новгородѣ и Галичѣ, обнаруживаются въ формахъ быта отмѣны противъ быта въ остальной Руси, а именно въ Новгородѣ, вслѣдствіе безпрерывной смѣны князей, усиливается народовластіе, тогда какъ въ Галичѣ, вслѣдствіе *осѣдлости*, неподвижности князей, усиливается боярство, при чемъ, разумѣется, *сосѣдство* Венгріи и Польши не могло остаться безъ вліянія». (Стр. 242—244).

Таковы выводы, къ которымъ приходитъ авторъ относительно второй эпохи между-княжескихъ отношеній. Читатели сами видятъ, какъ интересны его изысканія. Принявъ, по нашему мнѣнію, ложную точку отправленія, гипотезу о новыхъ городахъ, г. Соловьевъ, несмотря на то, остался вѣренъ фактамъ и превосходно характеризовалъ различіе этой новой эпохи съ предыдущей. Поэтому-то, видя въ политической исторіи сѣверо-восточной Руси прямое, естественное развитіе порядка вещей, установившагося на югѣ, мы все-таки понимаемъ ее совершенно одинаково съ авторомъ и въ каждой чертѣ, такъ художественно имъ обрисованной, видимъ подтвержденіе нашей мысли.

Есть однако въ этомъ отдѣлѣ взгляды, которыхъ мы не можемъ раздѣлять съ г. Соловьевымъ. Съ перваго разу наше разногласіе можетъ показаться незначительнымъ, но оно становится рѣзкимъ въ послѣдствіяхъ и выводахъ. Мы говоримъ о мнѣніяхъ автора о боярствѣ, аристократическомъ элементѣ въ южной, сѣверо-восточной, сѣверо-западной и юго-западной Руси, въ Кіевскомъ, Галицкомъ и Владимірскомъ княженіяхъ и въ Новгородѣ. Здѣсь и тамъ г. Соловьевъ характеризуетъ его различно и открываетъ важныя особенности. Намъ кажется, что онъ не совсѣмъ правъ; боярству въ разныхъ частяхъ тогдашней Россіи едва ли можно придать особенное значеніе. Вездѣ оно существовало, вездѣ играло большую роль, пока не утвердился какой-нибудь государственный порядокъ, вездѣ между боярствомъ и князьями, рано или поздно, возникала вражда, которой послѣднимъ результатомъ была всегда побѣда князя и утвержденіе его власти. Въ началѣ такъ называемаго періода удѣловъ кто выгонялъ и призывалъ князей во всей Россіи? Андрей не любилъ бояръ; это видно изъ того, что онъ ихъ изгналъ изъ своихъ владѣній и погибъ жертвою боярскаго заговора. Не иначе дѣйствовали Іоаннъ III и IV; всѣ высшія

должности, присутствіе въ судахъ принадлежало обыкновенно высшимъ сословіямъ; это преобладаніе въ Новгородѣ боярства, видно всего болѣе изъ распоряженій Іоанна III, послѣ покоренія этого города: его гнѣвъ палъ преимущественно на бояръ, а не на простой народъ. Такимъ образомъ нѣтъ никакой надобности создавать особенную теорію для объясненія кровавыхъ галичскихъ происшествій, ни прибѣгать ко вліяніямъ Венгріи и Польши. То, что было въ Галичѣ, было и вездѣ, да и могло ли быть иначе въ полу-восточныхъ общинахъ древней Руси? Бояре могли имѣть свои интересы, которые привязывали ихъ къ князю или ставили съ нимъ въ противоположность; но боярскаго сословія мы нигдѣ не видимъ, также мало въ Галичѣ, какъ въ Москвѣ и Новѣгородѣ, потому что сословія въ государственномъ значеніи не существовали въ древней Руси. Увлекаясь кажущимися, вовсе не существенными признаками различій, г. Соловьевъ затемняетъ единство древней русской исторіи—единство типа, который такъ ясно выдается впередъ во всѣхъ явленіяхъ нашей общественной и частной жизни.

Третій отдѣлъ обнимаетъ исторію княжескихъ отношеній отъ Іоанна Калиты до Іоанна III. Главную роль въ этотъ періодъ времени играетъ родъ князей Московскихъ, который успѣлъ потомственно удержать въ своихъ рукахъ великокняжеское достоинство и съ его помощью до того расширилъ и увеличилъ свои отчинныя владѣнія, что наконецъ они обняли почти всю Россію. Предыдущая исторія съ Андрея Боголюбскаго выработала начало, что княжескія владѣнія—частная собственность князей, которую они могутъ, по гражданскому праву, отказывать не только сыновьямъ, но и дочерямъ; вотчина смѣнила родовое владѣніе. Это начало развиваютъ и утверждаютъ московскіе князья, какъ общую государственную форму. Димитрій Донской въ завѣщаніи своемъ первый полагаетъ основаніе *другому*, болѣе прочному государственному порядку, установив-

шемуся при послѣднихъ государяхъ Рюрикова дома. Власть великаго князя, передъ монгольскимъ игомъ утратившая всякое значеніе, возстановленная Татарами въ значеніи власти ханскаго прикащика и превосходно утилизированная московскими князьями въ пользу московскаго княженія, слилась съ властію государя и владѣльца московской отчины и изчезла въ ней.

Изложенію постепеннаго хода этихъ измѣненій предшествуетъ въ книгѣ г. Соловьева особенная глава. Судя по заглавію, она должна бы содержать въ себѣ такое же изслѣдованіе началъ, опредѣлявшихъ между-княжескія отношенія, какое находимъ въ первой главѣ перваго отдѣла. Но этого нѣтъ: первая глава перваго отдѣла говоритъ о внутреннемъ устройствѣ и управленіи княжескихъ удѣловъ, о взаимныхъ обязанностяхъ князей по владѣніямъ и т. д.,—словомъ, это подробное и добросовѣстное возстановленіе тогдашней администраціи и нѣкоторыхъ сторонъ юридическаго быта, на основаніи духовныхъ завѣщаній и договорныхъ грамотъ князей. Чѣмъ опредѣлялись княжескія отношенія теперь и чѣмъ они отличались отъ прежнихъ, обусловленныхъ родовымъ началомъ, объ этомъ не находимъ ни слова въ первой главѣ; это недостатокъ въ общемъ составѣ сочиненія. Тѣмъ не менѣе глава эта превосходна. Она разрѣшаетъ многіе вопросы, остававшіеся до сихъ поръ безъ отвѣта, на другіе предлагаетъ новыя рѣшенія, если и не всегда вполнѣ удовлетворительныя, то во всякомъ случаѣ интересныя; наконецъ, какъ живая связная картина одной стороны быта этого времени, она представляетъ несомнѣнныя достоинства, какія рѣдко встрѣчаемъ соединенными въ большей части теперешнихъ изслѣдованій по части русской исторіи. Къ числу новыхъ остроумныхъ объясненій должно отнести толкованіе словъ: числяки, численные люди. «Численными людьми они назывались потому, что подлежали числу, то есть поголовной переписи для платежа дани; дань въ это время, ко-

смотря на монгольскую перепись, взималась не съ души, но съ капитала, съ приравненіемъ всѣхъ промысловъ къ сохѣ; тѣ же люди, которыхъ занятія не были приравнены къ сохѣ, подлежали поголовной подати, числу» (стр. 320).

Ордынцы. По мнѣнію г. Соловьева, подъ ними разумѣлись плѣнники, выкупленные князьями изъ Орды (стр. 320), и вотъ чѣмъ онъ это доказываетъ: въ договорахъ между князьями часто встрѣчается положеніе: «а что наши Ордынцы и дѣлюи, а тымъ знати своя служба, какъ было при нашихъ отцѣхъ, а земель ихъ не купити». А въ договорѣ Симеона съ братьями читаемъ: «а которые люди по нашимъ волостямъ выманы ныи... воины... намъ къ себѣ не примати: а которыхъ людей Отець нашь К. В. выималъ изъ... (пробѣлъ, находящійся тутъ, г. Соловьевъ дополняетъ словами: изъ Орды) въ службу, тѣ такъ и знаютъ свою службу, въ которую кто уряженъ, а намъ ихъ къ собѣ не примати». Намъ кажется это толкованіе произвольнымъ; въ пробѣлъ можно вставить многое, совершенно измѣняющее смыслъ словъ, и нѣтъ никакой возможности даже приблизительно возстановить текстъ. Но положимъ, что приведенныя два мѣста говорятъ объ одномъ и томъ же (хотя это и требуетъ еще доказательствъ), мы все-таки будемъ въ затрудненіи: послѣднее изъ нихъ можетъ относиться и къ ордынцамъ и дѣлюямъ, а по мнѣнію автора, оба имѣютъ различное значеніе. Наконецъ намъ кажется это толкованіе и потому невѣроятнымъ, что о выкупѣ въ обоихъ мѣстахъ не говорится ни слова, да сверхъ того избавленные отъ плѣна, какъ видно изъ лѣтописей, возвращались обыкновенно на родину, а не служили князьямъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и могли служить. Во всякомъ случаѣ, если мнѣніе автора въ послѣдствіи и оправдается новыми доказательствами, то теперь, покуда, оно не можетъ считаться несомнѣнно справедливымъ. Что подъ дѣ*люями* разумѣлись «дѣловые мастеровые люди», тоже ничѣмъ

не доказано; дѣловые люди встрѣчаются въ древнихъ актахъ подъ этимъ названіемъ, и нѣтъ основанія считать ихъ и дѣлюевъ за одно и то же.

Подъ введеннымъ бояриномъ г. Соловьевъ разумѣетъ такого, «котораго князь вводилъ во владѣніе извѣстнымъ городомъ, извѣстною областію», и доказываетъ это тѣмъ, что «Логгинъ Михайловичъ Кикинъ былъ у В. К. Димитрія Ивановича бояринъ введенный и горододержавецъ; держалъ городы Волокъ и Торжокъ безъ отнимки». Но и путники держали города; слѣдовательно, это не доказательство. Авторъ тѣмъ опровергаетъ мнѣніе г. Валуева, будто введенный бояринъ значило «введенный въ общій родовой распорядокъ государства», что еслибъ введенный имѣло это значеніе, сынъ введеннаго не назывался бы введеннымъ, тогда какъ факты говорятъ противное. Но и здѣсь г. Соловьевъ не правъ: если вводилась боярская семья въ составъ служебныхъ родовъ, то не одинъ ея глава вводился, а всѣ ея члены, такъ что когда, напримѣръ, отецъ становился выше такого-то и ниже другаго, — и сынъ его долженъ былъ занять соотвѣтствующее ему мѣсто въ служебной аристократіи; благодаря изслѣдованіямъ г. Валуева, мы знаемъ, что и возвышеніе и пониженіе одного члена рода передъ другими въ общемъ служебномъ распорядкѣ влекло за собою такое же повышеніе или пониженіе всѣхъ прочихъ членовъ того же рода; тоже должно было быть и въ отношеніи къ введеннымъ, слѣдовательно названіе и отца и сына введенными ничего не доказываетъ. Вотъ еслибъ это названіе давалось отдаленнымъ потомкамъ—правнуку, праправнуку введеннаго, и мы бы знали притомъ, что этотъ служебный родъ постоянно служилъ въ одномъ княжествѣ, мы бы согласились съ г. Соловьевымъ; ибо едва ли бояринъ могъ пріѣхать на службу съ правнуками, а сына онъ могъ привезти съ собою, и даже совершеннолѣтняго, способнаго служить, который по этому вмѣстѣ съ нимъ могъ

стать введеннымъ. Слѣдовательно, объясненіе г. Соловьева покамѣстъ гипотетическое; оно очень возможно, но требуетъ доказательствъ.—Выраженіе «знать Орду» г. Соловьевъ объясняетъ такъ: «удѣльные князья должны были давать ему (великому князю) со всѣхъ удѣловъ дань, которую онъ и отвозилъ въ Орду». (Стр. 326.) Едва ли такъ. Слово знать имѣетъ болѣе широкій смыслъ и значитъ вообще имѣть сношеніе, для чего бы то ни было. Московскіе великіе князья имѣли тысячу причинъ желать, чтобъ никто изъ князей кромѣ ихъ не имѣлъ сношеній съ Ордою. — Слово ямъ превосходно объяснено въ смыслѣ побора (отъ емлю, имать) (стр. 327). Любопытно было бы опредѣлить различіе ямa отъ дани, съ которою онъ обыкновенно вмѣстѣ упоминается.

Затѣмъ начинается разсказъ между-княжескихъ отношеній до Іоанна III. Не останавливаясь надъ частностями, мы замѣтимъ одно главное, существенное въ выводахъ г. Соловьева.

«Иванъ Калита Московскій (говоритъ авторъ) продолжаетъ поведеніе брата своего Юрія, т. е. будучи проникнутъ господствовавшею въ то время мыслію—усилить во чтобы то ни стало свое княжество насчетъ другихъ, онъ примышляетъ къ своему владѣнію земли, дѣлаетъ это съ меньшимъ насиліемъ, но не съ меньшею пользою и прочностію. Кто пріобрѣтаетъ, тотъ дорожитъ своимъ пріобрѣтеніемъ и не рискуетъ имъ; такой характеръ бережливаго хозяина, который трепещетъ за свою собственность, за свои пріобрѣтенія, и потому избѣгаетъ мѣръ рѣшительныхъ, былъ необходимъ въ нашихъ князьяхъ вслѣдствіе новаго порядка вещей, именно вслѣдствіе понятія о собственности, вслѣдствіе того, что всѣ сѣверные князья были собственниками: отсюда этотъ хозяйственный характеръ, господствующая мысль о пріобрѣтеніи и сбереженіи, избѣжаніе рѣшительныхъ мѣръ, которыя отличаютъ большинство сѣверныхъ князей и преимущественно князей Московскихъ, отъ Даніила до Іоанна III, послѣдняго князя хозяина и перваго Государя. Разумѣется, что такой хозяйственный характеръ сѣверныхъ князей лишенъ той прелести, того блеска и благородства, которыми отличался характеръ князей южныхъ, героевъ, предводителей дружинъ, которые не сбирали себѣ ни золота, ни серебра, но все отдавали дружинѣ—и расплодили Русскую землю. Точно наши Русскіе князья своею отвагою, своею благодѣтельною дѣятельностію расплодили Русскую землю, *намѣтили* границы ея Европейской государственной области, неутомимо про-

бѣгая ея пустынныя пространства, строя города, прокладывая пути чрезъ лѣса и болота, населяя степи, соединяя расточенное народонаселеніе: но здѣсь и оканчивается ихъ благодѣтельная дѣятельность, ибо прочности, крѣпости всему этому они дать не могли по своему характеру; для этого необходимъ былъ хозяйственный характеръ Сѣверныхъ князей-собственниковъ. Южные князья до конца удержали прежній характеръ, и южная Россія вѣками бѣдствій должна была поплатиться за это и спаслась единственно съ помощію сѣверной Руси, собранной и сплоченной умнымъ хозяйствомъ князей своихъ».

При Иванѣ Калитѣ совершилось важное событіе въ исторіи Москвы и всей Россіи, которое имѣло рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее усиленіе Московскаго княжества и роль, которую оно потомъ играло: мы говоримъ о перемѣщеніи митрополіи въ Москву.

«Торжество Москвы было безспорно, но еще прежде Иванъ постарался упрочить это торжество. Въ 1299 году митрополитъ Максимъ оставилъ опустошенный Кіевъ, гдѣ не могъ найдти безопасности, и перешелъ на жительство во Владиміръ. Послѣдній городъ былъ столицею Великихъ, или сильнѣйшихъ князей только по имени, каждый изъ нихъ жилъ въ своемъ наслѣдственномъ городѣ: однако пребываніе митрополита во Владимірѣ, при тогдашнемъ значеніи и дѣятельности духовенства, сообщало этому городу видъ столицы болѣе, чѣмъ преданіе и обычай. Послѣ этого ясно, какъ важно было для какого-нибудь города, стремившагося къ первенству, чтобъ митрополитъ утвердилъ въ немъ свое пребываніе: это необходимо давало ему видъ столицы всея Руси, ибо единство послѣдней поддерживалось въ это время единымъ митрополитомъ: мало того, способствовало его возрастанію и обогащенію, ибо туда со всѣхъ сторонъ стекались лица, имѣвшія нужду до митрополита, какъ въ средоточіе церковнаго управленія; наконецъ митрополитъ необходимо долженъ былъ дѣйствовать постоянно въ пользу того князя, въ городѣ котораго имѣлъ пребываніе. Калита умѣлъ пріобрѣсть расположеніе св. митрополита Петра, такъ что этотъ святитель живалъ въ Москвѣ больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, умеръ и погребенъ въ ней. Гробъ св. мужа былъ для Москвы столь же драгоцѣненъ, какъ и пребываніе живаго святителя; выборъ Петра казался внушеніемъ Божіимъ; разнеслось пророчество его о будущемъ величіи Москвы, и новый митрополитъ Ѳеогностъ уже не хотѣлъ оставить гроба и дома чудотворцева; другіе князья хорошо видѣли важныя послѣдствія этого явленія и негодовали, но помочь уже было нельзя». (Стр. 335 и 336).

«Князья хорошо понимали, къ чему поведетъ усиленіе одного княжества на счетъ другихъ, при изчезновеніи родовыхъ отношеній, и потому старались

препятствовать этому усиленію, составляя союзы противъ сильнѣйшаго. Что предугадывали они, то и случилось. Московскій князь, ставши силенъ и безъ соперника, спѣшилъ воспользоваться этою силою, чтобъ примыслить сколько можно болѣе къ своей собственности. Начало княженія Калиты было, по выраженію лѣтописца, началомъ насилія для другихъ княжествъ, гдѣ Московскій собственникъ распоряжался своевольно.» (Стр. 343).

«Впрочемъ насилій со стороны Москвы не могло не быть, ибо не могло быть добровольнаго, тихаго подчиненія старыхъ, независимыхъ княжествъ одному изъ самыхъ младшихъ городовъ». (Стр. 344).

«По смерти Калиты всѣ Русскіе князья отправились въ орду; Ханъ объявилъ Симеона Московскаго в. княземъ Владимірскимъ; благодаря усиленію Москвы это уже не былъ теперь пустой титулъ, но чего опасались князья еще со временъ Мстислава Храбраго, то исполнилось: они перестали быть родичами, и стали подручниками: «и всѣ князи Русскіе подъ руцѣ его даны.» Мы видѣли, что съ уничтоженіемъ родоваго единства, всѣ старшіе князья отдѣльныхъ родовъ необходимо принимаютъ титулъ великихъ, который именно и означалъ только старшаго въ извѣстномъ родѣ; Симеонъ князь Московскій и Владимірскій, взявъ подъ свои руки всѣхъ другихъ князей великихъ, называетъ уже себя в. княземъ всея Руси, и такимъ образомъ отдѣляетъ родовыя понятія отъ государственныхъ, оставляетъ другимъ князьямъ названіе великихъ, но себѣ беретъ титулъ начальника не рода княжескаго, но всей Русской земли, государства. И прежніе сильные духомъ в. князья повелѣвали младшими, которые должны были ѣздить подлѣ нихъ стремени и приходить по первому зову, но тогда они повиновались какъ дѣти отцу; теперь в. князь Симеонъ требуетъ безусловнаго повиновенія, но требуетъ какъ государь, и тяжко было для князей подобное повиновеніе: они прозвали Симеона Гордымъ. Есть извѣстіе, что Симеонъ, созывая князей, для извѣстныхъ цѣлей своихъ, напоминалъ имъ, что Русь была только тогда сильна и славна, когда князья безпрекословно повиновались старшему, и что теперь только такимъ же безпрекословнымъ повиновеніемъ ему, Симеону, они могутъ надѣяться освобожденія отъ татарскаго ига; но князья знали разницу между прежними и настоящими отношеніями, знали, къ чему поведетъ такая покорность. Говорятъ, что Симеонъ и личнымъ характеромъ своимъ былъ способенъ возбудить почтеніе, умѣлъ остеречься отъ того гнуснаго порока, который былъ тогда общимъ, отъ пьянства, и не терпѣлъ его въ другихъ; ненавидѣлъ крамолу и неправду, и строго наказывалъ за нихъ; онъ умѣлъ пріобрѣсть уваженіе и тѣмъ, что довольный богатымъ наслѣдствомъ, не собиралъ всякими средствами имѣнія, но расточалъ его на выкупъ плѣнныхъ; мало того, Симеонъ хотѣлъ показать князьямъ, что они могли только выиграть, признавъ себя его подручниками, такъ напримѣръ, исходайствовалъ въ ордѣ для раззореннаго Тверскаго княженія свободу не платить дани Монголамъ». (Стр. 347—349).

Договоръ Симеона съ братьями, дошедшій до насъ, характеризируетъ, по мнѣнію г. Соловьева, новый порядокъ вещей, утвердившійся въ Россіи въ это время.

«Теперь—говоритъ онъ—когда родовая связь рушилась, являются договоры даже между родными братьями, знакъ, что они уже не смотрятъ болѣе на себя какъ на братьевъ, уже не вѣрятъ родственному союзу, видятъ другъ въ другѣ отдѣльныхъ владѣльцевъ. Насъ не обманутъ здѣсь выраженія изъ міра прошедшаго: такъ въ началѣ договора младшіе братья обѣщаются чтить Симеона «во отцево мѣсто». Младшіе родичи постоянно требуютъ поддержанія прежнихъ родовыхъ отношеній; мы увидимъ, что они будутъ требовать этого до самого пресѣченія Рюриковой династіи: но уже то одно обстоятельство, что они заключаютъ договоръ со старшимъ, показываетъ тщету ихъ требованій. Прежде князья не иначе называли другъ друга, какъ братъ, отецъ, сынъ: въ нашемъ договорѣ младшіе братья, обѣщая, что будутъ имѣть Симеона ве отцево мѣсто, не смѣютъ однако, или не хотятъ, или, скажу болѣе, не умѣютъ назвать его: отче, но: Господине, князь великій! Младшіе братья болѣе всего толкуютъ о собственности, о своемъ участкѣ, чтобы старшій не обидѣлъ, чего не отнялъ у нихъ; такъ же: «кто изъ насъ что примыслилъ или прикупилъ, или кто по семъ что кто прикупить или примыслить чужее (къ) своимъ волостемъ, и того блюсти, а не обидити.» Каждый слѣдовательно предоставляетъ себѣ право дѣйствовать отдѣльно, прикупать и примышлять собственно для себя, къ своему участку». (Стр. 351—352).

Раздоры князей, частыя войны между ними производили великое броженіе въ тогдашней Россіи:

«Когда князья начинаютъ ссориться, люди стремятся вонъ изъ ихъ области; когда мирятся, приходятъ снова, кочуютъ изъ одного княжества въ другое; ясно, какія огромныя толпы людей бездомныхъ должны были образоваться въ это время, которые привыкли къ жизни кочевой, къ бездомовью, ко внѣобщественному положенію: отсюда усиленіе казачества. Ясно также, что при этихъ безпрерывныхъ насиліяхъ, и отъ своихъ и отъ чужихъ, народъ отвыкалъ отъ собственности, отъ удобствъ жизни, скрывалъ имущество, становился самъ скрытнымъ и дикимъ; женщина, спасаясь отъ оскорбленія, запиралась въ отдаленные покои, не выходила изъ дому не по восточному, не по греческому обычаю, но единственно вслѣдствіе необходимости скрыться отъ оскорбленій; женщины дичали, запертыя въ теремахъ, мущины дичали вслѣдствіе ихъ отсутствія,—и между тѣмъ такъ сильна была общественная связь, въ основаніи которой лежало христіянство, что, несмотря на всѣ препятствія, общество не распалось, но претерпѣло до конца, и спаслось. Даже въ самыхъ бѣдствіяхъ, описанныхъ нами, которыя принуждали гражданъ къ безпрестанным пе-

переселеніямъ, были свои выгоды для общества; эти переселенія, эти движенія уничтожали мѣстныя, областныя различія, областныя народности, уничтожали враждебныя отношенія между жителями разныхъ княжествъ; вотъ одна изъ причинъ, почему разныя княжества такъ легко примкнули къ Московскому, почему сопротивленіе было только со стороны князей, никогда со стороны народонаселенія». (Стр. 353—354).

Съ этими разсужденіями автора мы не можемъ согласиться, и сколько все предыдущее вѣрно и основательно, столько послѣднее невѣрно и неправдоподобно. Авторъ видитъ причину усиленія казачества, порчи народной нравственности, задичалости тогдашнихъ русскихъ въ княжескихъ междоусобіяхъ; не знаемъ, почему именно усобицы XIV вѣка имѣютъ въ его глазахъ это значеніе: съ половины XI вѣка онѣ не прекращались, и едва ли не были гораздо чаще и страшнѣе, опустошительнѣе прежде, чѣмъ въ послѣдствіи, ибо, по словамъ самого же г. Соловьева, «рѣдко на сѣверѣ князья вступаютъ въ битвы другъ съ другомъ; обыкновенно сошедшись, они заключаютъ миръ и расходятся безъ битвы». (Стр. 278.) Нисколько не отрицая неблагопріятныхъ послѣдствій междоусобныхъ войнъ, мы думаемъ только, что ими однѣми нѣтъ никакой возможности объяснить ту порчу народной нравственности, которую мы замѣчаемъ въ московскій періодъ нашей исторіи; ибо еслибъ войны были тому причиной, давнымъ-давно, за долго до XIV вѣка, мы бы уже никуда не годились. Очевидно, г. Соловьевъ въ этомъ случаѣ слишкомъ поверхностно взглянулъ на предметъ, и, видя явленіе, хотѣлъ объяснить его фактами, которые были у него ближе всего подъ руками.

Еще неправильнѣе кажется намъ объясненіе затворничества, теремной жизни — единственно необходимостью скрыться отъ оскорбленій. Какія женщины могли подвергнуться оскорбленіямъ во время усобицъ? — женщины простаго званія; а мы видимъ, что затворничество женщинъ развилось не въ низшихъ, *а именно* въ высшихъ слояхъ общества. Сверхъ того, какъ объ-

яснить, что оно преимущественно развилось въ періодъ Московскаго государства, когда усобицы кончились, и внутренняя тишина, недоставшая Россіи цѣлые шесть вѣковъ, наконецъ водворилась; ибо, какъ нарочно, до Московскаго государства мы видимъ, что женщины управляютъ областями, княжатъ, принимаютъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ общественныхъ, а съ Московскимъ государствомъ это прекращается. Устраняя греческое и восточное вліяніе на общественное положеніе женщины въ древней Россіи, авторъ желалъ найдти болѣе естественное объясненіе замѣчательнаго факта затворничества и теремной жизни; но его объясненіе весьма неудачно, потому что исходной точкой служатъ ему современныя понятія объ отношеніяхъ мущинъ и женщинъ, — понятія совершенно неприложимыя къ нашему древнему быту. Что авторъ, впрочемъ вездѣ вѣрный исторической истинѣ, здѣсь взглянулъ глазами XIX вѣка — доказательствомъ служитъ слѣдующая фраза: «женщины дичали, запертыя въ теремахъ, мущины дичали вслѣдствіе ихъ отсутствія». Если судить по нашему теперешнему простому народу, который, какъ извѣстно, сохраняетъ еще живую печать древней Руси, общество женщинъ въ XIV и XV вѣкахъ едва ли много содѣйствовало умягченію нравовъ мущинъ; у турецкихъ Славянъ мы и теперь видимъ тоже самое. Любопытно было бы знать доводы г. Соловьева, заставившіе его высказать такую новую, оригинальную и неправдоподобную мысль.

Также нельзя согласиться съ мнѣніемъ автора, будто сильная общественная связь спасла Россію отъ распаденія во время усобицъ, будто безпрестанная передвижка жителей, вслѣдствіе этихъ усобицъ, была одною изъ причинъ, почему разныя княжества такъ легко примкнули къ Московскому, и сопротивленіе было только со стороны князей, а не народонаселенія. Во первыхъ, гдѣ раздѣлена земля на совершенно отдѣльныя вот-

чины, тамъ трудно искать общественной связи, которая бы обнимала цѣлый народъ. Общественная связь — начало, для развитія котораго необходимо стеченіе многихъ благопріятствующихъ условій въ народной жизни, а ихъ именно и не имѣла древняя Россія. Въ ней не было сословій, не было матеріяльныхъ интересовъ, создающихъ общественную связь; указъ объ асамблеяхъ и способы ихъ введенія даютъ вѣрное мѣрило для нашей древней общественности; мѣстничество тоже указываетъ на разлагающія, разъединяющія начала, присущія древней Руси. Мы думаемъ, что вовсе не для чего такъ далеко отыскивать причинъ явленій чрезвычайно простыхъ и понятныхъ съ перваго взгляда. Каждый князь примышлялъ себѣ владѣнія и старался увеличить елико-возможно. Московскіе князья были умнѣе, искуснѣе, счастливѣе другихъ, и они мало-помалу прибрали къ рукамъ всю Россію; сначала виды ихъ были, кажется, очень недалеки и не выходили за черту пріобрѣтенія имѣній; потомъ уже возникла мысль о государствѣ, желаніе упрочить, утвердить его. Многія обстоятельства имъ въ этомъ благопріятствовали, но въ числѣ ихъ мы никакъ не видимъ сильной общественной связи; скорѣе можно сказать наоборотъ, что распри, ссоры, взаимныя ненависти и вражды князей и ихъ слугъ помогли Московскимъ князьямъ въ этомъ дѣлѣ. Такъ какъ въ это время вотчинное начало совершенно утвердилось, то этимъ и объясняется, почему сопротивленіе Москвѣ шло отъ князей; гдѣ это начало не успѣло утвердиться, тамъ мы видимъ сопротивленіе и со стороны народонаселенія. Такъ въ Новѣгородѣ; даже и Псковъ, миролюбивый и уклончивый передъ Москвою, горько плакался, когда потерялъ послѣднюю тѣнь независимости. Не знаемъ, почему авторъ, который вездѣ такъ здраво понимаетъ вещи, такъ прямо и просто смотритъ на событія, здѣсь счелъ нужнымъ отступить отъ своего плана и прибѣгнулъ къ такимъ неестественнымъ, не историческимъ

объясненіямъ. Наконецъ г. Соловьевъ говоритъ еще, что переселенія, — слѣдствіе усобицъ — «уничтожили мѣстныя, областныя народности, уничтожили враждебныя отношенія между жителями разныхъ княжествъ». Это едва ли справедливо, ибо самъ же г. Соловьевъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ:

«Дурно отзываются обыкновенно Москвитяне о Новгородцахъ и Рязанцахъ, въ свою очередь Новгородцы и Рязанцы не щадятъ Москвитянъ, что обличаетъ долговременную вражду между ними, т. е. вражду между старою и новою Русью. Любопытно при этомъ, что Новгородцы и Рязанцы отзываются дурно о храбрости Москвитянъ; и въ самомъ дѣлѣ, народонаселеніе старыхъ русскихъ областей имѣло право дѣлать подобные упреки народонаселенію новыхъ. Періодъ старой Руси можно назвать геройскимъ періодомъ въ исторіи нашего народа; князья были одинъ другаго храбрѣе, дружины были похожи на князей, и шумъ оружія неумолкалъ: но во всѣхъ этихъ дивныхъ подвигахъ храбрости новая сѣверная Русь непринимала участія, и когда вступала въ борьбу съ Русью старою, южною, то мы видѣли, на чьей сторонѣ оставалась побѣда; стоитъ только вспомнить борьбу Андрея со Мстиславомъ, Липецкій бой, осторожность, Всеволода III, съ какою онъ избѣгалъ битвы съ южными полками, осторожность, которую легко можно было принять за робость. Отсюда понятно, почему Новгородцы и Рязанцы упрекаютъ Москвитянъ въ трусости, а Москвитяне съ своей стороны упрекаютъ Новгородцевъ и Рязанцевъ въ противоположной крайности, именно въ гордости и дерзости. Новгородцы говорятъ о Москвитянахъ, что они небывальцы въ битвахъ, и что бѣгутъ, еще не видя непріятеля; Москвитяне расточаютъ Новгородцамъ названія суровыхъ, непокорныхъ, упрямыхъ, непостоянныхъ, свирѣпыхъ крамольниковъ и т. п. Точно тоже видимъ и въ отношеніи къ Рязанцамъ; по свидѣтельству лѣтописи, Рязанскіе воины говорили другъ другу, идя на Москвитянъ: «не нужно брать намъ ни доспѣховъ, ни щитовъ, никакого другаго оружія, возмемъ только веревки вязать Москвитянъ, которые такъ слабы и робки». Московскій лѣтописецъ поблагодарилъ ихъ за такое мнѣніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Рязанцы жъ люди суровы, свирѣпы, высокоумны, гордии, чаятельнии, вознесшись умомъ и возгордѣвшись величаніемъ, и помыслиша въ высокоумни своемъ палоумныя и безумныя людища, аки чудища». (Стр. 390—391).

Эту любопытную и во многихъ мѣстахъ вѣрную замѣтку мы находимъ въ обозрѣніи княженія Димитрія Донского; слѣдовательно, она относится къ тому же времени, къ которому отнесено и благодѣтельное послѣдствіе княжескихъ усобицъ.

Въ четвертой главѣ этого отдѣла, посвященной времени Іоанна Іоанновича, находимъ разсказъ объ убійствѣ Московскаго тысячскаго Алексѣя Петровича; это одно изъ самыхъ замѣчательныхъ событій Іоаннова княженія.

«Мы уже имѣли случай говорить — пишетъ г. Соловьевъ — что вслѣдствіе осѣдлости князей бояре должны были пріобрѣсть большее значеніе въ княжествѣ; по той же самой причинѣ и тысяцкій, какъ членъ княжеской дружины, какъ боярин, пріобрѣлъ важное значеніе на сѣверо-востокѣ. Теперь при осѣдлости князей и переходѣ княжества отъ отца къ сыну, тысяцкій получилъ возможность отправлять свою важную должность при нѣсколькихъ князьяхъ сряду безъ смѣны, слѣдовательно, будучи посредникомъ между княземъ и городовымъ народонаселеніемъ, имѣлъ возможность пріучить народъ къ себѣ, пріобрѣсть расположеніе не только для себя, но и для потомства своего, почему князья назначали въ тысяцкіе сына умершаго чиновника, для удовольствія народнаго: отсюда наслѣдственность должности въ одномъ домѣ. Ясно, что такая сила могла быть опасна прежде всего другимъ боярамъ, которыхъ вліяніе стѣснялось вліяніемъ тысяцкаго, а потомъ могла быть опасна и самой власти княжеской: отсюда интересъ бояръ, равно какъ интересъ самаго князя требовалъ уничтоженія сана тысяцкаго. Въ описываемое нами время должность Московскаго тысяцкаго отправлялъ знаменитый боярин Алексѣй Петровичъ, гордый народнымъ къ себѣ расположеніемъ, онъ поднялъ крамолу противъ Симеона Гордаго, но былъ изгнанъ и лишенъ своихъ волостей; всѣ три брата — Симеонъ, Иванъ и Андрей поклялись не принимать въ свою службу мятежнаго боярина, и несмотря на то онъ является тысяцкимъ при в. князѣ Иванѣ. Зимою, 3 февраля 1357 г., рано во время заутрени, тѣло Алексѣя Петровича было найдено на площади со всѣми признаками насильственной смерти. Никто невидалъ, какъ совершилось убійство, но слухъ шелъ, что бояре собирали на тысяцкаго тайный совѣтъ и ковали ковы, и погибъ онъ отъ своихъ товарищей, общею всѣхъ думою, какъ погибъ Андрей Боголюбскій отъ Кучковичей. Сильный мятежъ всталъ въ народѣ, озлобленномъ гибелью любимаго сановника, и большіе Московскіе бояре должны были отъѣхать въ Рязань съ женами и дѣтьми». (Стр. 359—362).

Прочитавъ это мѣсто, можно подумать, что у насъ въ древней Руси была потребность въ посредствующихъ органахъ, чтобъ держать въ равновѣсіи двѣ враждующія крайности, — что эти органы имѣли опредѣленное общественное *положеніе*, которое одни поддерживали, а другіе старались по-

дорвать. Считая такое воззрѣніе совершенно ошибочнымъ, бросающимъ ложный свѣтъ на нашъ древній внутренній бытъ, мы тщательно прочли всѣ цитаты, подведенные авторомъ, справлялись съ лѣтописями — и окончательно убѣдились, что все сказанное г. Соловьевымъ о значеніи тысячскихъ въ древней Россіи—блистательная гипотеза, превосходно изложенная, но не подкрѣпленная ни однимъ доказательствомъ, ни однимъ историческимъ соображеніемъ. Изъ всего разсказа вѣрно только описаніе убійства тысячскаго, и то за исключеніемъ двухъ фразъ, очевидно внушенныхъ увлеченіемъ, столько естественнымъ при развитіи любимой мысли. Г. Соловьевъ говоритъ, что тысячскій Алексѣй Петровичъ былъ гордъ «народнымъ къ себѣ расположеніемъ», и что когда онъ былъ убитъ, сильный мятежъ всталъ «въ народѣ, озлобленномъ гибелью любимаго сановника»; ни того, ни другого нѣтъ въ лѣтописяхъ. Вообще вопросъ о тысячскихъ еще очень теменъ; весьма вѣроятно, что они были предводителями войскъ, и кажется однозначительны съ воеводами; но какую роль играли внѣ войны,—вотъ чего мы покуда не знаемъ; въ нихъ много загадочнаго по скудости извѣстій; но судя потому, какъ просто были рѣшены многіе вопросы о внутреннемъ бытѣ древней Руси, мы имѣемъ нѣкоторое право заключать, что точно также рѣшится и этотъ съ открытіемъ новыхъ данныхъ; во всякомъ случаѣ онъ рѣшится безъ помощи остроумной гипотезы г. Соловьева, слишкомъ сложной, юридической для того времени.

Княженіе Іоанна Іоанновича не представляетъ впрочемъ ничего особенно замѣчательнаго. Гораздо важнѣе княженіе Дмитрія Іоанновича Донского. Переходя къ нему, г. Соловьевъ бросаетъ бѣглый взглядъ на между-княжескія отношенія въ южной Руси и посвящаетъ имъ особую (пятую) главу. Здѣсь являются дѣйствующими на первомъ планѣ Галичъ и Литва. И тамъ и здѣсь происходило совершенно тоже, что и въ сѣ-

веро-восточной Руси: въ политической сферѣ утверждается начало собственности вмѣсто родовыхъ отношеній; князья не члены рода, а вотчинники, располагающіе своими владѣніями въ пользу дѣтей, думающіе только о пріобрѣтеніи возможно большихъ имуществъ. Родъ Литовскихъ князей играетъ здѣсь ту же роль, какую и Московскіе князья на сѣверо-востокѣ Россіи.

«Онъ (Гедиминъ) заставилъ всѣхъ князей юго-западной Руси, потомковъ св. Владиміра, признать свое первенство точно такъ, какъ прежде они признавали сѣвернаго князя Владимірскаго, и князья Литовскіе рода Гедиминова исполнили, въ отношеніи къ юго-западной Руси только то, что начали Юрьевичи Владимірскіе, т. е., сначала заставили южныхъ князей признать свое первенство, заставили признаться, что они не могутъ быть безъ нихъ; потомъ, мало-по-малу, привели ихъ въ подручническія отношенія, и наконецъ сдѣлали вполнѣ служебными; однимъ словомъ, родъ Гедимина, относительно юго-западной Руси играетъ точно такую же роль, какую родъ князей Московскихъ играетъ относительно сѣверо восточной· Литва собираетъ юго-западную Русь точно такъ, какъ Москва собираетъ сѣверо-восточную... Они (Гедиминовичи) видѣли, что для сохраненія пріобрѣтеннаго могущества необходимо постоянное сосредоточиваніе власти въ рукахъ одного, и потому всегда сильнѣйшій изъ нихъ гналъ, истреблялъ братьевъ». (Стр. 371 и 372).

Вмѣсто того, чтобъ объяснять эти измѣненія, совершенно одинаковыя въ двухъ половинахъ древней Руси, естественнымъ ходомъ развитія нашего внутренняго быта, г. Соловьевъ опять прибѣгаетъ къ постороннимъ причинамъ: въ сѣверо-восточной Руси, какъ мы видимъ, онъ создалъ систему новыхъ городовъ; въ юго-западной надо было найдти что-нибудь другое, и онъ разумѣется находитъ — иностранное вліяніе и нерусское происхожденіе рода Литовскихъ князей.

«Даніилу стоило тяжкаго труда утвердиться въ Галичѣ; онъ былъ его завоевателемъ, мало того, онъ былъ возобновителемъ, творцемъ своего княжества, слѣдовательно болѣе, чѣмъ отецъ Романъ, имѣлъ Даніилъ права смотрѣть на Галичъ, какъ на свою собственность и недѣлиться ею ни съ кѣмъ; при этомъ не должно опускать изъ виду, что Галичъ и Волынь входятъ въ *самыя* тѣсныя сношенія съ западными государствами: Даніилъ ходилъ на за-

падъ, въ Богемію, такъ далеко, какъ никто еще изъ его предшественниковъ, Даніилъ хотѣлъ пріобрѣсть сыну своему герцогство Австрійское посредствомъ брака на сестрѣ послѣдняго герцога; наконецъ Даніилъ принялъ новый, чуждый древней Руси титулъ короля (rex); ясно, что при такихъ отношеніяхъ древне-русскія родовыя понятія должны были изчезнуть въ Галичѣ, и король Даніилъ не могъ смотрѣть глазами старинныхъ князей русскихъ, но смотрѣлъ на право наслѣдства, какъ смотрѣли на него короли сосѣдніе; народонаселеніе Галицкое также не могло смотрѣть иначе: бояре давно приняли характеръ чуждый, что доказываетъ быстрое ихъ ополяченіе; городское же народонаселеніе состояло преимущественно изъ Нѣмцевъ, Жидовъ и Армянъ, толпами стекавшихся въ богатую область. Такимъ образомъ тѣже самыя понятія о собственности, о преемствѣ отъ отца къ сыну, о правѣ завѣщанія, которыя явились въ сѣверо-восточной Руси изнутри, развились изъ ея собственнаго организма, въ Галичѣ были занесены извнѣ, но привились и утвердились необходимо вслѣдствіе обстоятельствъ историческихъ». (Стр. 368 и 366). «Какъ здѣсь (въ юго-западной Руси) такъ и тамъ (въ сѣверо-восточной) родовый бытъ, господство родовыхъ отношеній между князьями рушится—здѣсь вслѣдствіе преобладанія новыхъ городовъ и произникшаго оттуда понятія объ отдѣльной собственности, тамъ вслѣдствіе того, что въ челѣ князей рода св. Владиміра сталъ чуждый родъ Гедиминовъ, стремившійся къ пріобрѣтенію могущества, къ увеличенію своей собственности на счетъ другихъ владѣтельныхъ родовъ, и это же самое стремленіе не позволило Гедиминовичамъ утвердить русскихъ родовыхъ отношеній и другъ къ другу... Сюда нужно прибавить еще могущественное вліяніе государственныхъ идей Запада, съ которымъ Литовскіе владѣльцы съ самаго начала вошли въ тѣсную связь». (Стр. 372).

Вотъ какъ одна ошибка влечетъ за собой другую! Еслибъ г. Соловьевъ не ввѣрился такъ гипотезѣ о новыхъ городахъ въ сѣверо-восточной Руси, и постепенныя внутреннія измѣненія, происходившія у насъ, старался объяснить изъ условій общихъ всей Россіи, всему славянскому міру, изъ родового начала, которое онъ такъ превосходно изслѣдовалъ въ отношеніи къ князьямъ, — онъ увидалъ бы, съ одной стороны, невозможность тѣхъ рѣзкихъ различій въ древней Руси, которыя лежатъ въ основаніи его системы старыхъ и новыхъ городовъ, съ другой—онъ не приписалъ бы внѣшнимъ вліяніямъ такого рѣшительнаго значенія въ до-Петровской Руси. Отрицать этого вліянія нельзя, но перецѣнивать не должно. Покуда patriar-

хальные элементы сильны въ народѣ, заимствуется одно внѣшнее, обыкновенно долго остающееся безъ всякихъ послѣдствій для внутренняго быта. Такъ было у насъ и вездѣ. Авторъ знаетъ, какъ нѣмецкіе Славяне потеряли свою національность: нѣмецкія колоніи, во множествѣ селившіяся въ славянскихъ земляхъ, довершили дѣло завоеванія. Но какимъ образомъ внутренній бытъ Галича и Литвы могъ существенно измѣниться вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній въ XIV вѣкѣ, вотъ чего мы себѣ никакъ не можемъ представить. Да и зачѣмъ представлять? Мы видѣли, что внутренній бытъ сѣверо-восточной Руси естественно, необходимо развился изъ быта древнихъ русско-славянскихъ племенъ. Если между-княжескія отношенія и въ югозападной Руси имѣли такое же развитіе, не понимаемъ, почему и ихъ не объяснить такимъ же образомъ: оно и проще и ближе.

Переходимъ ко времени Донского.

При немъ безпрерывно возрастающее господство Московскихъ князей обнаруживается въ новыхъ, небывалыхъ явленіяхъ: «обиженные князья требуютъ помощи и посредничества у князя Московскаго». Слѣдуя образу дѣйствій, котораго держался еще Всеволодъ, и который лежалъ въ духѣ и обстоятельствахъ времени, «Москва нехочетъ усиливать одного князя насчетъ другаго» и «старалась раздробленіемъ соперничествующихъ княжествъ обезсиливать ихъ». Вслѣдствіе этого, отношенія между великимъ княземъ и остальными князьями совершенно измѣнились. Это ясно видно изъ отношеній Донского къ двоюродному брату, Владиміру Андреевичу Храброму. Послѣдній обязуется служить Димитрію безъ ослушанія а Дмитрій обязуется кормить Владиміра по службѣ. «Владиміръ обязывается не искать подъ Димитріемъ удѣла Симеонова: этимъ утверждается новый обычай, что выморочный удѣлъ поступаетъ прямо къ в. князю, безъ раздѣла съ родичами». (Стр. 396.) «*Несмотря* на допущеніе перехода бояръ отъ в. князя къ удѣль-

ному, и наоборотъ, старшій братъ уже дѣлаетъ попытку распространить свое вліяніе на бояръ младшаго». (ibid). Не довольный старшими боярами Владиміра, Дмитрій «велѣлъ схватить» ихъ «и развести розно по городамъ, гдѣ держалъ подъ крѣпкою стражею, подъ надзоромъ жестокихъ приставниковъ» (стр. 398). «Великій князь выговариваетъ себѣ право казнить бояръ брата своего, если они ослушаются идти на службу, требуемую государственною пользою; мало того, в. князь выговариваетъ себѣ право назначать изъ бояръ брата способнѣйшихъ къ извѣстной службѣ: важный шагъ на поприщѣ государственнаго развитія! Теперь не цѣлый родъ владѣетъ землею, но одно лице, одинъ в. князь всея Руси; этотъ в. князь, принимая на себя одного отвѣтственность въ управленіи государствомъ, долженъ поэтому самому заботиться и о средствахъ къ лучшему достиженію государственныхъ цѣлей, долженъ имѣть вліяніе на выборъ людей, назначаемыхъ къ достиженію этихъ цѣлей» (стр. 397). «Владиміръ обязуется не искать московской отчины Димитріевой и в. княженія Владимірскаго не только подъ Димитріемъ, но и подъ дѣтьми его». «Димитрій называетъ себя уже не старшимъ братомъ, но отцемъ Владиміра, старшій сынъ великаго князя Василій называется старшимъ братомъ Владиміра, второй сынъ Юрій просто братомъ, то есть равнымъ, а меньшіе сыновья младшими братьями». (Стр. 397 и 399.) «Прежде каждый родичь считалъ себя въ правѣ получить отъ старшаго извѣстную часть родовой собственности; теперь онъ бьетъ челомъ чрезъ митрополита в. князю, какъ полновластному господину, о милости, и тотъ жалуетъ ему просимое». (Ibid.)

Главными дѣятелями этого новаго порядка вещей, орудіями усиленія Московскихъ князей насчетъ всѣхъ другихъ являются бояре и духовенство. «Бояре, умные отцевскіе слуги, которые дѣду нашему и отцу добра хотѣли, но вы-

раженію Симеона Гордаго, — бояре дѣйствуютъ за князя» (стр. 379); «интересы Московскаго княжества, интересы рода Калиты были тѣсно связаны съ интересами бояръ московскихъ: привыкнувъ быть боярами великокняжескими, они не хотѣли принять роль второстепенную; съ другой стороны, наслѣдственные слуги дяди и отца Димитріева, они не хотѣли переѣзжать къ новому в. князю, въ Нижній или Тверь, гдѣ не могли играть первостепенной роли, вытѣснить изъ благосклонности князя дѣдовскихъ бояръ его» (стр. 402); «но бояре дѣйствуютъ тайно, чрезъ князя: кто же явно дѣйствуетъ за Москву, кто является вездѣ на первомъ планѣ? Это духовенство, митрополитъ, который живетъ въ Москвѣ. Митрополитъ посылаетъ св. пустынника Сергія къ Нижегородскому князю съ приказомъ явиться въ Москву на судъ, и когда тотъ отказывается, Сергій затворяетъ всѣ церкви въ Нижнемъ. Такъ и въ спорѣ князей Тверскихъ митрополитъ приказалъ разсудить соперниковъ Тверскому епископу Василію, и тотъ оправдалъ племянника, сына старшаго брата предъ дядьми, по обычаю новому» (стр. 379). (Въ этомъ превосходномъ мѣстѣ мы не понимаемъ различенія Москвы и князя).

«Московскій князь, привыкшій съ малолѣтства не уважать ханскихъ ярлыковъ, не только считалъ возможною войну оборонительную, но и наступательную» (стр. 385). Въ Куликовской битвѣ «обнаружился исполинскій шагъ впередъ, какой сдѣлало русское общество на пути государственномъ; тогда-то открылось все превосходство новаго порядка вещей, вся заслуга Москвы. По слову Московскаго князя сонмъ служебныхъ князей явился, каждый князь съ своими полками; на Калкѣ, котора между родичами сгубила войско и Русь: на Дону, гдѣ Димитрій встрѣтилъ Мамая, никто изъ князей несмѣлъ котороваться въ присутствіи великаго, и Монголы были разбиты» (стр. 388).

Подобно княженію и завѣщаніе Димитрія Донского служитъ

новымъ, живымъ свидѣтельствомъ того порядка вещей, который наступалъ тогда въ сѣверо-восточной Россіи. «Московскій князь благословляетъ старшаго своего сына Василья в. княженіемъ Владимірскимъ, которое зоветъ своею отчиною! Донской уже небоится совмѣстниковъ для своего сына, ни изъ Твери, ни изъ Суздаля; онъ увѣренъ и въ согласіи Хана, потому что въ случаѣ отказа Московскій князь такъ силенъ, что можетъ обойдтись и безъ Хана, а въ случаѣ согласія такъ богатъ, что благодарность его будетъ гораздо цѣннѣе, чѣмъ благодарность какого-нибудь другаго князя» (стр. 405). Въ своей отчинѣ, «то есть, въ городѣ Москвѣ и въ станахъ, къ ней принадлежавшихъ, Донской владѣлъ двумя жребіями, жребіемъ отца своего Ивана и дяди Симеона, третьимъ жребіемъ владѣлъ Владиміръ Андреевичъ; онъ остался за нимъ и теперь. Изъ двухъ своихъ жребіевъ в. князь половину отдаетъ старшему сыну Василью, на старшій путь, другая половина раздѣлена на три части между остальными сыновьями: изъ этого видно, какъ усилена собственность старшаго» (стр. 405, 406).

...«Усиливъ старшаго сына не въ примѣръ предъ прочими областію в. княженія, областію уже теперь вѣрною, переходившею какъ отчина въ потомство послѣдняго, Донской счелъ справедливымъ ограничить нѣсколько обогащеніе старшаго въ пользу младшихъ, и потому уступилъ, повидимому, прежнимъ родовымъ понятіямъ, а именно, въ случаѣ смерти старшаго сына Василія бездѣтнымъ, владѣніе его т. е. Московская часть, вмѣстѣ съ в. княженіемъ, переходили къ старшему по немъ, а удѣлъ послѣдняго, какъ праздный, дѣлился снова между братьями, слѣдовательно здѣсь поступлено вопреки неотчуждаемости разъ полученной собственности, и князь Юрій, получивъ удѣлъ старшаго брата, долженъ былъ отказаться отъ своего наслѣдственнаго удѣла, который подвергался дробленію; равно Донской завѣщалъ, что если кто умретъ изъ младшихъ сыновей бездѣтнымъ, то выморочный удѣлъ также дѣлится между оставшимися въ живыхъ братьями. Но здѣсь, какъ уже сказано, только видимая уступка прежнимъ родовымъ понятіямъ; всѣ братья имѣютъ право на выморочный удѣлъ, но это право ограничено произволомъ княгини-матери: «а вы дѣти мои слушайте своее матери; что кому дастъ, то тому и есть». Слѣдовательно здѣсь мы видимъ уступку не прежнимъ родовымъ поня-

тіямъ, но уступка произволу собственника, что совершенно несогласно съ прежними понятіями. В. князь, какъ собственникъ, передаетъ свое право располагать своею собственностію по произволу женѣ: выморочный удѣлъ не раздѣляется прямо между всѣми сыновьями, но отдается въ распоряженіе княгинѣ-матери, распоряженіе, совершенно произвольное». (Стр. 406, 407).

Характеръ княженія Василія Дмитріевича слишкомъ извѣстенъ. Главный интересъ этого княженія сосредоточивается въ отношеніяхъ сѣверо-восточной Руси къ Литвѣ, которыхъ орудіями были бояре. Теперь, какъ при Димитріи, бояре играютъ весьма важную роль; но прежнее ихъ поколѣніе смѣняется новымъ, болѣе рѣшительнымъ, болѣе открыто-дѣйствующимъ. Бояре каждаго княжества старались «усилить его насчетъ другихъ; когда эта попытка удалась только боярамъ Московскимъ, то бояре остальныхъ княжествъ, видя невозможность бороться съ Москвою, видя, что рано или поздно ихъ княжества должны подчиниться Москвѣ, спѣшили соблюсти собственныя выгоды, и даже увеличить ихъ оставленіемъ своихъ несчастныхъ князей и переходомъ въ службу князя Московскаго: это не считалось измѣною, потому что удерживалось еще старое право бояръ свободно переходить отъ одного князя къ другому». (Стр. 410.)

«Бояре Донскаго, которыхъ главною заботою были дѣла Ордынскія, и которые были напуганы нашествіемъ Туктамыша, немогли перемѣнить господствующаго направленія своей дѣятельности, немогли стать въ уровень съ настоящими потребностями, и потому, непонимая всей опасности отношеній Литовскихъ, всей опасности, которая грозила съ запада, отвлекали вниманіе в. князя отъ замысловъ Витовта, и обращали его преимущественно на дѣла Орды, совѣтуя, какъ старики, мѣры осторожныя въ отношеніи къ послѣдней; но бояре молодые, въ челѣ которыхъ стоялъ Иванъ Ѳедоровичъ Кошка, уразумѣли, что отношенія Литовскія должны играть главную роль, что Москва должна напречь всѣ силы для сопротивленія замысламъ Витовтовымъ, тогда какъ опасность отъ издыхающей Орды, въ сравненіи съ послѣдними, разумѣется, были ничтожна. Вотъ почему Василій сначала, когда руководился совѣтами стараго Кошки, не полагалъ никакой преграды замысламъ Витовтовымъ, и *позволилъ* ему овладѣть Смоленскомъ; но послѣ, когда получилъ вліяніе *молодой* Иванъ Кошка, то в. князь какъ бы пробудился отъ прежняго бездѣйствія,

и сильными, рѣшительными мѣрами заставляетъ Витовта отложить свои замыслы касательно примысловъ въ Московской Руси». (Стр. 421, 422).

Политическая жизнь и смыслъ болѣе и болѣе сосредоточивались въ высшихъ слояхъ общества. Народъ разсуждалъ по старому, и вовсе не въ новыхъ интересахъ московской Руси.

«Въ 1408 году Свидригайло отъѣхалъ въ Москву; съ нимъ вмѣстѣ отъѣхалъ Черниговскій епископъ, шесть князей и цѣлая толпа бояръ южной Руси; Василій незналъ, чѣмъ изъявить свое радушіе этому драгоцѣнному союзнику; онъ далъ ему на кормленіе Владиміръ, со всѣми волостьми, Переяславль, Юрьевъ, Волокъ Ламскій, Ржевъ, половину Коломны. Такая щедрость сильно оскорбила московскій народъ. Народъ непонималъ смысла великой борьбы, которую велъ Василій съ Витовтомъ; ему гораздо опаснѣе казались Татары и, видя союзъ своего князя съ Ордою противъ Витовта, народъ съ ужасомъ думалъ, что Татары нарочно ссорятъ зятя съ тестемъ, дабы воспользоваться ихъ междоусобіемъ». (Стр. 417, 418).

Послѣднія княжескія усобицы были при Василіи Темномъ; «но онѣ всего лучше показали невозможность возвращенія старины, уяснивъ для народа, что настоящее его положеніе гораздо выше прежняго» (463 стр.). «Уже давно жители Руси отвыкли отъ княжескихъ переходовъ изъ одной области въ другую, давно уже князья сидѣли въ одномъ удѣлѣ постоянно съ боярами своими, и потому интересы князя и дружины его были тѣсно связаны съ интересами княжества, съ интересами остальнаго народонаселенія; вотъ почему граждане уже давно отвыкли отъ грабительства чуждыхъ бояръ и отроковъ, какъ-то было въ древней Руси...»

«Москвитяне, которые жаловались на Василья Васильевича за то, что онъ обременяетъ ихъ налогами для уплаты выкупа въ Казань, увидали, что при Шемякѣ, князѣ чуждомъ и приведшемъ чуждую дружину, положеніе ихъ не улучшилось: *Шемякинъ судъ* остался для потомства выраженіемъ суда несправедливаго, точно такого, какимъ былъ для древнихъ Кіевлянъ судъ Ольговичей, для Владимірцевъ судъ Ростиславичей. Но если Кіевляне и Владимірцы не могли снести управленія Ольговичей и Ростиславичей въ то время, когда переходъ князей былъ освященъ обычаемъ, то ясно, что Москвитяне не могли стерпѣть Шемякина суда въ то время, когда уже они привыкли къ другому обычаю». (Стр. 462 и 463).

Вотъ почему начатое при прежнихъ московскихъ великихъ князьяхъ, несмотря на смутное время, продолжало развиваться въ томъ же направленіи: уже при Темномъ «и послѣ в. князья стараются перемѣнять владѣнія князей удѣльныхъ, дабы послѣдніе, постоянно пребывая въ одномъ удѣлѣ, не могли пріучить жителей его къ себѣ, пріобрѣсть ихъ любовь». (Стр. 447). Даже тѣ удѣльные князья, которые пребыли вѣрными Темному, остаются младшими братьями, клянутся держать и сына Васильева в. княземъ вмѣсто отца, по приказу в. князя садиться на коня безъ ослушанія, и хотя князья «выговариваютъ себѣ право примысла, но это право безполезное, ибо у нихъ отняты средства къ примышленію: в. князь обязываетъ ихъ, чтобъ они не принимали служебныхъ князей съ вотчинами; не прикупать волостей въ чужихъ княжествахъ они также обязались договорами; оставалось одно средство для примысла — завоеваніе у иноплеменниковъ, но для этого удѣльные князья были слишкомъ слабы. Одинъ только В. князь Московскій имѣлъ право и возможность дѣлать примыслы». (Стр. 465). «Митрополитъ Іона ясно высказываетъ въ письмѣ къ Смоленскому епископу, «что родовыхъ отношеній между князьями болѣе не существуетъ, что князья удѣльные не суть братья Великому, но подданные!» (стр. 476). «Василій Ярославичъ Боровскій обязуется и съ дѣтьми своими считать старшимъ не только в. князя Василія и старшаго сына его Ивана, но и всѣхъ младшихъ сыновей, и послѣднихъ держать такъ честно и грозно, какъ самаго в. князя». (Стр. 479.) При Темномъ «упоминаются въ первый разъ князья — бояре Московскіе». (Стр. 480 пр. I.) Разумѣется удѣльные князья ненавидѣли Московскаго Вел. князя. Нѣкоторые изъ нихъ «въ изгнаніи, лишенные почти всякой надежды, мечтали о в. княженіи; ихъ договоръ служитъ самымъ лучшимъ оправданіемъ насильственныхъ мѣръ в. князя: еслибъ онъ не предпринялъ этихъ мѣръ,

то ихъ предприняли бы противъ него; сынъ Боровскаго князя говоритъ Можайскому: «и дастъ Богъ не по нашимъ грѣхомъ, Князя Великаго побіемъ или сгонимъ, а дастъ Богъ, господине, достанешъ В. княженья.» Изгнаніе и убіеніе грозило в. князю отъ князей удѣльныхъ, которые готовы были на всякую мѣру, ибо предвидѣли скорое изгнаніе или убійство отъ сильнѣйшаго». (Стр. 481.) «Съ другой стороны вольный переходъ бояръ и дворянъ вообще также содѣйствовалъ къ усиленію Московскаго княжества; боярину гораздо лестнѣе было служить сильнѣйшему, то есть в. князю, чѣмъ удѣльному, и потому онъ съ охотою переходилъ къ первому, тѣмъ болѣе, что отчины его оставались за нимъ, тогда какъ на переходъ отъ в. князя къ удѣльному боярину могъ рѣшится только въ случаѣ крайности, ибо несмотря на взаимное обязательство, сильнѣйшій князь всегда имѣлъ болѣе возможности отомстить невѣрному боярину захваченіемъ, или даже притѣсненіемъ его отчины... Сильнѣйшіе князья или Великіе нарочно тѣснили бояръ удѣльныхъ, чтобъ они переходили къ нимъ въ службу». (Стр. 467.) «Русское духовенство, въ лицѣ своего представителя, митрополита... содѣйствовало утвержденію единовластія, ибо одно духовенство въ это время могло сознательно смотрѣть и вполнѣ оцѣнить стремленіе Московскихъ князей. Проникнутое понятіями о власти царской, власти, получаемой отъ Бога, и независящей ни отъ кого и ни отъ чего, духовенство поэтому самому должно было находиться постоянно во враждебномъ положеніи со старымъ порядкомъ вещей, съ родовыми отношеніями, и когда Московскіе князья начали стремиться къ единовластію, то ихъ стремленія совершенно совпали съ стремленіями духовенства; можно сказать, что вмѣстѣ съ мечемъ свѣтскимъ, великокняжескимъ противъ удѣльныхъ князей постоянно былъ направленъ мечь духовный». (Стр. 458.) «Это духовенство представляло единое цѣлое; нѣтъ духовенства об-

ластнаго, Рязанскаго, Тверскаго, Московскаго, есть только духовенство всероссійское, чуждое постоянно всякихъ областныхъ интересовъ: такъ Іона, епископъ Рязанскій, ревностно поддерживаетъ государственныя стремленія Московскаго князя, и Московскій князь немедлитъ дать свое согласіе на возведеніе этаго епископа въ санъ митрополита, зная, что Рязанскій Владыка не принесетъ въ Москву областныхъ Рязанскихъ стремленій; исключеніемъ здѣсь является одинъ только архіепископъ Новгородскій, преслѣдующій постоянно интересы своего города, и оттого мы замѣчаемъ нерасположеніе митрополита къ архіепископамъ Новгородскимъ, ибо митрополитъ требуетъ, чтобъ духовенство было выше всѣхъ областныхъ, частныхъ интересовъ».

Не раздѣляя вполнѣ мнѣнія автора о цѣляхъ и стремленіяхъ тогдашняго духовенства и на основаніи послѣдующихъ событій находя ихъ нѣсколько идеализированными, мы тѣмъ не менѣе совершенно согласны съ нимъ въ фактахъ, событіяхъ, которыя были результатомъ цѣлей. Дѣйствуя мечомъ духовнымъ, духовенство отлучало строптивыхъ удѣльныхъ князей отъ церкви, предавало проклятію; понятно, какъ такія мѣры должны были упрочивать порядокъ вещей, созданный Московскими великими князьями. За то тогдашнее общественное мнѣніе мало и худо понимало ходъ исторіи. Оно было живымъ, но уже запоздалымъ отголоскомъ прежняго, пережитаго и потому странно, несовременно, непрактически отзывалось о новыхъ событіяхъ:

• Съ в. княземъ выѣхали изъ Орды многіе князья татарскіе со многими людьми, и прежде Василій охотно принималъ татарскихъ князей въ службу, и давалъ имъ кормленія—средство превосходное противопоставлять варварамъ варваровъ же, заставляя ихъ биться за гражданственность, средство, которое Россія должна была употреблять вслѣдствіе самаго своего географическаго положенія. Мы, разумѣется, можемъ только хвалить Василія за употребленіе этого средства, но современники думали не такъ: мы видѣли, какъ они ропта*ли на* отца Васильева за то, что онъ давалъ Литовскимъ князьямъ богатыя

кормленія; еще болѣе возбудили ихъ негодованіе подобные поступки Василія съ Татарами, ибо въ нихъ немогла погаснуть страшная ненависть къ этимъ врагамъ, которые тогда неоставляли еще притязанія на господство надъ Русью, т. е. на безнаказанное насиліе надъ ея жителями, и когда къ тому еще огромныя подати наложены были на народъ, чтобъ достать деньги для окупа, то негодованіе на в. князя обнаружилось въ самыхъ стѣнахъ Москвы» (стр. 453).

Распустили слухъ, «будто В. князь обѣщалъ отдать Хану (казанскому) все Московское княжество, а самъ удовольствоваться Тверью» (стр. 454), и этому слуху повѣрили! Обвинительные пункты, за что ослѣпили Темнаго, между прочимъ были: «Почто еси Татаръ привелъ въ Русьскую землю и городы подавалъ еси имъ и волости въ кормленіе; а Татаръ и языкъ ихъ паче мѣры любишъ, а Христіанъ безъ милости томишъ, и злато и сребро Татарамъ даешъ». Оно и не могло быть впрочемъ иначе; по необходимому, логическому закону развитія нашей древней исторіи, вся жизнь сосредоточилась наконецъ въ государственной, политической сферѣ, и во главѣ ея были Московскіе великіе князья. Общество далеко отстало отъ этого движенія, и догоняло его задними числами; съ Петра Великаго разстояніе между той и другой жизнью можно считать вѣками: важное обстоятельство, бросающее свѣтъ на множество явленій въ нашей исторіи, надъ которыми мы тщетно ломаемъ себѣ голову, и которыя большею частію объясняемъ такъ странно.

При Василіи Темномъ мысль о нераздѣльности государства совершенно созрѣла, быть можетъ, и даже вѣроятно, подъ вліяніемъ тревожныхъ событій его княженія. «Дабы предотвратить всѣ споры касательно великокняжескаго наслѣдства, Василій еще при жизни назвалъ сына своего Ивана в. княземъ и началъ писать имя его подлѣ своего въ грамотахъ. Соединивъ въ «одно всѣ удѣлы Московскаго княжества кромѣ Верейскаго, Василій снова далъ удѣлы меньшимъ сыновьямъ, но эти удѣлы были ничтожны въ сравненіи съ огромнымъ ччъ-

сткомъ старшаго сына в. князя Ивана. Въ завѣщаніи Василья въ первый разъ область великаго княжества Владимірскаго смѣшивается съ областями княжества Московскаго» (стр. 500). Вмѣстѣ съ тѣмъ «завѣщатель приказываетъ меньшимъ сыновьямъ слушаться старшаго брата какъ отца, а послѣднему держать младшихъ въ братствѣ, безъ обиды; но эти обычныя и неопредѣленныя выраженія не могли ни къ чему обязать ни старшаго, ни младшихъ; теперь нужны были точнѣйшія опредѣленія правъ и обязанностей и старшему дана была полная возможность опредѣлить ихъ въ свою пользу» (стр. 501, 502).

Тоже самое, въ отношеніи къ удѣльнымъ князьямъ, происходило и въ Литвѣ; «въ описываемое время» всѣ Рюриковичи, «которые остались въ юго-западной, старой Руси», уже вошли въ служебныя и подданническія отношенія къ Гедиминовичамъ» (496 и 497 стр.).

Четвертый, послѣдній отдѣлъ книги г. Соловьева есть верхъ торжества историческаго таланта автора. Еслибъ мы хотѣли вполнѣ подѣлиться съ читателями всѣмъ тѣмъ, что̀ есть замѣчательнаго въ этой превосходной части разбираемаго изслѣдованія, пришлось бы переписать ее цѣликомъ. Въ цѣлой книгѣ, такъ мастерски написанной, художественность изложенія нигдѣ не достигаетъ такой высоты, какъ здѣсь. Образъ Іоанна III и въ немъ цѣлая эпоха, цѣлый XV вѣкъ русской исторіи возсозданъ впервые въ тѣхъ размѣрахъ, съ тѣми чертами, какіе ему свойственны. Каждая строка дышетъ историческою истиною; оправданіе, или, лучше сказать, объясненіе дѣйствій и характера Іоанна IV, написанное на основаніи положительныхъ данныхъ, есть подвигъ и заслуга, едва ли имѣющіе себѣ равныхъ въ теперешней русской исторической литературѣ. Стѣсненные предѣлами журнальной критической статьи, за которые мы и безъ того выходили поневолѣ слишкомъ часто, мы позволимъ себѣ сдѣлать еще нѣсколько выписокъ, съ тру-

домъ и сожалѣніемъ ограничиваясь самымъ необходимымъ и характеристическимъ.

«До сихъ поръ»—говоритъ авторъ, описывая княженіе Іоанна III—«главною заботою Московскихъ князей было собираніе Русской земли, примыслы, прибытки; изъ князей-вождей дружины Сѣверные князья, преимущественно Московскіе, стали князьями-собственниками, хозяевами; но эти князья, которые кланялись въ Ордѣ не только Хану, но и вельможамъ его, отъ которыхъ родичи еще требовали родственнаго, равнаго обхожденія, эти князья не были еще окружены тѣмъ величіемъ, которымъ были окружены другіе монархи Европы, какъ преемники цезарей, какъ помазанники свыше. У насъ, несмотря на стремленія духовенства, в. князю трудно было получить царственное значеніе именно вслѣдствіе родоваго быта, такъ долго господствовавшаго и затруднявшаго развитіе идей государственныхъ. Чтобъ церкви успѣть въ своемъ стремленіи сообщить в. князю царственное величіе, нужна была помощь извнѣ, и какъ на западѣ, на помощь церкви пришли преданія имперіи, такъ точно и у насъ на Руси эти преданія имперіи принесены къ Московскому двору Софіею Палеологъ. Изслѣдуйте движенія, перемѣны, имѣвшія мѣсто при Иванѣ III, и вы увидите, что все движется, измѣняетъ форму для принятія какихъ-то новыхъ, неизвѣстныхъ идей. византійская царевна хочетъ быть царицею: для этого ей нуженъ дворъ по образцу Византійскаго, и этотъ дворъ является при Иванѣ III; но прежде всего царевнѣ нужно гдѣ жить, и въ этой бѣдной Москвѣ, наполненной лачужками, являются дворцы, соборы, тронныя палаты, для построенія которыхъ вызываются иностранные художники, а для этого заводятся связи съ иностранными государствами; наши послы отправляются къ западнымъ дворамъ, просятъ прислать художниковъ своему государю; императоръ и короли хотятъ воспользоваться этимъ случаемъ для достиженія своихъ цѣлей, предлагаютъ союзы, крестовые походы, браки; Московскій князь не прочь ни отчего, но хитрый правнукъ Калиты преслѣдуетъ во всемъ ближайшую цѣль, не заходитъ далеко, не обязывается никакими обѣщаніями: онъ не спускаетъ глазъ съ Орды, Литвы и Польши, для чего переписывается съ Императоромъ, и вмѣстѣ ищетъ дружбы Султана. Вотъ слѣдствія появленія Греческой царевны въ Москвѣ для распространенія нашихъ иностранныхъ сношеній; но гораздо важнѣе были перемѣны внутреннія, подъ ея вліяніемъ произведенныя. Никто лучше смѣтливаго Іоанна III не могъ воспринять тѣхъ идей, которыя принесла Софья: вотъ почему онъ такъ легко является грознымъ государемъ на Московскомъ, великокняжескомъ столѣ; онъ первый получилъ названіе грознаго, потому что первый явился, для двора и народа Монархомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія, и строго карающимъ за ослушаніе, первый возвысился до царственной, недосягаемой высоты, передъ которою боярин, князь, потомокъ Рюрика и Гедимина должны были благоговѣйно пре-

клониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ подданныхъ. Такая перемѣна въ характерѣ в. князя не могла не возбудить сильнаго негодованія въ толпѣ князей и бояръ. Иванъ III посягнулъ на важнѣйшее изъ правъ, право отъѣзда, и по первому мановенію грознаго Самодержца, головы крамольныхъ князей и бояръ лежали на плахѣ; отсюда та страшная ненависть князей и бояръ къ новому порядку вещей, начавшемуся съ Ивана III, отсюда та страшная ненависть ихъ къ виновницѣ этой новизны, В. К. Софьѣ. Для доказательства сказаннаго раскроемъ Курбскаго, адвоката старины и правъ князей и бояръ...» (стр. 529—531).

«Кромѣ Курбскаго мы имѣемъ еще другой боярскій отзывъ о новомъ порядкѣ вещей, принесенномъ Софьею. Уже въ княженіе сына ея Василія, боярин Берсень такъ говорилъ Максиму Греку: «А какъ пришли сюда Грекове, ино и земля наша замѣшалася; а дотолѣ земля наша Русская жила въ тишинѣ и въ миру. Какъ пришла сюды мати В. князя княгини Софье съ вашими Греки, такъ наша земля замѣшалася, и пришли нестроенія великіе какъ и у васъ во Царѣ-городѣ при вашихъ царѣхъ». На слова Максима: «Господине, мати В. князя В. княгини Софья съ обѣ стороны была роду великого, по отцѣ царскій родъ Царегородскихъ, а по матери великаго Дуксуса Ферарійскаго Италійскіе страны», Берсень отвѣчалъ: «Господине, какова ни была, а къ нашему нестроенью пришла, которая земля переставливаетъ обычьи свои, и та земля не долго стоитъ, а здѣсь у насъ старые обычаи В. К. перемѣнилъ, ино на насъ котораго добра чаяти?» Въ чемъ же, по мнѣнію боярина, состояла эта перестановка обычаевъ? Вотъ въ чемъ: «Лутче старыхъ обычаевъ держатися, и людей жаловати, и старыхъ почитати; а нынѣ день государь нашъ запершися самъ третей у постели всякіе дѣла дѣлаетъ». Итакъ перестановка обычаевъ состояла въ томъ, что В. князь отстранилъ вліяніе бояръ, началъ думать особо свою думу, и теперь уже бояре не могли сказать ему: «о собѣ еси, княже, замыслилъ; а нѣдемъ по тебѣ, мы того невѣдали», потому что московскіе князья «желая крови братій своихъ, несытства ради своего», изгубили родичей, овладѣли ихъ удѣлами, и боярамъ некуда было болѣе отъѣхать. Не одни недовольные князья и бояре оставили намъ свидѣтельства о великомъ вліяніи Софьи на перестановку обычаевъ въ Русской землѣ; есть другія свидѣтельства болѣе безпристрастныя: Геберштейнъ, бывшій въ Москвѣ въ княженіе сына Софьи, говоритъ объ ней: это была женщина необыкновенно хитрая, по ея внушенію В. князь сдѣлалъ многое». И наши лѣтописцы подтверждаютъ это, говоря, напримѣръ, что Софьѣ принадлежитъ окончательный разрывъ съ Ордою при Иванѣ III» (стр 533—535).

Отношенія къ удѣльнымъ князьямъ, къ Литвѣ — изложены превосходно. Разсказъ такъ живъ, что читая, переносишься *въ эпоху* описываемыхъ событій.

Княженіе Василья Ивановича—интермедія между двумя великими Іоаннами—было хотя и неблистательнымъ, но тѣмъ не менѣе послѣдовательнымъ переходомъ отъ гонителя удѣльныхъ князей къ истребителю ихъ подъ личиной московскихъ бояръ.

«Василій не могъ заслужить любви бояръ и потомковъ владѣтельныхъ князей, потому что, по словамъ Геберштейна, совершилъ то, что отецъ его началъ, и явился монархомъ» (стр. 587).

«Но у бояръ, и вообще у всѣхъ дружинниковъ и слугъ вольныхъ противъ жестокости в. князя оставалось важное право, право отъѣзда къ другимъ князьямъ; въ сѣверо-восточной Руси изчезли независимые князья; отъ братьевъ в. князя нельзя было ожидать покровительства отъѣхавшему изъ Москвы боярину; оставался одинъ отъѣздъ въ литовскую Русь, къ в. князю Литовско-Русскому, и недовольные дружинники стремятся туда. Для прекращенія этого явленія изъ стараго, родоваго быта, Московскіе государи придумываютъ средство, а именно берутъ съ подозрительныхъ бояръ присягу неотъѣзжать отъ нихъ: современи Ивана III, перваго государя въ Москвѣ, перваго князя, который возсталъ противъ отъѣзда боярскаго, появляются этѣ клятвенныя записи; онѣ умножаются при сынѣ его Василіѣ, еще болѣе ихъ при внукѣ его, Иванѣ Грознымъ—признакъ постоянно усиливавшейся борьбы между двумя правами: правами государя на вѣчную покорность подданнаго и обветшавшимъ правомъ дружинника перемѣнять вождя, переходить изъ одной дружины въ другую, правомъ, которое такъ долго поддерживалось родовыми отношеніями княжескими, и теперь долженствовавшимъ изчезнуть вслѣдствіе смѣны ихъ отношеніями государственными» (стр. 588 и 589).

«Но Московскіе государи, начиная съ Ивана III, недовольствовались порукой духовенства и грамотами: они требовали ручательства болѣе вещественнаго, и потому заставляли другихъ бояръ и дворянъ ручаться за провинившаося боярина, что онъ неотъѣдетъ, а въ случаѣ отъѣзда поручившійся долженъ былъ внести князю извѣстную сумму денегъ; такъ по князѣ Холмскомъ поручился И. Н. Воронцевъ, что онъ въ случаѣ его отъѣзда, внесетъ 250 рублей!» (стр. 591, 592).

Послѣдняя глава (третья) посвящена Ивану Грозному: подобно первой главѣ третьяго отдѣла, она, строго говоря, лишняя въ этомъ сочиненіи. Удѣльныхъ князей не было при Іоаннѣ, стало-быть при немъ и не могло быть въ Россіи междукняжескихъ отношеній, главнаго предмета изслѣдованій (ибо какъ называть удѣльными нѣсколькихъ князей, лишенныхъ

владѣльческихъ правъ?). Борьба Іоанна съ князьями—подданными, боярами, принадлежитъ не сюда. Какъ характеристика этого царя — глава неполна, потому что не обнимаетъ всѣхъ сторонъ его удивительной, необыкновенной личности. Несмотря на это, очеркъ характера Грознаго и его отношеній къ вельможамъ такое капитальное пріобрѣтеніе русской исторической литературы, что отступленіе отъ плана и системы кажется предъ нимъ маловажнымъ, незначительнымъ. Не то, чтобъ мы были во всемъ и совершенно согласны съ мнѣніемъ автора объ Іоаннѣ IV: иное мы понимаемъ иначе, другое намъ кажется преувеличеннымъ, идеализированнымъ: совсѣмъ тѣмъ мы еще ничего не читали объ Іоаннѣ, чтобъ насъ такъ глубоко удовлетворило, какъ послѣднія сто страницъ его книги.

«Мы достигли въ нашей исторіи»—говоритъ г. Соловьевъ въ началѣ главы—«того времени, когда оба порядка вещей, родовый и государственный дали другъ другу послѣднюю отчаянную битву, которою знаменуется царствованіе Грознаго. Господство родовыхъ отношеній между князьями имѣло, какъ необходимо слѣдуетъ ожидать, могущественное вліяніе на весь общественный составъ Руси, имѣло могущественное вліяніе на бытъ городовъ, на положеніе дружины: когда слѣдовательно отношенія между князьями начали смѣняться государственными, то эта смѣна должна была отозваться во всемъ общественномъ организмѣ, должна была повлечь измѣненія и въ бытѣ городовъ, и въ положеніи дружины, двора. Отсюда ясно, что в. князья въ своихъ государственныхъ стремленіяхъ должны были встрѣтить сопротивленіе не со стороны однихъ князей-родичей, но со стороны всего того, что получило свое бытіе или, по крайней мѣрѣ, поддерживалось родовыми княжескими отношеніями. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ возможность вольнаго, безнаказаннаго перехода отъ одного князя къ другому, существовавшая для городовъ, для членовъ дружины, для людей изъ остальнаго даже народонаселенія при господствѣ родовыхъ княжескихъ отношеній, и прекращавшаяся при смѣненіи ихъ государственными. Эту-то возможность перехода, являвшуюся для нѣкоторыхъ въ видѣ права (напримѣръ для дружинниковъ и вообще слугъ вольныхъ), для другихъ въ видѣ освященнаго обычая, старины (напримѣръ для старыхъ городовъ), старое общество поддерживало всѣми силами противъ государственныхъ стремленій Московскихъ в. князей, которые справедливо видѣли въ ней несообразность, беззаконіе, измѣну. Вотъ смыслъ борьбы начавшейся давно въ *Сѣверной Руси*, но обнаружившейся съ большею силою при Иванѣ III, и дошедшей

до крайности при внукѣ его Иванѣ IV. Если справедливо, что, какъ говорятъ, Иванъ IV былъ помѣшанъ на измѣнѣ, то вмѣстѣ съ этимъ должно допустить, что старое общество было помѣшано на переходѣ, или отъѣздѣ. Изъ вышесказаннаго ясно, какъ несправедливо видѣть въ строгихъ мѣрахъ Грознаго исключительное противоборство какимъ-то аристократическимъ, боярскимъ стремленіемъ; факты противорѣчатъ этому: Иванъ IV вооружался не противъ однихъ бояръ, ибо не одни бояре были заражены закоренѣлою болѣзнію стараго русскаго общества—страстію къ переходу или отъѣзду» (стр. 596 и 597).

Изъ этихъ словъ видно, какъ вѣрно авторъ смотритъ на значеніе Іоанна въ русской исторіи. Въ нихъ конечно проглядываетъ нѣкоторое пристрастіе въ пользу московскихъ князей и Іоанна Грознаго. Г. Соловьевъ находитъ, что великіе князья «справедливо видѣли несообразность, беззаконіе, измѣну» въ возможности перехода; онъ говоритъ, что «старое общество было помѣшано на переходѣ или отъѣздѣ». Едва ли можно утверждать это съ юридической точки зрѣнія. Намъ кажется, что авторъ здѣсь какъ-будто нѣсколько измѣнилъ строго-историческому воззрѣнію. Но мы не станемъ его винить за это; напротивъ, такое пристрастіе, такое отклоненіе отъ исключительно историческаго пониманія обнаруживаетъ въ г. Соловьевѣ живой взглядъ, живое сочувствіе къ событіямъ и лицамъ, безъ котораго конечно можно писать хорошія историческія изслѣдованія, но нельзя быть историкомъ. Сверхъ того пристрастіе или увлеченіе г. Соловьева въ пользу Іоанна IV въ настоящее время кажется намъ, даже заслугой. Съ тѣхъ поръ, какъ появилась исторія Карамзина, всѣ привыкли смотрѣть на Іоанна IV, какъ на властителя, алкавшаго крови и жертвъ безъ смысла и причины. Конечно благородное чувство водило перомъ Карамзина, когда онъ писалъ IX томъ исторіи Государства Россійскаго; какъ историческое явленіе, его взглядъ имѣетъ огромную, неизмѣримую важность. Но возвышенныхъ чувствъ, какъ извѣстно, еще недостаточно, чтобъ быть хорошимъ историкомъ; сверхъ того судъ съ нравственной точки

зрѣнія рѣдко бываетъ вѣренъ и справедливъ: онъ можетъ быть важенъ для извѣстной эпохи, какъ выраженіе ея понятій, какъ средство ихъ распространенія подъ исторической оболочкой; но какъ судъ неисторическій, принимаемый однако за чистыя деньги, онъ вноситъ величайшія недоразумѣнія въ исторію, представляетъ ее въ ложномъ свѣтѣ и своимъ авторитетомъ надолго затемняетъ прямой взглядъ на прошедшія и будущія историческія судьбы народа. Съ этимъ зломъ едва ли можно сравнить какія-либо другія; ибо что же можетъ быть важнѣе въ народной жизни прямого, естественнаго, ничѣмъ не отуманеннаго самосознанія? Іоаннъ IV есть цѣлая эпоха русской исторіи, полное и вѣрное выраженіе нравственной физіономіи народа въ данное время. Не нравится это историческое лице— ищите причинъ въ цѣлой народной жизни, предшествовавшей и современной ему; Карамзинъ, какъ мы сказали, изъ очень похвальныхъ побужденій, поставилъ Іоанна особнякомъ: никакой связи между имъ и эпохой, кромѣ непонятной въ такомъ даровитомъ человѣкѣ жажды зла, разрушенія. Во второй половинѣ царствованія Іоаннъ выходитъ у исторіографа бичомъ Божіимъ, разслабившимъ и унизившимъ Россію; послѣдняя — невинной страдалицей, смиренно принимавшей кару, ниспосланную на нее съ небесъ. Изъ этого мы, разумѣется, составляемъ себѣ о Россіи самое выгодное понятіе, льстящее нашей народной гордости. Отчего же, спрашивается, вся наша дальнѣйшая исторія шла по началамъ, высказаннымъ впервые Іоанномъ IV? отчего всѣ наши преобразованія носили тотъ же характеръ, что и при немъ, смягчаясь только въ формахъ, по мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи? Что-нибудь изъ двухъ надо признать: или Іоаннъ былъ вполнѣ народнымъ дѣятелемъ въ Россіи, слѣдовательно кромѣ сторонъ, выставленныхъ выпукло Карамзинымъ, имѣлъ и другія, которыя связывали Грознаго самымъ *тѣснымъ* образомъ съ временемъ и народомъ, посреди кото-

раго онъ дѣйствовалъ, — или надо отвергнуть всю русскую исторію, извѣстную намъ, и сочинить или предположить гдѣ-то тамъ, за всѣмъ тѣмъ, что̀ мы знаемъ и видимъ изъ историческихъ данныхъ и современной Россіи, другую, гадательную, никому неизвѣстную и небывалую, какъ дѣлаютъ нѣкоторые. Съ легкой руки Карамзина Іоаннъ сталъ извѣстенъ какъ страшное исключеніе изъ русской исторіи. Несправедливость такого односторонняго приговора не могла не броситься въ глаза, когда наша старина сдѣлалась болѣе извѣстна и доступна для всѣхъ, и это вызвало другую крайность, безусловное поклоненіе Іоанну, безусловное его восхваленіе. Она имѣетъ, безспорно свою слабую, даже дурную сторону; но нельзя не сознаться, что теперь, когда рѣчь идетъ еще только о возстановленіи несомнѣнныхъ заслугъ и достоинствъ Іоанна въ глазахъ всѣхъ, въ противоположность неумолимому и неосновательному охужденію этого даровитѣйшаго и умнѣйшаго изъ древнихъ русскихъ царей — особенное предрасположеніе въ его пользу понятно, какъ реакція, и конечно найдетъ полное свое оправданіе передъ лицомъ даже самыхъ безпристрастныхъ судей. Таковъ ходъ развитія человѣческихъ сужденій и понятій: не вдругъ достается истина; умъ начинаетъ съ крайности и изъ одной переходитъ въ другую, пока не отыщетъ разумной середины или снимающей ихъ мѣры.

Въ настоящее время изъ двухъ крайностей послѣдняя, въ пользу Іоанна, кажется намъ ближе къ истинѣ, потому что искореняетъ въ новыхъ поколѣніяхъ предразсудокъ, успѣвшій пустить корни, и раскрываетъ тѣ стороны Іоаннова царствованія и характера, которыя, къ сожалѣнію, слишкомъ долго оставались въ тѣни, почти незамѣченными. Въ этомъ мы видимъ новый успѣхъ народнаго самосознанія, путь къ болѣе дѣйствительной, вѣрной оцѣнкѣ насъ самихъ, и потому не можемъ не радоваться.

«Иванъ III и сынъ его Василій имѣли одинакій характеръ, отличавшій болѣе или менѣе всѣхъ князей Московскихъ, ихъ предшественниковъ: главныя черты этого характера — разсудительность, разчетливость, преобладаніе головы надъ сердцемъ; прямые наслѣдники Калиты, Иванъ III и сынъ его Василій не увлекались никогда чувствомъ. Совершенно иная была природа Ивана IV: это былъ безспорно самый даровитый государь, какого только намъ представляетъ Русская Исторія до Петра В., самая блестящая личность изъ всѣхъ Рюриковичей; но съ необыкновенною ясностію взгляда, ловкостію въ рѣчахъ и поступкахъ, качествами, полученными въ наслѣдство отъ предковъ, въ Иванѣ было развито въ высшей степени другое, противоположное начало, женственное, чувство: сколько Иванъ былъ уменъ и проницателенъ, столько же былъ страстенъ, воспріимчивъ, раздражителенъ, способенъ увлекаться, доходить до крайности. Можно легко угадать, какой характеръ долженствовала принять борьба такого государя съ неисцѣлимымъ зломъ старинныхъ притязаній. Притомъ Иванъ III и сынъ его Василій не были еще такъ далеки отъ стараго порядка вещей, смотрѣли на него еще исторически, и потому въ борьбѣ своей съ нимъ были необходимо хладнокровнѣе и умѣреннѣе; но Иванъ IV былъ уже третій государь на престолѣ Московскомъ, въ этомъ смыслѣ порфирородный, рожденный и воспитанный уже монархомъ. Напитанный въ дѣтствѣ высокими понятіями о власти государя, онъ еще болѣе укрѣпилъ эти понятія своею обширною начитанностію, изученіемъ священной, церковной, Римской Исторіи; онъ хотѣлъ быть тѣмъ же на московскомъ престолѣ, чѣмъ Давидъ и Соломонъ были на іерусалимскомъ, Августъ, Константинъ и Ѳеодосій на римскомъ. Иванъ IV сталъ первымъ царемъ не потому только, что первый принялъ царскій титулъ, но потому, что первый созналъ вполнѣ все значеніе царской власти, первый составилъ себѣ ея теорію, тогда какъ отецъ и дѣдъ его усиливали свою власть только практически. И вотъ Иванъ IV, который хочетъ вести свое происхожденіе отъ Августа Кесаря (и точно ведетъ его, только духовно, а не естественно), Иванъ IV съ глубокимъ убѣжденіемъ о святости, неприкосновенности своихъ правъ, окруженъ толпою князей и дружинниковъ, которые толкуютъ о происхожденіи своемъ отъ князей Ярославскихъ, Суздальскихъ, Смоленскихъ, о томъ, что государь не долженъ ничего дѣлать безъ совѣта со старшими членами дружины, какъ водилось прежде, о правѣ безнаказаннаго отъѣзда. Но этого мало; оскорбленный такими противугосударственными притязаніями, какъ государь, Иванъ IV былъ глубоко оскорбленъ лично, какъ человѣкъ, недостойными поступками окружавшихъ его во время дѣтства, и потомъ трижды еще оскорбленъ въ своей довѣренности и въ своихъ чувствахъ, какъ отецъ и какъ мужъ. Вотъ почему въ борьбѣ своей со старыми притязаніями, Иванъ IV не только преслѣдуетъ противугосударственныя стремленія, какъ государь, но вмѣстѣ преслѣдуетъ враговъ своихъ, какъ человѣкъ, лично оскорбленный. *Наконецъ* для такого Государя, какъ Иванъ IV, съ природою въ высшей

степени воспріимчивою и страстною, нужно было самое осторожное, глубокообдуманное воспитаніе, надобно было допускать до него только одни благія впечатлѣнія,—и вмѣсто того отъ ранняго дѣтства его окружали только самыми недостойными сценами, и какъ бы нарочно раздражали самымъ безумнымъ образомъ. Что же были за причины подобнаго воспитанія? Мы знаемъ, что Дмитрій Донской, сынъ его и внукъ вступали на великокняжескій престолъ въ ранней молодости, когда еще не могли управлять сами, и между тѣмъ, въ началѣ ихъ княженій, мы вовсе не видимыхъ тѣхъ оскорбительныхъ явленій, которыя имѣли мѣсто во время малолѣтства Ивана IV: напротивъ, мы видимъ необыкновенно умное, дружное и дѣятельное управленіе бояръ для блага князя и княжества; откуда же происходитъ такая разница? При Донскомъ, сынѣ и внукѣ его интересы князя и бояръ были тѣсно соединены; ни князь, ни бояре не обнаруживали еще противоположныхъ стремленій; бояре московскіе дружно отстаивали права своего князя и княжества противъ притязаній другихъ князей, потому что этого требовали ихъ собственныя выгоды. Но со временъ Ивана III интересы в. князя и бояръ разрознились: князь началъ руководствоваться идеями государственными, бояре выставили свои, несовмѣстимыя съ этими идеями притязанія. По смерти Василія Ивановича опекуншею малолѣтнаго сына его Ивана осталась жена его Елена, уже ненавистная боярамъ; она неотступала отъ поведенія своего мужа, слѣдовательно не уменшила этой ненависти. Не могши управлять одна, Елена ввѣрилась извѣстному лицу изъ бояръ же, и такимъ образомъ внесла этимъ предпочтеніемъ раздѣленіе между послѣдними; отсюда ненависть къ любимцу, стараніе свергнуть его какими бы то ни было средствами, партіи между боярами, борьба между партіями. Наконецъ еще одно важное различіе: при Донскомъ и его преемникахъ между московскими боярами не было князей, ни Рюрикова, ни Гедиминова рода; во время малолѣтства Ивана IV они наполняли дворъ, куда принесли свои притязанія и свою ненависть къ московскимъ государямъ, лишившимъ ихъ удѣловъ, сведшихъ ихъ со степени независимыхъ владѣльцевъ на степень слугъ своихъ». (Стр. 597—601).

«По смерти матери Иванъ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ касательно умственнаго и нравственнаго развитія. Пытливый умъ ребенка требовалъ пищи: онъ жадно схватилъ все, что могли предложить ему вѣкъ и общество; масса свѣдѣній была невелика, дѣлать выбора было не изъ чего, молодой князь взялъ все, прочелъ все, что могъ достать прочесть; слѣдовательно въ дѣлѣ умственномъ Иванъ могъ еще обойдтись безъ руководителя. Но не такъ было въ дѣлѣ нравственномъ; среди эгоистическихъ стремленій партій, царственный младенецъ былъ предоставленъ въ руководство одному собственному эгоизму; Иванъ съ ранней юности былъ окруженъ людьми, которые, въ своихъ стремленіяхъ, не обращали на него никакого вниманія, безпрерывно оскорбляли его: отсюда Иванъ необходимо долженъ былъ привы-

кнутъ—имѣя въ виду только собственные интересы, не обращать вниманія на интересы другихъ, не уважать человѣческаго достоинства, не уважать жизни человѣка; если онъ, какъ началъ себя помнить, не встрѣчалъ ни откуда не только сочувствія, даже вниманія, то какъ хотѣть, чтобъ онъ сочувствовалъ другимъ, обращалъ вниманіе на другихъ? Пренебрегали развитіемъ хорошихъ склонностей ребенка, подавленіемъ дурныхъ, оставляли его предаваться чувственнымъ, животнымъ стремленіямъ, потворствовали ему, хвалили за то, за что надобно было порицать, и въ тоже время, когда дѣло доходило до личныхъ интересовъ боярскихъ, молодаго князя оскорбляли въ самыхъ лучшихъ, самыхъ святыхъ его интересахъ, именно въ привязанности къ людямъ, оскорбляли вдвойнѣ, оскорбляли какъ государя, потому что не слушали его приказаній, оскорбляли какъ человѣка, потому что не слушали его прозьбъ, не обращали вниманія на его слезы: отъ этого сочетанія потворствъ, ласкательствъ и оскорбленій, которымъ безпрерывно подвергался Иванъ, въ немъ развились два чувства: презрѣніе къ рабамъ ласкателямъ и ненависть ко врагамъ, ненависть къ строптивымъ вельможамъ, беззаконно похитившимъ его права, и ненависть личная за личныя оскорбленія». (Стр. 620, 621).

«Ужаснымъ потворствомъ раздражительная, воспріимчивая природа Ивана была пріучена къ чувственнымъ наслажденіямъ; эта привычка въ лѣтахъ зрѣлыхъ повела къ разврату, и къ той страшной внутренней борьбѣ, которая происходила въ душѣ царя, вполнѣ сознавшаго паденіе свое въ нравственномъ отношеніи. Въ адвокатскихъ письмахъ своихъ къ Курбскому онъ еще старается оправдать это паденіе; но предъ лицемъ религіи, которой требованія онъ зналъ лучше другихъ, онъ не смѣлъ оправдываться, и въ отчаяніи обнаруживалъ страшныя язвы души своей. Человѣкъ привыкъ видѣть въ тѣлѣ своемъ и его страстяхъ начало внѣшнее и враждебное: отсюда стремленіе подавлять тѣлесныя страсти тѣлесными же, внѣшними подвигами благочестія, отсюда пристрастіе Грознаго къ этимъ подвигамъ; но тѣло очищается чистотою душевною, и тѣлесныя страсти умолкаютъ тогда, когда душа исполнена высокихъ помысловъ, а душа Грознаго постоянно волновалась гнѣвомъ, подозрѣніемъ, презрѣніемъ: при такомъ состояніи души успѣшная борьба его съ испорченною въ дѣтствѣ тѣлесною природою была не возможна. Къ безстыднымъ ласкателямъ, жившимъ на счетъ его слабостей, къ этимъ Вяземскимъ и Грязнымъ царь не могъ не питать презрѣнія: но въ тоже самое время онъ не могъ равнодушно сносить не только гласнаго укора, но даже грустнаго молчанія людей, оскорбленныхъ его поведеніемъ, потому что въ этомъ онъ видѣлъ посягновеніе на свои права, которыя отстаивалъ отъ притязаній старины; онъ немогъ отдѣлить укора на безнравственность человѣка отъ возстанія на власть царя, потому что бояринъ, укорившій его, не былъ чистъ отъ старинныхъ притязаній, и укоръ, слѣдствіе благороднаго негодованія, доброжелательства къ царю, казался послѣднему дерзостію дружинника;

«который думалъ, что царь не могъ ничего дѣлать безъ его совѣта; боярин выразилъ свое неудовольствіе, а единственное право дружинниковъ, за которое они стояли такъ упорно, было—при первомъ неудовольствіи отъѣзжать: вотъ почему Грозный, какъ скоро встрѣчалъ недовольное лице боярина, уже видѣлъ въ немъ человѣка, замыслившаго отъѣздъ, и спѣшилъ предупредить измѣнника». (Стр. 623, 624.)

Къ этимъ словамъ трудно что-нибудь прибавить. Идеализація конечно есть; есть даже фразы и разсужденія далеко не вѣрныя; но видно, что путь, которымъ идетъ г. Соловьевъ, разсуждая объ Іоаннѣ, единственно ведущій къ правильному обсужденію Грознаго и его времени. Истина лежитъ въ его словахъ и проступаетъ на каждомъ шагу.

Рѣчь, произнесенная Іоанномъ митрополиту и народу на лобномъ мѣстѣ, вызвана была, по мнѣнію автора, желаніемъ Грознаго прервать союзъ народа съ боярами.

«Скоро послѣ вѣнчанія на царство Иванъ женился на дочери покойнаго окольничаго Романа Юрьевича Захарьина; царю было тогда семнадцать лѣтъ. Самыми приближенными къ нему особами были дяди его Глинскіе, и потомъ новые родственники по женѣ, Романовы: имъ только могъ довѣрять вполнѣ царь по единству интересовъ; вотъ почему обѣ эти фамиліи возбудили противъ себя ненависть остальныхъ бояръ. Къ несчастію старые и новые родственники, Глинскіе и Романовы, соперничали между собою, а съ другой стороны Глинскіе успѣли раздражить и народъ, потворствуя насиліямъ слугъ своихъ. Вслѣдствіе этого, въ 1548 году, бояре, ненавидѣвшіе Глинскихъ, и не могшіе теперь свергнуть ихъ ни насиліемъ, ибо не имѣли болѣе силы, ни посредствомъ царя, ибо тотъ не довѣрялъ имъ, воспользовались страшнымъ пожаромъ для возмущенія народа противъ Глинскихъ: Юрій Глинскій былъ умерщвленъ разъяренною чернію, которая бросилась было и въ село Воробьево, гдѣ жилъ тогда царь, съ требованіемъ выдачи другихъ Глинскихъ; но была разогнана строгими мѣрами, принятыми Грознымъ».

«До сихъ поръ Иванъ былъ занятъ только отношеніями къ боярамъ; но теперь бояре вздумали осоюзиться съ народомъ, употребить народъ для достиженія своихъ цѣлей: Царь увидалъ опасность и хотѣлъ прервать этотъ союзъ. Послѣ похода на Казань, продолжать который помѣшала ему оттепель, Иванъ, въ 1549 году, велѣлъ «собрати свое государство изъ городовъ всякаго чину».

Превосходно разобраны отношенія Іоанна къ Сильвестру — по Карамзину, чудесныя, необыкновенныя.

Не одного Адашева взыскалъ царь ради помощи душѣ своей; сильную помощь этой растерзанной душѣ оказалъ въ началѣ Сильвестръ, священникъ Благовѣщенскаго дворцоваго собора, родомъ Новгородецъ. По своему званію священника дворцовой церкви, Сильвестръ безпрестанно былъ на глазахъ у Ивана, а замѣчательная личность этого человѣка, рѣзко выдававшаяся изъ толпы людей, занятыхъ одними мелкими интересами и крамолами, не могла не обратить на него вниманіе государя. Что вліяніе Сильвестра началось давно, доказательствомъ служитъ извѣстіе, что по мысли его было освобождено изъ темницы семейство князя Андрея Старицкаго, а это освобожденіе имѣло мѣсто еще въ 1541 году. Чѣмъ болѣе выросталъ Иванъ и приходилъ въ сознаніе своего положенія, тѣмъ болѣе прилѣплялся къ Сильвестру и усиливалось вліяніе послѣдняго на дѣла. Странно было бы представлять себѣ Сильвестра какимъ-то загадочнымъ сверхъестественнымъ существомъ, явившимся въ первый разъ предъ царя во время большаго московскаго пожара, и такъ напугавшимъ воображеніе Ивана, что тотъ подчинился его вліянію. Не надобно также упускать изъ виду разстояній времени, протекшаго отъ одного событія до другаго: такъ, напримѣръ, если мы помѣстимъ тотчасъ за пожаромъ и появленіемъ Сильвестра созваніе выборныхъ и рѣчь царя на лобномъ мѣстѣ (тогда какъ пожаръ былъ въ 1547 году, а созваніе выборныхъ имѣло мѣсто въ 1549), то этимъ сокращеніемъ времени скроемъ естественное, постепенное развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ царя: чего онъ немогъ сознать вполнѣ и совершить въ 17 лѣтъ, то онъ сознаетъ и совершаетъ въ 19: это ясно! Но при этомъ ясно также, что поступки Ивана были слѣдствіемъ его естественнаго, самостоятельнаго развитія, а не совершались подъ исключительно чуждымъ вліяніемъ. Сильвестръ и Адашевъ были давно въ глазахъ царя, но не имѣли большаго вліянія на дѣла, потому что самъ царь еще не имѣлъ его; съ возрастаніемъ же Ивана возрастало вліяніе этихъ двухъ людей, которыхъ онъ взыскалъ на помощь душѣ своей, по его собственному выраженію. Нравственное вліяніе обоихъ, и Сильвестра и Адашева, на царя, нравственная помощь отъ нихъ душѣ его безспорна; сильная религіозность Ивана давала особенно Сильвестру большую власть надъ нимъ по самому сану его: въ дѣлахъ касающихся религіи и нравственности Иванъ слушался Сильвестра, какъ добрый христіянинъ слушается духовнаго отца, достойнаго служителя алтаря. Привыкнувъ совѣтоваться и слушаться Сильвестра въ дѣлахъ религіозныхъ и нравственныхъ, питая къ нему довѣренность неограниченную, царь не могъ не совѣтоваться съ нимъ и въ дѣлахъ политическихъ: но здѣсь-то и начало борьбы между царемъ и Сильвестромъ. Сильвестръ относительно ясности политическаго взгляда былъ несравненно ниже Ивана; но, привыкши требовать исполненія своихъ религіозныхъ и нравственныхъ совѣтовъ отъ него, какъ отъ частнаго человѣка, Сильвестръ требовалъ исполненія и своихъ политическихъ совѣтовъ, тогда какъ царь не могъ *своихъ* свѣтлыхъ государственныхъ мыслей принести въ жертву уваженію сво-

ему къ Сильвестру: отсюда тягость, которую началъ чувствовать государь отъ несправедливыхъ притязаній Сильвестра, напримѣръ Иванъ первый зачалъ въ себѣ великую мысль, что Россія можетъ утвердить свое могущество и не бояться Востока только тогда, когда усвоитъ себѣ плоды европейской цивилизаціи, для чего необходимо непосредственное сношеніе съ Европою, которому неодолимую преграду поставлялъ Ливонскій орденъ, не пускавшій въ Россію ученыхъ и художниковъ изъ справедливаго опасенія ея могущества; отсюда твердое намѣреніе царя покорить Ливонію. Противъ этого намѣренія возстала вся дума и особенно Сильверстръ: они совѣтовали царю завоевать Крымъ, что необходимо должно было повлечь къ борьбѣ съ Турціею, которой трепетала еще вся Европа, и противъ которой у тогдашняго Московскаго государства, разумѣется. не было никакихъ средствъ къ сопротивленію; Иванъ понималъ всю безразсудность этого совѣта и отвергъ его, преслѣдуя войну Ливонскую. Какъ же поступилъ Сильвестръ въ этомъ случаѣ? Онъ не постыдился говорить царю, что болѣзнь его, его жены и дѣтей есть Божіе наказаніе за то, что онъ не слушается его совѣтовъ. Такъ употреблялъ во зло Сильвестръ довѣренность Ивана! Мало того: онъ употреблялъ во зло глубокое религіозное чувство царя, позволивъ себѣ обмануть его какими-то ложными видѣніями. Кто изучалъ сколько-нибудь душу человѣческую, тотъ знаетъ, что всѣ возможныя оскорбленія прощаются гораздо легче, чѣмъ обманъ, потому что при послѣднемъ оскорбитель разсчитываетъ на слабоуміе оскорбляемаго, а такой разсчетъ простить трудно!... Наконецъ неблагоразуміе Сильвестра и его стороны нанесло самый тяжкій ударъ сердцу царя. Въ 1553 году Иванъ опасно занемогъ: ему предложили сдѣлать духовную и взять клятву въ вѣрности сыну своему, младенцу Димитрію, съ кн. Владиміра Андреевича Старицкаго и бояръ. Но тутъ-то обнаружились съ одной стороны притязанія родичей, князей удѣльныхъ, съ другой притязанія бояръ; двоюродный братъ царскій, Владиміръ Андреевичъ не замедлилъ выставить свои права на престолъ по смерти Ивана, мимо племянника Димитрія, вопреки новому обычаю престолонаслѣдія, за который такъ стояли всѣ московскіе князья. Что удѣльный князь выставилъ устарѣлое право, тутъ нѣтъ еще ничего удивительнаго: есть преданія, есть понятія, отъ которыхъ нельзя освободиться, которые родятся съ нами и умираютъ съ нами вмѣстѣ: такъ удѣльныя преданія вымерли только съ послѣднимъ удѣльнымъ княземъ; но удивительно только то, что Сильвестръ сталъ на сторонѣ старыхъ притязаній, на сторонѣ удѣльнаго князя, руководствуясь мелкимъ духомъ партій. Сильвестръ, пользуясь неограниченною довѣренностію царя въ выборѣ людей, необходимо, еслибъ даже и не хотѣлъ того, долженъ былъ составить при дворѣ и во всѣхъ частяхъ управленія многочисленную и сильную партію людей, которые будучи обязаны ему своимъ возвышеніемъ, своими должностями, раздѣляли съ нимъ одни стремленія; такъ изъ дошедшихъ до насъ актовъ извѣстно, что царь, избирая какого-нибудь сановника, посылалъ

Сильвестра поговорить съ нимъ, извѣдать его умъ и нравы. Ясно, что довѣренность царя къ Сильвестру раздѣляли всѣ сторонники послѣдняго. Вліяніе этой партіи могло встрѣтить препятствіе только въ одномъ близкомъ къ царю семействѣ Романовыхъ: отсюда ненависть Сильвестровыхъ сторонниковъ къ царицѣ Анастасіи и ея родственникамъ, ненависть, которая, разумѣется, не могла не вызвать и со стороны Романовыхъ подобнаго же чувства. Сторонники Сильвестра сравнивали Анастасію съ Евдокіею, женою византійскаго императора Аркадія, гонительницею Златоуста, разумѣя подъ Златоустымъ Сильвестра; Курбскій называетъ Романовыхъ клеветниками и нечестивыми губителями всего Русскаго царства. И вотъ въ случаѣ смерти царя и во время малолѣтства сына его, правительницею будетъ Анастасія, которая, разумѣется, дастъ большое вліяніе своимъ братьямъ, и сторонники Сильвестра объявляютъ рѣшительно, что они не хотятъ повиноваться Романовымъ, и потому признаютъ наслѣдникомъ престола Владиміра Андреевича» (стр. 633—640).

«Но всѣ эти крамолы остались тщетными: царь выздоровѣлъ. Онъ всталъ съ постели здоровый тѣломъ, но жестоко больной душею, жестоко оскорбленный, какъ государь, сопротивленіемъ бояръ государственному уставу престолонаслѣдія, оскорбленный какъ отецъ, какъ мужъ, наконецъ какъ человѣкъ, обманувшійся въ чувствахъ людей, которыхъ считалъ къ себѣ близкими, къ которымъ питалъ полную довѣренность. Оправившись отъ болѣзни, царь, по обѣщанію, отправился на богомолье въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь; но при этомъ у него была еще другая цѣль. Еще начиная съ княженія Ивана III, монахи Іосифова Волоцкаго монастыря играютъ важную роль въ дѣлахъ московскаго двора. Св. Іосифъ Волоцкій прославился своею борьбою съ жидовскою Схаріевою ересью, начавшеюся при Иванѣ III въ Новгородѣ, перешедшею оттуда въ Москву и утвердившеюся при дворѣ: отсюда дѣло этой ереси совпадаетъ съ придворными перемѣнами, имѣвшими мѣсто въ княженіе Ивана III. Великая Княгиня Елена, вдова Ивана молодаго и мать Димитрія принадлежали къ Схаріевой ереси; но за Елену стояли бояре, Курбскій называетъ ее святою; пока Елена и ея партія были въ силѣ, до тѣхъ поръ была въ силѣ и ересь: еретикъ Зосима, Симоновскій архимандритъ, сталъ митрополитомъ; увѣщаній Іосифа Волоцкаго не слушали; съ открытыми еретиками въ Новгородѣ обошлись милостиво. Паденіе Елены и ея партіи были знакомъ къ преслѣдованію еретиковъ и торжеству Іосифа, слѣдовательно, послѣдній, борясь противъ ереси, долженъ былъ вмѣстѣ бороться противъ Елены и ея партіи, т. е. партіи боярской, и съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо былъ на сторонѣ Софьи и ея сына Василія. Отсюда ненависть бояръ къ монахамъ Іосифова Волоцкаго монастыря, которые постоянно находятся на сторонѣ Василія въ борьбѣ его съ боярами; вотъ почему Курбскій называетъ этихъ монаховъ или Осифлянъ, по его выраженію, подобными въ злости в. князю Василію, скорыми помощниками его, и во всѣхъ злыхъ потаковниками и подражателями. Игуменъ Іо-

сифова монастыря, Даніилъ, былъ возведенъ при Василіи въ санъ митрополита; другой монахъ того же монастыря, Вассіанъ Топорковъ, сдѣланъ епископомъ Коломенскимъ: оба, вѣрные преданію своего монастыря, стояли на сторонѣ Василія въ борьбѣ его съ древними притязаніями, и оба потому были ненавидимы боярами. Курбскій называетъ Даніила, прегордымъ и лютымъ; Берсень говорилъ объ немъ: «Язъ того не вѣдаю, есть ли митрополитъ на Москвѣ: учительна слова отъ него нѣтъ никотораго, а не печалуется ни окомъ; а прежніе святители сидѣли на своихъ мѣстахъ въ манатьяхъ и печаловались Государю о всехъ людехъ». Но этотъ упрекъ Берсеня митрополиту Даніилу въ томъ, что онъ пренебрегалъ своею обязанностію печаловаться у государя за опальныхъ бояръ, несправедливъ: до насъ дошло 6 записей боярскихъ, въ которыхъ Даніилъ является печальникомъ за провинившихся бояръ и своимъ ручательствомъ освобождаетъ ихъ отъ опалы. Какъ бы то ни было, по смерти Василія и Елены бояре воспользовались своимъ торжествомъ, чтобы свергнуть Даніила и Вассіана; но послѣдній пересилилъ боярщину, и въ описываемое нами время находился въ Пѣсношскомъ монастырѣ: къ нему-то, къ этому ненавистнику бояръ, спѣшилъ Иванъ. Партія Сильвестра предвидѣла всю опасность для себя отъ этого свиданія и спѣшила воспрепятствовать ему. Въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ жилъ тогда знаменитый Максимъ Грекъ, врагъ Даніила и Вассіана, заточенный при Василіи за сопротивленіе разводу съ Соломоніею, освобожденный при Иванѣ стараніемъ Сильвестровой стороны, которая теперь употребляетъ его средствомъ для отклоненія царя отъ поѣздки, т. е. отъ свиданія съ Вассіаномъ. Когда царь, по пути, заѣхалъ въ Троицкій монастырь и зашелъ къ Максиму, тотъ началъ уговаривать его отложить дальнѣйшую поѣздку; Максимъ говорилъ Ивану, что вмѣсто путешествія онъ долженъ озаботиться вдовами и сиротами воиновъ, падшихъ подъ Казанью; совѣтъ былъ прекрасенъ, но царь не могъ понять, почему исполненіе обѣта съѣздить въ Кирилловъ монастырь можетъ помѣшать ему озаботиться семействами убитыхъ подъ Казанью воиновъ, почему одно было несовмѣстно съ другимъ? «Если ты меня не послушаешь, грозилъ ему Максимъ, если позабудешь осиротѣлыя семейства и поѣдешь съ упрямствомъ, то сынъ твой не возвратится живой съ дороги». Такая настойчивость могла только возбудить или усилить уже возбужденныя подозрѣнія Ивана, и онъ отправился на свиданіе съ Вассіаномъ. Сторонники Сильвестра, сопровождавшіе царя, замѣтили, какъ Вассіанъ шепталъ что-то царю на ухо, знали, что совѣтъ его не можетъ быть для нихъ благопріятенъ, и съ ужасомъ видѣли, что царь изъявилъ за него Вассіану живѣйшую благодарность; Курбскій пишетъ, будто Вассіанъ сказалъ царю: «Если хочешь быть самодержцемъ, то не держи себѣ совѣтника мудрѣйшаго». Разумѣется, это одна только догадка бояръ, потому что если кто шепчетъ на ухо, то вѣрно не съ намѣреніемъ, чтобъ другіе это слышали. Смерть царицы Анастасіи, послѣдовавшая въ 1560 году, повела къ оконча-

тельному разрыву между царемъ и Сильвестровою партіею. Самое естественное чувство послѣ потери любимаго человѣка — это усиленная привязанность къ тому, что любилъ покойный, и усиленная вражда къ тому, чего не любилъ; но Иванъ зналъ вражду, существовавшую между Анастасіею и Сильвестровою стороною; враги послѣдней не замедлили дать знать царю, что смерть Анастасіи была чрезвычайно выгодна для враговъ ея; Иванъ помнилъ, что мать его была отравлена, и не могъ не заразиться подозрѣніемъ, особенно въ то ужасное время; кто, подобно Курбскому, съ такою щедростію расточаетъ другимъ обвиненія въ отравѣ, тотъ не долженъ жаловаться, что его и друзей его подозрѣвали въ томъ же!» (стр. 645—650).

Взглядъ г. Соловьева на отношенія Іоанна къ Курбскому чрезвычайно оригиналенъ; въ нихъ авторъ видитъ выраженіе борьбы стараго порядка вещей съ новымъ:

«Всего любопытнѣе для насъ переписка отъѣхавшаго боярина, кн. Андрея Курбскаго съ царемъ. Въ письмахъ своихъ къ Ивану, равно какъ въ исторіи его царствованія, Курбскій вполнѣ обнаруживаетъ старинныя притязанія дружинниковъ, и преимущественно потомковъ князей-родичей; съ своей стороны, въ отвѣтныхъ письмахъ царь высказываетъ свои понятія о царской власти, свою теорію объ ней. Въ этой драгоцѣнной перепискѣ передъ нами говорятъ старая и новая Русь, Русь съ родовымъ бытомъ и Русь съ бытомъ государственнымъ говорятъ въ лицѣ своихъ представителей — Курбскаго, отъѣзжаго боярина, потомка Ярославскихъ князей, и Ивана, В. К. Московскаго, перваго царя. Такимъ образомъ вмѣсто сухой, мертвой лѣтописи, гдѣ лѣтописецъ очень часто опускаетъ самое важное для насъ, въ сочиненіяхъ Курбскаго и особенно въ его перепискѣ съ царемъ мы имѣемъ живую, страстную рѣчь двоихъ борцовъ, двоихъ представителей противоположныхъ стремленій; вмѣсто лѣтописца, который такъ часто скрадываетъ причины явленій, Курбскій и царь высказываютъ намъ свои задушевныя мысли, свои чувства, руководившія ихъ поступками, раскрываютъ тайныя пружины борьбы. Разумѣется безпристрастія въ исторіи Курбскаго и въ перепискѣ его съ царемъ искать нельзя: оба — и царь, и Курбскій суть не иное что, какъ адвокаты своего дѣла; рѣчь ихъ страстна, они щедры на сильные эпитеты, щедры на неумѣренную брань чужимъ, на неумѣренную похвалу своимъ. Мы упоминали уже о старинныхъ притязаніяхъ дружинниковъ, вынесенныхъ ими изъ древней Руси, о притязаніяхъ на обычай совѣта и права отъѣзда. Адвокатъ этихъ дружинныхъ притязаній, Курбскій ясно высказываетъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ». (Стр. 655 и 656).

«Оба не безпристрастны, оба преувеличиваютъ, оба противорѣчатъ самимъ себѣ. Надобно вѣрить однимъ несомнѣннымъ фактамъ, а эти факты показы-

ваютъ: во 1) что Иванъ былъ не трусъ (хотя личная храбрость въ государѣ не есть еще важное достоинство, часто даже недостатокъ), и что его вовсе не нужно было везти въ походъ какъ плѣнника, и удерживать отъ бѣгства хотяща нехотяща (какъ говоритъ Курбскій). Этотъ же самый Иванъ взялъ Полоцкъ, когда уже при немъ не было людей, могущихъ вести его какъ плѣнника; правда, послѣ Иванъ, не водилъ самъ полки въ походъ и удалялся при первомъ извѣстіи о приближеніи непріятеля: но это было уже тогда, когда воеводы начали признаваться въ записяхъ, что они наводили враговъ на Русскую землю; во 2) что когда Сильвестръ владѣлъ полною довѣренностію царя, и тогда послѣдній не былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Сильвестра и его сторонниковъ, но всегда сохранялъ полную свободу слѣдовать и не слѣдовать совѣтамъ этой стороны, и когда слѣдовалъ, то съ яснымъ сознаніемъ ихъ пользы, и слѣдовательно все добро, сдѣланное Сильвестромъ и его стороною, принадлежитъ царю, который сознательно, съ полною свободою принималъ добрые совѣты и отвергалъ безразсудные. Я уже упоминалъ о войнѣ Ливонской, которую Иванъ предпринялъ противъ желанія Сильвестровой стороны, хотѣвшей покоренія Крыма; но вотъ еще другіе примѣры: послѣ взятія Казани, говоритъ Курбскій, всѣ мудрые и разумные, т. е. Курбскій съ товарищи, совѣтовали царю остаться еще нѣсколько времени въ Казани, дабы совершенно окончить покореніе страны, но царь совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ непослушалъ; послушалъ же совѣта шурей своихъ (т. е. Романовыхъ). Это ясно показываетъ, что Иванъ имѣлъ полную свободу поступать по совѣту тѣхъ или другихъ, ненаходясь подъ исключительнымъ вліяніемъ какой-нибудь стороны. Потомъ, когда въ 1555 году царь выступилъ противъ крымскаго Хана и пришла къ нему вѣсть, что одно русское ополченіе уже разбито Ханомъ, то многіе совѣтовали ему возвратиться, но храбрые настаивали на томъ, чтобъ встрѣтить Татаръ, и царь склонился на совѣтъ послѣднихъ, т. е. на совѣтъ сторонниковъ Сильвестра, потому что когда Курбскій хвалитъ, то хвалитъ своихъ; при чемъ надобно замѣтить, что это событіе имѣло мѣсто уже послѣ болѣзни царя, когда онъ потерялъ расположеніе къ сторонѣ Сильвестра.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Иванъ въ одномъ случаѣ дѣйствуетъ по совѣту однихъ, въ другомъ — другихъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ слѣдуетъ независимо своей мысли, выдерживая борьбу съ близорукими совѣтниками. Но намъ не нужно много распространяться объ этомъ предметѣ никакое подыскиваніе подъ слова Ивана, съ цѣлію отнять у него славу великаго государственнаго дѣятеля и приписать ее совѣтникамъ его, никакое подыскиваніе такого рода не можетъ устоять противъ свидѣтельствъ современниковъ и людей, близкихъ къ нимъ, иностранцевъ и Русскихъ, которые всѣ единогласно величаютъ великій умъ царя, его неутомимую дѣятельность, его правосудіе». (Стр. 677—678).

Разборъ переписки Іоанна съ Курбскимъ исполненъ интереса; вездѣ приведены мѣста, живо характеризирующія борьбу, которой оба противники были представителями. Авторъ на каждомъ шагу слѣдитъ за тѣмъ и другимъ, читаетъ между строками переписки ихъ тайныя побужденія, страсти, волнующія обоихъ, искажающія подъ ихъ перомъ событія и ихъ истинный смыслъ. Это раскрытіе внутренняго психологическаго процесса двухъ противниковъ сдѣлано съ удивительнымъ знаніемъ дѣла, талантомъ, живымъ интересомъ къ предмету. Въ г. Соловьевѣ Іоаннъ IV нашелъ достойнаго адвоката передъ нашимъ временемъ, которое глубже привыкло смотрѣть на исторію, произносить болѣе строгіе и болѣе осторожные, осмотрительные приговоры; раздѣляя съ авторомъ большую часть его мнѣній о великомъ предшественникѣ и образцѣ Петра въ дѣлѣ преобразованій, мы не умѣемъ иначе выразить впечатлѣніе, произведенное на насъ его остроумной, превосходной критикой переписки.

Ужасно было состояніе Іоанна въ самый разгаръ борьбы его съ старымъ порядкомъ вещей. Онъ былъ вовлеченъ въ нее вполнѣ, всѣми силами души, всѣмъ существомъ. Для него въ ней рѣшался не вопросъ о какомъ-нибудь отвлеченномъ началѣ, которое можно и отложить на время или и совсѣмъ оставить, а вопросъ о жизни и смерти, столько же общій, государственный, сколько и личный, касающійся непосредственно самого царя. Судя Іоанна, не должно этого забывать ни на минуту. Мы видимъ теперь только дѣло, результатъ историческаго развитія, движущее начало: намъ легко съ важностію судить дѣйствіе и отдѣлять дѣло отъ лица, но въ жизни, въ историческомъ явленіи, они смѣшиваются безпрестанно; тѣмъ болѣе должны были смѣшиваться въ Московскомъ царствѣ XVI вѣка, при совершенномъ отсутствіи сколько-нибудь выработаннаго и *сознательнаго* общественнаго быта. Іоаннъ былъ живымъ носи-

телемъ новой идеи, которая была тогда на очереди въ древней Руси по внутреннему, естественному порядку развитія. Отстаивая ее, онъ отстаивалъ себя. Въ 1572 году, какъ видно изъ его духовнаго завѣщанія, составленнаго въ это время, онъ «былъ вполнѣ убѣжденъ, что самъ онъ и его семейство непрочны на Московскомъ престолѣ, считалъ себя изгнанникомъ, а государство въ военномъ положеніи, до тѣхъ поръ, пока онъ съ своею опричиною не истребитъ враждебныя начала и не утвердится снова на престолѣ; при этомъ онъ не предвидѣлъ еще близкаго конца борьбѣ и въ духовной дѣлаетъ наставленія сыновьямъ, какъ они должны жить до ея окончанія» (стр. 687 и 688).

Въ этомъ наказѣ наше вниманіе обращаетъ, во первыхъ, желаніе царя, чтобы дѣти его не раздѣлялись до тѣхъ поръ, пока старшій изъ нихъ, Иванъ, не сломитъ всѣхъ крамолъ и не утвердится на престолѣ; ибо, въ противномъ случаѣ, удѣльный князь будетъ самымъ вѣрнымъ орудіемъ въ рукахъ недовольныхъ. Во вторыхъ въ своемъ завѣщаніи Грозный не довольствуется уже, подобно предшественникамъ, однимъ неопредѣленнымъ приказомъ младшему сыну держать старшаго въ отца мѣсто; онъ опредѣляетъ, въ чемъ должно состоять это сыновнее повиновеніе: младшій долженъ быть въ волѣ старшаго до крови и до смерти, ни въ чемъ не прекословить, а въ случаѣ обиды отъ старшаго, не смѣть поднимать противъ него оружіе; этимъ приказомъ Грозный уничтожаетъ de jure междоусобія въ царскомъ семействѣ, ставитъ младшаго брата въ совершенно подданническія отношенія къ старшему; теперь уже младшіе братья не смѣютъ сказать старшему, подобно древнимъ Ольговичамъ: Ты намъ братъ старишій, аже ты не даси, о намъ самѣмъ о собѣ поискати. Однимъ словомъ, этимъ приказомъ Грозный дорушиваетъ родовой бытъ, родовыя отношенія между князьями». (Стр. 692.)

Такова книга г. Соловьева. Кто безпристрастно прочтетъ ее или хоть выписки, нами сдѣланныя, тотъ конечно не скажетъ, что мы воздали ей незаслуженныя похвалы. Посреди отсталыхъ теорій, скучныхъ и вдобавокъ весьма часто безплодныхъ, ни къ чему не ведущихъ изысканій, она рѣзко выдается, какъ чрезвычайно рѣдкое и въ высшей степени отрадное исключеніе. Читатели видѣли, что мы во многомъ не согласны съ авторомъ; въ его изложеніи встрѣчаемъ натяжки, неестественные выводы, не вполнѣ удовлетворительное пониманіе среды, въ которой совершалась наша исторія, и потому событія и лица не всегда правильно освѣщены; во всей книгѣ замѣтна какая-то идеализація фактовъ, перенесеніе ихъ въ сферу высшую той, въ которой они на самомъ дѣлѣ совершались; оттого разсказъ не довольно простъ и отзывается фразой, бѣгущей на помощь къ недѣйствительности воззрѣнія; но нельзя не сказать, къ чести г. Соловьева, что всѣ эти недостатки гораздо менѣе чувствительны во второй половинѣ его труда, чѣмъ въ первой, а въ послѣднемъ отдѣлѣ едва замѣтны при самомъ внимательномъ чтеніи. Отъ главы до главы авторъ видимо растетъ, идетъ впередъ, воззрѣніе его становится глубже и проще—признаки силы и долговѣчности таланта. Такіе задатки даютъ намъ право ожидать еще бо̀льшаго въ будущемъ отъ г. Соловьева. Безъ сомнѣнія, наши ожиданія сбудутся.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

—

2

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ И РЕЦЕНЗІИ.

Стр.

Синбирскій сборникъ, Валуева, Т. I. (Отеч. Зап. Т. 41 Библ. Хрон. № 222 3

Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, историческое изслѣдованіе С. Соловьева. (Отеч. Зап. Т. 43, Библ. Хрон. № 387). 19

Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ, Валуева Т. I. (Отеч. Зап. Т. 47. Крит. стр. 1—28). 38

О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси, С. Соловьева (Отеч. Зап. Т. 47 Библ. Хрон. № 221 стр. 27—31). . . . 89

Изслѣдованія о Русской Правдѣ, Калачова ч. 1. (Отеч. Зап. Т. 50, Библ. Хрон. № 59. 98

Историко-критическіе отрывки, Погодина (Отеч. Зап. Т. 50, Крит. стр. 18—38 110

Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи Погодина (Отеч. Зап. Т. 50, Крит. стр. 39—76. Тамъ же, Т. 51 Крит. стр. 1—47). 146

Взглядъ на русскую литературу по части русской исторіи за 1846 (Соврем. Т. I. Крит. и Библ. стр. 41—52) 299

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ Кн. 5 (Совр. Крит. и Библ. Т. 2 стр. 1—38) Кн. 6 и 7 (Т. 3, стр. 1—23) Кн. 8 (Т. 3, стр. 69—83) Кн. 9 (Т. 4, стр. 84—96). 345

Стр.

Речи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Импер. Московскаго университета 17 іюня 1847 г. (Отеч. Зап. Т. 52, Библ. и Хрон. № 234) 432

Памятники, издаваемые временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ Т. 2. (Совр. Т. 3, Крит. и Библ. стр. 23—36). . . . 434

Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова рода. соч. С. Соловьева (Совр. Крит. и Библ. Т. 4, стр. 43—58; Т. 6, стр. 161—221; Т. 9, стр. 1—48). 454

263406

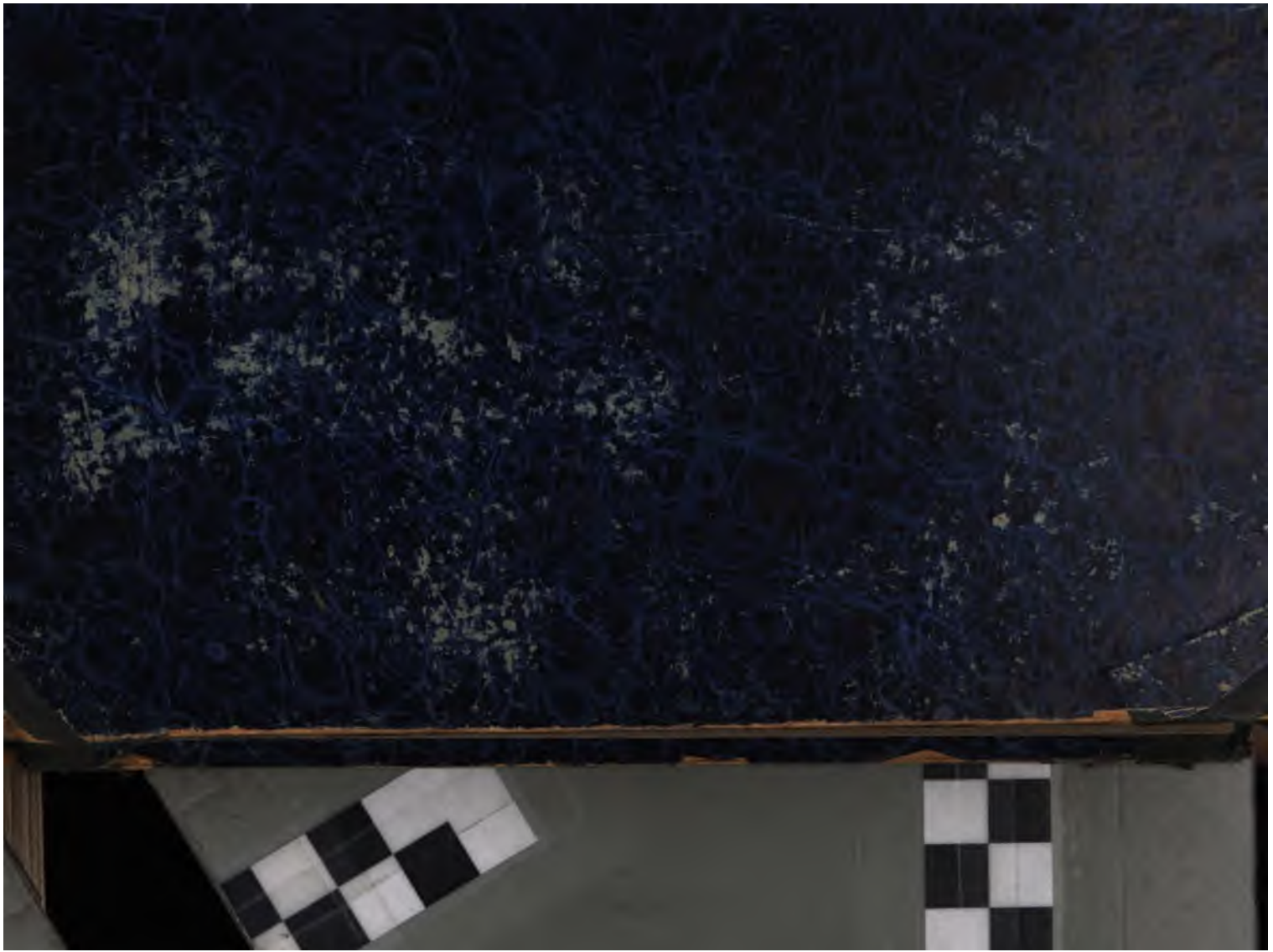
Stanford University Libraries
3 6105 013 727 313

AC
65
.K34
1859
v.2

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6063
(650) 723-1493
greencirc@stanford.edu

All books are subject to recall.

DATE DUE

JAN 10 2006
NOV 04 2005

Hc